

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

C

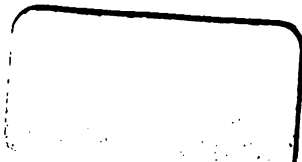
534,222

PROPERTY OF

*University of
Michigan
Library*

1817

ARTES SCIENTIA VERITAS

Vertical line on the left side of the page.

Vertical line on the left side of the page.

Грушевскій, Михайло.

М. ГРУШЕВСКІЙ.

ОЧЕРКЪ

Ocherki istorii Kievskoj zemli.

ИСТОРИИ КІЕВСКОЙ ЗЕМЛИ

отъ смерти Ярослава до конца XIV столѣтія.

То есть старинный градь въ земли
по всей — Киевъ.

Начальная лѣтопись.

Кіевъ.

Типографія ИМПЕРАТОРСКАГО Университета Св. Владимира В. I. Заводнаго,
В.-Васильковская ул., д. № 29—31.

1891.

D. T. F. M. S.

53

DK
80
.H27
189/a

0.5093-7.0

THE UNIVERSITY OF CHICAGO
LIBRARY

THE LIBRARY OF CONGRESS
PHOTODUPLICATION SERVICE
WASHINGTON 25, D. C.

М. ГРУШЕВСКІЙ.

ОЧЕРКЪ ИСТОРИИ КІЕВСКОЙ ЗЕМЛИ

отъ смерти Ярослава до конца XIV столѣтія.

То есть старинный градъ къ землѣ
по имени — Кіевъ.

Начальная лѣтопись.

Кіевъ.

Типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра В. І. Завадскаго.
Б. Васильковская ул., д. № 29—31.

1891.

DK 80
H 718

Отискъ изъ Университетскихъ Извѣстій 1891 года.
Печатно по опредѣленію Совѣта Университета св. Владиміра.

50249d

15, 36

1891. 12. 11. 10 -

TF Aug. 9, 62

Отцу и матери

эту историю родной земли

благословенно посвящает авторъ.

Вспомнітьъ дни юности, и лѣта ютѣна помянуть, и повѣсти: юбно сѣдрыхъ
нѣтъ гнѣвѣся, и тѣмѣе дѣхъ мой. Едѣ во ютѣи Фрѣнеть Гдѣ, и не врижнѣтъ
спросити нѣни; Нѣи до ютѣи милость свою отскѣтъ; спонѣ глѣголь ѿ рода ѿ
родѣ; Едѣ хлѣдетъ вридрити БГѣ; нѣи вдернѣтъ во глѣкъ своимъ вридрѣты свои:
И рѣтъ: нѣи нѣтъ: сѣи нѣи нѣи десниѣи Кнѣниаго. Жал. ѿз.

Предлагаемая работа написана была на тему, предложенную историко-филологическимъ факультетомъ университета св. Владимира; она такимъ образомъ входитъ въ серію областныхъ монографій по русской исторіи, появлявшихся на страницахъ Извѣстій и Сборника сочиненій студентовъ университета, какъ Очеркъ извѣстій о Подольской землѣ до 1434 г. Н. Молчановскаго, Исторія Сѣверской земли до пол. XIV в. П. В. Голубовскаго и Д. И. Багалѣя, Очеркъ исторіи Волинской земли до конца XIV в. А. Андрияшева.

Думаю, что въ настоящее время было бы совершенно излишнимъ трудомъ объяснять пользу и необходимость областныхъ монографій въ русской исторіи: въ недалекомъ будущемъ, вѣроятно, всякая отдѣльная область будетъ имѣть свою специальную исторію. Конечно, и Кіевская земля, болѣе даже, чѣмъ какая-либо другая, имѣетъ вужду въ специальной монографіи, какъ въ виду своей выдающейся роли въ ряду другихъ земель, такъ и въ виду того, что за этою ролью часто оставалась въ тѣни ея, такъ сказать, домашняя исторія. Вопросъ только въ выполненіи задачи...

Въ изслѣдованіи я старался по возможности установить взаимное отношеніе фактовъ внѣшней исторіи, найти ихъ связь съ внутреннею жизнью, угадать характеръ этой послѣдней, подмѣтить своеобразныя отличія исторіи Кіевской земли, выдѣляющія ее изъ ряда другихъ земель, ея, такъ сказать, индивидуальную фязіономію, наконецъ—найти посредствующія звенья, связующія вслѣдующую эпоху кіевской исторіи съ предшествующею и послѣдующею. Nos erat in votis!...

Замѣчу, что уже въ выдѣленіи относящагося сюда историческаго матеріала я встрѣтилъ нѣкоторую специальную трудность. Кіевъ дол-

тое время былъ политическимъ средоточіемъ русскихъ земель, политика его князей того времени обуславливалась не только интересами Кіевской земли, кіевского стола, но и интересами тянувшихъ къ нему волостей. Если эта внѣшняя политика и ея интересы въ значительной степени были чужды для населенія Кіевской земли, то, съ другой стороны, несомнѣнно, что она все же оказывала значительное млівіе на жизнь земли, еще болѣе—самого Кіева; поэтому я не могъ ее вполне игнорировать и только старался выдѣлить то, что ближе касалось Кіева и Кіевщины; но, конечно, твердый критерій въ этомъ отношеніи установить и провести послѣдовательно было довольно трудно.

Далѣе, стремясь главнымъ образомъ къ уразумѣнію взаимной связи и смысла историческихъ фактовъ, я опускалъ подробности въ тѣхъ случаяхъ, когда онѣ не заключали чего-либо интереснаго въ этомъ отношеніи, особенно описанія военныхъ дѣйствій и т. под.; эти подробности и безъ того можно найти въ любой подробной исторіи Руси, а между тѣмъ онѣ разширили бы еще болѣе настоящую работу, и такъ принявшую нежелательно-большіе размѣры. Я ограничивался въ такихъ случаяхъ краткимъ, схематическимъ изложеніемъ. Но въ тоже время я считалъ необходимымъ при составленіи спеціальнаго изслѣдованія подбирать тѣ извѣстія, которыя часто оставляютъ безъ вниманія или касаются лишь слегка общіе курсы, но которыя тѣмъ не менѣе представляютъ какую-либо цѣнность, интересъ для исторіи земли. Я также считалъ нужнымъ подробнѣе останавливаться на фактахъ кіевской исторіи, не объясненныхъ доселѣ или, какъ мнѣ казалось, неправильно истолкованныхъ. Это, естественно, заставляло меня дѣлать отступленія, вдаваться въ детальную критику и нарушать иногда равномерность въ распредѣленіи матеріала.

То же стремленіе принудило меня дать весьма значительное мѣсто гипотетическому элементу. Я полагаю, что съ однимъ „методомъ математическимъ“, въ смыслѣ подведенія итоговъ категорическимъ утвержденіямъ источниковъ, наука не уйдетъ далеко; полагаю, что всякая гипотеза имѣетъ право на существованіе, разъ для нея есть основанія, разъ она въ состояніи объяснить что-нибудь и не противорѣчитъ неоспоримымъ даннымъ науки; полагаю, что никакая гипотеза не повредитъ успѣху изслѣдованія, если предлагается лишь, какъ гипотеза. И гипотетическій элементъ и детальная критика особенно

широко входят у меня въ изложеніе данныхъ послѣдняго періода—отъ монгольскаго нашествія до конца XIV в.: это зависѣло отъ самаго характера нашихъ свѣдѣній относительно этого времени.

При случаѣ я вездѣ дѣлалъ ссылки на бывшую въ моемъ распоряженіи литературу предмета. Весьма немногія изъ нихъ сдѣланы въ смыслѣ указанія на авторитетъ для защиты высказываемаго мною мнѣнія. Часто, прѣдъ самостоятелно къ какому-нибудь заключенію, я находилъ затѣмъ подобную мысль въ какомъ-либо трудѣ,—въ такомъ случаѣ я также дѣлалъ ссылку, чтобы не навлечь подозрѣнія въ присвоеніи чужого.

Довольно много приведено у меня въ примѣчаніяхъ цитаты изъ Татищевскаго свода или указаній на него; я считалъ это необходимымъ въ виду того исключительнаго и доселѣ неопредѣленнаго положенія, какое занимаетъ онъ. Но весьма мало внесъ я изъ него въ свое изложеніе—причиною былъ мой личный взглядъ на трудъ Татищева; по моему мнѣнію, элементъ домысла, иногда тенденціознаго, широко входитъ въ извѣстія его, и послѣднія требуютъ еще самой строгой и кропотливой провѣрки и оцѣнки. Нѣсколько примѣровъ этого характера татищевскихъ извѣстій приведено мною въ разныхъ мѣстахъ настоящей работы; быть можетъ, со временемъ мнѣ удастся подробнѣе развить и обосновать свое воззрѣніе на этотъ предметъ въ отдѣльной работѣ.

Исслѣдованіе распадается на четыре отдѣла. Въ первомъ собраны историко-географическія данныя; главнымъ образомъ я остановился на опредѣленіи территоріи земли и обзорѣ населенныхъ мѣстъ изучаемаго времени; физическаго устройства земли я коснулся лишь слегка, такъ какъ это не требовалось настоятельно задачею настоящаго изслѣдованія, а между тѣмъ потребовало бы немало времени и спеціальныхъ запятій. Второй отдѣлъ, распадающійся на три главы, обнимаетъ обзоръ вѣшней исторіи земли до монгольскаго нашествія. Третій заключаетъ очеркъ политико-общественнаго строя и быта земли на это же время. Не раздѣляя традиціонныхъ мнѣній о фатальномъ значеніи для Кіевщины монгольскаго нашествія, я ставлю этотъ моментъ гранью въ своемъ изслѣдованіи потому, что съ нимъ, по моему мнѣнію, связаны были важныя измѣненія въ политической жизни земли, а также потому, что скудость источниковъ кіевской исторіи, все усиливающаяся съ самаго начала XIII в., заставляетъ наконецъ

платить форму наслідованія: замѣнить связное изложеніе эпизодическимъ. Въ послѣднемъ отдѣлѣ сведены всѣ вообще данныя о Кіевской землѣ отъ монгольскаго нашествія до конца XIV в.; я не нашелъ возможнымъ отдѣлить и здѣсь также данныя внѣшней исторіи отъ данныхъ исторіи внутренней: послѣднихъ слишкомъ мало, а при скудости всѣхъ вообще свѣдѣній о землѣ за этотъ періодъ, приходится привлекать одинаково тѣ и другія данныя, чтобы прослѣдить нѣтъ-нибудь общую судьбу ея.

„Але я, не баяючи предмовою сею, далей въ книгу сію отсылаю для лѣпшого зрозумѣня всѣхъ вашихъ милостей, хто схоже прочитати“¹⁾). Ожидая поправокъ и указаній критики, замѣчу, что многіе недочеты и пробѣлы въ настоящей работѣ мнѣ самому леви; они были неизбежны уже потому, что для нея требовалось болѣе средствъ и времени, чѣмъ было въ моемъ распоряженіи (кое-что было исправлено уже во время печатанія—смотри въ концѣ книги). Но и въ настоящемъ своемъ видѣ работа не могла бы явиться безъ поддержки и сочувствія многихъ лицъ, оказывавшихъ мнѣ помощь своими совѣтами, указаніями, кнптами. Считаю поэтому своею обязанностью принесть глубокую благодарность проф. В. Б. Антоновичу, В. С. Иконникову, П. В. Голубовскому, А. С. Грушевской, А. С. Снявскому и другимъ лицамъ, содѣйствовавшимъ мнѣ въ настоящихъ занятіяхъ; особенно много чувствую себя обязаннымъ проф. В. Б. Антоновичу, съ обычнымъ радушіемъ снабжавшему меня во все время работы научными пособиями и указаніями.

Въ заключеніе, для удобства читателя, прилагаю списокъ источниковъ и пособій, которыми пользовался я при составленіи настоящей работы.

¹⁾ Пол. соб. рус. лѣт. II с. 233.

ИСТОЧНИКИ.

- Лѣтопись по Ипатскому списку, изд. 1871 г.
Лѣтопись по Лаврентьевскому списку, изд. 1872 г.
Лѣтопись Новгородская первая—въ Полномъ собр. рус. лѣтоп. т. III, прибавленія въ ней по сн. Комиссін, Академическому, Толстовскому—въ изд. 1888 г.
Лѣтопись в. кн. литовскихъ (1-ая литовско-русская лѣтопись) въ Ученикѣ Зап. II отд. Академіи Наукъ т. I.
Latorisiec Litwy i Kronika Ruska przez I. Daniłowicza, 1827.
Лѣтопись т. н. Быховца (2-я л.-русс. лѣтопись)—Pomniki do dziejow Litewskich przez Th. Narbutta, 1846.
Лѣтописецъ Переяславля Судальскаго.
Лѣтопись Софійская первая (Софійскій временникъ)—изд. 1820 г. (П. М. Строева).
Лѣтопись Воскресенская т. I и II—въ Полн. собр. р. з. т. VII и VIII.
Лѣтопись Густинская—въ Полн. собр. р. з. т. II.
Лѣтопись Николовская т. I и II (до 1362 г.)—въ Полн. собр. р. з. т. IX и X, т. IV (до 1407 г.)—изд. 1788 г.
Лѣтопись Тверская—Полн. собр. р. з. т. XV.
Лѣтопись Новгородская четвертая—Полн. собр. р. з. т. IV.
Лѣтопись Аврамки—Полн. собр. р. з. т. XVI.
Супрасльская рукопись, изд. Оболенскимъ, 1838 г.
Лѣтопись Псковская первая—Полн. собр. р. з. т. V.
Сборникъ лѣтописей, относящихся къ исторіи Южной и Западной Руси. Киевъ. 1838 г.
Синопись Кіевскій, изд. 1823 г.
Constantini Porphyrogeniti De administrando imperio (Corpus script. hist. Byzant. 1840).
Monumenta Poloniae historica t. I.
Długosi Historiae Polonicae l. XII, ed. 1711 и извлеченіе изъ него—О составѣ русск. лѣтоп. Бестужева-Рюмина.
Cromeri De origine et rebus gestis Polonorum etc. 1568. Basleae.
Guagnini Sarmatae Europaeae descriptio. 1581. Spira.
Strujkowaki Kronika polska, litewska etc. wyd. 1846.
-

- Сказаніе о Борисѣ и Глѣбѣ, изд. Срезневскаго. 1860.
 Чтение о Борисѣ и Глѣбѣ Нестора—въ Читеніяхъ Моск. Общ. Ист. и Древн. Россійск.
 1859 г. кн. I.
 Записки Свюдосія—Ibidem 1858 г. кн. III.
 Записки чудеса св. Николая Мурлинскаго—въ Памятникахъ древней письменности, 1839.
 Записки Печерскій—въ изд. Яковлева (Памятники русск. литерат. XII и XIII в. 1872 г.).
 Слово о полку Игоревѣ—въ изд. проф. Тихонова 1868 г.
 Изъясненія старинной русской литературы.
 Русскія достопамятности т. I, 1815 г.
 Песнь Русской Пряды изд. Калачовымъ, 1881 г.
 Државина по ист. русск. права М. Ф. Владимирскаго-Буданова в. I, изд. 1865 г.
 Словеса зуместившіи къ татарамъ Изякова. 1825 г.
 Мелодри относ. къ ист. Южной Руси т. I, 1890 г.
 Битва Боярца Чертежа изд. Славскаго. 1846 г.

- Литт. относ. къ ист. Западной Россіи, т. I и II.
 Архивъ Юго-Западной Россіи, ч. VII т. I и II.
 Archivum ka. Labartowiczów Sanguszków, t. I.
 Olet epistolarius Vitoldi col. opera A. Prochaska.
 Historica Russiae Monumenta col. a Turgeniewo, v. I.
 Ручонки в. кн. литовскихъ, изд. Антокошемъ и Коллоскинымъ.
 Litterae regni Poloniae et m. d. Lithuaniae ed. Dogiel. 1758.
 Русскія историческая бібліотека изд. Археограф. комиссіею т. VI.
 Soubies diplomatów zebrał I Daniłowicz, t. I—II
 Сборникъ матеріаловъ для историч. топогр. Киева.
 Сборникъ Мухомова изд. 1866.
 Supplementum ad Historica Russiae Monumenta.
 Carta monumenta Poloniae et Lithuaniae ed. Theiner.

ПОСОБІЯ.

- Адрианскій М. Перенетово поле. Киевск. Старина, 1882 г. кн. IX.
 — „Литовскій Юрьевъ. Ibidem 1883 г. кн. IX.
 — Давидова Воженка. Ibidem. 1885 г. кн. VI.
 Андриановъ А. Очеркъ исторіи Волынской земли до конца XIV в.
 Антоновичъ В. В. Монографія по ист. Западной и Юго-Западной Россіи. т. I.
 — „О новонайденныхъ монетахъ съ именемъ Владиміра—въ Трудяхъ III археол. съезда. т. II.
 — „Зміевы валы въ предѣлахъ Киевской земли. Киевск. Старина 1884 кн. III.
 — „Археологическая карта Киевской губерніи и „Объяснительная записка“ къ ней (рукопись).
 — „рефераты и статьи—въ Киевск. Старинѣ 1882 г. кн. VII, 1888 кн. VII, Читеніяхъ Общества Нестора кн. I—V.
 Антоновичъ В. В. и Драголюбовъ М. П. Историческія пѣсни малорусскаго народа т. I.
 Архивъ О промышленности въ древней Руск.

- Аристовъ О землѣ Половецкой, Извѣстія Нѣжинскаго ист.-фил. института за 1877 г.
- Арцибашевъ Повѣствованіе о Россіи т. I.
- Багалѣй Исторія Сѣверской земли до пол. XIV в.
- Барѣбашевъ Витовтъ и его полководца до Грюнвальдской битвы.
— Лѣтописные источники для исторіи Литвы.
- Барсовъ Н. Материалы для ист.-геогр. словаря Россіи. Географическій словарь Русской земли (IX—XIV в.) 1865.
— Очерки русск. истор. географіи. Географія Начальной лѣтописи. Изд. 1885 г.
- Барсовъ Т. Константинопольскій патриархъ и его власть надъ русскою церковью.
- Вактовевичъ Pogląd na stosunki Polski z Turcją i tatarami, Wilno 1860.
- Бережкозь Св. Владимиръ—строитель городовъ, въ Читеніяхъ общества Нестора т. II.
- Вестужевъ-Рошинъ О составѣ русскихъ лѣтописей.
— Русская исторія т. I и II.
- Бурачковъ Замѣтки по ист. геогр. южнорусскихъ стеной — Киевская Стар. 1886 кн. IV.
- Вѣляевъ Разсказы изъ русской исторіи т. I.
— Крестьяне на Руси. 1860.
- Вѣляшевскій Монетные клады Киевской губерніи.
— статьи въ Киевской Старинѣ 1888 кн. VII, 1889 кн. I, 1890 кн. XII, Киевлянинъ 1891 г. № 189.
- Вадковскій Такъ называемыя поученія Θεодосія Печерскаго къ народу русскому Православию. Собесѣдникъ 1876 кн. X—XI.
- Васильевскій Русско-византийскіе отрывки. Журналъ Мин. Нар. Просв. 1876 г. кн. XII.
— Древняя торговля Киева съ Регенсбургомъ. Ibidem, 1888 г. кн. VII.
— Житіе св. Стефана Сурожскаго. Ibidem, 1889 г. кн. V.
- Владиміровъ Обзоръ южнорусскихъ и западнорусскихъ памятниковъ письменности—Чтен. Общ. Нестора. IV.
- Владиміровскій-Будановъ М. Ф. Обзоръ исторіи русскаго права, изд. 1888 г.
— Населеніе Юго-Западной Россіи отъ половинъ XIII до полов. XV в.—Архивъ Юго-Западной Россіи VII. I.
— Населеніе Юго-Западной Россіи отъ полов. XV в. до Люблинской уніи—ibidem VII. II.
- Воложинскій Описаніе Нѣжинскаго клада—въ Трудахъ комис. для опис. губ. Киевск. Учебн. Окр. 1853 г.
- Hammer Purgstall Geschichte der Goldenen Horde.
- Гамченко Житомирскій могильникъ.
- Гаргани Сказанія мусульманскихъ писателей о славянахъ и Руси.
- Голубинскій Е. Е. Исторія русской церкви, т. I, полов. 1 и 2.
- Голубовскій П. В. Исторія Сѣверской земли до пол. XIV в.
— Печенѣги, торки, половцы до нашествія татаръ.
— Болгары и хозары. Киевск. Старина 1888 г. кн. VII.
- Гошкевичъ Замокъ кн. Симеона Одельковича. 1890 г.
- Градовскій Государственный строй древней Руси. Ж. М. Н. П. 1868 г. кн. X.
- Гуттенъ-Чавскій Удѣльниа и пр. деньги древней Руси.
- Дашкевичъ Н. П. Княженіе Давида Галицкаго.

- Давидъ Н. П. Волоховская земля и ея значеніе въ русск. исторіи—въ Трудахъ III археол. съѣзда т. II.
- Новѣйшіе домысли о Волоховѣ и болоховцахъ. Унив. Изв. (кіевскія) 1884, кн. VI.
- Первая унія Юго-Западной Руси съ католичествомъ. Ibidem 1884 кн. VIII.
- Замѣтки по исторіи литовско-русск. государства.
- Демаръ-Завальскій Очеркъ исторіи земель Кривичской и Дреговичской до нач. XIII в.
- Дюковъ Власть московскихъ государей.
- Евлейнъ И. Описаніе Кіево-Печерской Лавры.
- Описаніе Кіево-Софійскаго собора.
- Заблуждатель Область дреговичей какъ предметъ археолог. изслѣдованій. Труды Кіевск. Дух. Акад. 1886 кн. VIII.
- рефераты въ Читеніяхъ общ. Нестора т. IV и Кіевск. Старинѣ 1890 кн. V.
- Заблуждатель Исторія русской жизни I—II.
- Зарескій Описаніе Кіева, т. I и II, изд. 1868 г.
- Зарескій Учебный атласъ русской исторіи.
- Объясненія къ учебному атласу—изд. 1887 г.
- Зарубинъ Нифонтъ еп. новгородскій. Архивъ ист.-юрд. свѣд. т. I.
- Зарубинскій Руководство къ рус. церковн. исторіи, изд. 1886 г.
- Зарубинскій Исторія Галицко-русскаго княжества, т. I—III.
- Зарубинъ Пѣсни о князѣ Романѣ. Ж. М. Н. II. 1890, кн. IV сл.
- Зарубинъ П. П. Очеркъ звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія.
- Зарубинскій о князяхъ Волынской губерніи, 1885 г.
- Зарубинскій Исторія Рязанскаго княжества—Сочиненія т. I, 1885 г.
- Разсужденія о началѣ Руси, изд. 1882 г.
- Исторія Россіи т. I и II.
- Зарубинскій Омытъ изслѣдъ о культ. значеніи Византии въ русской исторіи.
- Зарубинскій Изслѣдованія о Русской Правдѣ, изд. 1846 г.
- Зарубинскій Александръ сѣверо-западн. края на 1889 г. („Братинская волость“).
- Зарубинскій Исторія Государства Россійскаго, изд. 1842 г. кн. I—IV.
- Зарубинскій-Самаринъ По поводу Любечскаго съѣзда—Чтен. М. О. И. Д. Р. 1878 г. кн. IV.
- Зарубинскій Древнерусскія житія святыхъ.
- Болгарская дума древней Руси, 1882, и въ Русской Мысли 1880 кн. I, III, IV, X.
- Зарубинскій Мера и Ростовское княжество.
- Зарубинскій Монографія т. I и XII изд. 1872 г.
- Русская исторія въ жизнеописаніяхъ т. I, изд. 1888.
- Зарубинскій А. А. Сочиненія, т. I (Сборникъ II отд. Ан. Наукъ т. 49).
- Зарубинскій Свѣтригайло, в. кн. литовскій. 1835.
- Зарубинскій О русско-визант. монетахъ Ярослава I Владиміровича.
- и бар. Розенъ Извѣстія Аль-Бекри и другихъ авторовъ о Руси и Славянахъ.
- Зарубинскій Шолудивнѣ Пуныка въ украинскихъ народн. сказаніяхъ. Кіевск. Стар. 1887 кн. VIII и X.
- Зарубинскій Кіевская архитектура XI—XII в.—Труды III археол. съѣзда т. I.
- Зарубинскій Владиміръ Мономахъ и его время (Пособіе къ наученію русск. исторіи критическимъ методомъ, в. II, 1874).
- Зарубинскій П. Г. О св. Софій Кіевской—Труды III археол. съѣзда т. I.

- Лебединцевъ П. Г. Историческія замѣтки о Кіевѣ. Кіевск. Стар. 1884 кн. X.
 — рефераты и статьи—въ Читеніяхъ Общ. Нестора кн. I и II и Кіевской Старицѣ 1885 кн. I, 1887 кн. XII, 1889 кн. I.
- Линиченко Віче въ Кіевской области.
 — Взаимныя отношенія Руси и Польши до пол. XIV ст., ч. I.
- Линдбертъ Предметы вѣдомства вѣча въ княжескій періодъ древней Россіи (Варшав. унв. извѣст. 1877 кн. I—III).
- Майковъ Л. Замѣтки по русск. истор. географіи—Ж. М. Н. II. 1874 кн. VIII.
- Макарій м. Исторія русской церкви т. I—III изд. 1868 г., т. IV—V изд. 1896 г.
- Максимовичъ М. А. Собраніе сочиненій т. I и II.
- Малышевскій Яцекъ Одровонжъ—Труды Кіев. Дух. Акад. 1867 кн. IV, VI, VII.
 — Евреи въ Южной Руси и Кіевѣ въ X—XII в.
 — Кіевскіе церковные соборы. Тр. К. Д. А. 1864 кн. XII.
- Милорадовичъ Любечъ. 1871 г.
- Могачановскій Очеркъ извѣстій о Подольской землѣ до 1434 г.
- Мухляевскій Исслѣдованіе о происхожденіи и состояніи литовскихъ татаръ (Акты С.-Петербург. Унв. 1857 г.).
- Пассежъ В. Княжеская и докняжеская Русь, Читенія М. О. И. Д. 1870 г. кн. III.
- Погодинъ Исслѣдованія, лекціи и замѣтки, т. IV—VII.
 — Древняя русская исторія, т. I и II, съ атласомъ.
 — Хронологическій указатель древ. руск. исторіи—Ученія Записки II отд. Акад. Наукъ т. VII ч. II.
 — Андрей Боголюбскій. 1850.
 — О поученіи Мономаха—Извѣстія II отд. Ак. Наукъ т. X.
- Полевой Н. Исторія русскаго народа т. I—IV, 1830—1833.
- Похлявничъ Сказанія о населенныхъ мѣстахъ Кіевской губерніи.
 — Утѣдъ Кіевскій и Радомисльскій.
- Праховъ А. В. Фрески Кіево-Кырилловской церкви XII в.—К. Стар. 1883 г. кн. V.
- Прозоровскій Монета и вѣсъ въ Россіи до конца XVIII в. (Сборникъ Археол. общ. XII, 2).
- Prochaska Latoris litewski, rozbiór krutuzsny.
- Пшениць Сторъ южанъ и сѣверянъ о малорусскомъ землѣ—Вѣстникъ Европы 1886 г. кн. VI.
- Rulikowski Opis powiatu Wasylkowskiego, 1853.
- Rulikowski i Radziwiński Książowie i szlachta.
- Рибинскій Кіевская митрополитная каедръ съ пол. XIII до к. XVI в. Тр. Кіев. Дух. Акад. 1891 кн. I сл.
- Савельевъ Мухаммеданская нумизматика.
- Самоковсовъ Замѣтки по исторіи русск. государства, устройства и управленія. Ж. М. Н. II. 1869 кн. XI—XII.
 — Древніе города Россіи.
- Самческій Торки, Беренды и Черные клобуки—Архивъ истор.-юр. сѣд. т. II ч. I.
- Семеновъ П. Географическо-историческій словарь Россійской имперіи.
- Сергѣевичъ Вѣче и князь. 1867.
 — Русскія юридическія древности т. I.
- Stownik geograficzny królestwa Polskiego.
- Смерть Ярополка Изяславича—Современникъ т. XVI отд. II.
- Смирновъ Крымское ханство подъ верхомъ Османской порты до нач. XVIII в.

- Змеѣн** Найдавнѣйше романки дзвєорисарства руско-литовскаго, 1889.
- Собалевскій** Очеркъ нзъ исторіи русскаго языка.
- Источники кievскаго говора Ж. М. Н. П. 1885 кн. II.
- Къ вопросу объ истор. судьбахъ Кіева. Кіевск. Унив. Изв. 1886 кн. VII.
- Лекціи по исторіи русскаго языка.
- Сазанскъ** Исторія Россіи, т. I—изд. 1883 г., т. II—1879, т. III—1880.
- Исторія отношеній между князьями Рюрикова дома.
- Средневскій** Древніе намятники письма и языка. 1863.
- Извѣстія о малозвѣстныхъ и незвѣстныхъ намятникахъ.
- Судзичскіи К.** Synowie Gedymina, t. I—1881, t. II—1858.
- Btacia Wladyslawa Jagielly.
- Olgierd i Kiejstut.
- Степанъ** Южнорусскія писма о событіи XI в. Кіевск. Стар. 1882 кн. VII.
- Страшневичъ** Клады, разсмотрѣнныя въ мюнцъ-кабинетѣ Унив. св. Владимира.
- Татищевъ** Исторія Россійская т. II и III.
- Темновъ** Статистическія свѣдѣнія о Волинской епархіи т. I.
- Терновскій** Изученіе квантитивской исторіи и ея тенденціозное приложеніе въ древней Русѣ, I—II.
- Толстой П.** Древнѣйшія русск. монеты в. кн. Кіевскаго.
- Филаретъ арх.** Исторія русской церкви, т. I—II, изд. 1857 г.
- Русскіе святые, кн. I—XII, изд. 1861—66.
- Флорентъ** Борьба Польши и Литвы-Руси за галич.-влад. наслѣдіе.
- Хвальсонъ** Извѣстія Нбнъ-Дагста о хозарахъ и пр.
- Хлѣбниковъ** Общество и государство въ до-монгольскій періодъ.
- Хлѣровъ** Металлы, металлы, руды и минералы въ древней Россіи.
- Хрущовъ** О древнерусскихъ историч. повѣстьяхъ и сказаніяхъ.
- Чистовичъ** Исторія западно-русской церкви т. I.
- Шараневичъ** Исторія Галичско-Володимирской Руси.
- O latopisach i kronikach ruskich XV i XVI wieku (я Wokpraw Wydziału filozof. Akad. Umiej. Krakow. t. XV).
- Шеншицкскій** Великіе и удалыне князья сѣверной Руси въ Татарскій періодъ.
- Ягичъ** Чесире критико-палеографич. статья.
- Критическія замѣтки по ист. русск. языка.
- Ясинскій М.** Уставныя земскія грамоты литовско-русскаго государства.

Археологическій матеріалъ, собранный центральнымъ статистическимъ комитетомъ нзъ донесеній волости. правленій. Волинская губ. (рукопись).

Спеціалная карта Европейской Россіи над. Генер. Штабомъ.

Списки населенныхъ мѣстъ—Полтавская и Черниговская губерніи.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	СТР.
I. Географическій очеркъ	1—56
Древнее или Киевской земли (с. 1). Этнографическій составъ ея (с. 2). Физическое устройство страны; рѣки; лѣсъ (с. 5). Границы земли XI—XIII в. (с. 8). Обзоръ населенныхъ мѣстъ и урочьятъ: Киевъ и его окрестности (с. 16); Поросье (с. 30); сѣверо-восточный уголъ земли (с. 38); Пототережье (с. 39); область Случя (с. 43); Волоховскіе города (с. 44); Погорина (с. 46). Киевская земля XIII—XIV в. (с. 47).	
II. Киевская земля до смерти Мстислава В. (1054—1132)	57—142
Общая схема до-монгольского періода (с. 57). Ярославле дѣленіе; со-вѣстная дѣятельность старшихъ Ярославичей—1054—1063 г. (с. 60). Движеніе 1068 г. (с. 68). Историческое изгнаніе Шияслава; правленіе Святослава (с. 77). Всеволодъ (с. 90). Святославъ; половецкія опустошенія (с. 96). Волынскій вопросъ (с. 108). Борьба съ половцами 1103—1111 г. (с. 114). Мономахъ; вѣшняя политика (с. 121); внутренняя дѣятельность (с. 131). Мстиславъ В. (с. 135).	
III. Борьба за киевскій столъ (1132—1169)	143—224
Ярополкъ и начало борьбы (с. 144). Всеволодъ Ольговичъ (с. 158). Игорь и Изяславъ (с. 165). Изяславъ; борьба съ Юріемъ (с. 170). Последнее возиженіе Юрія и притязанія Изяслава Давидовича (с. 193). Кляженіе Ростислава Мстиславича (с. 206). Мстиславъ Изяславичъ и погромъ 1169 г. (с. 215).	
IV. Упадокъ киевскаго стола (1169—1237)	225—288
Киевъ въ оцѣнѣ Андрѣя (с. 225). Оппозиція Ростиславичей (с. 231). Борьба Ростиславичей со Святославомъ Всеволодовичемъ (с. 237). Двое-властіе Святослава и Рюрика 1181—1194 г. (с. 243). Борьба съ по-ловцами (с. 247). Кляженіе Рюрика; вопросъ о поросскихъ городахъ и погромъ 1208 г. (с. 258). Борьба Рюрика съ Всеволодомъ Святосла-вичемъ (с. 268). Утвержденіе въ Киевѣ Рюрика; Калыкская битва (с. 273). Возобновленіе усобицъ; Владиміръ Рюриковичъ и Ми-халъ Всеволодовичъ (с. 279).	

У. Общественное устройство и бытъ Киевской земли въ до-
монгольскій періодъ 289—420

О происхожденіи княжеско-дружиннаго строя у полякъ (с. 289). Дре-
млинскія земли и ея отношенія къ Польской (с. 293). Черные клобуки
(с. 299). Элементы общественнаго строя Киевщины: община, вѣче и его
дѣятельность (с. 301); города и пригороды (с. 312); князь, его функціи
и отношеніе къ землѣ (с. 315). Несоостоятельность княжеско-дружин-
наго строя; исключительное положеніе Киевщины (с. 321). Устройство
и управленіе земли: удѣлы (с. 329); дума (с. 330), дворъ (с. 333), чи-
новники (с. 334), мѣстныя общины (с. 337); объ устройствѣ Дремлин-
ской земли и черныхъ клобуковъ (с. 338); княжья казна (с. 341); войско
(с. 343). Составъ общества: дружина (с. 344), земство (с. 350). Церковь
(с. 356). Экономическое состояніе земли; промышленность (с. 370).
Искусства (с. 380). Торговля и иноземныя сношенія (с. 385). Монета
(с. 398). Бытъ и нравы (с. 399). Христіанство и его вліяніе (с. 407);
кочажество (с. 412); просвѣщеніе (с. 416).

VI. Киевская земля отъ монгольскаго нашествія до конца XIV в. 421—512

Монгольское нашествіе (с. 422). Вопросъ о разореніи Киева (с. 427) и
запустѣніи Киевской земли (с. 432). Были ли князья въ Киевѣ во 2-ой
полов. XIII в.? (с. 443). Перестройка земскаго строя; общинное дви-
женіе (с. 450). Земскій строй при татарахъ (с. 460). Киевскіе князья
XIV в. (с. 463). Литовское завоеваніе; легенды о немъ (с. 470). Легенда
о Гедиминовохъ завоеваніи (с. 478). Последовательность литовскихъ
завоеваній въ Киевщинѣ и ихъ датировка (с. 483). Извѣстіе Густин-
скаго свода (с. 490). Киевскіе князья литовской династіи: Владиміръ,
Скиргайло; Иванъ Ольгиновичъ (с. 497). О внутреннемъ строѣ и
состояніи земли (с. 502). Киевская митрополія (с. 506).

Дополненія и поправки 513—514

Географическій указатель 515—517

I.

Географическія очерки.

Chrysaemula sceptri Constantinopolitani, clarissimum
decus Graeciae. Adamus Bremensis.

Kywen ein herth ist von alders aller Russischen
landen. Ягайо.

Вся честь, и слава, и величество, и глава всѣхъ зем-
ляхъ Русскихъ-Кіевъ. Никон. глѣт.

Территорія, политическимъ центромъ которой, начиная съ поло-
вины XI в., былъ городъ Кіевъ и которую мы называемъ Кіевскою
землею, въ древнюю, до-монгольскую эпоху нашей исторіи почти не яв-
ляется съ этимъ именемъ ¹⁾; обыкновенно она называлась Русскою
землею по преимуществу: „земля Руская“ или „Руськая“, какъ пе-
редается это названіе въ южнорусской лѣтописи. Имя Руси, какъ извѣст-
но, употреблялось въ эту эпоху въ различныхъ значеніяхъ: такъ называли
вообще всѣ русскія племена, противопоставляя ихъ иноплеменамъ, такъ назы-
вали Южную Русь въ противоположность сѣверной или сѣверо-восточной;
въ тѣснѣйшемъ и собственнѣйшемъ значеніи это названіе прилагалось
къ землѣ полянъ: въ этомъ смыслѣ „Русь“ противопоставлялась землѣ
древлянъ и, напримѣръ, г. Овручъ находился уже внѣ Руси ²⁾. Прав-
доподобно, то было исконное имя Полянскія земли, которое распро-

¹⁾ Правда, мы встрѣчаемъ „Кіевскую волость“ подъ 1142 г. въ Ипат. лѣт. (с. 222),
но въ нѣскольکو другомъ значеніи: въ смыслѣ кіевскаго аннекса (говорится о туровскихъ
волостяхъ); „Кіевская область“ (ibidem с. 463) можетъ означать окрестности Кіева.

²⁾ См. Ипат. лѣт. с. 456: Рюрикъ находился тогда въ Овручѣ и Святославъ при-
глашаетъ его лавиться „в Русь“. Любопытно сходство этого имени съ именемъ рѣки Ро-
си, протекающей здѣсь (Поросье называется иногда также Порусьемъ); тотъ же корень
слышится какъ будто въ именахъ притоковъ Роси-Рагавицы или Ростовицы, Россамъ.

стравилось на другія славянскія племена по мѣрѣ подчиненія ихъ княскимъ князьямъ и осталось потомъ по преимуществу за тѣми землямъ, которыя вмѣстѣ съ землею полянъ составили одно политическое гѣло, съ Кіевомъ во главѣ. Во избѣжаніе смѣшеній и двусмысленностей мы, конечно, должны отказаться отъ древней терминологіи и называть эту область землею Кіевскою.

Понятіе Кіевской земли сложилось исторически, и въ связи съ историческими событіями территорія ея претерпѣвала различныя измѣненія. Ядромъ ея, какъ сказано, служила земля полянъ, или „земля Польская“, какъ ее еще называетъ лѣтописецъ ¹⁾ (польскій-полевый). О размещеніи полянъ начальная лѣтопись сообщаетъ очень мало: „пришедше съдоша по Днепру и нарочася поляне“ ²⁾. По нѣкоторымъ археологическимъ изслѣдованіямъ территорія полянъ передъ христіанскою эпохою ограничивалась теченіемъ рѣкъ Днѣпра, Роси и Ирпени ³⁾. Нѣкоторые случайныя указанія, которыя даетъ лѣтопись, совпадаютъ вполне съ этими предѣлами: на югѣ крайній изъ извѣстныхъ намъ за древнѣйшую эпоху населенныхъ пунктовъ—г. Родня у устья р. Роси ⁴⁾; западный рубежъ проходитъ по лѣтописямъ гдѣ-то недалеко отъ Днѣпра—одно такое указаніе мы имѣемъ для конца X в.,

¹⁾ Ипат. с. 12.

²⁾ Ипат. с. 8.

³⁾ Отъ волѣна, которое Раставица дѣлаетъ у м. Павлочи, западная граница Польской земли направляется къ сѣверу и пересѣкаетъ Ирпень приблизительно около села Коринца (частное сообщеніе В. В. Антоновича; см. также рефератъ его въ Чтеніяхъ ист. общ. Нестора, кн. III, с. 1). Южная граница земли отлѣчена могилами полянскихъ воиновъ—кладниками; такіа могилы встрѣчаются въ большомъ количествѣ надъ Росью (напр. у селъ Красновожи, Зелени, Рассави, Яблунева, Миронови, Пешенгъ—Каневского у., Скабищенца—Таращанскаго, Гамарки—Чигирискаго (Обяснительная записка къ археологической картѣ Кіевской губерніи В. В. Антоновича). Въ болѣе древнюю эпоху, до напора кочевниковъ, полянскія поселенія могли переходить за Рось, въ бассейнъ Тасмина и Вуга; существованіе осѣдлыхъ поселеній за Росью доказываются кладами римскихъ монетъ: такіе клады, совершенно аналогичные, идутъ чрезъ всю Кіевскую губернію, отъ Чернобиля до Кризова. Ранѣе западный рубежъ полянъ считали обыкновенно р. Тетеревъ (Записковскій. Обясненія къ учебн. атл. по рус. ист. с. 20). Г. Барсовъ на основаніи топонимическихъ названій полагаетъ, что на западъ полянская земля простиралась до Подгорнаго, но доводитъ эти очень слабыя; на югъ, по его мнѣнію, полянскія поселенія спускались первоначально довольно далеко, вѣроятно до пороговъ, и послѣдніе были отлѣсены кочевниками (Географія начальной лѣтоп. с. 128—9).

⁴⁾ Ипат. с. 51.

а другое для половины XII ¹⁾, изъ чего можно заключить, что западный рубеж Полянскон земли остался приблизительно тотъ же и послѣ языческой эпохи, а можетъ быть, впрочемъ, только память о немъ оставалась.

Въ составъ Киевской земли кромѣ того вошла земля древлянъ-земля Деревская или просто „Дерева“ по лѣтописи ²⁾; территорию древлянъ точно опредѣлить пока нельзя: археологическихъ изслѣдованій въ этомъ направленіи пока сдѣлано довольно мало еще, а лѣтописныя данныя не достаточны. Неопредѣленное положеніе, которое позднѣе Погорынье (область по обѣимъ сторонамъ Горыни) занимало между Киевскою и Волынскою землями, объясняется, можетъ быть, тѣмъ, что здѣсь сталкивались рубежи древлянъ и дугѣбовъ, и население было смѣшанное ³⁾. Археологическія изслѣдованія, произведенныя г. Завитневичемъ между Мозыремъ и Туровымъ, привели къ тому заключенію, что южный берегъ Припяти былъ заселенъ смѣшаннымъ древлянско-дреговичскимъ населеніемъ, а на сѣверномъ преобладало дреговичское: можно думать, что р. Припять служила первоначально этнографическимъ рубежомъ (какъ то свидѣтельствуешь и лѣтописи), но затѣмъ древлянское населеніе къ югу отъ нея было разрушено дреговичскими колонистами ⁴⁾. Раскопки, произведенныя

¹⁾ Лють, выѣхавъ изъ Киева на охоту, заѣхалъ на древлянскую территорию (Ипат. с. 49). Въ 1136 г. Ольговичи съ полками воевали „отъ Трьноля около Красна и Васильева и до Бѣлгорода, омиже до Киева и по Желатъ и до Вышгорода и до Деревъ“ (Ипат. лѣт. с. 215, у Татищева—Исторія Россійская т. II с. 251—Древлянъ); очевидно за Бѣлгородомъ и Вышгородомъ начинались гдѣ-то уже „Дерева“. Ср. Костомарова Монографія т. I с. 124; Барсова Географія начальной лѣтописи с. 128.

²⁾ См. напр. Ипат. с. 84, 85, 215.

³⁾ Г. Андрияшевъ въ своемъ „Очеркѣ исторіи Волынской земли“ (с. 37) высказалъ предположеніе, что Погорынье было исконною древлянскою областью, но населеніе ея было разрушено дугѣбами и тѣснинами съ юга улучами и тивердами. Барсовъ (Географ. нач. лѣт. с. 126—127) предполагаетъ здѣсь смѣшанное дугѣбско-дреговичское населеніе.

⁴⁾ См. рефератъ г. Завитневича въ Чтеніяхъ историч. общества Нестора кн. IV отд. II, особ. с. 22—23, также другой рефератъ въ Киевской Старинѣ за 1890 г. кн. V: „Къ вопросу о выработкѣ критерія для классифик. кургановъ“, с. 261 сл.; критеріемъ для опредѣленія національностей служило погребеніе въ ямахъ (древлянскій типъ) и на почвенномъ слоѣ (дреговичскій). Собственно возможно пока и другое предположеніе, что дреговичское населеніе первоначально переходило за Припять, но было разрушено потокомъ древлянъ. Окончательно вопросъ можетъ быть рѣшенъ только болѣе многочисленными раскопками, а пока первое предположеніе имѣетъ за себя авторитетъ лѣтописи: „сѣдома оу-

ны же въ углу между Припятью и Днѣпромъ, въ Рѣчицкомъ уѣздѣ, обнаружены здѣсь существованіе дреговичскаго, древлянскаго и сѣверянскаго погребальныхъ типовъ, съ сильнымъ преобладаніемъ перваго; дреговичское населеніе простиралось, вѣроятно, до Днѣпра, но было разбавлено древлянскими и сѣверянскими колонистами ¹⁾. Какъ далеко простирались на югъ древлянскія поселенія, не извѣстно.

Начиная со смерти Ярослава, Древлянская земля соединяется въ одно княжество съ Полянскою, и затѣмъ связь эта продолжается непрерывно; хотя во второй половинѣ XII в. на территоріи древлянъ образовался Овручскій уѣздъ, но онъ не выдѣлялся изъ Кіевской земли, и Древлянская земля и позднѣе оставалась частью послѣдней.

Съ Кіевомъ была связана еще земля дреговичей: вмѣстѣ съ землею полянъ и древлянъ она составила волость старшаго Ярославича-Изяслава, и эта связь, съ значительными впрочемъ промежутками, продолжалась затѣмъ до половины XII в.; въ первой половинѣ этого столѣтія эта земля называется даже прямо кіевскою волостью ²⁾. Тѣмъ не менѣе мы не будемъ включать ее въ область настоящаго изслѣдованія, такъ какъ самая связь ея съ Кіевомъ, какъ сказано, очень часто прерывалась на большіе промежутки ³⁾, и уже съ половины

ли Припятью и Днипромъ и варягомаи Дреговичи" Ипатск. лѣтоп. с. 3. Это свидѣтельство лѣтописи принимается обыкновенно; напр. Замисловскій (Объясненія с. 20) помѣщаетъ древлянъ между рѣками Припятью, Горинью, Случью и Тетеревою. Г. Долларъ-Запольскій въ своемъ, выходящемъ теперь, „Очеркѣ исторіи Кривичской и Дреговичской земель во вѣк. XIII в.“ возматаетъ, что южная граница Дреговичской земли проходила узкою полосовъ по южному берегу Припяти (с. 2, 58). Варсовъ о границахъ древлянскихъ поселеній изрываетъ довольно неопредѣленно; на югъ, по его мнѣнію, древлянскія поселенія простирались до верховьевъ Случи (Географія вѣк. с. 127—128).

¹⁾ Результаты этихъ раскопокъ были изложены въ рефератѣ, читанномъ въ историч. общ. Нестора въ февралѣ 1891 г. Погребальныя типы впрочемъ здѣсь отличаются неустойчивостью, и г. Замисловскій остерегается объяснить ихъ разноплеменной колонизаціею.

²⁾ Ипат. с. 222; „сидѣши во Кіевской волости“, говорилъ Всеволодъ Ольговичъ Вячеславу о Туровѣ; и ниже кіевскою волостью называются дреговичскіе города, предлагаемые Всеволодомъ; этики, можетъ быть, объясняется и выраженіе лѣтописи: Всеволодъ посадилъ Ярополка (Изяславича) во Владиміръ, „придавъ ему Туровъ“ (изъ кіевскихъ вѣстей. Ипат. с. 143).

³⁾ Связь эта продолжалась съ 1054 по 1078 годъ; затѣмъ въ Кіевѣ сидѣлъ Святославъ, а въ Туровѣ Мономахъ, до 1076 года; послѣ кратковременнаго соединенія въ 1078 году дреговичи переходятъ къ Изяславичамъ, между тѣмъ какъ въ Кіевѣ сидитъ Всеволодъ; съ 1093 г. и до 1125 Туровская волость находится вмѣстѣ съ Кіевомъ во власти Святославка, потомъ Мономаха, во смерти послѣдняго отдѣляется въ рукахъ Вячеслава и

ХІІ в. она видѣляется въ самостоятельное княженіе съ князьями изъ рода Святополка Михаила.

Итакъ Кіевская земля составила главнымъ образомъ изъ земель полянъ и древлянъ; не зная точно всѣхъ этнографическихъ рубежей, мы не ведаемъ можемъ опредѣлить, прихватывала ли она, и какъ много, территоріи другихъ сосѣднихъ племенъ (дреговичей, дулѣбовъ и пр.); вообще границы княжествъ рѣдко совпадали точно съ этнографическими границами, и Кіевская земля не составляла исключенія въ этомъ отношеніи.

Прежде чѣмъ обратиться къ обзорѣнію политическихъ границъ Кіевской земли, бросимъ взглядъ на ея территорію. Кіевская земля расположена на склонѣ одного изъ тѣхъ отроговъ, которые образуютъ въ сѣверо-восточномъ и восточномъ направленіяхъ Карпатскія горы. Гранитная гряда проходитъ въ юго-восточномъ направленіи по южной части земли, образуя водораздѣлъ бассейновъ Днѣпра и Южнаго Буга и наполняя холмистыми возвышенностями юго-западную и южную части ея. Эти возвышенности, пересѣченныя долинами и оврагами, достигаютъ на югѣ 600—1200 ф. высоты, къ сѣверу и сѣверо-востоку постепенно понижаются, спускаясь въ песчаную и болотистую низменность р. Припети, а на востокѣ круто обрываются долиною Днѣпра.

На склонахъ упомянутыхъ возвышенностей берутъ начало кіевскія рѣки, направляясь затѣмъ на сѣверъ, сѣверо-востокъ и востокъ въ бассейны Припети и Днѣпра. Такова Горынь (Горинь), принимающая съ лѣвой стороны небольшіе притоки, изъ которыхъ въ лѣтописи упоминаются: Олыка (теперь Полянвка), Велья (теперь Валия) и Стубель или Стубла ¹⁾; съ правой стороны, уже за предѣлами Кіевской земли, въ нее падаетъ большая рѣка—Случь; изъ множества притоковъ послѣдней (Корчигъ, Цѣремъ, Смолка, Деревичка, Икопотъ, Тыл) упоминается въ лѣтописи Хомора (или Хоморъ) ²⁾. Восточнѣе Горыни падаютъ въ Припеть Уборть и упоминаемая въ лѣтописи Уша съ при-

др. до 1142 г.; въ этомъ году соединяется съ Кіевомъ и снова отдѣляется до 1146 года; съ 1146 года она находится въ соединеніи съ Кіевскою волостью (съ незначительными промежутками) до смерти Юрія (1158), когда окончательно видѣляется въ родѣ Святополка Михаила. Если сосчитать, то Туровская земля за этотъ періодъ около 40 лѣтъ жила отдѣльною жизнью и 60 слишкомъ—находилась въ соединеніи съ Кіевомъ.

¹⁾ Ипат. с. 270, 275, 511.

²⁾ Ипат. с. 514, 516.

токомъ Норпою ¹⁾). Съ правой стороны падаетъ въ Припеть еще кievская рѣчка—Брагинка.

Рядъ притоковъ Днѣпра открываетъ Тетеревъ съ Иршею и Мышою (слѣва), Здвигемъ и Гуйвою (справа); Рша и Вяздвигъ упоминаются въ лѣтописи ²⁾. Далѣе слѣдуетъ Ирпень, порубежная рѣка Полянской земли, съ Унавою (Уновью) ³⁾; подъ самымъ Киевомъ текли большія, но славныя рѣчки—Почайна и Лыбедь ⁴⁾, далѣе на югъ—Стугна съ Ольшаницею ⁵⁾, Красна и, наконецъ, знаменитѣйшая, послѣ Днѣпра, рѣка Киевской земли—Рось; въ притоковъ ея въ лѣтописи упоминается только Руть или Рогъ (теперь Ротокъ или Протова) съ Рутцемъ (теперь Чернявка) ⁶⁾; другіе, значительные притоки Роси: Рассава, Каменка, Раставица—справа, слѣва—Роська и маленькая, но любопытная рѣчка Торчь. Еще южнѣе течетъ Тесмень (Тясминъ) ⁷⁾, а за тѣмъ слѣдуютъ уже рѣки бужскаго бассейна—Гнилой и Горный Тичичи и Вись; послѣдняя упоминается и въ лѣтописи ⁸⁾.

Рѣки Полянской земли, за исключеніемъ Днѣпра, были, вѣроятно, всегда не судоходны; главная рѣка—Рось слишкомъ быстра, извилиста, преграждена порогами; торговою артеріею служилъ только Днѣпръ, и къ нему должно было тяготѣть населеніе. Для древлянъ путями сообщенія служили Припеть и Тетеревъ съ ихъ притоками; въ настоящее время судоходство происходитъ по Припети и Горыни, а по Случи, Уборти, Ушу, Тетереву, Иршѣ и Здвижу—сплавное дви-

¹⁾ Ипат. с. 285—6.

²⁾ Здвигъ см. Ипат. с. 170; Иршу, мнѣ кажется, должно разумѣть въ Лавр. с. 813: рассказывается о преслѣдованіи Володимиромъ Изяслава—„стороженъ же Володимиркомъ надстигнеть его на Рси“ (Лаврентьевскій сп., въ Радзивилловскомъ и Академическомъ—Рши); во Ипат. л. Изяслава догнали на р. Ушѣ и потому чтеніе „на Рси“ лишено иератія, а „на Рши“ т. е. на Иршѣ, которая протекаетъ тамъ же, вполне возможно.

³⁾ Ипат. с. 372. Погодитъ (IV. 191) видитъ здѣсь мѣстечко Уновъ въ Галичѣ, но это невѣроятно.

⁴⁾ Ипат. с. 40, 43.

⁵⁾ Ипат. с. 83, 279; Ольшаница—теперь Раковка, грязный ручей, см. Похлевицъ Сказанія о ивасельскихъ мѣстахъ Киевской губ., с. 487 (только въ лѣтописи упоминается не село, а рѣка Ольшаница), см. также статью г. Андріевского „Перенетовское поле“ въ Киевской Старинѣ 1882, IX. с. 454.

⁶⁾ Ипат. с. 301—303, 356; см. Перенетовское поле с. 439, 454.

⁷⁾ Ипат. с. 449.

⁸⁾ Ипат. с. 450.

женіе; въ древности, вѣроятно, движеніе происходило и на большемъ числѣ рѣкъ, и на большемъ ихъ протяженіи.

Кіевская земля находится на рубежѣ полосъ—лѣсной, съ песчаной почвою, и степной, черноземной; границею ихъ здѣсь приблизительно служатъ р. Стугна и верховья Ирпеня и Тетерева ¹⁾. Древнѣйшій лѣтописецъ отмѣчаетъ большую разницу между землею полянъ и древлянъ: первые назывались такъ, „запече в погѣ сѣдаху“, вторые— „запе сѣдоша в лѣсѣхъ“ ²⁾. Но земля полянъ могла считаться „подемъ“ только сравнительно съ лѣсною страню древлянъ (и то если имѣть въ виду южную ея часть); противопоставляя Кіевцинѣ южныя степи, лѣтописъ называетъ „подемъ“ уже послѣднія ³⁾; въ другомъ мѣстѣ лѣтописъ говоритъ о полянахъ, что они жили „въ лѣсѣ на горахъ, надъ рѣкою Днѣпрскою“ ⁴⁾; около Кіева находился „лѣсъ и боръ великъ“, въ XII в. боръ находился на пути изъ Кіева въ Бѣлгородъ, и къ югу гдѣ-то находился „борокъ“ ⁵⁾. Въ настоящее время на полянской территоріи лѣсъ въ большихъ, сплошныхъ участкахъ сохранился только по нижнему теченію Ирпеня; несомнѣнно, сѣверный уголъ земли (къ сѣверу отъ Стугны) въ древности былъ значительно гуще покрытъ лѣсами. Къ югу отъ Стугны лѣсъ существуетъ отдѣльными рощами

¹⁾ О лѣсѣ см. въ статьѣ г. Майкова въ Журн. Мин. Нар. Пр. 1874 кн. VIII с. 259 сл. и въ книгѣ П. В. Голубовскаго „Печенѣги, торки, половци“ с. 2 слѣд. Черноземный рубежъ идетъ съ сѣверо-востока на юго-западъ, приблизительно съ Козельца на Васильковъ, Бердичевъ, Кременецъ (см. упомянутую статью Майкова с. 260 сл.) Распространеніе лѣса въ степныхъ пространствахъ Южной Руси составляетъ спорный вопросъ; одни держатся того мнѣнія, что степи эти искони были степями, другіе доказываютъ существованіе въ нихъ лѣса въ минувшія времена, въ болѣе или менѣе значительномъ количествѣ; см. объ этомъ Гео-ботаническія изслѣдов. о черноземѣ акад. Рупрехта—въ приложеніяхъ къ X т. Записокъ Академіи Наукъ, упомянутыя сочиненія г. Майкова (с. 261—2), П. В. Голубовскаго, а также Замѣтки по ист. геогр. южно-русск. степей г. Бураткова въ Кіевск. Стар. 1886. IV. с. 673 сл. Этому вопросу были еще недавно посвящены работы гг. Донуцаева и Палинвестова (о нихъ см. Кіевск. Старину 1890., кн. I и V).

²⁾ Ипат. с. 3, 16.

³⁾ Ипат. л. с. 43, 341.

⁴⁾ Это дало поводъ проф. Изювайскому предположить, что заимленіе лѣтописца о полянахъ: „въ погѣ сѣдаху“ есть не болѣе, какъ попытка истолковать или „подемъ“, которое, по мнѣнію этого ученаго, скорѣе имѣетъ сродство съ корнемъ „ископикъ“. — Ровисканія о началѣ Руси с. 255—256. На мой взглядъ, или полянъ можетъ показывать, что главнымъ и исконнымъ обиталищемъ ихъ было пространство къ югу отъ Стугны (ср. Перепетовское „чистое поле“).

⁵⁾ Ипат. л. с. 5, 9, 296, 300, 354.

и островами, больше по берегамъ рѣкъ, особенно Роси; количество лѣсу, конечно, тутъ тоже уменьшилось съ тѣхъ поръ, но и въ древности онъ, вѣроятно, существовалъ въ значительномъ количествѣ только по бережьямъ рѣкъ, остальная же мѣстность носила степной характеръ; въ противоположность ей сѣверная часть Киевской земли называется „лѣсною стороною“ ¹⁾. Пространство къ западу и сѣверу отъ Ирпеня и теперь покрыто сплошными лѣсами, только мрхмы Случи, Горыни, Буга опять обнажены отъ лѣса. Это распределеніе лѣса имѣло всегда громадное значеніе на культуру и бытъ. Обитатели Древлянской земли должны были уступать въ культурѣ своимъ восточнымъ сосѣдямъ; условія мѣстности располагали населеніе болѣе къ охотѣ и пчеловодству, чѣмъ къ земледѣлію. За то лѣсъ служилъ прекрасною защитою отъ кочевниковъ; онъ для послѣднихъ составлялъ всегда непреоборимую преграду ²⁾. Потому набѣги половцевъ направляются всегда на землю полянъ, преимущественно на обнаженные, степныя ея части, гораздо рѣже проникаютъ они въ лѣсную полосу, за Кіевъ ³⁾, но въ глухіе древлянскіе лѣса вояцки почти никогда не заходятъ ⁴⁾.

Переходя къ обзорѣнію политическихъ границъ Киевской земли, прежде всего замѣтитъ, что главный матеріалъ для опредѣленія ихъ даютъ намъ извѣстія половины XII в.; поэтому я сначала постараюсь опредѣлить территорію Киевской земли этого времени, а затѣмъ упомяну о позднѣйшихъ измѣненіяхъ ея границъ до половины XIII в. Что касается до послѣдующаго времени, то свѣдѣнія наши по исторической географіи Киевской земли такъ скудны, что эти извѣстія и свои соображенія я изложу въ концѣ этого очерка, послѣ общаго обзорѣнія Киевской земли за періодъ до-монгольскій.

Обзорѣніе границъ начнемъ съ востока. Этнографическую границу съ этой стороны составлялъ, какъ упомянуто, Днѣпръ; онъ же

¹⁾ Иват. л. с. 515.

²⁾ О значеніи лѣса, какъ оплота отъ кочевниковъ, см. у П. В. Голубовскаго (Печенги стр. с. 14—15).

³⁾ Эти набѣги показываютъ, можетъ быть, что и въ сѣверномъ углу Полянскія земли лѣсъ былъ значительно разрѣженъ уже земледѣльческими населеніями.

⁴⁾ Я сказалъ „почти“, имѣя въ виду преимущественно рассказы лѣтописи о набѣгахъ вояцки на Половни и Сѣмичь (Ил. с. 380), которые могли находиться и въ древлянскихъ лѣсахъ (объ этихъ пунктахъ см. ниже).

выставляется иногда восточною границею Кіевскаго княжества, когда о границахъ его говорится въ общихъ чертахъ; правый берегъ его называется кіевскимъ, а лѣвый черниговскимъ ¹⁾. Однако кіевскія владѣнія переходили и на лѣвый берегъ; на это есть нѣсколько болѣе или менѣе ясныхъ указаній въ лѣтописяхъ. Въ Кіевскому княжеству принадлежалъ прежде всего городъ *Саковъ*, который лежалъ за Днѣпромъ, въ югу отъ Кіева, и съ вѣроятностію приурочивается къ теперешнему селу Салькову, въ 30 верстахъ отъ Кіева, внизъ по Днѣпру ²⁾; на принадлежность Сакова къ Кіеву указываютъ два лѣтописныя извѣстія, одно XI, другое XII в. ³⁾; Саковъ, кажется, составлялъ центръ небольшого заднѣпровскаго округа, населеніе котораго упоминается однажды въ лѣтописи подъ именемъ засаковцевъ ⁴⁾. Границею этого округа съ Переяславскою землею служила какъ будто рѣка Корань ⁵⁾. Далѣе, есть въ лѣтописи нѣкоторые намеки на то, что пространство между нижнимъ теченіемъ Десны и Днѣпра также принадлежало Кіеву; *Лутова* и *Моровійскъ* были, повидному, крайними

¹⁾ См. Ипат. 393, 416, 435, 462 (како насъ раздѣлилъ дѣдъ нашъ Ярославъ по Днѣпру, а Кіевъъ имъ не надобѣ). Основываясь на подобныхъ свидѣтельствахъ, Погодинъ (Исслѣдованія etc. IV, 212) считаетъ Днѣпръ восточною границею Кіевской земли, но въ приведенныхъ мѣстахъ лѣтописи нѣтъ рѣчи о точной границѣ. О лѣвобережныхъ владѣніяхъ Кіева см. Барсовъ Географія нач. лѣтописи с. 134, ср. также с. 147.

²⁾ Расстоянія я опредѣляю по десятиверстной спеціальной картѣ Европейской Россіи Генер. Штаба.

³⁾ Въ 1095 г. засаковцы, вмѣстѣ съ жителями Юрьева и другихъ городовъ, были посланы Святославомъ въ Витичева (Ипат. с. 160); во 2-й четверти XII в. въ войскахъ Всеволода Ольговича Кіевскаго фигурируетъ Лазарь Саковскій (Ипат. 222, 231)—вѣроятно посадникъ саковскій, позднеѣ онъ былъ назначенъ тысящникомъ кіевскимъ (см. Ипат. 245)—по крайней мѣрѣ послѣ половецкаго Лазаря тысяцкаго Лазарь Саковскій болѣе не упоминается. Что Саковъ находился на лѣвомъ берегу Днѣпра, видно изъ Ипат. с. 277; о мѣстоположеніи его см. Погодинъ Исслѣдов. IV. 153—154. Барсовъ Геогр. нач. л. с. 143.

⁴⁾ Г. Андриѣвскій (Кіев. Стар. 1838 г. IX с. 6) сблизаетъ, впрочемъ, засаковцевъ съ р. Саковицею, издавшею въ Росѣ выше Корсуля.

⁵⁾ О Корани Ипат. 219: гонима (переславци) по нихъ (дружинѣ кіевскаго князя) до Коранѣ, а далѣе не пусти Андриѣ дружини своея. Корань (Карань) течетъ параллельно Днѣпру и падаетъ въ Трубежъ ниже Переяслава у д. Карань; на десятиверстной картѣ Корань не показана вовсе, на трехверстной обозначена лишь нижняя часть этой рѣчки, а въ спискѣ населенныхъ мѣстъ Полтавской губерніи (изд. 1862 г. с. 5) столицы на ней показаны села и деревни: Карань, Столяги, Гречаники, Днѣвичи, Староселье, Ковалинъ, Сошниковъ, Краснополье.

порубежными пунктами съ черниговской стороны ¹⁾: здѣсь происходили свиданья, договоры князей черниговскихъ и кievскихъ; Юрій, идя на Кіевъ, на Изяслава Давидовича, остановился у Моровійска и отсюда переговаривался съ нимъ, убѣждая его добромъ уйти изъ Кіева ²⁾. Гранцею кievскихъ владѣній, можетъ быть, служило обширное болото Выдра, которое тянется отъ Десны въ сѣверо-восточномъ направленіи, къ западу отъ г. Остра ³⁾. Принадлежала ли Кіеву также полоса земли къ югу отъ устья Десны, противъ самаго Кіева? Источники не даютъ прямыхъ указаній, по мнѣ кажется, что принадлежала, — иначе она должна была, по всей вѣроятности, принадлежать Переяславской волости, которой принадлежалъ *Остерскій уродокъ* ⁴⁾ и которая врѣзывалась бы тогда страннымъ образомъ между саковскимъ округомъ и кievскимъ Задесеньемъ, а это невѣроятно; невѣроятно также, чтобы кievскіе князья не позаботились пріобрѣсти эту полосу земли противъ Кіева. Подгородныя заднѣпровскія поселенія, какъ *Ольжичи*, *Городецъ*, находились такимъ образомъ, думаю, на территоріи Кіевскаго княжества ⁵⁾.

Такимъ образомъ Кіевская земля на значительномъ протяженіи была, повидному, окаймлена узкою полосою заднѣпровскихъ владѣній; полоса эта, впрочемъ, не составляла какого-либо боевого, укрѣпленнаго рубежа, а является скорѣе какъ бы нейтральною полосою: при движеніяхъ ратей на Кіевъ столыновеній на лѣвомъ берегу обыкновенно не бываетъ, не видно здѣсь также особо укрѣпленныхъ го-

¹⁾ Оба эти поселенія существуютъ понынѣ подъ своими именами въ Остерскомъ уѣздѣ; что они принадлежали уже къ Черниговскому княжеству, см. Ипат. л. с. 343, 406.

²⁾ Ипат. с. 329; о свиданіяхъ у Лугави и Моровійска см. напр. Ипат. с. 217, 331, 345. Любопитно еще одно мѣсто Ипат. лѣтоп. (с. 325): Ростиславъ отправился на Изяслава Давидовича Черниговскаго; переправивъ войско за Днѣпръ у Вышгорода, оставилъ его тамъ, а самъ отлучился въ Кіевъ: это показываетъ, повидному, что войско его не вступило еще на непріятельскую территорію.

³⁾ Болото это, никогда не пересыхающее, начинается у д. Рожкова и тянется до с. Назова, гдѣ соединяется съ Миевскимъ болотомъ; длина его 75 верстъ, ширина — отъ 100 саж. до 5 и болѣе верстъ. Матеріалы для геогр. и статистики. Черниговская губ. с. 43.

⁴⁾ Ипат. 179, 289, 306; это теперешній г. Остеръ.

⁵⁾ Любопитно, что во время нашествія Ольговичей въ 1185 г., когда они опустошали окрестности Городца, люди съ лѣваго берега Днѣпра хотѣли бѣжать на правый, а не къ Переяславу (Ипат. с. 215).

родовъ; за всѣмъ тѣмъ обладаніе лѣвнымъ берегомъ Днѣпра для Кіева было чрезвычайно важно. Когда Кіевъ захватилъ эту заднѣпровскую полосу—въ древнѣйшую ли эпоху, въ эпоху борьбы полянскихъ племенныхъ князей съ сосѣдними племенами, или позднѣе, при раздѣленіи на удѣлы Кіевского государства, мы не знаемъ; первое, впрочемъ, едва ли не вѣроятнѣе.

Сѣверо-восточную границу опредѣлить въ точности трудно; къ сѣверу, примѣрно, отъ устья Тетерева рубежемъ служилъ, вѣроятно, Днѣпръ, по крайней мѣрѣ до устья Припети. Сѣвернымъ рубежомъ Кіевской земли, пока къ ней принадлежала земля дреговичей, служилъ, вѣроятно, водораздѣлъ бассейна Припети, съ одной стороны, Березины и Нѣмана—съ другой ¹⁾, но и послѣ отдѣленія Турово-Пинской земли за Кіевомъ остались нѣкоторые земли къ сѣверу отъ Припети; такъ во второй половинѣ XII в. къ Кіеву принадлежатъ городъ *Брагинъ* ²⁾; Кіеву же принадлежалъ тогда *Мозырь* ³⁾. Кіевская граница отъ устья Припети шла по Днѣпру (крайній извѣстный намъ здѣсь черниговскій городъ—это Любечъ) или, можетъ быть, по водораздѣлу Днѣпра и р. Брагинки ⁴⁾, огибала Брагинъ и Мозырь, гдѣ нибудь недалеко къ западу отъ послѣдняго пересѣкала Припеть и направлялась затѣмъ на юго-западъ, гранича съ Турово-Пинскою землею; сколько нибудь точно опредѣлить направленіе границы здѣсь невозможно: въ этой мѣстности, удаленной отъ театра политическихъ событій, лѣтопись почти вовсе не называетъ населенныхъ пунктовъ; крайнимъ кіевскимъ городомъ на сѣверо-западѣ является Овручъ, а Дубровица (теперь Домбровица) на Горыни, къ югу отъ впаденія

¹⁾ См. Барсовъ. Географія с. 124, 182—184, Доннаръ Запольскій ор. с. с. 45.

²⁾ См. Илат. с. 443; это теперешній Брагинъ на р. Брагинкѣ въ Рѣчицкомъ уѣздѣ; о Брагинской волости см. статью въ Календарѣ сѣверо-запад. Россіи на 1889 годъ (с. 118 слѣд.).

³⁾ „Ияславъ (Давидовичъ) посла къ брату Святославу, даи ему Мозырь и Чичерскъ“ Илат. с. 341. Ияславъ сидѣлъ тогда въ Кіевѣ, Чичерскъ (на р. Сожѣ) оставался за нимъ изъ прежнихъ его черниговскихъ владѣній, а Мозырь, очевидно, принадлежалъ къ кіевскимъ (Турово-Пинская земля въ то время была самостоятельна). Что Мозырь входилъ въ территорію Кіевской земли, это подтверждается и позднѣйшею принадлежностью его къ Кіеву, о чемъ ниже. Обширность его относятъ къ Турово-Пинской землѣ (Барсовъ. Словарь с. 126, Доннаръ Запольскій ор. с. с. 60).

⁴⁾ Барсовъ Географія с. 148; по его мнѣнію здѣсь проходилъ этнографическій рубежь.

Случи, принадлежала уже къ Турово-Пинскому князеству; куда принадлежалъ городъ *Степань*, совершенно неизвѣстно ¹⁾.

Съ запада Кіевская земля замыкалась Погориню; такъ называлась полоса земли по обѣимъ сторонамъ средней Горыни, занимавшая посредствующее положеніе между землями Кіевскою и Волынскою и служившая яблокомъ раздора между ними. Крайними пунктами ея съ запада были въ половинѣ XII в. *Пересопница* и *Зарѣчскъ* (оба существуютъ подъ своими именами донныѣ), на р. Стублѣ, текущей въ Горынь; къ югу отъ нихъ—*Шумскъ* на р. Вилии и *Тихомель* на Горыни. *Чемеринъ* на р. Олмкѣ (теперь Поляновка, притокъ Горыни) и *Муравица*—принадлежали, повидимому, уже къ Волынской землѣ ²⁾. Крайнимъ восточнымъ пунктомъ Погорини былъ городъ *Корчскъ* или *Корчискъ*, теперешній Корецъ на р. Корчиѣ, Новоградволынского уѣзда ³⁾.

На юго-западѣ Кіевская земля доходила до Южнаго Буга; г. *Межибожье* въ половинѣ XII в. составлялъ частный кіевскій удѣлъ вмѣстѣ съ *Божскимъ*, *Котельницею* и еще двумя неизвѣстными по имени городами ⁴⁾. Отъ Межибожья первоначальный рубежъ шелъ, вѣроятно, по Бугу, до его поворота на югъ; у этого колѣна, на притокѣ Буга Деснѣ, стоялъ кіевскій городъ *Прилука*, упоминаемый въ XII в. ⁵⁾.

Южный рубежъ Кіевской земли вообще былъ подверженъ большимъ колебаніямъ; Русь постоянно вела борьбу со степью, и въ зависимости отъ успѣха этой борьбы измѣнялись границы ея поселеній ⁶⁾. Въ концѣ языческой эпохи, какъ было упомянуто, поселенія Руси

¹⁾ Глѣбъ Юрьевичъ Дубровицкій былъ изъ князей туровскихъ (Ипат. 426, 466). Г. Андриашевъ высказалъ предположеніе, что Глѣбъ получилъ Дубровицу въ приданное за дочерью Всеволода Городенскаго (Ист. Вол. а. с. 60). Карамзинъ (IV. пр. 175 с. 76) и Барсовъ (Географія с. 123) отнесли Степань къ Турово-Пинской землѣ, но онъ слишкомъ далеко лежалъ на югъ; М. А. Максимовичъ считалъ его въ числѣ городовъ погоринскихъ, какъ и Дубровицу (Собраніе сочин. II. с. 355, 401); не включилъ Дубровицу въ число турово-пинскихъ городовъ и г. Довнаръ Запольскій (ор. с. с. 58).

²⁾ Ипат. л. с. 270—271, 284, 313. Пересопница и Зарѣчскъ въ Ровенскомъ уѣздѣ, Чемеринъ и Муравица—Дубельскомъ, Шумскъ и Тихомель (около Яглола)—въ Кременецкомъ; объ этомъ рубежѣ см. у Барсова Географія с. 122; его опредѣленіе принялъ и г. Андриашевъ Ист. Волын. и. с. 15. Объ этихъ городахъ см. еще ниже.

³⁾ Ипат. с. 276.

⁴⁾ Ипат. 234, 243. 257.

⁵⁾ Лавр. с. 296. Барсовъ. Географія с. 139—140.

⁶⁾ Объ этомъ см. у Барсова, Географія с. 134 сл.

доходили до р. Роси; затѣмъ въ X в., съ появленіемъ въ сосѣдствѣ печенѣговъ, Поросье пустѣеть, извѣстіе лѣтописи о г. Родкъ стоитъ одиноко, и самый этотъ городъ затѣмъ не упоминается; св. Владиміръ хлопочеть уже объ укрѣпленіи побережья Стугны, которое было ограждено рядомъ городовъ и валомъ; по словамъ епископа Брунона, осѣдлыя поселенія простирались въ это время только на два дня пути отъ Кіева ¹⁾. Послѣ пораженія, нанесеннаго печенѣгамъ Ярославомъ, снова начинается наступательное движеніе Руси въ степь; создана, или скорѣе возобновлена была военная граница по Роси, укрѣпленная также валами и городами, и заселенная плѣнниками и переселенцами. Половецкія нападенія, происходившія въ концѣ XI в., опять было ослабили Поросье и, разрушивъ военную границу, оттѣснили населеніе снова въ область Стугны, но побѣдоносная борьба съ половцами начала XII в. возстановила Русь въ ея предѣлахъ, и послѣ того она уже не отступала (въ рассматриваемый періодъ) отъ береговъ Роси. Мало того, хотя за Росью лѣтописи не называетъ намъ такихъ пунктовъ, положеніе которыхъ было бы точно опредѣлено, однако нѣкоторые соображенія заставляютъ думать, что Русь перешла затѣмъ за эту рѣку и придвинулась къ бассейну Южнаго Буга. Въ этомъ отношеніи любопытно извѣстіе лѣтописи (годъ 1190 г.) ²⁾, что половцы, производя свои набѣги, скрывались „по Висемъ“, т. е. въ побережьи Висы, и оттуда, давъ отдыхъ конямъ, выѣзжали на новые набѣги; отъ Висы до Роси 70—100 верстъ, и едва ли бы половцы прятались по Висѣ, если бы владѣнія Руси не переходили за Рось. Едва ли бы и кіевскіе князья въ такомъ случаѣ ѣздили въ это же время охотиться „на устья Тесмени“ ³⁾. Рѣка Торчъ, падающая въ Рось съ правой стороны, и стоящее на ней с. Торчище (въ Таращанскомъ у.), если ихъ и не связывать съ лѣтописнымъ Торческомъ, указываютъ во всякомъ случаѣ на существованіе здѣсь поселеній черныхъ клобуковъ. Уже за Росью, вѣроятно, находились города *Боровой* и *Чорнагозъ*, на которые нападали половцы въ выше упомянутыя экспедиціи съ р. Висы. Наконецъ въ предмѣстьи гор. Черкасѣ недавно была найдена весьма

¹⁾ *Duxi te, ubi mea desinit terra, inimicorum incipit*, сказалъ Владиміръ Брунону, проводивъ его до вала—Письмо Брунона къ императору Генриху II, *Monumenta Poloniae histor.* I. p. 226.

²⁾ Ипат. с. 450.

³⁾ Ипат. с. 449.

любопытная находка—четыре монетныя кievскія гривны ¹⁾, что может указывать на существованіе здѣсь поселенія въ до-монгольскую эпоху. Правдоподобно, южную границу этихъ поселеній составляли теченіе Глялого Тикича и водораздѣлъ между Высью и Тясминомъ, съ одной стороны, и Росью—съ другой, до Днѣпра, а затѣмъ рубежъ шелъ Днѣпромъ къ сѣверу, до устья Корани.

Если это положить на современную карту, то въ половинѣ XII в., въ эпоху, предшествующую упадку, Киевская земля (не включая Турово—Пинской волости) занимала приблизительно: Киевскую губернію, за исключеніемъ уѣздовъ Уманскаго, Чигиринскаго и южныхъ частей Липовецкаго, Звенигородскаго и Таращанскаго, узкую прибережную полосу надъ Днѣпромъ въ Переяславскомъ уѣздѣ Полтавской губерніи и Остерскомъ—Черниговской, затѣмъ южную часть Рѣчидскаго и юго-восточную Мозырскаго уѣздовъ Минской, уѣзды Овручскій, Ровенскій (исключая сѣвернаго угла), Житомирскій, Новоградъ-Волинскій, Заславскій, Острожскій (граница его съ Дубенскимъ проходитъ какъ разъ по старому кievскому рубежу) и восточные углы уѣздовъ Кременецкаго и Старовостантинновскаго—Волинской и сѣверныя части уѣздовъ Летичевскаго, Литинскаго и Винницкаго Подольской губерній.

Во второй половинѣ XII в. и въ первой половинѣ XIII Киевская земля потерпѣла значительныя потери въ западной части: отъ нея отошла Погорина и весь юго-западный уголокъ земли. Распри за Погорину начались открыто съ половины XII в., когда Юрій отнялъ Киевъ у Изяслава; раньше обладаніе Погориною если, можетъ быть, и служило тайною причиною несогласій кievскихъ князей съ волынскими, однако вопросъ этотъ не выступалъ наружу, и Погорина находилась въ полномъ распоряженіи кievскихъ князей ²⁾. Но Изяславъ, прогнанный на Волынь, въ 1150 г. требуетъ себѣ отъ Юрія земель

¹⁾ Объяснительная записка проф. В. В. Антоновича. О поселеніяхъ за Росью см. также у Барсова, Географія с. 189, 298 сл. и П. В. Голубовскаго, Печенѣги etc. с. 188. Барсовъ обратилъ вниманіе еще на большое число поселеній, имена которыхъ показываютъ, что здѣсь проходилъ рубежъ: это разнныя „городки“, „городища“, которые тянутся отъ водораздѣла Висы и Тясмина до Буга; но тутъ и позже проходили рубежи населенной полосы. Тотъ же ученый полагалъ, что Заросье уже не причислялось собственно къ кievскимъ владѣніямъ; и въ самомъ дѣлѣ оно должно было находиться въ тѣхъ же отношеніяхъ къ Киеву, какъ и Поросье, и нѣтъ никакихъ основаній дѣлать для него исключеніе.

²⁾ Ипат. с. 144, 172, 181.

по Горнини: „то волость отца моего и моя по Горнину“¹⁾; претензіи Изяслава простирались до г. Корческа на востокъ; нѣскольکو разъ Погорина въ это время переходить изъ рукъ въ руки, но перевѣсъ остался за Кіевомъ²⁾. Южная часть ея, города именно *Шумскъ*, *Тихомель*, *Выгощеть*, *Гнойница*, были одновременно захвачены Володиміромъ Галицкимъ, потомъ также возвращены³⁾. Но затѣмъ всю вторую половину XII в. Погорина составляетъ постоянно самостоятельный удѣлъ Кіевской земли, въ которомъ сидятъ родичи кіевскихъ князей⁴⁾; обособившись такимъ образомъ (особенно важно было въ этомъ отношеніи продолжительное, двадцатилѣтнее княженіе Владиміра Андреевича), Погорина, по мѣрѣ ослабленія Кіевского княжества, все болѣе и болѣе уходила изъ подъ вліянія Кіева и постепенно вошла въ сферу вліянія и интересовъ волынскихъ. Погоринскіе города: *Дорогобужъ*, *Пересопница*, *Шумскъ* упоминаются въ началѣ XIII в. въ числѣ городовъ Луцкаго княжества; Тихомель также упоминается, какъ волынскій городъ⁵⁾. А въ области верхней Случи и въ Побужьи въ первой половинѣ XIII в. появляется группа Болоховскихъ городовъ, освободившихся изъ подъ власти кіевскихъ кня-

¹⁾ Т. е. по Горнини; Ипат. с. 276, также 281; приведенныя слова Изяслава довольно странно: отецъ его Мстиславъ, насколько намъ извѣстно, никогда не сѣдѣлъ на Волини.

²⁾ Ипат. л. с. 275, 280—281.

³⁾ Ипат. л. с. 281, 312, 318; Большая и Малая Гнойница въ западу отъ Заслава, на границѣ Заславскаго и Острожскаго у.; мѣстоположеніе Выгощева неизвѣстно, указываютъ на Вышгородокъ въ Кременецкомъ у., см. Погодина Исслѣд. IV. с. 162, Андришевска Ист. Волин. зем. с. 85. Что захваченные Володиміромъ города принадлежали къ Кіевской землѣ (Погоринѣ), видно изъ того, что они называются русскими городами въ противоположность Галичу (Ипат. с. 312, 318), Шумскъ и позже принадлежалъ къ Погоринѣ (Ипат. с. 373). Если Изяславъ называетъ ихъ своими городами въ противоположность Кіевской волости (Ипат. с. 281—282), то потому, что онъ, сѣдя на Волини, претендовалъ на владѣніе Погориню, но это не значитъ, чтобы города эти были дѣйствительно волынскіе (см. „Болоховскую землю“ Н. П. Дашкевича въ Трудахъ III археологич. съѣзда II. с. 76). Что города эти не остались за Галичемъ, но были возвращены потомъ, видно изъ того, что они позже вошли въ составъ Волини, вмѣстѣ со всею Погориню.

⁴⁾ Въ 1146 г. Изяславъ посадилъ на Погоринѣ Вячеслава, переведя его изъ Турова; Вячеславъ просидѣлъ здѣсь до 1160 г.; въ слѣдующемъ году виднѣтъ на Погоринѣ Владиміра Андреевича, который оставался здѣсь до смерти (1171 г.), послѣ него захватилъ Погорину Владиміръ Мстиславичъ, передавшій ее потомъ сыну Мстиславу. См. Ипат. с. 270, 297, 305, 385, 373, 386.

⁵⁾ Ипат. л. с. 485, 488, 500, 513; Дорогобужъ существуетъ понынѣ на Горнини, ок. Гоци, въ Острожскомъ уѣздѣ.

зей и достигших автономіи ¹⁾. *Каменец* на Случи (теперь с. Каменка) былъ въ это время, повидимому, порубежнымъ городомъ, и мы видимъ его то въ рукахъ кievскихъ князей, то волынскихъ ²⁾. Рубежь проходилъ въ это время, вѣроятно, по средней Случи, колебалась и подавалась то на западъ, то на востокъ, поворачивалъ на юго-востокъ, огибая верховья Тетерева, Раставицы и Роси, и затѣмъ, какъ было упомянуто, направлялся, правдоподобно, водораздѣломъ Роси, Тясмина и Выси ³⁾. Относительно сѣверной и восточной границъ за это время мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній, которыя бы свидѣтельствовали объ ихъ измѣненіи.

Перейдемъ къ обзорѣню населенныхъ пунктовъ и урочищъ Киевской земли. Начнемъ съ центра. *Кіевъ* занимаетъ, какъ извѣстно, свое старое мѣстоположеніе ⁴⁾. На мѣстѣ Старого Кіева, на крутыхъ, обрывистыхъ холмахъ находился „городъ“, окруженный стѣнами, вѣроятно деревянными ⁵⁾, которыя прорѣзаны были воротами: съ юга вели ворота Ладскія, съ юго-запада Золотыя, съ сѣверо-запада Жидовскія. Въ этомъ верхнемъ городѣ находились знаменитѣйшіе храмы

¹⁾ О Волоховскихъ городахъ смотри еще ниже, въ обзорѣни населенныхъ мѣстностей.

²⁾ Ипат. с. 468, 508, 516, 521; см. изслѣдованіе Н. П. Дашкевича „Волоховская земля“ с. 77—78.

³⁾ Что касается Поросля, то хотя Торческъ и принадлежалъ Мстиславу Мстиславичу въ то время, какъ онъ сидѣлъ въ Галичѣ, а потому на Покиньи (какъ земля была при этомъ волость, тянувшая къ Торческу, неизвѣстно), но эта волость не переставала считаться кievскою, не была инкорпорирована галицкими владѣніями, и лѣтопись, говоря о передачѣ Даниломъ Торческа дѣтямъ Мстислава, выражается такъ: Данилъ же изъ Русское земли (т. е. Киевской) взялъ собѣ часть Торцький, и наки да и дѣтень Мстиславичъ (Ипат. л. с. 511).

⁴⁾ Историческая топографія Кіева содержитъ не мало трудныхъ и спорныхъ вопросовъ и имѣетъ значительную литературу, но я ограничусь здѣсь лишь самыми общими свѣдѣніями. Главными пособиями для знакомства съ предметомъ служатъ въ настоящее время: большое „Описаніе Кіева, Закарвскаго (2-ое изд. 1868 г., 2 тома), второй томъ собранія сочиненій Максимовича и многочисленныя статьи и замѣтки о. П. Г. Лебедичева, помещенныя въ Трудахъ III археол. съѣзда, Читеніяхъ истор. общества Нестора, Киевской Старинѣ и пр. Небольшой, но весьма живой очеркъ Кіева см. у г. Иловайскаго (Исторія Россіи т. I ч. 2. с. 3—15).

⁵⁾ Выраженіе лѣтописи: „заложн Ярославъ городъ великий Кіевъ“ не можетъ служить доказательствомъ того, что стѣны были каменныя (какъ думалъ Погодинъ—Иславъ

Кіева: „митрополія“—св. Софія, громадний храм Богородици Десятинною, монастири св. Георгія, св. Ірини, Андреевскій—Яничинъ, Оedorовскій, Златоверхій—Михайловскій, Дмитріевскій. Здѣсь же находился главный княжескій дворець—„великій дворъ Ярославль“, двory князей и княгинь, бояръ; такъ упоминаются двory извѣстныхъ бояръ: Коснячка, Чудина, Никифора, Воротислава, дворъ княгини Мстиславлей ¹⁾; тутъ же, по сосѣдству этой кievской аристократин, можетъ быть и подъ опекой ея, пріютился и еврейскій кварталъ—„жидове“, вѣроятно около Жидовскихъ воротъ ²⁾. У подножья горы, надъ Днѣпромъ раскинулось Подолье, торговая и промышленная часть города; открытая съ сѣвера, она была защищена палисадомъ—„столпьемъ“, которое шло отъ горъ до Днѣвира—оно упоминается въ XII в.; далѣе за „столпьемъ“ разстигалось низменное „болонье“ по теченію р. Сѣтомя ³⁾. Съ верхнимъ городомъ Подолье сообщалось „Боричевымъ узвозомъ“ и другимъ, болѣе отлогимъ спускомъ—подъ горою Уздыхальницею. Здѣсь, на Уздыхальницѣ, помѣщаютъ нѣкоторые пресловутый Копыревъ конецъ, предмѣстье съ монастыремъ св. Симеона и церковью св. Іоанна ⁴⁾, другіе помѣщаютъ его въ долину между Уздыхальницею и Шчекавицею. На самомъ Подолѣ достовѣрно извѣстны только церкви св. Ілліи и Успеня Богородицы, можетъ быть тождественная съ Пирогощей ⁵⁾. У южной оконечности Подола, въ устьѣ Почайны, которая падала въ Днѣпръ прежде гораздо ниже, противъ Крещатицкаго ручья, находилась главная пристань Кіева ⁶⁾.

дованія VII. с. 203); никакихъ остатковъ послѣднихъ пока не обнаружено. Въ послѣ-монгольское время Кіевъ, несомнѣнно, имѣлъ деревянныя стѣны—см. списокъ городовъ Воскресенской л. (I. с. 240): городъ Кіевъ древяль, на Днѣпрѣ. Время составленія этого списка и происхожденіе его до сихъ поръ не установлено прочно; повидному, онъ составляетъ собою сводъ данныхъ изъ разныхъ эпохъ и редактированъ не раньше конца XIV в.—см. Монографія В. В. Антоновича I с. 55, Замѣтки по ист. рус.-лит. госуд. Н. П. Дашкевича с. 49.

¹⁾ Ипат. с. 85, 120, 248.

²⁾ Ипат. с. 208.

³⁾ Ипат. с. 280, 353.

⁴⁾ Ипат. с. 206, 217, 250, 288. Историческія замѣтки о Кіевѣ о. Лебединцева въ Кіевск. Старинѣ за 1884 г. кн. X. с. 248. Проф. Лашкаревъ предполагалъ Копыревъ конецъ на Кудравцѣ, гдѣ существуетъ фундаментъ древней церкви.

⁵⁾ О послѣдней см. замѣтку о. П. Лебединцева въ Кіевской Стар. 1887. XII. с. 779; его мнѣніе принято и проф. Малишевскимъ въ послѣдованіи о церкви Богородицы Пирогощей—въ Чтеніяхъ общества Нестора кн. V и отдѣльно (с. 17—18).

⁶⁾ Ипат. с. 40. О старомъ устьѣ Почайны см. въ Описаніи Кіева Захреськаго (II. с. 718 слѣд.) и въ упомянутыхъ Историч. замѣткахъ о. Лебединцева (с. 250 сл.).

О многолюдности, обширности, богатствѣ города сохранилось немало извѣстій. Такъ уже Дитмаръ, по слухамъ, называлъ его большимъ городомъ, въ которомъ 400 церквей, 8 рынковъ и несмѣтное множество народа. Адамъ Бременскій называетъ его соперникомъ Константинопольскаго престола, славнѣйшимъ украшеніемъ Греціи (т. о. славъ греческаго обряда) ¹⁾. По извѣстію сувдальской лѣтописи, во время пожара 1124 г. въ Кіевѣ „церкви еднѣхъ изгорѣ близъ 6 сотъ“ ²⁾. Эти громадныя цифры церквей обыкновенно оправдываютъ такъ, что предполагаютъ въ этомъ числѣ многочисленныя часовни и домовыя церкви; по существующимъ даннымъ можно насчитать въ до-монгольскую эпоху въ Кіевѣ и его окрестностяхъ вмѣстѣ съ монастырями около 30 церквей. Что до рынковъ, мы знаемъ только большое „торговище“ въ Подольѣ, которое послѣ возстанія 1068 г. было переведено на гору, и снова является на Подольѣ въ XII в., и затѣмъ „Бабинъ торгъ“ въ южномъ городѣ: его помѣщаютъ у Десятинной церкви ³⁾.

Населеніе Кіева было дѣйствительно очень значительно; лѣтописецъ передаетъ, что во время мора 1192 г. отъ Филиппова дня до испуницъ, въ два съ половиною мѣсяца, умерло, по словамъ гробовщиковъ, 7000 человекъ; а сколько кромѣ того обошлось безъ услугъ гробовщиковъ! Моръ этотъ не произвелъ однако значительнаго опустошенія: въ томъ же году кіевское населеніе проявило свою энергію довольно сильно, и лѣтописецъ не жалуется на запустѣніе; поэтому можно предположить, что населенія въ городѣ было, примѣрно, не менѣе ста тысячъ ⁴⁾. Бойкая торговля привлекала сверхъ туземцевъ много „населенниковъ“ ⁵⁾ изъ разныхъ мѣстъ: здѣсь существовала цѣлая колонія новгородцевъ, имѣвшихъ свою „божницу“ ⁶⁾, колоніи западныхъ купцовъ—нѣмцевъ или „латинъ“, тоже имѣвшихъ свои церкви ⁷⁾, проживало, несомнѣнно, много грековъ по духовнымъ и торговымъ дѣламъ; о еврейскомъ кварталѣ я уже упомянулъ, есть намекъ

¹⁾ Thietmari Chronicon l. VIII, c. XVI (въ Monument. Pol. Hist. l. p. 818). Adami Bremensis Gesta l. II. c. 19 (въ Scriptores rerum Germanicarum. 1846 p. 62).

²⁾ Лаврент. л. с. 278.

³⁾ Ил. 120, 122, 249. Захревскій оп. с. I. с. 206.

⁴⁾ Ил. с. 150—151, см. Иловайскій Исторія т. 1 ч. 2. с. 14.

⁵⁾ Ил. с. 478: множество вѣрныхъ Клянь и населенники ихъ.

⁶⁾ Лавр. с. 302.

⁷⁾ Ил. л. с. 398, 1 Новгород. с. 50. См. также буллу папы Григорія IX въ Кіевъ съ католиками 1234 г., въ Historica Russ. Mon. I. № 89. Объ иноземныхъ церквяхъ

на существованіе и армянской колоніи; вѣроятно, проживали въ Кіевѣ и восточные кушцы ¹⁾. Смуты XII вѣка, двукратное разореніе Кіева—должны были тяжело отражаться на благосостояніи города его торговлѣ и уменьшать постепенно его населеніе; въ частности, еврейская колонія, вѣроятно, сильно уменьшилась еще раньше, послѣ погрома 1113 г. ²⁾. Тѣмъ не менѣе иностранныя колоніи упоминаются въ Кіевѣ вплоть до монгольского нашествія.

Вокругъ Кіева, во всѣхъ направленіяхъ, находился цѣлый рядъ болѣе или менѣе замѣчательныхъ, историческихъ поселеній и урочищъ. На сѣверо-западѣ отъ города, по дорогѣ въ Вышгородъ находились урочища *Дороожичи*, съ монастыремъ св. Кирилла, и *Капичь* ³⁾; на западѣ—*Буличи* (можетъ быть теперешнія Бѣличы) и знаменитая *Желани*, мѣсто многихъ битвъ и схватокъ (должно быть на мѣстѣ теперешняго с. Жуляны) ⁴⁾; гдѣ-то на Лыбеди находилось сельцо *Предславино*, гдѣ жила когда-то Рогнѣда ⁵⁾. Къ югу отъ города, за долиною, по которой протекалъ Крещатицкій ручей, на Кловскомъ холмѣ находился монастырь Стефанецъ съ церковью Влахернской Божьей

см. 1 Новгород. (с. 26): „а что гости иноземля всякого языка, затворнишася въ църквахъ и выдаша имъ животь“; правдоподобно, тутъ рѣчь идетъ о церквахъ не туземныхъ; ср. Ист. рус. церкви Голубинскаго т. I. пол. 2. с. 705—706. Несомнѣнно существовалъ во второй четверти XIII в. костелъ св. Маріи, при которомъ основали около 1230 г. свой конвентъ доминиканцы; самый костелъ, повидимому, существовалъ и раньше, см. Дзуглоу I. VI. р. 649. Малишевскій,—Доминиканецъ Яцекъ Одровонжъ, Труды Кіевской Дух. Акад. 1867 г. кн. VI. с. 485.

¹⁾ На присутствіе армянъ въ Кіевѣ указываютъ: полемическія замѣчанія о нихъ въ посланіяхъ Θεодосія къ Изяславу и Никифора къ Ярославу (см. у Макарія—Ист. рус. церкви, приложенія 5 и 10, с. 338 и 365), въ Уставѣ бѣлечскомъ м. Георгія (изд. у Голубинскаго Ист. рус. церкви, томъ I половина 1 509 сл., § 6), а главное—свидѣтельство Патерника (въ житіи св. Агапнта), что врачъ армянинъ „научи на св. Агапнта) единобѣриники свои“ дать ему смертнаго зелья (Патерникъ въ изд. Зновлева с. 132); ср. Исторію рус. церкви проф. Голубинскаго т. I. пол. 2, с. 708. О сарацинахъ упоминаетъ Θεодосій въ вышеупомянутомъ поученіи, вспоминая также Петра „Суриянина“—т. е. сирійца, предворнаго виллесаго доктора начала XII в. (Патерникъ с. 101).

²⁾ Ср. Еяремъ въ Южной Руси проф. Малишевскаго с. 112.

³⁾ Ипат. с. 50, 372, 414, 457.

⁴⁾ Ипат. с. 154, 215, 354, 365. Лавр. 297. Погодинъ Исслѣдов. и пр. IV с. 190. Подхлывичъ—Кіевскій и Радомисльскій у. с. 16 и 86; авторъ полагаетъ, что нѣя Желани носилъ теперешній ручей Ворцагопка, въ с. Жулянахъ; это несъна вѣроятно. Заковскій (I с. 311) полагалъ, что лѣтописная Желани находилась между Лыбедью и Кирилловскимъ монастыремъ.

⁵⁾ Ипат. с. 53.

Матери ¹⁾. На юго-востокъ оттуда, надъ Днѣпромъ, было урочище *Угорское* и въ немъ княжескій дворецъ („подъ Угорскимъ“) ²⁾, тутъ же была и церковь св. Николая—у Аскольдовой могилы ³⁾; нѣсколько ниже лежало село *Берестово*—здѣсь упоминается церковь св. Апостола, а позадиъе, вмѣстѣ съ нею или на мѣстѣ ея, былъ монастырь Спаса, который многіе отождествляютъ съ Германовскимъ (Германечъ) ⁴⁾. Вся эта мѣстность была, какъ видно, укрѣплена, и въ укрѣпленіе вели Угорскіе ворота; кажется, что вся она составляла княжеское помѣстье, и самый Печерскій монастырь, находившійся въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ Берестовымъ, едвали не былъ расположенъ на этой княжеской землѣ ⁵⁾. Ниже Печерскаго монастыря—урочище *Выдобичи*, монастырь Всеволожъ св. Михаила и „красный дворъ“, выстроенный Всеволодомъ ⁶⁾. Кромѣ упомянутыхъ трехъ княжескихъ дворцовъ, былъ гдѣ-то еще „Новый дворъ“, затѣмъ за Днѣпромъ „Рай“, загородный дворъ кн. Юрія; на островѣ, противъ Выдобичъ, былъ, кажется, также загородный княжескій дворецъ, въ которомъ жилъ Изяславъ Мстиславичъ въ 1149 г. ⁷⁾; и послѣ татарскаго нашествія жилъ тамъ же, вѣроятно, Михаилъ Всеволодичъ ⁸⁾; наконецъ Теремецъ, упоминаемый подъ 1150 г., вѣроятно теперешній хуторъ Теремки по дорогѣ въ Гасильковъ, былъ, можетъ быть, такъ же княжескимъ загороднымъ дворцомъ ⁹⁾.

Днѣпровское русло подъ Кіевомъ образуетъ много рукавовъ и заливовъ; отъ нижней Десны отдѣляется рукавъ Черторья и образуетъ большой островъ противъ Кіева, теперешній Трухановъ; на этомъ островѣ извѣстно урочище Долобское озеро, соединявшееся протокомъ

¹⁾ Ипат. с. 162, 188, 201.

²⁾ Ипат. с. 307.

³⁾ Ипат. с. 13.

⁴⁾ Ипат. с. 109, 127, 425. Исторія рус. церкви и. Макарія П. с. 91. Ист. рус. к. Галуцкаго I. 2. с. 483.

⁵⁾ Мнѣ кажется вполнѣ вѣроятнымъ ивѣніе г. Иловайскаго, который отождествляетъ княжескій дворъ „подъ Угорскимъ“ съ дворомъ на Берестовѣ (Ипат. л. с. 90, 161), см. Ист. Россіи т. I. ч. 2, с. 515; здѣсь же и объ Угорскихъ воротахъ (Ипат. с. 296).

⁶⁾ Ипат. с. 162, 475.

⁷⁾ „Для увеселенія“—поисляетъ Татищевъ (Исторія Россійск. П. с. 337).

⁸⁾ Ипат. с. 261, 336, 474, 524.

⁹⁾ Лавр. с. 311. Сборникъ матер. для истор. топогр. Кіева, отд. III. с. 100. Похищенъ, Уѣзды Кіевскій и Радомильскій с. 88.

съ Черториеню; небольшой волокъ отдѣлялъ это озеро отъ днѣпровскаго залива—Золотчи; эти урочища замѣчательны, какъ мѣста княжескихъ сѣздовъ¹⁾; этимъ же путемъ: Долобскимъ озеромъ и затѣмъ волокомъ въ Золотчу, прошелъ въ 1151 г. Юрій, желая обойти лодьями Кіевъ²⁾. Другой протокъ, только менѣе значительный чѣмъ Чертория,—Радосинь (теперь Радунка), упоминаемая въ лѣтописи подъ 1111 г.³⁾. На островѣ, образуемъ ею, у тепершняго с. Вигуровщины, находился знаменитый *Городецъ*, много разъ упоминаемый въ XI и XII в., мѣсто княжескихъ сѣздовъ, опорный пунктъ въ походахъ на Кіевъ; тотъ же Городецъ, вѣроятно, слѣдуетъ разумѣть и подъ „*Песочномъ городкомъ*“, изъ котораго въ 1237 г. любовался „красотою и величествомъ“ Кіева ханъ Менгу⁴⁾. Чтобы покончить съ Заднѣпровьемъ, намъ нужно назвать еще нѣсколько пунктовъ: у устья Десны, на южномъ берегу ея, нѣкоторые помѣщаютъ *Ольжичи*, село св. Ольги по словамъ лѣтописца⁵⁾. Противъ Вышгорода, у тепершняго с. Хотяновки, было уро-

¹⁾ Ипат. л. с. 181, 182, 191, 293, 420—1. О Черториѣ и проч. см. у Закревскаго (Описание Кіева I. 297—299, 327). Барсовъ (Географія нач. лѣт. с. 22, 143), Погодинъ (см. карту окрестностей Кіева въ его атласѣ къ Древней русск. ист.) и другіе помѣщаютъ Долобское озеро и Золотчу не на островѣ, а на лѣвомъ берегу Днѣпра. Помѣщая ихъ на островѣ, я руководствовался какъ добитыми лично свидѣніями, такъ и грамотою 1508 г., гдѣ жалуются Пустинно—Николаевскому монастырю „озеро на имя Долобскъ въ островѣ въ Тухановѣ“ (Сборникъ матер. для истор. топ. Кіева, отд. III. с. 11—изъ Актовъ Зап. Россіи II. с. 45).

²⁾ Хотѣвшимъ внизъ пойти къ Витечевскому броду, къ смѣющимъ же нѣхъ пустити лодии мимо Кіевъ, но пустиша ѣ во озеро Дулѣбское (Долобское—Лавр.) и оттолѣ волочиша ѣ берегомъ въ Золотчу, по Золотчи же выдоша во Днѣпръ лодѣ ихъ.—Ипат. с. 293.

³⁾ Ипат. л. 193 293; о Радосини см. брошюру г. Гошкевича: Замокъ князя Симеона Олельковича и лѣтописный Городецъ подъ Кіевомъ, Кіевъ 1890 г. (также въ Трудахъ Кіевск. Духовн. Акад. 1890 г. кн. 2) с. 15.; Радосинь вытекала изъ Десны у с. Троещины и обогнувъ его, падала въ Черторию ниже с. Вигуровщины у Барсова—Географія с. 22 и 224—нѣсколько иначе).

⁴⁾ Ипат. л. с. 520—1. Относящійся къ Городцу мѣста лѣтописи собраны въ упомянутой брошюрѣ г. Гошкевича с. 20 сл.; см. также Барсова Географію с. 143, 297; для опредѣленія мѣстности особенно важны Ипат. с. 141, 193, 213. Обыкновенно этотъ кіевскій городокъ называется Городцемъ, а Остерскій—Городкомъ, но иногда также и Городцемъ, см. Ипат. с. 285 и 314, гдѣ рѣчь идетъ объ Остерскомъ городкѣ.

⁵⁾ Ипат. л. с. 88, 222, 315, 351, 424; см. Барсова Географію с. 143 и упомянутую карту въ атласѣ Погодина. Опредѣлить точно мѣстоположеніе Ольжичъ на основаніи лѣтописныхъ свидѣтельствъ трудно: видно только, что онѣ лежали по дорогѣ въ Черниговъ, слѣдовательно повше Кіева. Максимовичъ предполагалъ Ольжичи на правомъ берегу Днѣпра, между Дорогомичами и Вышгородомъ (Собр. соч. II с. 345—6), но доводы его

ище *Витичи*; по весьма вѣроятному соображенію В. В. Антоновича, это пресловутые Увѣтичи или Ветичи, мѣсто съѣзда 1100-го г. ¹⁾, которое ученые приурочивали то къ Витичеву, то къ р. Ветѣ (около Кіева, къ югу, верстахъ въ 15) ²⁾. Задпѣпровскіе Ветичи имѣютъ то преимущество предъ Витичевымъ и Ветою, что находятся за Дпѣпронъ въ той нейтральной полосѣ, на которой по преимуществу съѣзжались на съѣзды князья. По аналогіи нѣкоторые и Любечъ, хісто съѣзда 1097-го г., также переносятъ въ окрестности Кіева, къ нѣкоему озеру Подлюбскому, на лѣвой сторонѣ Дпѣпра ³⁾.

Къ югу отъ Кіева, кромѣ упомянутаго уже *Сакова*, въ той же задпѣпровской полосѣ, противъ Витичева, должно быть, повидимому, вознѣщено село *Мирославское*, упоминаемое подъ 1150 г. ⁴⁾; въ концѣ XIV вѣка въ кіевскомъ Задпѣпровьѣ существовали также *Мирославици*, но слѣдуетъ ли ихъ отождествить съ этимъ селомъ Мирославскимъ, или нѣтъ—трудно рѣшить (нѣкоторые отождествляютъ Мирославици XIV в. съ нынѣшнимъ с. Вигуровщиною; въ такомъ случаѣ, конечно, ихъ нельзя отождествить съ с. Мирославскимъ ⁵⁾).

Для сообщенія съ Задпѣпровьемъ издревле существовалъ около Кіева веревозъ; еще во времена начального лѣтописца были люди, которые

не убѣдительно; выраженіе „на сей сторонѣ Дпѣпра у Личь“ (Ипат. с. 315) не имѣетъ значенія: лѣтописецъ говоритъ объ осадѣ Чернигова и съ точки зрѣнія послѣднего могъ смотрѣть и на Ольжичи. Въ пользу лѣваго берега говоритъ то, что у Ольжичъ съѣзжались черниговскіе князья для переговоровъ съ кіевскимъ (Ип. с. 222); они вѣдь не любятъ забираться на Дпѣпръ.

¹⁾ Ипат. л. с. 180) и Лазр. сп. (с. 203.): въ увѣтичяхъ; въ Радзив. и Академическомъ; у ветичехъ. Урочище Ветова могла и Ветичи упоминаются въ межовомъ актѣ 1713 г., см. Сборн. матер. для ист. топогр. Кіева, отд. III. 135, 136.

²⁾ Къ Витичеву приурочивали ихъ: Карамзинъ (II, пр. 195), Арцибашевъ (I. 2. пр. 329), Костомаровъ (Русск. ист. I. 58), Пловайскій (I. пр. 47). На р. Вету указалъ впервые Максимовичъ, и его мнѣніе было принято затѣмъ Погодинымъ (Ислѣд. IV. с. 162), Соловьевымъ (II, пр. 132) и Барсовымъ (Географія с. 144); см. также Похилевича Уѣздн. Кіевскій и Радомисл. с. 106.

³⁾ См. Географію Барсова с. 143, упомянутую карту Погодина, также Учебный атласъ проф. Замисловскаго, карту № 2.

⁴⁾ Ипат. л. с. 294: стана же на Витичевѣ у Мирославскаго села противу собѣ. Какой-то Мирославиць упоминается въ спискѣ городовъ Воскресенской л. (I. 240), рядомъ съ Вешгородомъ.

⁵⁾ 1 лѣтов.-русск. лѣтопись (над. Шопова с. 40); Повидній—Указатель къ над. кіевск. археограф. вѣстн. т. II. с. 500, 505.

возникновение Кіева объясняли существованіемъ этого перееза —, нни не вѣдуце ркоша, яко Кий ееть перевозникъ быеть, у Кіева бо переезъ баше тогда съ оной страны Днепра, тѣмъ глаголаху: на переезъ на Кіевъ“ ¹⁾. Мономахъ соединилъ Кіевъ съ Запднпроемъ мостомъ, вѣроятно плочучимъ, разводнымъ; назначенный, конечно, главнымъ образомъ для сообщенія съ Переяславскою волостью Мономаха, онъ находился, вѣроятно, пониже Кіева, гдѣ нибудь у Выдобичей, гдѣ раньше упоминается переезъ ²⁾. Позднѣе мы не имѣемъ о немъ извѣстій, опять фигурируетъ „переезъ Кіевскій“, и войска подъ Кіевомъ переправляются на насадахъ ³⁾.

Перейдемъ къ обзорнѣю другихъ населенныхъ пунктовъ Полянскои земли. Повеше Кіева, въ 15 верстахъ ⁴⁾, на Диѣпрѣ стоялъ знаменитѣйшій изъ пригородовъ Кіевщины *Вышгородъ*, упоминаемый и у Константина Порфиророднаго, какъ одинъ изъ значительныхъ городовъ ⁵⁾. Онъ былъ расположенъ на высокомъ холмѣ, прекрасно укрѣпленъ и служилъ форпостомъ Кіева съ сѣвера; около него обыкновенно переправлялись черезъ Диѣпръ, если шли на Кіевъ со стороны Чернигова или изъ Кіева на Черниговъ, чтобы не переходить Десны ⁶⁾. Помимо того онъ былъ замѣчательенъ и религіозной святыней—мощами св. Бориса и Глѣба, патронеовъ Руси (заступника Руськой земли) ⁷⁾, въ честь которыхъ была выстроена деревянная, а потомъ и каменная церковь, на мѣстѣ старой—св. Василия, сгорѣвшей отъ пожара. Несторъ въ своемъ „Чтеніи“ величаетъ поэтому Вышгородъ блаженнымъ, честнымъ, святымъ городомъ ⁸⁾. Въ окрестностяхъ

¹⁾ Ипат. л. с. 5.

²⁾ Ипат. с. 208 (подъ 1115 годомъ). Иловайскій, Ист. Рос. I с. 147. Позднѣйшій Крмолевскій списокъ (Поли. собр. лѣтоп. II. с. 7) и Татищевъ (Россійск. Исторія II. с. 216) помѣщаютъ мость у Вышгорода; Максимовичъ (Собр. сочин. II с. 345.) предполагаетъ его ниже Вышгорода, по дорогѣ въ Черниговъ, но Мономаху интереснѣе было соединить Кіевъ съ Переяславомъ, чѣмъ съ Черниговомъ.

³⁾ Ипат. с. 232, 230.

⁴⁾ Въ „Чтеніи“ о Борисѣ и Глѣбѣ Нестора—въ 15-и стадіяхъ (Чтенія Моск. Общ. Ист. и Древн. 1859 г. кн. I. с. 10).

⁵⁾ De administr. imper. с. IX.

⁶⁾ Напримѣръ Ипат. л. 217, 304, 325 и друг.

⁷⁾ Ипат. с. 96.

⁸⁾ „Чтеніе“ Нестора с. 10, 14, 23—24; Ип. с. 201. Объ остаткахъ древней церкви см. у Похилевича, Уѣзды Кіевскій и Радомисл. с. 5.

Вышгорода, гдѣ-то къ сѣверу отъ него, известна еще безыменная „божница“; пѣкоторые полагають ее на мѣстѣ нынѣшняго Межигорскаго монастыря ¹⁾. На островѣ подъ Вышгородомъ былъ, повидимому, княжескій дворъ: здѣсь жилъ передъ смертю Всеволодъ Ольговичъ ²⁾.

Къ западу отъ Кіева, въ 20 верстахъ, на правой сторонѣ Ирпени, на крутомъ берегу, находился другой знаменитый пригородъ *Бѣлгородъ* (теперь м. Бѣлгородка), служившій кіевскимъ форпостомъ съ запада: сюда шель трактъ на Волинь и въ Галичъ, „въ Ляхи и Угры“; городъ былъ также хорошо укрѣпленъ—еще Владиміромъ; черезъ Ирпень былъ перекинутъ подъемный мостъ ³⁾. Кромѣ того Бѣлгородъ былъ замѣчательнъ, какъ епископская кафедра; кафедральная церковь—св. Апостолъ была сначала деревянная; Рюрикъ Ростиславичъ выстроилъ каменную (1197 г.) ⁴⁾.

Къ югу отъ Кіева находился *Звенигородъ*, „иже есть городъ малъ у Кіева, яко десяти версты вдале“, по дорогѣ къ Василькову: городокъ замѣчательный тѣмъ, что въ немъ совершенно было ослѣпление Василька; съ большою вѣроятностью онъ приучивается къ „Сиракову городищу“ у с. Хотова ⁵⁾. Къ сосѣднему городищу, тоже типа т. н. великокняжескаго, у Китаевской пустыни, покойный Максимовичъ приурочивалъ городъ *Пересѣченъ*, мѣстоположеніе котораго не опредѣлено ближе въ источникахъ ⁶⁾.

¹⁾ Ипат. л. с. 352. Максимовичъ Собр. сочин. II. с. 256.

²⁾ Ипат. л. с. 229.

³⁾ Ипат. с. 83, 268. О Бѣлгородѣ см. замѣтку г. Хруцова въ Чтеніяхъ общества Нестора I. с. 262.

⁴⁾ Ипат. с. 225, 473.

⁵⁾ Ипат. с. 170, 300. О мѣстоположеніи его см. статью В. В. Антоновича въ Чтеніяхъ ист. Общества Нестора кн. I с. 87 (и въ Древностяхъ Москов. Арх. Общ. т. I в. I; его мнѣніе принялъ и г. Иловайскій (Ист. Россіи т. I ч. 2 с. 517). Покойный Максимовичъ приурочивалъ Звенигородъ къ с. Звонковой, на Ирпени, ниже Бѣлгородки (Собраніе сочин. т. I. с. 820).

⁶⁾ Ипат. л. с. 325, 350. Объяснит. Записка В. В. Антоновича и рефератъ его же въ Чтеніяхъ Кіевск. общ. Нестора кн. I с. 256. Въ спискѣ городовъ Воскресенскаго свода Пересѣченъ помѣщенъ между Юрьевичъ и Василевичъ. О немъ см. еще въ Очеркѣ извѣстій о Подольской землѣ г. Молчановскаго (с. 84—85), который, принимая предположеніе Максимовича, сближаетъ китаевскій Пересѣченъ съ Пересѣтномъ 914 г. (Никонов. л. т. I с. 26), городомъ улчей (по мнѣнію г. Молчановскаго—древлянъ). Что до типовъ городищъ, то современная археологія въ общихъ чертахъ установила для нашего края три типа ихъ: доисторическій, періода историческаго—княжескаго (до XV в.) и новѣйшій, при

Еще южнее, по р. Стугнѣ, находился цѣлый ряд городовъ. Между устьями Стугны и Красной, надъ Днѣпромъ, на крутомъ мысу, съ трехъ сторонъ окруженномъ водою, находимъ *Треполь*, довольно значительный, хорошо укрѣпленный городъ; у него находился бродъ черезъ Днѣпръ, четвертый, считая съ сѣвера, изъ извѣстныхъ въ Киевской землѣ: выше были переправы у Выдобичъ, у Вышгорода и на устьѣ Припети—у „Давидовой боженки“¹⁾. Выше Треполя по Стугнѣ находился *Тумаць*; опъ, какъ видно изъ лѣтописнаго разсказа, лежалъ на пути изъ Звенигорода къ Череветову полю (о которомъ ниже) и какъ будто у самой Стугны; линія, соединяющая Звенигородъ и Тумаць, пересѣкала затѣмъ Ольшаницу, такъ что это поселеніе нужно полагать около теперешняго с. Ханьбикова²⁾. Нѣсколько выше Тумаща стоялъ *Василевъ*, теперешній Васильковъ, одинъ изъ важнѣйшихъ кievскихъ пригородовъ, родина св. Феодосія Печерскаго; городъ получилъ свое имя, вѣроятно, въ честь христіанскаго патрона св. Владимира, который выстроилъ здѣсь и церковь Преображенія, въ память своего спасенія отъ печенѣговъ; самый го-

корюченный къ условіямъ употребленія огнестрѣльных орудій. Городища перваго типа преимущественно имѣютъ круглую или эллиптическую форму; городища втораго типа расположены обыкновенно на уединенныхъ возвышенностяхъ, естественныхъ или отлѣзанныхъ искусственно, формы укрѣпленій обуславливаются контурами возвышенности и обыкновенно неправильны, при чемъ городище, если позволяютъ условія мѣстности, окружено еще нѣсколькими концентрическими рядами валовъ; новѣйшія городища имѣютъ правильную геометрическую форму. Эти типическія особенности могутъ служить основаніемъ для опредѣленія эпохи сооруженія, хотя иногда первоначальный типъ бываетъ имѣетъ позднѣйшія фортификаціонныя сооруженія. Смотри объ этомъ у г. Самохвалова Древніе города Россіи с. 112 сл. (или рефератъ—Историческое значеніе городищъ, въ Трудяхъ III археолог. съѣзда т. I, с. 229 сл., и по новоду его с. XXXIII—XXXV) и рефератъ В. Б. Антоновича—въ Читеніяхъ Общества Нестора (кн. III с. 14—15); возраженія, сдѣланныя противъ этой классификаціи Д. И. Багалъемъ (Ист. Сѣверск. з. с. 59 сл.), вызвали въ свою очередь возраженія г. Андрияшева—Ист. Вол. земл. с. 51 сл.

¹⁾ Ипат. с. 153—4, 409; теперешнее Триполье лежитъ къ югу отъ устья Красной, но древній городъ находился къ сѣверу отъ него, какъ видно изъ лѣтописнаго разсказа подъ 1098 г.

²⁾ Ипат. с. 279: „Изяславъ поиде отъ Звенигорода къ Тумацю... въ утрої же день поиде противу Володыжирю... и перешедъ Стугну и Ольшаницю перешде“. Здѣсь помѣщается Тумаць, впрочемъ гипотетично, и В. Б. Антоновичъ, см. карту къ упомянутой статьѣ его о Звенигородѣ въ „Чтеніяхъ“. Г. Андрияевскій (Кіевск. Стар. 1882 IX с. 443) указываетъ на с. Барахти, гдѣ есть „кутокъ Тимошівка“, но Тумаць былъ къ сѣверу отъ Стугны.

родъ, впрочемъ, могъ существовать и до Владиміра, и послѣдній, можетъ быть, только укрѣпилъ его, какъ и Бѣлгородъ ¹⁾). Въ той же приблизительно полосѣ, далѣе къ западу, находился *Вернезъ* или *Чернезъ*—на пути отъ Бѣлгорода къ Перепетову полю, къ сѣверу отъ вала ²⁾). Эти города и городки и, вѣроятно, многіе еще, намъ неизвѣстны, входили въ составъ той оборонительной линіи, которая была создана Владиміромъ: „и рече Володимерь: се не добро есть, маю городовъ около Кыева, и нача ставити города по Деснѣ, и по Устри, и по Трубешевн, и по Сулѣ, и по Стугнѣ“ ³⁾; одни города были выстроены вновь, и для заселенія ихъ приведены насельники изъ дальнихъ волостей, другіе, прежде существовавшіе, были теперь укрѣплены. Кромѣ городовъ, эта граница была укрѣплена, по свидѣтельству очевидца—еп. Брунона, длиною и крѣпкою оградою ⁴⁾). Въ настоящее время сохранились остатки трехъ валовъ въ этой мѣстности. Первый проходитъ по сѣверному берегу Стугны, потомъ поворачиваетъ на сѣверъ, пересѣкая р. Ирпень и Здвигъ; слѣды его затѣмъ теряются, но можно предположить, что онъ поворачивалъ на сѣверо-востокъ и доходилъ до Днѣпра; около м. Макарова отъ этой линіи отдѣляется вѣтвь, правдоподобно переходившая за Тетеревъ и также направлявшаяся затѣмъ на сѣверо-востокъ. Вторая линія направляется по южному берегу Стугны, у с. Мытницы поворачиваетъ на сѣверъ и соединяется съ первой линіею; тутъ большая вѣтвь идетъ отъ нея на западъ, къ верховьямъ Здвиги. Третья линія идетъ по

¹⁾ Ипат. с. 76, 85—86 и др. Житіе Θεодосія л. 1 обор.: „градъ есть отстоя отъ Кыева, града стольваго, 50 вопритъ, именемъ Василевъ“; по теперешнему отъ Кіева до Васильева ок. 30 верстъ.

²⁾ Ипат. с. 300: Гюрги (отъ Бѣлгорода) иде черезъ боръ къ Вернезу (Чернезу) и отъгъ иде за валъ и ста у Былицѣ (Воскр. 1. 54—Былицѣ). Надеждитъ и Неволицъ для Вернеза уваивали на мѣстечко Черногородку, на Ирпени (Погодитъ, Исслѣд. и пр. IV с. 183), есть еще похочія имена—Чернявка на Унагѣ, Берянки на Каменкѣ, къ югу отъ Фастова, но всѣ они лежатъ слишкомъ далеко на западъ, не по дорогѣ—Юрій шелъ вправо на югъ, на Перепетово; валъ, упоминаемій лѣтописцу, вѣроятно тотъ, что идетъ отъ с. Мытницы на западъ (о немъ будетъ рѣчь сейчасъ), къ сѣверу отъ него нужно предположить Чернезъ, а непосредственно къ югу—Былицу.

³⁾ Ипат. л. с. 83.

⁴⁾ Senior Ruzorum duos dies cum exercitu duxit me ipse usque ad regni sui terminum ultimum, quem propter vagum hostem firmissima ac longissima sepe undique circumclauit. Monument. Poloniae hist. I. p. 224—5.

сѣверному берегу р. Красной и затѣмъ направляется на сѣверо-западъ; вѣроятно, этотъ валъ примыкалъ ко второй линіи ¹⁾. Эта сложная система валовъ сложилась разновременно, по мѣрѣ того, какъ подъ влияніемъ историческихъ условій расширялась или суживалась область осѣдлыхъ поселеній; приурочить отдѣльныя сооруженія къ опредѣленной эпохѣ трудно. В. Б. Антоновичъ, основываясь на показаніяхъ Брунона, полагаетъ, что Владимиру Св. принадлежнъ устройство первой линіи вала, которая проходитъ верстахъ въ 50 отъ Кіева; съ исходомъ же XI в. валы, по его мнѣнію, уже утратили свое стратегическое значеніе ²⁾.

На Стугнѣ же, недалеко отъ Триполья, находится любопытное урочище—Торчъ съ остатками крѣпости на высокой (ок. 600 ф. надъ уровнемъ Стугны), пирамидальной горѣ, у с. Старыхъ Безрадичъ ³⁾. Къ этой мѣстности многіе приурочиваютъ *Торческій*, одинъ изъ значительныхъ городовъ Кіевской земли, населенный торками ⁴⁾. Этотъ

¹⁾ О валахъ см. статью „Зміевы валы“ В. Б. Антоновича (въ Кіевской Старинѣ за 1884 г. кн. III), его же археологическую карту кіевской губ. и объяснительную записку къ ней. О постройкѣ городовъ Владиміромъ см. спеціальную статью проф. Березкова въ Читеніяхъ Ист. Общ. Нестора кн. II отд. 2 с. 71 сл.

²⁾ *Зміевы валы*, с. 365, 368, 370.

³⁾ Описаніе Торча см. въ упоминаемой въ слѣдующемъ примѣчаніи статьѣ г. Ревякина; городище треугольное, окруженіемъ шаговъ въ 120.

⁴⁾ Впервые эта мысль высказана была П. И. Ревякиннъ въ статьѣ „Сближеніе историческихъ показаній съ народною легендою о древнемъ Торческѣ“—Кіевск. Губ. Вѣдом. за 1863 г. №№ 33 и 34, и почти одновременно (хотя не вполне опредѣленно) въ статьѣ, принадлежащей, кажется, г. Похляевичу—тамъ же въ № 28 (ср. Сказанія о насел. мѣсти. Кіевск. г. с. 39—41). Г. Ревякинъ записалъ изъ устъ обитателей преданіе, что на Торческой горѣ, „ще за тѣхъ клязміа, що колись-то казювали у Кнѣа, Красному і Трипѣліа, тому може с тислчу літ йе“ находился городъ Торчъ, который былъ осажденъ ордою; князья пришли на помощь, но пока они „колотились та радѣлися“, орда начала на нихъ и потопила въ Стугнѣ, а Торчъ пала хитростью, проведя своихъ воиновъ въ городъ въ возахъ, наполненныхъ якобы провіантомъ. Преданіе это приведено также въ статьѣ г. Столянова: „Южнорусская нѣсія о собитіахъ XI в.“ въ Кіевской Старинѣ 1882 г., VII с. 88 слѣд., и затѣмъ, въ переводѣ, у П. В. Голубовскаго Печеніягъ etc., с. 237 слѣд. П. В. Голубовскій относится съ довѣріемъ къ этому преданію, но близость къ лѣтписному разсказу, доходящая до мелочей, дѣлаетъ его чрезвычайно подозрительнымъ; хотя рассказчики и ссылаются на своихъ дѣдовъ, онъ, вѣроятно, книжнаго происхожденія и только прилагъ нѣкоторія сказочныя подробности (о воинахъ, провезенныхъ въ возахъ, о церкви, скрывшейся подъ землею); такое мнѣніе высказалъ о немъ Н. И. Костомаровъ (см. замѣтку его въ Кіевской Старинѣ 1882 кн. VIII. с. 362 сл.). Мнѣніе П. И. Ревякина, что

крѣпкій городъ былъ взятъ половцами и разрушенъ въ 1093 г., затѣмъ имя его исчезаетъ изъ исторіи и появляется снова только во второй половинѣ XII в. (съ 1161 г.); онъ играетъ въ это время видную роль, является по временамъ какъ бы центромъ Поросья, а въ XIII в., при Мстиславѣ Мстиславичѣ, къ нему какъ будто тянуло даже цѣлое Понизье ¹⁾. Другіе ученые держатся стараго мнѣнія, высказаннаго первоначально Карамзинымъ, что Торческъ находился на мѣстѣ с. Торчицы на р. Торчи, Таращанскаго уѣзда ²⁾, или полагаютъ, что Торческовъ въ Кіевской землѣ было нѣсколько ³⁾. Мнѣ кажется, нѣтъ серьезныхъ препятствій къ тому, чтобы отождествлять Торческъ XI в. съ Торческомъ XII в., но этотъ Торческъ, по моему мнѣнію, также трудно приурочить къ Старымъ Безрадичамъ, какъ и къ с. Торчицѣ; мнѣ кажется, что этотъ Торческъ находился гдѣ нибудь къ юго-западу отъ Старыхъ Безрадичъ, въ центрѣ Поросья ⁴⁾. Что же касается урочища Торчъ, то можетъ быть, здѣсь были поселены остатки тор-

голицкій Торческъ находился у Старыхъ Безрадичъ, принято было затѣмъ В. В. Антоновичемъ (Чтенія ист. общ. Нестора I. с. 40), П. В. Голубовскимъ (Печенѣги etc. с. 139), Костомаровичъ—въ упомянутой выше замѣткѣ (с. 867—8), Андриевскимъ (въ Кіевской Старинѣ за 1883 г. IX. с. 5)—для Торческа 1093 г. только.

¹⁾ Ипат. л. с. 152, 154, 157, 353, 365, 501, 511. Лавр. л. с. 240 (Полученіе Монаха); ср. Голубовскій—Печенѣги etc. с. 139.

²⁾ Исторія Госуд. Росс. II пр. 165; это мнѣніе принимали: Соловьевъ (II пр. 99), Погодинъ (Искѣд. IV. с. 153), Бартоль (Географія с. 139, кромѣ того онъ указываетъ еще на городище у м. Стеблева—Каневск. у.), въ своихъ „Матеріалахъ для географич. словаря“ (с. 200) ссылающийся въ пользу Безрадичъ, и другіе; не такъ давно его подробно защищалъ П. Г. Лебединцевъ въ Обществѣ Нестора (см. Чтенія кн. II с. 46 сл.). Татищевъ предпологалъ Торческъ на Роси, „можетъ гдѣ нибѣ Корсумъ и Білая Церковь, понеже Торчи въ тѣхъ мѣстахъ жили“ (Ист. Росс. II. с. 444). Упомяну еще, что на картѣ, приложенной къ Исторіи Галичско—Володин. Руси проф. Шаралевича, Торческъ помѣщенъ вблизи Буга, выше устья Десны.

³⁾ См. Погодина Искѣд. IV. с. 189—190, Иловайскаго Исторію Россіи I. 2. 517, также Чтенія въ Общ. Нестора кн. II с. 48; возраженія противъ этого у Погодина же (Надеждина и Невольна) и Соловьева т. II пр. 293.

⁴⁾ Къ такому же заключенію пришелъ и г. Иловайскій (Ист. Россіи I. с.), Молчаевскій (Очеркъ извѣст. о Подольской зем. с. 67) и Андриевскій (С. Кт. 1883. IX. с. 11)—последній относительно Торческа XII в., который онъ отличаетъ отъ Торческа 1093 г. и приурочиваетъ къ м. Кагарынку на Рассавѣ. Противъ Старыхъ Безрадичъ можно выставить такіе возраженія: неіроотно, чтобы торки, населявшіе Торческъ, были поселены такъ далеко отъ рубежа, которымъ тогда была Росс; довольно не іроотно, чтобы въ Без-

вовъ послѣ разрушенія поросской границы въ 1093—1096 г., какъ жители Юрьева были переведены къ Витичеву. Впослѣдствіи этотъ городокъ могъ сохранить свое имя ¹⁾).

За Стугною находимъ города: *Краснъ*, теперь с. Красное на р. Красной ²⁾; за устьемъ р. Красной, на возвышенномъ полуостровѣ надъ Днѣпромъ—*Халмъ*, теперь с. Халепе ³⁾, и *Витичевъ* (теперь Вытачевъ), крѣпкій замокъ съ замѣчательною пристанью, извѣстною еще Константину Порфирородному; тутъ же находился и бродъ черезъ Днѣпръ ⁴⁾. На холмѣ у Витичева при Сватополкѣ Мн-

радичамъ ткнуло Поросье; нѣкоторые мѣста, гдѣ говорится о Торческѣ (какъ Ив. с. 455), не могутъ быть отнесены къ Безрадичамъ, да и описаніе войны 1093 г., гдѣ идетъ речь о походѣ на Поросье. Самое естественное объясненіе этого похода киевлянами—что они пошли на выручку Торческа; русская рать идетъ берегомъ Днѣпра къ Тренолю, пришла къ Стугнѣ, долго колеблется: очевидно, половцы были за Стугною; наконецъ она переходитъ ее, идетъ въ юго-западномъ направленіи (минувше Тренола, преодола валъ) и становится тыломъ къ Стугнѣ, „и се Половцы идяху противу“; судя по фронту русской рати, половцы шли, вѣроятно всего, съ юго-запада, въ томъ же направленіи нужно предположить и Торческа, иначе трудно себѣ объяснить, какъ пошли половцы за Стугну и затѣмъ русскіе перешли рѣку (иначе объяснить это движеніе П. В. Голубовскій—Печенѣги etc. с. 139—140). Если приурочить Торческа къ Торчицѣ, то очень странно движеніе русскихъ берегомъ Днѣпра въ этомъ походѣ. Торческа былъ, очевидно, не далеко отъ Киева: половцы ширяютъ то къ Тренолю и Киеву, то назадъ, а отъ Торчицы до Киева болѣе 100 верстъ (на это обратилъ вниманіе уже П. И. Ревякинъ). Разсказъ лѣтописи подъ 1193 г., на который преимущественно указываетъ П. Г. Лебединцевъ (Чтенія П. с. 47) ничего не говоритъ въ защиту именно Торчицы, хотя не подходитъ къ Безрадичамъ; Торческа по этому разсказу могъ находиться и внутри Поросья; любопытно, что въ этомъ же разсказѣ: „Половцы же ѣхаша по нихъ (покахъ Ростиславихъ) до Руси, Ростиславъ же приѣхъ къ Торческѣ“ (Ипат. с. 456)—Густия. лѣтоп. (с. 324) читаетъ „до Роси“; если это истинное чтеніе (ср. Порусье ии. Поросье въ Погодинскомъ и Хлѣбниковскомъ спискахъ—Ипат. с. 230, 329 (2 раза), 365—въ разночтеніяхъ) то, несомнѣнно, Торческа находился въ сѣверу отъ Роси. Если предположить Торческа недалеко къ юго-зап. отъ Триполя, то выиграетъ въ пониманіи и мѣсто Ипат. с. 389. „тѣмъ же путемъ идуче (изъ-подъ Торческа въ Киевъ) — выгнаша Мьстислава изъ Трѣполя“.

¹⁾ Къ нему очень подходитъ Ипат. с. 515; это мѣсто можно впрочемъ отнести и къ предполагаемому мѣстоположенію Торческа внутри Поросья, но очень трудно къ Торчицѣ (см. еще объ этомъ мѣстѣ у г. Молчановскаго Очеркъ извѣст. о Подольск. а. I. с.).

²⁾ Ипат. с. 215, Лавр. с. 240 (Поученіе Мономаха). По соседству съ Красницъ П. В. Голубовскій (Печенѣги с. 140) полагаетъ и Варницъ (Лавр. I. с.; и указываетъ на село Вережье, но былъ ли Варницъ на киевской или переславской сторонѣ Днѣпра, нельзя съ увѣренностью сказать.

³⁾ Лавр. 240, 284.

⁴⁾ De administr. imperio с. IX; Ипат. 265, 293.

хажь былъ выстроенъ городъ, населенный жителями Юрьева и „заселовцами“, и названный *Святополчемо* въ честь строителя; сюда на время была перенесена и юрьевская кафедра, до возобновленія Юрьева (въ 1103 г.) ¹⁾; теперь указываютъ на сосѣднее село Стайки, южная часть котораго доселѣ носитъ названіе Гуриновка: это можетъ быть отголоскомъ воспоминанія о юрьевскихъ переселенцахъ ²⁾. Вѣроятно, этотъ же городъ упоминается подъ 1223 г., подъ именемъ „*Новгородъ Святополчскій*“ ³⁾.

Далѣе къ югу отъ теченія Стугны и Красной начинается обширное степное Поросье, занимавшее бассейнъ Роси; я упоминалъ уже о судьбѣ его: эта исконная область полянскаго племени запустѣла въ періодъ печенѣжскихъ набѣговъ и только при Ярославѣ началъ поправляться: Ярославъ „поча ставити города по Росі“ и селить здѣсь колонистовъ—плѣнныхъ ляховъ, также, вѣроятно, насельниковъ изъ сѣверныхъ волостей ⁴⁾. Какіе именно города были построены имъ, какіе возобновлены, какіе явились позднѣе, мы не можемъ опредѣлять. Кромѣ городовъ, Поросье, какъ и область Стугны, было защищено еще валами: валъ тянется по сѣверному берегу Роси, затѣмъ поворачиваетъ на сѣверо-западъ, мимо Раставицы, и у верховья въ Здвига онъ примыкаетъ, вѣроятно, къ сѣверной системѣ валовъ; другой валъ, начавшись неподалеку отъ Бѣлой Церкви, проходитъ южнѣе, поворачиваетъ потомъ на сѣверъ и также примыкаетъ (у с. Ходоркова) къ той же линіи сѣверныхъ валовъ. Верховья Роси и Раставицы (на послѣдней упоминаются города уже во второй половинѣ XI в.) остаются внѣ этихъ укрѣпленій, но существовали и далѣе на югъ линіи валовъ, остатки которыхъ извѣстны, напримѣръ, у г.

¹⁾ Ипат. с. 160.

²⁾ См. Похлевитча—Сказанія с. 47, Андріевского—Лѣтописный Юрьевъ, Кіевская Стар. 1863. IX. с. 7.

³⁾ Ипат. с. 497, Лавр. 482; см. Карамзинъ III нр. 805, Погодинъ—Исслѣдованія IV. с. 202; г. Гагалій предпочитаетъ чтеніе Николюск. л. (II с. 93)—Полограда Сѣверскаго (Исторія Сѣверской з. с. 262).

⁴⁾ Ипат. с. 106.

Таращи, къ югу отъ Корсуна ¹⁾. Въ послѣдующемъ заселеніи и обезпеченіи Поросья видную роль игралъ тюрскій элементъ. Преемники Ярослава поселили на Поросьѣ орды торковъ и другихъ кочевниковъ; по извѣстію Татищевскаго свода, во время удачнаго похода въ степь 1060 г. князья захватили много плѣнныхъ и расселили ихъ по городамъ ²⁾; дѣйствительно уже въ 80-хъ годахъ XI вѣка мы находимъ извѣстіе о Торческѣ, городѣ торковъ ³⁾. Половецкія нападеныя въ девяностыхъ годахъ XI в., разрушеніе городовъ Торческа (1093 г.) и Юрьева (1095) снова ослабили Поросье, такъ что князья выводили жителей на Стугну, къ Витичелу, какъ упомянуто выше ⁴⁾. Но побѣды надъ половцами въ началѣ XII в. снова поправили дѣло; уже въ походѣ 1103 г. князья „заяша Печенѣги и Торки съ вежами“ и, конечно, расселили ихъ по границѣ: такъ поселенія торковъ затѣмъ упоминаются у Заруба; въ связи съ этимъ стоитъ и возстановленіе Юрьева. Такіе же выводы колонистовъ могли повторяться и при послѣдующихъ походахъ; въ 1116 г. на Русь выселилось много торковъ и берендѣевъ, вслѣдствіе неудачной борьбы съ половцами ⁵⁾. То обстоятельство, что, начиная съ 1146 г., лѣтописецъ иногда прилагаетъ къ половцамъ степнымъ эпитетъ „дикихъ“ ⁶⁾, наводитъ на мысль, что можетъ быть, около того времени на Поросьи поселилась также и часть половцевъ, которые оставили, быть можетъ, слѣдъ своего пребыванія въ нынѣшнихъ названіяхъ селъ Большаго и Малаго Половецкаго и Кумановки ⁷⁾. Эти разноплеменные жители Поросья: печенѣги, торки, берендичи, коуи, капичи объединяются въ лѣтописи обыкновенно подъ общимъ именемъ черныхъ клобуковъ ⁸⁾ и включаются въ политическое понятіе Руси, хотя, конечно, противополо-

¹⁾ См. Зміевы валы (с. 356) и Объяснит. записку В. Б. Антоновича.

²⁾ Татищевъ Ист. Росс. II. с. 116.

³⁾ Лавр. 240 (Почуеніе Мономаха; описываемые имъ походы произошли до 1066 г.— смерти Ярополка Изяславича; Погодинъ помѣщаетъ ихъ подъ 1065 г. (Исслѣд. V. с. 146).

⁴⁾ Ипат. л. с. 157, 159, 160.

⁵⁾ Ипат. с. 184—185, 186, 204.

⁶⁾ Ипат. с. 228, 238 и др.

⁷⁾ Васильковскаго и Бердичевскаго уѣздовъ.

⁸⁾ Объ этомъ см. у Погодина Исслѣдованія т. V с. 194—196, у П. В. Голубовскаго—Печенѣги и пр. с. 149.

гаются Русь этнографической ¹⁾). Население въ о и на новыхъ обита-
лищахъ сохранило кочевой, пастушескій образъ жизни, языческую
религію, о чемъ свидѣлствуетъ эпитетъ „поганныхъ“, прилагаемый
къ нимъ, и привычки степной жизни; оно кочевало по тучнымъ па-
сбищамъ Поросья со своими вежами и стадами, имѣло свои городки,
но они служили, вѣроятно, главнымъ образомъ на случай непріятель-
скихъ нападеній ²⁾). На ряду съ этими тюркскими насельниками про-
должало существовать по прежнему населеніе славянское, которое по
преимуществу занимало города ³⁾), для котораго продолжала суще-
ствовать отдѣльная юрьевская епархіа; очевидно, оно было довольно
многочисленно и въ лѣтописи по временамъ ясно противопоставляется
тюркскому населенію подъ именемъ поршанъ ⁴⁾), хотя въ другихъ
случаяхъ термины Поросье, поршане обнимаютъ собою всѣхъ оби-
тателей Поросья, безъ различія племени. Эти разноплеменные сожи-
тели уживались мирно между собою—по крайней мѣрѣ у насъ нѣтъ
свидѣтельствъ въ противоположномъ смыслѣ ⁵⁾).

Перейдемъ теперь къ обзорѣню отдѣльныхъ мѣстностей Поросья.
Въ центрѣ его находилось знаменитое Перепетовское поле—обширная
возвышенная равнина, разстилающаяся по верховьямъ Рута и Ольша-
ницы (теперь т. н. Белоцерковскій степъ) и получившая имя отъ
„Перепетовыхъ“—двухъ громадныхъ кургановъ, именуемыхъ теперь
Перепетомъ и Перепетыхою. Перепетовское поле лежало на пути изъ
Кіева въ Галичъ и потому нѣсколько разъ упоминается въ лѣтописи;
тутъ произошла и знаменитая рѣшительная битва Изяслава Мсти-

¹⁾ См. Ипат. с. 391: Кмили, и Берендѣичи, и Поросье, и вся Руская землі. Берендѣичи противопоставляются Русь напр. въ Ипат. с. 414, 420—421.

²⁾ См. особенно Ипат. с. 205—206.

³⁾ См. напр. Ипат. с. 344—„Берендѣичи и Гюргевки“; очевидно, Юрьевъ былъ населе-
нъ славянами.

⁴⁾ См. Ипат. напр. с. 230: „вси Клобуди и Поршане“, но на с. 267 слово „Поршане“ обозначаетъ и чернижъ клобуковъ, которые участвовали тоже въ походѣ; см. также с. 230 „Черяки Клобуди и все Поросье“. Ср. у П. В. Голубовскаго, Печенѣги etc. с. 146 сл., также у Мелчановскаго Очеркъ изв. о Подольской з. с. 64; довольно вѣроятно предполо-
женіе послѣдняго (с. 91—2), что черноклобудскія поселенія не ограничивались Поросьемъ,
но простирались и далѣе на западъ, въ область средняго и верхняго Буга, хотя въ лѣ-
тописяхъ и нѣтъ указаній на это.

⁵⁾ Если не считать глухого извѣстія лѣтописи объ нападѣніи Мономаховъ берендѣ-
чей на Русь (Ипат. с. 206).

славича съ Юріемъ въ 1151 г. ¹⁾). Гдѣ-то у Перепетова поля находилось урочище или поселеніе *Бзылиця*, упоминаемое при описаніи этой битвы ²⁾, по сосѣдству же Перепетова можно предполагать и г. *Дерновскій* 1146 г. ³⁾. Внутри Поросья предполагаются еще: *Святославль*, упоминаемый въ концѣ XI в. вмѣстѣ съ Торческомъ и Юрьевымъ ⁴⁾, также *Михайловъ*, разрушенный въ 1172 г.; изъ многочисленныхъ кievскихъ поселеній этого послѣдняго имени наиболѣе подходятъ къ обстоятельствамъ с. Михайловка у р. Субода, притока Каменки, но это село не имѣетъ слѣдовъ города, а объ укрѣпленіяхъ Михайлова говоритъ сама лѣтопись ⁵⁾.

Въ побережьи Днѣпра, носившемъ издавна имя Бѣлобережья ⁶⁾,

¹⁾ О немъ специальная статья г. Андріевского въ Киевской Старинѣ за 1882 кн. IX. Перепеть находится у с. Марьяновки, а Перепетиха у с. Фастовца; о нихъ см. Ипат. л. с. 301.

²⁾ Ипат. с. 360; г. Андріевскій (ор. с. с. 440) указываетъ на рѣчку Узинъ съ Узиномъ, текущую въ Рось ниже Рота, и сблизаетъ ихъ имена съ Бзылицей, Узинцею, какъ онъ читаетъ Бзылицу; но не совсѣмъ вѣроятно, чтобы тогда Юрій уклонился такъ на востокъ.

³⁾ Ипат. л. с. 230. Погодинъ помѣщаетъ его между Зарубонъ и Витичевикъ—Изслѣдов. IV. с. 170. Другое мнѣніе о мѣстоположеніи Дерновскаго указано ниже.

⁴⁾ Лавр. с. 240 (Почуеніе Мономаха): „и потокъ на Святославль гоникомъ по Половцихъ, и потомъ на Торческій городъ, и потомъ на Гюргевъ по Половцихъ“. Г. Андріевскій (Кiev. Стар. 1882. IX. с. 5) замѣчаетъ о Святославлѣ: „не есть ли это Nebennamte Богуславль?“

⁵⁾ Ипат. с. 376, ср. также с. 359; см. еще у г. Андріевского Перепетовское поле с. 443, 453. На картѣ проф. Шараневича Михайловъ помѣщенъ на Бугѣ, ниже Виници, гдѣ есть теперь с. Михайловка. На Поросьи г. Андріевскій полагаетъ еще Рогачевъ и Городечъ 1142 г. (Ип. с. 228); первый онъ приурочиваетъ къ с. Рогачамъ Смирск. у., а второй отождествляетъ съ Торческомъ—Кагарликкомъ (Кievск. Стар. 1883. IX. 10—11).

⁶⁾ Въ древнѣйшихъ извѣстіяхъ имя Бѣлобережья прилагается къ низовью Днѣпра—это то Бѣлобережье, которое упоминается въ договорѣ Игоря съ Греками (да не имѣютъ Русь власти зновати въ устьи Днѣпра, Бѣлобережа, ни у святаго Елеуфѣрья) и въ разсказѣ о смерти Святослава (Ипат. с. 32 и 48). Но данныя позднѣйшія (XVI в.) свидѣтельствуютъ, что это имя прилагалось и къ мѣстностямъ средняго течения Днѣпра; такъ въ недавно изданной грамотѣ Евстафія Дашковича (Архивъ Юго-Зап. Россіи ч. VII т. II. с. 11) читаемъ: которые входи данн в Белобереже.... тмъ вхождъ знамя на нихъ идучи по Ердань да по Мачилу, а на верхъ идучи по Быстрицу; Ердань—это Ирдинь, въ Черкасскомъ у., а Быстрица—вѣроятно р. Быстра, притокъ р. Легляча, текущаго около Ржаница,—на ней стоитъ дер. Березовка (см. Stownik geograf. król. Polskiego I. 507, Похилевичъ.—Уѣзды Киевскій и Радомисл. с. 152); какъ видно изъ словъ самого документа, Бѣлобережье этими предѣлами не ограничивалось. Далѣе въ описаніи Черкаскаго замка 1552 г. (Архивъ Юго-Зап. Россіи ч. VII т. I с. 86) въ числѣ „уходовъ“ упоминаются: „уходъ

остановимся прежде всего около тепершняго Ржищева: здѣсь понынѣ существуетъ гора Иванъ, и на ея мѣстѣ предполагаютъ древній городъ *Иванъ*, упоминаемый въ половинѣ XII в. ¹⁾ Еще ниже, на возвышенномъ полуостровѣ находился *Зарубъ*—у нынѣшняго с. Зарубинецъ. Около Заруба былъ монастырь Пречистой, изъ котораго вышелъ знаменитый Климентъ Смолятичъ ²⁾; между нынѣшними Зарубинцами и с. Монастыркомъ сохранилось доселѣ городище княжеской эпохи, съ остатками каменной церкви или монастыря и пещерами отшельниковъ ³⁾. Тутъ же находился и важный бродъ черезъ Днѣпръ; южиѣ его были еще: бродъ „на Татниці“ и Инжиръ бродъ, во мѣстоположеніе ихъ неизвѣстно ⁴⁾. Неподалеку отъ Заруба же находился гдѣ-то „Варяжскій островъ“ ⁵⁾. Далѣе къ югу, „на устьи Роси“, стояла нѣкогда знаменитая Родня ⁶⁾. Промелькнувъ въ разсказѣ о борьбѣ Владиміра съ Ярополкомъ, этотъ городъ затѣмъ совершенно исчезаетъ изъ нашихъ источниковъ. Около устья Роси нѣсколько выше с. Пекарей существуетъ урочище Княжа гора, со слѣдами древняго,

на Днѣпрѣхъ на 7 миль по реке 3 стани у Белобережя а на устьи Сули, а въ Пивогъ*; сѣмъ миль во Днѣпру отъ Черкасъ (конечно, внизъ по теченію)—это выйдеть нѣсколько выше устья Сули; такъ же помѣщается Вѣлоберезье и Ласота (см. Межуарн относ. къ ист. Южной Руси I. с. 163). Если сопоставить съ этими назвіями еще списокъ городовъ Воскрес. лѣт. (I. с. 241—среди „градовъ Литовскихъ“), гдѣ Вѣлоберезье помѣщено между Ржищенинъ и Самаромъ, то придется заключить, что имя Вѣлоберезья прилагалось кѣстари къ бережью Днѣпра на протяжении отъ устья и почти до Стугимъ. О Вѣлоберезья см. Монографія В. В. Антоновича (I. с. 127), Записки по ист. Литов-русск. госуд. Н. П. Дашкевича (с. 80), Барсова—Географія нав. лѣт. с. 22. Отъ этого днѣпровскаго Вѣлоберезья трудно отличать Вѣлоберезье на западной окраинѣ Киевщины, о которомъ рѣчь будетъ ниже.

¹⁾ Ипат. л. с. 295. Максимовичъ—Собраніе сочиненій II с. 346, Голубовскій Печерникъ и пр. с. 143; городище на Иванъ—горѣ четырехугольное (Похмелничъ Уѣзди Киевскій и Радомишл. с. 140).

²⁾ Ипат. с. 241; въ Ермолаевскомъ спискѣ (Полн. собр. лѣтоп. II. с. 29) прибавлено „къ Заруба, гдѣ теперь монастырь Терехтенѣрскій“.

³⁾ См. записку г. Вѣлшевскаго „Церковнице у деревни Монастыркъ“ и дополненія къ ней с. П. Лебедянцева въ Киевск. Стар. 1889 г. кн. I с. 210 сл., Сказанія Похмелника с. 394 (о пещерѣ со слѣдами церкви) и Свѣдѣнія и записки о малорус. и негр. памятн. Средневскаго, т. I, статьи VII и XIII.

⁴⁾ Ипат. с. 161, 230, 294; 426, 499.

⁵⁾ Воскрес. л. т. I. с. 130 (подъ 1228 г.): придоша къ рѣцѣ Днѣпру, на Зарубъ ко острову Варяжскому.

⁶⁾ Ипат. с. 51.

богатаго города и къ этому урочищу съ увѣренностью можно приурочить г. Родню. Многочисленные предметы христіанскаго почитанія, находимые здѣсь, доказываютъ однако, что городъ существовалъ здѣсь и позже X в., въ христіанскую эпоху ¹⁾). Проф. В. Б. Антоновичъ высказалъ предположеніе, что на этомъ мѣстѣ стоялъ въ древности *Каневъ* (теперь отстоящій верстъ на семь отъ устья Роси), замѣстившій собою древнюю Родню ²⁾). Въ Патерикѣ Каневъ упоминается при разсказѣ о событіяхъ XI в., въ лѣтописи же является впервые подъ 1144 г., по случаю закладки въ немъ церкви св. Георгія Всеволодомъ Ольговичемъ: самый городъ, очевидно, существовалъ и раньше ³⁾). Съ половины XII в. Каневъ начинаетъ играть видную роль на Поросль—иногда является какъ бы центромъ его, подобно Торческу; епископы юрьевскіе носятъ также титулъ каневскихъ ⁴⁾). Онъ служитъ въ это время какъ бы сторожевымъ пунктомъ относительно степи, растянутой далѣе къ югу: сюда выходили встрѣчать купеческіе караваны и оберегать ихъ отъ нападеній, „стеречи земля“ отъ набѣговъ, тутъ же происходить „снемы“ съ половцами ⁵⁾):

По теченію Роси существовало, несомнѣнно, много городовъ, гораздо больше, чѣмъ мы знаемъ и можемъ опредѣлить. Идя съ востока, вверхъ по теченію, прежде всего мы должны остановиться у поворота, который дѣлаетъ Рось, мѣняя сѣверное направленіе на восточное: здѣсь, въ окрестностяхъ нынѣшняго мѣстечка Межиричъ, находился городъ *Товаровъ*, упоминаемый подъ 1190 г. ⁶⁾). Выше, на

¹⁾ См. статью Н. О. Бѣляшевскаго „Клима гора“—въ Киевск. Старинѣ 1890, кн. XII, с. 494 сл.; Похилевичъ Сказанія с. 637.

²⁾ Объяснительная записка В. Б. Антоновича.

³⁾ Патерикъ с. 121; Ипат. с. 227.

⁴⁾ Ипат. с. 268: посади (Юрій)... Глѣба в Кановѣ, ср. 829: Василкови да Поросль; о епископѣ см. с. 327.

⁵⁾ Напр. Ипат. с. 361, 370, 452, 453; 330, 331, 337, 454.

⁶⁾ Ипат. с. 453. Мѣстоахожденіе Товарова совершенно ясно опредѣляется изъ описанія Каневскаго замка 1852 г.; здѣсь въ числѣ „уходовъ на Рось“ помѣчено и „селенце Товарово 2 миль отъ замку“ (Архивъ Юго-Зап. Россіи, ч. VII т. I с. 100). Отъ г. Канева двѣ мили будетъ по прямой линіи до м. Межиричъ; конечно, не слѣдуетъ принимать это разстояніе за совершенно точное. Въ той мѣстности есть нѣсколько четырехугольных городищъ около устья Рассавы, затѣмъ овальное городище у с. Вабичъ (Объяснит. записка В. Б. Антоновича, см. также Похилевича Сказанія с. 636). Изъ лѣтописнаго упоминанія о Товаровѣ выходитъ, что онъ стоялъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Роси (Половци же бѣжали отъ города обложившася на Рьси). Раньше указывали на с. Саварку на Роси

хѣстѣ нижнѣшняго села Деренковца, на правомъ берегу Роси, помѣщаютъ нѣкоторые ученые городъ „Деремъ на Рси“, тоже конца XII в. (1192 г.), отождествляя его съ г. Дерновымъ, гдѣ соединился Изяславъ съ черными клобуками, когда шелъ изъ Переяславля на Кіевъ ¹⁾); это послѣднее обстоятельство не вполне согласуется съ такимъ приуроченіемъ—Деренковецъ лежитъ слишкомъ далеко на югъ; да и сходство именъ Дверня и Дерноваго ²⁾ довольно отдаленное. Выше по рѣкѣ находимъ *Корсунь*, въ излучинѣ, которую образуетъ къ югу р. Рось, на лѣвомъ берегу ея; еще выше—*Болусаавль*; гдѣ-то въ этой же хѣстности, въ излучинѣ Роси, находился, вѣроятно, и городокъ *Кульдеперевъ* ³⁾; всѣ эти три города фигурируютъ въ извѣстіяхъ послѣдней четверти XII в. Далѣе, въ сосѣдствѣ р. Роси и Рута лежалъ *Юрьевъ*—епископская кафедра, важный городъ, мѣстоположеніе котораго доселѣ не можетъ быть опредѣлено съ точностью, несмотря на многократныя упоминанія лѣтописи: одни помѣщаютъ его на правомъ берегу, другіе на лѣвомъ, приурочиваютъ къ различнымъ пунктамъ, или вовсе воздерживаются отъ ближайшаго опредѣленія ⁴⁾. По аналогіи съ другими, извѣстными намъ городами по Роси, которые всѣ стоятъ на лѣвомъ берегу ея, слѣдуетъ думать, что и Юрьевъ стоялъ къ сѣверу отъ

(Васильковскаго у.) и Таборовъ на Растовицѣ см. Печенѣги etc. П. В. Голубовскаго с. 144.

¹⁾ Ипат. л. с. 280, 453. Мнѣніе это было высказано Максимовичемъ (Собр. сочин. II. с. 347 и 351) и принято П. В. Голубовскимъ (Печенѣги с. 148).

²⁾ Пишется еще „въ Дръмовому“—Хлѣбниковскій см. въ Пол. собр. лѣт. II. с. 23, а Карамзинъ (II пр. 290) читалъ: „къ Дръмовому“.

³⁾ Ипат. л. с. 379, 452, 459. Погодинъ поимѣчалъ Кульдеперевъ около Кіева (Исслѣдов. IV. с. 195), Барсовъ (Географія с. 189)—къ югу отъ Роси; нѣтъ кажется болѣе вѣроятнаго, что онъ былъ гдѣ-то неподалеку отъ Канева.

⁴⁾ Карамзинъ (II пр. 171), Погодинъ (Исслѣд. IV. с. 153), Соловьевъ (II. с. 66) не опредѣляютъ ближайшаго образомъ мѣстоположенія Юрева; Надеждинъ и Неволлинъ (у Погодина) возлагали его на правой сторонѣ Роси, другіе изслѣдователи—на лѣвомъ; текстъ, на которомъ основывается это опредѣленіе (подъ 1095 г.) читается неодинаково, въ Лавр. свѣдѣн: приидоша Половци къ Гургеву и стояша около его лѣто все и мало не знаша его, Святковилъ же омири я; Половци же не идоша за Рось, Гургевци же вибѣгоша и идоша къ Биеву (Лавр. 221 прим. в.); во всѣхъ свѣдѣнхъ Ипатской (с. 159), въ Академически. и Радзивиловск. Лаврентьевской, въ Никоновской (I. с. 124) и Воскресенской (I. с. 8)—„придоша за Рось“; такъ читалъ и Татищевъ (II. с. 157); Карамзинъ, Соловьевъ принимаютъ первое чтеніе, и тогда дѣйствительно выходитъ, что Юрьевъ стоялъ на лѣвомъ берегу (см. у Андриѣвскаго—Кіев. Стар. 1888. IX с. 2), но второе чтеніе, пожалуй болѣе

нея, а изъ сопоставленія лѣтописныхъ данныхъ видно, что онъ былъ, какъ упомянуто, въ близкомъ сосѣдствѣ Роси и Рута, гдѣ—нибудь около слиянія ихъ ¹⁾). Весьма вѣроятно мнѣніе В. Б. Антоновича, что Юрьевъ стоялъ на мѣстѣ древняго городища велико-княжескаго типа на Роси, въ трехъ верстахъ выше нижнѣйшей Бѣлой Церкви ²⁾). Выше Юрьева по Роси лежалъ *Володаревъ*, теперь с. Володарка—на лѣвомъ берегу рѣки; черезъ этотъ городъ пролегалъ путь въ Галичъ, который далѣе шель черезъ Перепетово поле на Василевъ и Кіевъ ³⁾); у этого же пути, къ западу отъ Володарева, находился *Мунаревъ*, мѣстоположеніе котораго неизвѣстно ⁴⁾).

Цѣлый рядъ городковъ находился по р. Раставицѣ; намъ извѣстенъ здѣсь г. *Раставецъ* или Ростовецъ, упоминаемый въ XI и XII

авторитетное, вовсе не опредѣляетъ положенія Юрьева. Изъ нѣкоторъ точнѣе опредѣлитъ мѣстоположеніе Юрьева упоминаетъ нѣсколько: Похлевицъ (Сказанія с. 489) приурочиваетъ его къ Бѣлой Церкви; Барсовъ (Географія с. 138 и 298—въ Словарѣ с. 219 отъ воздержался отъ ближайшаго опредѣленія) указываетъ на Большіе и Малые Ерчики къ югу отъ р. Раставицы, недалеко отъ г. Сквирн (противъ этого см. возраженія у г. Андриѣвскаго Кіев. Стар. 1883 г. IX с. 24 сл.); П. В. Голубовскій, основываясь на текстѣ лѣтописи подъ 1162 г.: „придоша Половци нисси къ Гюргеву (въ Воскр. I с. 76 прикѣч. 3—къ Кіеву) и взяша вежи многи по Роту... и постигоша я на Росѣ“, полагаетъ Юрьевъ на Рутѣ и указываетъ на крѣпкое городище у с. Соколова (Печенѣги etc. 141—142). Г. Андриѣвскій въ специальной статьѣ „Лѣтописный Юрьевъ на Росѣ“ (въ Кіевск. Стар. 1883. IX) указываетъ на городище Райгородъ на р. Гороховатѣ, правомъ притоки Роси, у с. Ольшаницы, о которомъ у жителей сохранилось преданіе, что на мѣстѣ его былъ большой городъ со многими церквами, со своими князьями (Похлевицъ Сказанія с. 524); при этомъ имя Райгородъ г. Андриѣвскій объясняетъ изъ „Урай (Юрій) городъ“, слѣди того же имени видѣть и въ имени р. Гороховатки (с. 26 слѣд.); противъ такого мѣстоположенія говорить, мнѣ кажется, Ил. с. 344: „Половцѣ же бѣжаша отъ Бѣлагорода на Гюргевъ и много ихъ изонмаша Берендичи и Гюргевци, а оно ихъ во Рси истопе“—конечно, половци бѣжали по кратчайшему разстоянію на югъ, не сварачивая на западъ—къ Райгороду.

¹⁾ Смотри особенно мѣста изъ Ипатской лѣтописи, приведенныя въ предыдущемъ примѣчаніи (с. 344 и 356).

²⁾ Объяснительная записка къ археол. картѣ Кіев. губ.; въ этомъ городищѣ въ 1877 г. была найдена золоченная бронзовая панатія съ изображеніемъ св. Георгія.

³⁾ Ипат. с. 278. Погодинъ IV. 176. Барсовъ—Словарь с. 38. О пути въ Галичъ см. у Погодина IV. с. 176—177.

⁴⁾ Ипат. с. 278, 343, 346. Н. П. Дашкевичъ указываетъ на м. Мумуровъ въ Уманскомъ у. (Болховская земля—въ Трудѣхъ Ш археологич. съѣзда г. П с. 75); Надеждинъ и Неволинъ (Погодинъ IV. с. 188) справедливо замѣчаютъ, что Мунаревъ находился гдѣ-то около Ярополча (см. Ипат. с. 346), слѣдовательно сѣвернѣе; Карамзинъ (II пр. 388) предполагалъ Мунаревъ ок. Кіева.

л.—теперешнее мѣстечко Бѣлловка, до начала XVIII в. сохранявшее свое древнее названіе ¹⁾); къ с. Ягятину съ вѣроятностью приурочивается г. *Неятинъ* XI в. ²⁾); шесть городов берендичскихъ, о которыхъ лѣтопись говоритъ подъ 1177 г.: „Половци же взяша 6 городов Берендиць и поидоша к Ростовцю“, по весьма вѣроятному предположенію В. Б. Антоновича, можно приурочить къ шести древнимъ городищамъ на Раставидѣ ³⁾); въ число ихъ, въ такомъ случаѣ, войдетъ и Неятинъ; можетъ быть, и лѣтописный *Куниль* (Куниля), упомянутый подъ 1150 г., былъ между ними: послѣдній вѣроятнѣе всего предполагать именно въ этой мѣстности ⁴⁾.

Къ югу отъ Роси, какъ упомянуто выше, въ XII в., судя по некоторымъ даннымъ, тоже были поселенія; съ нѣкоторою вѣроятностью здѣсь можно помѣщать г. *Боровой*, городъ *Чюрнаевъ* ⁵⁾, и, вѣроятно, здѣсь было много еще такихъ небольшихъ чернокобучиныхъ городковъ ⁶⁾.

Отъ земли полянъ, отъ Поросья слѣдуетъ намъ перейти къ землѣ дрезянъ, но предварительно заглянемъ въ тотъ сѣверо-восточный уголокъ

¹⁾ Ипат. л. с. 122, 367, 408—409. См. рефератъ В. Б. Антоновича въ Читаніяхъ общ. Восточн. кн. III. с. 10 сл. (яли въ Киев. Стар. 1898 кн. V); также у П. В. Голубовскаго—Печенѣги etc. с. 81 и 145. Раньше Ходаковскій указывалъ на Ростовки въ Липовецкомъ у.; см. Карамзинъ III пр. 44, Барсовъ Матеріалы для историко-геогр. словаря с. 176.

²⁾ Ипат. с. 122; см. Барсовъ Географія с. 138, Антоновичъ I. с.

³⁾ Именно у мѣст. Ружина, с. Ягятина (два), Карабѣева, Паволочи, Вукъ—Бавчанка, всѣ на лѣвомъ берегу Раставиды; Расталець является самымъ крайнимъ изъ нихъ къ западу, что соответствуетъ лѣтописному тексту (см. упомянутый рефератъ В. Б. Антоновича, также у Фундукля Обозрѣніе могилъ etc. с. 48).

⁴⁾ Ипат. с. 276: Палславъ поиде (изъ Дорогобужа) на Гольско да Кунилю (Хлѣби. и Погод та кунилю, Такунилю?). Обыкновенно указываютъ, вслѣдъ за Арцибашевымъ (Поискъ в Россіи I. 2. пр. 785), на с. Ковелу, на границѣ Уманскаго и Таращанскаго у.—см. у Погодина IV. 175, Барсова Географія с. 139, П. В. Голубовскаго Печенѣги etc. с. 145. Н. П. Дамшевскій предполагалъ Куниль къ западу отъ земли черныхъ кобучовъ (Июльскія земли с. 79.); онъ могъ находиться и среди чернокобучиныхъ поселеній, но только, вѣроятно, не на южной оконечности ихъ, гдѣ лежитъ Ковела.

⁵⁾ Ипат. л. с. 450. Боровой Максимовичъ приурочивалъ къ Боровидѣ на Тясинѣ (Собран. соч. I. 135—136).

⁶⁾ Упомяну, что къ Поросью иногда относятъ еще одно сомнительное географическое имя—Облазна (Ип. с. 340; тогда же и Берендидѣ вѣдѣша въ облазнѣ, с. 460; далъ вѣзость молодшаму в облазнѣ (во блазнѣ, въ блазнѣ) предъ старѣйшимъ), но такъ

Кіевской земли, этнографическая основа котораго намъ пока точно невѣстна. По части топографіи о немъ сказать можно тоже не много. Крайними кіевскими городами на сѣверѣ были *Браинъ* и *Мозырь*, о которыхъ говорилъ я выше. У впаденія Уша въ Припеть стоитъ городъ *Чернобыль* (теперь мѣстечко), упоминаемый въ концѣ XII в. ¹⁾; гдѣ-то на пути изъ Кіева въ Мозырь и неособенно, вѣроятно, далеко отъ послѣдняго было поселеніе *Межимостье* ²⁾. На Днѣпрѣ, у устья Припети, упоминается бродъ у „*Давидовой боженки*“: здѣсь, по кіевской лѣтописи, въ 1150 г. перебродился Андрей, уходя послѣ неудачи изъ Кіевской земли, по извѣстію же суздальской лѣтописи онъ шелъ тогда „на *Воровичъ*“; для „*Давидовой боженки*“ указываютъ на городище между Припетью и Днѣпромъ, у с. Городища, а Воровичи—можетъ быть, теперешніе Варовичи, недалеко къ сѣверу отъ Уша, ниже впаденія р. Норины ³⁾. Вотъ и всѣ пункты, извѣстные намъ въ этомъ глухомъ углу кіевского Полѣсья.

За періодъ отдѣльнаго существованія Дрєвлянской земли намъ извѣстно здѣсь всего два города: *Искоростень* и *Вручій*; оба они находятся въ бассейнѣ р. Уша. Искоростень—теперь м. Искорость на лѣвомъ берегу Уша, въ 40 в. отъ Овруча. То былъ, правдоподобно,

какъ это слово можно истолковать какъ нарицательное (ошлость, ошибка, несправедливость—см. Востокова Словарь и.-славян. языка II. с. 4), то я и остерегся включить его въ число собственных именъ; ср. Погодинъ Исследования IV. с. 188.

¹⁾ Ипат. л. с. 455.

²⁾ Ипат. л. с. 372.

³⁾ Ипат. л. с. 289: „Андрій же и Володимеръ (изъ Мичиска—Радонисла) поѣхаста туда, на устье Припети на Давидову боженку, оттолѣ же ѣхаста въ Острыйскій городъ“; Лавр. с. 313: „Андрей же перебрѣде Днѣпръ на Воровичѣ, и иде в Городокъ“. У с. Воровичъ есть двѣ группы кургановъ, что указываетъ на давнее существованіе поселенія въ этомъ мѣстѣ. См. Похилевича Уѣды Кіевскій и Радонисл. с. 276 и Объяснительную записку В. В. Антоновича. Иное мнѣніе о мѣстоположеніи Давидовой боженки было высказано г. Андріевскимъ въ спеціальному исследованіи: „Давидова Боженка“—въ Кіевск. Старинѣ 1885 г. кн. VI. с. 184—204; онъ отождествляетъ Давидову боженку съ божищемъ, упоминаемой въ Ипат. л. с. 352—353 (за Вышегородъ къ божищу) и приурочиваетъ къ старой часовнѣ, находящейся въ 2 верстахъ отъ с. Глѣбовки (къ сѣверу отъ устья Ирпени), по дорогѣ въ с. Ясногородку; при этомъ названіе Глѣбовки г. Андріевскій связываетъ съ именемъ св. Глѣба, христіанское имя котораго было Давидъ.

целенной центръ дравлянъ; послѣ присоединенія Дравлянской земли къ землѣ полянъ Искоростень сходитъ со сцены и ни разу не упоминается: кievскіе князья, вѣроятно, сдѣлали все зависящее, чтобы лишить значенія этотъ городъ ¹⁾. Вручій или Овручъ, на р. Норивѣ—былъ, кажется, новый административный центръ, созданный послѣ подчиненія дравлянъ Киеву на смѣну Искоростню: въ лѣтописи онъ появляется въ рассказѣ о первомъ князѣ, присланномъ въ Дравлянскую землю изъ Киева—Олегѣ; онъ былъ, по всей вѣроятности, его резиденцію. Въ XI в. Вручій не упомянутъ ни разу, только во второй половинѣ XII в., при Рюрикѣ Ростиславичѣ, онъ выдвигается снова, сдѣлавшись центромъ частнаго удѣла Киевской земли; въ свое продолжительное правленіе Рюрикъ, какъ видно, очень дорожилъ и занимался этимъ удѣломъ и подолгу проживалъ здѣсь; весьма вѣроятно, что ему, а не Владиміру Св., какъ думаютъ многіе, принадлежатъ и постройка прекраснаго собора св. Василія въ Овручѣ (Рюрикъ носилъ имя Василія) ²⁾. Въ томъ же XII в. на Ушѣ намъ извѣстенъ еще одинъ городъ—*Ушескъ*; это теперешнее м. Ушомиръ, на правой сторонѣ Уша, выше Искорости, съ древнимъ городищемъ ³⁾.

Къ востоку отъ этого центра Дравлянской земли, въ области Тетерева намъ извѣстенъ цѣлый рядъ городовъ; всѣ они упоминаются лишь въ XII и XIII в., хотя, конечно, существовали и раньше. На самомъ Тетеревѣ мы знаемъ *Мичьскъ*—теперешній Радомысль, или точнѣе часть его, такъ называемый Микъ-городъ, находящійся между р. Микю и Тетеровомъ ⁴⁾, *Городескъ*—теперь село Городскъ, въ пят-

¹⁾ Ипат. л. с. 84, 87. Около Искорости есть два городища—оба четырехугольныя (Древн. Искоростенской волости).

²⁾ Ипат. л. с. 49, 370, 468, 559. Лавр. с. 397—8, 406, 408. Иловайскій—Исторія Россіи т. I ч. 2. с. 19. Можетъ быть, до построенія собора существовала деревянная церковь св. Василія, встроенная св. Владиміромъ.

³⁾ Ипатск. л. с. 276, 285; городище у Ушомира треугольное, окруженное тройнымъ валомъ (донесеніе Ушомирской волости). Городище это рѣшается въ пользу Ушомира колебаніе между нимъ и с. Ушичинимъ.

⁴⁾ Ипат. с. 286; о мѣстоположеніи Мичьска самое ясное свидѣтельство см. въ подложной грамотѣ Андрея Боголюбскаго (Описаніе Києво-Печерской Лавры м. Евгенія с. 170): „врядъль тожъ Городокъ Мическъ со всѣмъ надъ рѣкою Микю и другою большою рѣкою Тетеревою, подъ которимъ Городкомъ и Городищемъ рѣка Мика въ рѣку Тетеревъ впаде“. Ср. Похмелничъ Уѣзди Киевскій и Радомисл. с. 56.

наддати верстахъ выше Радомысла ¹⁾. На Тетереvъ же, вѣроятно, находился городъ *Жедечевъ*, упоминаемый вмѣстѣ съ Городескомъ, по мѣстоположеніе его неизвестно ²⁾. На Гуvѣ известна въ XII в. *Котельница* (теперь м. Котельня), хорошо укрѣпленный, значительный городъ ³⁾; вмѣстѣ съ Божскимъ и Межибожьемъ и еще тремя неизвестными намъ по имени городами онъ составлялъ въ половинѣ XII в. частный удѣлъ Киевской земли. На другомъ притоцѣ Тетерева—Здвижѣ упоминается въ концѣ XI в. городъ *Земжда*, или Вяздвиженье, приурочиваемый къ с. Здвижкѣ, у истока этой рѣки ⁴⁾. Южнѣе Звиждна стоялъ городъ *Ярополчъ*, вѣроятно теперешнее с. Яроповцы у истока Ирпеня ⁵⁾; на верхнемъ же Ирпенѣ, можетъ быть, находилось и урочище *Обрамль мость* ⁶⁾. Въ этой же мѣстности, на дорогѣ изъ Котельницы въ Бѣлгородъ, упоминаются въ половинѣ XII в. еще *Мутижиръ* и *Кучаръ*; первый съ значительною вѣроятностью можно приурочить къ теперешнему м. Мотыжину (вблизи киево-житомірскаго тракта), съ круглымъ городищемъ ⁷⁾; что касается Кучари, то заслуживаетъ вниманія указаніе на урочище *Кочуръ* вблизи Бѣлгорода ⁸⁾

¹⁾ Ипат. с. 555. Каранить IV. пр. 102 (с. 88—изъ сообщеній Ходаковскаго). В. Б. Антоновичъ—въ Чтеніяхъ Общ. Нестора III. с. 18 и его же Объяснит. Записки. Въ селѣ есть два большихъ городища формъ неправильныхъ многоугольниковъ.

²⁾ Ипат. 555: „Городескъ и по Тетереви до Жедечева“. Н. П. Дашкевичъ указываетъ на с. Жидовцы Бердичевск. у. (Болоховская а. пр. 31), г. Андриевскій (К. Ст. 1882. IX. 437)—на р. Жидъ, падающую въ Днѣпръ ниже Тетерева.

³⁾ Ипат. с. 224, 243, 257. См. рефератъ В. Б. Антоновича въ Чтеніяхъ Общ. Нест. III. с. 13—14.

⁴⁾ Ипат. с. 171. Погодинъ IV. 156. В. Б. Антоновичъ въ Чтеніяхъ Общ. Нестора I. с. 40.

⁵⁾ Ипат. с. 346. Погодинъ IV. 188.

⁶⁾ Ипат. с. 287: „либо на Обрамль мость переѣду, либо другой де вѣду же въ Чернии Клобуки“ (изъ Звиждна); очевидно, Обрамль мость лежалъ на пути „въ Чернии Клобуки“, потому нельзя отнести его къ с. Абрамовкѣ на нижнемъ теченіи Звиждна, какъ дѣлаютъ Надеждинъ и Неволякъ (у Погодина IV. 181), не былъ то и мость чрезъ Звиждна, какъ думаетъ Погодинъ, потому что Изяславъ самъ былъ тогда въ Звижднѣ.

⁷⁾ Ипат. с. 354: „свисяшася у Котельничѣ со Мъстиславомъ и оттудѣ пойдомъ в Бѣлгороду на Мутижиръ и биша на Кучарѣ. И начашася просити Чернии Клобуки у Мъстислава напередъ: ать согладимъ, кляже, велика ли рать“. Погодинъ, Изяслава IV. с. 190. Объяснит. Записки В. В. Антоновича. Похилевичъ, — Уѣзды Киевскій и Радомыслевскій с. 59.

⁸⁾ Похилевичъ *ibidem* с. 78; уроч. Кочуръ лежитъ въ 1 1/2 верстѣ къ западу отъ Игнатовки. Въ прежнемъ изданіи г. Похилевича (Сказанія о насед. мѣсти. Киевск. губ.)

Въ той же восточной части Древлянской земли съ наибольшею вѣроятностью можно предположить *Полонный*—градъ Десятинный святой Богородицы и *Сѣмычъ* (или *Сѣмьчъ*), которые лежали за Кіевомъ съ точки зрѣнія Корсуя и были ограблены половцами въ 1172 (1170) г. ¹⁾; приурочить этотъ Полонный къ м. Полонному на Хоморѣ трудно: слишкомъ это будетъ далеко и не сообразно съ обстоятельствами. Вообще кіевскіе Половны составляютъ не малую загадку. Такъ подъ 1095 г. говорится, что Рюрикъ далъ Роману въ удѣлъ „Половны и полъ тѣртака Борьсуньскаго“ (что это за „тѣртакъ Корьсуньскій“, объяснить удовлетворительно не удалось пока никому) ²⁾. Полонный этотъ тоже трудно отождествить съ Полоннымъ на Хоморѣ, такъ какъ затѣмъ разсказывается, что „Романъ восла люди своя въ Половны и отогѣ повѣлѣ имъ ездячи воевати.... волость Давыдову и Ростиславу“ ³⁾, т. е. Вышгородскую и Бѣлгородскую: опять Полонный на Хоморѣ для этого слишкомъ удаленъ. Полонный 1195 г. можно бы отождествить, судя по мѣстности, съ Полоннымъ 1170 г., но для этого нужно предположить, что въ силу какихъ либо комбинацій послѣдній изъ церковнаго владѣнія снова першелъ въ распоряженіе князя. Что касается Сѣмыча, то его часто отождествляютъ съ Сѣмоцемъ 1257 г. ⁴⁾, но при этомъ возникаетъ затрудненіе: обстоятельства, при которыхъ упоминается Сѣмычъ 1172 г., ваставляютъ его подвигать подальше

а не имѣемъ извѣстій объ этомъ урочищѣ. Надеждинъ и Невольныи для Кучари указывали на с. Кочерево и Кошарице по кіево-житомирскому тракту (Погодинъ I с.).

¹⁾ Ипат. с. 380. См. Погодинъ IV. 192 - 193. Соловьевъ II нр. 358. Барсовъ Словаря с. 164. Голубинскій—Исторія русск. церкви т. I пол. I с. 428, пол. II с. 790.

²⁾ Ипат. с. 462; Воскрес. I. 104: „полторка Русскаго“, Никон. II. 26: „Полочя полтора Русскаго“. Мѣсто явно испорченное, но исправить его трудно; Погодинъ толкуеть: маловину Торчина между Лудкомъ и Владиміромъ—но это уже волость не Рюрика, Татарцевъ (III с. 314); половину области Корсунской. Зубрицкій объясняетъ такъ, что Рюрикъ назначилъ Роману половину доходовъ съ тартана (т. е. хлѣбной мельницы—по малорусски) въ Корсуѣ—Исторія Галицко-русс. княж. III. с. 9. Это объясненіе приняли Шаравенитъ (Ист. Галицко—Володин. Руси с. 61) и Барсовъ (Словарь с. 165).

³⁾ Ипат. с. 463. „Тѣртакъ Корьсуньскій“ побудилъ нѣкоторыхъ ученыхъ и Полонный 1195 г. предпологать въ побережья Роси, см. Словарь Барсова с. 164.

⁴⁾ Погодинъ Исслѣдок. IV. 192; Барсовъ Словарь с. 194; Голубинскій ор. с. I. 2. с. 791; Дашневъ, Новѣйшіе домысли о Волоховѣ и Волоховцахъ—Университ. Извѣстія, 1884. VI. с. 175 (раньше, въ исслѣдованіи о Волоховской землѣ нр. 31, почтенный ученый былъ другого мнѣнія).

на сѣверо-востокъ, а изъ разсказа 1257 г. выходитъ, что онъ былъ гдѣ-то неподалеку отъ галицко-волинскихъ предѣловъ. Учеными было указано нѣсколько мѣстностей со сходными именами въ бассейнахъ Тетерева, Случи и Буга, но онѣ не устраняютъ указаннаго затрудненія ¹⁾; поэтому я не рѣшаюсь отождествить Сѣмича 1172 г. съ Сѣмоцемъ 1257 г. и предполагаю первый въ полосѣ средняго Тетерева и Здвижа, а второй предпочитаю искать въ области Случи ²⁾.

На Случи упоминается нѣсколько пунктовъ, которые можно опредѣлять. Такъ извѣстенъ въ XIII в. гор. *Взвалъ*—теперешній Новоградъ Волинскій ³⁾; *Колодежна*, по всей вѣроятности, есть теперешнее село Колодежно на правомъ берегу Случи, выше впаденія Хоморы ⁴⁾. Къ с. Каменкѣ, на лѣвомъ берегу Случи, нѣсколько сѣвернѣе Колодежна, приурочиваютъ съ вѣроятностью г. *Каменецъ*, упоминаемый въ концѣ XII и въ XIII в. и стоявшій, какъ видно, на рубежѣ тогдашней Волыни и Кіевщины ⁵⁾. Къ сѣверу отъ этихъ городовъ,

¹⁾ Надеждинъ и Неволинъ указывали на Симаки Заславск. у. (у Погодина IV. с. 198), Н. П. Дашкевичъ останавливается на Семакахъ Житомирск. и Семакахъ Хмельницк. у.

²⁾ Подъ 1257 г. въ Ипатск. л. (с. 555) читаемъ: „посла (Данилъ) сына своего Шварна на Городокъ, и на Сѣмоць (Семочь), и на вси города, и на Городокъ и Сѣмоць и всѣ города, сѣдѣши за Татарцѣ, Городескъ и по Тетереви до Жедечева (Жедельчьева). Вызвѣглане же солгаша Шварномъ, поемше тивуна не вдаша ему тивукити“. Изъ послѣднихъ словъ видно, что театромъ военныхъ дѣйствій служила не только область Тетерева, но и область Случи; военныя дѣйствія должны были начаться либо съ области Случи, либо съ верхонья Тетерева, и тутъ гдѣ-нибудь слѣдуетъ предполагать и Городокъ съ Сѣмоцемъ: мало вѣроятно, чтобы лѣтописецъ, опредѣляя направленіе похода, назвалъ города, стоящіе гдѣ-то на заднемъ планѣ. Въ области Случи искать Сѣмоць я предпочитаю потому, что Жедечевъ, по моему мнѣнію, уже опредѣляетъ ближій предѣлъ Потетеревья, до котораго доходили завоеванія Шварна (предполагать, что завоеванія эти простирались далеко за Городескъ внизъ по рѣкѣ и считать Жедечевъ ихъ сѣвернымъ предѣломъ мнѣ кажется менѣе вѣроятнымъ). Конечно, это лишь предположеніе, такъ какъ свидѣтельство лѣтописи не достаточно опредѣленно (о планѣ этого похода см. еще въ послѣдней главѣ, при изслѣдованіи самихъ событій).

³⁾ Ипат. с. 555.

⁴⁾ Ипат. с. 523. Барсовъ Географія с. 289. Погодинъ Изслѣдов. IV. с. 207. Г. Молчановскій (Очеркъ извѣст. о Подольск. в. с. 145) указываетъ еще нѣсколько мѣстностей на Волыни, напоминающихъ имя Колодежна.

⁵⁾ Ипат. с. 468, 503, 516, 521, 523. См. Барсовъ—Географія с. 288—290. Дашкевичъ—Данилъ Галицкій с. 52, Волоховская земля пр. 28. Каменка на р. Цѣтохѣ (въ 15 в. отъ

между Случью и верховьями Уша, разстлался Чертовъ лѣсъ ¹⁾, а къ известковымъ, бѣловатымъ берегамъ верхней Случи приурочивается лѣтописное Бѣлобережье, находившееся по сосѣдству Чертова лѣса ²⁾. Полукруглое городище недалеко отъ с. Суемець (въ 2 $\frac{1}{2}$ верстахъ) на р. Смолкѣ, лѣвомъ притоѣ Случи, можетъ быть, есть городъ *Съмоць* 1257 г.; гдѣ-нибудь по близости былъ, вѣроятно, и *Городокъ*, упоминаемый вмѣстѣ съ нимъ ³⁾. Къ мѣстечку Полонному на Хоморѣ относится разсказъ Волынской лѣтописи (подъ 1234 г.): Даниль угона и (Александра Бельскаго) во *Полономѣ*, и яша и в лузѣ Хоморскоу ⁴⁾. Къ Микулянну на той же Хоморѣ (повыше Полоннаго) obviously приурочивается *Микулинъ* 1169 (1168) г., гдѣ соединился съ черными клобуками Мстиславъ Изяславичъ, идя на столъ въ Кіевъ ⁵⁾.

Въ районѣ верхней Случи и верхняго Буга съ наибольшою вѣроятностью помѣщается Болехово XII в., лежавшее на пути изъ Галича въ Кіевъ, и Болеховскіе города, упоминаемые въ XIII в.: *Дерезичъ*, *Губинъ* и *Кобудъ*, *Кудинъ*, *Городницъ*, *Божьскый*, *Дядьковъ*. Изъ нихъ Губинъ приурочивается къ с. Губину (на границѣ Староконстан-

Заслава), вокалуи, подходятъ больше къ Иват. 520: „приде (Ватив) Каменцю Изяславиу матъ я“: эти два города какъ будто стояли въ ближайшемъ сосѣдствѣ.

¹⁾ Иват. с. 280, 285, 511.

²⁾ Иват. с. 511, ср. 555. См. Дашкевича Болеховскую а. с. 82.

³⁾ Иват. л. с. 555. Городище ок. Суемець находится въ урочищѣ Ракоонецъ, надъ р. Слалюю (донесеніе Снодирской волости). Къ сѣверо-западу отсюда есть Грудь и Городище, а выше на Смолкѣ—городище Диви-городокъ, около с. Мирослава (донес. Снод. волости). О Городкѣ см. Болеховскую землю с. 78; Н. П. Дашкевичъ, вслѣдъ за Барсовымъ (Материалы для геогр. словаря с. 57) изъ множества „городковъ“, находящихся въ той мѣстности, останавливается на Райгородѣ Бердич. у.

⁴⁾ Иват. с. 514, сюда же, вѣроятно, относится Полоный 1171 (1169) г.—Иват. с. 374.

⁵⁾ Иват. л. с. 365. Дашкевичъ Болеховская зем. пр. 27; Молчаливскій Очеркъ кнѣст. о Подольск. а.; Андрияшевъ Ист. Волни. а. с. 81. Барсовъ (Географія кнѣ. лѣт. с. 291) указываетъ на Микулинца на р. Згарѣ, правомъ притоѣ Буга. П. В. Голубовскій (Печенѣги с. 146) находитъ вѣроятнымъ, что Микулинъ былъ гдѣ-то въ области черныхъ клобуковъ. Село Микуличъ Кіевск. у., на которое указалъ Н. П. Дашкевичъ (л. с.) будетъ же по дорогѣ Мстиславу: послѣдній для соединенія съ черными клобуками долженъ былъ сверѣ отклониться на югъ.

тиновскаго и Новоградволинскаго уѣздовъ), Деревичъ къ с. Деревичамъ на р. Деревичѣ, Кудинъ—къ с. Кудинѣ на Бугѣ, у которыхъ сохранились и остатки укрѣпленій ¹⁾). Что касается Божьскаго, то это имя встрѣчается въ лѣтописяхъ и раньше, но затрудненіе заключается въ томъ, что было, очевидно, нѣсколько городовъ этого или сходнаго имени, и между ними очень трудно распредѣлять упоминанія лѣтописей. Съ нѣкоторою увѣренностью можно отождествить Божьскій болоховцевъ съ тѣмъ Божскимъ, который фигурируетъ въ сороковыхъ годахъ XII в., вмѣстѣ съ Межибожьемъ и Котельницею, и который, какъ видно, находился гдѣ-то на южной окраинѣ Кіевщины ²⁾; онъ же, по всей вѣроятности, выступаетъ въ грамотѣ Ягайла 1393 г. вмѣстѣ съ Межибожьемъ и Винницею ³⁾). Имя „Божьскій“, повиди-

¹⁾ Ипат. л. с. 278, 276, 526. См. „Болоховскую землю“ с. 84; кромѣ того Н. П. Дашкевичъ указываетъ (впрочемъ гипотетично) на Вутоци Новоградволинск. у. для Кобуды и Дыковцы Литвиск. для Дядькова; ср. также о Кудинѣ Карамзина IV. пр. 20, о Деревичѣ—Барсова Географію с. 298; послѣдній соединяетъ Божскій и Городецъ воедино, какъ Бужскій и Острогъ Ипат. с. 180—см. его Словарь с. 16. На изглаголаніи Н. П. Дашкевича о Болоховской землѣ представлялъ обширныя возраженія г. Молчановскій (ор. с. гл. V); онъ не принимаетъ и опредѣленія мѣстности Болоховскихъ городовъ, сдѣланнаго г. Дашкевичемъ, на томъ основаніи, что извѣстія лѣтописи слишкомъ неопредѣленны, а именъ, подобныхъ Болоховскимъ городамъ, слишкомъ много во всей Волини (въ частности, для Кудина г. Молчановскій указываетъ на м. Кодию Житомир. у., а Божскій предполагаетъ въ средней половѣ Волини)—ор. с. с. 121 сл., 124, 127. Отвѣтъ Н. П. Дашкевича см. въ статьѣ Новѣйшіе домыслы о Болоховѣ и Болоховцахъ—Универс. Иза. 1884, VI. с. 171 сл.; тамъ же (с. 170) смотри о предположеніи г. Похилевича, приурочивающаго Болохово къ м. Баллюковѣ, а Губинъ къ Губину на р. Деснѣ, притоку Буга, въ Бердичевскомъ уѣздѣ. О городищахъ—у с. Кудинки см. Кіевскую Старину 1892 г. кн. VI. с. 598 (городище съ четырьмя концентрическими валами, слѣдовательно велико-киевского типа), у с. Деревичъ и Губина—донесенія Деревичской и Райковской волостей; см. также Новѣйшіе домыслы о Болоховѣ с. 180—1.

²⁾ Ипат. с. 234, 243, 257, 258. О Божскомъ см. Болоховскую землю Н. П. Дашкевича пр. 26, Очеркъ извѣст. о Подольской а. г. Молчановскаго с. 70, 76, 81, 87, 124. Порубежное положеніе Божска видно изъ того, что сюда послалъ въ 1148 г. Изяславъ Ростислава Юрьевича стеречь „земли Руское оттоги“ (Ипат. с. 258). Можно также отождествить съ нашимъ Божскимъ Божьскій 1151 г., лежавшій, повидному, на пути изъ Галича въ Кіевъ (ср. у г. Дашкевича ор. с. с. 76, иначе думаетъ г. Молчановскій ор. с. с. 76). Что касается Бужска 1152 г. (Ипат. с. 313), я считаю его кіевскимъ городомъ, какъ и остальные города, захваченные Володимиромъ (въ этомъ пунктѣ я рожомусъ съ Н. П. Дашкевичемъ; объ этомъ см. выше с. 15, въ примѣчаніяхъ); его можно отождествить и съ нашимъ Божскомъ, можно принять и за особый городъ, гдѣ—либо въ Погорельѣ. О Божскѣ 1100 г. (Ипат. с. 180) трудно сказать что—либо опредѣленное.

³⁾ Archivum Sanguszków I. p. 19 (Codex epistolaris Vitoldi p. 39): districtus tamēn Medzibosze, Bozске et Winnicza pro nobis et nostris successoribus totaliter reservamus.

тому, указываетъ на р. Богъ (Южный Бугъ), и его нужно предполагать гдѣ нибудь въ верхнемъ Побужьи; въ этой мѣстности заслуживаетъ вниманія с. Забужье, на лѣвомъ берегу Буга, ниже Хмельника, съ круглымъ городищемъ ¹⁾.

Гдѣ-то въ ближайшемъ сосѣдствѣ перечисленныхъ выше Болоховскихъ городовъ находился еще городъ или область *чарняницка*, которые выступаютъ въ лѣтописномъ разсказѣ (подъ 1257 г.) вмѣстѣ съ Блзобережцами и болоховцами (возможно даже, что они входили въ число болоховцевъ). Въ настоящее время существуетъ два Чернятина въ бассейнѣ Десны (притока Буга), около Самгородва, и Чернятинцы на Снягодѣ (тоже лѣвомъ притокѣ Буга), ниже Уланова; но чтобы приурочить чарнятинцевъ къ одному изъ нихъ, лѣтописный разсказъ не даетъ достаточно данныхъ ²⁾.

Въ области Горни мы знаемъ сравнительно много городовъ; это прежде всего зависятъ, конечно, отъ того, что эта мѣстность была театромъ событій, весьма обстоятельно описанныхъ въ Кіевской лѣтописи (особенно борьбы Изяслава Мстиславича съ Юріемъ), но и независимо отъ того Погорина, лежавшая на рубежѣ политическомъ и, можетъ быть, этнографическомъ, потому самому имѣла причину быть гуще заставленною городами, гуще заселенною, чѣмъ другія области. Главными городами ея были *Дорогобужъ* на Горни и *Пересочица* на Стублѣ; кромѣ того намъ извѣстны здѣсь еще слѣдующіе города: *Зарычскъ*, *Мыльскъ*, *Острогъ*, *Шумскъ*, *Тихомель*, *Выгошевъ*, *Гнойница*, *Изяславъ* и *Корчскъ*; любопытно, что всѣ эти имена, исключая Выгошева, сохранились до настоящаго времени. Изъ перечисленныхъ городовъ только Дорогобужъ и Острогъ упоминаются въ XI в., остальные—въ XII, а Изяславъ только въ XIII, хотя, судя по имени, основаніе его относится, вѣроятно, ко времени правленія Изяслава Мстиславича ³⁾. Неизвѣстно, что такое была Хотрія, упоминающаяся

¹⁾ Домеселіе Уладовской волости. На Забужье (и Бузовку Таращанскаго у.) указывалъ Барсовъ (Географія Нав. л. с. 140, 300), Н. П. Дашкевичъ указываетъ на Божниовци Лещинск. у. (Болоховская а. с. 84—5).

²⁾ Ипат. с. 555. Болоховская земля с. 80—81.

³⁾ Объ этихъ городахъ см. Ипат. л. с. 144, 180, 186, 276, 284, 313, 523 и др. Лавр. л. с. 312. Мѣстоположеніе большей части ихъ было уже указано выше (с. 12 и 15),

также въ половинѣ XII в. и находившаяся гдѣ-то между Дорогобужемъ и Корческомъ, поселеніе или урочище ¹⁾).

Мы покончили съ обзоромъ Кіевской земли за періодъ до-монгольской; теперь остается собрать тѣ скудныя и разрозненныя свѣдѣнія, которыя мы имѣемъ о территоріи этой земли за періодъ съ половины XIII до конца XIV вѣка; заранее оговорюсь, что за недостаткомъ современныхъ свѣдѣній намъ придется прибѣгать по временамъ къ свѣдѣніямъ болѣе поздняго времени и дѣлать по нимъ заключенія для разсматриваемаго времени. Есть основанія думать, что во время, предшествующее литовскому завоеванію, Кіевская земля не имѣла политическаго единства, не составляла вовсе государственнаго тѣла, политической единицы (эта гипотеза будетъ подробнѣе развита и обоснована въ своемъ мѣстѣ), тѣмъ не менѣе, такъ сказать, понятіе Кіевской земли жило, очевидно, все это время, и когда литовское верховенство возстановило въ землѣ политическое единство, территорія этой возстановленной Кіевской земли стоитъ въ непосредственной связи съ преданіями предшествующаго періода.

Расширеніе Галицко-Волинской земли на востокъ было остановлено монгольскимъ нашествіемъ и образованіемъ въ восточной-полосѣ ея независимыхъ, общинъ стоявшихъ въ непосредственной зависимости отъ татаръ. Походы, предпріятыя Данииломъ для подчиненія побережья Случи, Хототерева и Побожья, какъ видно по всему, не дали сколько нибудь прочныхъ результатовъ, и восточная граница Волини, судя

изъ остальныхъ—Имяславъ есть товершній Заславъ, уѣздный городъ Волинской губ., Острогъ—тоже уѣздный городъ, для Мильска изъ двухъ современныхъ Мильскогъ—старого и новаго (въ Острожскомъ у., г. лгу отъ г. Ровно), слѣдуетъ выбрать скорѣе Новый Мильскъ, такъ какъ около него существуетъ два городища—круглое и четырехугольное (долес. Здолбницой вол.). Объ Острогѣ нужно замѣтить, что лѣтописный текстъ, гдѣ онъ упоминается (слѣдъ въ Вожескомъ в Острогѣ Ипат. с. 180, в Бужьскѣмъ, въ Острогѣ—Лавр. с. 264), своимъ выраженіемъ подаетъ помодъ нѣкоторымъ ученымъ, начиная съ Карамзина (II нр. 195), считать Острогъ за одинъ городъ съ Вожескимъ. Наоборотъ, Зарѣцкскъ 1108 г., около котораго воевали половцы (Ипат с. 186), нѣкоторые отдѣляютъ отъ Зарѣцска 1150 г. (Ипат. с. 234 и 236), полагая, что половцы не могли опустошать Погодини—см. Погодина IV. с. 164; на мой взглядъ въ этомъ нѣтъ ничего невозможнаго.

¹⁾ Ипат. с. 285.

по некоторым намекам летописи, не далеко переходила за Горны, не доходила, вероятно, и до Случи, въ побережь которой видны уже общины, непосредственно зависѣвшія отъ татаръ ¹⁾. Позже однако, въ половинѣ XIV в., когда татарское вліяніе ослабѣло, а затѣмъ и вовсе прекратилось на Волыни, волынскія владѣнія снова придвинулись къ Случи: въ трактатѣ литовскихъ князей съ Казиміромъ В. 1366 г. въ числѣ отчизныхъ волостей Лудской земли находимъ Половний и Межибожье ²⁾. Съ другой стороны, изъ описанія войны Витовта съ кіевскими княземъ Владиміромъ Ольгердовичемъ (1393 г.) видно, что къ Кіевской землѣ принадлежали въ это время г. Овручъ и Житомиръ, т. е. области Уша и Тетерева ³⁾. Правдоподобно, какъ и передъ монгольскимъ нашествіемъ, западною границею Кіевщины служила рѣка Случь, которая и позже является ея официальною границею,—на протяженіи отъ поворота у м. Любара почти до устья ⁴⁾.

¹⁾ Ипат. л. с. 555. Что граница проходила гдѣ-то около Горниа, это даетъ понять разсказъ летописи годъ 1288 г.: „пришедшу же ему (Телебугѣ) к Горникѣ и сретѣ и, Мстиславъ с пильскъ и з дари“—встрѣча. происходила, вероятно, на границѣ. У Шумска г. е. приблизительно въ той же полосѣ, встрѣчалъ и Василько Бурундя въ 1259—60 г. (Ипат. л. 562, 588). См. Даниль Галицкій Н. П. Дашневича с. 86, Болоховская земля пр. 138. Нѣкое мнѣніе по этому вопросу держатся проф. Шараневичъ (Ист. Гал.-Володин. Руси с. 102) и М. Ф. Владимірскій Будановъ (Населеніе Южной Руси до пол. XV в. с. 24 и 32): они полагаютъ, что галицко-волынскія владѣнія простерались до Днѣпра. Относился къ этому вопросу дальнѣе источниками будутъ рассмотрѣны въ послѣдней главѣ.

²⁾ „Князь Люборту Лудская земля со всѣми волостями отчизными и съ селы, какъ въ данна пошло, Стожскъ, Даниловъ, Занаманъ, Шюмескъ, Острогъ, Половний, Межибожье“; трактатъ in extenso (латинскимъ) издавъ г. Чучинскимъ—Kwartalnik Historyczny, 1890 г., томъ III. р. 513,—изъ бумагъ Нарушевича; содержаніе его см. также у Дашневича—Scarbies diplomatów I. № 432. Къ этому можно было бы присовокупить еще данна жалованной грамоты Ягайла и Витовта Федору Острожскому (Archivum ka. Sanguszków I. № 6), гдѣ къ острожскимъ владѣніямъ отнесены между прочимъ Короць и Хлаотинъ (теперь и. Красноставъ на р. Корчнкѣ—см. Архивъ Юго-Зап. Рос. VI т. I, с. 418; местечко Красній Ставъ, албо Хлаотинъ, ср. Андришевъ оп. с. с. 78), но противъ подлинности этой грамоты польскіе ученые выставили рядъ возраженій, и вопросъ этотъ во всякомъ случаѣ остается еще открытымъ; западосѣрна и другая грамота—1396 г. (Archivum ka. Sanguszków I. № 20), также представляющая интересъ въ отношеніи опредѣленія границъ острожскихъ владѣній. См. Rulikowski i Radziwiński—Kniaziowie i wladcy t. I, oddz. II р. 29—30, 32—23, также принявъ къ документамъ въ Arch. Sang. I, р. 155, 157.

³⁾ I л.—рус. лѣт. изд. Поповичъ с. 32.

⁴⁾ Въ описаніи границъ Кіевского воеводства 1566 г. (Архивъ Юго-Западной Рос. VII т. № 365) восточная граница Кіевщины идетъ отъ Гончарихи—мѣстности у верховья Тете-

На юго-западѣ, съ образованіемъ въ Побожьи и области Случи вольныхъ общинъ, послѣ монгольскаго нашествія простиравшихся, надо думать, и далѣе на востокъ, въ глубь Кіевской земли, исчезла фактически и кіевская граница. Затѣмъ о рубежѣ возстановленнаго подъ литовскимъ верховенствомъ Кіевского княжества мы имѣемъ свѣдѣнія отъ конца XIV в.; въ описаніи похода Витовта на Подольскую землю въ числѣ городовъ послѣдней видимъ Браславъ и Соколецъ (на Бугѣ, выше Браслава) ¹⁾, а въ числѣ подольскихъ городовъ, уступленныхъ Ягайлу Витовтомъ, находимъ Межибожье, Божскъ и Винницу ²⁾. Такимъ образомъ Кіевская земля въ это время не доходила до Буга, и граница ея отъ колѣна Случи направлялась, вѣроятно, по водораздѣлу Тетерева и Роси, съ одной стороны, и Буга—съ другой, то есть тамъ же, гдѣ мы приблизительно предполагали ее и для первой половины XIII в. ³⁾.

Переходя затѣмъ къ южной окраинѣ Кіевской земли, отмѣтимъ прежде всего небольшое указаніе для времени, непосредственно слѣдующаго за монгольскимъ нашествіемъ: Плано Карпини говоритъ въ своемъ путешествіи (1246 г.), что крайнимъ русскимъ поселеніемъ на югъ была villa, отстоявшая на одинъ перегонъ отъ Канева ⁴⁾; такимъ образомъ границею поселеній служило побережье Роси, вѣроятнѣе—Заросье. Затѣмъ въ письменныхъ источникахъ слѣдуетъ обычный пробѣлъ вплоть до конца XIV в. ⁵⁾, который отчасти (для XIV в.) вос-

реза, на водораздѣлѣ Буга и Случи (сравни обводъ границъ в. княжества Литовскаго 1546 г. у Догеля *Limites regni Poloniae*, 1758 р. 193, или въ Виленскомъ Археографич. сборникѣ I, с. 121), до Случи и Случью до с. Каневаго (есть теперь—верстъ сорокъ отъ устья) нѣмощь переходить на Уборть, которая служила границею до устья.

¹⁾ 1 л.-русск. лѣтоп. въ изд. Попова с. 46. Соколецъ лежалъ на пути изъ Звенигорода въ Браславъ, какъ видно изъ описанія путешествія Ягайла 1411 г. у Длугоша, I, XI р. 314. Ср. Молчановскій—Очеркъ изв. о Подол. зем. с. 6.

²⁾ Жалованная грамота Ягайла Сумтку 1395 г.—*Archivum ka. Sanguszków* I, р. 19 (*Codex epist. Vitoldi* р. 39).

³⁾ Здѣсь же, по „Черному шлыку“, и возже проходила граница воеводства Кіевского и Брацлавскаго—си. обводъ границъ Брацлавскаго воеводства ок. 1570 г.—книга № 137 Кіевск. центр. архива л. 409 об.—410, также у В. Б. Антоновича, *Монографія* I с. 245.

⁴⁾ Собраніе путешествій къ татарамъ Шлыкма с. 10.

⁵⁾ Если, конечно, не принимать въ расчетъ легендарнаго разсказа 2 л.-русск. лѣтописи о завоеваніи Кіева Гедиминомъ; въ разсказѣ этомъ перечисляются такіе „при-

возлежит монетными владами, ясно свидетельствующими о заселенности въ это время Поросья и Заросья (о нихъ подробнѣе я буду говорить ниже). Въ концѣ XIV в. упоминаются Черкасы и Звенигородъ (въ Гниломъ Тмычѣ) ¹⁾; одновременно появляются въ нашихъ источникахъ и города на среднемъ Бугѣ—Браславъ и Соколецъ. Собирая эти данныя, слѣдуетъ думать, что въ рассматриваемый періодъ заселеніе южной Кіевщины не сокращалось въ своихъ предѣлахъ, напротивъ—даже постепенно подвигалось на югъ. Особенно благоприятныя условія для кіевской колонизаціи наступили съ послѣдней четверти XIV в., когда на помощь вольному колонизаціонному движенію явилась и государственная власть въ лицѣ Гедиминовичей, захислившихъ прочно основаться въ южныхъ стѣняхъ и на черноморскомъ побережьи; въ сожалѣнію, объ этой колонизаціи мы имѣемъ весьма скудныя свѣдѣнія, и самыя слѣды ея были почти совершенно стерты послѣдующими татарскими опустошеніями ²⁾. Что касается политической границы Кіевского княжества въ XIV в., то при опредѣленіи ея представляется значительное затрудненіе. Въ упомянутомъ уже лѣтописномъ разсказѣ о походѣ Витовта на Подольскую землю говорится: „самъ же князь великий Витовтъ поидѣ на Подольскую землю, а князю Скиригаилу повелѣ ити с Кіева к Черкасамъ и ко Звенигороду. Князь же Скиригаило, Божею помощю и в. к. Витовта повелезіемъ, взя Черкасы и Звенигородъ и возвратися опять ко Кіеву" ³⁾. Въ этомъ извѣстіи видятъ обыкновенно доказательство того, что Звенигородъ и Черкасы, т. е. земли къ югу отъ Роси, не принадлежали къ Подолью, слѣдовательно принадлежали къ Кіевской землѣ ⁴⁾.

города кіевскіе": Вручей, Житомиръ, Бѣлгородъ, Вышгородъ, Черкасы, Каневъ, Путила, Сѣменовъ—Pomniki do dziejow litewskich ч. 15—16.

¹⁾ 1 л.-русск. лѣт. въ изд. Попова с. 40.

²⁾ Объ этой колонизаціи смотри Монографіи В. Б. Антоновича I с. 245, Населеніе Юго-Западной Россіи до пол. XV в. М. Ф. Владимірскаго-Вуданова с. 54 сл.

³⁾ 1 л.-русск. лѣтопись въ изд. Попова с. 40 (2 л.-русск. лѣт. въ Pomniki do dziejow litewskich р. 34). Кронеръ (De origine et rebus gestis Polonorum ed. 1568 р. 248), упоминая объ этихъ событіяхъ, говоритъ: Vitovdum, cum partem Podoliae, in qua est Zitomiria et Cersani, in potestatem suam redeğisset etc.; Житомиръ здѣсь, можетъ быть, есть описка, имѣется Звенигородъ?

⁴⁾ Дашкевичъ—Замѣтки по ист. л.-русск. госуд. с. 60. Молчановскій—Отчеркъ ист. о Подольск. ч. 6. 7.

На этомъ можно было бы успокоиться, если бы другіе, близкіе по времени памятники не давали совершенно иныхъ извѣстій по этому вопросу. Въ спискѣ городовъ Скиргайла, по всей вѣроятности относящемся ко времени около 1432 г., на первомъ мѣстѣ помѣщена „крѣпость Кіевъ съ многочисленными областями“, затѣмъ слѣдуетъ Черниговъ, а ниже находимъ: „въ землѣ Подольской земли: „Чиркасы, Звенигородъ, Саколецъ“¹⁾. Затѣмъ въ извѣстномъ спискѣ городовъ, находящемся при Воскресенской лѣтописи, Звенигородъ и Черкасы также отдѣлены отъ „градовъ кіевскихъ“ и отнесены въ отдѣлъ польскихъ (слѣдовательно подольскихъ) городовъ²⁾. Какъ примирить это противорѣчіе? Слѣдуетъ ли въ приведенномъ выше разсказѣ литовско-русской лѣтописи допустить истинность выраженія и предположить, что и тогда Звенигородъ и Черкасы принадлежали къ Подолью? Быть можетъ, эти города также принадлежали Федору Кориатовичу, и походъ Скиргайла на нихъ былъ лишь частью подольской кампаніи Витовта³⁾. Или принять, что во время этого похода упомянутые города точно принадлежали къ Кіевщинѣ, но затѣмъ отошли къ Подолью? Или, быть можетъ, къ Заросью имя Подолья прилагалось лишь какъ географическій, а не политическій или административный терминъ (въ такомъ широкомъ значеніи, далеко переходившемъ за предѣлы собственнаго Подолья, захватывавшемъ чуть не

¹⁾ In terra Podollensi castra Circassi Zwinhrod Sakolecz Smagrugrad Kaszakenow Maуak, Karawull Doshau in metis Casren... Списокъ этотъ надалъ въ приложеніяхъ къ книгѣ Коцебу—Скиргайла, подъ № СХХ; отъ имени дати, Коцебу ссылается на него при описаніи событій 1432 г. (с. 130); къ этому же году относитъ списокъ и г. Молчановскій (ор. с. с. 298), а въ Scarbiec (I, № 746) отъ относитъ къ 1402 г.

²⁾ Воскрес. л. I с. 240: А се Польскии гради: Камени, Иловети, Браславъ, Соколецъ, Звенигородъ, Черкаси, Чернеиъ, Новый городокъ, Венича, Скала, Банота. Объ этомъ спискѣ было упомянуто уже выше (с. 17); несомнѣнно, въ немъ есть нѣсколько разновременныхъ наслоеній; списокъ „польскихъ градовъ“, въ число которыхъ отнесены и города восточнаго Подолья (Браславъ, Соколецъ, Винница), пожалуй, наиболѣе позднѣе по времени уже послѣ смерти Витовта, именно къ 1434—5 г., когда Браславъ былъ переданъ Польшѣ Федькомъ Несвицкимъ—см. Молчановскій ор. с. с. 376, *Stadnicki Hynowie Gedymina I*, а. 211, wyd. 1881.

³⁾ Заслуживаетъ вниманія одно обстоятельство: въ лѣтописномъ разсказѣ Скиргайло представляется дѣйствующимъ по приказу Витовта и въ то же время является уже княземъ кіевскимъ. Если Черкасы и Звенигородъ принадлежали къ Кіеву, то добить ихъ—было дѣломъ интересомъ Скиргайла, къ чему еще Витовтовъ приказъ?

сю Южную Русь, это имя употреблялось и позже—въ XVI и XVII в. ¹⁾), и въ дѣйствительности къ Киевщинѣ тянуло не только ближайшее Заросье, но причислялись и обширныя земли въ областяхъ нижняго Буга и Днѣпра, какъ предполагають нѣкоторые ученые ²⁾? Я пока не берусь рѣшать это затрудненіе.

На востокѣ Киевская земля по прежнему переходила за Днѣпръ; она не только сохранила за собою прежнюю надднѣпровскую полосу владѣній, о чемъ свидѣтельствуетъ рядъ разновременныхъ извѣстій, начиная съ XIV в. (такъ въ концѣ XIV в. киевскому князю принадлежить с. Милославичи за Днѣпромъ; въ половинѣ XVI в. замковыми селами киевскаго замка являются: Лутава, Погребы, Милославичи; въ половинѣ XVII в. киевскіе мѣщане заявляютъ, что въ городскимъ грунтамъ всконн принадлежали с. Вигуровщина и Рожевка—у р. Десны ³⁾); но къ ней были присоединены обширныя земли прежняго

¹⁾ Для примѣра приведу описаніе Подолія, сдѣланное Кромеромъ: Podolia, ab aquilone et eurg Albae Rnaviae, a caetero ortu vastis campis Tartaricis atque Turcicis, ut diximus, a meridie vero Moldaviae continens; totaque una satrapia censetur, quam Podolicam vocant (Polonia sive de situ, populi, moribus etc. regni Polonici, ed. 1678, p. 16). Смотри объ этомъ еще у Стадницкаго Synowie Gedymina I, p. 128, В. В. Антоновича—Монографія I, с. 127, Молчановскаго оп. с. с. 7 сл. Самъ Стадницкій, опредѣляя пространство Подольской земли в давнѣйшихъ сказаніяхъ, относитъ къ числу подольскихъ городовъ и Черкасн (ibid. с. 133). Въ упомянутомъ выше обзорѣ границъ Брацлавскаго воеводства замѣчается, что повѣтъ Звенигородскій z wiekow iest do woiwodztwa Braclawskiego, z swoimi granicami idzie z ziemie w. Kijowskiego aż do lasow Kaniewskich u granicy Szwecyackiej, причѣмъ границею служитъ р. Росъ. Звенигородскій повѣтъ несмотря на это долго занималъ неясное положеніе между Киевщиною и Брацлавщиною и лишь въ XVII в., по условіямъ мѣстной колонизаціи, прикинулъ къ послѣдней.

²⁾ В. В. Антоновичъ—Монографія I, с. 245, М. Ф. Владимирскій-Будановъ, Названіе Южной Руси до пол. XV в. с. 57; приведу опредѣленіе территоріи Киевщинъ въ XV в., сдѣланное послѣднимъ: княжество Киевское „простиралось съ сѣвера отъ Мозира за Припятью на югъ до Чернаго моря, а съ запада отъ бассейна Днѣстра на востокъ до Дюнда. Въ предѣлахъ киевскаго княжества включалось не только будущее киевское воеводство, но также брацлавское и часть подольскаго, а также Заднѣпровье отъ Лубеча до Засулы“. У г. Молчановскаго, на картѣ, приложенной къ его „Очерку“, южная граница Киевской земли идетъ по нижнему Тясмину, переходитъ затѣмъ на Висль и заканчивается Дамель на Собѣ, направляется по верховьямъ сѣверныхъ притоковъ Южнаго Буга.

³⁾ 1-ая лат.-русск. лѣт. с. 40. Описаніе киевскаго замка—въ Архивѣ Ю.-З. Россіи. VII. I с. 119—120. Монографія В. В. Антоновича I. с. 143. Относительно Остерцихи см. грамоту Казиміра (между 1481 и 1490 г.)—въ Акт. Зап. Р. I, № 77. Въ упомянутомъ

Переяславскаго и отчасти Черниговскаго княжествъ въ обводѣ границъ, сдѣланномъ при кн. Семенѣ Олельковичѣ (1455—1471) восточными границами этихъ новыхъ владѣній являются: Овечьи воды, верховья Самары и Оргѣя, Донецъ и Тихая Сосна ¹⁾. Извѣстія о нихъ мы имѣемъ начиная съ XV в., но надо думать, что тянуть къ Кіевщинѣ онѣ начали еще раньше—съ утвержденіемъ здѣсь литовскаго верховенства и упадкомъ власти татарскихъ хановъ. Важнымъ свидѣтельствомъ о задѣйровскихъ владѣніяхъ кіевскихъ князей могла бы служить еще грамота, выданная кѣмъ-то изъ кіевскихъ князей Юрію Ивантичу, родоначальнику князей Рожниовскихъ, и подтверждающая за нимъ обширныя владѣнія между нижнею Десною, Остромъ и Удаемъ, но подлинность этой грамоты возбуждаетъ нѣкоторыя сомнѣнія ²⁾.

О сѣверномъ рубежѣ Кіевщины для XIII—XIV в. у насъ со-

имше описаніи границъ Кіевского воеводства восточная граница Кіевщины идеѣ: а Либска wnie Dnieprem po obwodoch stron Dniepra, а з греки Desny do Ostrowca, odtąd do Kijowa Dnieprem, и ниже: przez Dniepr Lubeckiemi granicami do Ostroga у do Kijowa (Архивъ Ю.З. Рос. VII, II с. 865).

¹⁾ Акты Запада. Россія. II. № 199. О задѣйровскихъ владѣніяхъ Кіева можетъ еще свидѣтельствовать грамота кн. Семена Олельковича, данная „на Прилуцѣ за Днѣпромъ“ въ 1459 г.—см. Грамоты в. кн. Литовскихъ с. 20 21,—(ср. Дашкевича, Записки по ист. л.-русс. госуд. с. 52), а также еще болѣе позднія данныя (XVI в.) о существованіи замковъ и иждивенскихъ угодій—„ухоловъ“ каневскихъ и черкасскихъ по Суноп, Удаю, Сугѣ, Пслу, Ворсклѣ, Самарѣ, Орелѣ и пр.—см. Архивъ Ю. З. Р. VII. I. с. 84, 86, 101—103.

²⁾ Вотъ эти владѣнія: А w Sieweru Rożny ze wazytkim, Krechowo, Osowo, Swietlinowo, Berdowo, Ostrowiec, Buków, Warno, Woluzów, Nieczup, Dorohin, ze wazytkimi innymi pioskuznymi puszcami w tym oddziale, poslawazy od Desny po Udaj i po Ostez, i Sosnowaki oddzial, także ze wazytkimi, i Wysohor—см. у Руликоскаго Opis powiatu Wazyukowackiego в. 34—35—„по польской копіи, выданной въ 1568 г. изъ канцеляріи королевой“ (перепечатано у Похлебенча Сказанія с. 190). Въ настоящемъ своемъ видѣ грамота не имѣетъ начала; она составляетъ, повидному, подтвержденіе грамоты Владимира Ольгердовича, помѣченной индиктомъ 4, т. е. 1366 или 1381 г. (въ 1396 г. Владимира въ Кіевѣ уже не было): „Му tedy to wazytko со przodkowie dali jemu ktwierdzamu“; но кто „зтвержалъ“ грамоту, неизвѣстно, и какъ самая грамота Владимира, такъ еще больше—ея подтвержденіе ждуть еще доказательства своей подлинности. О кн. Рожниовскихъ, происходившихъ будто бы отъ Тугоркана, тестя Святослава Изяславича, и ихъ интересномъ процессѣ см. у Руликоскаго с. 35 сл., В. В. Антоновича Монографія I. с. 209 сл.; см. также „О населеніи Южн. Руси до полов. XV в.“ проф. Владимірскаго-Буланова с. 63—64.

вершено нѣтъ никакихъ данныхъ; но соображая, что и въ XII в. кievскія владѣнія захватывали нѣкоторыя земли къ сѣверу отъ Припети и что позже, въ XVI в. и далѣе, къ Киевской землѣ причислялся Мозырскій повѣтъ ¹⁾, мы будемъ въ правѣ заключить, что такъ оно было и раньше XVI в.: что съ восстановленіемъ Киевскаго княжества его владѣніямъ принадлежали также земли въ углу между Припетью и Днѣпромъ.

Покончивъ съ рубежами Киевщины, остановимся нѣсколько на городахъ того времени; по этому предмету мы впрочемъ имѣемъ всего нѣсколько отрывочныхъ упоминаній, которыя, конечно, не въ состояніи дать никакого представленія о заселеніи земли; я ограничусь лишь свѣдѣніями о такихъ городахъ, которые не упоминались въ болѣе раннее время. Какъ мы видѣли уже, съ конца XIV в. на территоріи старой Киевщины упоминается нѣсколько новыхъ городовъ, какъ Житомиръ, Черкасы, Звенигородъ ²⁾; относительно Звенигорода замѣчу, что онъ находился въ тѣ времена, правдоподобно, на урочищѣ Звенигора, въ трехъ верстахъ отъ теперешняго г. Звенигородка ³⁾. Къ этому нужно прибавить еще два города, находящіеся въ много разъ упомянутомъ спискѣ городовъ при Воскресенской лѣтописи; въ числѣ „градовъ Киевскихъ“ встрѣчаемъ рядомъ съ Киевомъ „за Днѣпръ Чернь“ ⁴⁾, этотъ Чернь съ значительною вѣроятностью

¹⁾ См. у Гвагини (*Sarmatiae Europaeae Descriptio 1581 f. 59 verso*): *Palatinatus Kiowiscensis districtum unum duntaxat Moserensem amplissimum tamen habet*. Это свѣдѣтельство Гвагини (Стрийковскаго), вообще далеко не свободнаго отъ ошибокъ, подтверждается свѣдѣтельствомъ описи мозырскаго замка 1552 г., изъ которой видно, что повѣтъ этотъ тогда къ Киеву въ военномъ отношеніи: ополченіе его собиралось по призыву кievскаго воеводи— Архивъ Юго-Зап. Россіи VII т. I, с. 617. Смори также описаніе границъ Киевскаго воеводства 1566 г. (Архивъ Ю.-З. Р. VII, II, с. 385; по этому описанію предѣлы Киевщины простирались на сѣверѣ до Либеча) и у Целларія (въ *Материалахъ для ист. товогр. Києва отд. II с. 98*).

²⁾ 1 лѣт.-русская лѣтоп. въ изд. Попова с. 39—40.

³⁾ Похилевичъ—Сказанія с. 377, Антоновичъ—Объяснит. записка. Много кievскихъ поселеній перечисляется въ записи о даняхъ Киевской церкви св. Софій (Акты Зап. Р. I № 26), какъ Чудновъ, Романовъ, Хабно, Народичи и пр., но время составленія этой записи неизвѣстно и во всякомъ случаѣ она, несомнѣнно, относится уже къ болѣе позднему времени (редакція помѣтила ее: 1416 или позже).

⁴⁾ Воскрес. л. I с. 240; въ вариантахъ его, названныхъ Срезневскимъ—, „Чернь городовъ“ (Извѣст. и замѣт. о малор. и велик. нам. I. № XL, с. 98). Ср. *Материалы для ист.*

можно приурочить къ нынѣшнему с. Чернину (Чернигъ), на лѣвомъ берегу Дябпра, противъ границы Кіевского уѣзда,—это село упоминается уже въ половинѣ XVI в. ¹⁾. Далѣе, въ томъ же спискѣ, уже среди „градовъ Литовскихъ“, находимъ Ржищевъ, рядомъ съ Бѣлоберезьемъ и Самарою: по всей вѣроятности, это нынѣшнее мѣстечко Ржищевъ; оно замѣстило собою, правдоподобно, старый городъ Иванъ ²⁾. Что до городовъ Побожья—Браслава, Сокольца, Винницы (Веницы), я не включаю ихъ сюда, такъ какъ они, несомнѣнно, не входили въ составъ Кіевской земли въ рассматриваемую эпоху, да и въ болѣе раннее, до-монгольское время территорія, гдѣ расположены они (исключая развѣ Винницы), вѣроятно тоже не принадлежала къ Кіевщинѣ. Къ какому времени относится основаніе этихъ городовъ, къ до-литовскому ли еще, или оно было уже дѣломъ князей Гедимновичей, неизвѣстно. Относительно Черкасъ сохранилось народное преданіе, записанное еще въ половинѣ XVI в.: оно представляетъ этотъ городъ дѣломъ княжеской колонизаціи ³⁾, хотя, какъ было указано выше, есть основаніе думать, что поселеніе на этомъ мѣстѣ существовало еще въ XIII в. ⁴⁾.

Вотъ и всѣ тѣ немногія историко-географическія данныя о Кіевской землѣ послѣ монгольскаго нашествія, какія могъ я собрать. Придирчивости и разбросанности относящаго сюда матеріала, который при-

тоногр. Кіева с. 175, также Указатель къ над. Кіевск. археогр. ком. Новизнаго П. с. 862.

¹⁾ Архивъ Ю.-Зап. Р. VII, т. I. с. 597 (описаніе Остерскаго замка 1552 г.).

²⁾ Воскрес. л. I. с. 241. Ср. Похилевичъ—Уѣзды Кіевскій и Радомисл. с. 144; что до предположенія этого писателя, будто Ржищевъ есть древній Вицижъ или Вицижъ, какъ читаетъ онъ, то оно не имѣетъ на собою ничего, кромѣ сходства имени, и то довольно отдаленнаго (Вицижъ находился въ Черниговскомъ княжествѣ—ср. Барсова Геогр. нач. л. с. 327, также Читенія въ Общ. Нестора II с. 168).

³⁾ Архивъ Ю.-Зап. Р. *ibid.* с. 103: князь великій Литовскій Гедиминъ, завоевавши надъ моремъ Кафу и весь Перекопъ и Черкаси Пятигорское, и приведши Черкасовъ часть зъ княгиней ихъ, посадилъ ихъ на Сленородѣ; а низшихъ на Днепрѣ, где теперь Черкаси сидятъ, а Сленородцевъ посадилъ на Днепрѣ у Канева. Это преданіе о „початку Черкасъ и Канева“ интересно относительно самаго факта, хотя приуроченіе его къ Гедимину во всякомъ случаѣ анахронистично; ср. Антоновичъ—Монографія I с. 56, Дашкевичъ—Замѣтки по ист. литов.-русс. госуд. с. 50—51.

⁴⁾ См. с. 14.

ходится собирать на протяжении вѣсколькихъ столѣтій, многое, вѣроятно, и изъ наличныхъ данныхъ ускользнуло отъ меня, несмотря на всѣ старанія. Но сколько нибудь достаточно заполнить многочисленные пробѣлы въ исторической географіи Кіевщины за это время возможно будетъ развѣ въ будущемъ, съ накопленіемъ новыхъ матеріаловъ. А мы пока ограничимся приведенными данными и перейдемъ въ обзоръ сначала исторіи, а потомъ—устройства и быта Кіевской земли за время отъ смерти Ярослава до монгольскаго нашествія.

II.

Кіевская земля до смерти Мотислава В.

(1054—1132).

Се же поручаю в себе мѣсто стога свой старійшому синову своему, брату вашему Иакошу, Кіевъ, сего послушайте, якоже послушасте мене, да тѣ вы будете въ мене мѣсто. Начальная лѣтопись.

Половина XI вѣка представляетъ поворотный пунктъ въ исторіи Руси. Русскія волости, собранныя почти цѣлкомъ въ рукахъ Ярослава Владиміровича, снова распались со смертью его, раздѣленныя между сыновьями. Явленіе это не представляетъ чего-нибудь новаго само по себѣ: то же было при сыновьяхъ Владиміра, Святослава и, вѣроятно, еще раньше, но на этотъ разъ оно оказало существенное вліяніе на политическій строй русскихъ племенъ. Послѣ этого, несмотря на попытки многихъ потомковъ Ярослава, русскія волости уже никогда, въ продолженіе долгаго ряда вѣковъ, не могли быть снова собраны воедино, какъ то бывало раньше. Съ одной стороны, препятствовало размноженіе князей и христіанская гуманность, удерживавшая ихъ отъ такихъ рѣзкихъ объединительныхъ средствъ, какія практиковались раньше, съ другой стороны—попытки объединительной политики парализовались стремленіемъ самихъ племенъ къ самобытному существованію, такъ какъ предшествовавшая эпоха, хотя придавала извѣстное единство племенамъ, создала извѣстную связь между ними, но нисколько не стерла ихъ племенныхъ отличій, не заглушила влеченія къ особности. Теперь размноженіе княжескаго

дома доставило отдѣльнымъ племенамъ и областямъ возможность безъ большого труда, безъ разрыва съ установившимся политическимъ строемъ, достигнуть обособленія: стоило только обзавестись отдѣльнымъ княземъ, отдѣльною династією изъ дома Ярослава. И по мѣрѣ того, какъ князья мельчали и ослабѣвали и въ своихъ столкновенияхъ вынужденны были все болѣе опираться на земство, это послѣднее имѣло возможность приобрести, или, точнѣе, вернуть себѣ снова болѣе или менѣе широкое вліяніе и участіе въ политической жизни своей земли. Такъ создавался новый, такъ называемый удѣльно-вѣчевой строй, составляющій отличительную особенность времени, слѣдующаго за смертью Ярослава, отъ предшествующаго.

Новыя условія политической жизни произвели особенно большія перемѣны въ положеніи Кіевской земли. Раньше Кіевъ представлялъ центръ, около котораго объединялись русскія земли; кіевскій князь обладалъ большимъ могуществомъ и авторитетомъ, земство было отгѣснено совершенно на второй планъ его дружиною. Теперь же, по мѣрѣ размноженія княжескаго рода, владѣнія кіевскихъ князей уменьшаются, постепенно падаетъ ихъ могущество и вліяніе; при отсутствіи опредѣленнаго порядка преемства на столѣ, это даетъ возможность другимъ князьямъ также предъявлять претензіи на Кіевъ, такъ какъ послѣдній далеко выдавался среди другихъ городовъ своимъ богатствомъ и славою и представлялъ поэтому завидную добычу. Начинается безконечная, упорная борьба за кіевскій столъ, который безпрестанно переходитъ изъ рукъ въ руки, и ни одна княжеская вѣтвь не можетъ на немъ осѣсться. Кіевское населеніе, вызванное къ политической дѣятельности этою тревожною жизнью, напрасно старалось прекратить неурядицу, поставить въ зависимость отъ себя преемство князей на столѣ и закрѣпить послѣдній за излюбленною династією. Соперничество князей продолжалось, втягивало Кіевскую землю въ безконечныя войны, влекло за собою опустошенія ея, жестокія разоренія самого Кіева, наконецъ—давало кочевникамъ широкую возможность грабить землю, то въ видѣ враговъ, то въ видѣ княжскихъ союзниковъ, и результатомъ всего этого было совершенное ослабленіе и захуданіе Кіевской земли.

Таковъ общій характеръ кіевской исторіи отъ смерти Ярослава до монгольскаго нашествія. Слѣдя за внѣшнею политикою кіевскихъ князей, за судьбою кіевского стола и земли, за дѣятельностью кіев-

скаго населенія, нельзя однако не замѣтить на протяженіи этихъ двухъ вѣковъ болѣе или менѣе значительныхъ отличій, которыя дѣлятъ ихъ на нѣсколько отдѣльныхъ періодовъ. Въ первый періодъ еще живо даютъ себя чувствовать политическія традиціи предшествующаго времени: князья дѣятельно занимаются собираніемъ земель и нѣкоторые имѣютъ въ этомъ направленіи значительный успѣхъ, какъ на примѣръ Святославъ и Всеволодъ Ярославичи, Мономахъ и его сынъ Мстиславъ. Кіевъ занимаетъ безспорно первенствующее положеніе среди другихъ столовъ, кіевскіе князья обладаютъ большими волостями и если не всѣ они въ равной мѣрѣ умѣютъ пользоваться выгодами своего положенія, все же въ общемъ они играютъ весьма видную роль, а нѣкоторые достигаютъ замѣчательнаго могущества и авторитета, напоминая собою кіевскихъ князей предшествующаго времени. Преемство князей на кіевскомъ столѣ происходитъ въ этотъ періодъ безъ особыхъ смуть и борьбы, и князья сядятъ на немъ въ общемъ довольно прочно (исключая Изяслава). Политическая дѣятельность кіевского населенія проявляется спорадически, всего вѣсколько разъ за все время, хотя имѣетъ опредѣленный, властный характеръ. Наконецъ этотъ періодъ отмѣченъ (по временамъ) весьма энергичною и успѣшною борьбою съ кочевниками. Этотъ періодъ можно, пожалуй, назвать временемъ преобладанія Кіева, или переходнымъ; гранью для него можетъ служить смерть Мстислава Владиміровича (1182 г.).

Слѣдующій періодъ, сравнительно небольшой, не обнимающій и полныхъ сорока лѣтъ, представляетъ самую живую, богатую страницу кіевской исторіи. Златой столъ кіевскій служитъ предметомъ искаательства и оживленной борьбы многочисленныхъ претендентовъ: это періодъ борьбы за кіевскій столъ по преимуществу. Политическія отношенія усложняются, князья быстро смѣняются на кіевскомъ столѣ, восходя и сходя съ него иногда по нѣскольку разъ. Кіевское населеніе принимаетъ весьма живое и дѣятельное участіе въ политической жизни земли, хотя усилія его подчинить своему влиянію эту жизнь оказываются напрасными. Частыя войны между тѣмъ значительно ослабляютъ землю, кромѣ того она начинаетъ дѣлиться на части между захватившими столъ искателями и ихъ союзниками и помощниками. Разореніе Кіева войсками Андрея въ 1169 г. обрываетъ это напряженное, беспокойное время.

Третій періодъ обнимаетъ перипетіи постепеннаго упадка и за-

худанія Кіева. За первымъ разореніемъ послѣдовали новыя погромы и разоренія, болѣе или менѣе губительныя. Кіевъ видимо отходитъ на второй планъ, значеніе политическаго центра въ Южной Руси пріобрѣтаетъ Галичь, а на сѣверо-востокѣ еще раньше возвышается Владимиръ. Борьба за Кіевъ, какъ *res nullius*, по старой памяти ведется, но она лишена прежней энергіи, интензивности, имѣетъ какой то монотонный характеръ. Дробленіе Кіевской волости между князьями становится уже обычнымъ явленіемъ. Политическая дѣятельность земства ослабѣваетъ: оно какъ бы уходитъ въ себя, отчаявшись въ возможности осуществить свои стремленія. Возобновляются половецкія опустошенія, и борьба съ ними не имѣетъ прежняго успѣха. Монгольскимъ нашествіемъ оканчивается это время и начинается новый періодъ въ исторіи Кіевщины, періодъ чрезвычайно темный, но, можно догадываться, весьма знаменательный въ исторіи народной жизни.

Конечно, указанныя грани, какъ это обыкновенно бываетъ, лишь болѣе или менѣе приблизительно совпадаютъ съ дѣйствительными стадіями развитія и упадка Кіевской земли и не могутъ охватить собою всѣхъ многообразныхъ и трудно уловимыхъ измѣненій въ жизни ея. Однако для болѣе удобнаго обозрѣнія исторіи Кіевщины я воспользуюсь ими и раздѣлю дальнѣйшее изложеніе на три отдѣла: отъ смерти Ярослава до смерти Мстислава Владиміровича, отъ княженія Ярополка до разоренія Кіева въ 1169 г. и отъ этого послѣдняго до нашествія монголовъ.

Ярославъ Владиміровичъ скончался въ февралѣ 1054 г., распредѣливъ свои волости между сыновьями; завѣщаніе, которое влгаетъ въ уста его лѣтописецъ, указываетъ владѣнія послѣднихъ и опредѣляетъ ихъ взаимныя отношенія, но при этомъ перечисляются только главные столы, о другихъ же волостяхъ умалчивается, и мы, съ помощью другихъ лѣтописныхъ извѣстій, только до нѣкоторой степени можемъ восполнить этотъ пробѣлъ. Старшій сынъ Ярослава, Изяславъ, во этому завѣщанію получаетъ Кіевскую волость, въ составъ которой впервые вошла теперь и Древянская земля, составлявшая отдѣльную волость при сыновьяхъ Святослава и Владиміра. Еще раньше, при жизни Ярослава, когда послѣдній раздавалъ волости сыновьямъ въ управленіе, Изяславъ получилъ землю дреговичей, затѣмъ когда

скончался старший его брат Владимиръ (въ 1052 г.), сидѣвшій въ Новгородѣ, Изяславъ былъ переведенъ на этотъ столъ, но сохранилъ за собою и Дреговичскую волость; такъ заставляютъ думать упоминанія лѣтописей: они говорятъ, что въ моментъ смерти отца Изяславъ княжилъ въ Туровѣ, а находился въ Новгородѣ; по смерти отца за нимъ, кромѣ Кіева, остались и Новгородъ и Туровъ ¹⁾. Другіе Ярославичи получали: Святославъ—Черниговскую волость, Всеволодъ Переяславскую, Игорь—Волинь, Вячеславъ—Смоленскъ; полагаютъ, что кромѣ того Святославъ получилъ еще Муромъ и Тмутаракань, а Всеволодъ землю Ростово-Суздальскую ²⁾. Слѣдуетъ упомянуть еще объ одномъ предположеніи; въ большинствѣ списковъ лѣтописи имя Игоря опущено въ завѣщаніи Ярослава; это подало поводъ Карамзину высказать мнѣніе, что Волинь принадлежала изначала къ волости Изяслава и была отдана братьями Игорю, какъ частный удѣлъ кіевскій. Но это предположеніе не можетъ быть принято: нельзя удовлетворительно объяснить, почему бы Игорь, уже взрослый въ моментъ смерти отца, не получилъ отъ него самостоятельной волости ³⁾.

¹⁾ Извѣст. л. с. 114 „Ярославъ разболѣся велики, Изяславу тогда (суму) в Туровѣ князю, а Святославу въ Володимерѣ, а Всеволодъ тогда у отца“ (такъ и въ Тверскомъ сборникѣ—с. 151). Въ Лавр. (с. 157): „Изяславу тогда суму“...—название города пропущено, но пропускъ восполняется позднѣйшими сводами—Воскрес. (I. 333), Софійск. (I. 156): „Изяславу суму тогда въ Новгородѣ“. Въ южнорусскомъ, т. и. Густинскомъ сводахъ (с. 268): „перше бо державу Изяславъ Туровъ, а Святославъ Володимеръ“. Аналогичное явленіе видимъ и при синовыхъ Владимирѣ, когда въ Туровѣ сидѣлъ Святославъ, одинъ изъ старѣйшихъ синовей. См. Погодинъ Исслѣдован. и пр. IV. 426—427; Соловьевъ Ист. Россіи т. II с. 402—403 (прим. 27). Что Новгородъ и по смерти отца принадлежалъ Изяславу, это показываютъ распоряженія его относительно Новгорода, начиная съ 1054 г.—см. Воскрес. л. I. 338 и другіе своды, а также свидѣтельство послѣдствіи Остромирава Евангелія 1057 г.: Изяславу князю... тогда прѣдръжашу объ власти, и отаца своего Ярослава и брата своего Владимира (послѣднее см. напр. у Срезневскаго—Древніе памят. рус. письма и языка с. 14, есть оно и у Карамзина—II пр. 144). О Туровѣ такихъ данныхъ нѣтъ, но важно то, что отъ явлется потомъ ближайшимъ, непрерывнымъ владѣніемъ лѣтніи Изяслава и аннексіей Кіева, „кіевскою волостью“ (см. выше с. 4).

²⁾ См. прибавленія къ Новгор. первой лѣт. (изд. 1898 г. с. 66 и 438), Тверской сб. с. 15, Лѣт. Авраамии с. 318. Карамзинъ II с. 40—41 и прим. 50, Соловьевъ II, с. 13, Вестумевъ-Рюминъ Русская Исторія I с. 107 и др.

³⁾ Карамзинъ II пр. 50. Возраженія см. у Погодина Исслѣдованія IV с. 429 слѣд., Соловьева II. с. 402, ср. Истор. отком. князей Рюрик. дома с. 70—1 (отъ высказаннаго

Отношенія кіевскаго князя къ младшимъ братьямъ въ завѣщаніи Ярослава приравняются къ отношеніямъ отца къ дѣтямъ: „се же поручаю в себе мѣсто столь свой старѣйшому сынови своему, брату вашему Изяславу, Кнєзь, сего послушайте, якоже послушаете мене, да ть вы будете въ мене мѣсто“¹⁾. Такая формулировка весьма неопредѣленна, особенно при обязанности взаимной любви, взаимнаго послушанія, потому установленіе тѣхъ или другихъ отношеній зависѣло всецѣло отъ личныхъ свойствъ и средствъ кіевскаго князя: князь могущественный и энергичный могъ обратити братскія отношенія въ подчиненныя, князь слабый не шелъ дальше приращаемаго старѣйшинства.

Изяславъ Ярославичъ въ моментъ смерти отца находился уже въ возмужаломъ возрастѣ—ему было около 30 лѣтъ и онъ уже нѣсколько лѣтъ былъ женатъ, но этотъ князь, при нѣкоторыхъ, быть можетъ, добрыхъ свойствахъ, былъ лишень энергій, рѣшительности, широкаго ума. Поэтому, какъ можно судити изъ лѣтописныхъ извѣстій, онъ не игралъ среди братьевъ особенно вліятельной, первенствующей роли: старшіе Ярославичи—Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ обыкновенно дѣйствуютъ сообща, а лѣтопись не даетъ никакого намека на инициативу Изяслава. Сообща братья переводятъ Игоря въ Смоленскъ изъ Владиміра, освобождаютъ изъ кіевскаго поруба дядю Судислава, заточеннаго Ярославомъ, предпринимаютъ походъ на торковъ, дѣлаютъ постановленіе объ отгнѣнѣ кровавой мести²⁾. Тутъ, конечно, много значить краткость самихъ извѣстій, но о характерѣ отношеній они все же могутъ дать понятіе; особенно интересенъ фактъ освобожденія Судислава: чтобы освободити этого узника, который сидѣлъ въ волости Изяслава и могъ предъявить притязанія

хѣсь (с. 72—3) сентитического взгляда на завѣщаніе Ярослава Соломьєвъ потомъ отказался—см. Ист. Россіи I с.). О Игорѣ въ завѣщаніи упомянуто только въ Академическомъ (Троицкомъ) спискѣ Лавр. лѣт. (по словамъ Карамзина, это приписка, сдѣланная другою рукою), также въ упомянутыхъ приближеніяхъ къ Новгороду (с. 91) и другихъ свѣдахъ: Воскрес. (I. 383), Никоновск. (I. 86), Тверскомъ (с. 151). Годъ рожденія Игоря намъ неизвѣстенъ, но сличавшись шесть лѣтъ спустя, онъ оставилъ послѣ себя двухъ сыновей.

¹⁾ Ипат. с. 113.

²⁾ Ипат. л. с. 114 (Лавр. с. 158—159); Русск. Правда по св. Академическому ст. 18 (Хрестоматія по ист. рус. права М. Ф. Владимірскаго-Буданова в. I с. 29).

только на волость послѣдняго (Псковъ), повидимому, не требовалось участія Святослава и Всеволода, тѣмъ не менѣе подъ 1159 г. читаемъ, что „Изяславъ, Святославъ и Всеволодъ высадиша стряпа своего (Судислава) ис поруба“¹⁾.

Отъ предшествующаго періода была унаслѣдована традиція собиравія волостей: волости, розданныя дѣтямъ кіевскаго князя, обыкновенно собирались снова черезъ нѣкоторое время въ рукахъ одного изъ его сыновей. Эта собиравительная политика проявляется, какъ было упомянуто, и у потомковъ Ярослава. Носителемъ ея естественнѣе всего было явиться Изяславу, какъ старшему и болѣе могущественному, но на дѣлѣ оказывается иное: старшіе Ярославичи эту собиравительную политику ведутъ тоже сообща, на общій паи и потомъ распредѣляютъ между собою добытыя волости. Что то не было проявленіе искреннихъ братскихъ отношеній, это показываютъ ихъ далеко не родственные поступки въ отношеніи къ племянникамъ и другъ къ другу; причиною такого кооперативнаго образа дѣйствій былъ, правдоподобно, недостатокъ энергій у Изяслава и рѣшительнаго преобладанія по сравненію съ братьями.

Первымъ приобрѣтеніемъ братьевъ была, кажется, Волынь. Вячеславъ Ярославичъ скончался въ 1057 году, оставивъ сына Бориса; на его мѣсто старшіе Ярославича „посадиша Игоря въ Смольнѣсцѣ изъ Володимеря выведше“²⁾. Какъ поступили братья съ Волынью, лѣтопись не сообщила и тѣмъ заставила исследователей прибѣгнуть къ гипотезамъ. Я остановлюсь нѣсколько на этомъ вопросѣ, такъ какъ то или другое рѣшеніе его даетъ извѣстное освѣщеніе политикѣ старшихъ Ярославичей, а также потому, что этимъ рѣшается вопросъ о томъ, когда Волынь перешла во владѣніе кіевскаго князя. Карамзинъ полагалъ, что Волынь возвращена была Изяславу, какъ его исконная волость, лишь на время отданная Игорю³⁾; но Татищевъ говоритъ, что Волынь была передана Ростиславу, сыну Владиміра Ярославича, который первоначально, по смерти отца, княжилъ въ Ростовѣ; это извѣстіе принимаютъ и нѣкоторые современные ученые⁴⁾.

¹⁾ Ипат. л. с. 114 (Лавр. 158); 1 Новг. с. 2.

²⁾ Исторія Госуд. Росс. II нр. 50.

³⁾ Татищевъ—Исторія російская т. II, с. 117; Соловьевъ—Ист. Росс. II, нр. 32; Зубрицкій—Ист. Гал.-Русск. княж. II с. 11; Андриановъ—Исторія Волни. сев. с. 106-107.

Но прежде всего нужно бы знать, каков характеръ имѣлъ переводъ Игоря въ Смоленскъ—повышенія или пониженія. Тѣ, которые принимаютъ приведенное извѣстіе Татищева, держатся, вслѣдъ за нимъ, того мнѣнія, что Игорь былъ моложе Вячеслава, и переводъ его въ Смоленскъ былъ повышеніемъ, перемѣщеніемъ съ низшей волости на высшую. Годъ рожденія Игоря сообщаетъ только тотъ же сводъ Татищева ¹⁾, изъ лѣтописей мы его не знаемъ, и очень можетъ быть, что дата Татищева есть только его домысль; между тѣмъ при перечисленіи сыновей Ярослава, Игорь стоитъ между Всеволодомъ и Вячеславомъ ²⁾: выходитъ, что Игорь былъ старше Вячеслава; въ такомъ случаѣ и переводъ его въ Смоленскъ былъ не повышеніемъ, а пониженіемъ. И лѣтопись о переводѣ Игоря въ Смоленскъ выражается такъ, что скорѣе, можно думать, рѣчь идетъ о насильственномъ перемѣщеніи (посадиша—выведше ³⁾), а разъ перемѣщеніе Игоря было насильственнымъ, было пониженіемъ, то старшіе Ярославичи, конечно, не съ тѣмъ выводили изъ Владиміра своего брата, чтобы дать мѣсто племяннику Ростиславу. Если это было такъ, то переводъ Игоря является со стороны старшихъ Ярославичей первымъ шагомъ на пути собиранія волостей. Волны мы видимъ позднѣе въ рукахъ Изяслава; конечно, онъ, какъ старшій, имѣлъ право на первый пай съ прибрѣтенномъ, хотя въ 1057 г. онъ могъ получить и все Волны, а лишь часть ея ⁴⁾.

Все то, что я сказалъ, конечно, только предположеніе. Безспорнымъ прибрѣтеніемъ братьевъ была Смоленская волость—по смерти Игоря, который скончался въ 1060 г.; по извѣстію позднѣйшихъ сво-

¹⁾ По Татищеву Игорь родился въ 1036 г., а Вячеславъ въ 1034 (II с. 105, 106) но онъ могъ родиться и въ промежутокъ между рожденіемъ Всеволода (1030) и Вячеслава (по Ипат. 1034, по Лавр. 1036 г.).

²⁾ Въ разсказѣ о кончинѣ Ярослава сыновья его перечисляются два раза—см. Лавр. с. 157-8, Воскрес. I с. 338 и пр. Особенно важно второе перечисленіе, относительно котораго нѣтъ разногласій: „пришедъ Изяславъ съде въ Кіевѣ, а Святославъ въ Черниговѣ, Всеволодъ же въ Переяславѣ, Игорь въ Володимерѣ, Вячеславъ въ Смоленскѣ“ (Ипат. II с. 114, Лавр. с. 158).

³⁾ Такое мнѣніе высказалъ и П. В. Голубовскій, *Исторія Сѣверской земли* с. 64.

⁴⁾ Можетъ быть и Ростиславъ получалъ при этомъ какую нибудь часть въ Волынской волости (потомство его дѣйствительно имѣетъ какую-то связь съ Волынью), но не всю ее.

довъ, Смоленская волость была раздѣлена между Ярославичами на три части; позже мы видимъ ее у Всеволода ¹⁾. Что касается Волини, то она, если бы и была отдана Ростиславу, несомнѣнно перешла къ Изяславу въ 1064 г., когда Ростиславъ бѣжалъ, неизвѣстно—откуда, неизвѣстно—почему, въ Тмутаракань. По мнѣнію Соловьева, Ростиславъ, получивъ Волинь, былъ недоволенъ, что его по смерти Игоря не перевели въ Смоленскъ ²⁾. Едва ли можно принять это объясненіе. Вѣроятнѣе будетъ предположить, что Ростиславъ, если дѣйствительно владѣлъ волостью на Волини, бѣжалъ вслѣдствіе какихъ-нибудь захватовъ или притѣсненій со стороны дядей ³⁾.

Такимъ образомъ въ 1064 г. волость Изяслава уже занимала, надо думать, весь бассейнъ Припечи и далѣе на западъ—области въ верховьяхъ Западнаго Буга, Днѣстра и Сана. Условія, въ которыхъ находились въ первое десятилѣтіе по смерти Ярослава русскія земли, въ частности Киевская область, были весьма благоприятны. Союзъ старшихъ Ярославичей обеспечивалъ внутреннее спокойствіе; обезземеленные племянники, дѣти Игоря и Вячеслава, были еще малы, быть можетъ находились внѣ русскихъ земель. Степь, этотъ вѣчный врагъ Южной Руси, оставила ее на время въ покоѣ. Въ ней

¹⁾ Въ Воскрес. (I. 333) и Софійск. (I. 156) это извѣстіе стоитъ подъ 1064 г., очевидно не на мѣстѣ; въ Тверскомъ об. (с. 153) и у Кронера (*De origine et rebus gentis Polonorum* p. 54, ed. 1684, съ ссылкой на *Annales Russorum*) раздѣлъ слѣдуетъ за смертью Игоря. Извѣстіе о раздѣлѣ Смоленской волости на три части можетъ служить нѣкоторымъ аргументомъ противъ мнѣнія, что Волинь была первымъ приобретениемъ старшихъ Ярославичей, но не рѣшительнымъ, особенно если предположить, что Волинь томе не перешла дѣлкомъ въ руки Изяслава. Отмѣту, что извѣстіе о раздѣлѣ Смоленска отвергалъ Полевой (*Истор. рус. нар.* II с. 294) и полагалъ, что Смоленскъ достался Святославу; наоборотъ, Бѣлевъ думалъ, что его захватилъ, какъ и Волинь, Изяславъ (*Рассказы изъ русск. ист.* I с. 109). Что Смоленскъ принадлежалъ Всеволоду раньше изгнанія Изяслава, видно изъ Поученія Мономаха—Лавр. с. 238.

²⁾ *Инат.* I с. 115 (*Лавр.* 159). Соловьевъ II с. 14.

³⁾ Ростиславъ бѣжалъ черезъ 4 года послѣ смерти Игоря; при томъ было бы слишкомъ легкомысленно бросать Волинь съ Червенскими городами (какъ выходитъ по Татищеву—II, 189) и отправляться въ Тмутаракань въ надеждѣ на лучшую волость, въ родѣ Смоленской (если только еще Смоленская была лучшею). Въ Никои. сводѣ (т. I с. 92) сказано, что Ростиславъ бѣжалъ изъ Новгорода, но это можетъ быть и догадка составителя свода; Карамзинъ (II с. 42 и пр. 115), Арцибашевъ (I ч. 2 с. 25) и другіе учение принимали это извѣстіе.

самой происходила теперь упорная борьба, сопровождавшая обыкновенно сшибку одного кочевого племени другимъ: торки, вытѣсненные и сшибившіе на короткое время печенѣговъ, подверглись теперь, въ свою очередь, нападенію половцевъ и въ борьбѣ за свое существованіе не имѣли возможности беспокоить Руси. Во все время отъ послѣдняго нашествія печенѣговъ (1034 г.), въ продолженіи болѣе чѣмъ тридцати лѣтъ, не слышно нападеній кочевниковъ на Кіевскую землю, во все это время она не подвергалась нападенію и какой-либо другой рати. Въ 1060 году Ярославичи вмѣстѣ со Всеславомъ полоцкимъ, „совокупивше воя бесчислены“ (вѣроятно, въ походѣ принимали участіе, кромѣ дружины, и земскія ополченія Кіевской и другихъ земель), на вояхъ и лодьяхъ, впервые предприняли наступательный походъ въ степь. Тѣснимые съ двухъ сторонъ, торки не выдержали; по предположенію лѣтописца, они совершенно погибли въ это время отъ голода и холода, „Божіимъ гнѣвомъ гонимы“; въ дѣйствительности они двинулись на юго-западъ, за Дунай ¹⁾. Въ Татищевскомъ сводѣ прибавлено, что князья захватили плѣнниковъ и расселили ихъ по городамъ; лѣтописное ли это извѣстіе, или предположеніе историка, но самый фактъ весьма вѣроятенъ: поселенія торковъ въ предѣлахъ Кіевской и Черяславской областей впервые упоминаются въ восьмидесятихъ годахъ, но поселены они были тамъ, надо полагать, еще раньше, и наиболѣе удобнымъ моментомъ является именно походъ 1060 г. ²⁾. Мѣсто торковъ въ степяхъ заняли половцы, и Русь немедленно испытала непріятности этого новаго сосѣдства: въ слѣдующемъ же году половцы вторгнулись въ Черяславскую волость, а нѣсколько лѣтъ спустя пришлось познакомиться съ ними и Кіевской землѣ ³⁾.

¹⁾ См. у П. В. Голубовскаго—Печенѣги etc. с. 47 и 76. Клязьмскій т. I с. 116. Карамзинъ т. II, стр. 112.

²⁾ Ипат. с. 114—5 и 148, Лавр. с. 240 (Поученіе Мономаха), Татищевъ II с. 116; ср. ниже с. 81.

³⁾ У Татищева подъ 1064 (т. II с. 118) разсказывается, что половцы съ тѣмъ же княземъ Соколомъ, который въ 1061 году ходилъ на Черяславскую волость, напали на Русскую землю, но были разбиты Изяславомъ; это у него, очевидно, повтореніе извѣстія о побѣдѣ Святослава надъ половцами 1068 г., приуроченное по ошибкѣ къ Изяславу; здѣсь также фигурируетъ Словскъ (т. е. Словскъ ср. с. 122), 1 ноября, 12000 половцевъ и т. д. Извѣстіе о побѣдѣ Изяслава надъ половцами есть и у Стрийковскаго (I р. 167), въ

Другіе походы, предпріятыя Изяславомъ, не имѣли особеннаго значенія для Кіевской земли и происходили, вѣроятно, безъ участія кіевскаго ополченія; такъ онъ ходилъ на чудъ и на сосоловъ, отрасль того же чудскаго племени, жившую за Чудскимъ озеромъ ¹⁾; эти походы предпріяты были, очевидно, въ интересахъ Новгородской волости. Вслѣдствіе малолѣтства сыновей (старшій изъ нихъ—Святополкъ родился въ 1050 г.) ²⁾, Изяславъ управлялъ Новгородомъ чрезъ посадника, а въ болѣе важныя походы, какъ видно, отправлялся самъ. Затѣмъ лѣтопись сообщаетъ объ удачномъ походѣ его на Голадь, народъ, по всей вѣроятности, литовскаго племени ³⁾.

Спустя нѣсколько лѣтъ послѣ совмѣстнаго похода на торковъ, Всеславъ началъ враждебныя дѣйствія противъ волостей Изяслава. Онъ осаждаетъ Псковъ, затѣмъ беретъ Новгородъ. Братья явились на помощь Изяславу, всѣ трое вторглись въ волость Всеслава, разграбили Минскъ, затѣмъ Всеславъ былъ разбитъ на р. Немизѣ. Этимъ дѣломъ не кончилось; заввавъ для переговоровъ, его вѣроломно схватили и заточили въ Кіевъ, вмѣстѣ съ двумя сыновьями. Татищевъ приписываетъ инициативу этого измѣнническаго поступка Святославу, но лѣтописецъ скорѣе считаетъ виновникомъ Изяслава; по крайней мѣрѣ онъ отмѣчаетъ, что именно Изяслава вслѣдъ за тѣмъ постигла кара за клятвопреступленіе ⁴⁾. Весьма вѣроятно предположеніе, что Изя-

изачленіи изъ *Kroniki Ruskiej*, и также, по всей вѣроятности, отнесено къ Изяславу по ошибкѣ, вмѣсто Святослава (ошибокъ въ именахъ въ этомъ изачленіи есть довольно).

¹⁾ Софійск. I. 156—157. Воскр. I. 333. Тверск. с. 152—3. Никон. I. 86, 92. О истокъ Сосоловъ и прочей Чуди см. у Барсова—Географія с. 47—48.

²⁾ 1 Новгород. с. 2.

³⁾ Ипат. с. 114 (1058 г.). Происхожденіе и истокъ готландцев до сихъ поръ не опредѣлено достаточно—Барсовъ Географія Нач. Лѣтоп. с. 48. Ходаковский, Соловьевъ (II с. 84) видѣли здѣсь Голадь, сѣдѣвшую на р. Протвѣ; см. еще Погодина Изяславъ. V с. 249—250.

⁴⁾ Ипат. с. 115, 117—8. Лавр. с. 159, 162—3. 1 Новгород. с. 29. 2 Псковская с. 8 (въ Полн. собр. лѣт. г. V). Татищевъ II с. 119; свидѣтельство его принялъ П. В. Голубовскій, Ист. Сѣв. зем. с. 63. Карамзинъ прямо выставилъ Изяслава дѣйствующимъ въ этомъ случаѣ единолично (II с. 48), въ лѣтописи это не высказано такъ рѣзко: „Изяславъ, Святославъ и Всеволодъ целоваше крестъ честный и Всеславу, онъ же ладѣлся целованія креста, переѣха в лодыи чрезъ Днѣпръ. Изяславу же въ шатеръ предъидущю и тако яма Всеслава, преступивше крестъ. Изяславъ же приведе Всеслава Киеву“, а ниже: „се же Богъ яви крестъ яну силу, понеже Изяславъ цѣловавъ крестъ, я я и“ (Ипат. с. 117 и 121).

славъ уступилъ при этомъ Новгородскую волость Святославу, а себѣ взялъ Полоцкъ, гдѣ и посадилъ своего сына Мстислава, изгнаннаго Всеславомъ изъ Новгорода ¹⁾; во всякомъ случаѣ въ 1069 г. Новгородъ уже принадлежалъ Святославу дому: въ немъ сидѣлъ Глѣбъ Святославичъ ²⁾.

Кара за клятвopеступленіе въ отношеніи Всеслава постигла Изяслава спустя годъ. Въ 1068 г. ³⁾ половцы вторично напали на Переяславское княженіе, въ гораздо большемъ числѣ, чѣмъ прежде. Изяславъ и Святославъ на этотъ разъ успѣли на помощь Всеволоду. Половцы проникли уже за Трубежъ, на Альтѣ произошло сраженіе, въ которомъ русскіе были совершенно разбиты. Изяславъ успѣшно бросился съ своими ратниками въ Кіевъ; съ нимъ вмѣстѣ бѣжалъ и Всеволодъ, не рѣшившійся оставаться въ Переяславлѣ. Половцы вслѣдъ за ними также переправились черезъ Днѣпръ и рассыпались загонами по Кіевской землѣ. Это было совершенною неожиданностію для Кіевщины, успѣвшей за послѣднее время уже отвыкнуть отъ подобныхъ вторженій. Пораженіе и нападеніе половцевъ только раздражили кіевлянъ: „люде Кыевстии прибѣгоша Кыеву, я створивше вѣче на торговини (на Подольѣ), и рѣша пославпеса ко князю: се половци росулися по земли; да вдай, княже, оружья и кони, я еще бьемся с ними. Изяславъ же сего не послуша“ ⁴⁾. Естественнѣе всего думать,

¹⁾ Соловьевъ II пр. 85. Едва ли братья предоставили бы Изяславу Полоцкъ, не получивъ вознагражденія за свою помощь: Изяславъ получалъ Волынь, у Всеволода виднѣтъ Славенскъ, а Святославъ долженъ былъ получить какую-нибудь волость.

²⁾ I Новг. с. 2. Карамзинъ (II пр. 125) справедливо полагалъ, что Святославъ послалъ сына Глѣба въ Новгородъ уже по изгнаніи Изяслава: зимою 1068 г. Глѣбъ еще былъ въ Тмутаракани, какъ видно изъ надписи на Тмутараканскомъ камнѣ (см. напримѣръ у Срезневскаго—Др. изв. рус. письма и яз. с. 16, у Карамзина—II пр. 120).

³⁾ Такъ датировано это событіе во всѣхъ спискахъ Ипатской, I Новг., Лавр. спискѣ и сводахъ, въ Радзив. же и Академ. спискахъ помѣщено подъ 1067 г.; такая же разица и относительно слѣдующаго года.

⁴⁾ Это важное мѣсто лѣтописи (Ипат. с. 120, Лавр. с. 166) возбуждаетъ нѣкоторыя недоумѣнія. Прежде всего, кто такіе были „люде Кыевстии“—окрестные ли жители, сбѣжавшіеся отъ воловецкаго набѣга (такъ думалъ Хлѣбниковъ—Общество и государство с. 262), или прибывшее съ полнъ битвы ополченіе? Обиновенно предполагаютъ второе, и это очень вѣроятно: на такое понятіе наводитъ сама слова вѣча (я еще бьемся с ними), при томъ земскія ополченія obiновенно участвовали въ походахъ на кочевниковъ. Если

что это требованіе испугало его; вѣроятно, съ самаго начала народное движеніе приняло враждебный по отношенію къ нему характер: могли винить князя въ пораженіи, жаловаться на бездѣйствіе при опустошеніи земли половцами, и это тѣмъ болѣе, что еще раньше, по видимому, существовали натянутыя отношенія у населенія къ князю, и не мало, надо думать, людей было арестовано послѣднимъ. Когда народъ узналъ объ отказѣ князя, неудовольствіе обратилось на тысяцкаго Косняча, предводителя земскаго ополченія. Все вѣче двинулось къ нему на Гору, къ его дому; не найдя его, снова остановилось для совѣщанія у двора Брячислава; неудовольствіе на князя, очевидно, возрастало и переходило въ открытое противленіе. Рѣшили освободить „свою дружину“¹⁾—кіяпъ, сидѣвшихъ въ княземъ погребѣ; одна часть вѣча пошла съ этою цѣлью къ погребу, другая направилась ко княжему двору и начала препираться съ княземъ горячо, съ крикомъ. Подошла и другая часть людей, освободивъ узниковъ. Народъ, раздраженный напраснымъ препирательствомъ, уже приходилъ къ рѣшенію замѣнить Изяслава другимъ княземъ; подъ рукою былъ Всеславъ, прослывшій чародѣемъ за свою ловкость, сидѣвшій тоже

же принять, что земское ополченіе участвовало въ походѣ, то этияъ устраняется предположеніе, что княземъ было запрещено населенію ношеніе оружія, вслѣдствіе натянутыхъ отношеній, почему кіяпъ и обратились за оружіемъ къ Изяславу (Костомаровъ Монографія I с. 178). Такое предположеніе само по себѣ невѣроятно: запретить ношеніе оружія и отобрать его у вооруженнаго кіевскаго земства едва ли бы рѣшился и богѣ энергичный князь, чѣмъ Изяславъ. Вѣроятно, кіяпъ просили оружія и коней взазмѣнъ потеряннаго въ битвѣ и для снабженія богѣ бѣдныхъ „людей“, не жившихъ ни того, ни другаго. См. также соображенія г. Линиченна, Вѣче въ Кіевской области с. 18. Упомяну еще объ объясненіи отказа Изяслава, сдѣланномъ нѣкогда Соловьевичъ: позволить кіяпамъ однихъ идти на половцевъ (такъ понималъ авторъ требованіе населенія)—значило для кіяпъ отказать отъ своей обязанности защитника земли, потерять свое значеніе (Ист. отнош. князей. Рюрик. дома с. 82). Другой, рассказывающій этотъ эпизодъ весьма близко къ истинѣ, объясняетъ отказъ Изяслава опасеніемъ, что кіяпьяне снова потеряютъ воудачу (I. III р. 249).

¹⁾ „Дружину“ въ Инат., „дружину свою“ въ Лавр., прибавл. къ I Новг. (с. 101) и сводахъ (Софійск., Воскрес., Никол., Тверск.). Арцбашевъ напрасно разумѣлъ здѣсь дружину полюдскую (т. I., ч. 2 пр. 145); ни на чѣмъ не основано и предположеніе его, что Брячиславовъ дворъ, гдѣ остановилось вѣче для совѣщанія, принадлежалъ Брячиславу Полоцкому и находился на Либеде (ibidem пр. 147). Г. Сергѣевичъ слово „дружину свою“ относитъ къ Всеславу—т. е. какъ бы „нашего товарища“ (Вѣче и князь с. 396), это толкованіе принялъ и г. Самохваловъ въ своихъ „Замѣткахъ по ист. русск. госуд. устрой-

въ порубѣ неподалеку ¹⁾. Дружина совѣтовала Изяславу стеречь по-хрище этотъ порубъ, потомъ даже—тихонько убить Всеслава. Изяславъ не рѣшался; человекъ вообще мало энергичный, онъ видимо растерялся и не предпринималъ никакихъ мѣръ противъ движенія. Наконецъ „люде же кликнуша и идоша къ порубу Всеславу“. Тутъ Изяславъ съ Всеволодомъ бросились бѣжать со двора а Всеславъ былъ превозглашенъ княземъ: „поставиша и средѣ двора княжа“. Это было на другой день воздвиженія креста: силою честнаго креста, который оскорбилъ Изяславъ, схвативъ Всеслава, и къ которому воззвалъ заточенный Всеславъ, былъ освобожденъ послѣдній. Княжескій дворъ, богатства княжны были разграблены, но никакихъ другихъ буйствъ, грабежей лѣтопись не рассказываетъ ²⁾. Народное движеніе, какъ оно представляется въ лѣтописи, имѣетъ сдержанный, послѣдовательный характеръ. Причиною его является недовольство образомъ дѣйствій князя, его нерадѣніемъ о землѣ, и движеніе направляется исключительно противъ него, сначала въ видѣ протеста, затѣмъ приводить къ низложенію князя и поставленію на его мѣсто новаго лица. Разграбленіе двора, оставшагося безъ хозяина, слѣдуетъ уже за бѣгствомъ Изяслава. Любопытно, что между тѣмъ какъ по лѣтописному разсказу Всеславъ былъ освобожденъ волею всего населенія (люде

ства и управленія (Журналъ Мн. Нар. Просв. 1869. XI. с. 75.); хотя такое объясненіе слова „дружина“ само по себѣ возможно (такъ „дружина“ въ современномъ калорусскомъ языкѣ означать жену), но „своею дружиною“ киевляне никакъ не могли назвать полоцкаго князя. Хлѣбниковъ (Общество и государство с. 264) разумѣлъ подъ дружиною бояръ—участниковъ движенія, но слово это, вѣроятно всею, употреблено въ смыслѣ „товарищи, сограждане“, какъ и въ Ипат. с. 207 (строка 18) или 876 (ст. 10). Здѣсь разумѣются, надо думать, не какіе-либо обинювенные преступники: о преступникахъ обинювенныхъ, при томъ не многочисленныхъ, едва ли народъ вспоминалъ бы въ такой важный моментъ, а многочисленность сама уже будетъ признакомъ какихъ-то ненормальныхъ отношеній князя къ народу. Татищевъ (т. II с. 120) объясняетъ еще, будто народъ былъ недоволенъ на Кослячка за то, что онъ отговаривалъ князя дать оружіе, народъ хотѣлъ убить его и домъ разграбить; послѣднее противорѣчитъ лѣтописи, при томъ если посланцы видѣли Кослячка на княжьемъ дворѣ, затѣмъ народу было ходить къ дому его?

¹⁾ „Изяславу сѣдаци на сенѣхъ с дружиною своею, и начаша прѣтиса съ княземъ, спеще долѣ, а князю изю оконца зрацю и дружиѣи столци у князя, рече Тукм, Чюдишеи братъ, Изяславу: „видиши, княже, люде възмили; послѣ, ать блудуть Всеслава“. Ипат. с. 120. Отвѣчу, что у Кромера освобожденія Всеслава добивается *Russica nobilitas* (р. 54).

²⁾ Ипат. 120—121 (Лавр. 166—167), 1 Новг.с. 2.

же кликнуша и идоша къ порубу Всеславу), кїяне, вспоминая объ этомъ спустя 30 лѣтъ приписываютъ освобожденіе его партїи злоумышленниковъ: „о семъ промыслимы, а воже и преже створиша при Изяславѣ Ярославичѣ, высѣкше Всеслава ис поруба, али они, и поставиша князя собѣ, и много зла бысть про то граду нашему“¹⁾. Это, кажется, показываетъ только, какъ скоро исчезаетъ въ массѣ истинное представленіе о событіяхъ; вѣроятно, и въ „запискѣ“ попали освободители Всеслава потому, что изъ-за нихъ „много зла бысть граду“.

Всеславъ пробылъ на кїевскомъ столѣ около семи мѣсяцевъ, но лѣтописи не сообщаетъ совершенно ничего о его дѣятельности; это тѣмъ болѣе жаль, что новый князь-избранникъ долженъ былъ сообразоваться въ своихъ дѣйствіяхъ съ желаніями земства. Мы не знаемъ даже, предпринять ли былъ желанный походъ противъ половцевъ; если ходили на нихъ, то, вѣроятно, безъ большаго успѣха, а можетъ быть половцы ушли заблаговременно. Полтора мѣсяца спустя Святославъ нанесъ имъ сильное пораженіе на р. Снови и тѣмъ, вѣроятно, положилъ конецъ опустошеніямъ²⁾.

Между тѣмъ Изяславъ, хотя въ данное время владѣлъ кромѣ Кіева областями древлянъ и дреговичей, Волынію и Полоцкомъ, не попытался собрать военныя силы въ этихъ волостяхъ и, опираясь на нихъ, подавить движеніе кїевлянъ. Очевидно, онъ не надѣялся найти достаточно поддержки со стороны населенія этихъ земель противъ кїевского земства. Не обратился онъ за помощію и къ братьямъ, почему—трудно рѣшить, а отправился въ Польшу, съ королемъ которой, Болеславомъ Смѣлымъ, онъ былъ связанъ двойными узами родства, какъ племянникъ его матери и мужъ его тетки³⁾. Длугошъ говоритъ, что Изяслава сопровождали сыновья его, Святополкъ и Мстиславъ, и нѣкоторые дружинники⁴⁾. Болеславъ не замедилъ ока-

¹⁾ Ипат. г. с. 246.

²⁾ Ипат. с. 121 (Лавр. с. 167); 1 Новг. с. 2.

³⁾ Мать Болеслава была сестра Ярослава—Ипат. с. 108. Жена Изяслава въ Патерикѣ (с. 161) просто названа „длховицею“; подлиннїе своды (Воскр. I. 331, Никон. I. 88, Тверск. с. 149, 168, Густин. с. 271) называютъ ее сестрою Казнира. См. Длиннченко Взаим. отнош. Руси и Польши с. 48 и 52.

⁴⁾ Hist. Polonica. I. III. p. 250.

зять поддержку изгнанному; полагаютъ, что онъ выговорилъ себѣ за по-
мощь Червенскіе города; весной слѣдующаго (1068) года онъ самъ
выступилъ въ походъ съ Изяславомъ. Источники не говорятъ о ка-
кихъ-либо столкновеніяхъ на пути къ Киеву: вѣроятно, населеніе
Волинской и Древянской земель осталось нейтральнымъ въ распрѣ
кѣянъ съ ихъ княземъ. У Бѣлгорода, на границѣ Полянскій зем-
ли, ожидало Изяслава съ поляками кѣвское ополченіе, со Всесла-
вомъ во главѣ ¹⁾. Но вдругъ ночью, тайномъ отъ кѣянъ, Всеславъ
бѣжалъ въ Полоцкъ; не имѣя ни надеждъ, ни претензій утвердиться въ
Кіевѣ наперекоръ Ярославичамъ, онъ, вѣроятно, счелъ неблагоразум-
нымъ подвергаться напрасному риску и „доткнувшись стружіемъ
злата стола кѣвскаго, лютымъ звѣремъ умчался въ полночь изъ-
подъ Бѣлгорода, повитый синею мглою“ ²⁾. Кѣяне, узнавъ поутру,
что остались безъ князя, почувствовали себя совершенно безпомощ-
ными и отступили въ Кіевъ. Сдаться они ни въ какомъ случаѣ не
желали—изъ боязни мести или, можетъ быть, изъ нерасположенія къ
Изяславу; послѣ совѣщанія на вѣчѣ рѣшено было обзавестись пре-
жде всего княземъ: „и створиша вѣче, послашася къ Святославу и къ
Всеволоду, глаголюще: мы же зло створили есмь, князя своего про-
гнавше, а се ведеть на ны землю Лядскую; а поиде (поидѣта) въ
градъ отца своего; аще ли не хочета, то намъ неволя: зажегши го-
родъ свой, и ступати въ Грѣдискую землю“ ³⁾. Это былъ, очевидно,
призывъ на княженіе. Обращаясь къ обоимъ братьямъ, чтобы зару-
читься ихъ помощью, кѣяне, вѣрно, имѣли собственно въ виду
Святослава, болѣе энергичнаго, прославленнаго недавнею побѣдою надъ
половцами; такъ, повиданому, понимаетъ и лѣтописецъ, влагая въ

¹⁾ Другою говоритъ, что Всеславъ собралъ значительное войско ex Ruthenis, Pie-
sunięguz et Wallachuz—Hist. Pol. I. III p. 266; можетъ быть это торки Кѣвской об-
ласти?

²⁾ Слово о волку Игоревѣ въ изд. Тихонова 1868 г. с. 10.

³⁾ Извст. л. с. 121—2 (Лавр. с. 168). Слова „а поидѣта въ градъ отца своего,
трудно изъяснить иначе, какъ въ смыслѣ призыва на княженіе (въ Никоновской лѣтописи
сказано прямо: поидите... и князита (т. I с. 96); такъ понимаетъ эти слова г. Сергѣ-
евичъ (Вѣче и княз с. 112), иже же, какъ Костомаровъ (Моногр. I. с. 179), Самоквасовъ
(оп. с. с. 76—77) и др. видятъ здѣсь только просьбу о посредничествѣ. Но предста-
тельство за кѣянъ Ярославичи могли и не входить въ Кіевъ, какъ они и сдѣлали, и
всѣмъ имъ было непремѣнно принимать туда (ср. Линиченко—Вѣче с. 20).

уста именно ему отвѣтъ на предложеніе кіевлянъ. Но Святославъ не рѣшился принять предложеніе, онъ общалъ кіянамъ отъ себя и отъ брата только заступиться за нихъ передъ Изяславомъ и потребовать отъ него, чтобы онъ вступилъ въ городъ мирно, безъ большой дружины, въ случаѣ же насилій общалъ вооруженную помощь. Трудно рѣшить, какіе мотивы побудили его къ отказу; боязнь риска, наличная польская армія были едва ли не главными изъ этихъ мотивовъ. Кіевне, по словамъ лѣтописца, утѣшились этимъ отвѣтомъ; ихъ рѣшеніе зажечь городъ и уйти въ Греческую землю (можетъ быть въ Крымъ, въ греческіе города), конечно, не было серьезнымъ; не добывъ себѣ князя, они не рѣшились сопротивляться и отдались подъ заступничество Святослава и Всеволода. Послѣдніе послали въ Изяславу пословъ, „глаголюще: Всеславъ ти бѣжалъ, а не води Ляховъ Къеву, противнаго ти нѣтуть; аще ли хочещи гнѣвомъ ити и погубити градъ, то вѣси, яко намъ жаль отня стола“ ¹⁾). Эта угроза заставила Изяслава дѣйствовать осторожнѣе. Онъ оставилъ польское войско и пошелъ съ Болеславомъ, „мало ляховъ поемъ“, но впередъ отрядилъ сына Мстислава съ значительнымъ, очевидно, отрядомъ дружины. Принятый въ городъ, Мстиславъ началъ расправу: 70 человекъ было убито, по словамъ лѣтописца, другіе ослѣплены; вмѣстѣ съ вождями движенія погибли и неповинные. Эта жестокость и вѣроломство остались памятными въ населеніи, которое винило въ нихъ Изяслава, и лѣтописецъ позже, защищая послѣдняго, сваливалъ всю вину на Мстислава ²⁾). Но никакого сопротивленія, судя по лѣтописи, населеніе не оказало: оно, очевидно, находилось въ томъ удрученномъ, тягостномъ состояніи упадка энергіи, которое постигаетъ массовыя движенія при неудачѣ. Когда приблизился къ городу Изяславъ, кіевляне покорно вышли навстрѣчу ему ³⁾, и Изяславъ вокняжился

¹⁾ У Длугоша послѣ Святослава и Всеволода говорятъ Изяславу: *Quodam te aliquis furor ad ulciscendum acceptam a Kioviensibus injuriam exagitat, ipsemet potius ultionem et in Kioviensibus et in arcem, sine (sive?) ferro sine igne liber dummodo Poloni in nos et gentem nostram non debachantur exerce* (I. III. p. 266). Не есть ли это лишь не точный переводъ приведенныхъ словъ лѣтописца?

²⁾ Ипат. с. 142 (Лавр. с. 196).

³⁾ *Ad septimum lapidem* у Длугоша (I. III p. 266).

вторично; это было 2 мая 1069 года ¹⁾). Такова была судьба этого народного движения. Лѣтопись непосредственно затѣмъ сообщаетъ, что Изяславъ перевелъ торговище, на которомъ происходили вѣча, съ Подолья на Гору, поближе къ княжескому двору; весьма вѣроятно, что это распоряженіе имѣло политическій характеръ и было сдѣлано съ цѣлью доставить князю возможность имѣть подъ ближайшимъ надзоромъ народныя сборища и парализовать впредь движенія, подобныя описанному. Въ половинѣ XII в. однако, какъ было уже упомянуто, мы видимъ торговище снова на Подольѣ ²⁾).

Кромѣ начальной лѣтописи, источника вполне точнаго и достоярнаго, о занятіи Кіева Изяславомъ и Болеславомъ говорятъ польскіе писатели. Разсказъ послѣднихъ носитъ ясный и несомнѣнный слѣдъ легенды. Древнѣйшій источникъ, которымъ пользовались послѣдующіе писатели, Мартинъ Галль, въ своемъ разсказѣ передаетъ собственно дѣя подробности, символизирующія покореніе Кіева Болеславомъ: ударъ мечемъ въ Золотыя ворота при вступленіи въ городъ и *osculum pacis*, данный Болеславомъ своему родственнику, возстановленному на кіевскомъ столѣ ³⁾). Несомнѣнно, подобныя символы употреблялись: подобная же легенда объ ударѣ въ Золотыя ворота подлѣбе приурочивается и въ Кіевщинѣ къ половецкому хану Боняку, но это однако вовсе не ручается за то, что упомянутыя символическія пережитія дѣйствительно имѣли мѣсто при занятіи Кіева Болеславомъ,

¹⁾ Ипат. л. с. 121—122. Липр. 168—169. 1 Погг. с. 2: Приде Изяславъ съ Ляхи, а Всеславъ бѣжа Полотъску и вогорѣ Подоліе. Г. Линиченко (Вѣче с. 20) связываетъ этотъ воцаръ съ возвращеніемъ Изяслава въ Кіевъ, но извѣстіе такъ кратко, что трудно сдѣлать съ нимъ что-нибудь; Карамзинъ (II. с. 124) полагаеъ, что рѣчь здѣсь идетъ не о кіевскомъ, а о новгородскомъ Подольи, и это можетъ быть.

²⁾ Ипат. л. с. 249; у Татищева II с. 124: Изяславъ, видя, что не прилично торгу и сборищу многому людемъ быти на низу въ отдаленіи отъ его дому, новезѣлъ торгъ перенести на-гору; см. также Карамзина II с. 45—6, Полевого—Ист. рус. нар. II с. 302 и др. Проф. Матимовскій (Евреи въ Южной Руси с. 79) объясняетъ перенесеніе торговища экономическими соображеніями.

³⁾ Вотъ весь этотъ краткій разсказъ: *Ipsa quoque (Bolezlavus), sicut primus Bolezlavus magnum, Ruthenorum regni caput, urbem Kyewo praecipuam hostiliter intravit, ictumque sui ensis in porta aurea signum memoriae dereliquit. Ibi etiam quendam sui generis Ruthenum, cui pertinebat regnum, in sede regali constituit, cunctosque sibi rebelles a potestate destituit. O pompa gloriae temporalis! o audacia fiduciae militaris! O majestas regiae potentatis! Rogatus itaque Bolezlavus largus a rege quem fecerat, ut obviam ad se ve-*

и молчаніе нашей лѣтописи дѣлаетъ довольно подозрительными эти подробности польскаго источника ¹⁾).

Болеславъ съ войскомъ остался на нѣкоторое время въ Кіевской землѣ, ляхи были „распущены на покормъ“; это могло случиться и по просьбѣ Изяслава, не полагавшагося на покорность киянъ, но такая мѣра не могла снискать ему народнаго расположенія. Можетъ быть, съ помощью поляковъ же Изяславъ предпринялъ походъ на Полоцкъ ²⁾; Всеславъ былъ изгнанъ, въ Полоцкѣ былъ посаженъ Мстиславъ Изяславичъ, а послѣ смерти послѣдняго (въ томъ же году)—Святополкъ. Всеславъ, впрочемъ, продолжалъ борьбу и черезъ годъ выгналъ Святополка изъ Полоцка ³⁾. Какъ долго оставались ляхи на квартирахъ въ Кіевщинѣ, мы не знаемъ; лѣтопись сообщаетъ, что они возбудили неудовольствіе среди населенія, которое начало избивать ихъ; позднѣйшій польскій источникъ говоритъ о своеволии и распутствѣ поляковъ—постояльцевъ, и въ этомъ извѣстіи нѣтъ ничего невѣроятнаго ⁴⁾. Движеніе народа противъ поляковъ выразилось не въ видѣ открытаго возстанія, а въ видѣ отдѣльныхъ убійствъ (избиваху Ляхы отай), но такъ сильно и широко, что Болеславъ поспѣшно ушелъ изъ

niret sibi que pacis osculum ob reverentiam suae gentis exhiberet, Polonus quidem hoc annuit, sed Ruthenus dedit, quod voluit. Computatis namque Largi Boleslavi passibus equinis de statione ad locum conventionis, totidem auri marcas Ruthenus posuit. Nec tamen equo descendens, sed barbam ejus subridens divellens, osculum ejus satis pretiosum exhibuit. Monumenta Poloniae historica I p. 419.

¹⁾ Ударъ въ Золотые ворота—подробность, общая съ рассказомъ о занятии Кіева Болеславомъ Храбрымъ; очевидно, одна и та же легенда была приурочена къ обоимъ Болеславамъ. Легенду о Волякѣ, который „сѣкъ в Золотые ворота“—см. въ Ипат. с. 299. Длугошъ переноситъ эти легендарныя подробности на походъ Болеслава послѣ вторичнаго изгнанія Изяслава, въ дѣйствительности, по всей вѣроятности, не существовавшій (I. III p. 279). По его же словамъ въ 1069 г. Болеславъ воспользовался возвращеніемъ Изяслава только какъ предлогомъ, чтобы завоевать Русь (I. III p. 264). Критическій разборъ польскихъ извѣстій у г. Линиченка—Взаимныя отношенія с. 110 сл., см. также Читенія въ обществѣ Нестора II с. 176.

²⁾ Это прямо говоритъ Длугошъ (I. III p. 266), наша лѣтопись упоминаетъ о походѣ на Полоцкъ послѣ ухода Болеслава изъ Кіева, но лѣтописецъ могъ и для единства присоединить рассказъ о дальнейшей судьбѣ ляховъ къ рассказу о занятии Кіева.

³⁾ Ипат. л. с. 122 (Лавр. с. 169).

⁴⁾ Длугошъ III p. 280; эти подробности у него отнесены также къ походу 1076 г., ихъ можно перенести на походъ 1069 г. по аналогіи съ вышеупомянутой легендой о Зо-

Кіевщини ²⁾. Если отсутствіе открытаго движенія указываетъ, можетъ быть, на упадокъ духа и энергіи населенія, то изгнаніе ненавистныхъ квартирантовъ должно было въ значительной степени возстановить и то и другое.

Послѣдующіе три года, предшествовавшіе вторичному изгнанію Изяслава, не отмѣчены какими-либо важными событіями во внѣшней исторіи Кіевщины. На сѣверѣ продолжалась борьба со Всеславомъ. Половцы сдѣлали новый набѣгъ и пограбили область Раставицы (около Растовца и Няттина). Къ этому же времени лѣтописи относятъ появленіе волхва въ Кіевѣ, имѣвшаго нѣкоторый успѣхъ у кѣвѣ просвѣщенной части населенія, но затѣмъ пропавшаго безъ вѣсти ³⁾.

Въ 1072 г. всѣ Ярославичи съ митрополитомъ и высшимъ духовенствомъ ихъ волостей собрались въ Вышгородъ для перенесенія мощей св. Бориса и Глѣба въ новую церковь, построенную Изясла-

вотыхъ воротахъ (которые у Длугоша являются уже желѣзными—р. 279, вариантъ любимый, ср. у Лассоты: „одни называютъ ихъ золотыми, иные желѣзными воротами“—Мемуары отц. къ кн. Южной Руси I, с. 168). По Длугошу поляки зимовали въ Кіевѣ (оба раза, 1069 и 1076 г.—р. 266 и 280); новѣйшіе изслѣдователи полагаютъ, что въ 1068-9 г. поляки пробыли тамъ 10 мѣсяцевъ (см. Линиченко Взаимныя отнош. с. 109). Каразинъ (II пр. 123) говоритъ, что въ мартѣ 1069 г. поляковъ уже не было въ Кіевѣ; то обстоятельство, что лѣтопись оканчивается разсказъ о лахахъ подъ 1069 годомъ, собственно не можетъ служить рѣшительнымъ доказательствомъ; однако имѣетъ вѣроятію, что поляки—самое большее—только перезимовали и слѣдовательно не пробыли до новаго года.

²⁾ Объ избиеніи лаховъ говорится и въ лѣтописномъ разсказѣ о походѣ Болеслава Храбраго (1018 г.), но совершенно съ другими подробностями (Иват. с. 101). Зубрицкій, ссылаясь на одинъ лѣтописный списокъ, гдѣ сказано: „Изяславъ же одаривъ Болеслава и отпусти въ Лахы“, думалъ, что извѣстіе объ избиеніи лаховъ подъ 1069 г. есть поддѣльнаяставка переписчика; ср. Исторія русск. народа Н. Полевого II с. 308. Наоборотъ, нѣкоторые новѣйшіе изслѣдователи полагаютъ, что фактъ избиенія въ дѣйствительности относится только къ походу Болеслава Смѣлаго—Линиченко, Взаимн. отнош. с. 94 и 109. Польскіе источники умалчиваютъ о такой причинѣ удаленія Болеслава въ 1069 г.; Длугошъ (I. III р. 280—281), за нимъ Кромель (р. 59—60) говорятъ, что поляки ушли изъ Кіева вслѣдствіе слуховъ о небѣдности жемъ. У Длугоша (р. 267) на возвратномъ пути впродъ, послѣ долговременной осады, беретъ Перемышль, принадлежавшій къ волости Изяслава; эта подробность—долговременность осады—указываетъ, быть можетъ, скорѣе на то, что осада эта была неудачна, и обѣщаніе Изяслава относительно уступки Червенскихъ городовъ, если оно было дано, осталось не исполненнымъ. См. Линиченко, Взаимн. отнош. с. 112 сл.

³⁾ Иват. с. 122—3 (Лавр. с. 169—170).

вомъ. На своихъ плечахъ князь перенесли раку Бориса, каменная рака Глѣба была перевезена на саняхъ, руки святыхъ были возлагаемы поочередно на головы князей для благословенія; послѣ литургіи князья и ихъ бояре обѣдали торжественно, „с любовью великою“¹⁾. Контрастъ этого дружнаго торжества въ честь св. братьевъ, покровителей братолюбія, съ послѣдовавшимъ черезъ годъ изгнаніемъ Изяслава служить лучшимъ свидѣтельствомъ, какъ слабо было нравственное сознаніе даже въ болѣе просвѣщенной части тогочаснаго общества.

Исторія вторичнаго изгнанія Изяслава передается въ лѣтописи весьма кратко: произошла распря между братьями, Святославъ и Всеволодъ соединились противъ Изяслава, послѣдній ушелъ изъ Кіева, а Святославъ и Всеволодъ явились вслѣдъ за нимъ и были приняты народомъ на Берестовомъ—это случилось 22 марта 1073 г. Инициативу лѣтописецъ приписываетъ Святославу: онъ захотѣлъ „большей власти“ и прельстилъ Всеволода, говоря: „яко Изяславъ встанетъ съ Всеславомъ, мысля на наю, да еще его не варивѣ, имать насъ прогнати“²⁾.

Позволю себѣ привести нѣкоторыя соображенія и догадки по поводу лѣтописнаго разсказа. Въ послѣдніе годы братья Ярославичи, повидимому, находились уже не въ тѣхъ близкихъ отношеніяхъ, какъ раньше. Мы видѣли, что братья ничѣмъ не выразили своего участія къ изгнанному Изяславу; посредничество ихъ между нимъ и кіевлянами имѣло характеръ гораздо болѣе благожелательный для послѣднихъ, чѣмъ для перваго: братья (собственно Святославъ), видимо, стояли на сторонѣ кіевлянъ. Они не помогали Изяславу и въ его послѣднихъ походахъ противъ Всеслава, котораго раньше сообща лишали стола. Факты эти, не имѣя рѣшительнаго значенія въ отдѣльности,

¹⁾ Ипат. с. 127—8 (Лавр. с. 176—7); Воскрес. I. 311 (болѣе подробный разсказъ).

²⁾ Ипат. с. 128 (Лавр. с. 177—8), 1 Новгород. с. 2; въ Ипат. л.: „Изяславъ встанетъ съ Всеславомъ“, въ Лавр.: сватится (Радзив. и Акад.—сватается). Другомъ говоритъ, что распря Ярославичей вышла pro finibus terrarum et pro illis utrinque sequitis; ср. Стрыйковский I р. 170 (rozdzielenie hrabów Połowców odbitych). По словамъ св. Нестора (Житіе Феодосія л. 26) Святославъ „многу лину возосилъ на брата своего и того ради не хотѣлъ съ тѣмъ мира сотворити“, но какая это была вина, къ сожалѣнію, не объяснено.

въ общемъ даютъ все же извѣстный колоритъ этимъ новымъ отношеніямъ братьевъ. Святославъ выставилъ поводомъ для борьбы свопенія Изяслава со Всеславомъ; этотъ поводъ, должно быть, имѣлъ реальное основаніе: въ самомъ дѣлѣ произошло, вѣроятно, сближеніе Изяслава со Всеславомъ, и такую переиѣну можно объяснить. Въ 1069 г. мы видимъ въ Новгородѣ Глѣба Святославича, онъ оставался затѣмъ здѣсь до смерти отца и позже. Былъ ли уступленъ Новгородъ Святославу Изяславомъ взаиѣнъ Полоцка, или Святославъ овладѣлъ имъ уже послѣ изгнанія Изяслава (въ 1068 г.), какъ думаютъ другіе,— во всякомъ случаѣ Изяславу, теперь уже лишенному Полоцка, было обидно видѣть Новгородъ въ рукахъ Святослава плеиени и естественно было желать возвращенія своей старой волости; это и могло сблизить его со Всеславомъ.

Между тѣмъ Изяславъ, несомнѣнно, находился въ натянутыхъ отношеніяхъ съ кievскимъ земствомъ; это ясно видно изъ того, что онъ безъ сопротивленія уступилъ противникамъ Кіевъ, не попытавшись опереться на населеніе. И это вполне понятно. Принять Изяслава кievе были вынуждены подъ давленіемъ обстоятельствъ, послѣ того какъ имъ не удалось добыть себѣ другого князя. Вѣроломное избіеніе людей Мстиславомъ, въ чемъ обвиняли, справедливо или несправедливо—все равно, того же Изяслава, буйства приведенныхъ имъ ляховъ могли только усилить нелюбовь къ Изяславу. Кромѣ того и послѣ возвращенія Изяслава должно было происходить и происходило въ дѣйствительности преслѣдованіе людей, чѣмъ-нибудь выразившихъ свое сочувствіе, солидарность со Всеславомъ. Лѣтописецъ сообщаетъ, что Изяславъ по возвращеніи гнѣвался за Всеслава на св. Антонія, такъ что Святославъ ночью увезъ послѣдняго къ себѣ ¹⁾. По отношенію къ другимъ сторонникамъ Всеслава Изяславъ, конечно, церемонился гораздо меньше и, можно думать, не одинъ изъ нихъ, по прихѣру св. Антонія, ушелъ къ Святославу, пользуясь натянутыми отношеніями братьевъ. У Святослава должна была образоваться партія приверженцевъ; если уже въ 1069 г. его, какъ надо думать, призывали въ Кіевъ на княженіе, то и теперь тамъ, вѣрно, многіе по-

¹⁾ Плат. с. 136 (Лавр. с. 188). Стр. Соловьева т. II с. 19—20, Вилева Разсказы I. с. 113—4, П. В. Голубовскаго Исторія Сѣвер. зем. с. 70 сл.

мышляли о немъ, какъ о желательномъ князѣ. Его энергія, его побѣда надъ половцами, которые недавно опять безнаказанно опустошали кievскіе предѣлы, должны были привлечь къ нему симпатію народа. Четыре года тому назадъ Святославъ отказался отъ приглашенія кievлянъ, теперь ему могла притти охота уже самому добыть столъ, тѣмъ болѣе, что риску не было теперь никакого, а отношенія къ брату могли съ тѣхъ поръ значительно испортиться. Бѣглецы изъ Кіевской волости (конечно, не св. Антоній) могли тоже возбуждать Святослава и обнадеживать его относительно сочувствія кievлянъ. Что касается Всеволода, лѣтописецъ представляетъ его совершенно пассивнымъ участникомъ предпріятія, котораго Святославъ запугалъ, „прельстилъ и взострилъ“ на Изяслава. Но составитель лѣтописи, будь то Сильвестръ, игуменъ „монастыря Всеволожа“, или иной кто, несомнѣнно очень расположенъ къ Всеволоду, и послѣдній въ дѣйствительности могъ и не быть такимъ пассивнымъ участникомъ, могъ имѣть свои счеты съ Изяславомъ или виды на волости ¹⁾; но относительно его мы имѣемъ слишкомъ мало данныхъ, чтобы дѣлать какія-либо заключенія.

Занятіе Кіева Святославомъ и Всеволодомъ совершились безъ борьбы; мало того, изъ словъ лѣтописца выходитъ, что Изяславъ ушелъ раньше, чѣмъ братья его явились въ Кіевъ ²⁾; можно подуматъ, что населеніе или часть его, при вѣсти о движеніи Святослава и Всеволода, заявила такъ или иначе свое нерасположеніе къ Изяславу, такъ что послѣдній не рѣшился долѣе оставаться въ Кіевѣ. На Берестовомъ, въ загородномъ княжьемъ дворѣ, произошло настолованіе Святослава; сюда, вѣроятно, вышло населеніе города и превозгласило его княземъ кievскимъ.

¹⁾ Ср. Соловьевъ—Истор. отнош. князей Гурки. дома с. 86.

²⁾ Ипат. с. 128: „и княде Изяславъ изъ Кіева, Святославъ же и Всеволодъ видоста в Кіевъ и сѣдоста на столѣ на Берестовомъ“. Соловьевъ полагаетъ, что братья оставились на Берестовомъ и затѣмъ уже по удаленіи Изяслава вошли въ городъ, но такой образъ дѣйствій не вполне естественъ. Дальнѣйшее—„Изяславъ же иде въ Ляхи... а Святославъ сѣде в Кіевѣ, прогнавъ брата своего, преступивъ заповѣдь отцю, наче же и Божию“, объясняетъ уже дальнѣйшую судьбу дѣйствующихъ лицъ и связываетъ ее съ послѣдующимъ правоученіемъ, а не имѣетъ въ виду послѣдовательнаго изложенія фактовъ, сопровождавшихъ захватъ Кіева.

Изяславъ ушелъ „въ Ляхи“ съ женою, съ большими богатствами: очевидно, это не было уже послѣднее бѣгство, какъ въ 1068 г. ¹⁾, а удаление заблаговременное, лишь только выдѣлилось народное настроеніе. Лѣтопись непосредственно связываетъ его выходъ изъ Кіева и удаление въ Польшу, но другой древній памятникъ раздѣляетъ эти два событія: братья Изяслава сначала входятъ въ Кіевъ, а затѣмъ, чрезъ нѣкоторое время, выгоняютъ его изъ всей области ²⁾. Возможно, что Изяславъ, удалившись изъ Кіева, дѣйствительно остановился въ которой-нибудь изъ своихъ волостей, надѣясь тамъ удержаться, но не успѣлъ въ этомъ и ретировался въ Польшу.

Выгнавъ Изяслава изъ его владѣній, Святославъ и Всеволодъ приступили къ дѣлежу послѣднихъ. Кіевскую область Святославъ взялъ себѣ, на Волыни посадилъ сына Олега, а Туровъ достался Всеволоду, и въ немъ былъ посаженъ Мономахъ; такъ можно заключить изъ нѣкоторыхъ случайныхъ указаній источниковъ ³⁾. Новгородъ остался за Глѣбомъ Святославичемъ, Переяславъ за Всеволодомъ; Черниговъ, по всей вѣроятности, за Святославомъ ⁴⁾. Всѣхъ братья оставили въ покоѣ такимъ образомъ Святославъ и Всеволодъ соединили въ своихъ рукахъ всѣ волости своего отца, и господство трехъ (не считая полоцкаго князя) смѣнилось на Руси двоевластіемъ. Шагъ впередъ въ кооперативномъ собраніи земель!

¹⁾ .Изяславъ, что есть разница и въ выраженіи: въ 1068 г. „Изяславъ же бѣжа въ Ляхи“ (Ипат. с. 121), а теперь „Изяславъ же иде въ Ляхи“.

²⁾ Житіе Феодосія л. 28: Святославъ и Всеволодъ послѣ переговоровъ съ Феодосіемъ в послѣ изгнанія Изяслава изъ Кіева „устрымиста на прогнаніе брата своего, яже отъ всѣхъ той области отъгнана того“. У Татищева (т. II с. 127) Изяславъ отправляется во Владиміръ, а оттуда въ Польшу.

³⁾ См. Поученіе Мономаха: „и Олегъ приде изъ Володиміра змведенъ“ (послѣ возвращенія Изяслава)—Лавр. с. 239. На пребываніе Владиміра въ Туровѣ указываютъ особенно его скоти тамъ съ отцемъ, о которыхъ онъ говоритъ въ Поученіи же (с. 242), также двукратная воззда его въ Туровъ въ 1076 г. (с. 238). Мономахъ, несомнѣнно, слѣдилъ въ западныхъ волостяхъ съ самаго изгнанія Изяслава, но могло быть и такъ, что онъ получилъ первоначально Волынь (до 1076 г.—см. тамъ же с. 238), а потомъ она была передана Олегу. См. Барсовъ, Географ. нач. лѣтописи с. 130.

⁴⁾ По вопросу, за кѣмъ остался Черниговъ, существуетъ разногласіе. Татищевъ говоритъ, что Святославъ далъ его Всеволоду, сына Глѣба посадилъ въ Переяславѣ, Давида—въ Новгородѣ, а Олега въ Ростовѣ (т. II с. 127). Это извѣстіе о Черниговѣ при-

Изяславъ отправился въ Польшу, надѣясь, по словамъ лѣтописца, „золотомъ налѣзти вои“. Однако надежды его на этотъ разъ не оправдались. Вопросъ объ отношеніи Болеслава къ Изяславу въ это время довольно теменъ. Лѣтопись говоритъ, что поляки, забравъ у Изяслава богатства, „показана ему путь отъ себе“; это извѣстіе подтверждается и буллою папы Григорія VII къ Болеславу, гдѣ говорится о деньгахъ, отплатныхъ у „русскаго короля“¹⁾. Обыкновенно полагаютъ, что Болеславъ съ самаго начала принялъ Изяслава недружелюбно и отказалъ ему въ помощи²⁾; такое отношеніе можно было бы объяснить тѣмъ, что Болеславъ былъ недоволенъ во всякомъ случаѣ избіеніемъ поляковъ въ 1069 г., можетъ быть и тѣмъ, что Червенскіе города, если они были обѣщаны, не были ему отданы; наконецъ существуетъ извѣстіе, что Болеславъ женатъ былъ на дочери Святослава³⁾. Наоборотъ, нѣкоторые новѣйшіе изслѣдователи, основываясь главнымъ образомъ на свидѣтельствахъ Поученія Мономаха и Длугоша, полагаютъ, что Болеславъ, исполняя просьбу Изяслава, началъ было военныя дѣйствія, но затѣмъ заключилъ миръ съ Мономахомъ, представителемъ Святослава и Всеволода, и послѣ того уже „показа путь отъ себе“ Изяславу⁴⁾; догадка эта вѣроятна, но данныя, на кото-

нимаютъ нѣкоторые, какъ Соловьевъ (II с. 20), Погодинъ (Древн. рус. истор. I с. 214); Карамзинъ (II пр. 128) отрицалъ его на основаніи свидѣтельства житія св. Феодосія (I с.): „единому сѣдши на столѣ томъ брата и отца своего, другому же возвратившись въ область свою“; у Стрийковскаго въ извлеченіи изъ русскихъ лѣтописей (всѣмъ, впрочемъ, спутанномъ) говорится также, что Всеволодъ остался въ Переяславѣ (I с. 167); такого мнѣнія держатся и новѣйшіе историки Сѣверской земли П. В. Голубовскій (с. 82) и Д. Н. Багалъ (166—167). Дѣйствительно невѣроятно, чтобы Святославъ, оставивъ за Всеволодомъ Переяславль, отдалъ ему еще такую важную волость, какъ Черниговъ (что Переяславль остался за Всеволодомъ, свидѣтельствуемъ Поученіемъ, с. 238—9).

¹⁾ Инат. с. 128. Булла въ *Historica Russiae Monumenta*, I. № 2.

²⁾ Карамзинъ II с. 46, Арцибашевъ I. 2 с. 29, Соловьевъ II с. 20, Погодинъ *Др. Рус. Ист.* I с. 103, Плавинскій I с. 118.

³⁾ Татищевъ II с. 119. Карамзинъ (II пр. 120) отрицаетъ это извѣстіе, считая его замаскированнымъ изъ Кромора, гдѣ не названо только, чья дочь была Вишеслава (*uxorem duxit. Visseslaum* (i. e. *Visseslavam*) *Russorum principis cujusdam* (*cujus non exstat nomen*) *filiam unisam*—р. 56; cf. *Dlugossi* I. III р. 260). Г. Липниценко (Взаянн. отном. с. 117) высказываетъ догадку, что бракъ могъ быть результатомъ мира поляковъ со Святославомъ.

⁴⁾ Липниценко *Взаянн. отн.* с. 115—117; такого же мнѣнія держится и г. Андріашевъ—*Ист. Волин. земли* с. 109. Въ Поученіи (с. 238): „тоже же зими посласта Бере-

рихъ она основана, такъ неясны, что на нихъ нельзя построить ничего, кромѣ гипотезъ. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что позже Святославъ дѣйствительно находился въ дружественныхъ и союзническихъ отношеніяхъ къ Болеславу; такъ во время войны послѣдняго съ Чехією, въ 1076 г., Святославъ послалъ ему на помощь отрядъ, подъ предводительствомъ Олега и Мономаха, который ходилъ „за Глоговы (Глоггау) до Чешскаго лѣса“¹⁾.

Такъ или иначе, но къ концу 1074 г. Изяславъ уже покинулъ Польшу. Онъ является затѣмъ въ Германію; представленный императору Генриху IV въ Майнцѣ въ концѣ 1074 или въ началѣ 1075 г., онъ поднесъ ему богатые дары изъ сосудовъ и тканей и просилъ помощи противъ брата; по словамъ одного нѣмецкаго хрониста, онъ при этомъ обѣщалъ признать себя вассаломъ императора въ случаѣ возвращенія ему стола. Императоръ дѣйствительно отправилъ къ Святославу Бурхардта препозита, приходившагося, по словамъ того же хрониста, Святославу шуриномъ: ему было поручено внушить Святославу, что онъ долженъ добровольно возвратить столъ Изяславу, а иначе ему придется подвергнуться нападенію нѣмецкаго войска; Бурхардтъ только усиленными ходатайствами за своего родича добился отъ императора, что тотъ не привелъ этой угрозы немедленно въ исполненіе²⁾. Этотъ разсказъ нѣмецкаго источника, конечно, нельзя принимать серьезно. Генрихъ тогда слишкомъ былъ занятъ своими собственными дѣлами, чтобы имѣть охоту къ дѣятельному вмѣшательству въ распрю Изяслава со Святославомъ. Только незнаніемъ современнаго положенія дѣлъ въ Германіи можно объяснить обращеніе Изяслава къ императору. Наша лѣтопись говоритъ о приходѣ нѣмецкаго посольства къ Святославу, но о дѣли его умалчиваетъ; надо полагать, что это была просто дипломатическая пересылка, лишняя серьезнаго значенія: Генриху вовсе было не интересно понапрасну наживать себѣ

ство брата на головѣ, иде блгу погля, той ту блядихъ городъ тѣхъ. Та идохъ Перелславу отид, а по Велицѣ дни ис Перелслава та Володимери, на Сутойску мира творитъ с Ляхи“.

¹⁾ Ипат. л. с. 189, Лавр. с. 198, 238.

²⁾ Извѣстія хронистовъ у Карамзина II пр. 128—9, Ардибашева т. I кн. 2, с. 165 и въ Monumenta Poloniae hist. I p. 858.

лишняго, притомъ могущественнаго врага ¹⁾). Нашъ лѣтописецъ говоритъ, что Святославъ желалъ блеснуть передъ послами своимъ могуществомъ, показалъ имъ свои сокровища и послалъ Генриху богатые дары; послы, по лѣтописцу, на это повторили Святославу старое изреченіе Владиміра Святого, что дружина лучше богатства. Въ дѣйствительности богатства Святослава произвело сильное впечатлѣніе на нѣмцевъ; по словамъ хрониста, никогда въ Германію не приносили столько золота, серебра и драгоценныхъ тканей, сколько принесли Генриху въ даръ отъ Святослава ²⁾.

Нашъ лѣтописецъ говоритъ о приходѣ пословъ въ Кіевъ подъ 1075 г., слѣдовательно это случилось не раньше марта или февраля этого года, но въ апрѣлѣ мы видимъ Изяслава уже въ сношеніяхъ съ папою: одинъ изъ сыновей его явился къ папѣ Григорію VII и объявилъ, что онъ, съ согласія отца, желаетъ получить королевство Русское, *regnum Ruscorum*, въ ленъ отъ св. Петра. Весьма вѣроятно, что Изяславъ скоро понялъ, какъ мало онъ можетъ надѣяться на какой-либо серьезный успѣхъ отъ сношеній съ императоромъ и рѣшилъ попытаться еще счастья у другого главы Западной Европы. Незвѣстно, на что рассчитывалъ Изяславъ, обращая свой столъ въ ленъ св. Петра, домогался ли онъ у папы матеріальной поддержки или просилъ повліять на Болеслава и побудить его къ содѣйствію, но результатомъ этихъ сношеній были только извѣстныя буллы папы, объ помѣченныя серединою (17—20) апрѣля 1075 г. Въ буллѣ къ „королю руссовъ Димитрію“ папа выражаетъ согласіе на просьбу сына его, обѣщаетъ ему содѣйствіе въ случаѣ надобности и извѣщаетъ объ отправленіи къ нему для переговоровъ пословъ, изъ которыхъ одинъ — извѣстный и вѣрный другъ Изяслава; предметомъ переговоровъ, конечно, должно было служить отреченіе отъ „нечестивыхъ обрядовъ греческихъ“, на это намекаетъ, кажется, и самъ папа. Вторая булла, отправленная Болеславу, занимается церковными дѣлами Польши, только въ концѣ папа кстати проситъ Болеслава возвратить Изяславу

¹⁾ П. В. Голубовскій высказалъ даже предположеніе, что Генрихъ при этомъ желалъ заключить дружественныя и союзныя отношенія съ Святославомъ (Ист. Сѣверск. зем. с. 74).

²⁾ Ипат. с. 139, Лавр. с. 192, Monum. Pol. hist. I. с.

отняты у него деньги: на это, вѣроятно, жаловался въ Римѣ сынъ послѣдняго ¹⁾). О какомъ-либо болѣе дѣятельномъ участіи папы въ дѣлахъ Изяслава нѣтъ никакихъ извѣстій. Изяславъ продолжалъ еще полтора года скитаться по Европѣ, пока смерть Святослава и измѣнившееся положеніе дѣлъ не дали ему возможности вернуться.

Святославъ занималъ около трехъ съ половиною лѣтъ кievскій столъ ²⁾). Собравъ въ своихъ рукахъ большую половину волостей, сохраняя дружественныя отношенія къ Всеволоду, энергичный, талантливый Святославъ игралъ безспорно гораздо болѣе значительную роль, чѣмъ Изяславъ; его властное положеніе ясно видно изъ краткой записки Мономаха о чешскомъ походѣ—„посла мя Святославъ в Ляхы“, говоритъ онъ: Святославъ представляется распоряжающимся единолично ³⁾).

О внутренней дѣятельности Святослава въ Кіевской землѣ и объ отношеніяхъ его къ кievскому населенію, на основаніи указаній источниковъ, можно составить нѣкоторое представленіе. Какъ я говорилъ выше, Святославъ занялъ Кіевомъ, опираясь, надо думать, на сочувствіе значительной части кievскаго населенія; но на ряду съ этимъ должна была существовать и враждебная партія—партія приверженцевъ Изяслава и сторонниковъ права, и по главѣ ея духовенство уже по самому своему положенію—защитника нравственныхъ принциповъ. Лучшій представитель его, св. Феодосій, смѣло сталъ на защиту поруганныхъ правъ Изяслава; онъ отказался видѣться со Свя-

¹⁾ Обѣ буллы—въ *Historica Russiae Monumenta* I, № 1 и 2. Первая булла возбуждаетъ нѣкоторыя недоумѣнія; прежде всего непонятна эта просьба сына Изяслава вернуть ему, а не Изяславу королевство Русское (см. Арцибашевъ I. 2. с. 29 и пр. 167; объясненіе Соловьева—Ист. отнош. Рюрик. дома с. 90, что Изяславъ, отчленившись на себя, желалъ хотя дѣлать поддержку папы, кажется мнѣ не убѣдительнымъ). Затѣмъ въ буллѣ нѣтъ намекъ на то, что Изяславъ находится въ изгнаніи: папа высказываетъ надежду не того, что бы Богъ возвратилъ Изяславу столъ, а того, *ut beatus Petrus vos et regnum vestrum custodiat et cum omni pace, honore quoque et gloria idem regnum usque in finem vitae vestrae tenere vos faciat.*

²⁾ Отъ 22 марта 1073 до 27 декабря 1076 г.

³⁾ Кромѣ этого похода въ Чехію, существуетъ еще извѣстіе, что греческій императоръ просилъ у Святослава и Всеволода помощи противъ корсулявъ и туда была отправлена рать, но затѣмъ отозвана по случаю смерти Святослава; извѣстіе это находится у Татищева (II с. 131); возраженія см. у Карамзина II, пр. 133.

тославомъ и Всеволодомъ—, ни на трапезу вельзавелну и причаститися брашна того, исполнь суда крови и убийства“, и послѣ того, когда Святославъ возняжился въ Кіевѣ, св. Θεодосій обличалъ его письмами и чрезъ приходившихъ къ нему бояръ. Одна изъ этихъ обличительныхъ „эпистолій“ была такъ смѣла, что Святославъ „разгнѣвался зѣло и яко лвъ рикнуть на праведнаго, и удари тою о землю, и якоже отътолъ промчеса вѣсть, еже на поточеніе осужену быти блаженному“; Θεодосій не смутился ятимъ, но Святославъ самъ преодолѣлъ свой гнѣвъ. Чрезъ нѣкоторое время Θεодосій, уступая просьбамъ братіи и бояръ, умолявшихъ его прекратить свои обличенія, и видя ихъ бесполезность, рѣшилъ переимѣнить свое обращеніе и вмѣсто обличеній началъ „мольбою того молити“ о возвращеніи волости Изяславу; по просьбѣ же братіи онъ разрѣшилъ поминать Святослава на ектеніи, но сначала распорядился поминать Изяслава, а потомъ Святослава. Святославъ, съ своей стороны, испросилъ затѣмъ позволеніе посѣтить Печерскій монастырь, и между нимъ и Θεодосіемъ завязались дружескія отношенія: Святославъ часто бывалъ у Θεодосія, приглашалъ къ себѣ, оказывалъ всяческое уваженіе, хотя „мольбы“ Θεодосія объ Изяславѣ все-таки пропускалъ мимо ушей ¹⁾. При Святославѣ была заложена „великая церковь“ Печерская, онъ самъ копалъ рвы для фундамента и далъ на постройку сто гривенъ золота. Въ его же княженіе и скончался Θεодосій: умирая, онъ поручилъ Святославу „монастырь по соблюденіе, егда что будетъ смятеніе въ немъ“ и просилъ не давать въ обиду своего пресмника—Стефана ²⁾. Такимъ образомъ, благодаря своему такту, Святославъ постепенно ослабилъ эту оппозицію ³⁾. Его усердіе къ церкви (ему принадлежитъ также постройка въ Кіевѣ монастыря св. Симсона въ Копыревомъ концѣ), любовь къ книгамъ, которыми онъ наполнялъ свои кѣлти и какъ „но-

¹⁾ Житіе Θεодосія л. 25 и 26.

²⁾ Житіе Θεодосія л. 27 об. Патерикъ въ изд. Яковлева с. 118 и 119. Изв. с. 181—2 (Лавр. с. 182).

³⁾ Говоря это, я вовсе не думаю, чтобы Святославъ дѣлалъ все это притворно, только изъ политическихъ расчетовъ (ср. Истор. Сѣверск. зем. П. В. Голубовскаго с. 72): при тогдашнемъ состояніи общества усердіе къ церкви, болѣе или менѣе искреннее, могло уживаться съ далеко не нравственными образомъ дѣяній.

ий Птоломѣй¹⁾, проливалъ медь писаній въ кругу приближенныхъ²⁾, все это должно было въ значительной степени примирять съ нимъ духовенство; мы видѣли, что печерская братія упросила Θεодосія поиниать Святослава на ектеніи, слѣдовательно признать его кievскимъ княземъ; Несторъ въ житіи Θεодосія называетъ его благимъ и благобрънимъ (однако не „христолюбомъ“, какъ онъ называетъ обыкновенно Изяслава)³⁾.

Тѣмъ не менѣе, хотя по внѣшности отношенія Святослава къ населенію были вполне удовлетворительны, хотя кiяне при вѣсти о смерти его не обнаружили вражды по отношенію къ нему и его приближеннымъ (по крайней мѣрѣ мы не знаемъ ничего въ этомъ родѣ), въ лѣтописи чувствуется недоброжелательное отношеніе къ Святославу. по поводу его хвастовства своими богатствами лѣтописецъ отмѣчаетъ колкій отвѣтъ нѣмцевъ и прибавляетъ отъ себя, что по смерти Святослава „все нѣмцы рассыпашася разднѣ“⁴⁾; переданное намъ, замѣчаніе нѣмцевъ о превосходствѣ дружины надъ богатствомъ, можетъ быть, служить отголоскомъ ропота кievской дружины на неизбежное преобладаніе черниговскихъ дружинниковъ. Любопытно, что Святославъ былъ похороненъ не въ Кіевѣ, а въ черниговскомъ соборѣ; можетъ быть, и при жизни онъ тяготѣлъ больше къ Чернигову и давалъ чувствовать кiннамъ, что онъ князь чужой, черниговскій⁵⁾?

27 декабря 1076 г. Святославъ скончался отъ неудачной операціи надъ вѣредами, которыми онъ страдалъ уже нѣсколько лѣтъ⁶⁾. Отлживался на его жизнь и дѣятельность, нельзя не признать, что

¹⁾ См. медальоны Наборника Святослава 1078 г. (напр. у Карамзина т. II стр. 132); о монастырѣ св. Симеона—Ипат. л. с. 250. Ср. Исторію Сѣвер. земли П. В. Голубовскаго с. 77—8.

²⁾ Житіе св. Θεодосія л. 25 об., 26 об., 29.

³⁾ Ипат. л. с. 189 (Лавр. с. 192—193).

⁴⁾ Багалій—Ист. Сѣверск. з. с. 269, Голубовскій—Ист. Сѣверск. з. с. 79—80; проф. Багалій перенесеніе останковъ Святослава въ Черниговъ считаетъ дѣломъ его черниговской дружины.

⁵⁾ „Проставися отъ рѣзанья желе“—Лавр. с. 193, Ипат. с. 189. Въ описаніи перенесенія мощей св. Бориса и Глѣба (Воскр. I, 341) рассказывается, что Святославъ прикладывалъ руку св. Глѣба „ко вреду, чинъ боляше на мен“. О значеніи слова жель (варить, варость)—см. напр. Miklosich, Etym. Wörterb. d. slav. Sprachen (1886 p. 408, 410), словарь Дала (I. 473 изд. 1863 г.).

это была самая крупная личность въ первомъ поколѣннн Ярославичей, какъ Мономахъ во второмъ. Но въ то время какъ Мономахъ дѣйствуетъ въ высшей степени осторожно, стараясь всегда стать на почву законности, поставить свое благополучіе подъ защиту общественнаго мнѣнія, Святославъ дѣйствуетъ смѣло, не справляясь ни съ нравственными принципами, ни съ мнѣніемъ общества. Этими можно объяснить и разницу въ конечныхъ результатахъ ихъ дѣятельности: между тѣмъ какъ Мономахъ закрѣпилъ свои пріобрѣтенія за потомствомъ и создалъ ему завидное положеніе среди другихъ Ярославичей, первенствующая роль Святослава племени окончилась со смертью Святослава; въ глазахъ общества онъ все-таки оставался насильщикомъ, человѣкомъ неправеднымъ, набожность и книголюбіе должны были являться извѣстнымъ диссонансомъ въ общемъ характерѣ его ¹⁾.

1 января 1077 года сѣлъ въ Кіевѣ Всеволодъ, но не надолго. Изяславъ въ это время снова обратился къ Болеславу и на сей разъ съ большимъ успѣхомъ. Есть извѣстіе, хотя и не особенно авторитетное, что Болеславъ разсорился съ русскими князьями во время войны съ чехами ²⁾; могъ и Изяславъ предложить ему болѣе выгодныя условія, чѣмъ раньше; наконецъ могла повліять на переѣмну отношеній смерть Святослава. Какъ бы то ни было, нѣсколько мѣсяцевъ спустя по воцѣженіи Всеволода явился на Волынѣ Изяславъ съ польскими войсками; лѣтопись молчитъ объ участіи короля: надо думать, что послѣдній не участвовалъ въ походѣ; извѣстіе Длугоша о присутствіи его само по себѣ не заслуживаетъ особеннаго вѣроятія ³⁾. Всеволодъ отправился на встрѣчу, но безъ битвы заключилъ миръ: по обычной осторожности, онъ не желалъ, вѣроятно, подвергать риску свои интересы; съ другой стороны, Изяславъ нуждался, по характеру своему, въ опорѣ, въ союзникѣ для дальнѣйшихъ дѣйствій противъ Святославичей, и между братьями состоялся тѣсный союзъ. Изяславъ снова сѣлъ въ Кіевѣ (15 іюля 1077 г.). Населеніе, судя по лѣтописи,

¹⁾ См. еще характеристику Полевого *op. c. II. c. 389.*

²⁾ Татищевъ II *c. 130.*

³⁾ Ср. Линиченко—Взыми. *отном. c. 20.* Иначе думалъ Н. И. Костомаровъ, *Монографіи I c. 184.*

покорно приняло его: другого выхода не было. На этот раз летопись не говорит ни о каких-либо репрессалиях со стороны Изяслава: вероятно, года и скитанья научили его быть сдержанным.

Новые союзники занялись передѣломъ волостей. Олегъ былъ выдѣленъ изъ Владиміра и безъ волости долженъ былъ жить въ Черниговѣ; Мономахъ перевели въ Смоленскъ, а Туровъ былъ возвращенъ Изяславу; былъ возвращенъ ему и Новгородъ, трудно только рѣшить, отняли ли его у прежняго владѣльца, Глѣба Святославича, или онъ перешелъ къ Изяславу уже послѣ того, какъ Глѣбъ погибъ гдѣ-то въ Заволочьи. Изяславъ посадилъ въ Новгородѣ Святволока, а младшаго сына—Ярополка оставилъ при себѣ, для помощи, и посадилъ въ Вышгородъ ¹⁾. За многочисленною семьею Святославичей осталась, повидному, только Муромская волость да Тмутаракань. Это была месть Изяслава за обиду, нанесенную ихъ отцемъ. Впрочемъ, судя по летописи, Изяславъ не поживился на ихъ счетъ, онъ возвратилъ себѣ только первоначальныя свои волости: Волинь, Туровъ, Новгородъ. Попользовался несчастьемъ своего бывшаго союзника Всеволода: къ прежнимъ своимъ владѣніямъ онъ присоединилъ обширную Черниговскую волость, и Олегъ не получилъ отъ него ни-

¹⁾ О распредѣленіи волостей см. Лавр. с. 193: „сѣдѣиу Святволоку в него (Глѣба) нѣсто Новгородѣ, Ярополку сѣдѣиу Вышегородѣ, а Володимеру сѣдѣиу Смоленскѣ“ и с. 289 (Поученіе): „Олегъ приде, из Володимера ввведенъ“; въ Инат. с. 140: „Ярополку сѣдѣиу у Смоленска“, но справедливость извѣстія Лавр. подтверждается Поученіемъ Мономаха и Другошемъ (I. III р. 280). Мнѣніе о изгнаніи Глѣба (Соловьевъ т. II с. 24 и Арцибашевъ т. II, кн. 2 пр. 181) основывается на извѣстіи, находящемся въ прибавленіяхъ къ Новгородской первой лѣт. (по сл. Комиссіи и пр. с. 67 и 489): и посла Святославъ сына своего Глѣба и выгнаша изъ города, и бѣжа за Волокъ, и убиша в Чудѣ и на сопоставленіи извѣстій Поученія съ датой смерти Глѣба (см. у Арцибашева: выходитъ, что Святославъ былъ въ Новгородѣ еще при жизни Глѣба). Но Патерикъ (с. 128) совершенно определенно говоритъ противное, именно, что Святволокъ былъ посланъ въ Новгородъ уже по смерти Глѣба: „восилаеть же Никита къ князю Изяславу глагола, яко днесь убиень бистъ Глѣбъ Святославичъ въ Заволочьи, скоро посла сына своего Святволока на столъ Новуграду. И якоже рече, тако и бистъ“. Такой же смыслъ имѣютъ извѣстія Другоша (I. III р. 280): *Sventoslao (lege Sventoslai) Czerniowiensis filio Chleb a suis noquiter occiso... Sventoreik, filius Zaslai in Novogrodensem Ducatum succedit.* Въ древнѣйшихъ летописяхъ переданъ только фактъ убіенія Глѣба (убиень бистъ Глѣбъ въ Заволочьи—Инат. с. 140), при томъ въ Начальной подъ 1078 г., а въ 1 Новгород. (с. 3) уже подъ 1079, по смерти Изяслава.

чего. Оставались безъ волостей и другіе племянники, подраставшіе между тѣмъ, дѣти Владиміра, Игоря и Вячеслава Ярославичей.

Въ томъ же 1077 г. двое изъ такихъ безземельныхъ племянниковъ, Олегъ Святославичъ и Борисъ Вячеславичъ, съ половецкою помощью задумали добыть себѣ Черниговъ. Всеволодъ былъ разбитъ ими и обратился за помощью къ Изяславу; послѣдній былъ также заинтересованъ въ этомъ вопросѣ, потому что владѣлъ волостью, принадлежавшей нѣкогда отцу Вячеслава—Волянью, да помимо того требовалъ помощи и его тѣсный союзъ съ братомъ. Онъ собралъ земское ополченіе „отъ мала до велика“, по словамъ лѣтописи—конечно, половцы, которыхъ привели изгон, были поводомъ для собиранія ополченія ¹⁾, и съ сыномъ Ярополкомъ поспѣшили на помощь Всеволоду. На „Нежатицѣй нивѣ“ произошла жестокая битва; Изяславъ, стоявшій среди пѣшихъ ратниковъ, былъ неожиданно пораженъ копьемъ сзади, въ спину, и тутъ же скончался—3 октября 1078 г. Тѣло его было привезено къ Городцу въ лодѣ; по словамъ лѣтописца, весь Кіевъ вышелъ на встрѣчу ему, и „не бѣ лъзѣ слышати пѣнья въ плачѣ величѣ и воплѣ: плакася бо по немъ весь городъ Кіевъ“. Останки Изяслава были отвезены на саняхъ въ Кіевъ и погребены въ мраморномъ саркофагѣ въ церкви Богородицы (Десятинной) ²⁾.

Приведенныя слова лѣтописи о плачѣ кіевъ надъ Изяславомъ, впрочемъ, не могутъ быть приняты за свидѣтельство особенной любви населенія къ послѣднему, хотя за послѣднее время отношенія могли и улучшиться сравнительно съ прежнимъ временемъ. Разсматриваемый эпизодъ лѣтописи написанъ, очевидно, пристрастно къ Изяславу и имѣетъ цѣлью дать читателю назидательный примѣръ братолюбія; поэтому къ подробностямъ его нужно относиться съ значительнымъ скептицизмомъ. Тотъ самый лѣтописецъ, который говоритъ о такой необыкновенной печали всего населенія, тутъ же защищаетъ Изяслава отъ упрековъ, что онъ избилъ кіевлянъ за освобожденіе Всеслава. Если были слезы на похоронахъ Изяслава, то ихъ можно объяснить скорѣе внезапною, необычною смертью послѣдняго, какъ позже, по словамъ лѣтописца, вызвала сожалѣнія преждевременная смерть Ро-

¹⁾ Ср. Сергіевичъ Вѣче и клязь с. 114.

²⁾ Ипат. с. 140—1, Лавр. с. 195—6, 1 Новг. с. 3.

Изяслава Всеволодовича ¹⁾. По справедливому замѣчанію Соловьева ²⁾, смерть Изяслава за интересы брата примирила лѣтописца съ нимъ и заставила забыть всѣ дурныя стороны его характера. Онъ характеризуетъ Изяслава очень сочувственно: „бѣ же Изяславъ мужъ взоромъ красенъ, тѣломъ великъ, неслобивъ нравомъ, кривды ненавида, любя правду; клюкъ (хитрости) же в немъ не бѣ, ни льсти, но просто умомъ, не воздая зла за зло. Колко ему створиша Киянѣ! самого выгнаша, а домъ его разграбиша, и не вѣзда противу тому зла“ ³⁾. Изяславъ дѣйствительно былъ „просто умомъ“ и не отличался дарованіями; это былъ, желкій характеръ, совершенная посредственность, не способная сама по себѣ ни къ особенно крупному злодѣйству, ни къ благородному поступку. Онъ интересовался религіозными вопросами, отличался усердіемъ къ религіи и духовенству, но тотъ же Изяславъ грозилъ раскопать пещеры за постриженіе безъ его вѣдома Варлаама и Ефрема и, вѣроятно, былъ не совсѣмъ безопасенъ для св. Антонія, если Святославъ увезъ его къ себѣ ⁴⁾.

По смерти Изяслава сѣлъ въ Кіевѣ Всеволодъ, „переемъ всю власть Рускую“; вокняженіе его въ Кіевѣ, въ которомъ онъ сидѣлъ уже разъ, основывалось на семейномъ правѣ и подкрѣплялось слишкомъ большимъ могуществомъ, чтобы могло вызвать гдѣ-либо сопротивленіе. Всеволодъ дѣйствительно „переемъ“ почти всѣ волости русскія, такъ какъ Волинь и Туровъ зависѣли непосредственно отъ Изяслава и вмѣстѣ съ Кіевомъ перешли къ Всеволоду, какъ выморочные. Послѣдній отдалъ Туровъ и Волинь Ярополку Изяславичу; за Святополкомъ по прежнему остался Новгородъ ⁵⁾.

¹⁾ Ипат. с. 154: „вси людѣ плакаша (пожалѣшася—Никоновск.) по немъ но велику, увести его ради“.

²⁾ Ист. Россіи II с. 26.

³⁾ Ипат. л. с. 142; ср. также житіе Θεодосія л. 22: „боголюбивѣи же князь Изяславъ, яко по истѣнѣ бѣ тебѣ на вѣру и послѣ же положи душу свою за брата своего“.

⁴⁾ Житіе Θεодосія л. 7 на обор., Ипат. с. 186, Патерикъ с. 151; ср. характеристику Изяслава у Соловьева, Ист. отношен. княз. Рюрик. дома с. 95 (въ Ист. Россіи, II с. 26, она значительно смягчена).

⁵⁾ Ипат. с. 148 (Лазар. с. 197). Выраженіе лѣтописца: „переемъ всю власть Рускую“ будетъ совсѣмъ справедливымъ, если Русь принять здѣсь въ смыслѣ Южной Руси.

Довольно продолжительное, пятнадцатилѣтнее правленіе Всеволода весьма скудно такими событіями, которыя относились бы собственно къ Кіевщинѣ, и по преимуществу характеризуется вопросомъ о такъ называемыхъ изгояхъ. Удовлетворивъ Изяславичей отцовскими волостями, Всеволодъ по отношенію къ прочимъ членамъ Ярослава дома продолжаетъ прежнюю политику—устранять ихъ отъ отцовскихъ и всякихъ вообще волостей. Существованіе изгоевъ сторонники теоріи о существованіи въ это время родового быта на Руси старались объяснить изъ принциповъ родового права, но можно усумниться, точно ли изгойство имѣло основу правовую. Правда, мы имѣемъ опредѣленіе изгойства, какъ правовой нормы, но лишь въ памятникѣ позднѣйшемъ ¹⁾, и самое это опредѣленіе, думается, есть лишь отвлеченіе отъ отдѣльных фактовъ—злоупотребленій, имѣвшихъ мѣсто въ предшествующее время. Когда оставались послѣ князя малолѣтніе сыроты, они вслѣдствіе малолѣтства не получали отцовскихъ надѣловъ; выросли они—ихъ удѣлы давно находятся въ рукахъ какого-нибудь старшаго родственника, перейдя иногда изъ рукъ въ руки въ силу различныхъ комбинацій: создалось уже извѣстное *statu quo*, нарушать которое старѣйшимъ родственникамъ было и нежелательно, и хлопотно. Такимъ представляется естественное происхожденіе изгойства; такимъ было изгойство Бориса Вячеславича, Игоревичей, Ростиславичей—оно объясняется раннею смертію ихъ отцовъ. Помимо того изгойство могло практиковаться и сознательно, какъ средство для собиранія волостей; что изгойство Святославичей при Всеволодѣ не имѣло за собою никакого оправданія, никакой даже отговорки, это признаютъ и сторонники теоріи родового быта: Всеволодъ былъ сообщникомъ Святослава въ изгнаніи Изяслава, за которое Святославичи лишились волостей ²⁾.

Я не буду останавливаться на перипетіяхъ борьбы Всеволода съ изгоями. Одна за другою выступили три семьи изгоевъ.—Святосла-

¹⁾ Въ церковномъ уставѣ князя Всеволода († 1137): „а се и четвертое изгойство и себѣ (и сею) приложимъ: аще князь осиротѣтъ“ (см. напр. Ист. рус. церкви и. Макарія II с. 388 или въ Христоматіи по ист. рус. права М. Ф. Владимірскаго-Буданова I с. 229). Подлинность этого устава подспаривается, и во всякомъ случаѣ онъ дошелъ до насъ не въ первоначальномъ своемъ видѣ, см. Ист. рус. ц. и. Макарія II с. 280, Ист. рус. ц. проф. Голубинскаго I пол. I с. 370.

²⁾ См. Соловьева т. II с. 27 и пр. 71.

ичи, Игоревичъ, Ростиславичи; съ помощью вольныхъ дружинъ, преимущественно инородческихъ, они ведутъ борьбу со Всеволодомъ, добываясь своихъ волостей; послѣдній идетъ на компромиссы: онъ удовлетворяетъ постепенно въ некоторыхъ изгоевъ до известной степени, разъединяетъ ихъ такимъ образомъ и обезсиливаетъ наиболее опасныхъ. Такъ онъ даетъ Червенскіе города Ростиславичамъ, Дорогобужъ, вѣроятно съ Погориною—Давыду Игоревичу, можетъ быть, онъ же далъ Смоленскъ Давыду Святославичу, но Черниговъ во что бы то ни стало Всеволодъ старается удержать за собою ¹⁾. Аrenoю борьбы было Заднѣпровье, Кіевщину она задѣвала только косвенно; такъ, напримѣръ, Давыдъ Игоревичъ во время этой борьбы, въ 1084 г., „зая Грѣки (Грѣчяѣви) во Олешы, и зая в нихъ все имѣнье“; кто бы ни были эти ограбленные, настоящіе греки, или русскіе купцы, торговашіе съ Грецією (гречники), но этотъ погромъ чувствительно отозвался на торговлѣ, конечно и кіевской въ частности, такъ что Всеволодъ былъ вынужденъ удовлетворить Давыда ²⁾.

Правдоподобно, надѣленіе изгоевъ было причиною ссоры Ярополка Изяславича со Всеволодомъ: волости Ростиславичей и Давыда Игоревича, вѣроятно, были выдѣлены въ ущербъ интересамъ Ярополка, можетъ быть даже прямо изъ его владѣній, по крайней мѣрѣ другую причину этой ссоры трудно придумать ³⁾. Ярополкъ собрался было идти на Всеволода, „послушавше злыхъ совѣтників“, но Всеволодъ захватилъ его врасплохъ, пославъ войско, и Ярополкъ былъ принужденъ бѣжать по старой памяти „въ Ляхы“. Впрочемъ волость все-таки потомъ была ему возвращена; вообще по отношенію къ нему

¹⁾ Давыдъ Игоревичъ получилъ Дорогобужъ въ 1084 г., Ростиславичей имъ встрѣчаютъ въ Червенскихъ городахъ впервые въ 1087, а Давыда Святославича въ Смоленскѣ—въ 1095 г. (Ипат. л. с. 144, Лавр. с. 199, 1 Новг. с. 3). Ко времени Всеволода владѣніе Давыда Святославича относили Карамзинъ (II с. 66) и Погодинъ (Хронол. указателъ—въ Зап. Акад. II т. VII с. 67), Полевой (II с. 329) и Соловьевъ (Ист. отнош. вышней с. 111) полагали, что Давыдъ захватилъ Смоленскъ силою у Мономаха. Соловьевъ не полагалъ еще, что Ростиславичи отняли Червенскіе города у поляковъ во время распри Ярополка со Всеволодомъ (Ист. Рос. II с. 80), но лѣтопись (Ипат. с. 167) прямо говоритъ, что Перемишль и Терембаль были даны Ростиславичамъ Всеволодомъ.

²⁾ Ипат. л. с. 144; ср. Барсова Георг. нач. л. с. 223.

³⁾ Ср. Полевого Ист. рус. нар. II с. 319, Соловьева II с. 29, Длиннченко Владим. отгол. с. 129.

Всеволодъ держитъ себя довольно благоклонно и защищаетъ его отъ притязаній Ростиславичей; дѣйствовалъ ли онъ въ силу расположенія, или изъ политическаго расчета: дружитъ съ Изяславичами противъ Святославичей, сказать трудно. Ярополкъ былъ убитъ вскорѣ (1087 г.), какъ подозрѣвали, по прояскамъ Ростиславичей; лѣтописецъ характеризуетъ его весьма симпатичными чертами: онъ былъ кротокъ, братолюбивъ и нищелюбивъ, давалъ десятину церкви Богородицы (Десятинной) и пожертвовалъ большія помѣстья Печерскому монастырю. Позже онъ былъ причтенъ къ святымъ. Татищевъ говоритъ, что киевляне имѣли къ нему великую любовь и прочили въ наследники Всеволоду; по лѣтописцу, „всеи Кияне великъ плачь створиша надъ нимъ“¹⁾. Онъ могъ дѣйствительно снискать популярность населенію, живя при отцѣ въ Киевской области послѣ его вторичнаго возвращенія. Высказано было даже предположеніе, что Ярополкъ хотѣлъ согнать Всеволода со стола, пользуясь расположеніемъ киевлянъ²⁾, но фактически обосновать это предположеніе нельзя.

Смерть Ярополка освободила Волынскую волость для Давыда Игоревича³⁾; Святополкъ перешелъ изъ Новгорода въ Туровъ, принадлежавшій Ярополку, а въ Новгородѣ былъ посаженъ ввукъ Все-

¹⁾ Ипат. л. с. 144—145 (Лавр. с. 199—200) и 338. Филаретъ Русскіе Святые кн. XI. с. 306. Татищевъ Ист. Рос. II. с. 139. См. еще о немъ отамъ (неблагопріятный) г. Андріашева—Ист. Волн. зем. с. 111—112.

²⁾ Линиченко—Вѣче въ Киев. обл. с. 23. Длугошъ (I. III р. 288) и Стрийковскій (I р. 171) дѣйствительно объясняютъ возстаніе Ярополка претензіями на киевскій столъ, но это, надо думать, только домыслъ Длугоша (ср. его объясненіе похода Романа Святославича—р. 286).

³⁾ Что Волынь по смерти Ярополка была отдана Давиду, сказано прямо только у Татищева (II с. 139), это извѣстіе, или догадка вполнѣ вѣроятна, потому что Давидъ владелъ Волынью въ отсутствіи Ярополка и позже говорится, что Владиміръ (Волынскій) былъ отданъ Давиду Всеволодомъ (Ипат. с. 144 и 167). Быть можетъ, къ этому времени относится присоединеніе Погорины къ Киевской землѣ? Если Дорогобужская волость была отдѣлена Давиду изъ Волынской волости Ярополка, то теперь, при переводѣ Давида во Владиміръ, Всеволоду было очень удобно каять се себя. Любопытно, что скоро затѣтъ, хотя еще очень неопредѣленно, выступаетъ вопросъ о Погоринѣ—именно въ Сказаніи объ ослѣвленіи Василька, въ разсказѣ Давида о притязаніяхъ послѣдняго (Ипат. с. 172). Заслуживаетъ вниманія и сообщеніе Татищевскаго свода, что Ярославъ Святославичъ замѣревался отнять Погорину у Мономаха (II с. 219)—потому собственно, что Татищевъ Дорогобужскую волость не считалъ отнятою у Ярополка (ibid. с. 137).

волею, знаменитый впоследствии, тогда малолетний еще Мстиславъ; впоследствии новгородцы попрекали Святополка, что онъ ушелъ отъ нихъ: очевидно, уходъ его не былъ вынужденнымъ, Святополкъ, быть можетъ, имѣлъ въ виду управлять Новгородомъ чрезъ намѣстниковъ, надобно отцу, но новгородцы, не желая сидѣть безъ князя, обратились къ Всеволоду ¹⁾. Такъ или иначе, за старшею Иязславлею линіею осталась только Туровская волость; обстоятельство это имѣетъ не малое значеніе: благодаря ему, Святополкъ и теперь, и позже, будучи кievскимъ княземъ, не могъ играть особенно выдающейся роли на Руси по сравненію съ линіею Всеволода.

Во вторую половину правленія Всеволода не слышно объ изгояхъ, продолжалъ беспокоить сосѣднія волости Всеславъ, до половцы производили свои набѣги. Борьбу съ этими врагами выносилъ на своихъ плечахъ неутомимый Мономахъ. Набѣги половцевъ преимущественно направлялись на Переяславскую волость, впрочемъ извѣстенъ набѣгъ или, вѣроятнѣе, было нѣсколько набѣговъ сряду на Поросье — у Красна Мономаха нанесъ половцамъ поражение (около 1085 г.) ²⁾.

Всеволодъ, кажется, пользовался любовью и уваженіемъ духовенства, какъ человекъ весьма образованный для своего времени (онъ зналъ пять языковъ), усердный къ религіи и воздержный, къ тому же — мужъ греческой царевны. Лѣтописецъ говоритъ, что онъ былъ любимымъ сыномъ своего отца, измлада любилъ правду, миловалъ убогихъ, очень любилъ духовенство. Религіозностію отличались и нѣкоторые дѣти его; не говоря о Мономахѣ, его дочери Евпраксія и Анна обнаружили свою набожность, постригшись въ монашество; Анна (Янка) принимала близкое участіе въ дѣлахъ церкви, путешествовала въ Царьградъ; для нея былъ устроенъ Всеволодомъ женскій Андреевскій монастырь, называвшійся по ея имени также Янчинимъ. Кромѣ того Всеволоду принадлежитъ еще основаніе Выдубицкаго монастыря (монастырь Всеволожь) ³⁾.

¹⁾ Ипат. л. с. 146 и 182, прибавл. къ 1 Новг. с. 62 и 489 (Лѣт. Авраамии с. 313).

²⁾ „И потому на Святослава гонимомъ по Половцехъ, и потомъ на Торческый городъ, и потомъ на Гюргетъ по Половцехъ; и нами на той же сторонѣ у Красна Половци побѣдихомъ“ (Лавр. с. 240 — Поученіе Мономаха).

³⁾ Ипат. с. 144, 145, 146, 186, 197, 475.

Но если Всеволод пользовался симпатиями духовенства, то нельзя этого сказать о дружинѣ и земствѣ. По словамъ лѣтописца, Всеволодъ въ старости, ослабленный болѣзнями и печальми, сталъ окружать себя людьми новыми, которые отвращали его отъ прежней дружины и не заботились о правосудіи: „нача любити смыслъ уныхъ и свѣтъ твораше с ними; си же начаша і заводити (завидѣти) и негодовати дружины своея первыя і людемъ не хотѣти (доходити) княжѣ правды“ ¹⁾. Нѣкоторые ученые предполагаютъ, что подъ прежнею („первою“) дружиною нужно разумѣть кievскую, а подъ молодою—пришлую, переяславскую ²⁾, но ближе къ лѣтописи будетъ предположить, что здѣсь просто разумѣются любимцы вообще, оттѣснявшіе прежнихъ приближенныхъ, прежнюю дружину, что лѣтописецъ и объясняетъ старостью князя, ослабленіемъ его ума. Это было причиною неудовольствія дружины. Земство было недовольно самоуправствомъ и лихоимствомъ его тиуновъ: „начаша тивунѣ его грабити, люди продаяти (отягощать штрафами), сему невѣдущю у болѣзньхъ своихъ“ ³⁾. Всеволодъ, кажется, вообще не отличался особенною дѣятельностью, а въ старости, больной, совсѣмъ не входилъ въ дѣла управленія землею и не исполнялъ одной изъ главныхъ обязанностей князя—„оуправлявати людей“. Другая причина неудовольствія земства—ратѣ; единственная рать собственно кievская, упоминаемая источниками—это набѣги или набѣгъ половцевъ, уже упомянутый. Но, вѣроятно, кievскіи ополченія должны были участвовать и въ войнахъ Всеволода съ разными его врагами, не имѣвшими прямого отношенія къ Кievской землѣ, и это возбуждало неудовольствіе: „наша земля оскудила естъ отъ ратей и продажъ“, жаловались кievяне по смерти Всеволода ⁴⁾.

¹⁾ Ипат. с. 151.

²⁾ Соловьевъ II с. 82; Бестужевъ-Рюминъ—Русск. ист. I, с. 166. Костомаровъ—Монографія I с. 186, 192; аргументъ, что Всеволодъ, какъ старикъ, едва ли могъ окружить себя юношами, кажется мнѣ не вѣрнымъ. Ср. Лашинкова Владиміръ Мономахъ и его время (въ Пособіи къ изученію русской исторіи в. II, с. 12).

³⁾ Ипат. (с. 151) и Лавр. (с. 209) расходятся въ чтеніи этого мѣста; чтеніе Ипат. „і начаша тивунѣ его грабити“ лучше, по моему мнѣнію, чѣмъ Лавр. „начаша ти унии“: рѣчь идетъ уже о новомъ предметѣ; „людемъ не хотѣти княжѣ правды“ относится къ „улими“—они не хотѣли, не заботились, чтобы люди пользовались княжескимъ правосудіемъ; г. Линниченко (Вѣче с. 28) понимаетъ такъ, что кievяне были недовольны княжескимъ судомъ (избѣгали его?).

⁴⁾ Ипат. с. 152.

Характеризовать самую личность Всеволода трудно: онъ очень мало фигурируетъ, скрываясь то за личностями братьевъ, то Мономаха. Несомнѣнно, это былъ человекъ себѣ на умѣ и большой благопріобрѣтатель; политика его относительно изгоевъ не показываетъ въ немъ ни дальновидности, ни благородства, но благодаря осторожности и умѣнью выжидать, этотъ родоначальникъ московскихъ собирателей собралъ въ своихъ рукахъ большинство волостей. Впрочемъ, трудно опредѣлить, что въ результатѣ нужно приписать ему самому и что его правой рукѣ—Мономаху¹⁾.

Всеволодъ скончался 13 апрѣля 1093 г. „Епископы, игумены съ черноризцами, попы, бояре и простые люди“ похоронили его²⁾. Населеніе не могло особенно жалѣть за покойникомъ, и отъ буйствъ въ отношеніи нелюбимыхъ тиуновъ удержало народъ, вѣроятно, присутствіе Мономаха.

Смерть Всеволода открыла вопросъ о наследованіи кievскаго стола; предшествующая эпоха, повидимому, не выработала въ этомъ отношеніи никакихъ прочныхъ правилъ, и возможно было колебаніе между различными принципами наследованія. По словамъ летописца, Мономахъ, находившійся тогда въ Кіевѣ, „нача размышляти, река: аще язъ саду на столѣ отца своего, то имамъ рать со Святополкомъ узати, яко то есть столѣ отца его³⁾ переже былъ. И тако размысливъ, посла по Святополка Турову, а самъ иде Чернѣгову“⁴⁾. Татищевскій сводъ прибавляетъ, что кѣмъ просили Мономаха сѣсть на столѣ у нихъ, но онъ отказался, опасаясь претензій Святополка и

¹⁾ Больше, чѣмъ обыкновенно, значеніе личности Всеволода и его дѣятельности придаетъ покойный Лашинковъ (Владиміръ Мономахъ с. 9—12): „мы, говоритъ онъ, даемъ княженію Всеволода самостоятельное значеніе, считаемъ его родоначальникомъ княжеской линіи, въ которой хранилась идея верховной власти, принесенная намъ греческими духовенствомъ, и не устранимъ личнаго участія Всеволода въ дѣлахъ его княженія“. Наоборотъ, чрезвычайно низкаго мнѣнія о Всеволодѣ былъ Н. Полевой—см. Исторію рус. нар. П. с. 284, 301, 314—5.

²⁾ Ипат. с. 152.

³⁾ Въ Ипат. неправильно: „моего“.

⁴⁾ Ипат. л. с. 152 (Лавр. с. 210).

Святославичей ¹⁾). Весьма трудно рѣшить, насколько справедливо это извѣстіе; приведенныя слова лѣтописи если не противорѣчатъ ему, то нисколько и не подтверждаютъ. Не нужно забывать, что въ ту пору Мономахъ едва ли представлялся такимъ „добрымъ страдальцемъ за землю Русскую“, какъ двадцать лѣтъ спустя—эту славу преимущественно стижалъ онъ позже, во время славной борьбы съ половцами 1103—1111 г. Раньше его дѣятельность вовсе не имѣетъ характера дѣла народнаго; онъ не разъ наводилъ половцевъ на русскія земли, пустошилъ и жегъ города, какъ самъ сознается ²⁾). Княженіе Всеволода, какъ мы видѣли, было очень непопулярно у кievскаго населенія, и Мономахъ, вѣчно странствуя съ отцовскими порученіями, едва ли дѣлалъ много для улучшенія управленія въ Кievской землѣ; но крайній мѣрѣ лѣтописецъ, говоря о безпорядкахъ въ княженіе Всеволода, ни однимъ словомъ не обмолвился о Мономахѣ. Въ сужденіяхъ ученыхъ о тогдашней популярности Мономаха, какъ и въ вышеприведенномъ извѣстіи Татищева, едва ли не сказывается вліяніе позднѣйшей его славы, которую нечувствительно переносили и на болѣе раннее время. Существовали, конечно, въ Кievѣ сторонники Мономаха, но они, правдоподобно, не составляли большинства, и на ряду съ ними могла быть и партія Святополка, и еще больше—людей, относящихся къ вопросу безразлично. Между тѣмъ Святополкъ, несомнѣнно, не преминулъ бы предъявить свои претензіи; онъ и изъ Новгорода перешелъ въ Туровъ для того, вѣроятно, чтобы поближе слѣдить за кievскими дѣлами ³⁾); принять кievскій столъ Мономаху—значило вызвать его на упорную борьбу, а поднимать такую новую борьбу, не покончивъ старой тяжбы съ изгоями было бы со стороны Мономаха очень неблагоприятно. Такъ или иначе, Мономахъ рѣшилъ

¹⁾ Татищевъ—Ист. Россійск. II с. 146; предположеніе, что кievское населеніе по смерти Всеволода предлагало столъ Мономаху, почти общепринято теперь—см. напр. Соловьева II, с. 38, Вестужева-Рюмина Ист. Рос. I, с. 165, Иловайскаго Ист. Рос. I, с. 128, Лашинкова ор. с. с. 13, Линиченка—Вѣче с. 24. Соловьевъ изъ лѣтописныхъ словъ Мономаха выводитъ, что онъ „не предполагалъ пренятія со стороны гражданъ кievскихъ, былъ увѣренъ въ ихъ желаніи имѣть его своимъ княземъ“. Но не пренятствовать вовсе не то же самое, что желать.

²⁾ Лавр. с. 139 (Поученіе), ср. с. 231 (Ипат. с. 166).

³⁾ Соловьевъ—Ист. Россійск. II, с. 40, Сергѣевичъ—Вѣче и князь с. 321.

отказаться отъ Кіева, и отправился въ Черниговъ; Переяславская во-
лость досталась брату его, Ростиславу.

Десять дней спустя по смерти Всеволода, въ день антипасхи, прибылъ въ Кіевъ Святополкъ; кінне вышли къ нему навстрѣчу и встрѣтили его, по словамъ лѣтописца, съ поклонами и радостію ¹⁾. Однако имъ, вѣроятно, скоро пришлось разочароваться въ новомъ князѣ: о Святополкѣ сохранилась дурная память; лѣтописи и агіографическіе памятники единодушно рисуютъ его человѣкомъ лишенимъ государственныхъ способностей, инициативы, и въ то же время жестокимъ, подозрительнымъ, корыстолюбивымъ, несправедливымъ, ²⁾; по словамъ Патерика, въ его княженіе было много насилія людямъ: „домы бо сильныхъ безвинныхъ искоренивъ и имѣнія многы отъимъ“; различныя бѣдствія его княженія авторъ разсматриваетъ, какъ божесвое наказаніе за его неправды ³⁾. Дурная память сохранилась также о сынѣ Святополка—Мстиславѣ ⁴⁾.

Интересъ первыхъ годовъ княженія Святополка сосредоточивается около вопроса объ изгояхъ, который наконецъ былъ рѣшенъ окончательно, и около половецкихъ отношеній; то и другое, изгояскій вопросъ и половецкія опустошенія, стояли въ нѣкоторой связи между собою. Кіевской области ближайшимъ образомъ касались послѣднія; никогда, кажется, половецкіе набѣги не были такъ часты и опустошительны, какъ въ это время. Это была именно та пора, когда, по словамъ поэта, „по Руской земли рѣтко ратасвѣ кикахуть, но часто врани граяхуть, трупія себѣ дѣлаче, а галици свою рѣчь говорахуть, хотять полѣтѣти на уѣдіе“ ⁵⁾. Къ бѣдствіямъ этимъ присоединился еще голодъ, отчасти вызванный половецкими вторженіями,

¹⁾ Плат. л. с. 152 (Лавр. с. 210).

²⁾ Сужденія историковъ о характерѣ Святополка отличаются вообще большимъ единодушіемъ, см. напримѣръ отзывы Карамзина (II с. 84—85), Соловьева (II с. 41), Бестужев-Рюмина (I с. 165).

³⁾ Патерикъ с. 152 (житіе св. Прохора), то же самое у Стрийковскаго въ извлеченіи изъ „хронички русской“ (обстоятельство любопытное!): *szkąd poddamy bezwinne roskyniti i wyniazszy imlon nie mało, a imzum odją!* (I. 167).

⁴⁾ Патерикъ с. 171 сл. (житіе св. Василія и Феодора).

⁵⁾ Слово о полку Игоревѣ с. 5.

Святославичей ¹⁾). Весьма трудно рѣшить, насколько справедливо это извѣстiе; приведенныя слова лѣтописи если не противорѣчают ему, то нисколько и не подтверждаютъ. Не нужно забывать, что въ ту пору Мономахъ едва ли представлялся такимъ „добрымъ страдальцемъ за землю Русскую“, какъ двадцать лѣтъ спустя—эту славу преимущественно стяжалъ онъ позже, во время славной борьбы съ половцами 1103—1111 г. Раньше его дѣятельность вовсе не имѣетъ характера дѣла народнаго; онъ не разъ наводилъ половцевъ на русскія земли, пустошилъ и жегъ города, какъ самъ сознается ²⁾). Княженiе Всеволода, какъ мы видѣли, было очень непопулярно у кiевскаго населенiя, и Мономахъ, вѣчно странствуя съ отцовскими порученiями, едва ли дѣлалъ много для улучшенiя управленiя въ Кiевской землѣ; но крайней мѣрѣ лѣтописецъ, говоря о безпорядкахъ въ княженiе Всеволода, ни однимъ словомъ не обмолвился о Мономахѣ. Въ сужденiяхъ ученыхъ о тогдашней популярности Мономаха, какъ и въ вышеприведенномъ извѣстiи Татищева, едва ли не свазывается влiенiе позднѣйшей его славы, которую нечувствительно переносили и на болѣе раннее время. Существовали, конечно, въ Кiевѣ сторонники Мономаха, но они, правдоподобно, не составляли большинства, и на ряду съ ними могла быть и партiя Святополка, и еще больше—людей, относящихся къ вопросу безразлично. Между тѣмъ Святополкъ, несомнѣнно, не преминулъ бы предъявить свои претензи; онъ ѣ изъ Новгорода перешелъ въ Туровъ для того, вѣроятно, чтобы поближе слѣдить за кiевскими дѣлами ³⁾); принять кiевскiй столъ Мономаху—значило вызвать его на упорную борьбу, а поднимать такую новую борьбу, не покончивъ старой тяжбы съ изгоями было бы со стороны Мономаха очень неблагоприятно. Такъ или иначе, Мономахъ рѣшилъ

¹⁾ Татищевъ—Ист. Россiйс. II с. 146; предположенiе, что кiевское населенiе по смерти Всеволода предлагало столъ Мономаху, почти общепринято теперь—см. напр. Соловьева II, с. 38, Бестужева-Рюмина Ист. Рос. I, с. 165, Измайскаго Ист. Рос. I, с. 128, Лашинкова оп. с. с. 13, Линиченка—Вѣче с. 24. Соловьевъ изъ лѣтописныхъ словъ Мономаха выводитъ, что онъ „не предполагалъ прiятствiя со стороны гражданъ кiевскихъ, былъ увѣренъ въ ихъ желанiи имѣть его своимъ княземъ“. Но не прiятствовать вовсе не то же самое, что желать.

²⁾ Лавр. с. 139 (Поученiе), ср. с. 231 (Инат. с. 166).

³⁾ Соловьевъ—Ист. Россiи II, с. 40, Сергѣевичъ—Вѣче и князь с. 321.

отказаться отъ Кіева, и отправился въ Черниговъ; Переяславская во-
лость досталась брату его, Ростиславу.

Десять дней спустя по смерти Всеволода, въ день антипасхи, прибылъ въ Кіевъ Святополкъ; кінше вышли къ нему навстрѣчу и встрѣтили его, по словамъ лѣтописца, съ поклонами и радостію ¹⁾. Однако имъ, вѣроятно, скоро пришлось разочароваться въ новомъ князѣ: о Святополкѣ сохранилась дурная память; лѣтопись и агиографическіе памятники единодушно рисуютъ его человѣкомъ лишеннымъ государственныхъ способностей, инициативы, и въ то же время жестокимъ, подозрительнымъ, корыстолюбивымъ, несправедливымъ, ²⁾; по словамъ Патерника, въ его княженіе было много насилія людямъ: „домы бо сильныхъ безвинныхъ искоренивъ и имѣнія многы отымъ“; различныя бѣдствія его княженія авторъ разсматриваетъ, какъ божесю наказаніе за его неправды ³⁾. Дурная память сохранилась также о сынѣ Святополка—Мстиславѣ ⁴⁾.

Интересъ первыхъ годовъ княженія Святополка сосредоточивается около вопроса объ изгояхъ, который наконецъ былъ рѣшенъ окончательно, и около половецкихъ отношеній; то и другое, изгойскій вопросъ и половецкія опустошенія, стояли въ нѣкоторой связи между собою. Кіевской области ближайшимъ образомъ касались послѣднія; никогда, кажется, половецкіе набѣги не были такъ часты и опустошительны, какъ въ это время. Это была именно та пора, когда, по словамъ поэта, „по Руской земли рѣтко ратаевъ кикахуть, но часто враги граахуть, трупиа себѣ дѣляче, а галици свою рѣчь говорахуть, хотять полѣтѣти на уѣдіе“ ⁵⁾. Къ бѣдствіямъ этимъ присоединился еще голодъ, отчасти вызванный половецкими вторженіями,

¹⁾ Ипат. л. с. 152 (Лавр. с. 210).

²⁾ Сужденія историковъ о характерѣ Святополка оглнчаются вообще большимъ единодушіемъ, см. напримѣръ отгнимъ Карамзина (II с. 84—85), Соловьева (II с. 41), Бегужев-Рѣнина (I с. 185).

³⁾ Патерникъ с. 152 (житіе св. Прохора), то же самое у Стрийковскаго въ извлеченіи изъ „хроникъ русской“ (обстоятельство любовитное): *связи ranowania swego wiele szkód roddanum bezwinnie poszukali i wyniszczył imion nie mało, a inżym odjął* (I. 167).

⁴⁾ Патерникъ с. 171 сл. (житіе св. Василія и Θεодора).

⁵⁾ Слово о полку Игоревѣ с. 5.

мя опредѣляли свои дальѣйшія отношенія и „урядились“ относительно спорныхъ пунктовъ. Союзъ Изяслава и Всеволода 1077 года былъ возобновленъ теперь ихъ сыновьями и преемниками ¹⁾.

Размолвка Святополка съ кievскимъ боярствомъ не помѣшала созыву ополченія: послѣднее собиралось на половцевъ охотно и, кажется, безъ вѣчевой санкціи: согласіе предполагалось; ниже мы видимъ, что масса кievская желала биться съ половцами. Войска трюихъ князей собрались у Кіева и отправились къ Треполю ²⁾. Подходя къ Стугнѣ, князья остановились въ недоумѣніи и собрали ополченія на военный совѣтъ: очевидно, половцы были неподалеку. Мономахъ продолжалъ настаивать на мирѣ „у грозѣ сей“ ³⁾; его поддерживали „смысленные“ кievскіе бояре, но кievское ополченіе (Кияне) требовало битвы. Голосъ послѣдняго превозмогъ, войска перешли Стугну и за первымъ (сѣвернымъ) изъ двухъ валовъ, проходящихъ здѣсь, встрѣтили половцевъ. Послѣ продолжительной и кровопролитной битвы русскіе потерпѣли поражение; произошла паника; Ростиславъ и Мономахъ пустились въ бродъ чрезъ Стугну, при чемъ Ростиславъ

¹⁾ Ипат. с. 152—3 (Лавр. с. 211). Въ Псков. (I. с. 120): послѣди смирились, что есть вамъ обѣда между собой. Длугонь (I. IV р. 206) и Татищевъ (II с. 147) объясняютъ, что Мономахъ упрекалъ Святюполка за пошлукъ пословъ; въ Густинской л. (с. 278) по поводу этой пошлукъ прибавлено: сего же не похвалиша ему братія. Сергѣевичъ (Вѣче и князь с. 166) полагасть, что Мономахъ требовалъ вознагражденія за помощь противъ половцевъ; но половецкіи наместники были общими бѣдствіемъ и едва ли за подобную помощь князья могли торговаться. Объ этомъ эпизодѣ см. еще Соловьевъ II. с. 41, Данилевскій Вѣче с. 25.

²⁾ Ростиславъ, можетъ быть, присутствовать при переговорахъ къ Видубицкому монастырѣ, но не вѣдѣвался, какъ князь мѣсто значительный и находившійся, вѣроятно, подъ влияніемъ брата, или пришелъ послѣ переговоровъ (бояре обращаются къ спорящимъ князьямъ въ двойственномъ числѣ); что онъ однако присоединился къ войскамъ у Кіева, это видно изъ лѣтописи (и пойдѣ Святюполкъ и Владимиръ и Ростиславъ къ Треполю) и подтверждается житіемъ св. Григорія (Патерикъ с. 139—140), котораго Ростиславъ приказалъ утопить, встрѣтивъ на пути въ Печерскій монастырь за благословеніемъ.

³⁾ Эти слова лѣтописецъ толкуеть различно; одни, какъ Карашинъ (II, с. 63), Арцибашевъ (I, 2 с. 43), Изювайнскій (I, с. 124), П. В. Голубовскій (Печенги с. 139) и др. принимаютъ ихъ въ смыслѣ „грозя имъ“; другіе, какъ Соловьевъ (II, с. 42): „врагъ грозенъ“; и то и другое толкованіе равно возможно. Военный совѣтъ, несомнѣнно, происходилъ на сѣверномъ берегу Стугны, и русскіе послѣ него перешли на южный берегъ, въ первый разъ, почему лѣтописецъ и прибавляетъ: „бѣ бо тогда наводнилася велими“. Объ этомъ походѣ см. еще выше, с. 29, также у П. В. Голубовскаго (ibid).

утовуль, и его тѣло только потомъ было найдено и привезено въ Киевъ, гдѣ покойника оплакали и погребли. Мономахъ поспѣшно ушелъ въ Черниговъ, не присутствовалъ, повидимому, даже на похоронахъ брата. Святополкъ отступилъ въ Треполь, затворился здѣсь и лишь ночью ушелъ въ Киевъ ¹⁾.

Послѣ этой побѣды (она случилась на Вознесеніе, 29 мая) часть половцевъ возвратилась къ осажденному Торческу, другая часть разсѣялась загонами по всей области, заходя даже за Киевъ. Торки храбро оборонялись отъ половцевъ, но съѣстные припасы истощались, попытка доставить „брашна“ въ городъ не удалась: „не бѣ лѣтъ украстися в городъ, множества ради ратныхъ.“ Святополкъ между тѣмъ сдѣлалъ еще одну попытку отразить врага—уже собственными силами; онъ выступилъ противъ половцевъ, грабившихъ окрестности Киева, на Желаніи—но и эти загоны оказались сильнѣе его; Святополкъ потерялъ еще большее пораженіе, чѣмъ у Треполя и лишь „самъ третій“, по словамъ лѣтописца, вернулся въ Киевъ (23 іюня). Киевская область осталась совершенно беззащитною; торки, услыхавъ о пораженіи Святополка, сдались послѣ девятидѣльной мужественной обороны; половцы хозяйничали, какъ хотѣли и сколько хотѣли, и удалялись, забравъ и истребивъ все, что можно было забрать и истребить. Лѣтописецъ съ глубокою скорбію говоритъ о сожженныхъ церквяхъ и селахъ, опустѣвшихъ городахъ, истребленныхъ посѣвахъ, угнанныхъ стадахъ, въ особенності—о множествѣ плѣнныхъ, угнанныхъ половцами; я не буду приводить его прочувствованнаго, превосходнаго описанія страданій плѣнниковъ и глубоко благочестиваго заключенія—они слишкомъ извѣстны ²⁾.

Эти пораженія и страшныя опустошенія должны были ослабить силы Киевской земли. Святополкъ вынужденъ былъ войти въ сношенія съ половцами: на слѣдующій годъ подарками онъ купилъ себѣ

¹⁾ Ипат. л. с. 152—154 (Лавр. с. 210—213), 1 Повг. с. 3. Объ этой битвѣ говорить, кажется, Мономахъ въ Поученіи (Лавр. с. 240): „и пакы по отни смерти и по Салтоволодѣ на Сулѣ билися съ Половцы до вечера, быхомъ у Халѣва, и потомъ миръ створихомъ с Туроканомъ и со нѣкии князи Половецкими“; поправка Ардыбашева (т. 1, 2 стр. 236): „на Стуглѣ“ вм. „на Сулѣ“ кажется вѣроятною.

²⁾ Ипат. л. с. 154—157 (Лавр. 213—216).

миръ и женился на дочери хана Тугоркана—это былъ первый примѣръ подобныхъ браковъ ¹⁾).

Между тѣмъ Олегъ, ободренный поражениемъ князей, явился съ половцами и припудилъ Мономаху отказаться отъ Черниговской волости; Святополкъ не рѣшился подать помощи послѣднему. Переяславская волость была при этомъ, вѣроятно, также сильно опустошена, а на слѣдующій годъ явились къ Мономаху половецкіе ханы Китанъ и Итларь—торговаться о мирѣ, а въ случаѣ несогласія—снова опустошать волость. Подобный образъ дѣйствій, конечно, долженъ былъ страшно раздражать русскихъ. По совѣту дружины Мономахъ распорядился вѣроломно избить пришедшихъ къ нему половецвъ; однимъ изъ участниковъ этого дѣла былъ также бояринъ Святополка Славята, присланный за чѣмъ-то своимъ княземъ къ Мономаху. Вслѣдъ за тѣмъ Мономахъ со Святополкомъ напалъ врасплохъ на половецкія вежи и захватилъ богатую добычу; къ участию въ этомъ нападеніи приглашенъ былъ и Олегъ, но отказался ²⁾. Дѣятельное участіе Святополка показываетъ, что миръ, купленный у половецвъ, былъ совершенно непроченъ, что половцы либо нарушили его, либо дали поводъ ожидать нарушенія. Подъ этимъ же годомъ (1095) мы читаемъ въ лѣтописи, что половцы пришли въ Кіевскую область, осадили Юрьевъ и стояли подъ нимъ цѣлос лѣто; трудно только опредѣлить, предшествовало ли это вторженіе избиенію половецвъ, или оно послѣдовало уже за нимъ ³⁾. Святополкъ опять задобрилъ было

¹⁾ Ипат. с. 157; Татищевъ II, с. 151) объясняетъ, что Мономахъ и другіе князья, „ослѣбленные“ Святополкомъ, отказали ему въ помощи, что онъ женился на дочери Тугоркана изъ скуности, чтобы не дорого купить миръ (ср. Соловьевъ Ист. отнош. князей с. 108). Подобная женитьба скорѣе увеличивала издержки, потому что требовала приличнаго калыма (ср. Погодинъ Древ. Рус. Ист. I, с. 110).

²⁾ Ипат. с. 158—9, Лавр. с. 219—220 и 240; Татищевъ II, с. 153. Славята, вѣроятно, былъ однимъ изъ инициаторовъ избиенія половецвъ (см. Соловьевъ II, вр. 105), но нѣтъ никакихъ оснований заключать, что Мономахъ дѣйствовалъ при этомъ въ угоду кіевскому населенію, какъ дѣлаетъ Костомаровъ (Монографія т. I, с. 194): это предположеніе явилось у него вследствие того, что онъ, ошибочно для этого времени, призналъ Ратибора за кіевского тысяцкого. Полевой (II, с. 380—1) видѣлъ въ избиеніи половецвъ уступку со стороны Мономаха желанію Святополка.

³⁾ Погодинъ, весьма обстоятельно разсуждающій объ этомъ въ своемъ Хронологическомъ указателѣ (с. 71 сл., см. также с. 51), приходитъ къ заключенію, что осада Юрьева предшествовала избиенію половецвъ.

половцевъ подарками, но они потомъ все-таки вторглись въ Поросье¹⁾. Наконецъ жители Юрьева, соскучившись жить въ постоянномъ страхѣ половецкихъ разореній, уловивъ удобное время, бѣжали въ Кіевъ. Для нихъ и для прочаго цорубежнаго населенія—поросскаго и заднѣпровскаго (засаковцевъ)²⁾ былъ заложенъ новый городъ „на Вытечевскомъ холмѣ“, названный Святополчемъ; сюда переселился и юрьевскій епископъ, а Юрьевъ, оставленный жителями, былъ сожженъ половцами. Пограничное населеніе Кіевской области, очевидно, не могло вынести болѣе половецкихъ набѣговъ, которые уже не ограничивались опустошеніями, а сопровождались осадою и разрушеніемъ городовъ. По аналогіи Юрьева, значительнѣйшаго города Поросья, можно думать, что и другіе города были также оставлены жителями; поросская военная граница, устроенная Ярославомъ и его сыновьями, была такимъ образомъ разрушена и укрѣпленную границую слова, какъ при Владимірѣ Св., является область Стугны.

Такимъ образомъ враждебныя отношенія къ половцамъ возобновились съ новою силою; въ виду этого Святополку и еще болѣе Мономаху было особенно непріятно имѣть въ тылу половецкаго союзника въ лицѣ Олега. Они всѣми мѣрами стараются разстроить его союзъ съ половцами: такой смыслъ, надо думать, имѣло упомянутое выше предложеніе—принять участіе въ походѣ на половцевъ, сдѣланное ему Святополкомъ и Мономахомъ; они рассчитывали, вѣроятно, что Олегъ не захочетъ открыто признать свою солидарность съ половцами, которая и такъ сильно вредила ему во мнѣніи современнаго общества³⁾. Но Олегъ, только что добывъ Черниговъ благодаря половцамъ и не упрочивъ еще своего положенія, не рѣшался портить свои отношенія къ послѣднимъ: онъ обѣщавъ прійти, но не исполнилъ обѣщанія⁴⁾. Въ слѣдующемъ году Святополкъ и Мономахъ пригла-

¹⁾ О размочтеніяхъ этого мѣста говорилъ я выше (с. 86), при опредѣленіи мѣстоименія Юрьева; въ данномъ случаѣ я принимаю чтеніе Инат. л. и сходныхъ съ нимъ.

²⁾ Въ Софійскомъ (I. 177) и Воскрес. (I. 8) сводахъ—„за Саконцемъ“ (см. Арцибащенко I, 2, нр. 254), но это чтеніе не годится; лѣтѣ въ Лавр. с. 221 (и Никон. I, с. 124): „и засаковцевъ и прочихъ отъ нихъ градъ“. Объ этомъ переселеніи и устройствѣ Святополка см. еще выше с. 30.

³⁾ См. Инат. с. 158 (Лавр. с. 218—9).

⁴⁾ Ср. Вагалій, Ист. Сѣвер. л. с. 172.

шають Олега явиться въ Кіевъ, чтобы въ присутствіи духовенства, дружины и горожанъ („людей градскихъ“) уговориться относительно обороны Русской земли отъ поганныхъ ¹⁾. Въ этомъ фактѣ нѣкоторые видѣли попытку установить новый государственный строй, образовавъ общее вѣче изъ представителей всѣхъ земель съ верховными правами ²⁾, но ничто не дасть права дѣлать подобное предположеніе; я скорѣе готовъ думать, что Святополкъ и Мономахъ просто рассчитывали уладить отношенія къ Святославичамъ и прекратить ихъ союзъ съ половцами подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія, которое непременно должно было высказаться рѣшительно противъ дружбы съ половцами и поддержать Святополка и Мономаха противъ Святославичей; кіевское общество могло служить третейскимъ судьей въ этомъ дѣлѣ, какъ вслѣдствіе значенія этого города, такъ и потому, что онъ не былъ прямо замѣшанъ въ борьбу Мономаха и Олега, какъ Черниговъ и Переяславль. Но и эта попытка не удалась: Олегъ, „усприемъ смыслъ буй и словеса величава“, отказался явиться „на судъ епископовъ, чернецовъ и смердовъ“; онъ, конечно, предвидѣлъ, въ какомъ смыслѣ выскажется общественное мнѣніе и не хотѣлъ поступаться своею политикою въ угоду ему. Святополкъ и Мономахъ предприняли тогда походъ на Черниговъ, кончившійся сдачею Олега на волю братьевъ и выходомъ изъ волости. Но этотъ результатъ, конечно, былъ непроченъ и не удовлетворилъ Мономаха и Святополка: имъ во что бы то ни стало хотѣлось окончательно и прочно удалиться съ Святославичами. Половецкіе набѣги этого года достаточно объясняютъ это желаніе; Мономахъ уже не надѣялся отстоять Черниговъ и желалъ только развязать себѣ руки для борьбы со степью; Святополкъ, повидимому, вовсе не былъ заинтересованъ въ вопросѣ объ изгояхъ, и ему половецкія опустошенія должны были казаться особенно тягостными, своего рода на чужомъ пиру похмельемъ. Оба они пе-

¹⁾ Ипат. с. 160 (Лавр. с. 222).

²⁾ Хлѣбниковъ (Общество и государство с. 196), также Колловичъ (см. у г. Личиченка—Взаимн. отнош. с. 142). Нѣтъ основанія видѣть „въ людехъ градскихъ“ и представителей всѣхъ городовъ, „какъ при Владимірѣ Святѣ“, какъ думалъ Хлѣбниковъ и еще раньше Костомаровъ—Монографія I. 195 (отмѣчу кстати вариантъ Тверскаго сборника с. 184: хотяци положити межн себе порадъ предъ Кіевъ). См. еще Личиченка—Вѣче въ Кіевск. обл. с. 24.

редъ тѣмъ рѣдился съ Давидомъ Святославичемъ, но этотъ рѣдъ не имѣлъ окончательнаго значенія безъ участія Олега ¹⁾. Потому, выпущая Олега изъ Стародуба, Мономахъ и Святополкъ берутъ съ него обѣщаніе явиться вмѣстѣ съ Давидомъ въ Кіевъ—, снятися и порядъ положить ²⁾.

Дѣйствительно, союзники Олега дали себя сильно почувствовать въграничными областямъ; въ то время какъ Святополкъ ходилъ съ Мономахомъ на Олега, напалъ на Кіевскую область знаменитый Боякъ, проникъ до Кіева, опустошилъ его окрестности и сжегъ княжескій дворъ на Берестовомъ, а другой ханъ—Куря опустошалъ окрестности Переяславля. Черезъ недѣлю тестъ Святополка, Тугорканъ, уже осадилъ Переяславль. Мономахъ въ это время, кажется, гонялся за Боякомъ, вмѣстѣ съ Святополкомъ, но безуспѣшно ³⁾; теперь оба

¹⁾ Лавр. с. 245 (письмо Мономаха): „с братомъ твоимъ рѣдился есѣ, а не поможегъ рѣдтися бесъ тебе, и не створила есѣ лиха ничтоже, ни рекла есѣ: сля к брату, должеже узаднися“ (двойственное число относится къ Мономаху и Святополку). ср. 241 (Поученіе): „и Смоленську вѣдохомъ, с Давидомъ спирившесѣ“. Отношенія Мономаха и Святополка къ Давиду въ это время доселѣ остаются неясными, тѣмъ болѣе, что тутъ видѣтъ хронологическую путаницу: въ 1 Новг. годъ 1096 г. стоитъ: „иде Святополкъ и Вазединиръ на Давида Смоленську и вѣдша Давиду Новгородъ“ (с. 8); въ Начальной годъ тѣмъ же 1096 г.: „сега же лѣта исходяча иде Давидъ Святославичъ изъ Новгорода въ Смоленську“, при чемъ новгородцы вызвали къ себѣ назадъ Мстислава Мономаховича, а Давиду отказали отъ стола (Ипат. с. 160, Лавр. с. 221); дѣйствительно, осенью 1096 г. Мстиславъ былъ уже въ Новгородѣ, какъ видно изъ описанія борьбы его съ Олегомъ. Между тѣмъ въ прибавленіяхъ къ Новгородской л. сказано, что Давидъ сидѣлъ въ Новгородѣ два года: „и по двои лѣту выгнаша и“ (с. 67 и 439, также въ Лѣт. Авраамки с. 314); приходится такимъ образомъ переводъ Давида изъ Новгородъ передвинуть на 1094 или даже 1093 г. (ср. Карамзина II, с. 66 и пр. 179, Погодина Исхлѣдов. V, с. 336—8). Въ Новгородѣ Давидъ, какъ видно, былъ переведенъ противъ воли; Соловьевъ объяснялъ, что сдѣлано это было для того, чтобъ его власть не соприкасалась съ Черниговскою властью Олега (II, с. 46); это объясненіе очень вѣроятно, если только переводъ состоялся въ 1094 г. Затѣмъ Давидъ, можно думать, хотѣлъ прихватить къ Новгороду и Смоленскъ, но потерялъ при этомъ Новгородъ, а передъ Любечимъ сѣздомъ, по соглашенію съ Мономахомъ, очистилъ и Смоленскъ.

²⁾ Ипат. с. 160—1 (Лавр. с. 222—3).

³⁾ Въ Поученіи Мономаха (Лавр. с. 241), непосредственно за упоминаніемъ объ осадѣ Стародуба: „и на Вогу вѣдохомъ, с Святополкомъ на Бояка за Росъ“; я предпочиталъ отнести эту погою къ первому набѣгу Бояка 1096 г. потому, что послѣ осады Стародуба ни видѣтъ Мономаха въ Кіевской землѣ, откуда онъ явился, вмѣстѣ съ Святополкомъ, на выручку Переяславля (Ипат. с. 161, Лавр. с. 228).

отправившись выручать Переяславль; половцевъ удалось застать врасплохъ, они были разбиты, самъ Тугорканъ былъ убитъ, Святополкъ отъезъ трудъ своего тестя въ Кіевъ и похоронилъ на пути въ Берестовое. Но пока Святополкъ ходилъ выручать Переяславль, Бонякъ, провѣдавъ, вѣроятно, объ отсутствіи его, уже успѣлъ вернуться; 19 іюня ¹⁾ бились съ Тугорканомъ, а 20-го утромъ („въ первый часъ дня“) половцы напали на Кіевъ и едва не ворвались въ верхній городъ; они зажгли предмѣстья (болонье), монастыри Стефановъ, Германовъ и Печерскую великую церковь, заставъ врасплохъ монаховъ, спавшихъ послѣ заутрени; поганые ругались надъ иконами и поносили христіанскую вѣру. Они зажгли также и Всеволодовъ „дворъ красный“ у Выдубицкаго монастыря и затѣмъ удалились безнаказанно ²⁾.

Олегъ между тѣмъ все-таки не сдавался; онъ не рѣшался отдаться на судъ и волю братіи и попытался еще разъ отстоять свое дѣло оружіемъ. Результатомъ этой послѣдней его борьбы (за Муромъ и Ростовъ) было опять полное пораженіе и бѣгство. Мономахъ былъ утомленъ передрыганами; смерть сына, павшаго въ борьбѣ съ Олегомъ, должна была также повліять на него; Олегу была возвращена Муромская волость немедленно, и онъ согласился наконецъ явиться на общій совѣтъ ³⁾. Осенью 1097 г. въ Любечѣ собрались наконецъ „на устроенье мира“ Ярославичи послѣ столькихъ лѣтъ распръ и усобицъ. По сказанію, рѣшено было быть „по едино сердцу“ и „соблюдать Рускую землю“, а какъ средства къ сохраненію впродъ взаимнаго мира, были приняты: право всякаго князя на волость и принципъ отчужденности при распредѣленіи столовъ (послѣдній впрочемъ не былъ проведенъ послѣдовательно) ⁴⁾. Этотъ фактъ имѣлъ, какъ извѣстно, очень важное значеніе въ исторіи удѣльно-вѣчевого періода, закрѣпивъ стремленіе отдѣльныхъ племенъ къ обособленію. Въ частности, что

¹⁾ Въ Ипат., Лавр., Ник. (I. 126) и Воскр. (I. 9) стоитъ 19 іюля, но нужно читать „іюня“, такъ какъ илютокъ приходился 20 іюля, а не іюля (см. Арцибашевъ т. I. кн. 2, стр. 260), и это сообразитѣ съ обстоятельствами: Тугорканъ пришелъ 31 мая, а разбитъ 20 іюля.

²⁾ Ипат. л. с. 161—163 (Лавр. с. 223—226); Карамзинъ (II, стр. 174) полагалъ, что Бонякъ поспѣшилъ удалиться, узнавъ о пораженіи Тугоркана.

³⁾ Ипат. с. 164—167, Лавр. с. 228—232, 243—246 (письмо Мономаха).

⁴⁾ Ипат. с. 167—8 (Лавр. с. 247).

касается до Киева, это установление должно было в сильной степени парализовать традиціонныя стремленія кіевскихъ князей къ собиранію земель.

Кіевъ, въ ряду другихъ отчинъ, былъ признанъ отчиною дома Изяслава. Въ пониманіи этого факта не сходятся историки. Сторонники теоріи родовыхъ отношеній видятъ въ установленіи Любецкаго създа главнымъ образомъ уничтоженіе иягойства, кіевскій же столъ, по ихъ мнѣнію, на будущее время долженъ былъ переходить отъ князя къ князю по старшинству, „лѣвствичнымъ восхожденіемъ“, и отчинность означала право сына на соотвѣтственную волость отца тогда только, когда онъ занималъ такую же позицію въ родѣ, какъ и его отецъ. Другіе же исследователи понимаютъ отчинность въ точномъ смыслѣ и полагаютъ, что Кіевъ любецкими постановленіями былъ закрѣпленъ исключительно за потомствомъ Изяслава ¹⁾. Такое различіе происходитъ, кромѣ краткости и неопредѣленности лѣтописнаго извѣстія, еще и отъ того, что на практикѣ постановленіе Любецкаго създа относительно Кіева не осуществилось: при первомъ же случаѣ наслѣдованія кіевского стола взаимные счеты князей были парализованы принципомъ народнаго избранія. Тѣмъ не менѣе мнѣ кажется болѣе вѣроятнымъ, болѣе согласнымъ съ послѣдующими фактами второе предположеніе: я думаю, что по любецкимъ постановленіямъ Кіевская земля, подобно другимъ, должна была обособиться и закрѣпиться за родомъ Изяслава, но послѣдующія обстоятельства помѣшали этому ²⁾.

Какъ извѣстно, Любецкій създъ не прекратилъ усобицъ и раздоровъ среди князей, напротивъ—послужилъ исходнымъ пунктомъ для новой, еще болѣе ожесточенной борьбы. Исслѣдованію княжескихъ

¹⁾ Соловьевъ Ист. Россіи II, с. 51; Погодинъ Наслѣд. IV гл. V (с. 353 сл.); Сергіевичъ—Вѣче и князь, с. 321—322; Вѣленъ—Разказы I, с. 148.

²⁾ Возможно впрочемъ и такое объясненіе, что на Любецкомъ създѣ князья были въ виду распределеніе волостей только для даннаго времени, а не установленіе постоянного закона для грядущихъ поколѣній; однако и въ такомъ случаѣ постановленіе его составляло бы весьма важный прецедентъ для послѣдующаго.

отношеній этихъ годовъ я посвятилъ отдѣльную работу ¹⁾; не повторяя сказаннаго тамъ, я ограничусь краткою схемою событій и остановлюсь только на нѣкоторыхъ подробностяхъ, имѣющихъ ближайшее отношеніе къ Кіевщинѣ.

Самое распредѣленіе волостей, утвержденное любецкими постановленіями, заключало въ себѣ причины для несогласій: Мономахъ, кромѣ исконныхъ волостей своего рода—Черяславской и Ростово-Суздальской, сохранилъ и Смоленскъ и Новгородъ, Святополкъ остался безъ Новгорода, а Давыдъ Игоревичъ долженъ былъ подѣляться своею отчиною съ Ростиславичами. Повидному, во время самаго сѣзда произошла размолвка между Святополкомъ и Мономахомъ, и результаты этого немедленно дали себя знать. Сказаніе нѣкоего Василія, включенное въ начальную лѣтопись, повѣствуетъ, что Давыдъ, введенный въ свою очередь въ заблужденіе своими боярами, объявилъ Святополку, будто Василько Ростиславичъ составилъ съ Мономахомъ коалицію противъ ихъ обоихъ, Святополка и Давыда; Василько имѣетъ въ виду завладѣть Волинью и отнять у Святополка Туровскую волость и Погорынье, а Мономахъ намѣренъ захватить Кіевъ. Въ виду этого Давыдъ совѣтовалъ схватить Василька, находившагося тогда въ Кіевѣ. Святополкъ отнесся ко всему этому нерѣшительно; помимо мотивовъ нравственныхъ онъ долженъ былъ опасаться послѣдствій этого поступка, да и поминка Василька преимущественно была интересна для Давыда, а не для Святополка. Приказавъ въ концѣ концовъ, подъ вліяніемъ настойчивыхъ совѣтовъ Давыда, схватить Василька, Святополкъ пытается опереться на населеніе и заручиться его поддержкою. По сказанію, на другой день послѣ поминки Василька онъ созываетъ бояръ и людей кіевскихъ и передаетъ имъ слова Давыда, что Василько заключилъ союзъ съ Мономахомъ противъ него, Святополка, хочетъ его убить и захватить его города ²⁾.

¹⁾ Волинскій вопросъ 1097—1102 г.—см. въ Кіевской Старинѣ за 1891 г. кн. IV и V, и отдѣльно.

²⁾ Хотя я вообще считаю сказаніе Василія не всегда безукоризненнымъ въ отношеніи исторической достовѣрности, но нижеприводимыя подробности объ отношеніяхъ кіевского населенія къ современнымъ событіямъ весьма интересны: сами по себѣ онѣ не возбуждаютъ подозрѣній относительно своей достовѣрности, но если и не придавать значенія деталямъ, не признавать даже самыя эти подробности фактически достовѣрными, все же

Возможность вооруженнаго захвата Кіева и его области со стороны Василька или Мономаха была, конечно, очень непріятна кіевлянамъ, и на это могъ рассчитывать Святополкъ. Но бояре и люди отвѣчали все же очень неопредѣленно: „тобѣ, княже, головы своеѣ достонть блюсти; да аще есть мовилъ право Давыдъ, да приметъ Василько казнь; аще ли не право глаголаъ Давыдъ, да приметъ мечь отъ Бога и отвѣщаетъ предъ Богомъ.“ Вѣче такимъ образомъ находило, повидному, справедливою понмку Василька, но въ то же время ничѣмъ не обѣщало поддержки Святополку и не рѣшало участи Василька¹⁾. Очевидно, въ Святополку кіевляне особенныхъ симпатій не имѣли и не желали связывать его дѣла съ дѣломъ земля: такого принципа невмѣпательства земство держалось обыкновенно и только для особенно излюбленныхъ князей дѣлало исключенія.

Вѣче уклонилось отъ участія въ дѣлахъ Святополка; кіевское же духовенство прямо выступило въ защиту Василька: за отсутствіемъ митрополита игумены, узнавъ о происходящемъ, „начаша молиться о Васильцѣ къ Святополку“²⁾. Святополкъ началъ колебаться и сваливать все на Давыда, хотѣлъ даже отпустить Василька, но въ концѣ концовъ настоянія Давыда взяли верхъ; въ слѣдующую же

онѣ сохраняютъ значеніе, какъ выраженіе представленія современника о роли кіевского жрцства въ политической жизни, современника при томъ хорошо знакомаго съ современными отношеніями.

¹⁾ Плат. с. 168—9 (Лавр. 248—50). Въ переговорахъ Святополка съ народомъ Сергѣевичъ (Вѣче и клязъ с. 114) видитъ предложеніе со стороны Святополка народу суда надъ Василькомъ, но народъ, по его мнѣнію, предоставляетъ князю какъ наследованіе дѣла, такъ и проищеніе приговора; Полевой (II с. 348), авторъ наследованія „Смерть Ярославка Изяславича“ (Современникъ т. XVI отд. II. с. 21), Хлѣбниковъ (Общество и государство с. 375) въ отвѣтъ вѣча видѣли смертный приговоръ Васильку. Мнѣ кажется, рассказъ сказанія надо понимать такъ, что вѣче находило справедливою понмку Василька, но въ „казни“ его не присуждало и не предоставляло даже на полю князю (какъ думалъ Бостомаровъ Моногр. I. 196), а постановляло въ зависимость отъ виновности. Ср. Линичика Вѣче с. 26. У Татищева (II, с. 175) послѣ приведенныхъ словъ вѣче говоритъ: „а доселѣ совершенно неслѣдовано и правда смыска не будетъ, надлежитъ обонхъ (Василька и Давыда) удержати, и немедленно даъ знать прочимъ князьмъ, созвать ихъ для суда, чтобъ оное размотри, виновному наказаніе положили“; но татищевскія рѣчи вообще заслуживаютъ сами по себѣ особенно мало довѣрія.

²⁾ Плат. с. 170 (Лавр. с. 250); Никон. I. с. 130: а митрополиту тогда суму въ Сивасладѣ градѣ.

ночь Василька тайкомъ отвезли въ Звенигородъ и немедленно ослѣпили—можетъ быть, въ Кіевѣ опасались внимательства народа или духовенства; главную роль въ ослѣпленіи играли слуги Святополкова. Послѣ ослѣпленія Василько немедленно былъ отвезенъ во Владиміръ, подъ надзоръ Давыда ¹⁾).

Въ упомянутой выше спеціальной работѣ я старался доказать, что общепринятый разсказъ объ отношеніи князей къ этому событію, источникомъ котораго служитъ упомянутое сказаніе Василя, во многомъ не выдерживаетъ критики. Мы не знаемъ, насколько справедливо было сообщеніе о союзѣ Мономаха съ Василькомъ (такое сближеніе послѣ размолвки Святополка съ Мономахомъ могло произойти, но не имѣло, вѣроятно, агрессивнаго характера), во всякомъ случаѣ извѣстіе о сближеніи Святополка съ Давыдомъ, направленномъ между прочимъ и противъ Мономаха, должно было сильно встревожить послѣдняго. Съ цѣлью разстроить этотъ новый союзъ, Мономахъ сближается со Святославичами и около февраля 1098 г., спустя три мѣсяца послѣ ослѣпленія, вмѣстѣ съ ними предпринимаетъ походъ на Кіевъ. Давыдъ, какъ видно, не оказалъ помощи Святополку, и послѣдній, не имѣя къ тому же поддержки и отъ населенія, хотѣлъ было, по примѣру отца, бѣжать изъ Кіева.

Но если населеніе раньше не высказало никакого желанія поддержать Святополка, съ другой стороны ему непріятна была и возможность вооруженнаго занятія Кіева союзниками: это привело бы къ новой борьбѣ изъ-за Кіева, новымъ преслѣдованіямъ и смутамъ, памятнымъ еще со времени изгнанія Изяслава; помимо того у Святополка все же могли быть и какіе-нибудь сторонники; этими причинами и соображеніями можно объяснить образъ дѣйствій населенія, какъ онъ представленъ въ сказаніи ²⁾). Вѣче вступаетъ въ этотъ мо-

¹⁾ Повт. с. 170—171 (Лавр. 250—252).

²⁾ Соловьевъ II с. 119; Сергіевичъ—Вѣче и князь с. 118; Имнитенно—Вѣче въ Кіевск. обл. с. 28. Татищевъ (II. с. 179) вставляетъ кіевлянамъ въ уста слѣдующія слова: „поможе ти самъ вынестъ предъ братією, и естлии уйдешъ, большеи собѣ вредъ и земля Руской, пачеже намъ неповинимъ разореніе учинишъ: того ради оставъ високоуше твое и прося у братіи прощенія“. Очень сходны съ этими слова кіевлянъ въ Густин. л. (с. 288): „аще ти бѣжиши, то ми на злѣніе останешъ; но ми злѣни, яко Володимиръ многозлоствивъ есть, ти же токмо остави гордию и послѣси къ Володимеру прося его о иудѣ.“

жить въ свои верховныя права; оно удерживаетъ Святополка и отъ себя отправляетъ къ князьямъ—союзникамъ посольство изъ митрополита Николы и Анны, мачехи Мономаха, прося не губить Русской земли ¹⁾. Послы, явившись въ станъ союзниковъ, „молилася ему (Мономаху) и повѣдаста молбу Кьянъ, яко створити миръ, и блюсти землю Руской и брань имѣти с погаными“. Ходатайство было принято очень благосклонно. По всей вѣроятности, Мономахъ и не имѣлъ въ виду лишать Святополка Кіева, походъ его былъ лишь демонстраціей, и внимательство земства дало удобный предлогъ перейти къ переговорамъ.

Княгиня, вернувшись въ Кіевъ, „повѣда всю рѣчь Святополку и Кьяномъ, яко миръ будетъ“. Дѣла такимъ образомъ уладились, и вѣче прекратило свою дѣятельность. Святополкъ вошелъ въ обычную роль и началъ дипломатическія пересылки съ союзниками, результатомъ которыхъ было обязательство, возложенное на Святополка—схватить или прогнать со стола Давыда за его преступленіе. Святополкъ обѣщалъ исполнить это порученіе и цѣловалъ въ томъ крестъ; на этомъ и былъ заключенъ миръ ²⁾. Въ сущности, поручая Святополку выгнать Давыда, князья тѣмъ самымъ предоставляли Святополку Волянъ (его отчину), такъ что позже, когда онъ не согладалъ съ Давыдомъ, послѣдній былъ „выведенъ“ рѣшеніемъ княжескаго съѣзда, и Волянъ все таки передана Святополку.

Отъ не послушавъ ихъ, посла къ Володимеру митрополита и жену Всеволоду“. Обѣ рѣчи своими оригиналомъ имѣютъ, кажется, рѣчь черниговцевъ Всеволоду Ольговичу 1138 г. (Ипат. с. 216). Весь этотъ эпизодъ, заходясь въ который, какъ я замѣтилъ выше, нѣтъ основаній, довольно трудно примирить, не смотря на предложенныя учеными объясненія, съ предположеніемъ о большой популярности Мономаха у киянъ въ это время; трудно допустить, чтобы они при столь выгодномъ стеченіи обстоятельствъ отказались отъ перспективъ приобрести калобеннаго князя въ лицѣ Мономаха, если бы послѣдній былъ такъликъ, и стали удерживать Святополка.

¹⁾ Инок. (I. с. 132) представляетъ инициаторомъ посольства митрополита (котораго ошибочно—за него, вѣроятно, и Татищевъ—называетъ Никифоромъ): „рече митрополитъ Никифоръ ко Сватополку: покайся яже злѣ сотворилъ еси, и молися въ мирѣ бити съ братією твоею, и аще Богъ хоцеть, да иду азъ къ братія твоея о мирѣ и о любви, и Анна княгиня Всеволода да потружается со мною; и ради быша вси“. Этотъ вариантъ еще Татищевъ подозрѣвалъ въ тенденціозности (II пр. 326—с. 446).

²⁾ Ипат. с. 171—178 (Лавр. с. 252—255).

ночь Василько тайкомъ отвезли въ Звенигородъ и немедленно ослѣпили—можетъ быть, въ Кіевѣ опасались вышательства народа или духовенства; главную роль въ ослѣпленіи играли слуги Святополковы. Послѣ ослѣпленія Василько немедленно былъ отвезенъ во Владиміръ, подъ надзоръ Давыда ¹⁾).

Въ упомянутой выше спеціальной работѣ я старался доказать, что общепринятый разсказъ объ отношеніи князей къ этому событію, источникомъ котораго служить упомянутое сказаніе Василя, во многомъ не выдерживаетъ критики. Мы не знаемъ, насколько справедливо было сообщеніе о союзѣ Мономаха съ Василькомъ (такое сближеніе послѣ размолвки Святополка съ Мономахомъ могло произойти, но не имѣло, вѣроятно, агрессивнаго характера), во всякомъ случаѣ извѣстіе о сближеніи Святополка съ Давыдомъ, направленномъ между прочимъ и противъ Мономаха, должно было сильно встревожить послѣдняго. Съ цѣлью разстроить этотъ новый союзъ, Мономахъ сближается со Святославичами и около февраля 1098 г., спустя три мѣсяца послѣ ослѣпленія, вмѣстѣ съ ними предпринимаетъ походъ на Кіевъ. Давыдъ, какъ видно, не оказалъ помощи Святополку, и послѣдній, не имѣя къ тому же поддержки и отъ населенія, хотѣлъ было, по примѣру отца, бѣжать изъ Кіева.

Но если населеніе раньше не высказало никакого желанія поддержать Святополка, съ другой стороны ему непріятна была и возможность вооруженнаго занятія Кіева союзниками: это привело бы къ новой борьбѣ изъ-за Кіева, новымъ преслѣдованіямъ и смутамъ, памятнымъ еще со времени изгнанія Изяслава; помимо того у Святополка все же могли быть и какіе-нибудь сторонники; этими причинами и соображеніями можно объяснить образъ дѣйствій населенія, какъ онъ представленъ въ сказаніи ²⁾). Вѣче вступаетъ въ этотъ мо-

¹⁾ Плат. с. 170—171 (Лавр. 250—252).

²⁾ Соловьевъ II с. 119; Соргъевичъ—Вѣче и князь с. 118; Длинченко—Вѣче въ Кіевск. обл. с. 26. Татищевъ (II. с. 179) вкладаетъ киевлянамъ въ уста слѣдующія слова: „поже ты самъ виненъ предъ братією, и естли уйдешь, большея собѣ вреда и земли Руской, вачеже намъ неповиннымъ разореніе учиниш; того ради остави вислоушіе твое и проси у братіи прощенія“. Очень сходны съ этимъ слова киевлянъ въ Густин. л. (с. 283): „аще ты бѣжиши, то ми на плѣненіе оставиши; но ми вѣши, яко Володимиръ многимилюстивъ естъ, ты же токмо остави гордию и послѣси къ Володимеру проси его о мирѣ.

нентъ въ свои верховныя права; оно удерживаетъ Святополка и отъ себя отправляетъ къ князьямъ—союзникамъ посольство изъ митрополита Николы и Анны, мачехи Мономаха, прося не губить Русской земли¹⁾. Послы, явившись въ станъ союзниковъ, „молилася ему (Мономаху) и повѣдаста молбу Князя, яко створити миръ, и блюсти землю Руской и браня имѣти с погаными“. Ходатайство было принято очень благосклонно. По всей вѣроятности, Мономахъ и не имѣлъ въ виду лишать Святополка Кіева, походъ его былъ лишь демонстраціей, и внимательство земства дало удобный предлогъ перейти къ переговорамъ.

Княгиня, вернувшись въ Кіевъ, „повѣда всю рѣчь Святополку и Князюмъ, яко миръ будетъ“. Дѣла такимъ образомъ уладились, и вѣче прекратило свою дѣятельность. Святополкъ вошелъ въ обычную роль и началъ дипломатическія пересылки съ союзниками, результатомъ которыхъ было обязательство, возложенное на Святополка—схватить или прогнать со стола Давыда за его преступленіе. Святополкъ обѣщалъ исполнить это порученіе и цѣловалъ въ томъ крестъ; на этомъ и былъ заключенъ миръ²⁾. Въ сущности, поручая Святополку выгнать Давыда, князья тѣмъ самымъ предоставляли Святополку Волинь (его отчину), такъ что позже, когда онъ не совладалъ съ Давыдомъ, послѣдній былъ „выведенъ“ рѣшеніемъ княжесскаго съѣзда, и Волинь все таки передана Святополку.

Отъ же послужахъ ихъ, посла къ Володимеру митрополита и жену Всеволожу“. Обѣ рѣчи своимъ оригиналомъ имѣютъ, кажется, рѣчь черниговцевъ Всеволоду Ольговичу 1188 г. (Ипат. с. 216). Весь этотъ эпизодъ, заподозрѣвать который, какъ я замѣтилъ выше, нѣтъ основаній, довольно трудно примирить, не смотря на предложенныя учеными объясненія, съ предположеніемъ о большой популярности Мономаха у киевлянъ въ это время; трудно допустить, чтобы они при столь выгодномъ стеченіи обстоятельствъ отказались отъ первостепеннаго прибрѣсть излюбленнаго князя въ лицѣ Мономаха, если бы послѣдній былъ такъ, и стали удерживать Святополка.

¹⁾ Никол. (I. с. 132) представляетъ инициаторомъ посольства митрополита (котораго ошибочно—за немъ, вѣроятно, и Татищевъ—называетъ Никифоромъ): „рече митрополитъ Никифоръ во Сятополку: покайся же азъ сотворилъ еси, и молися въ мирѣ бити съ братією твоєю, и аще Богъ захочеть, да иду азъ къ братію твоєю о мирѣ и о любви, и Анна княгиня Всеволожа да потружается со мною; и ради быша вси“. Этотъ вариантъ еще Татищевъ заподозрѣвалъ въ тенденціозности (II вр. 326—с. 448).

²⁾ Ипат. с. 171—178 (Лавр. с. 252—255).

готовились къ походу въ степь. Они назначили половцамъ мѣстомъ для переговоровъ о мирѣ Саковъ; адѣсь былъ заключенъ миръ и обезпеченъ взаимно заложниками ¹⁾).

Но саковскій миръ не надолго отсрочилъ походъ. Спустя два года Святополкъ и Мономахъ снова сѣзжаются у Долобскаго озера, чтобы обсудить вопросъ о походѣ на половцевъ; походъ въ принципѣ былъ рѣшенъ, какъ видно, заранее, не сходились только относительно времени его: дружина Святополка находила неудобнымъ идти немедленно, весной, отрывая смердовъ отъ полевыхъ работъ, Мономахъ стоялъ за немедленный походъ. Лѣтопись не говоритъ, чѣмъ было мотивировано это намѣреніе князей, подали ли къ тому поводъ половцы какимъ-нибудь набѣгомъ, что вѣроятно, или сами князья заблагоразсудили нарушить невѣрный миръ ²⁾). Мономахъ настоялъ на немедленномъ отправленіи; по приглашенію его и Святополка, въ походѣ приняли участіе Давыдъ Святославичъ и Давыдъ Игоревичъ, а Олегъ Святославичъ уклонился. Походъ былъ, какъ извѣстно, очень удаченъ; на подробностяхъ его я не буду останавливаться, такъ какъ онѣ слишкомъ извѣстны. Князья прошли далеко на югъ и нанесли сильное пораженіе половцамъ гдѣ-то въ бассейнѣ Самары; было захвачено много скота и челяди, но гораздо болѣе важнымъ приобрѣтеніемъ для Руси были торки и печенѣги, которые были выведены изъ степей со всѣмъ хозяйствомъ и поселены по южнорусскимъ границамъ, въ томъ числѣ и на Поросьи. Въ связи съ этимъ стоитъ, очевидно, и возобновленіе Святополкомъ Юрьева на Руси, сожженного десять лѣтъ тому назадъ ³⁾). Поросская военная граница, разрушенная передъ тѣмъ половцами, такимъ образомъ начала снова восстанавливаться,

¹⁾ Ипат. с. 181 (Лавр. с. 265).

²⁾ П. В. Голубовскій (Ист. Сѣв. а. с. 98 и 102) предполагаетъ, что саковскій миръ былъ нарушенъ князьями безъ всякаго повода со стороны половцевъ, и ссылается на то, что лѣтопись, „никогда не пропускающая ни одного нападешя Половцевъ“, не упоминаетъ о нихъ въ промежутокъ 1001—1008 годовъ. Но молчаніе лѣтописи значить не много; это лучше всего показываетъ Поученіе Мономаха, упоминающее о рядѣ такихъ нападешя половцевъ, о которыхъ молчитъ лѣтопись. Вальевъ (Разсказы I с. 144) и Костомаровъ (Русская исторія въ жизнеописаніяхъ I с. 58) полагаютъ, что половцы сами нарушили саковскій миръ.

³⁾ Ипат. с. 182—185 (Лавр. с. 267—9), 1 Повтор. с. 8; ср. выше с. 81.

благодаря позволенію тюркскихъ насельниковъ и подѣ влияніемъ надеждъ, вызванныхъ побѣдою надъ половцами.

Но силы половцевъ не были еще сокрушены походомъ 1103-го г.; оправившись отъ пораженія, они предприняли въ отместку рядъ нападений на русскія области. Въ 1005 г. знаменитый Бонякъ напалъ зимою на Поросье и разорилъ поселенія торковъ и берендѣевъ у Заруба; изъ Поучевія Мономаха мы узнаемъ, что въ эти годы былъ еще и другой набѣгъ Боняка, не упомянутый въ лѣтописи ¹⁾. Въ 1006 г. половцы вторглись въ Погорынье и разорили окрестности Зарѣцка; Святополкъ послалъ на нихъ войско—вѣроятно земское ополченіе, подѣ предводительствомъ двухъ Вышатичей—Яна и Путиты. Ивана Захарыча и Казарина. Они погнались за половцами и настигли ихъ уже около Дуная, постѣкли самихъ и отобрали полонъ. Въ слѣдующемъ году тотъ же Бонякъ съ Шаруканемъ дважды напалъ на Переяславское княженіе; во второй набѣгъ половцы понесли сильное пораженіе отъ соединенныхъ силъ русскихъ князей; Олегъ также принялъ участіе въ этомъ походѣ. Святополкъ, вернувшись въ Кіевъ, пришелъ съ вѣстью объ этой побѣдѣ въ Печерскій монастырь, и братія привѣтствовала его съ великою радостью ²⁾.

Мономахъ и Святославичи послѣ этого имѣли свиданіе съ половецкими ханами, заключили съ ними миръ и брачныя союзы; но это не остановило военныхъ дѣйствій—половцы продолжали набѣги ³⁾, и два года спустя Мономахъ отправилъ на нихъ своего воеводу, который разгромилъ половецкія кочевья около Донца (въ лѣтописи—Дона). Затѣмъ снова упоминается совмѣстный походъ Святополка, Мономаха и Давыда; князья воротились однако съ дороги, а половцы опустошили за то окрестности Переяслава ⁴⁾. Новый походъ, въ большихъ размѣрахъ, былъ предпринятъ на слѣдующій (1111-й) годъ, „ду-

¹⁾ Лавр. с. 241: „И наки с Святополкомъ гоникомъ по Боняцѣ но ли оли убина, и не постигохомъ ихъ; и потомъ по Боняцѣ же гоникомъ за Рось, и не постигохомъ его“; эти войны происходили въ промежутокъ 1100—1107 г.

²⁾ Ипат. с. 186—7 (Лавр. 270—2).

³⁾ См. Поученіе Мономаха, Лавр. с. 241.

⁴⁾ Ипат. л. с. 187, 188; Лавр. с. 241, 272, 278. О Донцѣ смотри Геогр. Нач. лѣтон. Барсова прил. 269. По Татищеву (II. с. 306) князья вернулись изъ послѣдняго похода изслѣдствіе стужи и конскаго надела.

(1128—1135 г.) являются они по призыву Ольговичей противъ Мономаховичей; при этомъ только однажды кн. Мстиславу пришлось выдержать болѣе серьезную борьбу съ ними, но и та кончилась побѣдою Руси (около 1130 г.). Два раза Русь предпринимаетъ походы на Донъ и за Донъ (Донецъ), и половецкихъ кочевій здѣсь вовсе не оказалось. На Русь приходятъ для поселенія во множествѣ различные степные обитатели—торки, печенѣги, бѣловѣжцы (въ 1116, 1117 и 1121 г.)¹⁾. Положеніе дѣлъ, несомнѣнно, совершенно инос, тѣмъ было во вторую половину XI-го в.: половецкія кочевья далеко отодвинулись отъ границъ Руси; нападенія степняковъ рѣдки и слабы; ничего подобнаго половецкимъ вторженіямъ 1068 и 1093 г. мы не слышимъ. Очевидно, упорная борьба 1103—1111 годовъ не прошла даромъ, Русь одержала полную побѣду надъ степью, и только вражда князей снова дала возможность половцамъ принимать участіе въ русскихъ дѣлахъ въ качествѣ союзниковъ и грабить русскія земли.

Вѣ отношеній къ половцамъ мы за эти годы почти не имѣемъ фактовъ, принадлежащихъ къ исторіи Кіевщины. Вскорѣ послѣ перваго похода въ степь южнорусскіе князья приняли участіе въ усобицахъ половецкихъ Всеславичей и ходили на Глѣба Минскаго, поддерживая его противника—Давида Всеславича; Святополкъ также посылалъ Путату съ войскомъ на Минскъ, но походъ этотъ не имѣлъ особенныхъ результатовъ²⁾. Есть еще иностранное извѣстіе о войнѣ Болеслава Кривоустаго съ королемъ русскимъ; въ послѣднемъ нѣкоторые видѣли Святополка, но это предположеніе не выдерживаетъ критики: Святополкъ находился въ дружественныхъ отношеніяхъ какъ съ Владиславомъ Германомъ, такъ и съ преемникомъ его—Болеславомъ; вѣнскимъ выраженіемъ этихъ отношеній былъ бракъ послѣдняго на дочери Святополка—Сбыславѣ. Эта дружба была перенесена потомъ и на сына Святополка—Ярослава, котораго поляки поддерживали въ

¹⁾ Ипат. л. подъ годами 1118, 1116, 1117, 1120, 1121, 1126, 1128, 1135, 1140. Скептический взглядъ на наступательную борьбу южнорусскихъ князей съ половцами былъ высказанъ П. В. Голубовскимъ—Ист. Сѣв. з. с. 92—94, Печенѣги с. 100. Позволю себѣ не согласиться съ мнѣніемъ уважаемаго ученаго. Эта политика князей была не внаслучай изъ возможныхъ, но и она имѣла хорошіе результаты.

²⁾ Ипат. с. 185 (Лавр. с. 270).

столкновениі его съ Мономахомъ ¹⁾. Съ другой стороны, бракъ Ярослава Святополчича на дочери Мстислава, сына Мономаха, заключенный незадолго до смерти Святополка, свидѣтельствуеъ о существованіи въ это время дружественныхъ отношеній между линиями Изяслава и Всеволода ²⁾.

Во вторую половину своего правленія Святополкъ, очевидно, сближается съ представителями духовенства, съ которымъ не ладилъ сначала. Посланіе Поликарпа, сообщающее о различныхъ насиліяхъ его: какъ онъ заграбилъ соль у св. Прохора для своей спекуляціи, какъ заточилъ въ Туровъ печерскаго игумена Іоанна, обличавшаго его „несмысленна ради богатства и насилія ради“, такъ что этотъ игуменъ былъ освобожденъ лишь по настоянію Мономаха, какъ сынъ Святополка—Мстиславъ замучилъ на смерть св. инокѡвъ печерскихъ Василія и Θεодора, выпытывая, гдѣ они спрятали варяжскій кладъ, какъ Кіевщина подвергалась различнымъ бѣдствіямъ за вѣчествіе своего властелина—это посланіе говоритъ затѣмъ, что Святополкъ во вторую половину своего правленія исправился и оказывалъ большое вниманіе къ Печерскому монастырю, передъ походомъ или охотою заходилъ сюда за благословеніемъ и поклонился гробамъ святыхъ, „и тако добре строяшеса Богомъ надбимое княженіе его“ ³⁾. Дѣйствительно, и лѣтопись сообщаетъ факты, свидѣтельствующіе о перемиріи въ отношеніяхъ Святополка къ церкви. Такъ при немъ была совершена канонизація св. Θεодосія: игуменъ Θεоктистъ „понужалъ“ объ этомъ Святополка и тотъ „повелѣ и вписати в сѣпаникъ (сѣподикъ), еже створи митрополитъ“; печерскій игуменъ такимъ образомъ является стоящимъ ближе къ Святополку, чѣмъ къ митрополиту, и дѣйствуетъ при посредствѣ князя. Въ тотъ же годъ Святополкъ заложилъ церковь св. Михаила, своего ангела, „о пятнадцати версбахъ, и позлати ихъ златомъ и украси дивно“, какъ описываетъ позднѣйшій сводъ; это знаменитая „Златоверхая“ церковь. Этою перемиріею объясняется и имя „благовѣрнаго“, которое придаетъ лѣтописецъ

¹⁾ Ипат. с. 182 (Лавр. с. 266). Длиннченко—Визанн. отнош. Руси и Польши с. 135—136.

²⁾ Ипат. с. 197, 1 Новг. с. 4.

³⁾ Патерикъ с. 157.

Святополку, говоря о его смерти¹⁾. Но съ населеніемъ Святополка до конца находился въ недружелюбныхъ отношеніяхъ, это выразилось лучше всего по смерти его.

Въ мартѣ 1113-го г. произошло солнечное затменіе; конечно, оно было не на добро и именно обозначало смерть Святополка: послѣдній послѣ празднива Пасхи разболѣлся и умеръ гдѣ-то за Вышгородомъ, 16 апрѣля; его привезли въ лодѣ въ Кіевъ и похоронили въ созданной имъ церкви св. Михаила. Вяггиня Святополчая родила по немъ небывало-богатую милостыню, „яко дивитися всѣмъ чловѣкомъ“. Князя оплакивали, по словамъ лѣтописца, болре и дружина его; населеніе, очевидно, ничѣмъ не выразило сожалѣнія о немъ²⁾.

На другой день по кончинѣ Святополка (17 апрѣля) собралось вѣче, на которомъ кіеве рѣшили посадить у себя Мономаха и послали къ нему пословъ съ приглашеніемъ явиться „на столъ отенъ и дѣдень“. Мономахъ отказался: „не поиде, жаляся по братѣ“. Между тѣмъ въ Кіевѣ начались беспорядки, населеніе начало расправу

¹⁾ Патерикъ Печерскій с. 152—157, 171—173; Ипат. с. 187, 198; Никои. Г с. 141.

²⁾ Не то у Татищева (II. с. 211): „а народъ весь встрѣтилъ его за градомъ, провожали съ великимъ плачемъ и жалостію, тако утесился ко гробу, что весьма неудобно было провести“. Свое мнѣніе о характерѣ и политической роли Святополка я высказалъ выше. Татищевскую характеристику см. въ т. II, с. 211; эту характеристику отвергается у Татищева цѣлый рядъ подобныхъ же характеристикъ, очень интересныхъ, если бы можно было доказать ихъ подлинность. Карамзинъ безусловно отвергалъ ихъ, Соловьевъ придавалъ имъ нѣкоторое значеніе (см. напр. II с. 78), Хлѣбниковъ (Общество и госуд. с. 379) и Пловайскій (Ист. Р. I ч. 2, с. 522) считаютъ ихъ подлинными; Хлѣбниковъ думалъ, что онѣ были исключены изъ лѣтописей цензурою XV или XVI в., но дошли до Татищева въ канонъ-нибудь спискѣ. Мнѣ подлинность этихъ характеристикъ кажется очень подозрительною; подчасъ князья обрисовываются въ нихъ въ духѣ скорѣе XVIII, чѣмъ XII вѣка: таково напр. извѣстіе, что при Мстиславѣ Владиміровичѣ „подати хотя были великія, но всѣмъ уравнительны, и для того всѣ приносили безъ тягости“ (II с. 243), что Михаилъ Юрьевичъ „о вѣрѣ никогда пренія имѣть не хотѣлъ, и не любилъ, наставляя, что всѣ прѣнія отъ гордости или невѣжества духовныхъ проходили, а законъ Божій всѣмъ единъ есть“ (III с. 220), таковы наконецъ многочисленныя заключающіяся въ этихъ характеристикахъ извѣстія объ образованности князей и покровительствѣ просвѣщенію, на тенденціозность которыхъ справедливо указалъ проф. Голубинскій (Ист. Рус.

съ приспѣшниками нелюбимаго князя, разграбили дома Путаты, тысящаго кіевскаго, и сотскихъ, разграбили жидовъ¹⁾, которымъ, какъ думаютъ, покровительствовалъ изъ корыстолюбія Святополкъ²⁾. Къ Мономаху отправилось новое посольство, прося его въ Кіевъ, потому что иначе расхолодившееся населеніе приметъ за дворы княгини Святополчей, бояръ и монастыри, и Мономаху придется за монастыри дать отвѣтъ предъ Богомъ. Тогда Мономахъ рѣшился принять предложеніе. 20 апрѣля явился онъ въ Кіевъ, митрополитъ Никифоръ съ епископами и со множествомъ населенія („со всеми Кияне“) встрѣтилъ его, и Мономахъ „сѣде на столѣ отца своего и дѣдъ своихъ, и вси людє ради быша и мязежъ влезе“³⁾.

Таковъ разсказъ Кіевской лѣтописи объ этомъ замѣчательномъ моментѣ въ исторіи Кіевщины. Прежде всего спрашивается, кто по возрѣніямъ князей долженъ былъ занять кіевскій столъ? Сторонники теоріи родовыхъ отношеній считаютъ законнымъ преемникомъ Давыда Святославича, какъ старшаго въ родѣ; если же принять постановленіе Любецкаго съѣзда объ отчинности въ собственномъ значеніи слова—въ смыслѣ преемства въ нисходящей линіи, то законнымъ преемникомъ будетъ старшій сынъ Святополка—Ярославъ; это послѣднее предположеніе я нахожу, какъ упоминалъ уже выше, болѣе справедливымъ: оно подтверждается послѣдующими отношеніями Мономаха къ Ярославу, съ одной стороны, и Святославичамъ—съ другой.

Святополкъ лишилъ свой родъ любви кіевлянъ. О самомъ Ярославлѣ мы почти не имѣемъ извѣстій, которыя бы характеризовали

вер. I, вол. I, с. 710 сл.); см. еще Вестужева-Рюмина О составѣ Рус. лѣт. с. 86. Конечно, кѣмъ-то черти въ ихъ, можетъ быть, отвлечени отъ дѣйствительныхъ фактовъ, намъ неизвѣстныхъ, но выдѣлить ихъ очень трудно.

¹⁾ Татищевскій сводъ прибавляетъ (II с. 212), что во время погрома жиды „собралися въ ихъ синагогѣ огородясь оборонялись, елико могли, прося времени до прихода Владимірова“.

²⁾ Карамзинъ II с. 87; Соловьевъ II с. 74; Иловайскій I с. 141 и другіе. Прямое свидѣтельство о покровительствѣ еврейскъ—у Татищева, въ упомянутой характеристикѣ, но это, кажется, домыселъ, хотя и вѣроятный. Подробно о евреяхъ см. въ специальномъ изслѣдованіи проф. Малашевскаго—Евреи въ Южной Руси и Кіевѣ въ X—XII в., с. 101 сл. Доводи почтеннаго ученаго, что и Изяславъ Ярославичъ покровительствовалъ евреямъ (с. 77 сл.), кажутся мнѣ не достаточно вѣскими.

³⁾ Плат. с. 197—198; Лавр. с. 275—6 и 1 Новг.—кратко.

его, какъ человѣка. Знаемъ, что онъ гѣроломно схватилъ своего двоюроднаго брата, тоже Ярослава, бѣжавшаго изъ Кіева, отъ Святополка; знаемъ еще, что онъ дурно обращался со своей женой. Конечно, кіевляне могли знать и объ Ярославѣ что-нибудь такое, что отвращало ихъ отъ него, тѣмъ болѣе, что и сидѣлъ онъ по сосѣдству — на Волынѣ; характерно, что и во Владимірѣ Ярославъ не пользовался особенною популярностью, по крайней мѣрѣ среди бояръ: они отступились отъ него при столкновеніи съ Мономахомъ и перешли на сторону послѣдняго. Наконецъ духовенство кіевское, проводившее въ жизнь принципъ законнаго брака, могло не сочувствовать Ярославу, какъ незаконному сыну Святополка ¹⁾).

Въ моментъ смерти Святополка Ярослава не было въ Кіевѣ; это обстоятельство имѣло вообще важное значеніе при наслѣдованіи столовъ: населеніе въ такихъ случаяхъ могло свободно воспользоваться своимъ правомъ избранія. Выборъ, какъ и слѣдовало ожидать, палъ на Мономаха, которому борьба съ половцами за послѣднее десятилѣтіе доставила необычайную популярность. Но Мономахъ — примемъ ли мы въ данномъ случаѣ преемство въ родѣ или въ нисходящей линіи, не имѣлъ права на столъ; ему, славившемуся своею легальностью, недостаточно было народнаго избранія ²⁾). Въ приглашеніи кіевляны обращаютъ на себя вниманіе слова „повди, княже, на столъ отенъ и дѣденъ“: народное избраніе само по себѣ не имѣло нужды искать себѣ оправданія въ княжескихъ родословныхъ, кіевляне давали въ этихъ словахъ Мономаху основаніе для принятія кіевского стола — отчинное право на него.

Мономахъ не удовольствовался этимъ. Татищевскій сводъ говорить, что онъ опасался Святославичей и снесся съ ними, желая „до-

¹⁾ Никон. I с. 137; Татищевъ II с. 191.

²⁾ Свообразно объясняя уклончивость Мономаха Костомаровъ (Монографія т. I с. 200): онъ думалъ, что Мономахъ не хотѣлъ принимать на себя почетливой роли — быть судьей нелюбимыхъ народомъ сторонниковъ Святополка и подождать, пока народъ самъ расправится съ ними. Но едва ли этотъ погромъ имѣлъ такой юридическій характеръ (потокъ и разграбленіе). Погодинъ замѣчаетъ: „изъ лѣтописи не видно, чтобъ Владиміръ отказывался: онъ только не шелъ немедленно; слѣдовательно, кажется, нѣтъ нужды и объяснять его отказъ“ (Исслѣд. IV с. 372, ср. Др. Рус. Ист. I с. 122). Но если бы Мономахъ и не отбѣчалъ принять отказомъ (который впрочемъ сообразнѣе съ обстоятельствами), а тянулъ время, уклонялся, то и это было, конечно, не просто.

говоръ безсorrowн^а учинить; въ Киевѣ будто бы нѣкоторые тоже стояли за Святославичей, между ними тысящій Путята: за это народъ и разграбилъ его домъ ¹⁾. Это, кажется, догадка Татищева, притомъ не особенно вѣроятная; движеніе въ Киевѣ имѣло характеръ социально-экономическій: грабятъ жидовъ—ростовщиковъ и единоплеменныхъ рѣзничевъ, грабятъ княжескихъ чиновниковъ и аристократовъ—капиталистовъ. Это была вспышка людей худыхъ и бѣдныхъ, воспользовавшихся отсутствіемъ центральной власти, чтобы проявить всегдашнее нерасположеніе къ сильнымъ и богатымъ. Вызванное ихъ буйствами новое посольство къ Мономаху, надо полагать, исходило преимущественно отъ высшихъ сословій, боярства и духовенства, это даетъ понять самая рѣчь ихъ: они говорятъ о беспорядкахъ, какъ о дѣлѣ чужомъ ²⁾. Мономахъ счелъ эти беспорядки достаточнымъ основаніемъ для принятія предложенія и явился въ Киевъ. Выѣстъ съ Киевскою властью перешелъ въ его власть и Туровъ. Въ Переяславѣ вмѣсто себя Мономахъ посадилъ сына Святослава, а по смерти его—Ярополка; старшій Мономаховичъ—Мстиславъ остался до времени въ Новгородѣ ³⁾.

Народное рѣшшеніе, такъ настойчиво высказанное, и могущество Мономаха заставили воздержаться отъ вмѣшательства князей, которые имѣли какіе-нибудь виды на Киевъ; по крайней мѣрѣ лѣтопись ничего не говоритъ ни прямо, ни косвенно о какомъ-либо протестѣ ⁴⁾.

¹⁾ Татищевъ II. с. 212 (ср. Соловьева II с. 74).

²⁾ См. Вѣче въ Киевск. обл. г. Димиченна с. 29. Позволи себѣ привести слова покойнаго Хлѣбникова (Общество и госуд. с. 266): «киевляне, какъ разгулявшіеся дѣти, зовутъ Владимира, громя уличныя въ Киевѣ такіе грабежи, отъ которыхъ онъ ужаленъ. Народъ здѣсь дѣйствуетъ не какъ сознательная, организованная сила, но какъ сила разрушительная, ищущая въ себя элементъ примиренія» (ср. с. 208). Едва ли это такъ. Земство производитъ выборы князя, повидимому, спокойно, но затѣмъ, пользуясь отсутствіемъ обычной власти, извѣстная часть населенія производитъ беспорядки противъ любимыхъ людей—конечно, вовсе не съ цѣлью ускорить приходъ Мономаха; другая часть, не принимающая участія въ беспорядкахъ и испуганная ими, торопитъ Мономаха явиться и прекратить ихъ; явленіе вполне естественное для всякой страны и народа.

³⁾ Ипат. л. с. 206—7; Соловьевъ предполагалъ, что до своего назначенія въ Переяславъ Ярополкъ находился при отцѣ (Ист. отнош. княз. Рюрик. дома с. 191)—это вѣроятно. Что Туровъ перешелъ къ Мономаху, видно изъ эпизода о Глѣбѣ Минскомъ—Ипат. с. 208.

⁴⁾ Въ Татищевскомъ сводѣ (II с. 213—214) разсказывается правда, что Олегъ пошелъ съ войскомъ добывать Киевъ, «почитая себя старѣйшимъ Владимира», но былъ раз-

Но Мономахъ тѣмъ не менѣе счелъ нужнымъ оградить себя—именно со стороны Ярослава Святополчича: такой, вѣроятно, смыслъ имѣетъ женитба его сына Романа на дочери Володаря Ростиславича, состоявшаяся немного спустя ¹⁾; дѣйствительно, позже галицкіе Ростиславичи являются союзниками Мономаха въ войнѣ его съ Ярославомъ. Спустя нѣсколько лѣтъ Мономахъ породился и съ другимъ со-сѣдомъ Ярослава—Всеволодкою, кн. горюденскимъ ²⁾. Съ обими Святославичами Мономахъ является въ дружественныхъ отноше-нияхъ. Вѣстѣ они отразили нападеніе половцевъ, которые, узнавъ о смерти Святополка, подошли къ Посемью; половцы бѣжали уже при вѣсти о походѣ русскихъ. Ольговъ мужъ участвовалъ въ со-вѣтѣ вельможъ Мономаха при составленіи законовъ о процентахъ. Два года спустя послѣ вокняженія въ Киевѣ, Мономахъ вѣстѣ со Святославичами совершилъ перенесеніе (по счету третье) мощей св. Бориса и Глѣба въ новую каменную церковь, при чемъ сначала у Олега было „учрежденіе“ великое а затѣмъ, вѣроятно, и у прочихъ братьевъ; любопытно, что Ярославъ Изяславичъ въ этомъ торжествѣ участія не принялъ. Скоро послѣ этого Олегъ скончался; чернигов-скій столъ по прежнему занималъ Давыдъ († 1123), человекъ кроткаго характера, поддавшій сильному вліянію Мономаха ³⁾.

Первое столкновеніе произошло у Мономаха съ кн. минскимъ Глѣбомъ, который началъ разорять Туровскую волость Мономаха; была ли то традиціонная вражда „Рогволожихъ внуковъ противу Ярославимъ внукомъ“, или Глѣбъ имѣлъ спеціальныя поводы къ не-удовольствію, лѣтописи не говорятъ. Мономахъ отправился на него очень грозно: съ сыновьями, съ Давыдомъ Святославичемъ и дѣтьми Олега. Глѣбъ принужденъ былъ смириться и „поклонился“ Мономаху, а тотъ, чтобы не проливать крови „въ дни постыяныя великаго поста“,

бить Мстиславомъ на р. Колокиѣ и ушелъ въ Муромъ. Но уже Карамзинъ (II кн. 214) замѣтилъ, что это повтореніе извѣстія о войнѣ 1096—7 годовъ. Татищевъ, конечно, не издумалъ этого извѣстія, но можетъ быть, на основаніи его онъ высказалъ и тѣ догадки относительно роли Святославичей при избраніи Мономаха, которая я привелъ уже?

¹⁾ Ипат. с. 199 (1 сентября 1113 г.)

²⁾ Ипат. с. 204 (ноябрь 1116 г.). Этого Всеволодка обыкновенно считают сыномъ Давида Игоревича.

³⁾ Ипат. с. 198, 201—203; Лавр. с. 241, 276; 1 Новг. с. 4. Русская правда по ис. Карамзинск. ст. 63.

оставил за ним удѣлъ, „наказавъ его о всемъ“. Однако спустя нѣсколько времени Гдѣбъ снова поднялся, воспользовавшись, можетъ быть, распреемъ Мономаха съ Ярославомъ; на этотъ разъ Мономахъ уже лишилъ его удѣла и отвелъ въ Кіевъ, гдѣ тотъ и умеръ ¹⁾.

Родство Мономаха съ домою греческаго императора Романа Диогена вовлекло его въ войну съ Византією: его родственникъ Леонъ Диогеновичъ, вѣроятно съ помощью Мономаха, попытался отвоевать себѣ Болгарію у Алексѣя Комнина. Попытка эта не удалась, Леонъ былъ убитъ; Мономахъ попробовалъ удержать за собою приобретенные имъ города по Дунаю: посадилъ тамъ посадниковъ, отрядилъ сына Вячеслава съ войскомъ, но отстоять ихъ не удалось. Съ этимъ фактомъ связывается извѣстное сказаніе о присылкѣ императоромъ регалій Мономаху и вѣнчаніи его на царство; сказаніе это, несомнѣнно, легендарно, но приуроченіе его къ личности Мономаха любопытно въ томъ отношеніи, что показываетъ, въ какомъ ореолѣ являлся восточнѣйшему потомству Мономахъ и его власть ²⁾. Послѣ Леона остался сынъ, который жилъ въ Кіевѣ и былъ убитъ во время борьбы Мономаховичей и Ольговичей ³⁾.

¹⁾ Ипат. с. 208 и 206; Лавр. с. 241, 276. Татищевъ (II с. 222) объясняетъ историчный походъ Мономаха тѣмъ, что Гдѣбъ сталъ воевать волости Новгородскую и Смоленскую. Объ отношеніи Мономаха и Мстислава къ полоцкимъ князьямъ см. еще у г. Довнар-Запольскаго оп. с. 96—97.

²⁾ Ипат. с. 204; Лавр. с. 276; Ник. I с. 194; Воскр. I с. 28; Густ. с. 290; Симонисъ (изд. 1823 г.) с. 70; Татищевъ II с. 221; Карамзинъ II пр. 220 и 221. Лѣтопись называетъ Леона зятемъ Мономаха; проф. Васильевскій (Русско-византійскіе отрывки Ж. М. Н. П. 1876. XII с. 300), основываясь на письмахъ Михаила Дуки, полагаетъ, что Леонъ былъ женатъ на сестрѣ Мономаха. Сказаніе о присылкѣ регалій въ современномъ своемъ видѣ было редактировано не раньше, во всякомъ случаѣ, XIII-го в. Г. Васильевскій въ упомянутой статьѣ (с. 312) указываетъ на то, что подробности сказанія анахронистичны и могутъ относиться только къ гораздо болѣе раннему времени, тѣмъ XII вѣку; въ старшихъ редакціяхъ сказанія регалій посылаетъ Константинъ Мономахъ († 1068), и г. Васильевскій объясняетъ это тѣмъ, что первоначально фактъ этотъ приписывался Константину Великому. Во всякомъ случаѣ нужно согласиться съ мнѣніемъ этого ученаго, что „всякія попытки объяснить это сказаніе, какъ несомнѣнный историческій фактъ, относящійся къ Владиміру Мономаху, совершенно тщетны и не выдерживаютъ критики“. См. объ этомъ еще статью г. Прозоровскаго въ Трудахъ III археол. съѣзда ч. II, приложение с. 145 сл. и Ист. Россіи г. Иловайскаго (I с. 310—311). Достоверность сказанія защищалъ к. Макарій (Ист. р. церкви II с. 288); см. также Соборную грамоту изд. кн. Оболенскаго с. 4 сл., 48 сл. Иной расказъ о происхожденіи регалій—у Стрийковскаго, I р. 188.

³⁾ Ипат. л. с. 214 (подъ 1186 г.).

Гораздо любопытнѣе для насъ столкновение Мономаха съ Ярославомъ Святополчичемъ. Какъ уже упомянуто, у него именно, по всей вѣроятности, перебилъ кievскій столъ Мономахъ; лишение Туровской волости, въ управленіи которой Ярославъ также принималъ участіе еще при жизни отца ¹⁾, было ему, конечно, тоже чувствительно; не видно, чтобы взаимнѣе ея Мономахъ далъ ему что-нибудь. До времени однако Ярославъ считалъ за лучшее смириться, но не поддерживалъ дружескихъ отношеній съ Мономахомъ, не участвовалъ въ его походахъ и другихъ совмѣстныхъ предпріятіяхъ. Можетъ быть, онъ надѣялся получить кievскій столъ хотя по смерти Мономаха, который былъ тогда уже въ преклонныхъ лѣтахъ, но Мономахъ, завладѣвъ Кіевомъ, повидимому, не желалъ уже упускать его, намѣревался примѣнить къ этому приобрѣтенію принципъ отчужденности и закрѣпить его за своимъ родомъ. Подъ 1117 г. читаемъ извѣстіе, что Мономахъ перевелъ сына Мстислава изъ Новгорода въ Бѣлгородъ ²⁾; нельзя предположить, чтобы Мономахъ желалъ имѣть при себѣ Мстислава только для помощи ³⁾: онъ имѣлъ много другихъ взрослыхъ сыновей, и роль подручника годилась скорѣе для одного изъ нихъ, чѣмъ для старшаго—Мстислава, который самъ уже имѣлъ взрослыхъ дѣтей и былъ такъ популяренъ и уважаемъ въ Новгородѣ. Переводъ Мстислава въ кievскій пригородъ, Мономахъ, конечно, имѣлъ въ виду передать ему Кіевъ по смерти: Мстиславу слѣдовало находиться неподалеку какъ для того, чтобы въ случаѣ смерти отца оказаться господиномъ положенія, такъ, еще больше, для того, чтобы заблаговременно познакомиться съ кievскою дружиною и земствомъ и приобрѣсть ихъ расположеніе. Фактъ этотъ былъ очень прозраченъ и долженъ былъ возбуждать неудовольствіе и тревогу въ Ярославѣ Святополчичѣ. Свое неудовольствіе Ярославъ, вѣроятно, проявилъ чѣмъ-нибудь: подъ тѣмъ же 1117 годомъ читаемъ въ лѣтописи, что Мономахъ ходилъ съ Да-

¹⁾ По крайней мѣрѣ онъ дѣйствуетъ иногда въ Туровской волости, см. Ипат. лѣт. с. 161 и 196 (Лавр. с. 265 и 275).

²⁾ Ипат. с. 204, Лавр. с. 277; любопытно извѣстіе 1 Новг. (с. 4, годъ 1117 г.): иде Мстиславъ Кіеву за столъ. У Татищева (II с. 219) мѣсто Бѣлгорода—Вингорода.

³⁾ Соловьевъ (II с. 77) предполагаетъ, что Мономахъ могъ вызвать Мстислава „въслѣдствіе несправедливаго поведенія Ярослава“, а послѣдній заперодорилъ въ этомъ напѣреніе передать кievскій столъ Мстиславу.

выдомъ Святославичемъ и галицкими Ростиславичами на Ярослава, осадилъ его во Владимірѣ и привудилъ къ покорности: Ярославъ ударилъ челомъ дядѣ, который „наказалъ его обо всемъ, веля ему къ собѣ приходити, когда ты позову^а 1). Никоновскій сводъ объясняетъ этотъ походъ дурнымъ обращеніемъ Ярослава съ женою, дочерью Мстислава, внукою Мономаха 2); въ этомъ нѣтъ ничего невѣроятнаго, но характерно, что Мстиславъ, котораго въ такомъ случаѣ дѣло казалось ближайшимъ образомъ, совершенно не упоминается при этомъ. Истинная причина была, вѣроятно, политическая; можетъ быть, и дурное обращеніе съ женою было результатомъ неудовольствія Ярослава на Мстислава и Мономаха.

Но первая неудача не заставила еще Ярослава отказаться отъ своихъ намѣреній, и покорность его была вынужденная. Въ слѣдующемъ году онъ отослалъ отъ себя жену свою; это былъ открытый разрывъ, неизбѣжно предстояла новая война съ Мономахомъ, и Ярославъ отправился за помощью въ Польшу. Но дружина владимірская отказалась поддерживать его и подчинилась Мономаху, который посадилъ во Владимірѣ своего сына Романа, зятя Володаря Ростиславича. Романъ скоро скончался, и на его мѣсто Мономахъ посадилъ Андreja 3). Ярославъ попытался вернуть свою волость сначала съ по-

1) Ипат. с. 204 (годъ 1117 г.), Лавр. с. 277 (годъ 1118 г.); „сварился на нь (Ярослава) мною“; въ Поученіи (Лавр. с. 241): „ходихомъ къ Володимеру на Ярославля, не теряче злобъ его“.

2) Никон. I с. 150: „бѣше бо негодюу внуку его Ярославѣцъ, Мстиславиу дщерь“, то же у Татищева (II с. 219); послѣдній говоритъ, что поляки подучали Ярослава отиити у Мономаха Погорину, „и для того вдѣлалъ союзъ съ Поляки, чтобъ перше Ростиславичевъ владѣнія лишити“. Соловьевъ (II с. 76) находитъ это извѣстіе очень вѣроятнымъ, но въ это время поляки вообще не выѣзжаютъ дѣлать въ русскія дѣла. Соловьевъ принимаетъ также извѣстіе Татищева (ibid), что Мономахъ признавалъ предварительно Ярослава на судъ князей, но подробности эта изведена, кажется, изъ наказа даннаго Мономахомъ Ярославу—приходить по зову, а тутъ между тѣмъ подразумевается скорѣе признаніе въ походѣ. См. еще Ист. отнош. князей Рюрик. дома с. 126—7.

3) Ипат. с. 206; Лавр. с. 277; Воскр. I с. 24; Никон. I с. 150; Тверск. с. 192. Въ Ипат. д. бѣству Ярослава предшествуетъ отправление во Владимір на княженіе Романа; г. Андрияшевъ (Очеркъ ист. Воинск. а. с. 117) полагаетъ, что Мономахъ послалъ во Владимір Романа, обезоруженный сношеніями Ярослава съ поляками, еще до ухода послѣдняго въ Польшу; но это мѣсто Ипатской д., кажется, просто спутано, и я слѣдую глѣт. Лаврент., Воскр., Никон., Тверской. По Лавр. глѣт. Ярославъ бѣжалъ въ Ляхи, по Ипат.,

мощью поляковъ, потомъ составилъ большую коалицію изъ угровъ, поляковъ, чеховъ и галицкихъ Ростиславичей (последнимъ, очевидно, очень не понравилось соединеніе Волыни съ Кіевщиною въ рукахъ Мономаха)¹⁾, но в этотъ походъ окончился неудачно вслѣдствіе неожиданной смерти Ярослава. Мономахъ остался обладателемъ Волыни и кромѣ того избавился отъ претендента на кіевскій столъ: теперь онъ могъ безпрепятственно закрѣпить его за своимъ родомъ²⁾.

О половецкихъ отношеніяхъ за время правленія Мономаха я уже упомянулъ. Послѣ прихода половцевъ къ русскимъ границамъ при вѣсти о смерти Святополка, во все время княженія Мономаха въ Кіевѣ не упоминается ни одного набѣга на русскія земли. За то продолжались походы русскихъ въ степи. Ярополкъ Володимеричъ, сидѣвшій въ Черыславѣ, два раза ходилъ на Донъ и за Донъ³⁾. Въ это время въ степи происходила какая-то внутренняя борьба, о которой глухо упоминаетъ наша лѣтопись. Торки и остатки печенѣговъ бились съ половцами у Дона и послѣ двухдневной сѣчи торки и печенѣги пришли на Русь. Вѣроятно предположеніе, что вслѣдствіе ослабленія половцевъ, побѣжденные ими народы возстали противъ нихъ. Приходъ на Русь былъ, вѣроятно, результатомъ пораженія возставшихъ; побѣди они половцевъ, не бросили бы, конечно, привольныхъ донскихъ степей⁴⁾. Переселенцы были, разумѣется, поселены вмѣстѣ съ прежними тюркскими колонистами по южнымъ границамъ, но спустя нѣсколько лѣтъ мы узнаемъ, что Мономахъ прогналъ бе-

Воскр., Ник., Тверск.— въ Угри; первое извѣстіе вѣроятнѣе, такъ какъ первоначально помощниками Ярослава выступаютъ только ляхи. Г. Липницкии (Взаянн. отнош. с. 142) высказываетъ предположеніе, что жинва болгаръ была причиною удаленія Ярослава въ Польшу.

¹⁾ Ср. Ист. Волыи. з. Андріяшова с. 117. Другія объясненія перенѣи въ волыткѣ Ростиславичей—см. у Зубрицкаго II с. 48, Липницкаго Взаянн. отнош. с. 147.

²⁾ Ипат. с. 205—207, Лавр. с. 277—8, Никон. I с. 151—2, Татищевъ II с. 223—226. Объ иностранныхъ извѣстіяхъ см. у г. Липницкаго Взаянн. отнош. с. 143 сл.

³⁾ Ипат. с. 204, Лавр. 276—277.

⁴⁾ Ипат. с. 204, Воскр. I с. 28. Татищевъ (II с. 218) представляетъ дѣло иначе: у него половцы нападаютъ на печенѣговъ. Объ исходѣ борьбы древняя лѣтопись умалчиваетъ, Густин. (с. 291) прибавляетъ: „и ничто же изъ успѣша“, но она, по недоразумѣнію, представляетъ дѣло такъ, что борьбу съ торками вела Русь. См. Соловьевъ II с. 81, Илювайнскій I с. 145, Погодинъ Древ. Рус. Ист. I с. 181.

реидчей изъ Руси, а торки и печенѣги сами бѣжали: можетъ быть, скопившись въ большомъ числѣ на русскихъ границахъ, инородцы эти начали обижать туземцевъ; ушла однако только часть этого населенія: тюркскіе поселенцы въ большомъ количествѣ продолжали жить на южныхъ границахъ, особенно въ Кіевской области. Любопытно, что несмотря на полную побѣду надъ половцами, Мономахъ не оставилъ однако политики браковъ и женилъ меньшаго сына—Андрея на внукѣ Тугоркана ¹⁾).

Мономахъ достигъ небывалаго въ удѣльно-вѣчевомъ періодѣ могущества и вліянія. Онъ соединилъ въ своихъ рукахъ, или, вѣрнѣе, рукахъ своей семьи, по крайней мѣрѣ три четверти тогдашней Руси, при чемъ эти владѣнія составляли сплошную территорию. При этомъ онъ уже не удовлетворялся относительно другихъ князей положеніемъ первого между равными; формулу великокняжеской власти „въ отца хѣсто“, формулу очень неопредѣленную, онъ приложилъ къ нимъ, такъ сказать, въ наибольшемъ ея объемѣ. Онъ требуетъ отъ прочихъ князей настоящаго повиновенія; такъ Ярославу онъ приказываетъ явиться на зовъ, Глѣбу возвращаетъ удѣлъ подлѣ условіемъ полнаго повиновенія (по всему подлуцати), а не просто спокойствія; черниговскіе князья участвуютъ въ походахъ, предпринимавшихся въ частныхъ интересахъ Мономаха ²⁾. То же властное отношеніе видимъ мы по отношенію къ новгородской общинѣ ³⁾. Но при этомъ Мономахъ политику свою, по прежнему, облачаетъ въ совершенно легальную форму и старается всегда имѣть общественное мнѣніе на своей сторонѣ; любопытнымъ примѣромъ служитъ столкновеніе его съ Ярославомъ: правда была едва ли не на сторонѣ послѣдняго, а въ глазахъ общества, по крайней мѣрѣ извѣстной части его, Ярославъ является бунтовщикомъ противъ стряпа и тестя (Мстислава), и по

¹⁾ Ипат. л. с. 206, Лазар. с. 177.

²⁾ На эту особенность справедливо обратилъ вниманіе Ламинковъ (Владимиръ Мономахъ с. 85), но онъ напрасно на основаніи этого видитъ въ Мономахѣ государственный духъ московскихъ самодержцевъ.

³⁾ 1 Новг. с. 4 (подъ 1118 г.): „приведе Володимиръ съ Мстиславомъ вся бояри Новгородския Кіеву, и заведе я къ четьиному хресту и лустя я домовъ, а нима у себе естани; и разгнѣвался на ти оже то грабили Даньслава и Поздрѣчу, и на сочснана на Ставра, и затоци я вса“.

представленіямъ лѣтописца, Богъ помогалъ смиренному Мономаху противъ надменнаго Ярослава ¹⁾).

Правленіе Мономаха, равно какъ и его преемника—Мстислава, было одною изъ самыхъ благополучныхъ страницъ въ исторіи Кіевщины. Благодаря ихъ политикѣ, послѣдняя все время пользовалась внѣшнимъ спокойствіемъ; ни половецкихъ набѣговъ, ни вторженій сосѣднихъ князей не слышно. Внутри, что еще важнѣе, существовала большая солидарность между княземъ и земствомъ: Мономахъ отличался необыкновенною внимательностію къ земству, къ его мнѣніямъ и желаніямъ, осуществляя послѣднія въ своей дѣятельности; онъ является идеаломъ князя—нарядника, который самъ входитъ во все, не полагаясь на отроковъ и тиуновъ, который тщательно заботится, чтобы населеніе не терпѣло обидъ отъ его помощниковъ; при дурной славі, которой пользовались послѣдніе, это въ князѣ было большимъ достоинствомъ. Съ населеніемъ Мономаха обращался радушно и привѣтливо; наконецъ, въ противоположность корыстолюбивому Святополку, онъ отличался большою щедростію: это была черта тоже очень симпатичная населенію и особенно дружинѣ ²⁾. Имена Владимира и Мстислава сдѣлались синонимами нялюбленныхъ землею князей ³⁾, и потомство ихъ окружалось этимъ ореоломъ. Къ сожалѣнію, свѣдѣнія наши о внутренней дѣятельности Мономаха и жизни страны за это время весьма скудны и случайны. Весьма важнымъ и популярнымъ дѣломъ были сдѣланныя при Мономахѣ прибавленія къ „Русской Правдѣ“. Прямое указаніе на принадлежность Мономаху имѣемъ только относительно закона „о рѣзѣ“, которымъ былъ опредѣленъ нормальный процентъ; законъ этотъ былъ составленъ по сообщанію съ дружиною, съ участіемъ посла отъ Олега Святославича—вѣроятно вскорѣ по вокняженіи Мономаха, въ связи съ народнымъ движеніемъ противъ жидовъ ⁴⁾. Довольно вѣроятно предположеніе, что

¹⁾ Ипат. с. 207.

²⁾ См. Лавр. с. 236—238, 241—242 (Поученіе), также 255, 279. Посланіе к. Никифора—Русскія Достопамятности I. 69—70.

³⁾ См. особенно Ипат. с. 259.

⁴⁾ Русская Правда по сп. Карамзинск., ст. 66—7. Впрочемъ современная духовная литература показываетъ, что рѣзничество было распространено и между туземцами, и туземные ростовщики не далеко отставали отъ евреевъ.

Мономаху принадлежать еще законы о должникахъ и закупахъ, которые въ огромномъ большинствѣ списковъ слѣдуютъ непосредственно за статьями „о рѣзѣ“¹⁾; первые касаются банкротства, а законы о закупахъ регулируютъ отношеніе ихъ къ хозяевамъ и гарантируютъ отъ злоупотребленій со стороны послѣднихъ. Законы Мономаха такимъ образомъ имѣли цѣлью облегчить тяжелыя экономическія условія, въ которыхъ находилось современное населеніе, благодаря предшествовавшимъ набѣгамъ, усобицамъ и под.; Мономахъ шелъ на встрѣчу тому экономическому протесту, который населеніе заявило при его вокняженіи своимъ движеніемъ противъ жидовъ и бояръ. Мономаху же приписываютъ еще нѣкоторые законы, изъ которыхъ наиболѣе важныя касаются холопства²⁾.

Въ связи съ этими экономическими мѣрами стоитъ извѣстіе Татищевскаго свода объ изгнаніи евреевъ изъ Руси. По словамъ его, князе просили у Мономаха управы на жидовъ, которые отняли у христіанъ всѣ промыслы и многихъ соврацали въ жидовство; населеніе хотѣло побить жидовъ, но Мономахъ предложилъ этотъ вопросъ на обсужденіе князей. На съѣздѣ у Выдобича князья постановили выслать всѣхъ жидовъ изъ Руси и впредь не впускать, а если тайно войдутъ, вольно ихъ грабить и убивать. Жиды были немедленно высланы ото всюду, но многіе на пути побиты и ограблены своевольными; „съ сего времени жидовъ въ Руси нѣтъ, и когда которой приѣдетъ, народъ грабить и побиваетъ“³⁾. Проф. Малышевскій въ своемъ специальномъ изслѣдованіи о евреяхъ считаетъ этотъ рассказъ сочиненнымъ на основаніи приведеннаго извѣстія лѣтописи о разграбленіи жидовъ, но самый фактъ изгнанія евреевъ изъ Кіева находитъ весьма вѣроятнымъ⁴⁾. Было ли такое изгнаніе или нѣтъ, пока рѣшить мы не

¹⁾ Изъ списковъ, изслѣдованныхъ Калачевымъ, въ такомъ порядкѣ статьи расположили въ II—IV фамиліяхъ, по его герминологіи, исключая Синодальнаго I, сл. кн. Обужскаго и Толстовскаго IV; въ сводномъ текстѣ Калачева статьи эти помѣщены подъ номерами XII, XV, XVII—XXI, Предварительнаго I, см. изслѣдованіе о Русской Правдѣ.

²⁾ Русская Правда по сл. Карамзинскому ст. 68—78 и 76. См. Костомарова Монографія, т. I с. 202 сл., Хлѣбникова Общест. и госуд. с. 237 сл., Погодина Древн. Русск. Исторія I с. 129, Вѣалева Разсказъ I с. 210 сл.

³⁾ Татищевъ II с. 212—213.

⁴⁾ Евреи въ Южной Руси с. 110 сл.

можемъ; вполнѣ вѣроятно, что погромъ 1113 г. повліялъ на уменьшеніе еврейской колоніи въ Кіевѣ, хотя евреи жили здѣсь и позже— это видно изъ существованія еврейскаго квартала— „Жидовъ“¹⁾.

То обстоятельство, что Мономахъ владѣлъ множествомъ волостей, такъ что въ его рукахъ, напримѣръ, находился весь великій водный путь днѣпровско-балтійскій, имѣло, конечно, тоже не малое значеніе для Кіева; оно облегчало сношенія и благопріятствовало кіевской торговлѣ. Сношеніе съ правымъ берегомъ Днѣпра было облегчено благодаря мосту чрезъ Днѣпръ, который выстроилъ Мономахъ вскорѣ по вокняженіи²⁾.

О проявленіяхъ народовластія, объ участіи народа въ управленіи лѣтопись молчитъ. Это и понятно. Народъ проявлялъ свою правительственную власть въ тѣхъ случаяхъ, когда положеніе дѣлъ казалось ему ненормальнымъ и требовало вмѣшательства. Если же этого не было, если народъ чувствовалъ довѣріе къ князю, то полагаясь на него, предоставлялъ ему полную свободу дѣйствій³⁾. Мономахъ, а за нимъ и Мстиславъ, навѣрное, пользовались широкою властью въ землѣ, верша свою волю или только для формы справляясь съ мнѣніемъ народа въ такихъ вопросахъ, которые въ другихъ случаяхъ являются подъ контролемъ вѣча, какъ, напримѣръ, созывъ земскаго ополченія; благодаря этому ополченія, вѣроятно, участвовали во многихъ походахъ, не имѣвшихъ прямого отношенія къ самой Кіевской землѣ.

19 мая 1125 г. скончался Мономахъ послѣ двѣнадцатилѣтняго княженія въ Кіевѣ, на семьдесятъ третьемъ году жизни; по словамъ лѣтописца, „святителѣ жалашеси плакахуся по святомъ и добромъ князи, весь народъ и вси людие по немъ плакахуся, якоже дѣти по отцю или по матери, плакахуся по немъ вси людие“⁴⁾. Мы не имѣемъ основаній заподозрѣть это описаніе всеобщаго сожалѣнія о смерти излюбленнаго князя.

¹⁾ Ипат. с. 206; Евреи въ Южной Руси с. 112 сл. Соломъль (II пр. 157) допускаетъ, что жидовскій кварталъ могъ удержать свое имя и послѣ изгнанія евреевъ; это могло быть съ жидовскими воротами, но съ кварталомъ— едва ли.

²⁾ Ипат. с. 203 (Лавр. с. 279); см. выше с. 23.

³⁾ Ср. Сергѣевича Вѣче и князь с. 113.

⁴⁾ Ипат. с. 206.

Илагага событія, я имѣлъ случаи указывать на характеристическія черты дѣятельности Мономаха. О его характерѣ мы имѣли столько извѣстій, какъ рѣдко: кромѣ лѣтописныхъ характеристикъ есть у насъ еще автобіографія Мономаха и посланіе къ нему митр. Никифора, заключающее также обстоятельную характеристику Мономаха. Эти источники рисуютъ его идеальными чертами: онъ является образцовымъ христіаниномъ, одареннымъ всѣми добродѣтелями частнаго человѣка и государя, добрымъ страдалцемъ за землю Русскую, солнцемъ земли Русской, чуднымъ, великимъ, святымъ ¹⁾. Но пользоваться этими свѣдѣніями нужно съ нѣкоторою осторожностію; я замѣчалъ уже, что Мономахъ дорожилъ общественнымъ мнѣніемъ и старался облекать свои дѣйствія въ благовидную форму; въ дѣйствительности можно указать нѣсколько фактовъ, которые не совсѣмъ согласуются съ традиціоннымъ обликомъ его. Несомнѣнно, онъ обладалъ яснымъ, практическимъ умомъ, отличался необычайною энергіею и дѣятельностію, замѣчательнымъ тактомъ; нельзя заподозрѣвать искренность его набожности, его любви къ Русской землѣ; несомнѣнно, онъ не былъ злымъ, лукавымъ человѣкомъ, но въ то же время собственная выгода неизмѣнно фигурируетъ въ его дѣятельности и ею обуславливаются его поступки. Характерно, что несмотря на набожность, чистоту жизни, усердіе къ духовенству, Владиміръ однако не былъ признанъ святымъ, какъ его сынъ Мстиславъ. Быть можетъ, духовенство, весьма уважавшее Мономаха, чувствовало однако, что дѣятельностію его руководятъ житейскіе расчеты ²⁾. Совершенно вѣрно замѣчено также, что Мономахъ не возвышался надъ своимъ вѣкомъ; было бы совершенно несправедливо считать его пролагателемъ новыхъ путей, провозвѣстникомъ новой жизни. Мономахъ не былъ чудомъ вѣка, какъ называютъ его нѣкоторые, а лишь однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ его представителей, и дѣятельность его, несомнѣнно, была, въ частности, во многомъ полезна для Кіевщины.

¹⁾ Ипат. с. 172—173, 208, 207, 210, 217; Лавр. с. 232 сл. (Поученіе), 279—180; 1 Нест. с. 5; Русскія Достопамятности I. 63 сл. Обзоръ различныхъ возрѣвій ученыхъ на характеръ и дѣятельность Мономаха см. въ упомянутой работѣ: Волыніскій вопросъ 1093—1102 г. in fine.

²⁾ Эта мысль какъ будто сквозитъ у м. Никифора въ его посланіи (Рус. Достоп. I. с. 69), гдѣ говоритъ онъ о Мономаховыхъ пирахъ; это замѣтилъ Хлѣбниковъ (Общество и государство с. 338).

Кіевскій столъ передалъ Мономахъ сину Мстиславу. Препятствій къ тому не было: законными претендентами были Святполковичи, но старшаго—Ярослава не было въ живыхъ, а меньшіе, годиншіеся въ синахъ Мстиславу, занимали какіе-нибудь незначительные удѣлы, если не были вовсе безъ удѣловъ, и, конечно, не дерзали претендовать на кіевскій столъ; вскорѣ они оба скончались ¹⁾. Святославичи, если и имѣли какія-либо права на Кіевъ, не могли также заявить претензій: старшій представитель ихъ рода—Ярославъ Святославичъ самъ очень не прочно сидѣлъ въ Черниговѣ. Лѣтопись не сообщаетъ намъ подробностей передачи кіевского стола. Собственно княжеское завѣщаніе для населенія не имѣло обязательной силы: для того, чтобы дать ему дѣйствительное значеніе, необходимо было подкрѣпить его согласіемъ народа либо реальною силою. Такъ мы видимъ позже, что завѣщанію Мстислава какъ бы дасть санкцію народъ, призывая на княженіе его брата Ярополка, что Всеволодъ Ольговичъ, передавая столъ Игорю, запасається согласіемъ вѣча. Конечно, Мономахъ могъ надѣяться, что воля его будетъ уважена кіевлянами, тѣмъ болѣе, что и Мстиславъ, живя въ Кіевской землѣ, успѣлъ, несомнѣнно, снять расположеніе народа, но какъ князь народолюбецъ, уважавшій всегда мнѣніе народа, Мономахъ непремѣнно, надо думать, предварительно рекомендовалъ Мстислава народу, въ духѣ упомянутой рекомендаціи Всеволода Ольговича: „азъ есмь велими боленъ, а се вы избратъ мой Игорь, имѣйтесь по нь.“ Любопытно, что въ Новгородской лѣтописи стоитъ: „Мстислава посадиша на столѣ отци.“ Это „посадиша,“ конечно, естественнѣе всего отнести къ кіевскому населенію ²⁾.

¹⁾ Ипат. с. 211, Лавр. с. 281 и 284. Погодинъ (Искрѣ. IV с. 594), весьма впрочемъ осторожно, указываетъ на то, что по московскимъ христіанскимъ счетамъ Святполковичи не имѣли правъ на кіевскій столъ предъ Мстиславомъ. Такая развитая система родовыхъ счетовъ во всякомъ случаѣ врядъ ли тогда существовала.

²⁾ Ипат. с. 212, 229; Лавр. с. 286; 1 Новгор. с. 5; Сергіевичъ, Вѣче и князь с. 305; Диниченко, Вѣче с. 81. Г. Самокасовъ, отрицая участіе народа при возмуженіи Мстислава и Ярополка, указываетъ на поддѣйшія слова Всеволода Ольговича, который говоритъ: „и имѣ Володимиръ посадилъ Мстислава сына своего по собѣ въ Кіевѣ, а Мстиславъ Ярополка брата своего, а се я мольваю: оже на Богъ понитѣ, то азъ по собѣ даю брату своему Игорю Кіевъ“ (Ипат. с. 227); но здѣсь идетъ рѣчь о завѣщаніи при передачѣ стола, которое, какъ я сказалъ, само по собѣ не имѣло обязательной силы для земства; что передача стола по завѣщанію не исключала участія народа, это лучше

Кромѣ Киевской волости семья Мстислава владела Новгородомъ, гдѣ сидѣлъ старшій Мстиславичъ—Всеволодъ, и Смоленскомъ, который составлялъ потомъ удѣлъ Ростислава, третьяго сына Мстислава; второй Мстиславичъ—Изяславъ сидѣлъ сначала въ Курскѣ, потомъ въ Полодѣ. Прочія волости—Переяславская, Туровская, Волынская и Ростово-Суздальская достались меньшимъ сыновьямъ Мономаха. Переяславль получилъ второй сынъ его, Ярополкъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ явился кандидатомъ на кievскій столъ и преемникомъ Мстислава. Позже лѣтопись сообщаетъ еще объ одномъ распоряженіи Мономаха: Ярополкъ, по повелѣнію его, заключилъ договоръ съ Мстиславомъ, что послѣ Ярополка Переяславль перейдетъ къ дѣтямъ Мстислава, такъ какъ Мономахъ далъ Переяславль Ярополку и Мстиславу вмѣстѣ (акоже баше има далъ Переяславль съ Мстиславомъ) ¹⁾. Смыслъ этого распоряженія не совсѣмъ ясенъ, хотя оно весьма интересно, такъ какъ имѣло очень важныя, тяжелыя послѣдствія. Передача Переяславля сыновьямъ Мстислава возбудила позже сильное противодѣйствіе со стороны младшихъ сыновей Мономаха не потому, что эта волость сама по себѣ была очень интересна, а потому, надо думать, что обладатель ея считался наслѣдникомъ кievскаго стола. Такой смыслъ передача Переяславля должна была, очевидно, имѣть и въ договорѣ Мстислава и Ярополка: въ силу его послѣ Ярополка кievскій столъ долженъ былъ перейти къ потомству Мстислава, а не къ младшимъ Мономаховичамъ. Возникаетъ вопросъ, дѣйствительно ли это рѣшеніе, внесшее такую смуту въ среду Мономаховичей, принадлежало Мономаху, или Мстиславъ съ Ярополкомъ пытались только подтвердить свой договоръ ссылкой на волю отца? Отвѣтить на этотъ вопросъ, конечно, очень трудно. Но зная, съ одной стороны, прямой характеръ Мстислава, съ другой стороны—принимая во вниманіе, что ссылка на отцовское распоряженіе, никому не извѣстное, не могло нисколько помочь дѣлу, скорѣе можно думать, что такое рѣшеніе дѣйствительно принадлежало Мономаху; можетъ быть, онъ

всего показываетъ примѣръ самого Всеволода, который, передавъ, по примѣру Мономаха, кievскій столъ Игорю, тѣмъ рекомендуетъ послѣдняго населенію.

¹⁾ Лавр. с. 266.

желалъ такимъ образомъ устранить отъ кievскаго стола неспособнаго Вячеслава, которому принадлежало старѣйшинство послѣ Ярополка ¹⁾.

Правленіе Мстислава отличалось тѣмъ же характеромъ, что и правленіе его отца. Къ прочимъ князьямъ мы видимъ такое же авторитетное, властное отношеніе, какъ и при Мономахѣ; Мстиславъ призываетъ въ свои походы не только братьевъ, но и князей другихъ вѣтвей и наказываетъ за неповиновеніе. Хотя волости, собранныя Мономахомъ, были раздѣлены между его сыновьями, но, какъ видѣли мы, владѣнія Мстиславовой семьи были все же велики и превосходили владѣнія всѣхъ другихъ князей; при томъ Мстиславъ пользовался большимъ авторитетомъ, благодаря своей энергіи, благородному характеру и государственнымъ талантамъ. Къ его содѣйствію обращаются въ своихъ спорахъ князья изъ другихъ родовъ; такъ онъ принимаетъ участіе въ распрѣ галицкихъ Володаревичей — Володимира и Ростислава, по просьбѣ послѣдняго; не ясно впрочемъ, какое оно имѣло вліяніе на дѣла ²⁾. Другой, болѣе важный случай подобнаго же рода произошелъ черезъ годъ по вокняженіи Мстислава въ Кіевѣ. Ярославъ, кн. черниговскій, былъ лишенъ стола и схваченъ своимъ племянникомъ, знаменитымъ Всеволодомъ Ольговичемъ. Мстиславъ вступился за Ярослава, которому раньше еще обѣщалъ поддержку, хотя Всеволодъ былъ его зятемъ, и сталъ готовиться къ походу. Всеволодъ призвалъ половцевъ, но не получивъ отъ нихъ помощи (половцы при-

¹⁾ Соловьевъ ссылку на это распоряженіе Мономаха считалъ „несамоимитъ предлогомъ“, а слова „бше (Мономахъ) нма даѣ Переславлъ со Мстиславоу“ объяснялъ такъ, что „Мстиславъ, будучи переведенъ отцемъ изъ Новгорода въ Вѣлгородъ, считался княземъ переславскимъ по старшинству стола, а сидѣлъ въ Вѣлгородѣ для того только, чтобъ быть поближе къ отцу“ (Ист. отношеній с. 140—1, Ист. Россіи II кр. 177). На это можно возразить, что Ярополкъ получилъ Переславль раньше, чѣмъ Мстиславъ былъ переведенъ въ Вѣлгородъ, да и старѣйшинство столовъ на которое Соловьевъ ссылается, не болѣе, какъ предположеніе. Полевой тоже думалъ, что передача Переславлѣ дѣтямъ Мстислава основывалась только на договорѣ послѣдняго съ Ярополкомъ (II с. 387). Наоборотъ, Погодинъ полагалъ, что Мономахъ, дѣлая распоряженіе о Переславлѣ, дѣйствительно имѣлъ въ виду своихъ внуковъ (Ист. д. IV с. 397—8).

²⁾ См. Шараневичъ, Ист. Гал.-Волод. Руси с. 35. Объ этой распрѣ и участіи Мстислава говоритъ Стрийковскій (I с. 189) и Татищевъ (II с. 232); известіе послѣдняго гораздо обстоятельнѣе, но трудно рѣшить, не разбавилъ ли онъ просто своими соображеніями короткое упоминаніе Стрийковского. Карамзинъ цитуетъ для этого эпизода Кіевскую лѣтопись (II кр. 249); вѣроятно, это просто lapsus memoriae.

или было къ Посемью, но испугавшись, бѣжали оттуда обратно), сталъ подкупать бояръ—совѣтниковъ Мстислава. Подъ вліяніемъ ихъ Мстиславъ медлилъ, Ярославъ напрасно приходилъ къ нему на поклонъ, подвигая его на Всеволода. Игуменъ монастыря св. Андрея, Григорій, пользовавшійся большимъ вліяніемъ у Мономаха и Мстислава и всего кіевскаго населенія, энергично противился войнѣ; за отсутствіемъ митрополита онъ созвалъ духовный соборъ, и послѣдній разрѣшилъ Мстислава отъ клятвы. Татищевъ считаетъ, повидимому, Григорія подкупленнымъ сторонникомъ Всеволода, но это едва ли справедливо; мнѣ кажется, что Григорій и созданный имъ соборъ священниковъ, помимо миротворства, были выразителями мнѣнія кіевскаго населенія ¹⁾). Возобновленіе борьбы съ Ольговичами не могло быть пріятно послѣднему, особенно аловѣщимъ должно было казаться то обстоятельство, что Всеволодъ, хотя и неудачно, призывалъ къ участию половцевъ: это напоминало страшныя оустошенія, вызванныя борьбою Мономаха съ отцомъ Всеволода. Притомъ интересы Ярослава Святославича были совершенно чужды кіевлянамъ. Подъ вліяніемъ своихъ приближенныхъ и такого общественнаго мнѣнія, Мстиславъ, сирѣбна сердце, отказалъ въ помощи Ярославу, но по словамъ лѣтописца, до смерти оплакивалъ свое клятвопреступленіе. Результатомъ участія Мстислава въ этой черниговской распрѣ было приобрѣтеніе Посемья; оно было захвачено во время борьбы со Всеволодомъ и осталось за Мстиславомъ ²⁾).

Гораздо рѣшительнѣе дѣйствовали Мстиславъ по отношенію къ князьямъ полоцкимъ. Подъ однимъ годомъ съ упомянутымъ черниговскимъ эпизодомъ въ лѣтописи разсказывается о походѣ на Полоцкую волость; вѣроятно, полоцкіе князья не могли помириться съ потерю

¹⁾ Ср. Соловьевъ II с. 86.

²⁾ Ипат. с. 209—210 (подъ 1128 г.), Лавр. 281—2 (подъ 1127 г.); Татищевъ II с. 233—235; Соловьевъ II с. 86; Погодинъ Исслѣд. IV с. 448, Хронолог. указат. с. 188, Др. Рус. Ист. I с. 135. Не нужно забывать при этомъ, что Всеволодъ былъ родственникъ Мстислава; что же касается приобрѣтенія Посемья, то оно само по себѣ не можетъ быть принято за причину, побудившую Мстислава къ нейтралитету, такъ какъ онъ могъ бы получить каку-нибудь волость и отъ Ярослава за поддержку. Иначе объясняетъ поведеніе Мстислава Ш. В. Голубовскій (Ист. Сѣвер. з. с. 107): онъ полагаетъ, что Мстиславъ, завладевъ столь нослѣ отца поинико дѣдей, потому самому долженъ былъ поддержать Всеволода, захватившаго свою отчину тоже поинико дѣди.

Минска и пытались вернуть его. Мстиславъ одновременно двинулъ на нихъ княжескіе полки „четырьмя путями“; кромѣ Мономаховичей и Мстиславичей къ участию были призваны черниговскіе князья, Всеволодъ городенскій, Вячеславъ Ярославичъ владимірскій; ходилъ и отрядъ кievскихъ торковъ съ Иваномъ Войтишичемъ и кievскій полкъ съ Изяславомъ Мстиславичемъ ¹⁾. Полочане вынуждены были смѣстить неугоднаго Мстиславу кн. Давыда Всеславича и просили вмѣсто него утвердить княземъ Рогволода, который, вѣроятно, при этомъ обязывался быть въ покорности у Мстислава. Просьба была уважена ²⁾. Вскорѣ однако, вѣроятно по смерти Рогволода, полоцкіе князья отказали въ повиновеніи Мстиславу: „не бяхуть его воли и не слушахуть, коли е зовяшесть въ Рускую землю в помощь, но паче молваху Бонякови шелудивому во здравье“. Мстиславъ не могъ немедленно наказати ихъ за ослушаніе, такъ какъ былъ занятъ борьбою съ половцами, но управившись, распорядился съ непокорными князьями весьма рѣзко: послалъ схватить ихъ и отправилъ съ женами и дѣтьми въ заточеніе въ Царьградъ (онъ приходился родственникомъ правившей династїи, такъ какъ дочь его была выдана „въ Грѣкъ за царь“). Полоцкіи удѣлы Мстиславъ оставилъ за собою и вмѣстѣ съ Минскомъ отдалъ второму сыну—Изяславу, который до тѣхъ поръ сидѣлъ въ Курскѣ, на Посемьи ³⁾. Приобрѣтеніе Посемья и Полоцкой волости было завершеніемъ традиціонной политики собиранія волостей; послѣдовавшіи попытки кievскихъ князей были слабы и неудачны.

Въ отношеніи половцевъ Мстиславъ съ честью поддерживалъ отповскую славу. При вѣсти о смерти Мономаха, половцы навѣдались

¹⁾ Ипат. с. 210—211 (1123 г.), Лавр. 282—284 (1127 г.), Татищевъ II с. 235; Соловьевъ II с. 89. Фактъ утвержденія Мстиславомъ избраннаго народомъ Рогволода интересенъ въ томъ отношеніи, что устраняетъ относительно Мстислава подозрѣніа въ стремленіи къ какому-нибудь абсолютизму или централизаціи—подозрѣніа, въ которыхъ можетъ пожалуй, податъ поводъ послѣдующая расправа его съ полоцкими князьями.

²⁾ Что торки были кievскіе, видно изъ того, что ходили они съ кievскимъ бояриномъ и упоминаются рядомъ съ полкомъ Мстислава (г. Длиннитченко считаетъ этотъ полкъ Изяславичемъ—Вѣче с. 32).

³⁾ Ипат. с. 211, 217—218, Лавр. с. 286, Тверск. сб. с. 195. По Татищеву (II с. 240) полочане добровольно выдали князей по требованію Мстислава, ср. Соловьева II с. 90; что Полоцкѣ и Минскѣ принадлежали Изяславу, видно изъ Ипат. с. 212, Лавр. с.

по обыкновению: они пришли въ Переяславскую волость, желая захватить торговлю, ушедшихъ отъ нихъ на Русь, но были отбиты. Распри черниговскихъ князей и призывъ на помощь, сдѣланный Всеволодомъ, повидимому, ободрили половцевъ; хотя помощи они Всеволоду не оказали и бѣжали въ степи при первой тѣни опасности, но нѣкоторое время спустя, какъ узнаемъ мы изъ позднѣйшаго упоминанія, „налегли Половци на Русь и (Мстиславъ) стояшеть бѣся с ними ся перемогаяся“; весьма вѣроятно, что подъ Русскою землею здѣсь разумѣется Кіевская волость. Предводителемъ половцевъ былъ все тотъ же Бонякъ. По словамъ лѣтописца, эту борьбу Мстиславъ окончилъ побѣдоносно: онъ послалъ мужей своихъ, и тѣ загнали половцевъ за Донъ и за Волгу, за Яикъ; если это извѣстіе и преувеличено, оно предполагаетъ во всякомъ случаѣ рѣшительные успѣхи въ борьбѣ со степняками ¹⁾.

На другой окраинѣ русскихъ земель Мстиславъ велъ борьбу съ Литвою. Передъ смертью онъ ходилъ въ походъ на нее; судя по извѣстіямъ лѣтописи, это единственный случай за время княженія Мстислава въ Кіевѣ, когда онъ ходилъ въ походъ самолично; въ прочихъ случаяхъ онъ посылалъ вмѣсто себя другихъ князей или мужей своихъ. Походъ на Литву былъ предпринятъ, вѣроятно, въ интересахъ земли Полоцкой — волости Изяслава Мстиславича; въ немъ участвовали, кромѣ сыновей Мстислава, Ольговичи и Всеволодъ городенскій ²⁾.

Ко времени правленія Мстислава относится еще одинъ интересный фактъ, переданный въ Татищевскомъ сводѣ (подъ 1129) и самъ по себѣ довольно вѣроятный: поляки ограбили русскихъ купцовъ, ѣхавшихъ изъ Моравіи, и Мстиславъ потребовалъ удовлетворенія отъ Болеслава, пригрозивъ войною ³⁾. Если извѣстіе это справедливо, то тутъ слѣдуетъ, конечно, разумѣть купцовъ главнымъ образомъ кіевскихъ.

286—7. О братѣ Мстиславинъ—Инат. с. 206, Татищевъ II с. 225, Карамзинъ II пр. 242, Арцибашевъ т. I кн. 2, пр. 394.

¹⁾ Инат. с. 206—209, 217—218, Лавр. 280—281.

²⁾ Инат. с. 212, Лавр. с. 286, Татищевъ (II. с. 241) говоритъ о двухъ походахъ на Литву; вѣроятно, онъ подумалъ, что Инат. лѣт. подъ 1132 и Лавр. подъ 1181 г. говорятъ о двухъ разныхъ походахъ. Объ этомъ походѣ см. еще у г. Довнара-Занольскаго стр. с. с. 97.

³⁾ Исторія Россійская II с. 241.

III.

Борьба за киевскій столъ

(1132—1169).

Кіевъ—слава, и честь, и лѣта, и глава всей Русской земли бжесть, и того ради вси подвизахуся о немъ, яко вси князи едины родъ единеннии вси суда. Нѣкоя. лѣт.

И раздрася вся земля Русская. Номгор. лѣт.

За спокойствіемъ и благоденствіемъ Киевской земли подъ управленіемъ Мономаха и Мстислава слѣдуетъ бурный періодъ борьбы за киевскій столъ. Недолгое правленіе Ярополка Володимерича (1132—1139 г.) служитъ какъ бы прологомъ къ нему, оно приготовляетъ эту борьбу и даетъ ей поводъ. Ближайшею причиною борьбы и смуты было упомянутое уже завѣщаніе Мономаха, подтвержденное договоромъ Мстислава и Ярополка, по которому наследниками послѣдняго являлись не младшіе Мономаховичи, а Мстиславичи. Это произвело раздоръ въ родѣ Мономаха, которымъ воспользовалось энергичное Ольгово племя: благодаря ему оно не только освободилось изъ подъ опеки Всеволодовичей, но и само предъявило претензіи на киевскій столъ. Соперничество трехъ линій—младшихъ Мономаховичей (Вячеславъ, Юрій, Андрей), Мстиславичей и Святославичей (Ольговичей и Давыдовичей) создаетъ такую сложную коллизію, что распутать ее едва ли сумѣли бы князья даже при всемъ добромъ желаніи.

Упомянутый договоръ былъ, конечно, лишь ближайшимъ поводомъ, не будь его, то же самое или подобное произошло бы нѣсколько позже. Причины лежали въ самомъ политическомъ строѣ. Предшествующія

покажѣнія не приготовили твердаго, признаннаго порядка преемства кievскаго стола. Мономахъ и его сыновья, опиравшіеся на народное избраніе, въ глазахъ князей были въ сущности только счастливыми узурпаторами; пока у нихъ была сила и авторитетъ, имъ покорялись, но этому рано или поздно грозилъ конецъ, вслѣдствіе раздробленія ихъ владѣній въ рукахъ многочисленныхъ родичей. Ярополкъ владѣеть уже только Киевскою землею; другіе Мономаховичи имѣютъ также только по одной волости. Одновременно исчезало постепенно, съ размноженіемъ рода, сознание солидарности, общности интересовъ, уменьшался авторитетъ старшихъ въ родѣ. Ярополкъ пользуется уже весьма малымъ авторитетомъ среди родичей. Съ теченіемъ времени все это должно было идти crescendo. Усложнялось дѣло еще тѣмъ, что старшій изъ младшихъ Мономаховичей—Вячеславъ не отличался дарованіями и не въ состояніи былъ отстаивать дѣло своего рода, младшіе же Мономаховичи и Мстиславичи не имѣли собственно права быть представителями рода. Столкновеніе было неминуемо, и златой столъ кievскій долженъ былъ сдѣлаться предметомъ неизбежной борьбы. Предотвратить эту коллизію могло бы развѣ только общее приглашеніе, въ родѣ Любецкаго, только болѣе искреннее, справедливое, но объ этомъ нечего было и думать.

Была еще сила, которая могла нейтрализовать соперничество князей—это было кievское земство; и оно дѣйствительно дѣлало попытки въ этомъ направленіи: населеніе держитъ сторону Мстиславчей и по временамъ весьма энергично встаетъ за ихъ интересы; оно желаетъ закрѣпить свою землю за ихъ линіею и обособить ее такимъ образомъ, подобно другимъ землямъ, но усилія его не даютъ никакого результата. Причинами неудачи были: небольшія силы земли (собственно земли Полянскія, какъ увидимъ ниже) въ сравненіи съ силами соперничающихъ князей, недостатокъ политической подготовки и вообще непривычка къ выработкѣ юридическихъ нормъ, отличающая славянское племя, наконецъ отсутствіе единства въ средѣ самаго населенія. Вопросъ о Киевѣ долженъ былъ и могъ исчезнуть только самъ собою, такъ сказать, пзморомъ.

По словамъ кievскаго лѣтописца, Мстиславъ оставилъ свое княженіе Ярополку, ему же поручилъ и дѣтей; Ярополка въ то время не было въ Киевѣ, и по словамъ Суздальской лѣтописи, „люде Кы-

лве послаша по нь^а. Эти два извѣстія взаимно дополняютъ другъ друга. Очевидно, здѣсь мы имѣемъ передачу стола по завѣщанію князя, а кievскіе люди — т. е. кievское вѣче — послыая за Ярополкомъ, тѣмъ выразили, что они принимаютъ завѣщаніе Мстислава и санкционируютъ его. Ярополкъ явился спустя два дня по кончинѣ брата и „сѣде“ на кievскомъ столѣ¹⁾.

Получивъ Кіевъ, Ярополкъ немедленно занялся своими племянниками: онъ совершенно искренно желалъ исполнить свое обязательство, данное Мстиславу, тѣмъ болѣе, что самъ, не имѣя дѣтей, не былъ заинтересованъ вопросомъ о волостяхъ. Тотчасъ вызвалъ онъ старшаго Мстиславича—Всеволода изъ Новгорода и отдалъ ему Переяславль²⁾. Но Мономаховичи не замедлили возстать противъ этого, и прежде всего младшіе, болѣе энергичные. Новгородскій лѣтописецъ влагааетъ въ уста Юрію и Андрею такія слова: „се Ярополкъ, братъ наю, по смерти своен хочетъ дати Кіевъ Всеволоду, братану своему“³⁾. Предполагать, что Мономаховичи ошибались относительно намѣреній Ярополка, нельзя: только видами на Кіевъ можно объяснить, почему Всеволодъ Мстиславичъ сѣлъ въ Переяславль, оставивъ Новгородъ⁴⁾. Юрій немедленно въ тотъ же день отнялъ Переяславль у Всеволода, но Ярополкъ какъ-то удалилъ его оттуда⁵⁾ и отдалъ Переяславль уже второму Мстиславичу, Изяславу: вѣроятно, Всеволодъ не захотѣлъ вторично садиться въ такой безпокойной волости. На этотъ разъ претендентомъ выступилъ Вячеславъ Мономаховичъ, можетъ быть

¹⁾ Ипат. с. 212; Лавр. с. 286; Воскрес. 1 с. 29; Никон. 1 с. 157. Призывъ Ярополка отъ „людей“, несомнѣнно, имѣетъ характеръ избранія или подтвержденія, а не просто извѣщенія о смерти Мстислава, какъ думаетъ проф. Самоквасовъ (Замѣчанія по ист. рус. гос. устр. Ж. М. Н. П. 1869 г. XI с. 84); извѣстїи Ярополка могли и приближеніи Мстислава, этого незначитѣ было дѣлать вѣчу. Ср. Лихачевско, Вѣче с. 33—34. Заслуживаетъ вниманія, что у Стрийковскаго (I р. 189) о Ярополкѣ сказано: wybran jest i podniesion na stolice Kijowska; можетъ быть, это не простая фраза.

²⁾ Ипат. л. с. 212; Лавр. с. 286; 1 Новг. с. 6.

³⁾ Новг. 1. с.

⁴⁾ Соловьевъ (II с. 93) однако думалъ, что историкъ не можетъ отбывать утвердительно на вопросъ, дѣйствительно ли старшіе Мономаховичи хотѣли передать Кіевъ Мстиславичамъ.

⁵⁾ Въ Никон. (I с. 157): „посла на него братъ Ярополкъ силу многу“; въ Ипат. и Лавр. просто „выведе“.

подъ влияніемъ младшихъ братьевъ; Ярополкъ теперь уже увидѣлъ себя вынужденнымъ отказаться, въ угоду братьямъ, отъ даннаго обѣщанія и признать права ихъ на кievскій столъ; Изяславъ былъ силою выведенъ изъ Переяславля, но получивъ Туровскую волость въ дополненіе къ Минску и богатые подарки отъ Ярополка, повидимому, примирился съ совершившимся фактомъ и Ярополкомъ и по порученію послѣдняго ѣздилъ за данью въ Новгородъ и Смоленскъ ¹⁾. Однако обстоятельства скоро снова измѣнились. Вячеславъ, не имѣвшій никогда ни достаточно духа, чтобы отказаться отъ претензій, ни достаточно настойчивости, чтобы поддержать ихъ, соскучился сидѣть въ безпокойной и бѣдной переяславской волости и ждать кievскаго наслѣдства и вернулся въ Туровъ, не послушавъ увѣщаній Ярополка. На Переяславль заявилъ претензію Юрій, слѣдующій по старшинству за Вячеславомъ, и обѣщавъ взаимно свою Ростово-Суздальскую волость; послѣдняя должна была служить Изяславу вознагражденіемъ за Туровъ, но Юрій часть Ростово-Суздальской волости оставилъ за собою. Изяславъ, очевидно, былъ этимъ разсерженъ, озлобился противъ дядей и вошелъ въ соглашеніе съ черниговскими князьями; такимъ образомъ всѣ старанія Ярополка уладить какъ-нибудь отношенія между князьями Мономахова дома были тщетны, „и раздѣрся вся земля Русская“ ²⁾.

Черниговскіе князья стремились вернуть себѣ Посемье и ждали только удобнаго момента; возможно, что они сами предложили свое содѣйствіе Изяславу. Они вошли опять въ соглашеніе и съ половцами, но поторопились до ихъ прихода начать враждебныя дѣйствія противъ Мономаховичей. Ярополкъ съ Юріемъ и Андреемъ отправился немедленно на Черниговъ и стали разорять окрестности его. Всеволодъ засѣлъ въ городѣ и не выходилъ на бой, такъ какъ половцы еще не пришли къ нему; Мономаховичи постояли около Чер-

¹⁾ Вѣроятно кажется мнѣ догадка Погодина, что часть сбора должна была поступить Изяславу, какъ вознагражденіе за потерянный Переяславль (Хрон. указ. с. 145); Польской (II с. 390) думалъ, что сборы эти были подарены Изяславу.

²⁾ Ипат. с. 213, Лавр. с. 286—7, 1 Новг. с. 6, Никои. I с. 157—158, Татищевъ II с. 244—247; послѣдній, кажется, слѣдуетъ Никоновской л., но съ некоторыми отлчціями, которыя мнѣ кажутся не совсемъ вѣроятными; о вариантахъ Никои. л. и Татищева см. Карамзина II пр. 280.

нигова и затѣмъ, не принявъ рѣшительныхъ мѣръ, не заключивъ договора со Всеволодомъ, отступили въ Кіевъ, „не хотяще пролити крови христіанскія“ ¹⁾, и распустили войско: образъ дѣйствій довольно странный, развѣ, быть можетъ, они думали, что достаточно напугали Всеволода? ²⁾ Это было въ ноябрѣ 1134 г. ³⁾ Изяслава Мстиславича въ это время, кажется, не было на югѣ; вмѣстѣ съ братомъ Всеволодомъ, сидѣвшимъ въ Новгородѣ, онъ предпринималъ походъ на Суздаль, волость своего соперника, но новгородское ополченіе вернулось съ дороги ⁴⁾. Оставшись безъ войска, Изяславъ отправился въ Черниговъ, къ своимъ новымъ союзникамъ. Въ это время пришли и половцы къ Всеволоду Ольговичу; вмѣстѣ съ Ольговичами и Мстиславичами, Изяславомъ и Святополкомъ, они вторгнулись въ Переяславскую волость и начали опустошать лѣвый берегъ Днѣпра; населеніе спасалось на кіевскую сторону, но многіе были захвачены и перебиты, забрано было и множество скота. Ярополкъ собралъ кіевское ополченіе, Юрій привелъ переяславское, братья стояли въ бездѣйствіи около Кіева, потому ли, что нельзя было переправиться или, что, пожалуй, вѣроятнѣе—потому, что не рѣшались. Ольговичи также пришли и стали противъ Кіева въ бору около Городца; противники стояли такимъ образомъ три дня другъ противъ друга и затѣмъ начали переговоры. Ярополкъ, очевидно желалъ помириться съ Мстиславичами и разстроить ихъ союзъ съ Ольговичами; онъ отдалъ Переяславль брату Андрею, а Волинь Изяславу; этимъ постановленіемъ, мнѣ кажется, до нѣкоторой степени ослаблялась жгучесть переяславскаго вопроса: Андрей, какъ самый младшій изъ Мономаховичей, никоимъ образомъ не могъ претендовать на Кіевъ помимо Юрія, и переяславскій столъ терялъ значеніе ступени къ кіевскому; вопросъ о кіевскомъ столѣ становился открытымъ, и рѣшеніе его предоставлялось будущему. Всеволодъ также „умирился“ съ Ярополкомъ, остав-

¹⁾ Воскрес. I с. 30.

²⁾ Вѣдмелъ думалъ, что Мономаховичи боялись прихода половцевъ (Рассказ I с. 161), но это невѣроятно.

³⁾ Относительно хронологіи этихъ событій я слѣдую Погодину (Хронол. укр. с. 131 сл., 148—9), т. е. хронологіи 1 Новг.; Ипат. и Лавр. слѣдуетъ сравнительно съ нем.

⁴⁾ 1 Новг. с. 6: „ходи Всеволодъ съ Новгородѣди, хотя брата своего посадити Суздали“.

шлись безъ союзниковъ; онъ просилъ возвратить ему Посемье („что ны отецъ держалъ при нашемъ отци, того же и мы хочемъ“), грозя иначе возобновить военныя дѣйствія, но Ярополкъ, очевидно, не исполнилъ этой просьбы ¹⁾. Это происходило въ началѣ декабря 1134 г.

Одновременно съ походомъ Ольговичей на Переяславскую волость Юрія, новгородцы задумали снова идти на Суздаль; митрополитъ Михаилъ былъ въ это время въ Новгородѣ и всячески отговаривалъ ихъ отъ этого похода; кажется, что онъ былъ и посланъ изъ Кіева съ дѣлюю повліять на новгородцевъ. Новгородцы не послушали его и пошли; походъ окончился неудачно; Всеволодъ Мстиславичъ, узнавшій о примиреніи братьевъ съ Мономаховичами, очевидно, самъ стоялъ за миръ съ Юріемъ. Эта переиначивость политики увеличила неудовольствіе новгородцевъ, которое существовало еще прежде, со времени ухода Всеволода на столъ въ Переяславль, и они наконецъ ссадили его со стола и призвали Святослава Ольговича (1136 г.). Вообще переиначенія Мстиславичей въ Переяславль дорого обошлись дому Мономаха; еще раньше, благодаря этому, Изяславъ лишился Полоцкой волости, гдѣ была восстановлена прежняя династія; это же обстоятельство повліяло на потерю Новгорода, перешедшаго на время къ Ольговичамъ. Всеволодъ ушелъ въ Ярополку и получилъ отъ него Вышгородъ: этимъ Ярополкъ исполнялъ завѣщаніе Мстислава—заботиться о его дѣтяхъ ²⁾.

Ольговичи возобновили военныя дѣйствія на слѣдующій (1135) годъ и вмѣстѣ съ половцами снова вторглись въ Переяславскую волость. Ярополкъ съ братьями отправился противъ нихъ, но встрѣтивъ Ольговичей, поторопился вступить въ битву, не дождавшись всего земскаго ополченія, и потерпѣлъ пораженіе; много кіевскихъ бояръ было захвачено въ плѣнъ. Ярополкъ отступилъ, черниговское вой-

¹⁾ Ипат. с. 213—214, Лавр. с. 267—268, 1 Новг. с. 7.; По Ипат. войско стояло 60 дней у Кіева—очевидно, переписчикъ принял ѣ за и; относительно повторенія извѣстія о передачѣ Переяслава Андрею см. Востужева-Рюмина О составѣ рус. лѣт. с. 73; жибъ кажется, что и подъ 1136 г. въ Ипатской л. соединено два разныхъ, взаимно дополняющихъ другъ друга извѣстія.

²⁾ Ипат. с. 216, Лавр. с. 268—269, 1 Новг. с. 6—7, Никои. I с. 158—159. О записаніи, которое наложилъ на Никои. л. митр. Михаилъ на Новгородъ см. Карамзина II кр. 261.

ско явилось вслѣдъ за тѣмъ у Вышгорода, но перейти за Днѣпръ не рѣшилось. Ярополкъ снова сталъ собирать ополченіе, снова начались пересылки, которыя однако ни къ какому результату не привели. Ольговичи вернулись на нѣкоторое время въ Черниговъ, а въ концѣ года явились снова, перешли за Днѣпръ и стали опустошать окрестности Кіева отъ Стугны до Ирпеня, подошли къ самому Кіеву и на Лыбеди перестрѣливались съ киевлянами. Населеніе, какъ видно, успѣло укрыться въ Кіевъ; Ольговичи пожгли лишь нѣкоторые опустѣвшіе города (Треполь, Халѣвъ). Ярополкъ между тѣмъ собралъ, по словамъ лѣтописца, „множество вонъ изъ всѣхъ странъ“, но не началъ военныхъ дѣйствій, а вошелъ въ переговоры съ Ольговичами и заключилъ съ ними миръ (12 января 1136 г.). Можетъ быть, на него подѣйствовали увѣщанія митрополита Михаила, который съ крестомъ въ рукахъ ходилъ то къ Ольговичамъ, то къ Ярополку; по свидѣтельству Новгородской лѣтописи, посредникомъ между воюющими сторонами былъ также и епископъ новгородскій Нифонтъ; новгородцы вообще были заинтересованы примиреніемъ Мономаховичей и Ольговичей, такъ какъ эта борьба породила и въ Новгородѣ борьбу партій, и они еще раньше прислали, въ качествѣ посредника, своего посадника — „мирить Кыянь съ Черниговца“. Лѣтописецъ восхваляетъ смиреніе, обнаруженное при этомъ Ярополкомъ, что онъ „створися мнѣй въ нихъ“, памятуя заповѣдь Христову: „любите враги ваша“, но братья Ярополка и населеніе, по словамъ того же лѣтописца, были очень недовольны его уступчивостью, и онъ принялъ отъ нихъ „хулу и укоръ“. Ольговичамъ Ярополкъ отдалъ „отчину свою, чего и хотѣли“. Обыкновенно понимаютъ подъ этимъ уступку Посемья, которой просили Ольговичи въ 1134 г., и это совершенно вѣроятно: дѣйствительно, вскорѣ послѣ этого мы видимъ Курскъ въ рукахъ Ольговичей и отрядъ курянъ ходилъ на помощь Святославу Ольговичу въ Новгородъ. Было высказано мнѣніе, что подъ „отчиною“ въ данномъ случаѣ означается право на Кіевъ; это мнѣніе едва ли можетъ быть принято ¹⁾.

¹⁾ Ипат. с. 214—215, Лавр. с. 288—289, 1 Новгород. с. 7—8; Карамзинъ II. с. 109, Погодинъ Исслѣд. IV с. 448—4, Соловьевъ II с. 97, Вагартъ Ист. Сѣв. а. с. 191. Предположеніе, что подъ отчиною разумѣлись права на Кіевъ, высказано было Барсовымъ (Географ. Нач. лѣт. с. 810), но если понимать „отчину“, и „створися мнѣй въ нихъ“ о

Миръ, заключенный съ Ольговичами, продолжался впрочемъ не долго. Дѣла новгородскія, гдѣ Святославъ Ольговичъ, смѣнившій Всеволода Мстиславича, въ свою очередь былъ изгнанъ партіею Мономаховичей, были только предлогомъ; Ольговичи думали не о мести, а желали, пользуясь удобнымъ случаемъ, сдѣлать новыя приобрѣтенія. Въ 1138 г. они опять вторгаются съ половцами въ Переяславскую волость; Андрей, не получая помощи отъ братьевъ, рѣшился уйти изъ Переяслава, но Ольговичи вошли съ нимъ въ переговоры и „лестными словесы аки бес печали и створиша“; они, очевидно, желали разрознить Мономаховичей. Извѣстіе о томъ, что Святослава Ольговича перехватили на дорогѣ и арестовали въ Смоленскѣ, послужило имъ поводомъ къ новой войнѣ; они призвали новыя орды половцевъ и направились къ Кіеву, но услышавъ, что Ярополкъ „допѣлъ съ братією своею“, отступили къ Чернигову. Ярополкъ получалъ на этотъ разъ помощь отъ всѣхъ представителей Мономахова дома; къ нему пришли также подкрѣпленія галичанъ, полочанъ, угровъ и большой отрядъ берендѣевъ, такъ что, по словамъ лѣтописца, у него было „множество вой“. Черниговъ былъ осажденъ. Всеволодъ въ крайности собрался бѣжать къ половцамъ, но вѣче удержало его; онъ послалъ „съ покореньемъ“ къ Ярополку, прося мира. Очевидно, если бы Всеволодъ и заявилъ раньше претензіи на Кіевъ, во всякомъ случаѣ онъ долженъ былъ отказаться отъ нихъ теперь ¹⁾. У Моравіиска былъ заключенъ миръ, и князья разошлись во свояси. Этимъ окончилась борьба Ольговичей съ Ярополкомъ, потому что послѣдній скончался вслѣдъ за этимъ 18 февраля 1139 г. ²⁾.

кѣвскому столу, то это будетъ значить, мнѣ кажется, что Ярополкъ сошелъ съ кѣвскаго стана и уступилъ его Всеволоду; въ такомъ смыслѣ ниже употреблено выраженіе „ступился князь“ о Вячеславѣ (Ипат. с. 217), здѣсь же оно означаетъ просто „смирился“. Братья и все населеніе могли негодовать на Ярополка и за то, что онъ предпочелъ уступить Ольговичамъ, вмѣсто того, чтобы побориться силами. „Отчину свою“ Варсовъ отнести къ Ярополку, но „свою“ можно отнести (и это, по моему, будетъ вѣроятнѣе) къ Ольговичамъ, такъ какъ лѣтописніе „свой“ можетъ относиться не только къ подданству, ср. напр. Ипат. с. 246 строка 1, 322 стр. 18.

¹⁾ Ср. Вагалия Ист. Сѣв. з. с. 192.

²⁾ Ипат. с. 216—7, Лавр. 289—291, 1 Новг. с. 7—8; въ Воскресен. (I с. 31) берендѣевъ тысяча, а не тридцать тысячъ, какъ въ Лавр. и Ипат., и это гораздо болѣе вѣроятно.

Я счелъ нужнымъ остановиться на перепетіяхъ этой борьбы, потому что она близко касалась судьбы кіевского стола и служить началомъ послѣдующихъ событій, наполняющихъ вышнюю исторію Кіевщины въ теченіе полулѣтія. Политика Ярополка въ этой борьбѣ—политика по преимуществу братолюбія и миролюбія, потому онъ такъ и явился лѣтописцу. Ярополкъ, кажется, понималъ, какія сложныя отношенія возбудилъ вопросъ о Кіевѣ, какія темныя силы поднялись вмѣстѣ съ нимъ; не имѣя силъ распутать этотъ гордіевъ узелъ, онъ старался какъ-нибудь уладить, притушить смуту, отдалить рѣшеніе вопроса путемъ уступокъ и компромиссовъ; политика, конечно, не особенно полезная, но иная едва ли и была для него возможна: онъ не пользовался ни средствами, ни авторитетомъ своихъ предшественниковъ, онъ уже не былъ хозяиномъ Русской земли, а лишь первымъ между такими же князьями, каковымъ былъ самъ; даже безличней Вячеславъ не слушалъ его. Совершенно искренно желалъ онъ исполнить свое обязательство относительно Мстиславичей, но встрѣтивъ рѣзкую оппозицію со стороны братьевъ, не рѣшается осуществить свое намѣреніе и старается только какъ-нибудь помирить Мономаховичей и Мстиславичей—отдаетъ Переяславль братьямъ и задариваетъ племянника ¹⁾. Несомнѣнно, согласіе было необходимо Мономахову дому въ виду притязаній Ольговичей, но личные интересы брали верхъ, и старанія Ярополка были неудачны. Окончательное утвержденіе Переяславля за Андреемъ, какъ я сказалъ уже, не рѣшало собственно вопроса, а только отсрочивало его и не утвердило добрыхъ отношеній среди дома Мономаха; Мстиславичи считали себя обиженными, и въ послѣдующей борьбѣ съ Ольговичами Ярополку помогаютъ лишь братья—Вячеславъ, Юрій, Андрей; Юрій, очевидно, жилъ въ это время на югѣ. Только во время послѣдней войны Ярополка съ Ольговичами пришли къ нему на помощь и племянники; члены Мономахова дома на этотъ разъ обнаружили сознаніе солидарности относительно Ольговичей: послѣдніе заявили, вѣроятно, слишкомъ большія требованія, можетъ быть они касались Кіева. Но отношенія потомковъ Мономаха между собою оставались натянутыми, и этимъ объясняется послѣдующій захватъ Кіева Ольговичами.

¹⁾ Никон. I с. 158: это извѣстіе о подаркахъ очень вѣроятно.

Относительно Ольговичей Ярополкъ уступчивъ и склоненъ къ компромиссамъ до крайности. Онъ всячески избѣгаетъ рѣшительной борьбы съ ними, даже имѣя для нея средства; мнѣ кажется, не слѣдуетъ заподозрѣвать извѣстій лѣтописца, когда онъ говоритъ о значительныхъ силахъ Ярополка, за то подозрительно объясненіе политики Ярополка его христіанскимъ смиреніемъ. Ярополкъ въ другихъ случаяхъ обнаруживалъ отвагу и удалъ, даже безразсудную, и объяснять его поведеніе малодушіемъ—тоже трудно, особенно когда онъ такъ послѣдовательно держится одного и того же образа дѣйствій. Въ виду запутанныхъ отношеній въ средѣ своихъ родичей, Ярополкъ всячески старался умирить Ольговичей, отстранить ихъ отъ участія въ расприхъ Мономахова дома, не раздражая ихъ опустошеніями или захватами. Послѣдующія отношенія Мономаховичей и Ольговичей показываютъ, что открытая борьба съ Ольговичами, производившая ужасное ожесточеніе съ обѣихъ сторонъ, помогала дѣйствительно такъ же мало, какъ политика компромиссовъ Ярополка, можетъ быть еще меньше.

Весьма вѣроятно, что завладѣвъ Посемьемъ, Ольговичи задумали, въ виду несогласія среди Мономахова дома, отнять у него кievскій столъ; послѣдняя война, вѣроятно, и была предпринята съ этою цѣлью; но образъ дѣйствій Ольговичей относительно Кіева нельзя назвать удачнымъ: вражду съ Мономаховичами, они опустошали Кіевскую область и тѣмъ, конечно, возбуждали ненависть населенія; возобновленный ими союзъ съ половцами также не могъ снискать имъ расположеніе у кievскаго населенія; старая нелюбовь въ черниговскимъ князьямъ, возбужденная Олегомъ, воскресла съ новою силою. Правда, есть основаніе думать, что одновременно Ольговичи заботились о приобрѣтеніи приверженцевъ среди кievскаго населенія, устраивали партію, конечно, среди высшаго сословія по преимуществу, но этой партіи суждено было быть въ меньшинствѣ и не имѣть особеннаго вліянія на общество.

Каково было отношеніе кievскаго населенія къ тѣмъ расприамъ, которыя наполняли княженіе Ярополка? Объ этомъ лѣтописи даютъ весьма мало извѣстій. Трудно судить, насколько популяренъ былъ въ то время Изяславъ Мстиславичъ и насколько интересовало клянъ соперничество его съ младшими Мономаховичами, но вмѣшательство Ольговичей, которое сопровождалось даже вторженіемъ въ Кіевскую область и опустошеніями окрестностей Кіева, опустошеніями, отъ которыхъ кievское населеніе успѣло отвыкнуть за послѣдніе двадцать

лѣтъ, должно было вызвать живѣйшую вражду со стороны кievлянъ; во всѣхъ походахъ на Ольговичей за Днѣпръ, несомнѣнно, участвовало кievское земское ополченіе, не говоря, конечно, объ оборонительной войнѣ въ предѣлахъ Кievской области ¹⁾. Слова лѣтописца, что Ярополкъ „хулу и уворъ прия на ся отъ братьѣ своєа и отъ всихъ“ ²⁾ за свою уступчивость, мнѣ кажется, нужно понимать такъ, что и населеніе желало рѣшительной борьбы и наказанія Ольговичей.

Еще меныше лѣтопись даетъ основаній для сужденія объ отношеніи населенія къ самому Ярополку. Лѣтописецъ, несомнѣнно, очень расположенъ къ Ярополку, но его похвалы смиренію и миролюбію этого послѣдняго не даютъ еще права заключать того же относительно населенія. Въ общемъ политика Ярополка согласовалась съ интересами земли, и это, вѣроятно, понимало населеніе, хотя и роптало иногда на уступчивость его; въ отношеніяхъ къ землѣ, къ населенію Ярополкъ, вѣроятно, продолжалъ традицію народолюбства; кромѣ того онъ имѣлъ репутацію славнаго побѣдителя половцевъ, и кievляне въ общемъ, надо думать, были расположены къ этой „благовѣрной отрасли благовѣрнаго князя“. Лѣтопись изображаетъ его человѣкомъ благочестивымъ, кроткимъ, братолюбивымъ, въ то же время отважнымъ; совсѣмъ не встаетъ Никоновскій сводъ прибавляетъ, что для непокоящихся ояъ былъ страшенъ, и всѣ его трепсали ³⁾.

Узнавъ о смерти Ярополка, Вячеславъ немедленно явился и занялъ кievскій столъ. Суздальскіа лѣтописъ прибавляетъ, что митрополитъ со множествомъ народа встрѣтилъ его и посадилъ на столѣ. Населеніе однако едва ли могло выразить особенное сочувствіе къ Вячеславу; по своимъ способностямъ и характеру, онъ не могъ удержаться на столѣ при существованіи болѣе талантливыхъ претендентовъ, какими были Изяславъ и Юрій: это показалъ онъ достаточно во время спора за Переяславль; кievляне конечно понимали это, од-

¹⁾ Упомянуто на стр. 213 и 214 Ипат. л. „вои“—врядноподоби, земское ополченіе.

²⁾ Ипат. с. 215.

³⁾ Ипат. с. 209, 214—216, 1 Нов. с. 8; Татищевъ II с. 229; Соловьевъ II с. 104—105.

нако не имѣли пока никакой охоты вмѣшиваться въ борьбу претендентовъ и предпочли выжидать ¹⁾).

Но Изяслава и Юрія съ ихъ претензіями предупредилъ Всеволодъ Ольговичъ, благодаря близости своей волости къ Кіеву. Прежде чѣмъ тѣ успѣли заявить такое или иное отношеніе къ во княженію Вячеслава, Всеволодъ наскоро собралъ небольшую дружину и явился съ родичами въ Вышгородъ: здѣсь у него, надо полагать, была еще раньше значительная партія; по нѣкоторымъ спискамъ лѣтописей, вышгородцы участвовали и въ его походѣ на Кіевъ ²⁾. Подступивъ къ Кіеву, Всеволодъ началъ зажигать дворы въ Копыревѣ концѣ, чтобы принудить Вячеслава оставить городъ. Вячеславъ протестовалъ, но оружіемъ отставать Кіева не рѣшался. Кіевскому населенію претензіи Всеволода, конечно, были тоже очень непріятны: „Кіянѣмъ же и митрополиту не любо быти се“, говоритъ лѣтописный сводъ ³⁾; имъ вовсе не хотѣлось подчиняться Ольговичу, но и отставать непопулярнаго Вячеслава своими силами они не имѣли, конечно, желанія. Поэтому весьма вѣроятно извѣстіе или домысль Татищевского свода, что кіевляне, уstraшенные пожаромъ, сами стали понуждать Вячеслава выѣхать изъ Кіева, заявляя, что не желаютъ биться за него. Митрополитъ явился посредникомъ между соперниками, Вячеславъ „не хотя крове пролияти, но створися мний“, уступилъ кіевскій столъ и отправился обратно въ Туровъ, а Всеволодъ вступилъ въ Кіевъ 5 марта, двѣ недѣли спустя по смерти Ярополка, „съ честью и славою великою“. „Честь“ эту, конечно, могла оказывать ему только черниговская партія, а не населеніе вообще. Воирамъ и всему народу Всеволодъ задалъ пиръ, а церквямъ и монастырямъ была роздана богатая милостыня; это извѣстіе позднѣйшаго свода вполне вѣроятно: Всеволоду естественно было заботиться о приобрѣтеніи симпатій духовенства и вообще населенія ⁴⁾.

¹⁾ Ипат. с. 217, Лавр. с. 201, Никон. I. 168.

²⁾ „С вышгорода“ — въ Лавр. Акд. и лѣт. Червяс. Суд. (с. 54), въ Радзивилл. — „с Вышгорода“, во всѣхъ спискахъ Ипат. „изъ Вышгорода“, то же въ Воскр., рассказъ которой самостоятеленъ отъ Ипатской. Возможно, что чтеніе Лавр. возникло и ошибкою изъ второго чтенія.

³⁾ Софійск. I. 190. Мѣсто это спутано и приведенныя слова не идутъ изъ рассказа, но это-то, думаю, и свидѣтельствуеетъ о подлинности ихъ.

⁴⁾ Ипат. и Лавр. I. с. Воскресенск. I. 82. Никоновск. I. 168. Татищевъ II. 290. Ср. Ист. Ств. зем. Д. П. Вагалая с. 192—198. О черниговской партіи см. у П. В. Голубов-

Успѣхъ Всеволода объясняется быстротою нападенія, благодаря которой онъ предупредилъ претендентовъ Мономахова дома, соперничествомъ этихъ послѣднихъ, наконецъ стѣсненнымъ положеніемъ кіевскаго населенія, не имѣвшаго подъ рукою излюбленнаго кандидата. Захватъ Кіева Всеволодомъ основывался лишь на силѣ, былъ узурпаціею, будемъ ли мы разсматривать этотъ фактъ съ точки зрѣнія родовыхъ отношеній или нѣтъ: Всеволодъ не былъ вовсе старшимъ въ родѣ Святослава, и отецъ его не занималъ кіевскаго стола; между тѣмъ линія Мономаха, три представителя которой послѣдовательно занимали его, приобрѣтала уже какъ бы права собственности на него; вѣроятно, такой именно смыслъ имѣютъ слова, вложенныя въ уста Вячеслава и обращенныя ко Всеволоду: „азъ, брате, придохъ здѣ по братіи своей Мстиславѣ и Ярополцѣ, по отецъ нашихъ завѣщанію: аще ли ты восхотѣлъ еси сего стола, оставя свою отчину, иво, брате, азъ есмь мній тебе буду“¹⁾.

Замладѣвъ такъ удачно Кіевомъ, Всеволодъ на первыхъ порахъ выразилъ желаніе войти въ соглашенія съ Мономаховичами— „начя слатися къ Володимиричемъ и ко Мстиславичема, хотя мира с ними,“ въ особенности съ Изяславомъ; но тѣ не желали мириться съ совершившимся фактомъ: „ссылахуться сами межн собою, хотяче на нь понти Кіеву.“ Юрій отправился изъ Суздаля въ Смоленскъ, гдѣ сидѣлъ тогда Ростиславъ Мстиславичъ, и звалъ съ собою новгородцевъ въ походъ на Всеволода; это путешествіе Юрія въ Смоленскъ стояло, думаю, въ связи съ упомянутыми пересылками Мономаховичей: вѣроятно, при посредствѣ Ростислава Юрій желалъ войти въ соглашеніе съ Изяславомъ, но изъ этого ничего не вышло. Мономаховичи не сумѣли объединиться, и походъ ихъ на Всеволода не состоялся. Новгородцы также отказались отъ участія; сынъ Юрія— Ростиславъ, сидѣвшій у нихъ, долженъ былъ оставить столъ, и Юрій занялся борьбою съ Новгородомъ²⁾.

скаго—Ист. Оѣв. з. с. 112. Паслявное отношенію кіевлянъ къ возмуженію Всеволода Ольговича Соловьевъ (II с. 107) объясняетъ тѣмъ, что послѣдній дѣйствовалъ съ согласіемъ популярнаго въ Кіевѣ Изяслава Мстиславича.

¹⁾ Воскресенск. I. 82. Сужденія объ этомъ см. у Погодина (Послѣдован. IV. 378), Соловьева (II пр. 217).

²⁾ Плат. с. 218, I Повг. с. 8, Никон. I с. 164.

Попытка Мономаховыхъ потомковъ объединиться такимъ образомъ не привела ни къ какимъ результатамъ, между тѣмъ Всеволодъ задался, по словамъ лѣтописца, грандіознымъ планомъ; съ помощью в. князя польскаго, съ которымъ онъ еще раньше породнился, князей галицкихъ и своей братіи онъ задумалъ будто бы завладѣть волостями Мономахова дома: „самъ хотяше землю всю держати.“ Конечно, только собравъ въ своихъ рукахъ много волостей, Ольговичи могли приобрести прочное верховенство въ Русской землѣ и закрѣпить его, подобно Мономаху, за своимъ родомъ; но планъ этотъ такъ широкъ, что является сомнѣніе, точно ли Всеволодъ имѣлъ его, не были ли эти походы лишь демонстраціей относительно Мономаховичей, или не разыгралъ ли онъ лишь небольшой интермедіи по адресу своихъ родныхъ и двоюродныхъ братьевъ, домогавшихся новыхъ волостей. Одновременно были начаты военныя дѣйствія противъ Изяслава (Волинь), Вячеслава (Туровъ) и Андрея (Переяславль), и вездѣ, какъ и слѣдовало ожидать, неудачно. Войско, отправленное на Изяслава, „положилося“ и вернулось; галицкіе князья вошли въ сношенія съ Изяславомъ: имъ было вовсе не желательно, что бы Волинь снова объединилась съ Кіевомъ; дѣло ограничилось тѣмъ, что союзники Всеволода—половцы и ляхи пограбили волости Изяслава и Вячеслава. Андрею Всеволодъ предложилъ перейти изъ Переяславля изъ Курскъ; получивъ отказъ, Всеволодъ сталъ мириться съ нимъ; замѣчательно, что Всеволодъ даже не воспользовался при этомъ пожаромъ Переяславля, чтобы повредить Андрею: очевидно, онъ искренно желалъ мира, и это то и возбуждаетъ мысль, не было ли примиреніе съ Мономаховымъ домомъ цѣлью этой войны съ самаго начала. Между Андреемъ и Всеволодомъ былъ заключенъ миръ ¹⁾. Вслѣдъ за тѣмъ прислали къ Всеволоду своихъ пословъ Изяславъ и Вячеславъ „съ рѣчиши, радитися“; „Всеволодъ же не хотѣ учинити волѣ ихъ и послѣдѣ сдумавъ, оже ему безъ нихъ нѣлзѣ быти и давъ имъ прощениа ихъ и крестъ к нимъ дѣлова“ ²⁾. Я нарочно привелъ это мѣсто, такъ какъ изъ него видно, что переговоры шли не просто о примиреніи и сохраненіи волостей—объ этомъ Изяславъ не сталъ бы просить Все-

¹⁾ Ипат. с. 218—219; Лавр. с. 291—292.

²⁾ Ипат. с. 219.

волода, а о чемъ то иномъ, о чемъ еще нужно было „радитися.“
Позволю себѣ высказать предположеніе, что въ это, можетъ быть, время Всеволодъ далъ обѣщаніе передать по себѣ кievскій столъ Изяславу, а съ другой стороны, можетъ быть, въ это же время Изяславъ уговорился съ Вячеславомъ о совмѣстномъ наслѣдованіи кievскаго стола. Мнѣ кажется несомнѣннымъ, что Всеволодъ обѣщавъ Кіевъ Изяславу, иначе трудно объяснить себѣ, почему Изяславъ находился со Всеволодомъ въ хорошихъ отношеніяхъ почти во все время его правленія и не воспользовался его ссорой съ Ольговичами и Давыдовичами; прямо говорить о такомъ обѣщаніи Татищевскій сводъ, но по его словамъ, Всеволодъ обѣщавъ послѣ себя Кіевъ Изяславу еще до захвата Кіева и позднѣе мотивировалъ нарушеніе этого обѣщанія тѣмъ, что Изяславъ воевалъ противъ него, „согласяся со стрѣями своими“¹⁾. Это извѣстіе принимается многими учеными, но съ нимъ трудно согласить извѣстіе лѣтописи о враждебныхъ отношеніяхъ Изяслава ко Всеволоду при вокняженіи послѣдняго и первоначальномъ отказѣ мириться.

Всеволоду дѣйствительно нельзя было быть безъ Мономаховичей, и особенно Изяслава; отношенія его къ своимъ родичамъ были крайне натянуты; слѣдуя принципу „divide et impera,“ который онъ всегда проводилъ, Всеволодъ поссорилъ своего роднаго брата Игоря съ двоюроднымъ Владиміромъ, обѣщавъ Черниговъ обонимъ-и отдавъ послѣднему; Игорь даже пошелъ походомъ на Владиміра, желая, вѣроятно, отнять Черниговъ, но потомъ помирился. Брату Святославу Всеволодъ обѣщавъ Переяславль²⁾, но, какъ мы видѣли, не добылъ. На время Святославъ былъ отвлеченъ: его призвали въ Новгородъ на мѣсто Ростислава Юрьевича, но скоро онъ разошелся съ новгородцами и бѣжалъ; послѣдніе просили у Всеволода кого-нибудь изъ Мстиславичей, шурьевъ его, но Всеволодъ не желавъ „перепустити Новгородъ Володимерю племени,“ далъ Мстиславичамъ „отступного“ — Престскую волость, отобравъ ее у Вячеслава, и надѣялся, что новгородцы по необходимости возьмутъ княземъ кого-нибудь изъ Ольго-

¹⁾ Татищевъ II. с. 259, 271; см. Соловьева II с. 106—7, Иловайскаго Ист. Рос. I с. 207, Голубовскаго Ист. Сѣв. а. с. 118.

²⁾ Ипат. с. 218, Лавр. с. 291; такъ говорить и Татищевъ II с. 262, но раньше (с. 259) у него Переяславль былъ обѣщавъ Игорю, а Святославу—Курскъ.

вичей; но тѣ посадили у себя на столѣ опять Ростислава Юрьевича ¹⁾. Всеволодъ выместилъ свою неудачу на владѣннѣхъ Юрія: захватили Остерскій городокъ и другіе города его и разное имущество. Пользуясь этимъ, Изяславъ сталъ ходатайствовать, чтобы Всеволодъ позволялъ сѣсть въ Новгородѣ Святополку Мстиславичу. Всеволодъ на этотъ разъ согласился и отправилъ шурина въ Новгородъ; Ростиславъ Юрьевичъ былъ снова высланъ, и Святополкъ утвердился въ Новгородѣ ²⁾. Приведенный фактъ обнаруживаетъ полную солидарность между Всеволодомъ и Мстиславичами: безъ согласія Всеволода они не рѣшаются занять новгородскаго стола; при обиліи враговъ у Всеволода, этого никакъ нельзя объяснить однимъ страхомъ.

Между тѣмъ Святославъ Ольговичъ, вернувшись изъ Новгорода, не могъ удовольствоваться своими волостями; между нимъ и Всеволодомъ происходили по этому поводу переговоры, но они не привели къ соглашенію. Чтобы отвлечь Святослава отъ сближенія съ Игоремъ, Всеволодъ давалъ ему Бѣлгородъ ³⁾; насколько это содѣйствовало примиренію, неизвѣстно; если и примирило, то не надолго. Какъ видно изъ послѣдующаго, родичи Всеволода, обманувшись въ расчетахъ на кievскія волости, требовали отъ Всеволода, чтобы онъ предоставилъ имъ свои черниговскія владѣнія—землю вятичей. Но такая уступка поставила бы Всеволода въ зависимость отъ родичей (одними силами Кіевской волости онъ не удержался бы на кievскомъ столѣ), а этого онъ не желалъ. Отношенія скоро еще болѣе обострились; въ 1141 г. скончался Андрей и переяславскій столъ освободился. Всеволодъ предложилъ перейти на этотъ столъ Вячеславу, на томъ основаніи, что Туровская волость составляетъ принадлежность Кіева, и посадилъ въ Туровѣ сына Святослава; въ дѣйствительности Всеволодъ перевелъ Вячеслава едва ли не для того, чтобы обойти свое прежнее обѣщаніе—предоставить Переяславль брату

¹⁾ Ипат. с. 220—221, Лавр. с. 292—294, 1 Новг. с. 9.

²⁾ Ипат. с. 221—222, Лавр. с. 294, 1 Новг. с. 9; въ Лавр.: „опять уладися (Воскр. I 33, Тверск. 204—умириса) Всеволодъ с шуринома своимъ, и да има Пльгородъ“; основываясь на обстоятельныхъ извѣстіяхъ Ипатской л., кажется, едва ли можно предположить въ это время непріязненные отношенія между Всеволодомъ и Мстиславичами, и „уладися“ нужно понимать, какъ „вошелъ въ соглашеніе“.

³⁾ Ипат. с. 221 (имя Святослава пропущено—его исполнилъ Соловьевъ II вр. 223).

Святославу ¹⁾. Братья Всеволода были возмущены этимъ: „волости дасть сынови, „а братьи не надѣли ничимъ же.“ Они вошли въ соглашеніе съ Давыдовичами относительно своихъ претензій; Всеволодъ пригласилъ тѣхъ и другихъ на съѣздъ къ себѣ ²⁾, желая уладиться съ ними; они явились, но остановились за Двѣпромъ—Давыдовичи со Святославомъ въ Ольжичахъ, а Игорь у Городца, а въ Кіевъ ѣхать отказались. Начались пересылки. Всеволодъ предлагалъ имъ по городу въ новопріобрѣтенной Туровской волости, но тѣ рѣшились не принимать надѣловъ въ „Кіевской волости,“ а добиваться „Черниговской и Новгородской волости“ ³⁾. Всеволодъ не согласился на ихъ требованія. Тогда Ольговичи пошли на Вячеслава, желая добыть себѣ Переяславль, но за него вступились другіе князья: Всеволодъ отправилъ на помощь къ нему Лазаря Саковскаго „с Печенѣги и с вон,“ Изяславъ поспѣшилъ къ стрюю своему изъ Владиміра, Ростиславъ изъ Смоленска; Ольговичи были отбиты, Мстиславичи въ отместку разграбили ихъ волости по Сожу и Деснѣ. Всеволодъ чрезъ двоюроднаго брата, печерскаго подвижника—Святосу Давыдовича, вошелъ снова въ переговоры съ родичами; на этотъ разъ они оказались сговорчивѣе и по приглашенію Всеволода явились въ Кіевъ. Вѣрный своей тактикѣ, Всеволодъ и тутъ раздѣлил своихъ противниковъ: заключилъ сепаратный договоръ съ Давыдовичами и тѣмъ принудилъ братьевъ согласиться на его предложенія; къ прежнимъ туровскимъ городамъ (Берестье, Дрогачинъ, Клецкъ и Черторыйскъ) онъ придалъ еще четыре города (Вщижъ, Оромину, Юрьевъ Городецъ и Рогачевъ), по два города на брата. Между тѣмъ Вячеславъ, обезпеченный, вѣроятно, притязаніями Ольговичей, по соглашенію съ Изяславомъ и Всеволодомъ перешелъ обратно въ Туровъ; въ Переяславлѣ сѣлъ Изяславъ, а во Владимірѣ Всеволодъ посадилъ сына Святослава ⁴⁾. Во всемъ этомъ эпизодѣ оцять-таки замѣтна большая

¹⁾ Ипат. с. 221—222, Лавр. с. 293—294; ср. Ист. Сѣв. зем. Д. Н. Баранъ с. 195.

²⁾ По Таташеву (II с. 266)—въ Вышгородѣ, но такъ какъ родичи съѣхались у Кіева, то вѣроятнѣе, что Всеволодъ и приглашалъ ихъ въ Кіевъ.

³⁾ П. В. Голубовскій (Ист. Сѣв. з. с. 113—114), отвергая самодѣтельность лѣтописца, что Святославъ сидѣлъ въ Новгородѣ Сѣверскомъ (Ипат. с. 221), полагаютъ, что этого Новгорода и добивались Ольговичи.

⁴⁾ Ипат. с. 222—223, Лавр. с. 294.

солидарность между Мстиславичами, Вячеславомъ и Всеволодомъ; очевидно, между ними существовало какое-то соглашеніе, объединявшее ихъ интересы; объединить же ихъ едва ли могло что-нибудь другое, кромя договора, по которому бы послѣ Всеволода наследовалъ Кіевъ Изяславъ Мстиславичъ, при томъ, совмѣстно съ Вячеславомъ: иначе трудно объяснить себѣ энергичную поддержку оказанную Вячеславу со стороны Мстиславичей и переходъ Изяслава въ Переяславль: волюсть эта была хуже Волыни, и Изяславъ, очевидно, имѣлъ въ виду что-нибудь большее, чѣмъ ее только. Этотъ союзъ Всеволода съ Мстиславичами сердилъ Ольговичей: „осажался ими около, а намъ на безголовне и беззмѣстѣ, и собѣ,“ роптали они и все доучали Всеволоду, совѣтуя разорвать эту дружбу — „онъ же воли ихъ не учини“¹⁾.

Это было въ началѣ 1143 г.; начиная съ этого времени отношенія Ольговичей къ Всеволоду уже измѣняются; вражды болѣе между ними вѣтъ. Всеволодъ общается кievскій столъ послѣ себя Игорю, но до времени это обѣщаніе оставалось въ тайнѣ, и добрыя отношенія между Всеволодомъ и Мстиславичами продолжались. Такъ въ 1143 г. Всеволодъ съ кievскими боярами гулялъ въ Переяславль у Изяслава, на свадьбѣ его дочери²⁾; Мономаховичи принимаютъ участіе въ походѣ Всеволода на Володимірка галицкаго. Обѣ стороны въ это время, очевидно, озабочены приобрѣтеніемъ союзниковъ въ виду той борьбы, которая непременно должна была возникнуть за кievскій столъ по смерти Всеволода. Игорь старается примирить Всеволода съ Володиміромъ, желая приобрѣсть „приятеля“ для этой цѣли. Еще раньше Изяславъ отправляется на сѣверъ къ Юрію, отъ него къ братьямъ — Ростиславу, въ Смоленскъ, и Святополку, въ Новгородъ. Съ Юріемъ онъ не успѣлъ „уладиться“: вѣроятно, онъ желалъ войти въ соглашеніе съ нимъ относительно кievскаго стола; въ связи съ этимъ вопросомъ, очевидно, стоитъ и посѣщеніе братьевъ³⁾.

Зъ 1145 году Всеволодъ открылъ свои карты: онъ, вѣроятно, ожидалъ близкой смерти и считалъ нужнымъ заранѣе объявить завѣщаніе, вообще имѣвшее нѣкоторый вѣсъ при приобрѣтеніи столовъ.

¹⁾ Ипат. с. 224.

²⁾ Ипат. с. 224, Лавр. с. 296.

³⁾ Ипат. с. 224, 226, Лавр. с. 294—5, 296.

Онъ призвалъ въ Кіевъ братьевъ, Владимира Давидовича и Изяслава Мстиславича, объявилъ, что передаетъ послѣ себя кіевскій столъ Игорю, мотивируя это тѣмъ, что и Мономахъ, приобрьвъ кіевскій столъ, такимъ же образомъ заврѣнилъ его за своимъ родомъ, и предложилъ присутствовавшимъ князьямъ цѣловать крестъ въ томъ, что признаютъ Игоря кіевскимъ княземъ и не будутъ претендовать на на дѣлы. Изяславъ Мстиславичъ, хотя „много замышлялъ“, но счелъ за лучшее поцѣловать крестъ и ожидать болѣе удобнаго времени для своихъ претензій ¹⁾. Впрочемъ въ послѣдовавшемъ за этимъ походѣ въ Польшу онъ не принялъ участія—„разболѣся“, неизвѣстно, притворно, или дѣйствительно ²⁾. Относительно другого похода—на Володимірка Галицкаго (1146 г.)—въ лѣтописяхъ разногласіе: по Кіевской въ этомъ походѣ участвовалъ Изяславъ съ Ростиславомъ, по Суздальской—онъ былъ оставленъ дома; если онъ участвовалъ дѣйствительно, то, значить, затаялъ свое неудовольствіе до времени ³⁾.

Послѣдніе годы правленія Всеволода были заняты войнами съ Володиміркою и польскими князьями. Слѣдуя традиціонной политикѣ своего дома—не допускать соединенія Волыни съ Кіевомъ, прежній союзникъ Всеволода—Володимірко „раскаторался“ съ нимъ, когда на Волыни сѣлъ Святославъ Всеволодовичъ. Въ 1143 году Всеволодъ отправился на Володимірка съ большимъ войскомъ, но послѣдній избѣгъ опасности: привлекъ на свою сторону Игоря, обѣщая ему содѣйствовать въ приобрьтеніи кіевского стола, и при его посредствѣ помирился съ Всеволодомъ, заплативъ контрибуцію; эту контрибуцію Всеволодъ раздѣлилъ между участниками похода ⁴⁾. Однако миръ былъ не продолжителенъ; Володимірко захватилъ Прилуку и лѣтомъ 1146 г., уже передъ смертью, Всеволодъ отправился вторично на него походомъ; весьма вѣроятно, что при этомъ онъ поддерживалъ соперника Володимірка, его племянника—Ивана Берладника, который нашелъ себѣ убѣжище

¹⁾ Ипат. с. 227; начало рѣчи Всеволода, къ сожалѣнію, не сохранилось (ср. воспоминаніе Татищева II с. 271).

²⁾ Причиною могло быть и то, что походъ предпринимался, между прочимъ, на Болеслава Кудряваго, родственника Изяслава—см. Липинченко, Визанія. отн. с. 157.

³⁾ Ипат. с. 227—228, Лавр. с. 297.

⁴⁾ Ипат. с. 225—6, Лавр. с. 295—6.

къ Кіевъ; возможно, что это-то обстоятельство и обострило вторично отношенія Володими́рка къ Всеволоду ¹⁾. Въ Кіевъ Всеволодъ оставилъ брата Святослава, едва ли не про случай смерти. Походъ былъ безуспѣшный: можетъ быть, болѣзнь заставила Всеволода поторопиться возвращеніемъ ²⁾.

Походы въ Польшу предпринимались Всеволодомъ по просьбѣ его союзника—Владислава, сына Болеслава Кривоустаго. Послѣдній находился въ непріязненныхъ отношеніяхъ со своими братьями и нуждался въ поддержкѣ извнѣ; съ самаго вокняженія Всеволода въ Кіевѣ Владиславъ находится съ нимъ въ дружескихъ отношеніяхъ—дружба эта была скрѣплена женитьбою сына Владислава—Болеслава на дочери Всеволода, между тѣмъ какъ соперникъ его—Болеславъ Кудравый былъ женатъ на племянницѣ Изяслава. Владиславъ, вѣроятно, помогалъ Всеволоду въ первоначальной борьбѣ его съ Изяславомъ Мстиславичемъ, онъ же участвуетъ въ походѣ на Володими́рка 1144 г.; на свадьбѣ одной изъ дочерей Всеволода въ Кіевѣ гуляли между прочимъ и „безбожни ляхове“ ³⁾. Съ своей стороны, Всеволодъ два раза (въ 1142 и 1145 г.) посылалъ Владиславу вспомогательные отряды „на братью его меньшую“ ⁴⁾. Вслѣдъ за тѣмъ Владиславъ однако былъ изгнанъ изъ Польши; самъ онъ отправился за помощью въ Германію, а сына Болеслава отправилъ къ Всеволоду; этотъ Болеславъ жилъ при дворѣ Всеволода до смерти его ⁵⁾, смерть, вѣроятно, и помѣшала Всеволоду помочь своему свату.

Относительно половцевъ Всеволодъ продолжалъ политику своего отца. Еще при Мстиславѣ и Ярополкѣ онъ пользовался ихъ помощью

¹⁾ Ср. Зубрицкаго оп. с. II с. 63.

²⁾ Ипат. с. 228, Лавр. с. 296—7.

³⁾ Ипат. с. 215, 216, 220, 224, 225. Объ отношеніяхъ Всеволода и Владислава см. Соловьева II с. 118—119, Липинченко Владим. отн. с. 152—159; о бракахъ см. у г. Липинченка с. 59, 60 и Соловьева II пр. 235.

⁴⁾ Ипат. с. 224, 227, Лавр. с. 294.

⁵⁾ Ипат. с. 228 (и Болеслава, лядскаго князя) и 229 (Володислава зятя своего); послѣднее мѣсто возбуждаетъ сомнѣніе и, по всей вѣроятности, испорчено; очень возможно, что мѣсто Владислава нужно тутъ читать „Болеслава“, см. Липинченко оп. с. 158—159, Андриешевъ оп. с. с. 122; другіе ученые принимали чтенія лѣтописи—Карамзинъ II с. 116, Соловьевъ II пр. 235, Вестужевъ-Римницъ, О составѣ р. л. с. 75.

протівъ Мономаховичей. Сдѣлавшись кievскимъ княземъ, онъ поддерживалъ къ нимъ прежнія отношенія; половцы участвовали въ походахъ на Мономаховичей (1139 г.), при чемъ повоевали волость Туровскую, и на Володимирка (1146 г.). Эта политика, вовлекавшая половцевъ въ распри князей и дававшая имъ возможность разорять русскія земли, была, несомнѣнно, очень пагубна; она ободряла половцевъ послѣ поражений, нанесенныхъ Мономаховичами, и приучала къ самостоятельнымъ вторженіямъ въ Русь. Неудобства ея испыталъ, кажется и самъ Всеволодъ; по извѣстію Никоновскаго свода, половцы, еще до вокняженія Всеволода въ Кіевѣ (1140 г.), разорили Посемье, и Всеволодъ, занявъ Кіевъ, ходилъ на нихъ походомъ и много избилъ ¹⁾; въ томъ же году у Малотина, въ землѣ Переяславской, Всеволодъ и Андрей сѣзжались съ князьями всей Половецкой земли и заключили съ ними миръ, т. е. купили его ²⁾. Такое поведеніе половцевъ вполне понятно: при раздробленности племеннаго строя ихъ, дружба съ одними колѣнами нисколько не гарантировала отъ нападений другихъ, не ожидавшихъ уже призыва для того, чтобы грабить русскія земли.

Мы видѣли уже, что захватъ Кіева Всеволодомъ былъ очень непріятенъ кievлянамъ, и они покорились только для того, чтобы не подвергнуть страну разоренію. За время княженія Всеволода Ольговичи не только не успѣли приобрести симпатій населенія, но еще болѣе оттолкнули его. Кіевское боярство, несомнѣнно, было недовольно преобладаніемъ пришлыхъ черниговскихъ бояръ. Есть основаніе предполагать, что и съ митрополитомъ произошло какое-то столкновеніе, вслѣдствіе котораго онъ уѣхалъ въ Константинополь ³⁾. Народъ былъ сердатъ на княжескихъ тиуновъ, тоже, вѣрно, пришлыхъ, разорявшихъ народъ „продажами“ ⁴⁾. Неудовольствіе населенія, привыкшаго къ традиціонной борьбѣ съ кочевниками, долженъ былъ возбуждать и

¹⁾ Никон. I. с. 161 и 163.

²⁾ Плат. с. 230, Лавр. с. 292; Малотинъ приручивалъ вслѣдъ за Ходановскими (Карамзинъ II пр. 274) къ Малотинцамъ на Оржицѣ.

³⁾ Объ этомъ см. ниже, въ обзорѣ внутреннихъ отношеній.

⁴⁾ Татищевскій сводъ прибавляетъ еще, что населеніе возмущалось распутомъ Ольговичей см. II с. 281, 284, 312; второе свидѣтельство особенно кажется мнѣ сомнительнымъ: неужели и жители Поросья терпѣли отъ этого распутова.

союзъ съ половцами: лѣтопись упоминаетъ о разореніи этими союзниками Всеволода Туровской волости,—конечно, при этомъ пострадала и волость Кіевская. Тѣмъ не менѣе населеніе терпѣливо сносило господство Всеволода, потому ли, что находило возстаніе слишкомъ рискованнымъ и опаснымъ, или просто вслѣдствіе инертности. Негодованіе проявилось лишь по смерти Всеволода. Любопытно одно случайное замѣчаніе лѣтописца: рассказывая о свадьбѣ дочери Изяслава, онъ говоритъ, что на это торжество пришелъ Всеволодъ „со всѣми бояры и с Кыяны“¹⁾; кыяне здѣсь противопоставляются боярамъ Всеволода, подъ ними слѣдовательно нужно разумѣть представителей земства, а послѣднихъ едва-ли привелъ на это торжество Всеволодъ²⁾; скорѣе ихъ пригласилъ Изяславъ, или они сами отправились къ нему. Не можетъ ли это указывать на существованіе сношеній недовольнаго кіевскаго населенія съ Изяславомъ? Живя въ Переяславѣ, Изяславъ могъ легко поддерживать подобныя сношенія, и послѣдующія событія даютъ поводъ предполагать ихъ существованіе.

Оглядываясь на княженіе Всеволода, нельзя не признать въ немъ замѣчательныхъ способностей политика. Необыкновенно ловко воспользовавшись раздоромъ среди Мономаховичей, онъ съ помощью своей братіи захватываетъ Кіевъ и заставляетъ своихъ соперниковъ примириться съ этимъ фактомъ. Утвердившись въ Кіевѣ, онъ сближается съ Мономаховичами и пріобрѣтаетъ ихъ содѣйствіе—вѣроятно, благодаря обѣщанію передать имъ Кіевъ; съ помощью Мономаховичей даетъ отпоръ претензіямъ своей братіи, добивавшейся вознагражденія за свою поддержку, заставляетъ ихъ смириться и покориться. Усмиривъ такимъ образомъ однихъ враговъ съ помощью другихъ, онъ уже не считаетъ нужнымъ притвориться и завѣщаетъ столъ Игорю; дѣйствительно Мономаховичи не нашли возможнымъ воспротивиться этому. *Oderint, dum metuant* было девизомъ Всеволода, и политика его дала, повидимому, блестящій результатъ: вся почти Русь (исключая лишь окраины), была въ сферѣ его вліянія; походъ на Володиміра 1144 г., въ которомъ приняли участіе Игорь и Святославъ Ольговичи, Владиміръ Давыдовичъ, Ростиславъ Глѣбовичъ (племянникъ Всеволода),

¹⁾ Лавр. с. 296.

²⁾ Какъ думалъ впрочемъ Виллемъ—Рассказы I с. 196.

Вячеславъ, Ияславъ и Ростиславъ Мстиславичи, Борисъ и Глѣбъ Всеволодовичи городенскіе и польскій великій князь Владиславъ, была какъ бы внѣшнимъ выраженіемъ этого вліянія; только полоцкіе князья были внѣ этого вліянія, отчасти Новгородъ, да Юрій продолжалъ оставаться въ оппозиціи, хотя пассивной: ему пришлось терпѣливо перенести опустошеніе своихъ владѣній и проглотить обиду.

Отдавая справедливость уму и политической ловкости Всеволода — что признають за нимъ и лѣтописцы ¹⁾, — признавая въ немъ одну изъ выдающихся личностей XII в., историкъ не можетъ добромъ помянуть его: дѣятельность Всеволода, несомнѣнно, была вредна для Южной Руси; она внесла въ современную политику новыя усложненія и смуты, въ конецъ расшатавшія политическій строй Руси, она же до нѣкоторой степени возвратила степнякамъ ихъ прежнюю пагубную роль относительно ея. Этого, конечно, Всеволодъ не понималъ и не желалъ, онъ не былъ такимъ сознательнымъ разрушителемъ, какъ Андрей Боголюбскій. Почва для его дѣятельности была подготовлена предшествующими политическими отношеніями, то же, что сдѣлалъ онъ, сдѣлалъ бы, вѣроятно, и другой Святославичъ рано или поздно, хотя, можетъ быть, и съ меньшимъ талантомъ и успѣхомъ. Его цѣлью было благополучіе собственное и своего дома, для этой цѣли онъ не останавливался ни передъ чѣмъ; но успѣхи его были не прочны: созданное имъ могущество Ольговичей рушилось тотчасъ по смѣрти его. Вообще Всеволодъ во многомъ напоминаетъ своего дѣда — Святослава: та же беззащѣпчивая, но талантливая политика, недолговѣчное могущество и недобрая память потомства ²⁾.

Вернувшись изъ похода на Володимірка, Всеволодъ разболѣлся; почувствовавъ близость смерти, онъ призвалъ къ себѣ братьевъ — Игоря

¹⁾ Лавр. с. 290 (см. Радзив. и Акад.): „яко смисленъ смѣ“; отиць словъ нѣтъ у кievскаго лѣтописца.

²⁾ Характеристику его см. у Татищева II с. 281, Карамзина II, с. 122, Соловьева II с. 120, Голубовскаго Ист. Сѣв. а. с. 131. Карамзинъ называетъ его лучшимъ изъ князей Олегова племениаго рода, приписываетъ ему „государственнаго благодѣанія“; П. В. Голубовскій находитъ, что Всеволодъ „умѣлъ прикритъя и обще-русскіи интересаи, и въ этомъ случаѣ, возможна паралель между нимъ и Владиміромъ Мономахомъ“; я этого не нахожу.

и Святослава и отправился в Вышгородъ, быть можетъ, надѣясь на исцѣленіе у мощей святыхъ угодниковъ¹⁾. Болѣзнь усилилась, и Всеволодъ остался подъ Вышгородомъ на островѣ²⁾, уже, вѣроятно, не будучи въ силахъ вернуться въ Кіевъ. Сюда призвалъ онъ представителей кіевскаго населенія и рекомендовалъ имъ въ князя брата Игоря: „азъ есмь велии боленъ, а се вы братъ мой Игорь, имѣтесе по нь. Они же рекоша: княже, ради ся немь“ (съ радостію принимаютъ). Послѣ этого Игорь отправился съ ними въ Кіевъ, было созвано общее вѣче, на которомъ Игорь уже всенародно былъ избранъ княземъ. На другой день онъ вернулся въ Вышгородъ и принялъ присягу отъ вышгородцевъ; этотъ фактъ имѣлъ, кажется, характеръ любезности относительно вышгородцевъ, такъ какъ рѣшеніе старѣйшаго города собственно было само по себѣ обязательно для пригорода: Ольговичи имѣли, повидямому, сильную поддержку въ Вышгородѣ и покровительствовали ему³⁾. Постаравшись такимъ образомъ подкрѣпить народнымъ согласіемъ свое завѣщаніе, Всеволодъ послалъ пословъ къ Давыдовичамъ и Изяславу Мстиславичу, какъ возможными претендентамъ, съ напоминаніемъ, что они клялись признать кандидатуру Игоря; тѣ подтвердили свое согласіе, но Всеволодъ уже не услышалъ ихъ отвѣта, такъ какъ скончался на другой день послѣ отправленія посольства, 1 августа 1146 г.; онъ былъ погребенъ въ Вышгородѣ же въ церкви св. Бориса и Глѣба⁴⁾. Лѣтопись молчитъ о какихъ-либо выраженіяхъ народной скорби; ихъ, вѣроятно, и не было: Всеволодъ имѣлъ союзниковъ, но едва ли были у него почитатели.

Похоропивъ Всеволода, Игорь отправился въ Кіевъ, чтобы снова принять присягу, уже въ качествѣ дѣйствительнаго князя. „Кыяне

¹⁾ Лавр. с. 297: „везоша и Вышегороду“; Карамзинъ II с. 122, Иловайскій I. 213.

²⁾ См. выше с. 24.

³⁾ Дилличенко, Вѣче с. 88. Этотъ ученій объясняетъ призваніе кіевскихъ представителей въ Вышгородъ тѣмъ, что Всеволодъ больше доиралъ вышгородцамъ; но это обстоятельство вѣроятно будетъ объяснено болѣзнію Всеволода: едва ли могъ бы чинъ-шбуда помочь вызовъ кіевскихъ представителей; Игорь поѣхалъ затѣмъ за присягою въ Кіевъ, следовательно надѣялся на согласіе всего населенія.

⁴⁾ Ипат. с. 229, Лавр. с. 297; въ послѣдней другая дата—30 іюля, но дата Ипатской л. подтверждается позднѣйшимъ указаніемъ—Ипат. с. 476.

вся⁴ были созваны на Ярославль дворъ и безпрекословно цѣловали крестъ Игорю. Но вслѣдъ за тѣмъ происходитъ новое вѣче, по инициативѣ уже самаго населенія, на которомъ кіяне рѣшаютъ представить свои требованія новому князю: очевидно, предшествовавшее вѣче происходило при обстановкѣ, неудобной для выраженія претензій, или населеніе было захвачено врасплохъ и не успѣло притти къ опредѣленнымъ рѣшеніямъ ¹⁾. Теперь припоминали всѣ непріятности прошлаго княженія и рѣшили впредь гарантировать себя отъ нихъ. Вѣче послало за княземъ, но Игорь послалъ вмѣсто себя для переговоровъ брата Святослава. Кіяне предъявили жалобы на княжескихъ тиуновъ: „Ратша ны погуби Кыевь, а Тудоръ Вышегородъ, а нынѣ, княже Святославе, цѣлуй намъ крестъ и зъ братомъ своимъ: аще кому насъ будетъ обида, то ты прави²⁾“. Святополкъ цѣловалъ крестъ за себя и брата, обѣщая, что населеніе не будетъ терпѣть болѣе никакого насилія, и народныя требованія относительно тиуновъ будутъ исполнены: „азъ цѣлую крестъ за братомъ своимъ, аю не будетъ вы насилія никоторого же, а се вамъ и тивунъ (а тивуны—Воскр.) а по вашей воли“ ³⁾. Заключивъ такой „рядъ“ съ княземъ, киевляне снова ему присягнули; взаимная присяга затѣмъ была повторена между Игоремъ и представителями вѣча—лучшими мужами, на этихъ же условіяхъ. Игорь уѣхалъ послѣ этого ряда, разѣхались, вѣроятно, и „лучшіе мужи“. Тогда „люди“, т. е. извѣстная, бѣднѣйшая часть

¹⁾ Татищевъ (II с. 282), чтобы объяснить фактъ двуиричнаго вѣча, говоритъ, что первое вѣче состояло лишь изъ знатныхъ лицъ, второе было всенародное, но по Ипат. л. къ обоимъ случаямъ дѣйствуютъ „вси Кіево“.

²⁾ Въ Воскр. (I. 85): „аще кому до насъ будетъ дѣло какое, да сами насъ судите“. Слова вѣча о Вышегородѣ несомнѣнно объясняютъ непріязни присутствіемъ вышегородцевъ: оно и безъ того обидно было блести интересамъ иригородцевъ.

³⁾ Последнее выраженіе весьма; Татищевъ (II с. 282), за нимъ нѣкоторые другіе (напр. Костомаровъ Моногр. I с. 209) понимали это, какъ предоставленіе народу избранія тиуновъ; я думаю, что дѣло скорѣе шло лишь объ аппелляціи на нихъ. Въ Воскр. условія рада изложены полнѣе, но, кажется, съ нѣкоторою путаницей: тиуны не должны вовсе судить народа, и въ то же время постановляется, чтобы они брали судебныя штрафы не по произволу, „а урокомъ“ („азъ, брате, цѣловалъ крестъ на томъ Кіево, аю бити тебѣ княземъ во правду, а людямъ кому до кого обида будетъ, нио ти ихъ судити во правду самому, или ниѣ, а тиуномъ ихъ не судити, ни продавати; а что были тивуны брата нашего Ратша и Тудоръ, а тѣмъ не бити, а конемъ будетъ бити, нио имъ знати съ суда урокомъ, а въ свою волю имъ людей не продавати“).

населенія, начали громить дома неизвестныхъ княжескихъ чиновниковъ—тиуна Ратши и мечниковъ; Святославъ съ дружиной едва прервали это движеніе. Но вслѣдъ за тѣмъ во всемъ населеніи стало обнаруживаться неудовольствіе противъ Игоря въ пользу Изяслава Мстиславича: по свидѣтельству Воскресенской лѣтописи, вполне вѣроятному, Игорь не исполнилъ тѣхъ обѣщаній, которыя далъ народу, и это было причиною неудовольствія ¹⁾. Это между тѣмъ стало, конечно, известно Изяславу, и когда Игорь послалъ къ нему посла съ извѣстіемъ о смерти Всеволода и напоминаніемъ о присягѣ, онъ уже не отвѣчалъ и задержалъ посла. Игорь обратился къ Давыдовичамъ; тѣ стали уже требовать за помощь надѣловъ; Игорь вынужденъ былъ удовлетворить ихъ требованія. Въ то же время, замѣтивъ, вѣроятно, неудовольствіе и броженіе въ населеніи, онъ старается привязать къ себѣ прежнихъ бояръ Всеволода: лѣтопись рассказываетъ о его переговорахъ съ тысяцкимъ Улѣбомъ и Иваномъ Войтишичемъ, которыхъ онъ обѣщалъ сохраненіе занимаемыхъ ими должностей. Но народное неудовольствіе обнаружилось, очевидно, настолько сильно, что упомянутые бояре, принявшіе сторону Всеволода, не сочли выгоднымъ связываться долѣе свою участь съ участью Ольговичей; они, напротивъ, ходятъ въ сношенія Изяславомъ, чтобы заручиться его расположеніемъ, и одновременно лицемѣрять предъ Ольговичами ²⁾.

Наконецъ кіевляне послали Изяславу приглашеніе на кіевскій столъ. Изяславъ не медля двинулся изъ Церяславля. Его походъ, можно сказать, былъ триумфальнымъ шествіемъ. Перейдя Днѣпръ (у Заруба), онъ встрѣтилъ представителей черныхъ кlobуковъ и всего Поросья, которые привѣтствовали его, какъ князя: „ты нашъ князь, а Ольговичъ не хочеть, а поѣди вборѣ и мы съ тобою“; затѣмъ ихъ ополченія присоединились къ полку Изяслава у Дерноваго; тутъ же встрѣтили его представители Бѣлгорода и Василева, дагѣ „мужи отъ Кіивъ“, съ тѣми же привѣтствіями: „ты князь нашъ“ и выраженіи

¹⁾ Воскр. I с. 85, Татищевъ II с. 288. Воскресенская лѣт. въ этой части очень сходна съ Ипат., но самостоятельна отъ дошедшихъ списковъ послѣдней, заимляеть ихъ чертъ и представляетъ нѣкоторые весьма вѣроятные варианты. Настоящее свидѣтельство ее принимали Карамзинъ II с. 123, Соловьевъ II с. 121.

²⁾ Иванъ Войтишичъ былъ бояриномъ Мономаха и Мстислава, затѣмъ перешелъ на сторону Всеволода.

ями преданности: „поѣде, Ольговичевъ не хочеть быти акы в задничѣ (наслѣдственнымъ достоиніемъ), кде узримъ стягъ твой, ту и мы с тобою готови есмь“. Изяславъ держалъ къ нимъ рѣчь, гдѣ сослался на свое отчынное право на Кіевъ и объяснялъ, что терпѣлъ господство Всеволода въ силу лишь родственныхъ связей (какъ старшаго зятя), „а съ ними како ми Богъ дастъ и сила животворящаго креста, да любо си голову положю передъ вами, любо си налѣзу столъ дѣда своего и отца своего“.

Между тѣмъ въ Кіевѣ населеніе оказывало внѣшнюю покорность Ольговичамъ; по словамъ лѣтописца, на совѣщаніи съ боярами, сторонниками Изяслава, было рѣшено передаться на сторону послѣдняго, когда онъ подступитъ къ Кіеву. 13 августа Изяславъ подступилъ къ Кіеву, предупредивъ Давыдовичей, которые шли на помощь Игорю. Ольговичи вышли на встрѣчу съ дружиною; кіевское ополченіе, „многое множество“, стало особнякомъ: мы не знаемъ, вывели ли его Ольговичи, или оно вышло само, чтобы принять участіе въ борьбѣ въ защиту Изяслава; послѣднее едва ли не вѣроятнѣе. Когда Изяславъ подошелъ, кіевское ополченіе перешло на его сторону; вслѣдъ затѣмъ измѣнили и кіевскіе полки подъ начальствомъ Улѣба и Ивана Войтишича. Игорь съ сѣверскою дружиною хотѣлъ было биться, но войско его очутилось въ неудобной позиціи, было окружено и разбито. Изяславъ „с великою славою и честию“ въѣхалъ въ Кіевъ, встрѣченный всѣмъ духовенствомъ города и множествомъ народа ¹⁾.

И изложилъ факты, какъ они сообщаются лѣтописями; спрашивается, какъ понимать въ этомъ случаѣ образъ дѣйствій кіевского населенія? Въ Кіевской лѣтописи, при описаніи присяги, которую дали кіевляне Игорю еще при жизни Всеволода, замѣчено, что они „ишася по нь лестю“ ²⁾. Выходитъ, будто кіевляне лицемерили уже съ самаго начала, не желая подчиниться Игорю. Но если бы они тогда уже рѣшились свергнуть Игоря, чѣмъ же можно объяснить медленность ихъ? вѣдь смерть Всеволода и походъ Изяслава раздѣлены двѣнадцатидневнымъ промежуткомъ; а главное, какой смыслъ имѣлъ радъ съ Игоремъ? Мнѣ кажется, что упомянутое замѣчаніе,

¹⁾ Ипат. с. 230—233, Лавр. с. 297, 1 Новг. с. 10.

²⁾ Ипат. с. 233.

заимствованное составителем Киевской летописи, вѣроятно, изъ черниговскаго источника ¹⁾, ретроспективно и тенденціозно. Въ дѣйствительности, вѣроятно, существовала еще раньше партія Изяслава Мстиславича, находившаяся въ сношеніяхъ съ нимъ и вербовавшая себѣ сторонниковъ среди лицъ, недовольныхъ Ольговичами. Затѣмъ въ обществѣ всегда найдется значительный процентъ людей, которые мирятся съ существующимъ фактомъ потому лишь, что онъ существуетъ; эта часть, составлявшая въ тотъ моментъ, вѣроятно, большинство, готова было признать Игоря. Наконецъ существовала какая-нибудь и черниговская партія. Цѣлуя крестъ Игорю, большинство населенія дѣйствительно видѣло въ немъ своего князя, и рядъ съ Игоремъ шлѣзъ для нихъ серьезное значеніе. Нарушеніемъ обѣщаній Игорь возбудилъ противъ себя населеніе; надежда устроиться какъ-нибудь съ Ольговичами исчезала, партія Изяслава все усиливалась, пока наконецъ масса населенія не приняла открыто его сторону. Но и здѣсь, не желая рисковать собою, населеніе не выступаетъ открыто противъ Ольговичей, а лицемеритъ и выжидаетъ наиболѣе безопаснаго момента. Такимъ представляется мнѣ ходъ этого движенія.

Возвращаюсь къ теченію событій. По вокняженіи Изяслава черниговская дружина и черниговская партія подверглись гоненію; ихъ дома и села были разграблены, самихъ отпускали за выкупъ ²⁾. Игорь, найденный въ Дорогожницкомъ болотѣ, былъ посаженъ въ порубѣ въ Переяславѣ, но другого плѣнника — Святослава Всеволодовича, своего сестричича, Изяславъ обласкалъ и надѣлилъ волостью (Божскій, Межибожье, Котельница и еще два города), съ цѣлью, между прочимъ, отвлечь его отъ союза со Святославомъ Ольговичемъ, который пытался устроить противъ Изяслава коалицію съ Давыдовичами. Волянъ, которую владѣлъ Святославъ Всеволодовичъ, Изяславъ оставилъ за собою,

¹⁾ См. у Вестужева-Римина О составѣ р. л. с. 80, Хруцова О древнерус. ист. источн. с. 163; о тенденціозности въ летописи вообще см. у Вестужева-Римина с. 91, выраженія у Хруцова с. 178.

²⁾ Ипат. с. 238: „ишаа нѣмаа много в домахъ и в монастырехъ“. Г. Иловайскій (I с. 215) объясняетъ это такъ, что въ монастыряхъ разбивали отдаленное на храненіе имущество дружин Ольговичей.

но затѣмъ неожиданно Вячеславъ на этотъ столъ посадилъ племянника—Владимира Андреевича; одновременно онъ завладѣлъ и городами, которые были отобраны у него раньше Всеволодомъ и отданы Ольговичамъ и Давыдовичамъ. По словамъ лѣтописца, Вячеславъ поступилъ такъ по совѣту своихъ бояръ, надѣясь на свое старѣйшинство. Позже Вячеславъ говорилъ, будто Изяславъ, идя на Игоря, заявлялъ, что ищетъ Кіева не себѣ, но Вячеславу, и Изяславъ каялся предъ нимъ, что не положилъ на немъ чести ¹⁾. Заподозрѣвать справедливость словъ Вячеслава нѣтъ повода, особенно принимая во вниманіе обстоятельства, при которыхъ они были сказаны; вѣроятно, Изяславъ, идя на Игоря, чтобы избавить себя отъ лишняго соперника, подавалъ надежду Вячеславу, что предоставитъ Кіевъ ему; какъ говорилъ я уже, едва ли не было между ними еще раньше какого-нибудь соглашенія въ этомъ родѣ. Но завладѣвъ Кіевомъ, Изяславъ не торопился осуществить эту надежду или обѣщаніе, а старикъ Вячеславъ, „отъ радости не приложивъ чти въ Изяславу“, послѣдшилъ войти въ роль кіевскаго князя. Раздраженный самоуправствомъ Вячеслава, Изяславъ не только отнялъ Волынь, но и самого его вывелъ изъ Турова, вѣроятно въ Пересолицу, приближенныхъ его, какъ совѣтниковъ, заключилъ въ оковы, а въ Туровѣ посадилъ своего сына Ярослава ²⁾.

Когда сдѣлалось извѣстнымъ поражение Игоря, половцы послѣдили преслать посольство— „мира просяче“; выраженіе это можно, мнѣ кажется, принимать и въ буквальный смыслъ: они могли опасаться, что Изяславъ, смѣнивъ на кіевскомъ столѣ ихъ союзниковъ—Ольговичей, захочетъ возобновить традиціонную политику Мономахова рода относительно кочевниковъ. Задержанный, можетъ быть, войною со Святославомъ Ольговичемъ, Изяславъ только лѣтомъ слѣдующаго года заключилъ договоръ съ половцами; послѣдній впрочемъ не кѣшалъ имъ поддерживать затѣмъ враговъ Изяслава ³⁾.

Святославу Ольговичу не удалось устроить коалиціи изъ сѣверскихъ князей. Давыдовичи нашли болѣе выгоднымъ принять сторону

¹⁾ Ипат. с. 289, 297; Соловьевъ полагалъ, что воля кіевлян заставила Изяслава нарушить это обѣщаніе (Ист. огиос. с. 169).

²⁾ Ипат. с. 234—297, Лавр. с. 296, Ником. I с. 170.

³⁾ Ипат. с. 233, Лавр. с. 299, Воскр. I с. 36, Ником. I с. 173.

убійцеля, чтобы съ его помощью отобрать у Святослава Новгородъ-Сѣверскую волость ¹⁾. Святославу приходилось уже думать не только о возвращеніи кіевскаго стола и освобожденіи брата, но и о сохраненіи своихъ владѣній; онъ естественно обратился къ давнишнему сопернику Изяслава — Юрію Владиміровичу, предлагая ему помощь для приобрѣтенія Кіева и прося освободить брата Игоря ²⁾. Юрій, конечно, и безъ этого приглашенія не оставлялъ видовъ на Кіевъ; содѣйствіе Святослава Ольговича явилось теперь весьма кстати. Когда Давыдовичи съ помощью Изяслава Мстиславича начали воевать волость Святослава, Юрій двинулся на помощь ему, но его планы разстроилъ союзъ Изяслава съ рязанскимъ княземъ Ростиславомъ Ярославичемъ. Союзъ этотъ объясняется антагонизмомъ княжествъ Суздальскаго и Рязанскаго и тѣмъ также, что соперникъ Ростислава, его племянникъ—Владиміръ, находился въ союзѣ со Святославомъ Ольговичемъ и Юріемъ. По просьбѣ Изяслава, Ростиславъ рязанскій сталъ воевать Суздальскую волость, и Юрій долженъ былъ вернуться, ограничившись посылкою подкрѣпленія Святославу ³⁾. Святославъ не могъ противиться союзникамъ и отступилъ въ землю вятичей; союзники разорили имѣнія Игоря и Святослава и завладѣли Новгородъ-Сѣверскою волостью. Изяславъ подѣлился съ Давыдовичами заграбленными имуществомъ Ольговичей, отдалъ имъ Новгородъ-Сѣверскъ; въ Курскѣ тогда же, вѣроятно, посадилъ своего сына—Мстислава и возвратился въ Кіевъ, предоставивъ Давыдовичамъ продолжать преслѣдованіе Святослава. Но Святославъ получалъ въ это время новыя подкрѣпленія отъ Юрія, и Давыдовичи должны были ретироваться ⁴⁾.

Положеніе дѣлъ измѣнилось: Юрій, выгнавъ изъ волости рязанскаго князя, союзника Изяслава, предпринялъ со Святославомъ походъ на

¹⁾ Ипат. с. 239.

²⁾ Дѣйствія Святослава и Давыдовичей въ лѣтописи описаны сторонникомъ Святослава (см. Бестужев-Рюмина О составѣ с. 81—82, Хруцова *op. cit.* с. 164) и явно тенденціозно; Давыдовичи напр. говорятъ: „се есиъ зачала дѣло ало, а свершиши до конца братоубиство“—такъ выражаются лишь злодѣи въ старихъ трагедіяхъ. Въ Татищевскомъ словѣ (II с. 288) прибавлено, что раньше Святославъ пытался освободить Игоря при посредствѣ Ростислава Мстиславича (возраженіе у Карамзина II пр. 293).

³⁾ Ипат. с. 234, 236; Иловайскій *Ист. Рязан. княж.* с. 26—27 (Сочленіа, 1884 г.).

⁴⁾ Ипат с. 233—240 (Воскрес. I, 36—38), Лавр. с. 298.

Новгородскую и Смоленскую волости, гдѣ сидѣли братья Изяслава ¹⁾. Затѣмъ, съ весною 1147 г., Святославъ началъ наступать на Давыдовичей, получивъ помощь отъ Юрія и усиленный дружинами бродниковъ и половецкихъ хановъ, своихъ родственниковъ; самъ Юрій не пошелъ въ походъ, можетъ быть связанный рязанскими дѣлами: тамъ опять поднималась противная ему партія ²⁾. Изяславъ согласился было съ Давыдовичами идти на Юрія и Святослава, но не явился на помощь своимъ союзникамъ; въ то время въ Кіевѣ происходило знаменитое поставленіе митрополита Клима Смолятича соборомъ русскихъ епископовъ ³⁾. Между тѣмъ Святославъ занялъ область вятичей, Подесенье, а затѣмъ сталъ завоевывать волость Новгородъ-Сѣверскую; Давыдовичи, испугавшись, вошли въ сношенія съ нимъ, отказавшись отъ всего захваченнаго. Мало того, вмѣстѣ со Святославомъ Ольговичемъ и Святославомъ Всеволодовичемъ, еще раньше вступившимъ съ нимъ въ сношенія, они свеслись съ Юріемъ и составили заговоръ противъ Изяслава: рѣшено было завлечь его и схватить, какъ заложника вмѣсто Игоря, или даже будто бы убить. Давыдовичи приняли на себя обязанность заманить своего бывшаго союзника; они начали просить Изяслава явиться на помощь противъ Святослава. Изяславъ рѣшилъ отправиться; онъ имѣлъ въ виду доканать своихъ противниковъ.—Святослава и, главное, Юрія, двинувшись на нихъ съ юга, между тѣмъ какъ братъ Ростиславъ долженъ былъ двинуться съ востока—съ новгородцами и смольнянами ⁴⁾. Онъ объявилъ свои планы кіевскому вѣчу и просилъ собраться въ походъ. Но походъ на Юрія и союзъ съ черниговскими князьями не понравился земству; „рекоша: княже, не ходи с Ростиславомъ на стрѣя своего; глѣбе ся с нимъ улади, Ольговичемъ вѣры не ими, ни с ними ходи в путь. Изяславъ же рече имъ: цѣловали ко мнѣ хрестъ, а думу еси с ними думалъ, а всяко сего пути не хочю отложить, а вы доспѣвайте! Княже же рекоша: княже, ты ся на насъ не гнѣвай, не можемъ на Во-

¹⁾ Ипат. с. 240 и 242 (Воскр. I с. 38 и 39).

²⁾ Ипат. с. 246: Изяславъ соѣтуетъ брату Ростиславу послать „а рогатиновъ, и въ Рязань, и ксимо“; ср. у г. Иловайскаго оп. с. с. 28.

³⁾ О немъ будетъ рѣчь при обзорѣ внутреннего строя земли.

⁴⁾ Ипат. с. 243 и 245 (Воскр. I с. 39 и 41).

людские племя руны взятые, а на (она же) Ольговичъ хотя и с дѣтми¹⁾. Этотъ отказъ большею частію объясняютъ привязанностію киевлянъ къ роду Мономаха, но Юрій, какъ видно, уже до вокняженія своего не пользовался популярностью у нихъ¹⁾. Гораздо вѣроятнѣе, кажется, объясняется ихъ отказъ изъ политическихъ соображеній: кияне хотѣли, чтобы Мономаховичи были солидарны между собою, не вѣшивали въ свои раздоры Ольговичей и не давали бы имъ такимъ образомъ случая къ новымъ притязаніямъ на Кіевъ; население всегда избѣгало становиться предметомъ добыванія со стороны разныхъ претендентовъ и потому старалось ограничить усобицы. Такимъ образомъ вѣче въ сущности дѣйствовало въ своихъ интересахъ и въ этомъ направленіи старалось оказать давленіе на князя²⁾.

Изяславъ долженъ былъ ограничиться наборомъ добровольцевъ, на что согласія вѣча уже не требовалось; благодаря своей популярности, онъ собралъ такимъ образомъ „множество вои“ и отправился въ походъ. На дорогѣ онъ получилъ извѣстіе о заговорѣ; это совершенно измѣнило планы Изяслава, театръ войны изъ Суздаля снова переносился въ Сѣверскую землю. Обличивъ заговорщиковъ, Изяславъ далъ знать объ этомъ Ростиславу, призывая его съ войскомъ на югъ и наказывая одновременно нарядить новгородцевъ и смольнянъ противъ Юрія, чтобы задержать его на сѣверѣ. Имѣлъ съ тѣмъ Изяславъ отправилъ гонцовъ въ Кіевъ къ брату Владимиру, оставленному тамъ, хитрополиту Климу и тысяцкому Лазарю, прося собрать вѣче и сообщить о случившемся. Вѣче было собрано на дворѣ у св. Софіи, послы отъ имени князя передали происшедшее и напомнили о предложеніи киянъ идти на Ольговичей, „хотя и с дѣтми“: „нынѣ же, братья Кияне, чего есте хотѣли, чимъ ми ся есте обѣчали, поидите во мнѣ к Чернигову на Ольговичъ dospѣвайте отъ мала и до велика, кто имѣеть конь, кто ли не имѣеть коня, а въ лодьи, ти бо суть не мене одного хотѣли убити, но и вать искоренити“. Кияне же рече: „ради, оже ны Богъ тебе избавишь отъ великия лести, братью

¹⁾ См. Ипат. с. 268 „ми вѣдаеть, оже намъ съ Гюргемъ не ужити“.

²⁾ См. Сергѣевича Вѣче и князь с. 121. Политическими же соображеніями объясняется и подобное же завлеченіе курскаго населенія (Ипат. с. 260)—ср. Ист. Сѣв. земли Л. В. Голубовскаго с. 132.

нашу, идемъ по тобѣ и с дѣти, ажеже хочеша¹⁾. Но тутъ раздраженіе, вызванное извѣстіемъ о заговорѣ Ольговичей на жизнь Изяслава, совершенно неожиданно обратилось противъ Игоря Ольговича, который находился тогда въ Кіевѣ: вслѣдствіе болѣзни онъ былъ выпущенъ изъ поруба и постригся въ Феодоровскомъ монастырѣ. Одному изъ вѣчниковъ пришла мысль, что Игорь можетъ освободиться съ помощью своихъ доброжелателей²⁾ и захватить кіевскій столъ, а это, въ свою очередь, навлекло бы на Кіевъ бѣдствія, подобныя тѣмъ, какія онъ испыталъ отъ Изяслава Ярославича за поставленіе Всеслава. Мысль была подхвачена другими, расходившаяся толпа бросилась въ монастырь, Игорь былъ схваченъ и убитъ, не смотря на всѣ старанія Владиміра Мстиславича спасти его. Это случилось 19 сентября 1147 г. Убійство, по словамъ сказанія, вызвало неудовольствіе среди болѣе благоразумной части самого кіевского населенія, многіе считали Игоря мученикомъ и оказывали его тѣлу, брошенному на позорище, благоговѣйное уваженіе³⁾. Весьма скоро, или непосредственно за этимъ, Игорь сталъ причитаться къ лику святыхъ; мощи его были перенесены потомъ Святославомъ Ольговичемъ въ Черниговъ⁴⁾. Изяславъ былъ весьма недоволенъ, когда узналъ объ убійствѣ Игоря: тѣнь падала и на него; дѣйствительно Святославъ Ольговичъ позже прямо называлъ Изяслава убійцею Игоря⁵⁾.

Сѣверскіе князья въ то время воевали Посемье. Успѣхи коалиція были не блестящи; Юрій самъ не явился на югъ и ограничился присылкою сына Глѣба съ вспомогательнымъ отрядомъ. Изъ Новгорода сдѣлана была, согласно плану Изяслава, диверсія противъ Юрія,

¹⁾ П. В. Голубовскій справедливо видитъ тутъ намекъ на черниговскую партію—Ист. Сѣв. зем. с. 132.

²⁾ Полевой (II с. 432) обратилъ вниманіе на любопытную подробность: нитрокопцы запретили разглашать о чудѣ надъ тѣломъ Игоря (Ипат. с. 249).

³⁾ Ипат. с. 243—250, 283, Лавр. с. 299—302, Воскр. I с. 89—42; и. Макарій Ист. рус. цер. III с. 99—100. Сказаніе объ Игорѣ, находящееся въ Ипат. л., скопировано, вѣроятно, изъ первоначальнаго сказанія, сокращеннаго въ Лавр. л., и являя, уже отгиченнаго нижними пріемами—пространными рѣчами и под. См. Бестужевъ-Рюминъ, О сост. р. л. с. 84—86, Хрущовъ ор. с. 167—178. Характеристика Игоря у Татищева см. II с. 313; справедливы возраженія противъ нея Бестужева-Рюмина ор. с. 86.

⁴⁾ Ипат. с. 264; такое обвиненіе, хотя и перифрастично, высказалъ противъ Изяслава и Полевой (II с. 429, 432—3, 434).

и она, можетъ быть, помѣшала послѣднему принять болѣе дѣятельное участіе въ южной кампаніи ¹⁾). Когда Изяславъ стаянулъ всѣ свои силы—полки кievскій, волыпскій, смоленскій (при этомъ прислалъ поощрять и Вячеславъ), Святославичи не рѣшились сопротивляться и отступили къ Чернигову. Зимой Изяславъ двинулся туда самъ со всеми своими полками, пришла къ нему еще и угорская помощь; противники не отважились выступить противъ него, и Изяславъ завладевалъ опустошеніемъ окрестностей Чернигова, потомъ Любеча. Святославичи напрасно требовали отъ Юрія, чтобы онъ припалъ болѣе дѣятельное участіе, пошелъ бы самъ на Изяслава; Юрій ограничивался тѣмъ, что „обижалъ Новгородъ“, и Святославичи вынуждены были просить мира у Изяслава, отрекаясь отъ всякихъ претензій за Игоря. Изяславъ, посоветовавшись съ братомъ Ростисламомъ, принялъ это предложеніе: Святославичи присягнули „ворожду про Игоря отложить, и Руской земли блюсти и быти всемъ за одинъ братъ“. Союзъ этотъ былъ скрѣпленъ бракомъ Романа Ростиславича на дочери Святослава Ольговича ²⁾).

Помирившись съ сѣверскими князьями, Изяславъ возвратился къ своему прежнему намѣренію: смирить своего главнаго и опаснѣйшаго врага—Юрія, который не переставалъ „пакости дѣять“ и отнимать дани новгородскія. Осенью 1148 г. онъ пригласилъ на съѣздъ въ Остерскій городокъ своихъ новыхъ союзниковъ; Ольговичи не явились на него, пришли только Давыдовичи. Изяславъ объявилъ имъ о своемъ намѣреніи идти на Юрія и предложилъ участвовать въ походѣ. Давыдовичи изъявили согласіе за себя и за Ольговичей.

На этомъ съѣздѣ присутствовалъ новый, совсѣмъ необычный участникъ—старшій сынъ Юрія, Ростиславъ, въ качествѣ подручника Изяслава. Роль этого Ростислава очень интересна и загадочна; лѣтописи приводятъ различные мотивы его прихода къ Изяславу: по Киевской—онъ разошелся съ отцемъ изъ-за волостей, по Суздальской—онъ былъ посланъ отцемъ на помощь къ Ольговичамъ, но предпочелъ лучше присоединиться къ Изяславу, чѣмъ „ко врагамъ своего дѣда и стрясъ“; наконецъ Никоновскій сводъ объясняетъ, что Изяславъ самъ

¹⁾ 1 Новг. с. 10.

²⁾ Ипат. с. 260—267 и 268 (Воскр. I с. 42—44, 45).

пригласилъ Ростислава присоединиться къ нему, когда тотъ былъ на пути въ Ольговичамъ ¹⁾; это послѣднее извѣстiе имѣетъ также извѣстное вѣроятiе, такъ какъ еще раньше Изяславъ приглашалъ къ себѣ Глѣба Юрьевича, но тотъ предпочелъ силою добывать себѣ Переяславль ²⁾. Изяславъ принялъ Ростислава очень ласково и далъ ему бывшій удѣлъ Святослава Всеволодовича—пять городонъ. Въ слѣдующемъ году (1142) Ростиславъ былъ обвиненъ въ томъ, что оставшись „стеречи Руской земли“ во время похода Изяслава на Юрія, онъ возбуждаетъ киянъ и берендѣевъ противъ Изяслава и вербовалъ партію отцу. Не прозвавша суда, котораго просилъ Ростиславъ, Изяславъ лишилъ его удѣла и отнявъ имущество, съ позоромъ отправилъ къ отцу. Суздальская лѣтопись и за нею позднѣйшіе своды представляютъ дѣло такъ, что Ростиславъ былъ оклеветанъ, Киевская ограничивается передачею факта ³⁾. Ученые расходятся въ пониманіи этого эпизода ⁴⁾; мнѣ кажется наиболѣе вѣроятнымъ, что Ростиславъ точно былъ отправленъ отцемъ къ Ольговичамъ, но явился уже по заключеніи мира съ Изяславомъ и потому обратился къ послѣднему; что затѣмъ онъ, замѣтивъ среди кievскаго населенія существованіе какихъ-либо недовольныхъ элементовъ, задумалъ ими воспользоваться и старался создать партію для своего отца ⁵⁾. Явившись къ отцу, онъ объявилъ послѣднему, что его хочетъ вся Русская земля и черные клобуки ⁶⁾; дѣйствительно, на основаніи позднѣйшихъ данныхъ мнѣ въ правѣ предполагать существованіе въ Киевщинѣ партіи Юрія: весьма можетъ быть, что надъ образованіемъ ея потрудились и Ростиславъ.

¹⁾ Ипат. с. 257 (Воскр. I с. 44, Тверск. с. 211), Лавр. с. 303, Никои. I с. 178.

²⁾ Ипат. с. 253 (Воскр. I с. 42), Лавр. с. 302.

³⁾ Ипат. с. 261, Лавр. с. 304, Воскр. I с. 46, Никои. I с. 179, Тверск. с. 218. Объ этомъ эпизодѣ см. Бестужева-Рюмина О сост. р. л. с. 88—89.

⁴⁾ Татищевъ, исходя изъ характеристики Ростислава (см. III с. 37), для которой, впрочемъ, лѣтописи почти не даютъ данныхъ, предположилъ, что Ростиславъ былъ съ самаго начала отправленъ отцомъ вербовать партію (II кн. 428 и 432); къ этому воззрѣнію примыкаетъ и П. В. Голубовскій (Печенѣги с. 171). Арцибашевъ (I, 2, кн. 725) и Соловьевъ (II с. 142) полагаютъ, что Ростиславъ былъ дѣйствительно виноватъ; Карамзинъ (II с. 139), Иловайскій (I с. 327), Вагалъ (с. 211) считаютъ Ростислава жертвою клеветы. Погодинъ (Др. Рус. Истор. I с. 159) уклонился отъ сужденія.

⁵⁾ Ср. Татищевъ II с. 330 и Соловьевъ II кн. 266.

⁶⁾ Ипат. с. 262.

Возвращаюсь къ прерванному теченію событій. Послѣ сѣзда въ Остерскомъ городѣ Изяславъ, оставивъ въ Кіевѣ брата Владимира, двинулся на сѣверъ въ Смоленскъ и Новгородъ для соединенія съ тамошними войсками. Въ Новгородѣ сидѣлъ въ это время сынъ его — Ярославъ. Святополкъ былъ выведенъ передъ тѣмъ, вѣроятно по желанію новгородцевъ, и посаженъ во Владимирѣ. Изяславъ былъ торжественно принятъ населеніемъ, новгородцы постановили, чтобы шли въ походъ всѣ способные носить оружіе. Соединенныя войска начали опустошать верхнее теченіе Волги; одновременно сѣверскіе князья должны были вторгнуться въ Суздальскую волость съ юга, но они остались спокойными зрителями войны: „зряча, что ся тамо учинить межю Гюргемъ и Изяславомъ“. Распутица помѣшала войскамъ Изяслава проникнуть вглубь Суздальской волости, они ограничились лишь тѣмъ, что разорили верхнее Поволжье и вывели много плѣнныхъ ¹⁾.

Неизвѣстно, чѣмъ бы отвѣтилъ Юрій на это вторженіе, но вслѣдъ за тѣмъ явился къ нему изъ Кіева сынъ Ростиславъ съ извѣстнымъ уже сообщеніемъ. По извѣстію лѣтописи, принадлежащему, очевидно, стороннику Юрія ²⁾, послѣдній былъ возмущенъ поруганіемъ сына и предпринялъ походъ, чтобы отомстить за его позоръ, а также за разореніе своей волости; въ дѣйствительности къ походу его, вѣроятно, побудило именно извѣстіе, что среди южнаго населенія существуетъ неудовольствіе противъ Изяслава и что будто бы Юрія „хочеть вся Руская земля и Черныи Клобуки“ ³⁾. Въ концѣ іюля 1149 г. Юрій двинулся на югъ; Святославъ Ольговичъ принялъ его сторону; кромѣ того Юрій призвалъ на помощь „многое множество“ половцевъ. Онъ двигался медленно, ожидая, что Изяславъ пойдетъ на уступки, чтобы отворотить нашествіе, но компромиссы были не въ характерѣ послѣдняго. Изяславъ между тѣмъ убѣждалъ кіевлянъ отрядить противъ Юрія земское ополченіе, увѣряя, что охотно сдѣлалъ бы уступки, если бы Юрій не соединился съ половцами и Ольговичами: „оже бы пришелъ толико съ дѣтми, то которая волость ему любя, ту же бы князь, но оже на мя половци привелъ и вороги моя Ольговичѣ, то

¹⁾ Извѣст. с. 258—260 (Воскр. I с. 45), Лавр. с. 804, 1 Новг. с. 10.

²⁾ См. Вестужевъ-Роминъ О сост. р. л. с. 89—90.

³⁾ Ср. Соловьевъ II с. 142.

хочю ся бити¹⁾. Это со стороны Изяслава была, конечно, лишь утвертка, рассчитанная на нерасположеніе кіевлянъ къ половцямъ и Ольговичамъ, но кіевляне продолжали держаться прежней политики и настаивали, чтобы Изяславъ помирился съ Юріемъ: „мирися, княже, мы не вдемъ“. Изяславъ продолжалъ упрямивать, объясняя, что до войны дѣло не дойдетъ, но можно будетъ помириться съ Юріемъ на болѣе выгодныхъ условіяхъ, когда и въ его распоряженіи окажется значительная сила ¹⁾. Кіевляне сдались наконецъ и пошли съ Изяславомъ; затѣмъ подошли къ нему: Ростиславъ съ „силою многою“ и Изяславъ Давыдовичъ. Враги сошлись у Переяслава; въ виду большихъ силъ, собранныхъ Изяславомъ, Юрій все колебался и не рѣшался вступить въ борьбу; онъ предлагалъ Изяславу помириться „Руския дѣла земля и хрестьянъ дѣла“ (нечего и говорить, что эти слова были пустою фразою), обѣщавъ отступить отъ Кіева, лишь бы Изяславъ уступилъ Переяславъ его сыну: „аъ посажу сына своего у Переяслава, а ты сѣди царствуя в Кіевѣ“. При этомъ Переяславъ, вѣроятно, игралъ такую же роль, какъ и раньше — ступеньки къ кіевскому столу (для сына Юрія), а въ дѣйствительности, можетъ быть, долженъ былъ служить лишь базисомъ для дальнѣйшихъ операцій противъ Изяслава; Юрій, вѣроятно, рассчитывалъ на расположеніе переяславцевъ: раньше они сносились съ его сыномъ Глѣбомъ, а теперь, должно быть, самъ Юрій началъ съ ними сношенія. Изяславъ отказалъ. Юрій все не рѣшался биться. Изяславъ самъ вызвалъ его на битву и потерпѣлъ поражение (23 августа 1149 г.); переяславцы перешли на сторону Юрія, это смутило остальныхъ, „первое побѣгоша Порпанае, и потомъ Изяславъ Давыдовичъ, и по сихъ Кня-

¹⁾ Выраженіе Ипат. с. 565: „поидите со мною, аъ ни ся добро с ними отъ сили мирити“ двусмысленно, гораздо яснѣе въ Лавр. (с. 305): „ако миръ будетъ, поидѣте со мною; аъ ни ся будетъ добро отъ сили мирити“. Это же чтеніе находится въ Лѣт. Переяслав. (с. 60), и въ Воскр. сводѣ (L. 46). Въ пониманіи этого мѣста я слѣдую Татищеву (II с. 348), Карамзину (II с. 140) Погодину (Др. Р. И. с. 155). Арцибашевъ (I. 2, с. 115) и Соловьевъ (II с. 144) понимаютъ иначе: „ну хорошо ли мнѣ съ ними мириться, когда я не побѣжденъ, когда у меня есть сила?“, такой смыслъ придавали словамъ, какъ видно, и редакторы Ипатьевской лѣтописи; раньше Соловьевъ толковалъ эти слова еще иначе: „не стыдно ли мнѣ будетъ помириться съ ними теперь, и тѣмъ показать, что онъ пригнулъ меня силою къ миру“—Ист. отгол. с. 179. Принятое мною объясненіе, думаю, болѣе соотвѣтствуетъ ходу переговоровъ.

не". Изяславъ бѣжалъ въ Каневъ „только самъ третій". Юрій вступилъ въ Переяславль, а оттуда двинулся уже и на Кіевъ; его войско стало за Дыбромъ противъ Выдубицкаго монастыря. Изяславъ съ Ростиславомъ обратились къ вѣчу: „се стрій наю пришелъ, а вѣ вамъ являеѣ: хотите ли ся за наю бити?" Вѣче отвѣчало: „господина наю князя! не погубита насъ до конца; се нынѣ отци наши и братья наша и сынови наши на полку, они изомани, а друзии избѣени и оружје снято; а нынѣ ать не возмутъ насъ на полонъ, побѣдита въ свои волости; а вы вѣдаета оже намъ съ Гюргемъ не ужити, аже по сихъ днехъ кде узримъ стяги ваю, ту мы готовы ваю есмы". Вѣче имѣло полнѣйшее основаніе быть недовольнымъ на Изяслава, который нарушилъ данное имъ обѣщаніе—кончить мирно дѣло съ Юріемъ, отвергъ мирныя предложенія послѣдняго и наконецъ вызвалъ самъ его на битву ¹⁾; это неудовольствіе было, можетъ быть, и причиною пораженія Изяслава; тѣмъ не менѣе мы не въ правѣ заподозрѣвать искренность отвѣта князя Изяславу и видѣть въ немъ лишь увертку. Изяславъ и Ростиславъ вяли совѣту вѣча и очистили Кіевъ; первый удалился на Волинь, взявъ съ собою и митрополита Клима. Вслѣдъ затѣмъ вступилъ въ Кіевъ и Юрій; по словамъ лѣтописца, множество народа вышло ему на встрѣчу „съ радостію великою", и сѣлъ онъ на столѣ отца своего. Извѣстіе это, несомнѣнно, принадлежитъ стороннику Юрія и совсѣмъ не гармонируетъ съ предшествовавшимъ отвѣтомъ кіевлянъ Изяславу ²⁾. Встрѣча Юрію, вѣроятно, была сдѣлана, но радовался ему лишь его приверженцы ³⁾.

Юрій, какъ видно, намѣревался прочно устроиться въ новой волости; старшаго сына своего, извѣстнаго уже намъ Ростислава, посадилъ онъ на переяславскій столъ, трехъ другихъ сыновей размѣстивъ въ кіевскихъ пригородахъ—Вышгородѣ, Бѣлгородѣ и Каневѣ, на По-

¹⁾ Ср. Татищева II, с. 347.

²⁾ Восточный-Римскій О сост. р. л. с. 90.

³⁾ Имя с. 262—268, Лавр. 304—306, 1 Новг. с. 10—11. По Ипат. и Новг. Изяславъ удалился во Владиміръ, по Лавр. въ Луцкъ. У Татищева (III с. 1) Юрій вступилъ въ Кіевъ 2 сентября.

росьм. Черниговскій князь Владиміръ Давыдовичъ поспѣшилъ явиться съ повинною къ побѣдителю. Святославъ Ольговичъ былъ наконецъ вознагражденъ за свою преданность Юрію: онъ получилъ назадъ Посемье и дреговичскіе города, принадлежавшіе Давыдовичамъ; союзъ его съ Юріемъ былъ вскорѣ скрѣпленъ бракомъ Олега Святославича на дочери Юрія. Еще болѣе важное значеніе имѣлъ другой бракъ—наслѣдника галицкаго стола, Ярослава, съ другою дочерью Юрія. Володиміромъ съ этихъ поръ является неизмѣннымъ союзникомъ Юрія въ борьбѣ съ Изяславомъ, и союзъ этотъ имѣлъ для Юрія великую важность ¹⁾.

Союзники были необходимы Юрію, потому что и кіевляне, какъ мы видѣли выше, и Изяславъ Мстиславичъ видѣли въ вокняженіи Юрія только временную неудачу и вовсе не были расположены съ нею мириться. Изяславъ, прибывъ во Владиміръ, немедленно обратился за помощью къ своимъ родичамъ—угорскому королю, чешскому и польскимъ князьямъ съ просьбою о помощи ²⁾; всѣ съ готовностью обѣщали; походъ назначенъ былъ съ началомъ 1150 г. Въ то же время Изяславъ снова завязалъ сношенія съ Вячеславомъ, сидѣвшимъ по сосѣдству—въ Пересопницѣ. Выше было упомянуто, что еще овладѣвая кіевскимъ столомъ (1146 г.), онъ подавалъ какія-то надежды Вячеславу, что кіевскимъ княземъ будетъ послѣдній. Теперь Изяславъ проситъ Вячеслава „принять его въ любовь“ и заявить претензію на кіевскій столъ, а въ противномъ случаѣ грозитъ пожечь его волость. Очевидно, старѣйшинству Юрія, которое могло имѣть значеніе въ глазахъ извѣстной части общества, Изяславъ хотѣлъ противопоставить старѣйшинство Вячеслава, который, по собственнымъ его словамъ, былъ уже бородачь, когда Юрій родился ³⁾. Но Вячеславъ, вѣроятно, былъ сердитъ на Изяслава за старое (хотя въ числѣ войскъ Изяслава упоминался послѣ того полкъ Вячеслава, но послѣдній дѣйстви-

¹⁾ Ипат. с. 268, 275.

²⁾ Угорскій король Гейза былъ женатъ на сестрѣ Изяслава—Ефросиніи, польскій князь Болеславъ—на племянницѣ его, дочери Всеволода Мстиславича, а чешскій князь Владиславъ приходился Изяславу сватомъ по женѣ Святковки Мстиславича, княжнѣ моравской; см. Ипат. с. 215, 268, 1 Новг. с. 9, Карамзинъ II. с. 142 и Линиченко Вацши. отношен. с. 59.

³⁾ Ипат. с. 298.

мъ, вѣроятно, подѣ давлениемъ обстоятельствъ), при томъ теперь, въ виду усиленія Юрія, и заявлять претензіи на кіевскій столъ было не безопасно. Вячеславъ отказался и боясь угрозъ Изяслава, звалъ къ себѣ Юрія. Изяславъ между тѣмъ двинулся съ союзными отрядами угровъ, ляховъ и чеховъ, но на встрѣчу ему уже прибылъ съ востока къ Пересопницѣ Юрій съ половцами, а съ юга Володимірко подошелъ къ Шумску. Угры и ляхи испугались; въ то же время польскіе князья получили тревожныя извѣстія изъ своихъ владѣній¹⁾. Въ концѣ концовъ союзники Изяслава рѣшили уйти и ограничились дипломатическою пересылкою съ Юріемъ и Вячеславомъ: они просили, чтобы за Изяславомъ была оставлена Волинь и возвращены новгородскіе доходы, захваченныя Юріемъ. Вячеславъ и Юрій отвергли ихъ посредничество. Когда союзники Изяслава удалились, Юрій задумалъ вовсе лишить Изяслава волости и осадилъ Луцкъ. Но Мстиславичи оказали ему сильное сопротивленіе, кромѣ того Володимірко галицкій, вовсе не желавшій, чтобы Юрій захватилъ и Волинь, настоятельно хлопоталъ о мирѣ²⁾; его поддерживалъ и Вячеславъ изъ личныхъ видовъ. Въ результатѣ состоялся миръ на такихъ условіяхъ, что Изяславъ отступался отъ Кіева въ пользу Юрія, а Юрій возвращалъ новгородскія дани, „и его же Изяславъ хотяше“. Лѣтопись не объясняетъ, въ чемъ заключались эти послѣднія требованія Изяслава; если этотъ договоръ имѣлъ характеръ окончательнаго, улаживавшаго отношенія между представителями Мономахова дома, то онъ, несомнѣнно, касался и вопроса о наслѣдованіи кіевского стола; но, повторю, лѣтопись молчитъ объ этомъ³⁾.

„Изяславъ радъ бысть хрестыному целованію“—въ томъ смыслѣ, вѣроятно, что избавлялся отъ нашествия. Насколько искренно принялъ онъ договоръ, не знаемъ—Юрій самъ немедленно нарушилъ его;

¹⁾ Объ отношеніи польскихъ князей къ Изяславу см. у И. А. Линниченка *Взвани*. отом. с. 162—164.

²⁾ Г. Молчановскій высказалъ предположеніе, что Владимірко за это посредничество захватилъ себѣ бившія удѣлы Ростислава Юрьевича—Бужскъ, Межибожье и пр.—*Открыт. изв. о Подольск.* з. с. 74—5.

³⁾ *Ипат.* с. 268—274, *Лавр.* с. 306—309. Требованія Изяслава, кажется, не могутъ относиться къ возвращенію захваченнаго имущества, такъ какъ договоръ объ этомъ лѣтопись пріурочиваетъ къ послѣдующему съѣзду въ Пересопницѣ.

было постановлено, что Изяславъ и его дружина имѣютъ право отыскивать свое имущество въ Киевской и Переяславской волостяхъ, но Юрій затѣмъ не позволилъ этого. Изяславъ, не получивъ удовлетворенія, объявилъ договоръ нарушеннымъ; вѣроятно, онъ ждалъ лишь предлога, чтобы нарушить обязательства, вынужденныя обстоятельствами, тѣмъ болѣе, что изъ Киевской волости получались благопріятныя для него извѣстія. Киевляне „хотѣли его“ и, вѣроятно, призывали на столъ; должно быть, и черные клобуки тоже заявляли о своей преданности: Изяславъ, очевидно, рассчитывалъ на ихъ поддержку, это видно изъ плана его похода. Любопытно извѣстіе Татищевского свода, которое связываетъ неудовольствіе черныхъ клобуковъ на Юрія съ извѣстіемъ Никоновскаго свода о томъ, что половцы, союзники Юрія, взяли въ это время Торшинъ (можетъ быть Торческъ?) и опустошили его окрестности, а Юрій, по Татищеву, не оказалъ дѣйствительной помощи чернымъ клобукамъ ¹⁾. Юрій разошелся и съ Вячеславомъ; вѣроятно, во время похода онъ обѣщалъ послѣднему киевскій столъ въ противовѣсъ предложеніямъ Изяслава ²⁾; затѣмъ онъ дѣйствительно призвалъ Вячеслава въ Киевъ на столъ, но бояре его отсовѣтовали, увѣряя, что Вячеславъ не можетъ удержать за собою этой позиціи: „не будетъ его ни тобѣ, ни оному“. Едва ли не было это лишь предлогомъ со стороны Юрія: онъ могъ удерживать киевскій столъ за Вячеславомъ своими силами, какъ позже Изяславъ. Въ концѣ концовъ Юрій посадилъ Вячеслава въ Вышгородъ, а въ Пересопницу послалъ сына Глѣба. Вячеславъ былъ этимъ обиженъ.

Юрій не подозрѣвалъ грозившей опасности; по словамъ лѣтописца онъ думалъ, что какъ занялъ волость, ужъ дѣло и кончено („ако такую волость заемъ, ту же и есть“). Между тѣмъ Изяславъ быстро двинулся на Пересопницу, выгналъ оттуда Глѣба Юрьевича и направился прямо въ область черныхъ клобуковъ; послѣдніе явились „съ радостію великою“ со всѣми полками и двинулись съ нимъ къ Киеву.

¹⁾ Никол. I с. 182—183, Татищевъ III с. 18. Есть Торшинъ въ Киевщинѣ, къ западу отъ Радомисла, и на Волниці, къ западу отъ Луцка, но они лежатъ внѣ общаго театра половецкихъ нападений.

²⁾ Татищевъ (III, с. 14) увѣряетъ, будто посадить на киевскій столъ Вячеслава совѣтовали Юрію кіяне, надѣясь, что Вячеславъ не сумѣетъ удержать Киева, и послѣдній достанется Изяславу.

На встрѣчу Изяславу вышло „многое множество“ князь и извѣстило, что Юрій бѣжалъ, а Вячеславъ неожиданно явился въ Кіевъ и сѣлъ на Ярославль дворъ: „а мы его не хотимъ, ты нашъ князь! поѣди же къ Святой Софьи, сяди на столъ отца своего и дѣда своего“. Изяславъ предложилъ Вячеславу очистить Кіевъ; когда послѣдній началъ упорствовать, нѣкоторые подавали совѣтъ схватить его и даже убить, но Изяславъ предпочелъ повести дѣло мирно. Смылаясь на народное возбужденіе, онъ посоветовалъ Вячеславу уѣхать пока въ Вышгородъ и „радіться“ оттуда. Вячеславъ послушался. „Освоивъ Кіевъ“, Изяславъ попробовалъ возвратити такимъ же путемъ и Переяславъ: сынъ его Мстиславъ, по порученію отца, завелъ сношенія съ мѣстною дружиною и тюркскими поселенцами, приглашалъ ихъ къ себѣ, но Ростиславъ Юрьевичъ помѣшалъ этому замыслу.

Юрій между тѣмъ сидѣлъ въ Остерскомъ городѣ и готовился къ походу на Кіевъ; онъ снесся съ Володиміромъ галицкимъ и сѣверскими князьями, послалъ за половцами. Вѣроятно, эти грозныя приготовленія Юрія заставили Изяслава начать переговоры съ Вячеславомъ; когда пришла вѣсть, что Володимірко приближается къ Кіеву, Изяславъ отправился съ боярами въ Вышгородъ и согласился на всѣ условія Вячеслава. Кромѣ желанія легализировать свое положеніе, у Изяслава было, вѣроятно, намѣреніе воспользоваться дружиною Вячеслава, которая была значительна ¹⁾. Вячеславъ сначала отказался: время было дѣйствительно вовсе неудобное для занятія кіевского стола, но наконецъ согласился, и между нимъ и Изяславомъ состоялся договоръ, осуществленный только впоследствии: „Изяславу имѣти отцемъ Вячеслава, а Вячеславу имѣти сыномъ Изяслава.“ Вслѣдъ затѣмъ Изяславъ выпросилъ у Вячеслава его дружину; вообще онъ не успѣлъ достаточно приготовиться къ борьбѣ, а Володимірко между тѣмъ уже приближался къ Стугнѣ. Изяславъ съ кіевскимъ ополченіемъ, съ черными клобуками и отрадами угровъ и ляховъ поспѣшилъ ему на встрѣчу, не успѣвъ даже захватить дружину Вячеслава. Встрѣча произошла на Перепетовскомъ полѣ; войска Изяслава не рѣшались сразиться съ превосходными силами: черные клобуки, за ними кіеве снова просили его уступить врагу: „не погуби насъ, ни

¹⁾ Не даромъ Вячеславъ хвалился ею—си. Ипат. с. 297.

самъ не погнни; но ты нашъ князь, коли силенъ будешь, а мы с тобою, а нивѣ не твое время, поѣди прочь." Изяславъ началъ было упираться, тогда кievское ополченіе и черноклобуцкіе полки оставили его и отправились во-своаеи; Изяславъ долженъ былъ вернуться въ Кіевъ. Юрій между тѣмъ приступилъ къ Кіеву, „кiаеи мнози“ отправились ему на встрѣчу и начали перевозить его дружину чрезъ Днѣпръ. Это могли дѣлать не только его доброжелатели, но и люди не принадлежавшіе къ его партіи: дѣло въ томъ, что Володимірко уже подходилъ къ Кіеву, и кievлянамъ было желательно, чтобы Юрій раньше овладѣлъ Кіевомъ и въ своихъ интересахъ оборонилъ его, иначе Володимірко, не интересовавшійся Кіевомъ, могъ подвергнуть его разоренію ¹⁾. Изяславъ съ Вячеславомъ до времени ретировались въ свои волости, а Юрій съ Володиміркою вступили въ Кіевъ; это было приблизительно въ августѣ 1150 г. Занятіе Кіева совершилось скорѣе и легче, чѣмъ раясчитывалъ Юрій; его союзники—половцы явились уже послѣ него, и Юрій принужденъ былъ отступиться отъ нихъ, чтобы спасти отъ разоренія свои волости ²⁾.

Изяславъ, вернувшись во Владиміръ, началъ сносятся съ Юріемъ и его сыномъ Андреемъ, посаженнымъ въ Пересопницѣ, просилъ о возвращеніи Погорыня, а между тѣмъ готовилъ силы къ новому походу. Въмѣстѣ съ угорскимъ королемъ, съ которымъ онъ сблизился еще болѣе благодаря женитбѣ брата Владиміра на бановиѣ, Изяславъ сначала пошелъ на Володимірка желая обезпечить себя съ тылу. Володимірко однако подкупомъ избавился отъ опасности. Затѣмъ въ исходѣ зимы, вѣроятно въ концѣ февраля 1151 г., къ Изяславу прибылъ большой вспомогательный отрядъ угровъ, и онъ двинулся на Кіевъ, откуда уже раньше приходили приглашенія отъ кievскаго населенія, черныхъ клобуковъ и Вячеславовой дружины ³⁾. Этотъ походъ во всемъ блескѣ обнаруживаетъ смѣлость и военный талантъ Изяслава. Володимірко, какъ видно, слѣдилъ за нимъ и двинулся немедленно по слѣдамъ его. Изяславъ не смутился этимъ и послѣшно

¹⁾ „Кіаеи же убоявъшеся Володимера Галичскаго, вѣадоша князя Дюрга въ Кіевъ“, Ипат. с. 280, Лавр. с. 311; въ Ипат. л. соединены два извѣстія, отчего эти слова стоятъ не на мѣстѣ.

²⁾ Ипат. с. 274—281, Лавр. с. 309—312.

³⁾ Никон. (I с. 185) прибавляетъ и отрядъ Изяслава, весьма мало вѣроятный.

шелъ далѣе—на Ушескъ и Мичьскъ; населеніе Погорыня и кіевскаго Полѣсья—жители Дорогобужа, Корческа, Мичьска съ любовью встрѣчали его, выходили на встрѣчу. Задержавъ фальшивыми огнями Володимірка у р. Уша, Изяславъ рѣшилъ какъ можно скорѣе проникнуть въ „полкъ кіевскій“, въ область полянъ или въ поселенія черныхъ клобуковъ, рассчитывая на ихъ поддержку. Благодаря оплошности Бориса Юрьевича удалось внезапно овладѣть Бѣлгородомъ, составившимъ какъ бы ключъ къ Полянскои области. Юрій совершенно не ожидалъ нападенія; узнавъ о походѣ, онъ немедленно бѣжалъ изъ Кіева въ Остерскій городокъ, не надѣясь на кіевлянъ, „запечиваютъ перевѣсъ къ Изяславу и брату его.“ Вслѣдъ затѣмъ Изяславъ вступилъ въ Кіевъ, кіевляне вышли ему на встрѣчу „с радостью“, которую, конечно, нѣтъ никакого повода заподозрѣвать ¹⁾). Володимірко, стоя у Мичьска на Тетеревѣ, неожиданно узналъ, что Юрій уже въ Остерскомъ городкѣ; ему ничего не оставалось больше, какъ удалиться, что онъ и сдѣлалъ, вознаградивъ себя впрочемъ контрибуціями, собранными по дорогѣ съ Изяславовыхъ городовъ, начиная съ Мичьска ²⁾).

Это занятіе Кіева Изяславомъ оказалось окончательнымъ, хотя и не прекратило борьбы. Юрій не медля обратился за помощью къ своимъ союзникамъ—сѣверскимъ князьямъ, Володимірку и „дикимъ половцамъ.“ Изяславъ понималъ шаткость своего положенія и приложилъ всѣ старанія, чтобы упрочить его. Прежде всего онъ уладился съ Вячеславомъ; два раза подавалъ онъ старику надежду на занятіе кіевскаго стола, въ послѣдній разъ уже прямо предложилъ ему Кіевъ, но обстоятельства не позволили тогда Вячеславу воспользоваться предложеніемъ. Теперь Изяславъ привелъ въ исполненіе прежній договоръ: онъ ввелъ и посадилъ Вячеслава на кіевскомъ столѣ и предоставилъ въ его распоряженіе Ярославъ дворъ, а самъ поселился на Угорскомъ; Вячеславъ, въ свою очередь, усыновилъ Изяслава и сдѣлалъ своимъ соправителемъ, предоставилъ ему вмѣстѣ участвовать въ рязаняхъ и походахъ и пользоваться его дружиною ³⁾).

¹⁾ Въ той же Нилон. л. (I с. 186) приведена благодарность Изяслава кіевлянамъ, во время къ веселья подозрительной формѣ.

²⁾ Нилон. с. 281—289, Лавр. с. 312—318.

³⁾ Нилон. с. 278, 289—291, 307. „Изяславъ посла у Вышегородъ къ отцю своему Вячеславу, и рече ему: отце, кланяютися, съгрѣшилъ есмь и первое, а того ся каю, а

Это номинальное вокняжение Вячеслава легализовало положение Изяслава, но несколько не прекратило претензий его соперника: Юрій и его союзники по прежнему продолжают борьбу. Извѣщая объ этомъ „рядѣ“ брата Ростислава, Изяславъ заявлялъ, что учинилъ его „всѣхъ дѣлъ Рускыя земля“¹⁾; онъ до смерти соблюдалъ его, хотя сотрудничество Вячеслава было, несомнѣнно, неприятно для такой энергичной и честолюбивой натуры. Кіевляне, съ своей стороны, не смотря на нерасположеніе къ Вячеславу, одобряютъ такой порядокъ дѣлъ и по смерти Изяслава вмѣняютъ Ростиславу въ обязанность продолжать прежнія отношенія къ Вячеславу²⁾. Мнѣ кажется, этимъ рядомъ дорожили кіевляне потому, что онъ отдавалъ въ распоряженіе князя дружину Вячеслава, а съ другой стороны—онъ давалъ имъ сознаніе, что правительство кіевское вполне легально: не имѣя реального значенія, это сознаніе было пріятно земству, очень боявшемуся всякихъ усобицъ, и закрывало ротъ партіи Юрія и рыцарскимъ легитимистамъ; при томъ все это достигалось довольно дешево, такъ какъ Изяславъ на дѣлѣ оказывался полнымъ хозяиномъ. Съ этой точки зрѣнія можно, пожалуй, оправдать и извѣстіе Никоновскаго свода, что кіевляне желали Вячеслава³⁾.

Новые соправители, Вячеславъ и Изяславъ, ждали нападенія Юрія и немедленно обратились за помощію къ угорскому королю и Ростиславу; отпуская вспомогательный отрядъ угровъ, они просили Гейзу, занятого борьбою съ Византією, прислать новую помощь немедленно, „сеѣ весны,“ а Ростислава призывали къ себѣ самого. Въ

изнова коли ни Богъ далъ побѣдити Игоря у Києва, а лѣтъ семь на тобѣ чести семь не положилъ, а потомъ коли у Тумаща“ (с. 289). Затрудненіе представляють слова „а востомъ коли у Тумаща“: предъ походомъ на Тумащъ противъ Володимірка Изяславъ предложилъ Кіевъ Вячеславу и не могъ нарушить своего слова уже потому, что вслѣдъ затѣмъ оставилъ Кіевъ; можетъ быть, „у Тумаща“ употреблено для обозначенія и предшествовавшаго времени, когда Изяславъ ладилъ съ Вячеславомъ (с. 277). Нужно замѣтить, что если и Вячеславъ и Изяславъ говорятъ о двухъ случаяхъ нарушенія слова послѣднимъ (с. 298: „аче и двоича ступилъ слова своего“), то тутъ едва ли имѣть преувеличенія: во второмъ случаѣ ничто, кажется, не обязывало Изяслава уступать кіевскій столъ Вячеславу.

¹⁾ Ипат. с. 292; ср. Андрияшевъ оп. с. 123.

²⁾ Ипат. с. 324.

³⁾ Никои. I с. 185.

апрѣль Юрій началъ уже стягивать свои силы; въ Остерскій городъ явились къ нему со своими полками Святославъ Ольговичъ съ племянникомъ и Владимиръ Давыдовичъ. Наоборотъ, Изяславъ Давыдовичъ отправился на помочь къ своему тезкѣ; подоспѣлъ Ростиславъ „съ множествомъ вои“, но объ угрозахъ еще не было и вѣсти. Не дожидаясь Володимірка, Юрій двинулся къ Киеву. Сюда подоспѣли и половцы. Изяславъ помѣшалъ Юрію переправиться у Киева, при помощи знаменитыхъ, „дивно искитренныхъ“ лодокъ (гребцы были прикрыты палубами, на которыхъ стояли воины; кормчіе, помѣщенные на обоихъ концахъ лодки, могли ее по желанію направить и взадъ и впередъ). Юрій прошелъ мимо Киева чрезъ Долобское озеро и Золотчу, но переправиться удалось ему только у Заруба: „зане не башеть ту княза, а боярина не вси слушаютъ.“ Послѣ этого, по настоянію дружины и кievскаго ополченія, Изяславъ отступилъ къ Кіеву; городъ былъ окруженъ всѣми наличными силами, было рѣшено держаться оборонительной тактики. Вячеславъ предварительно попытался убѣдить Юрія отказаться отъ борьбы, которая уже не имѣла легальныхъ оправданій. На успѣхи этой дипломатической пересылки, конечно, не рассчитывалъ и самъ Вячеславъ, она должна была только выяснить правоту дѣйствій Вячеслава и несправедливость Юрія предъ общественнымъ мнѣніемъ, преимущественно кievскимъ. Юрій отвѣчалъ требованіемъ, чтобы Вячеславъ отослалъ отъ себя племянниковъ. Приступъ его былъ неудаченъ; Юрій отступилъ; попытка было овладѣть Бѣлгородомъ, но населеніе послѣдняго сослалось на рѣшеніе старѣйшаго города и дало отпоръ („а Киевъ ты ся кое отворилъ? а князь нашъ Вячеславъ, Изяславъ и Ростиславъ“). Юрій перешелъ за Стугну и сталъ ожидать Володимірка. Но Изяславу было необходимо предупредить это соединеніе, и онъ не медля двинулся на Юрія; кievское населеніе выразило необычайное рвеніе, порѣшивъ, что въ походѣ должны принять участіе всѣ: „аъ же пойдуть вси, како можетъ и хлудъ (древѣ—Воскр.) в руди взати; пакы ли хто не поидеть, намъ же и дай, аъ мы сами побьемъ“; вѣроятно, неудача Юрія подавала надежду окончательно доконать и отбить у него охоту къ дальнѣйшимъ претензіямъ. На знаменитомъ Перепетовскомъ полѣ снова встрѣтились враги. Изяславъ получилъ извѣстіе, что угры уже вышли изъ Карпатскихъ горъ, но ожидать ихъ было некогда. Юрій всячески уклонялся отъ битвы, но былъ вынужденъ принять ее; въ „свѣтъ

хрушкой¹⁾, въ которой былъ убитъ Владиміръ Давыдовичъ, а Изяславъ Мстиславичъ раненъ, войска Юрія потерпѣли полное пораженіе и обратились въ безпорядочное бѣгство; много дружини потонуло въ топкомъ Рутѣ²⁾. Юрій бѣжалъ въ Переяславль; Володимірко, узнавъ о происшедшемъ, вернулся назадъ. Побѣдители вернулись въ Кіевъ съ великимъ торжествомъ, ихъ встрѣтило все духовенство съ митрополитомъ Климомъ во главѣ, „и пребыша у велицѣ весельи и у велицѣ любви“. Побѣда эта имѣла еще тотъ полезный для Изяслава результатъ, что съ его помощью на черниговскомъ столѣ теперь сѣлъ союзникъ его—Изяславъ Давыдовичъ. Радость побѣдителей была омрачена только извѣстіемъ о гибели угровъ, которыхъ велъ на помощь Мстиславъ Изяславичъ и которые были перебиты на дорогѣ Володиміркомъ³⁾.

Изяславъ и Вячеславъ рѣшились воспользоваться своимъ успѣхомъ и избавиться отъ опаснаго сосѣдства Юрія; не мѣшкая, они обступили его въ Переяславль и предложили миръ подъ условіемъ, что въ Переяславль сядетъ который-нибудь изъ сыновей Юрія, а самъ онъ уйдетъ въ Суздаль и, конечно, не будетъ претендовать на Кіевъ; „не можемъ с тобою быти сдѣ, приведеша на ны опять Половци“, говорили они. Юрій не имѣлъ средствъ сопротивляться и долженъ былъ присягнуть на этихъ условіяхъ. Но избавившись отъ осады, онъ медлялъ уходить и сносился съ Володиміркомъ и половцами, Вячеславъ и Изяславъ напомнили ему объ обѣщаніи, дали мѣсяць срока для возвращенія въ Суздаль и опять заставили присягнуть на прежнемъ условіи. Святославъ Ольговичъ при этомъ былъ исключенъ изъ мирнаго договора: онъ заключилъ отдѣльный договоръ съ Изяславомъ Давыдовичемъ, причемъ, вѣроятно, обязался отступить отъ Юрія и присоединиться къ Изяславу. Юрій между тѣмъ все не уходилъ; Изяславъ осадилъ его въ Остерскомъ городѣ, куда перешелъ Юрій изъ Переяславля; въ осадѣ приняли участіе Изяславъ Давыдо-

¹⁾ Пораженіе Юрія датировано въ 1 Новгород. (с. 11) 17 июля, но это былъ вторникъ, а въ прочихъ лѣтописяхъ день битвы—пятница, см. Арцибановъ I. 2 стр. 808.

²⁾ Ипат. 291—308, Лавр. 318—319. Избленіе угровъ въ Лавр. предшествуетъ походу на Городокъ, въ Ипат.—походу на Переяславль, но первое, кажется, вѣроятнѣе и первоначально этотъ эпизодъ, можетъ быть, и въ Ипат. стоялъ передъ извѣстіемъ о посланіи Изяслава къ угорскому королю (с. 307).

вить и Святославъ Всеволодовичъ, даже Святославъ Ольговичъ вынужденъ былъ послать помощь противъ своего союзника. Юрію „бысть тяжело“, онъ покорился и ушелъ въ Суздаль; Переяславская волость была тоже отнята у него, а затѣмъ и его гнѣздо—Остерскій городокъ былъ разрушенъ и сожженъ союзниками ¹⁾.

Юрій не уговорился; уже въ слѣдующемъ году онъ снова началъ готовиться къ походу на Кіевъ; поводомъ къ тому онъ выставилъ разрушеніе Остерскаго городка. Союзниками его явились: рязанскій князь, неизмѣнные половцы, кочевавшіе между Днѣпромъ и Волгою, и Святославъ Ольговичъ; послѣдній— изъ страха, чтобы Юрій не разорилъ его волостей по пути. Одновременно Володимірко двинулся изъ Галича, но Изяславъ пошелъ му на встрѣчу и заставилъ возвратиться. Юрій съ союзниками осадилъ Черниговъ, Изяславъ явился на выручку, и союзники отступили; половцы ушли во-свои, и Юрій, считая дѣло проиграннымъ, ретировался въ Суздаль, представивъ своему союзнику—Святославу раздѣляться за него и за себя. По зимнему пути Изяславъ двинулся на Новгородъ Сѣверскій; одновременно Мстиславъ Изяславичъ отправился громить половцевъ по Углу (Орелъ) и Самарѣ, вѣроятно, съ цѣлью удержать ихъ отъ соединенія со Святославомъ Ольговичемъ. Оттепель помѣшала однако Изяславу доконать послѣдняго, онъ долженъ былъ согласиться на миръ и съ тѣмъ возвратился ²⁾. Въ 1154 г. Юрій еще разъ собрался было на югъ, но моръ заставилъ его вернуться ³⁾.

Восторжествовавъ надъ своимъ соперникомъ, Изяславъ обратился на другого своего врага и постоянного помощника Юрія — Володимірка. Володимірко когда-то, вѣроятно въ 1150 г., послѣ послѣдняго изгнанія Изяслава изъ Кіева ⁴⁾, захватилъ нѣсколько городовъ его. Изяславъ, уже послѣ того, ходилъ на него вмѣстѣ съ Гейзою, но Во-

¹⁾ Ипат. с. 306—308, Лавр. с. 317—319.

²⁾ Ипат. с. 314—318, Лавр. с. 320—322.

³⁾ Ипат. с. 322, Лавр. с. 324.

⁴⁾ „Володиміръ же отъя городи всѣхъ нда (ида) и приде къ Личьску“ (Ипат. с. 281), и взгляды за тѣмъ Изяславъ жалуется на захватъ Володимірка (с. 282). Соображенія объ этомъ см. у Н. П. Дашкевича—Болоховск. земля с. 76—77; ср. Шараневича Истор. Гал.-Волод. Русс. с. 41, Молчановскаго оп. с. с. 76. Странно только, что во время перваго похода на Володимірка (1150 г.) ничего не говорится объ этихъ городахъ.

лодимірно, какъ было упомянуто, успѣлъ тогда откупиться. Зимой 1151—1152 г. было рѣшено снова пойти на Володимірку; Изяславъ двинулся было, но вернулся почему-то съ дороги ¹⁾. Весною 1152 года онъ снова отправился въ походъ съ кievскимъ ополченіемъ и съ полками всѣхъ южныхъ Мономаховичей; были приглашены къ участию и ляхи, но отказались. Соединившись съ уграми, Изяславъ нанесъ сильное пораженіе Володимірку, но многоглаголивый галицкій князь и на этотъ разъ избѣжалъ дальнѣйшихъ неприяностей, подкупивъ совѣтниковъ Гейзы. Несмотря на настоянія Изяслава—продолжать войну и лишитъ Володимірка волости, съ послѣднимъ былъ заключенъ миръ подъ условіемъ возвращенія захваченныхъ городовъ и тѣснаго союза съ Изяславомъ ²⁾. Ни одно изъ этихъ условій не было исполнено: города не были возвращены, а въ томъ же году, при вѣсти о походѣ Юрія на Кіевъ, Володимірко двинулся также на Изяслава. Послѣдній заставилъ его возвратиться; управившись съ Юріемъ, онъ замышлялъ новый походъ на Галичъ, но внезапная смерть Володимірка остановила его намѣреніе. Преемникъ Володимірка, Ярославъ, заявлялъ Изяславу о своей преданности, просилъ принять „яко сына своего Мстислава всеми своими полкъ“, но захваченные города, по всей вѣроятности, все-таки не были возвращены ³⁾, и въ началѣ 1153 г. Изяславъ опять пошелъ на Галичъ. Битва у Тереховля была нерѣшительна, братья и дружина Изяслава разбѣжались, и онъ вынужденъ былъ отступить ⁴⁾. Это былъ послѣдній походъ Изяслава на Галичъ; спорные города были въ концѣ концовъ возвращены, но когда—неизвѣстно ⁵⁾.

Годъ спустя, 13 ноября 1154 г. скончался Изяславъ, еще далеко не въ преклонныхъ лѣтахъ и въ полнотѣ силъ ⁶⁾; за нѣсколько мѣ-

¹⁾ Лавр. с. 319.

²⁾ Милолюбіе Гейзы очень вѣроятно объясняется нападениемъ на его земли византійскаго императора (Карамзинъ II с. 156, Зубрицкій II с. 86).

³⁾ Послѣдствію Татищевскаго свода (III с. 77) галицкіе бояре удержали Ярослава отъ возвращенія этихъ городовъ; ср. Соловьевъ Ист. Россіи II с. 176, Зубрицкій Ист. Гал.-Русск. княж. II с. 90, Шараневичъ Ист. Гал.-Волод. Руск. с. 45.

⁴⁾ Ипат. с. 308—313, 318—322, Лавр. с. 319—320, 322—323.

⁵⁾ См. выше с. 15.

⁶⁾ Ипат. с. 323, Лавр. с. 324. Ему, несомнѣнно, не было еще 60 лѣтъ, такъ какъ отецъ его родился въ 1076 г., а Изяславъ былъ не старшій сынъ.

спецъ до того онъ женился вторично на кавказской княжнѣ — изъ Обезъ. Смерть его, несомнѣнно, была несчастьемъ для Кіевщины; въ послѣднее время ему удалось значительно упрочить свое положеніе, и можно было надѣяться, что онъ и впредь сохранитъ кіевскій столъ за собою, что враждебныя силы будутъ нейтрализованы и серьезныхъ волнзій не произойдетъ. Проживи Изяславъ лишній десятокъ-другой лѣтъ, переживи онъ Юрія, Святослава Ольговича и другихъ старшихъ современниковъ—и, быть можетъ, исторія Кіевщины не сложилась бы такъ печально.

Смерть Изяслава вызвала искреннее сожаленіе у населенія — плакала по немъ вся Руская земля (т. е. Кіевская) и вся Чернии Клобуци, и яко по цари и господинѣ своемъ, наипаче же яко по отци¹⁾. Популярность его объясняется прежде всего свойствами его характера. Его безавѣтная удалъ и энергія, извѣстное благородство, не стѣснявшееся впрочемъ при случаѣ, по духу того времени, и обманомъ и жестокостью, его радушіе и обходительность обаятельно дѣйствовали на населеніе. Затѣмъ располагало къ нему его уваженіе къ голосу земства: отношенія Изяслава къ вѣчу—отношенія равнаго къ равному, даже низшаго къ высшему; онъ живетъ въ тѣсномъ общеніи съ землею, вѣче принимаетъ при немъ самое живое участіе въ политическихъ дѣлахъ, частью по своей инициативѣ, частью по приглашенію князя, и Изяславъ никогда не позволяетъ себѣ какого-либо давленія на него. Этотъ образъ дѣйствій, обнаруживающій въ Изяславѣ ясное сознаніе своихъ интересовъ и большой политической тактъ, несомнѣнно, долженъ былъ очень нравиться населенію. Наконецъ, популярности Изяслава должна была содѣйствовать политика его относительно половцевъ: онъ явился и въ этомъ отношеніи преемникомъ своего отца и дѣда; постоянная борьба съ соперниками, правда, не давала ему возможности дѣятельно вести наступательную борьбу противъ степняковъ: лѣтописцы говорятъ объ одномъ только походѣ въ степь его сына Мстислава; но по крайней мѣрѣ никогда Изяславъ не дружилъ съ ними и не наводилъ на Русскую землю, какъ Юрій.

Симпатичныя свойства Изяслава не должны однако закрывать отъ насъ слабыхъ сторонъ его, какъ государя. Въ своей дѣятельно-

¹⁾ Ипат. л. с. 323.

сти онъ преслѣдуетъ личныя выгоды; въ борьбѣ съ Юріемъ онъ обнаруживаетъ весьма мало охоты поступиться чѣмъ-нибудь, пойти на компромиссы, уладить какимъ-нибудь путемъ соперничество и обезпечить странѣ спокойствіе; когда Юрій отступался отъ Кіева и просилъ взамѣнъ Переяславскую волость для одного изъ сыновей, Изяславъ отказалъ, не смотря на желаніе населенія, — „добылъ есми головою своею Кіева и Переяслава“, отвѣчалъ онъ; правда, что съ Юріемъ и войти въ компромиссы было трудно. При такомъ положеніи дѣлъ борьба ихъ могла продолжаться безконечно. Въ этомъ отношеніи Изяславъ далеко уступаетъ своему дѣду, который также руководился личными цѣлями, но свое благосостояніе строилъ гораздо прочнѣе и со своимъ благополучіемъ связывалъ благополучіе и счастье населенія. На земство Изяславъ смотрѣлъ преимущественно, какъ на орудіе; это отношеніе смягчалось его радушіемъ, привѣтливостью, но сущность дѣла отъ того не мѣнялась; любопытное проявленіе этого отношенія встрѣчаемъ въ описаніи событій 1149 г., когда Изяславъ обманомъ заставляетъ кіевлянъ сражаться за него съ Юріемъ и потерпѣвъ пораженіе, предлагаетъ имъ снова за него биться отъ кіевлянъ, просящихъ не погубить ихъ до конца, вовлекая въ новую борьбу съ Юріемъ, хорошо характеризуетъ эти отношенія. Къ чести кіевского населенія нужно замѣтить, что оно не увлекается своими симпатіями къ Изяславу и сохраняетъ всегда сознаніе собственныхъ интересовъ ¹⁾.

По смерти Изяслава номинально кіевскимъ княземъ по прежнему оставался Вячеславъ, но и населеніе и онъ самъ, вѣроятно, сознавали необходимость соправителя. Относительно выбора преемника Изяславу затрудненія не было; еще при жизни его Вячеславъ усновилъ Ростислава, и населеніе Кіевской земли заявляло Юрію: „князь нашъ Вячьславъ, Изяславъ и Ростиславъ“ ²⁾. Ростислава въ Кіевѣ не было въ моментъ смерти Изяслава, и за нимъ тотчасъ послали.

¹⁾ Объ Изяславѣ см. еще Карамзина II с. 160, Соловьева II с. 77 и Ист. отнош. с. 198—4; оригинальна характеристика Зубрицкаго (II с. 98): онъ призналъ въ разсчетахъ лишь отрицательныя качества Изяслава (и даже не только его личныя, но и общіе недостатки того времени); конечно, характеристика вышла очень недоброжелательная и односторонняя.

²⁾ Ипат. с. 298, 300.

Въ это время прибылъ къ кievскому перевозу Изяславъ Давыдовичъ; услышавъ о смерти Изяслава, онъ, очевидно, хотѣлъ попробовать, не удастся ли, пользуясь этимъ переходнымъ временемъ, самому усѣсться въ Кіевѣ. Вячеславъ встрѣтилъ его нелюбезно: „по што еси приѣхалъ и кто тя позвагъ? ѣди же у свой Черниговъ“. Изяславъ Давыдовичъ увѣрялъ, что онъ хочетъ только оплакать гробъ Изяслава Мстиславича, но это похвальное намѣреніе показалось подоврительнымъ Вячеславу, и онъ, посовѣтовавшись съ Мстиславомъ Изяславичемъ и „с мужми“, не пустилъ въ Кіевъ Изяслава ¹⁾. Этотъ фактъ, очевидно, обезпокоилъ Вячеслава и кievлянъ; дѣло въ томъ, что отношенія сѣверскихъ князей въ послѣднее время измѣнились: еще при жизни Изяслава (1153 г.) состоялся тѣсный союзъ между представителями двухъ вѣтвей ихъ—Изяславомъ Давыдовичемъ и Святославомъ Ольговичемъ ²⁾; вѣроятно, Святославичи соскучились своею ролью подручниковъ Мономаховичей, желали сообща дѣйствовать въ свою пользу и при удобномъ случаѣ возобновить притязанія на кievскій столъ, поднятыя Всеволодомъ Ольговичемъ. Чтобы помѣшать этой коалиціи, Вячеславъ, конечно съ вѣдома и совѣта Мстислава и бояръ, входитъ въ сношенія со Святославомъ Всеволодовичемъ и призываетъ его постеречь Кіевъ до прихода Ростислава, называя его любимымъ сыномъ Ростислава и своимъ и подавая надежду на хорошее вознагражденіе. Святославъ, тайкомъ отъ дядей, дѣйствительно явился въ Кіевъ. Тогда Изяславъ Давыдовичъ и Святославъ Ольговичъ послали къ Юрію, приглашая его въ Кіевъ и обѣщая свое содѣйствіе ³⁾; думается, что такимъ образомъ они желали возобновить усобицы среди Мономаховичей, которыми надѣялись воспользоваться въ своихъ интересахъ.

Ростиславъ между тѣмъ прибылъ въ Кіевъ; „Кияне же вси изидоша с радостию великою противу своему князю; и тако быша ради ему вси, и вси Руская земля, и вси Чернии Клобуци обрадовашася“. Ростиславъ не медля явился на поклонъ къ Вячеславу, и между ними состоялся такой же рядъ, какой существовалъ раньше между Вяче-

¹⁾ Ипат. с. 323, Лавр. 321; См. Ист. Сѣв. и П. В. Голубовскаго с. 138.

²⁾ Ипат. с. 320.

³⁾ Ипат. с. 323—324, 329.

славомъ и Изяславомъ: Ростиславъ обзавался имѣть Вячеслава отцемъ и „честь на немъ держать“, а Вячеславъ предоставлялъ ему участвовать въ управленіи и распоряжаться его „полкомъ и дружиною“. Послѣ этого киевляне „посадили“ Ростислава на киевскомъ столѣ, заключивъ съ нимъ также рядъ: „яко же и братъ твой Изяславъ честилъ Вячеслава, тако же и ты чести; а до твоего живота Кнѣзь твой“¹⁾. Послѣднія слова очень любопытны: они показываютъ въ киевлянахъ твердое нѣмѣненіе устранить Юрія отъ киевскаго стола напереворъ родовымъ счетамъ; киевское населеніе такимъ образомъ шло въ этомъ отношеніи дальше своихъ князей, которые (въ 1149 г.) обзавали Юрія не искать Кіева только подъ Вячеславомъ и подъ Изяславомъ²⁾. Святославъ Всеволодовичъ за свой переходъ на сторону Ростислава получилъ отъ него Туровъ и Пинскъ³⁾.

Такъ возникъ Ростиславъ — всего впрочемъ на нѣсколько дней. Необходимо было не медля начать борьбу съ противниками. Глѣбъ Юрьевичъ съ половцами шелъ на Переяславль — его удалось отбить. Ростиславъ, очевидно, зналъ также о сношеніяхъ сѣверскихъ князей съ Юріемъ; онъ рѣшилъ предупредить ихъ соединеніе и до прихода Юрія раздѣлаться съ Изяславомъ Давыдовичемъ: „любо и проженемъ, любо примиримъ къ собѣ“. Ростиславъ стоялъ уже за Днѣпромъ противъ Вышгорода, поджидалъ дружину, какъ неожиданное извѣстіе заставило его возвратиться: Вячеславъ, пируя со своею дружиною, скоропостижно скончался. Похоронивъ его „съ честью великою, с множествомъ народа“ и раздавъ имущество его церквамъ, монастырямъ и нищимъ, Ростиславъ поспѣшилъ снова въ Вышгороду, забравъ остальную дружину Вячеслава. Но на военномъ совѣтѣ, бояре, очевидно киевскіе, хорошо знавшіе настроеніе населенія, совѣтовали ему не итти на Черниговъ, а вернуться въ Кіевъ и „утвердиться съ людьми“ — „да аче стрій придетъ на тя Дюргя, понѣ ты ся с людьми утвердилъ будеши, годно ти ся с нимъ умирить — умирншися, пакы ли а рать зачнеши с нимъ“. Очевидно, они опасались и, конечно, основательно, что въ виду смерти Вячеслава болѣе консер-

¹⁾ Ипат. с. 324, Лавр. с. 325.

²⁾ Ипат. с. 308.

³⁾ Ипат. с. 324.

важная часть киевскаго населенія, еще вѣрившая въ могущество и святость родовыхъ правъ, будетъ склоняться на сторону Юрія, хотя Ростиславъ и былъ посаженъ на киевскій столъ „до живота“. Необходимо было поэтому такъ или иначе привлечь на свою сторону населеніе и прочно заручиться его поддержкою для предстоящей борьбы съ Юріемъ. Ростиславъ не послушалъ этого совѣта, двинулся къ Чернигову и предложилъ Изяславу Давыдовичу присягнуть, что онъ признаетъ Ростислава киевскимъ княземъ. Но Изяславъ, призвавъ къ себѣ Глѣба Юрьевича съ половцами и зная, вѣроятно, что самъ Юрій тоже двинулся на югъ, не боялся Ростислава; онъ разыгралъ оскорбленную невинность и отвергъ мирныя предложенія. У Боловоса противники встрѣтились, у Изяслава оказалось войска гораздо больше, Ростиславъ оробѣлъ, завелъ переговоры съ Изяславомъ и не попытавъ даже счастья, отступался въ его пользу отъ Киева и Переяслава. Мстиславъ Изяславичъ, которому тогда принадлежалъ Переяславъ, былъ крайне возмущенъ такимъ поведеніемъ дяди и не дожидаясь конца переговоровъ, ушелъ со своимъ полкомъ; тогда половцы бросились на войско Ростислава, которое отбивалось два дня, но наконецъ обратилось въ бѣгство. Святославъ Всеволодовичъ былъ захваченъ въ плѣнъ половцами, Ростиславъ едва избѣжалъ той же участи; не возвращаясь въ Киевъ, онъ прямо съ побойща отправился въ Смоленскъ; Мстиславъ Изяславичъ ушелъ въ Луцкъ. Изяславъ Давыдовичъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобы пріобрѣсти себѣ симпатіи киевскаго населенія: онъ выручилъ изъ половецкаго плѣна многихъ киевлянъ и не выдавалъ тѣхъ, которые убѣгали отъ половецвъ въ его города ¹⁾.

Кіевская земля осталась такимъ образомъ въ весьма неприятомъ положеніи; Мстиславичи, считая дѣло проиграннымъ, покинули ее на произволъ судьбы, и Киевъ остался вовсе безъ князя, а Изяславъ Давыдовичъ, и что хуже всего — съ половцами, готовъ былъ двинуться на него: „тяжко бяше Кияномъ“. Но Изяславъ не рѣшился силою брать Киевъ, а предпочелъ завладѣть имъ мирно, съ согласія самого населенія; роль, которую играло киевское земство въ предшествовавшей борьбѣ Изяслава Мстиславича съ Юріемъ, должна была

¹⁾ Ипат. с. 325—327 (Воскр. I с. 61—62), Лавр. 325—326.

перебито половцевъ, а нѣкоторые захвачены въ плѣнъ берендичами. Они послѣ того прїѣзжали къ Юрію „на снемъ“ къ Каневу и просили о возвращеніи плѣнныхъ, конечно даромъ; Юрій хотѣлъ удовлетворить ихъ, но берендичи обидѣлись, „рекуче: мы (того дѣла) умираемъ за Рускую землю с твоимъ сыномъ и головы своя съкладаемъ за твою честь“. Юрій не рѣшился принудить берендичей и старался задобрить половцевъ подарками, но послѣдніе остались все-таки недовольны и опустошили Переяславскую волость ¹⁾.

При такихъ обстоятельствахъ коалиція Изяслава и Мстиславичей могла быть очень опасна. Поэтому Юрій счелъ необходимымъ сблизиться съ Ростиславомъ и его племянниками и пригласилъ его къ себѣ въ Кіевъ, чтобы вмѣстѣ „удержати Рускую землю“ отъ притязаній Святославичей. Ростиславъ поспѣшилъ принять это приглашеніе; онъ отправился въ Кіевъ со своимъ полкомъ, встата проводилъ и княгиню Юреву, ѣхавшую къ мужу съ дѣтми изъ Суздаля. Юрій принялъ его съ великою честью; при посредствѣ Ростислава состоялось примиреніе его съ Изяславичами, а послѣднихъ съ Владиміромъ Мстиславичемъ; Владиміръ и Ярославъ Изяславичъ явились въ Кіевъ со своими полками, а Мстиславъ Изяславичъ остерегся—„река: иметь мя Дюрги“, но былъ принятъ Юріемъ „в любовь“. Вѣроятно, при этомъ состоялось и соглашеніе о передачѣ кіевского стола послѣ Юрія Ростиславу, если только оно не подразумѣвалось само собою.

Собравъ столько союзниковъ (прибыла еще помощь и отъ Ярослава галицкаго), Юрій могъ imponировать своимъ противникамъ и заставилъ ихъ смириться. Половцы пришли было дѣлою ордою въ Переяславскую волость „на миръ“, —Юрій пригласилъ ихъ „на снемъ“ въ Каневъ и явился туда со всѣми союзниками; это произвело надлежащее впечатлѣніе: узнавъ о силахъ Юрія чрезъ своихъ посланцевъ, половцы заблагоразсудили въ ту же ночь убраться по добру по здорову. По возвращеніи въ Кіевъ Юрій, посовѣтовавшись съ братією, послалъ къ Изяславу Давыдовичу, предлагая ему прекратить враждебные замыслы и угрожая въ противномъ случаѣ походомъ; Изяславъ долженъ былъ отложить свои намѣренія до болѣе удобнаго случая. Послѣ этого Юрій отпустилъ своихъ союзниковъ; въ Лутавѣ на Де-

¹⁾ Ипат. с. 329--330, Лавр. с. 327--8, Никон. I с. 203.

сѣ произошло съѣздъ Юрія со Святославомъ Ольговичемъ и Изяславомъ Давыдовичемъ, послѣдніе уладились съ нимъ и получили по городу: Изяславъ—Корческъ, а Святославъ—Мозырь; вскорѣ послѣ этого Глѣбъ Юрьевичъ женился на дочери Изяслава. Такимъ образомъ Юрію удалось уладить свои дѣла, „и бысть тишина въ Русьстемъ земли“ ¹⁾. Пользуясь этимъ, Андрей Юрьевичъ тайкомъ ушелъ изъ Вышгорода, соскучившись за сѣверомъ: „яко тамо, рече, покойнѣе есть“ ²⁾; при этомъ онъ унесъ и икону Богородицы—впослѣдствіи знаменитую Владимірскую. Непріатели Юрія были заняты своими домашними дѣлами: Мстиславъ Изяславичъ отнялъ Владиміръ у своего дяди, а Изяславъ Давыдовичъ занялся усмиреніемъ своего племянника, который захватилъ у него подесенскіе города и вступилъ въ сношенія съ Ростиславомъ Смоленскимъ. Юрій въ это время заключилъ наконецъ миръ и съ половцами, кажется при посредствѣ Святослава Ольговича и Изяслава Давыдовича; „снемъ“ произошло у Заруба, и вслѣдъ затѣмъ половцы отправились укрощать племянника Изяслава Давыдовича ³⁾.

Волинскою усобицею Мстиславичей Юрій задумалъ воспользоваться для того, чтобы захватить для своего племянника Владиміра Андреевича Владимірскую волость, гдѣ нѣкогда сидѣлъ его отецъ: онъ обѣщалъ послѣднему заботиться о его сынѣ и самому Владиміру обѣщалъ эту волость. Но походъ на Изяславичей былъ не удаченъ, Юрій вернулся ни съ чѣмъ и далъ Владиміру взаимнѣ погорынскіе города.

Когда Юрій такимъ образомъ снова разсорился съ волинскими Мстиславичами, Изяславъ Давыдовичъ, помирившись со своими племянниками, рѣшилъ воспользоваться измѣнившимися обстоятельствами и началъ опять „рать замышляти“ на Юрія. Святославъ Ольговичъ отказался присоединиться къ нему, ссылаясь на крестное цѣлованіе, за то Изяславъ заручился союзомъ Мстислава Изяславича и Ростислава. Что побудило послѣдняго стать на сторону Изяслава, трудно сказать; интересы его и Изяслава были совершенно различны: Ростис-

¹⁾ 1 Новгород. с. 11.

²⁾ Новгород. I с. 204.

³⁾ Новгород. с. 380—384, Лавр. с. 328—329.

славъ былъ естественный преемникъ Юрія, Изяславъ становился ему поперебъ дороги; можетъ быть впрочемъ, Ростиславъ имѣлъ въ виду только произвести на Юрія давленіе въ своихъ видахъ и не желалъ его согнать со стола, а можетъ быть былъ раздраженъ и за своихъ племянниковъ, какъ полагасть Соловьевъ ¹⁾. Онъ отрядилъ своего сына Романа на югъ съ полкомъ, Мстиславъ двинулся изъ Владиміра, Изяславъ собирался идти изъ Чернигова; эта коалиція была тѣмъ грознѣе для Юрія, что Ростиславъ передъ тѣмъ заключилъ тѣсный союзъ съ рязанскими князьями ²⁾. Изъ этого затруднительнаго положенія вывелъ Юрія смерть: Юрій пылъ у осменика Петриза, захворалъ и проболѣвъ пять дней, скончался въ ночь подъ 16 мая 1158 г. Какъ обыкновенно бывало при кончинѣ нелюбимыхъ князей, въ Кіевѣ начались беспорядки: были разграблены дворцы Юрія, дворъ Василька Юрьевича; въ городахъ и по селамъ избивали приведенныхъ Юріемъ суздальцевъ и грабили ихъ имущество ³⁾.

Юрій во многихъ отношеніяхъ былъ противоположностью Изяславу Мстиславичу ⁴⁾; эти два несходные характера, несомнѣнно, отбѣняли другъ друга въ представленіи общества, и если недостатки Изяслава закрывались многими симпатичными его свойствами, то антипатичныя черты характера его соперника представлялись въ рѣзкомъ, даже преувеличенномъ видѣ. Юрій отличался своекорыстіемъ и эгоизмомъ и совершенно лишенъ былъ благородства (хоть и относительнаго) своего соперника; лѣтопись сообщаетъ, наприимѣръ, какъ онъ оставилъ во время опасности своего союзника Святослава, намѣренъ былъ выдать Ярославу галицкому „на убійство“ своего подручника Ивана Берладника ⁵⁾. Онъ не отличался ни смѣлостью, ни дальновидностью, ни талантами полководца, ни государственнымъ умомъ;

¹⁾ Ист. Россіи II с. 184; въ Ист. отнош. (с. 202) онъ предполагалъ, что Ростиславъ и Мстиславъ предоставляли по договору Кіевъ Изяславу.

²⁾ Ипат. с. 831—2; Иловайскій Ист. Ряз. кн. с. 81.

³⁾ Ипат. с. 834—836, Лавр. с. 829—830; Аристовъ (Промышлен. древ. Русн с. 175) считалъ этихъ суздальцевъ купцами, но то были, несомнѣнно, дружинники Юрія.

⁴⁾ Характеристика Юрія у Татищева въ т. III с. 108; онъ обвиняетъ Юрія въ преданности удовольствіямъ и разрату и это обвиненіе проводитъ очень настойчиво (ср. с. 67, 68, 89, 91, 97, 102). См. еще характеристику Карамзина II с. 166—167, Корсакова—Мерз в Ростовск. кн. с. 74—75.

⁵⁾ Ипат. с. 816, 835.

онъ любилъ выжидать, дѣйствовать чужими руками; его успѣхи въ борьбѣ съ Изяславомъ объясняются выгодными условіями его положенія: сосѣди Изяслава—Святославъ Ольговичъ и галицкіе князья были его постоянными союзниками, Суздальская волость доставляла ему значительныя военныя средства, а ея отдаленность и географическое положеніе гарантировало Юрію безопасность въ случаѣ неудачъ. Вокняжившись въ Кіевѣ, онъ не успѣлъ привязать къ себѣ населеніе, не извѣстно даже такихъ попытокъ съ его стороны; наводнивъ кіевскую область суздальцами, онъ долженъ былъ неминуемо возбудить нерасположеніе кіевского боярства; низшее населеніе также имѣло свои счеты съ нимъ. Что еще должно было сильнѣйшимъ образомъ возбудить нелюбовь къ нему, это его союзъ съ половцами; любопытнѣйшій фактъ, сообщенный лѣтописью: во время похода Юрія на Кіевъ 1151 г. къ его войскамъ находился сынъ Бояка—Севенчъ, который похвалялся „сѣчи в Золотыя ворота, якоже и отецъ“ его, но былъ убитъ во время приступа ¹⁾; очевидно, кіевляне обратили вниманіе на это дѣйствительно любопытное обстоятельство, что сынъ шелудиваго хищника, который такъ „дався в знаки“ Кіеву, съ которымъ такъ долго боролся Мономахъ, явился союзникомъ Мономахова сына. Въ качествѣ союзниковъ половцы не разъ вступали на кіевскую территорію и, конечно, разоряли ее по своему обыкновенію; кромѣ того мы находимъ, частью въ Кіевской лѣтописи, частью въ позднѣйшемъ Никоповскомъ сводѣ, нѣсколько извѣстій о половецкихъ вторженіяхъ въ русскія волости—такъ подъ 1149 г. сообщается о взятіи Торшина и разореніи окрестныхъ селъ; зимою 1150 г. (когда Юрій опять сидѣлъ въ Кіевѣ) „приходиша Половци въ Русь, и много зла сотворивше цдоша во свояси“; подъ 1155—опять въ княженіе Юрія—упомянутый уже набѣгъ половецвъ на Поросье. Въ послѣднемъ случаѣ Юрій къ своимъ видамъ оказалъ явную потачку половецамъ, когда они просили возвращенія плѣнныхъ ²⁾.

Изяславъ Давыдовичъ находился еще въ Черниговѣ и собирался выступить, когда къ нему „приѣхаша Княже, рекуче: поѣди, княже,

¹⁾ Ипат. с. 299.

²⁾ Ипат. с. 329 и 330, Никои. I с. 182—3, 185, Татищевъ III с. 18, 37.

Киеву, Гюрги ти умерлъ;“ эти гонцы были, какъ видно, посланы въ Черниговъ тотчасъ по смерти Юрія ¹⁾; послала ихъ, по всей вѣроятности, черниговская партія, можетъ быть вмѣстѣ съ богатыми киевлянами, которыхъ могло испугать движеніе бѣдѣйшаго населенія противъ суздальцевъ; вѣче же не имѣло поводовъ заявлять особенное усердіе къ Изяславу, тѣмъ болѣе, что оно еще не знало, какъ отнесутся къ вопросу о киевскомъ столѣ Ростиславъ и Мстиславъ ²⁾. Обстоятельства сложились неожиданно самымъ выгоднымъ для Изяслава образомъ, онъ поспѣшилъ въ Кіевъ, и киевскому населенію не оставалось ничего другого, какъ посадить его вторично на столѣ, что оно и сдѣлало ³⁾.

Каковы бы не были виды Мономаховичей, они не протестовали при возняженіи Изяслава. Напротивъ, Мстиславъ помогаетъ Изяславу въ его столкновеніи съ Святославомъ Ольговичемъ. Изяславъ Давыдовичъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми Мстиславичами ходитъ добывать Туровъ для Владиміра Мстиславича, оставшагося безъ волости, послѣ того какъ Мстиславъ Изяславичъ отнялъ у него Владиміръ. Со Святославомъ Ольговичемъ Изяславъ столкнулся изъ-за Черниговской волости, которую онъ хотѣлъ удержать за собою; дѣло улажено было мирно, Изяславъ уступилъ черниговскій столѣ, сохранивъ часть волости за собою или своимъ племянникомъ Святославомъ Владиміровичемъ; Новгородъ Сѣверскій перешелъ къ Святославу Всеволодичу. Походъ на Туровъ, которымъ завладѣлъ Юрій Ярославичъ, внукъ Святополка Изяславича, отнявъ его, вѣроятно, у Бориса Юрьевича ⁴⁾, былъ неудаченъ, и позже мы видимъ Владиміра Мстиславича въ Кіевѣ у Изяслава. „Сотворилъ миръ“ Изяславъ и съ половцами, которые приплыли на „снемъ“ къ Каневу и были улагодворены ⁵⁾.

¹⁾ Юрій умеръ въ ночь подъ 16 мая, а 19 Изяславъ уже вступилъ въ Кіевъ.

²⁾ Иначе думалъ Соловьевъ (II с. 185): „это посольство отъ киевлянъ служить доказательствомъ, что они знали о намѣреніи союзниковъ и были готовы къ принятію Давыдовича“; Карамзинъ (II с. 167) тоже полагаетъ, что киевляне ждали Изяслава; но съ такимъ предположеніемъ трудно согласовать предшествующія и послѣдующія отношенія кнзя къ Изяславу: они не оказываютъ ему никакой поддержки.

³⁾ Ипат. с. 336, 1 Повг. с. 12.

⁴⁾ Соловьевъ II с. 195.

⁵⁾ Ипат. с. 336—338.

Такимъ образомъ въ Южной Руси на нѣкоторое время водворилось спокойствіе; однако отношенія не отличались прочностью и искренностью. Любопытно, что въ походѣ на Туровъ Мстиславъ Изяславичъ не участвовалъ; это можно объяснить нерасположеніемъ Мстислава къ своему дядѣ, котораго онъ лишилъ волости ¹⁾, но въ такомъ случаѣ и дружба Изяслава съ Владиміромъ Мстиславичемъ являлась уже какъ бы вызовомъ Мстиславу, вызовомъ, на который едва ли бы рѣшился Изяславъ самъ собою. Вѣроятно, онъ еще раньше замѣтилъ нерасположеніе со стороны Мстислава; послѣдній, наприимѣръ, могъ рассчитывать на удѣлъ въ Киевской волости за свое содѣйствіе Изяславу и гнѣваться, не получивъ желаемого. Старанія Изяслава добыть волость Владиміру получаютъ тогда иное освѣщеніе: онъ желалъ приобрѣсть союзника противъ Мстислава; но такъ какъ предлогъ похода на Туровъ былъ очень благовиденъ, то неудивительно, что нѣкоторые Мстиславичи помогли Изяславу. И Ольговичи все еще были недовольны на Изяслава за то, что онъ удержалъ часть Черниговской волости ²⁾.

Натянутость отношеній обнаружилась при столкновеніи Изяслава съ Ярославомъ Осмомыслемъ галицкимъ. Изяславъ имѣлъ какіе-то планы относительно Галича; еще при жизни Юрія онъ перехватилъ на дорогѣ галицкаго претендента Ивана Берладника, когда Юрій отправилъ его изъ Киева въ Суздаль въ заточеніе; потомъ онъ держалъ его у себя въ Киевѣ. Вѣроятно, Изяславъ думалъ подчинить своему вліянію Ярослава, пугая его претендентомъ ³⁾; это было очень важно для Изяслава, такъ какъ союзъ съ Ярославомъ далъ бы ему могущественное орудіе противъ Мстислава Изяславича и прочихъ волынскихъ Мстиславичей, но расчетъ оказался неудачнымъ. Правда, Ярославъ нѣкоторое время, кажется, дружилъ съ Изяславомъ, по крайней мѣрѣ прислалъ вспомогательный отрядъ для похода на Туровъ, но замѣтивъ, что среди князей существуетъ нерасположеніе къ Изяславу, онъ вмѣсто заискиваній сталъ добиваться выдачи Берладника. Къ Изяславу въ Киевъ явился галицкій посолъ вмѣстѣ съ послами Рос-

¹⁾ Словень I. с.

²⁾ Ипат. с. 341, 343.

³⁾ См. Зубрицкаго II с. 97 и у П. В. Голубовскаго—Ист. Ств. з. с. 141—142.

тислава Мстиславича, Мстислава и Ярослава Изяславичей, Владиміра Андреевича, Святослава Ольговича и Святослава Всеволодовича, угорскаго короля и польскихъ князей: всѣхъ ихъ подмольилъ Осмомыслъ, „да быша ему были помочьници на Ивана“, и всѣ они поддерживали требованіе его — выдать Берладника. Изяславъ выказалъ не малую твердость и отказалъ, но Берладникъ, „уполошивъся“, уѣхалъ „в поле“; съ помощью половцевъ онъ началъ грабить галичанъ, промышлявшихъ рыболовствомъ на Дунаѣ, попытался завладѣть Понизьемъ, но попытка была неудачна, несмотря на сочувствіе къ нему простого народа, и Изяславъ Давыдовичъ пригласилъ его обратно въ Кіевъ ¹⁾.

Ярославъ Осмомыслъ былъ обезпеченъ и раздраженъ такимъ поведеніемъ Изяслава; онъ заключаетъ союзъ съ Мстиславомъ Изяславичемъ и Владиміромъ Андреевичемъ, и вмѣстѣ съ ними готовятъ рать на Кіевъ. Вѣроятно, Ярославъ предложилъ Мстиславу выгнать изъ Кіева Изяслава; ему тѣмъ легче было побудить къ походу Мстислава, что послѣднему также было бы невыгодно, если бы Изяславъ посадилъ въ Галичъ своего клеветца — Берладника. Опасность заставила Изяслава помириться съ Святославомъ Ольговичемъ; онъ предложилъ за содѣйствіе Мозырь и Чичерскъ, Святославъ отвѣтилъ, что онъ и безъ того готовъ ему помогать: общность интересовъ взяла такимъ образомъ верхъ надъ несогласіями; у Лутавы состоялся съѣздъ сѣверскихъ князей, на которомъ была утверждена „любовь велика“. По словамъ лѣтописи, Изяславъ далъ знать объ этомъ Мстиславу и Ярославу Галицкому; это извѣстіе, дѣйствительно, удержало ихъ на время отъ похода, но не измѣнило положенія дѣлъ. Изъ Владиміра къ Изяславу приходили вѣсти, что союзники собираются итти на Кіевъ ²⁾, а изъ Галича народная партія призывала Берладника, обѣщая отступить отъ Ярослава. Изяславъ счелъ за лучшее итти въ Галичъ, чѣмъ ожидать нападенія, сидя въ Кіевѣ, и обратился за помощью

¹⁾ Ипат. с. 341; Зубрицкій полагаетъ, что этотъ походъ на Понизье былъ предпринятъ Берладникомъ по совѣту Изяслава (II с. 100).

²⁾ Ср. Густин. л. с. 306: „Іоанъ (Берладникъ) прїѣде въ Кіевъ ко Изяславу, прося у него помощи на Ярослава, и похва, яко Ярославъ не токмо мене прогна волюсти ради, но и Кіевъ хочетъ подъ твою клятти: уже бо ся на то согласилъ со Мстиславомъ Изяславичемъ и Ростиславомъ Мстиславичемъ, и прочіими князи, и королемъ Польскимъ“.

къ Ольговичамъ, но Святославъ настойчиво совѣтовалъ ему отказаться отъ наступательной войны въ пользу чуждаго претендента, и только въ случаѣ нападенія противниковъ обѣщалъ помощь. Изяславъ не отказался отъ своего намѣренія, пригрозилъ выгнать Святослава изъ Чернигова за отказъ въ помощи, и между ними произошелъ новый разрывъ. Изяславъ остался такимъ образомъ безъ союзниковъ; онъ отправилъ своего племянника Святослава за „дикими половцами“, а самъ двинулся по направленію къ Галичу; у Мунарера онъ оставался, ожидая половцевъ, но услышавъ, что Мстиславъ съ братомъ Ярославомъ, Владиміромъ Андреевичемъ и галицкимъ полкомъ идетъ уже къ Кіеву, отступилъ назадъ, не рѣшаясь встрѣтить ихъ безъ половцевъ. Мстиславъ между тѣмъ подошелъ къ Бѣлгороду, населеніе приняло его въ городъ. Изяславъ, дождавшись половцевъ, началъ осаду; осажденные упорно отбивались, а между тѣмъ у нихъ начались сношенія съ берендичами, находившимися въ войскѣ Изяслава. Нѣкоторые изъ черноключуцкихъ старшинъ, пользовавшіеся расположеніемъ покойнаго Изяслава Мстиславича, предложили свои услуги его сыну, подъ условіемъ, что онъ будетъ ихъ держать въ милости и дастъ „по городу лепшему“. Мстиславъ принялъ эти условія, черные клубуки измѣнили Изяславу, зажгли ночью станъ и съ крикомъ помчались къ Бѣлгороду. Изяславъ такъ былъ этимъ обезкураженъ, что немедленно бѣжалъ. Не рассчитывая, какъ видно, на хорошей пріемъ въ Кіевѣ, онъ направился въ Вышгородъ и отсюда въ Гомель. Половцы въ такой же паникѣ бросились къ Юрьеву, тамъ много ихъ побрали юрьевцы и черные клубуки, много утонуло при переправѣ. Мстиславъ свободно отправился къ Кіеву и вступилъ въ него 22 декабря 1158 г. Тутъ получилъ онъ богатую добычу: вслѣдствіе неожиданности дружина Изяслава бѣжала, не успѣвъ захватить своего имущества; Мстиславъ конфисковалъ и препроводилъ его въ свой Владиміръ ¹⁾.

Завладѣвъ Кіевомъ, Мстиславъ однако не рѣшился оставить его за собой; онъ и не имѣлъ этого въ виду: если отецъ его едва успѣлъ въ Кіевѣ, то Мстиславу, у котораго соперниковъ было еще боль-

¹⁾ Ипат. л. с. 341—4, Лавр. с. 331.

ше, а средствъ гораздо меньше, нечего было и думать теперь объ этомъ; Ростиславъ, Андрей Юрьичъ, Изяславъ Давыдовичъ, даже Святославъ Ольговичъ, Владиміръ Мстиславичъ — все это были претенденты; на помощь же Ярослава галицкаго въ будущемъ рассчитывать было нечего: не въ его интересахъ было хлопотать объ усиленіи ближайшаго сосѣда. Еще только отправляясь на Изяслава, Мстиславъ и его родичи извѣстили Ростислава, что ищутъ кіевскаго стола для него; теперь изъ Кіева было отправлено къ нему въ Смоленскъ посольство съ предложеніемъ явиться на столъ. Весьма возможно, что Мстиславъ, по примѣру отца, рассчитывалъ при этомъ сохранить за собою управленіе Кіевскою волостью, предоставивъ лишь пустой титулъ Ростиславу ¹⁾, но послѣдній не особенно, повидимому, льстился на титулъ кіевскаго князя и оказался не такимъ сговорчивымъ, какъ Вячеславъ. Онъ отвѣчалъ, что сидеть въ Кіевѣ, но „на свою волю“ и подь условіемъ, если его хотятъ искренно, будутъ повиноваться, какъ отцу. Къ этому присоединились еще несогласія изъ-за митрополита Клина, которому Мстиславъ хотѣлъ возратить кафедру; по этому поводу между Мстиславомъ и Ростиславомъ были „тяжкія рѣчи“, но въ концѣ концовъ несогласіе было улажено, рѣшено было привести изъ Цареграда новаго митрополита, и Ростиславъ, поддержавъ свое достоинство предъ племянниками, отправился на кіевскій столъ. Въ самый день Пасхи онъ вступилъ въ Кіевъ (1159 г.); кіевляне приняли его „с достохвальною честью“, „и бысть людемъ двоя радость, и въскресеніе Господне и княже сѣденіе“. Въ Смоленскѣ Ростиславъ посадилъ старшаго сына—Романа, другой сынъ, Рюрикъ, жилъ въ Кіевѣ, подь рукою у отца; Мстиславъ Изяславичъ тогда же, вѣроятно, получилъ въ удѣлъ кіевскіе пригороды: Бѣлгородъ, Торческъ и Треполь ²⁾.

Изяславъ Давыдовичъ между тѣмъ очутился въ весьма неудобномъ положеніи. Гнѣваясь на Святослава Ольговича за то, что тотъ не поддержалъ его въ борьбѣ съ Мстиславичами, онъ отнялъ у него область вятичей—это заставило Святослава сблизиться съ Ростисла-

¹⁾ Ср. Соловьева II с. 199.

²⁾ Ипат. с. 341—345, Лавр. с. 331, 1 Новгород. с. 12—13. Кіевскіе пригороды во власти Мстислава видны въ 1161 г. (Ипат. с. 355 и 357), но получалъ онъ ихъ, вѣроятно, еще въ 1159 г.

юмъ. Новые союзники съѣхались въ Моравію, и между ними была великая любовь; Ростиславъ послѣ этого дѣятельно помогаетъ Святославу въ борьбѣ его съ Изяславомъ; Ярославъ галицкій изъ своихъ видовъ также поддерживаетъ Святослава и вмѣстѣ Ростислава. Когда Изяславъ попытался вернуть себѣ Черниговъ, на помощь Святославу явился Рюрикъ Ростиславичъ съ кievскимъ полкомъ и галицкая помощь, и Изяславъ былъ отбитъ; послѣ того полки: кievскій, смоленскій и галицкій ходили на Святослава Владиміровича, принуждая его отступить отъ Изяслава. Послѣдній въ этой борьбѣ пользуется помощью половцевъ, затѣмъ входитъ въ сношенія съ Андреемъ Юрьевичемъ ¹⁾. Въ связи съ этой же борьбою, кажется, стоитъ взятіе Ожешья берладниками: вѣроятно, Иванъ Берладникъ желалъ помочь своему покровителю этою диверсією ²⁾.

Союзъ со Святославомъ былъ очень полезенъ Ростиславу, но эта дружба возбуждала сомнѣніе и даже неудовольствіе у кievскаго населенія. Отправляя на помощь Святославу Рюрика съ кievскимъ полкомъ, Ростиславъ принужденъ былъ взять къ себѣ въ качествѣ заложника сына Святослава — Всеволода, „увѣряя Киины и Берендѣй, баху бо не вѣрующе (ему) за свое згрѣшение“ (вѣроятно, тутъ разумѣется убіеніе Игоря Ольговича); должно быть, кievскій полкъ не рѣшался и отправиться въ Черниговъ безъ этого обезпеченія: слишкомъ ужъ недавно тотъ же Святославъ съ братією заманивалъ къ себѣ Изяслава Мстиславича съ цѣлью убить его и всѣхъ киянъ искоренить, какъ увѣрялъ ихъ этотъ послѣдній ³⁾. И среди приближенныхъ Ростислава и Святослава было не мало противниковъ этого союза, которые всѣми силами старались его разстроить; Татищевскій сводъ объясняетъ, что вельможи эти были подкуплены ⁴⁾; это возможно, но и помимо подкуповъ союзъ долженъ былъ найти многихъ противниковъ.

Вѣроятно, съ цѣлью разубѣдить кievлянъ относительно Ольговичей, Ростиславъ пригласилъ къ себѣ въ Кіевъ Олега Свято-

¹⁾ Ипат. с. 345—349, Лавр. с. 331—333.

²⁾ Ипат. с. 346; ср. Зубрицкій II с. 108, Шарановичъ op. с. с. 51.

³⁾ Ипат. с. 246.

⁴⁾ Ист. Рос. III с. 126.

славича — „ать познаеть Кляны гъшши, и Берендичъ, и Торки“. Святославъ охотно отпустилъ сына, который былъ радушно принять Ростиславомъ, но чрезъ нѣсколько дней одинъ изъ приближенныхъ Ростислава, встрѣтивъ Олега на охотѣ, сообщилъ ему подъ секретомъ, будто Ростиславъ хочетъ его схватить. „Ростиславъ же не имѣяше лѣха въ сердци, но злии челоувѣци, не хотяче добра межи братьскою видити, тако створиша“, замѣчаетъ лѣтописецъ ¹⁾; среди этихъ „злихъ людей“, кромѣ сторонниковъ Изяслава Давыдовича ²⁾, могли быть и приверженцы Мстислава Изяславича, который имѣлъ поводъ опасаться, что Олегъ, устроивъ связи съ влиятельными киевлянами и клябуками, явится ему въ будущемъ опаснымъ соперникомъ. Можетъ быть, въ связи съ этимъ неудовольствіемъ и интригами противъ союза съ Ольговичами стояла и та „крамола“, за которую Ростиславъ посажалъ въ заключеніе многихъ князь, освобожденныхъ потомъ Изяславомъ Давыдовичемъ ³⁾.

Наговоръ оказалъ свое дѣйствіе, Олегъ Святославичъ подъ вымышленнымъ предлогомъ уѣхалъ изъ Кіева, раздраженный и противъ отца и противъ Ростислава, и присоединился къ Изяславу; вслѣдъ за нимъ сдѣлалъ то же и Святославъ, уступивъ наконецъ настояніемъ своихъ приближенныхъ, доказывавшихъ, что союзъ съ Ростиславомъ для него разорителенъ, и что Ростиславъ будто бы сноится съ Изяславомъ и предлагаетъ ему Черниговъ. Положеніе дѣлъ измѣнилось; Изяславъ началъ борьбу уже прямо за киевскій столъ. Соединившись съ Ольговичами (самъ Святославъ впрочемъ не пошелъ въ походъ) и пригласивъ половцевъ, онъ отправился къ Кіеву, но по дорогѣ свернулъ къ Переяславлю, приглашая итти съ собой Глѣба Юрьевича, сидѣвшаго тамъ. Двѣ недѣли потерялъ Изяславъ въ напрасныхъ переговорахъ съ нимъ, а тѣмъ временемъ Ростиславъ успѣлъ собрать „вомнога“ и пошелъ ему на встрѣчу. Изяславъ надѣялся, вѣроятно, за-

¹⁾ Ипат. с. 351.

²⁾ Ср. Татищева III с. 129, Ист. Сѣвер. з. Д. И. Багалъя с. 226.

³⁾ Воскр. I с. 74: „и оироста всѣхъ Клянь, иже бѣ пошлалъ Ростиславъ въ крамола“, а въ Ипат. с. 353: „всѣмъ дасть прощенье Кляномъ, иже бѣху злонали“—выходитъ, какъ будто, что это не были сторонники Изяслава Давыдовича: послѣднимъ не зачѣло бы давать прощенье. Соловьевъ разумѣетъ здѣсь тѣхъ киевлянъ, которые участвовали въ оборонѣ Кіева (1161 г.) и были захвачены въ плѣнъ войскомъ Изяслава (II вр. 302).

стать его врасплохъ и теперь услышавъ, что Ростиславъ уже въ Трепохѣ, не рѣшился встрѣтить его и бѣжалъ, а половцы ушли въ степь. Переждавъ нѣкоторое время, Изяславъ снова собралъ своихъ союзниковъ и съ большимъ отрядомъ половцевъ двинулся опять на Кіевъ, уже съ сѣвера; перейдя Днѣпръ по льду за Вышгородомъ — въ другихъ мѣстахъ Днѣпръ еще не сталъ (это было въ началѣ февраля 1161 г.), онъ пошелъ къ Кіеву. На этотъ разъ ему удалось застать Ростислава дѣйствительно врасплохъ: къ нему не успѣли еще притти вспомогательные отряды Мстиславичей, и даже черныхъ кюбуковъ пришла только часть ¹⁾. Изяславъ сдѣлалъ приступъ къ Подолью; Ростиславъ съ Владиміромъ Андреевичемъ защищалъ городское „столпье“; послѣ жестокой схватки, которая напомнила кіевлянамъ второе пришествіе, Изяславъ началъ одолевать, половцы просѣкали палисадъ и кривались въ городъ, зажигая дома; берендичи бросились бѣжать. По совѣту дружины ²⁾, Ростиславъ очистилъ Кіевъ и со своими полками отступилъ къ Бѣлгороду, чтобы подождать вспомогательныхъ отрядовъ; вслѣдъ за тѣмъ—12 февраля 1161 г.—вступилъ въ Кіевъ Изяславъ Давыдовичъ, въ третій и послѣдній разъ; поклонился св. Софіи, велѣлъ освободить всѣхъ киянъ, заключенныхъ Ростиславомъ, и вслѣдъ затѣмъ выступилъ къ Бѣлгороду. Съ его вступленіемъ въ Кіевъ, по словамъ лѣтописца, совпало весьма странное лунное затменіе: на лунномъ дискѣ усматривали „яко два ратьная сѣкущеса меча“, и старые люди заключили, что это знаменіе предвѣщаетъ княжью смерть—такъ оно и вышло ³⁾.

Изяславъ обступилъ Бѣлгородъ; осада продолжалась около трехъ недѣль ⁴⁾; Святославъ Ольговичъ совѣтовалъ ему мириться съ Ростиславомъ, отступить даже безъ мира за Днѣпръ, но Изяславъ не хотѣлъ сдаваться на милость Ростислава и Святослава: „братья моя воротившися пойдуть у волюсть свою, а мнѣ ся воротити—в Половци не могу нти, а у Выри не могу голодомъ мерети, а лѣпле хочу сдѣ уме-

¹⁾ Никон. (I с. 218) прибавляетъ, что Ростиславъ не рѣшался защищаться, но дружина его побудила къ тому.

²⁾ По Никон. (I с.) совѣтъ подавъ тысящій кіевскій Жирславъ Андреевичъ.

³⁾ Ипат. с. 351—353.

⁴⁾ По лѣтописи (Ипат. с. 354)—4 недѣли, но это вмѣстленіе не совпадаетъ съ числами, которыя сообщаетъ та же лѣтопись.

рети¹⁾, отвѣчалъ онъ Святославу и продолжалъ осаду. Тѣмъ временемъ Мстиславъ съ волынскимъ полкомъ, вспомогательнымъ отрядомъ галичанъ и черными клобуками, присоединившимися на пути, двинулся къ Бѣлгороду. Половцы замѣтили приближеніе великой рати и извѣстия Изяслава; послѣдній растерялся и не дождавшись прихода этой рати, бросился бѣжать. Ростиславъ вышелъ изъ Бѣлгорода и соединившись съ пришедшими поддѣрженіями, отправился слѣдомъ за Изяславомъ; черные клобуки догнали Изяславовы полки, начали избивать и хватать ратниковъ. Изяславъ также былъ настигнутъ, сбитъ съ коня и израненъ, едва живого подняли его и отослали въ фамильный монастырь св. Симеона; въ тотъ же день онъ скончался (6 марта 1191 г.); тѣло его было затѣмъ отвезено въ Черниговъ¹⁾.

Таковъ былъ конецъ Изяслава. Безпокойный, неустойчивый, онъ вѣчно чего-нибудь добивался, что-нибудь замышлялъ, гоняся за невѣрнымъ, терялъ наличное, и въ концѣ концовъ ему грозила перспектива „голодомъ мерети“ въ опустошенномъ Посемьи. Его смерть вполне соответствовала его тревожной жизни и неугомонному характеру.

Ростиславъ возвратился въ Кіевъ. Такимъ образомъ во второй разъ онъ облянъ былъ кіевскимъ столомъ содѣйствіемъ Мстислава Изяславича. Между ними вскорѣ однако возникли несогласія. Мстиславъ въ гнѣвъ уѣхалъ изъ Кіева, а его кіевскіе города были заняты: посадникъ его — Вышко, сидѣвшій въ Торческѣ, былъ схваченъ Давыдомъ Ростиславичемъ; въ Бѣлгородѣ Ростиславъ посадилъ сына Мстислава. Весьма вѣроятно, что Мстиславъ домогался отъ дяди новыхъ уступокъ за свое послѣднее содѣйствіе и получилъ отказъ²⁾. Онъ задумалъ было добиться ихъ силою и сталъ приглашать на Ростислава Владиміра Андреевича, но тотъ рѣшительно отказался; не найдя

¹⁾ Ипат. с. 354—5, 1 Новг. с. 13; въ Воскр. (I с. 75) и Никон. (I с. 230) сообщаются подробности кончины Изяслава, но относительно ихъ подлинности трудно сказать что-либо рѣшительное (ср. Вестужевъ-Рюминъ, О составѣ рус. лѣт. с. 126). Татищевъ къ этому присовокупляетъ очень суровый отзывъ о дѣятельности Изяслава (III с. 134). См. еще подробности въ Патерикѣ с. 106.

²⁾ Соловьевъ II с. 204, Карамзинъ II с. 179; Татищевъ (III с. 136) считаетъ причиною ссоры захватъ Торческа, но онъ уже послѣдовалъ за нею (Ср. Карамзинъ II стр. 403).

себѣ поддержки, Мстиславъ, вѣроятно, сдѣлался стоворчивѣе, и между нимъ и Ростиславомъ состоялось примиреніе; Мстиславъ получилъ назадъ Бѣлгородъ и Торческъ, а взамиѣнъ Треполь — Каневъ, такъ какъ Треполь былъ отданъ Владиміру Мстиславичу ¹⁾.

Это было послѣднее серьезное столкновеніе у Ростислава, остальные годы его княженія прошли спокойнѣе. Постепенно онъ умирался со всѣми. Въ годъ смерти Изяслава (1161) состоялось примиреніе Ростислава съ Ольговичами; эти двѣ линіи затѣмъ породнились: Олегъ Святославичъ женился на дочери Ростислава, а сестра его вышла за Ярослава Изяславича. Старика Святослава въ это время уже не было въ живыхъ: онъ скончался въ 1164 г.; черниговскій столъ наследовалъ Святославъ Всеволодовичъ, и когда у него произошли пререканія изъ-за волостей съ Олегомъ Святославичемъ, Ростиславъ посредничалъ между ними, „добра имъ хотя“ и защищая своего зятя ²⁾. Въ 1161 же году Ростиславъ уладился съ Андреемъ Юрьевичемъ, который вмѣшался было въ новгородскія дѣла — понудилъ новгородцевъ выгнать отъ себя Святослава Ростиславича и принять одного изъ Юрьевичей; по взаимному соглашенію Святославъ снова былъ возвращенъ въ Новгородъ ³⁾. Былъ заключенъ миръ и съ Ярославомъ Юрьевичемъ Туровскимъ; у него Владиміръ Мстиславичъ захватилъ Слуцкъ, но его вывели оттуда союзными силами, и Ростиславъ далъ ему въ удѣлъ Треполь съ другими четырьмя городами ⁴⁾.

Южная Русь на время успокоилась. Ростиславъ съ честью носилъ достоинство кіевскаго князя; не обладая особенными дарованіями государя и полководца, онъ внушалъ къ себѣ уваженіе своею честностью и справедливостью. Онъ дѣйствительно былъ первымъ между равными и обладалъ нѣкоторымъ авторитетомъ: въ Смоленской области, на Волыни, въ Новгородѣ сидѣли его дѣти и племянники; онъ также имѣлъ вліяніе на полоцкія дѣла; Ярославъ галицкій и Ольговичи прислали полки свои по его призыву ⁵⁾; только Сѣверо-востокъ оставался внѣ сферы вліянія Ростислава.

¹⁾ Ипат. с. 355, 337.

²⁾ Ипат. с. 356, 359, 360.

³⁾ Ипат. с. 349—350, 355, † Новг. с. 13.

⁴⁾ Ипат. с. 356.

⁵⁾ Ипат. с. 356, 361.

Успокоеніе было необходимо для Южной Руси между прочимъ и для борьбы со степью. Набѣги кочевниковъ снова обратились въ своего рода хроническій недугъ, какъ во времена до-мономаховскія; вотъ скорбный реестръ половецкихъ нападений, касающихся Кіевщины: въ 1159 г., лѣтомъ, половцы опустошили окрестности Ботельницы, взяли Шоломницу, село Мстиславлей княгини; въ томъ же году, можетъ быть послѣ этого набѣга, половцы застигнуты и избиты Ярославомъ Изяславичемъ и галичанами между Мунаревымъ и Володаревымъ; много плѣнниковъ было освобождено при этомъ. Въ 1161 г. половцы вторглись въ Поросье и захватили черноклобуцкія вѣжи по Руту, но черные клобуки, собравшись, отняли назадъ полонъ и взяли болѣе 500 плѣнныхъ. Подъ слѣдующимъ годомъ мы читаемъ, что Ростиславъ „миръ взя съ половци“ и женилъ сына Романа на дочери хана Беглюка ¹⁾. Подъ 1165 г. сообщается о новомъ набѣгѣ на Поросье, опять неудачномъ: много половецъ было захвачено въ плѣнъ и потомъ отпущено за выкупъ; подъ этимъ же годомъ поединчившій сводъ передаетъ, что половцы приходили на Русь и были отражены всѣми русскими князьями, впрочемъ съ большими потерями ²⁾. Кромѣ того, пользуясь усобицами, половцы нападали на торговые караваны; такъ въ 1167 г. они „увѣдавши, оже князи не в любви живутъ“ (въ то время были распри у сѣверскихъ князей), начали грабить караваны „гречниковъ“, и Ростиславъ посылалъ Володислава Ляха съ отрядомъ для охраны. Въ слѣдующемъ году полки чуть не всѣхъ южнорусскихъ князей, по приглашенію Ростислава, ходили къ Каневу и здѣсь стояли долгое время, угрожая половцамъ, пока не прошли караваны „гречниковъ и залозниковъ“ ³⁾. Ростиславъ такимъ образомъ ограничивался оборонительными мѣрами и не предпринималъ походовъ въ степь; правда и то, что наступательные походы не могли принести большой пользы, пока половцы, благодаря усобицамъ, признавались на Русь въ качествѣ союзниковъ. Подобныя прогулки ихъ были часто губительнѣе самыхъ набѣговъ; такъ во время похода Изяслава Давыдовича на Смоленскую волость половцы, по извѣстію гѣ-

¹⁾ Ипат. с. 346, 356—357, Воскр. I с. 71.

²⁾ Ипат. с. 359, Након. I с. 232—подъ 1164 г., но онъ соответствуетъ 1165 г. Ипат. и Лавр.

³⁾ Ипат. с. 360—361.

тониси, вывели оттуда однихъ плѣнныхъ болѣе десяти тысячъ ¹⁾. На кievской территорiи въ данный періодъ половцы въ качествѣ союзниковъ Изяслава появляются дважды (въ 1159 и 1161 г.), однако тутъ не могло быть такихъ страшныхъ опустошеній, какъ въ Смоленской волости: Изяславъ все-таки падилъ Кіевскую волость, какъ свое достояніе.

Просматривая извѣстія о половецкихъ набѣгахъ этого времени, приходится убѣдиться, что черноглобуцкая военная граница дѣйствительно служила оплотомъ для Кіевщины: половцы въ своихъ набѣгахъ берутъ или западнѣе (напримѣръ, на Котельницу), или, направляясь на Поросье, застреваютъ здѣсь и не проникаютъ далѣе.

О политической дѣятельности земства за все время правленія Ростислава нѣтъ извѣстій; къ Изяславу Давыдовичу населеніе относилось безучастно; Ростиславъ, вѣроятно, не выказывалъ такого вниманія къ земству и его мнѣніямъ, какъ его братъ Изяславъ. Что касается отношенія населенія къ князьямъ, можно съ увѣренностью сказать, что Изяславъ Давыдовичъ не пользовался народною любовью, хоть у него, какъ видно, существовала вначалѣ значительная партія, призванная его въ 1158 г.; послѣ пораженія его и погрома, произведеннаго Мстиславомъ (1159 г.), партія эта, вѣроятно, значительно ослабла. Политика Ростислава вначалѣ вызвала неудовольствіе кievскаго общества, и во время его ссоры съ Мстиславомъ многіе сочувствовали послѣднему, особенно черные клобуки; можетъ быть, арестъ торческаго посадника Мстислава сдѣланъ былъ именно изъ опасенія, чтобы Мстиславу не удалось поднять черныхъ клобуковъ. Послѣдующая дѣятельность Ростислава: установленіе мирныхъ отношеній, охрана кievской торговли—вѣроятно, снискала ему симпатіи населенія; любопытно впрочемъ, что авторъ сказанія о смерти Ростислава ничего не говоритъ о скорби кievлянъ.

Ростиславъ скончался 14 марта 1167 г.; передъ смертью отправился онъ въ Новгородъ—жирить сына съ новгородцами, на пути уже разнемогся и поспѣшилъ въ Кіевъ, чтобы лечь „въ отни благословеннѣ“, въ монастырѣ св. Феодора, но скончался на дорогѣ, со-

¹⁾ Ипат. с. 348.

жагѣя, что не успѣлъ принять постриженія; позже его причислили къ святымъ ¹⁾. Въ извѣстіяхъ лѣтописи довольно полно отразился обликъ этого князя: это человѣкъ глубоко благочестивый, непритязательный, честный и искренній хранитель преданій прошлаго. Такимъ онъ является и въ церковныхъ вопросахъ, и въ междукняжескихъ отношеніяхъ. Въ то время какъ на сѣверо-востокѣ Андрей разрушалъ сложившійся политическій строй и начертывалъ планы далекому будущему, Ростиславъ съ уваженіемъ относится къ отживающему принципу старѣйшинства, поддерживаетъ преданія велико-княжеской власти, требуя, чтобы его почитали, какъ отца, и соблюдаетъ традиционную обязанность в. князя — надѣляеть волостями меньшихъ родичей. Его княженіе было затиѣнѣемъ предъ грозой, которая разразилась надъ Кіевомъ два года спустя по его смерти ²⁾.

Вопросъ о преемникѣ Ростиславу въ Кіевской землѣ былъ рѣшенъ, вѣроятно, еще заранѣе: по смерти его, отъ князей сидѣвшихъ въ Кіевской волости — Владимира Мстиславича, Давыда и Рюрика Ростиславичей, отъ кіевлянъ, отъ черныхъ клобуковъ были отправлены отдѣльные послы къ Мстиславу Изяславичу, съ приглашеніемъ на кіевскій столъ ³⁾. Собственно по родовымъ и отчиннымъ счетамъ кандидатами на столъ были: Владиміръ Мстиславичъ, Святославъ Всеволодовичъ черниговскій и Андрей суздальскій; но въ кіевское населеніе ни Мстиславичи не имѣли, конечно, желанія приглашать Святослава или Андрея; Владиміръ Мстиславичъ былъ на лицо, но этотъ князь, изъ милости получившій въ удѣлъ отъ Ростислава Треполь, не пользовался уваженіемъ ⁴⁾ и самъ вмѣстѣ съ другими послалъ звать Мстислава. Мстиславъ, дважды посадившій Ростислава въ Кіевъ, наследникъ отцовской славы и популярности, притомъ обладавшій значительными силами и связями, былъ естественнымъ преемникомъ Ростислава; среди кіевского населенія еще при жизни послѣдняго у Мстислава существовало, кажется, много приверженцевъ; теперь населеніе поспѣшило подать свой голосъ, чтобы поддержать его.

¹⁾ Ипат. с. 361—364, Лавр. с. 335, 1 Новг. с. 14, Русскіе Святые III с. 77.

²⁾ Ср. характеристику у Соловьева II с. 209, также у Карамзина II с. 145; татищевская характеристика въ т. III с. 151.

³⁾ „Князе отъ себе послаша, Чернии Клобуки отъ себе послаша“ — Ипат. с. 365.

⁴⁾ См. отзывъ о немъ Ипат. с. 374, 386—387.

Увѣренный въ своемъ дѣлѣ, Мстиславъ не спѣшилъ на столъ, спросилъ посидѣть пока въ Кіевѣ Василька Ярополчича и послалъ туда своего тиуна. Между тѣмъ Мстиславовы родичи составили „твердь“ и ворѣшили при сей оказіи добиваться себѣ отъ Мстислава волостей „по своей воли“. Владиміръ Мстиславичъ хотѣлъ Поросья, Владиміръ Андреевичъ — Берестья, а Ярославъ Изяславичъ — Владиміра; ихъ общими поддержать Рюрикъ и Давыдъ Ростиславичи. Василько сообщилъ объ этой коалиціи Мстиславу, но послѣдній не охотъ былъ до уступокъ; притомъ онъ опирался на свое избраніе населеніемъ. Онъ тотчасъ слесся со своими „ротниками“ — Ярославомъ галицкимъ и польскими князьями; получивъ помощь отъ Ярослава и Мстислава городенскаго, онъ двинулся къ Кіеву, чтобы силою добыть его у заговорщиковъ; на дорогѣ, у Микулина, присоединился къ нему весь „Черный Клобукъ“; приведя къ присягѣ, Мстиславъ отправилъ ихъ впередъ съ братомъ Ярополкомъ. Владиміръ Мстиславичъ, испуганный этимъ грознымъ нашествіемъ, поспѣшилъ ретироваться изъ своего Треполя въ Вышгородъ, къ Ростиславичамъ. Черные клобуки настигли Владиміра на пути, но не тронули и только провели до Выдобиць: „баху бо берендичи лъстяче“, замѣчаетъ лѣтописецъ; дѣйствительно и позже мы видимъ его въ сношеніяхъ съ черноклобуцкими старшинами: не забудемъ, что онъ сидѣлъ передъ тѣмъ въ Треполѣ, но сосѣдству съ ними. Ярополкъ вступилъ въ Кіевъ, вслѣдъ за нимъ пришелъ и Мстиславъ, все населеніе вышло ему на встрѣчу; Мстиславъ „възма рядъ съ кіянами“, съ дружиною и братією: Ярославъ тоже, очевидно, предпочелъ помириться съ нимъ; Владиміра онъ не получилъ и остался въ Луцкѣ. Вслѣдъ за тѣмъ Мстиславъ направился къ Вышгороду, гдѣ засѣли его противники; послѣ ожесточенныхъ схватокъ осажденные начали переговоры о волостяхъ и узладились наконецъ: Давыдъ получилъ, какъ видно, Вышгородъ, Рюрикъ — Овручъ: снова этотъ правительственный центръ Древлянской земли становится самостоятельнымъ удѣломъ; Владиміру, кажется, досталось Котельница ¹⁾. Мстиславъ побѣдоносно вернулся въ Кіевъ и сѣлъ „на столѣ Ярослави“ ²⁾.

¹⁾ Въ дальнѣйшемъ разсказѣ говорится: „Мстиславъ отпусти и в Котельничю“ — видѣть, что она раньше ему была дана; ср. Андришевъ Ист. Вол. а. с. 186.

²⁾ Ипат. с. 365—366; въ Лавр. с. 336: „вигна Мстиславъ Володимира Мстисла-

Но Владиміру сознаніе своего старѣйшинства, видно, не давало покоя: вѣдъ два раза уже племянники должны были идти на компромиссы съ дядями изъ-за одного старѣйшинства, въ томъ числѣ и тотъ же самый Мстиславъ. Владиміръ началъ „думати на Мстислава“, но не могъ найти себѣ союзниковъ; между тѣмъ его планы стали извѣстны Давыду, а тотъ сообщилъ ихъ Мстиславу. Провѣдавъ объ этомъ, Владиміръ поспѣшилъ въ Кіевъ оправдываться; въ Печерскомъ монастырѣ происходили пренія бояръ, представителей обвиняемаго и обвинителя; Владиміръ не могъ оправдаться, но Мстиславъ ограничился тѣмъ, что заставилъ его присягнуть и отпустилъ въ Хотельницу. Владиміръ однако не успокоился; нѣсколько черноклобцукъ старшинъ завели съ нимъ сношенія, вѣроятно, тоже желая „городовъ лѣпшихъ“; Владиміръ обѣщалъ имъ составить коалицію съ другими Мстиславичами, но князья не желали воевать съ Мстиславомъ, даже собственные бояре Владиміра отказались участвовать въ рискованномъ предпріятіи. Онъ тѣмъ не менѣе отправился къ берендичамъ, которые ожидали его на Раставицѣ; но обманутые въ расчетахъ на значительныя силы Владиміра, берендичи разсердились и чуть не убили его. Скомпрометировавъ себя снова, Владиміръ ужъ не рѣшился оставаться въ своей волости; отправился къ Владиміру Андреевичу—тотъ не принялъ его, поѣхалъ къ Андрею Юрьевичу, но тотъ хотя и далъ волость, но тоже не позволилъ ему явиться въ Суздаль; Татищевъ справедливо догадывается, что Андрей пока еще не желалъ ссориться съ Мстиславомъ ¹⁾.

Теперь Мстиславъ, повидимому, могъ рассчитывать на спокойствіе. Онъ дѣятельно занялся защитою южнорусскихъ торговыхъ путей отъ половецкихъ набѣговъ; это дѣло, касавшееся ближайшимъ образомъ кіевской торговли, важно было также и для другихъ южнорусскихъ земель, оно болѣе всего способно было объединить южнорусскихъ князей и снискать иниціатору симпатіи населенія. Мы видѣли, что Ростиславъ въ послѣдніе годы два раза посылалъ отряды для охраны торговыхъ каравановъ; Мстиславъ не ограничился уже

вѣча изъ Кіева, и иде въ Половци Володимерь; а самъ сѣде в Кіевѣ“ О времени воцаренія Мстислава см. Карамзинъ II пр. 417. Архиваева I. 2 пр. 1183.

¹⁾ Ист. Россіи III с. 156. Ипат. с. 366—7.

одвою обороною, а перешелъ къ наступательной борьбѣ съ половцами, въ которой удачно пробовалъ свои силы еще при жизни отца. Весною 1168 г. онъ созвалъ братію въ Кіевъ и побуждалъ „пожалиться о Руской земли и о своей отчинѣ и дѣтинѣ, оже (половци) искутъ хрестьяны на всяко лѣто в вежѣ свои, а с нами роту взимающе, всегда переступающе; а уже у насъ и Гречьскій путь изытимають, и Соляный, и Залозный“. Предложеніе о походѣ было принято очень охотно; лѣтописецъ относится къ нему съ восторгомъ: „и угодна бысть рѣчь его (Мстислава) прежде Богу, и всеѣ братьѣ, и мужемъ ихъ. И рекоша ему братья вся: Богъ ти, брате, помози в тоиъ, оже ти Богъ вложилъ такую мысль въ сердце; а намъ дай Богъ за хрестьяны и за Рускую землю головы своѣ сложити и къ мученикомъ причтеномъ быти“; любопытно, что выраженія его напоминаютъ описанія знаменитыхъ походовъ Мономаха: дружный походъ южнорусскихъ князей въ половецкую степь подъ предводительствомъ Мстислава дѣйствительно какъ бы воскрешалъ тѣ славныя времена. Въ походѣ приняли участіе сѣверскіе князья — „бяху бо тогда Ольговичи въ Мстиславли воли“, Глѣбъ Юрьевичъ переяславскій съ братомъ Михаиломъ, Мстиславъ городенскій, Святополкъ Юрьевичъ туrowsкій; Давыдъ Ростиславичъ послалъ лишь свой полкъ, потому что самъ былъ нездоровъ, а Ярополкъ Изяславичъ отправился, несмотря на сильное нездоровье: „не хотя братьѣ своей остати“, и скончался на пути въ Тумащѣ; лѣтопись перечисляетъ тринадцать князей, но крокъ ихъ участвовали еще „мнии мнози“, словомъ, всѣ почти южнорусскіе князья. Мстиславъ направился тѣмъ же путемъ, которымъ ходилъ Момахъ въ 1103 и онъ самъ въ 1152 году — къ нижнему теченію Днѣпра: тамъ сходились, вѣроятно, торговые пути. Половцы были предупреждены какимъ-то „кощеємъ“ изъ русскаго войска; оставивъ семьи и кибитки свои, они бѣжали въ степи; русскіе захватили ихъ вѣжи по Орелю и Снопороду¹⁾, а самихъ ихъ настигли у Чернаго

¹⁾ Въ Снопородѣ Татищевъ видѣлъ р. Самару, и это мнѣніе было принято многими (Погодинъ, Аристовъ, П. В. Голубовскій). Другіе, какъ Карамзинъ (II пр. 420), Арцибашевъ, въ недавнее время Ламбинъ (Ж. М. Н. II. 1877. V с. 61), отличаютъ эту рѣку отъ Самары, которая упоминается подъ этимъ именемъ и въ лѣтописи (Ипат. с. 817). Что касается Снопорода, притока Сулы (онъ течетъ параллельно Оки и впадаетъ въ Сулу

лѣса, перебили и побрали множество; черные клобуки гнали ихъ до Оскола. Русскіе не понесли почти никакихъ потерь и набравши добычи „до избытка“, освободивъ много плѣнниковъ, вернулись съ радостью великою; „и бысть людемъ двоѣ радости: и Въскресеи Господне, и князь своихъ возвращеніе с побѣдою и радостью“ ¹⁾. Мстиславъ не удовольствовался этимъ успѣхомъ, опасаясь, что половцы все-таки не перестанутъ грабить торговые караваны, даже усилятъ грабежи изъ мести; онъ вскорѣ снова созвалъ братію и предложилъ выйти для охраны торговцевъ, двигавшихся „по Греческому пути“. Братія признала въ этомъ общій интересъ: „то есть намъ на часть (честь) и всѣхъ Рускѣй земли“; со своими отрядами они отправились къ Каневу и здѣсь ожидали каравановъ. Въ этомъ походѣ участвовали только волынскіе и кievскіе князья ²⁾.

Эти совмѣстныя предпріятія однако не только не способствовали объединенію южнорусскихъ князей, но подали поводъ къ неудовольствіямъ и разрыву; очевидно, между Мстиславомъ и другими князьями существовало глухое неудовольствіе, которое давало себя знать при всякомъ случаѣ; вѣроятно, Мстиславъ держалъ себя самостоятельнѣе, чѣмъ того ожидали посадившіе его Мстиславичи, а Ольговичи имѣли сами претензіи и виды на Кіевъ. Уже въ первый походъ князья были рассержены на Мстислава за то, будто онъ тайкомъ посылалъ на половцевъ своихъ конюховъ; во вторую экспедицію нѣсколько бояръ, отпущенныхъ отъ себя Мстиславомъ за то, что ихъ холопы покрали его коней, и перешедшихъ затѣмъ на службу къ Давыду, изъ мести начали наговаривать, будто Мстиславъ хочетъ схватить Ростиславичей; Мстиславъ же, по словамъ лѣтописца, „ни мысли таковой не имѣаше въ сердци своемъ, но истинною любовью обуемъся с братьею хожаше“. Клевета оказала свое дѣйствіе, князья обезпокоились, и хотя Мстиславъ присягнулъ, что не мыслить имъ лиха, и они ему

позже Лубень, у хут. Мадковецъ), то положеніе этой рѣчки, кажется, не соответствуетъ условіямъ, въ которыхъ упоминается лѣтописный Снопородъ (Ипат. с. 369 и 440).

¹⁾ О походѣ этомъ см. у П. В. Голубовскаго—Печенѣги с. 162—3, Аристовъ—О земли Половецкой с. 231.

²⁾ Ипат. с. 368—370, 1 Новг. с. 14: „ходи Мстиславъ на Половецъ и побѣди е, и приведе полонъ въ Русьску землю толь сильно, яко и числа не баше.“

внимно цѣловали крестъ, „обаче сердце ихъ не бѣ право с нимъ“¹⁾). Одновременно Владиміръ Андреевичъ сталъ приращивать волости, пользуясь несогласіями; Мстиславъ отказалъ, замѣтивъ, что онъ проситъ „извѣтомъ“, и Владиміръ ушелъ на него разгнѣванный; Никонскій сводъ прибавляетъ, что онъ началъ послѣ этого сношенія съ Андреемъ Юрьевичемъ: не забудемъ, что между этими семьями существовала нѣкоторая связь, что Юрій обязывался заботиться объ этомъ Владиміръ. Скоро произошелъ окончательный разрывъ между Мстиславомъ и Ростиславичами: изъ-за новгородскихъ дѣлъ. Новгородцы не поладили со Святославомъ Ростиславичемъ и просили у Мстислава Изяславича дать имъ на столъ сына. Напрасно Ростиславичи и Андрей силою принуждали новгородцевъ принять обратно Святослава, новгородцы упорствовали, и Мстиславъ, какъ видно послѣ колебаній, отпустилъ къ нимъ сына Романа; этимъ онъ обидѣлъ Ростиславичей, а Романъ къ тому еще предпринялъ вслѣдъ затѣмъ съ новгородцами походъ на Смоленскую волость, „Братья вся“ начали сноситься между собою противъ Мстислава и заключили противъ него союзъ. Этимъ рѣшили воспользоваться для своихъ политическихъ плановъ Андрей Юрьевичъ²⁾.

Это былъ моментъ весьма важный для Кіевщины. Андрей еще рѣшше занялся преобразованиемъ общественнаго строя своей волости: устранялись старыя вѣчевныя общины и на ихъ мѣсто возвышались новыя, не претендовавшія на народовластіе; выгонялись князья, не желавшіе стать подручниками старшаго князя, бояре, не мирившіеся съ князьями „самовластьцами“, епископы, осмѣлившіеся перечить имъ, и на развалинахъ стараго общественнаго строя создалась сильная „самовластная“ государственная власть. Честолюбіе Андрея не ограничивалось предѣлами Суздальской волости, ему хотѣлось первенства въ Русской землѣ. Но центромъ русской жизни, задававшимъ ей тонъ, все еще оставался Кіевъ, хотя и утратившій кое-что изъ своего престоія; пока такъ — Суздальская волость должна была остаться въ ряду другихъ второстепенною волостью, пожалуй волостью болѣе могу-

¹⁾ Ипат. с. 369—371.

²⁾ Ипат. с. 371—2, 1 Номг. с. 14, Никон. I с. 235—238.

щественною и своеобразною — и только. Киевскій князь все еще de jure оставался старшимъ, „въ отца мѣсто“, и для суздальскаго князя; въ церковномъ отношеніи — а церковныя отношенія значили много — Суздальская волость зависѣла отъ киевскаго митрополита, въ свою очередь находившагося подъ вліяніемъ киевскаго князя; суздальскіе князья, конечно, могли уклоняться, ослаблять эту зависимость: есть извѣстія о попыткѣ Андрея основать самостоятельную митрополию, но это было, такъ сказать, пассивное сопротивленіе. Конечно, Андрей могъ добиться и киевскаго стола, но сдѣлаться киевскимъ княземъ было ему несподручно: съ этимъ титуломъ связывались традиціи, выработанныя вѣковой жизнью Южной Руси; принимая его, нужно было подчиняться этимъ традиціямъ, строю южнорусской жизни, съ ея братствомъ равноправныхъ князей, вольнымъ общиннымъ духомъ, взятымъ боярствомъ. Этотъ строй былъ глубоко антипатиченъ Андрею: недаромъ онъ тайкомъ отъ отца бѣжалъ нѣкогда въ Южной Руси въ свой Владиміръ; преобразовать же этотъ строй, передѣлать его по своему новому владимірскому образцу — на это, конечно, не хватило бы энергій и дарованій самого Андрея. Потому онъ выбралъ другой способъ дѣйствій; онъ захватилъ Кіевъ, но для того лишь, чтобы разорить его и бросить, какъ ненужную вещь, отдать первому попавшемуся. Не передѣлывая южнорусской жизни, онъ наложилъ на нее тяжелую руку и давалъ чувствовать ее при всякомъ удобномъ случаѣ и унижая, гнетя Югъ, старался возвысить себя и свою волость въ глазахъ современниковъ; эту политику провелъ онъ съ обычною, ни передъ тѣмъ не останавливающеюся энергіею и, нужно признаться, съ немалымъ успѣхомъ.

Андрей, несомнѣнно, давно слѣдилъ за киевскими дѣлами и подобно отцу, выжидалъ удобнаго момента; рѣшительный разрывъ Мстислава съ южнорусскими князьями давалъ весьма удобный случай выѣзжаться въ киевскія дѣла; можетъ быть, нѣкоторые князья сами обратились къ Андрею съ просьбою о поддержкѣ. Былъ у него и предлогъ: Мстиславъ, посадивъ Романа въ Новгородѣ, оскорбилъ нѣкоторымъ образомъ и Андрея, поддерживавшаго Святослава Ростиславича. Зимой 116⁸/₉ года Андрей снарядилъ войско противъ Мстислава, самъ въ походъ не пошелъ, а отправилъ съ нимъ сына Мстислава; къ этому войску присоединились Ростиславичи — Романъ, Рюрикъ, Давыдъ и Мстиславъ, Олегъ и Игорь Святославичи, Глѣбъ

Юрьевичъ переславскій, Владиміръ Андреевичъ; всего лѣтопись насчитываетъ двѣнадцать князей участниковъ. Любопытно, что Святославъ Всеволодовичъ черниговскій не принялъ въ походѣ участія: нѣтъ самъ видн на Кіевъ, онъ не хотѣлъ, вѣроятно, добывать его для Андрея ¹⁾. У Вышгорода союзники соединились и двинулись къ Кіеву. Мстиславъ, какъ видно, не предвидѣлъ грозы, думалъ, что союзники примутся выгнать его сына изъ Новгорода, такъ какъ онъ и былъ ближайшею причиною разрыва, отправилъ даже на помощь сыну отрядъ черныхъ клобуковъ — этотъ отрядъ былъ захваченъ на дорогѣ, за Межиносьемъ, Ростиславичами. На помощь Мстиславу двинулся Ярославъ изъ Луцка, но не поспѣлъ во время; кромѣ дружины у Мстислава были только черные клобуки, очень ненадежные союзники. Союзное войско остановилось у Кирилловскаго монастыря и на второй недѣлѣ великаго поста обложило Кіевъ. Три дня продолжалась упорная борьба осаждающихъ и осажденныхъ; у Мстислава не хватало силъ, черные клобуки вели себя очень двусмысленно; есть извѣстіе, довольно вѣроятное, что и между дружиною его были измѣнники ²⁾. На третій день осаждающіе зашли съ противоположной стороны „Серховицею“ ³⁾ и бросились съ тылу на Мстислава. Дѣло было проиграно, дружина совѣтовала Мстиславу отступить, и онъ послѣдно ретировался къ Василеву; черные клобуки — Гастѣва чадь — преслѣдовали его и хватали ратниковъ; за Унавою встрѣтилъ онъ брата Ярослава, спѣшившаго ему на помощь, и они вмѣстѣ вернулись во Владиміръ.

Кіевъ былъ взятъ 8 марта 1169 г., въ среду второй недѣли поста ⁴⁾ — день весьма памятный для Кіевской Руси. Впервые мать гра-

¹⁾ Ср. Соловьева II с. 212.

²⁾ Это извѣстіе сообщается Никонов. л. (I с. 237—238, Татищевъ III с. 166) и отвергается историками, потому что измѣнниками здѣсь являются бояре, отступившіе Мстиславу и поссорившіе его съ Ростиславичами; предполагаютъ, что они не могли быть у Мстислава въ Кіевѣ (Карамзинъ II пр. 426, Востучевъ-Рюминъ О соб. рус. лѣт. с. 133), но составитель Никонов. л., встрѣтивъ извѣстіе объ измѣнѣ, могъ отъ себя приписать ее этимъ боярамъ, раньше уже себя залывшимъ; въ фактъ же измѣны нѣтъ ничего негнорировать.

³⁾ Мѣстность эта не извѣстна, см. у Записскаго — Описание Кіева II с. 565—566.

⁴⁾ О времени взятія см. у Карамзина II пр. 424.

довъ русскихъ, „славнѣйшее украшеніе Греціи“ было взято на щитъ и разграблено ¹⁾. Два дня грабили весь городъ—Подолье, Гору, монастыри; смоляне, судальцы, черниговцы и „поганые берендичи“ съ одинаковымъ усердіемъ грабили и частные дома и церкви; забраны были ризы, иконы, колокола; множество жителей было отведено въ плѣтъ, и бысть въ Кіевѣ на всихъ челоуѣдохъ стенаніе и туга, и скорбь неутѣшная, и слезы непрестанныя ²⁾.

Небывалый фактъ разграбленія Кіева Соловьевъ объяснялъ тѣмъ, что теперь въ первый разъ „Кіевъ былъ взятъ вооруженною рукою, при всеобщемъ сопротивленіи жителей“ ³⁾. Но если сравнить лѣтописныя описанія взятія Кіева 1161 г.— войсками Изяслава Давыдовича и 1169 г.— войсками Андрея, разницы собственно не окажется; въ обоихъ случаяхъ лѣтопись совершенно молчитъ объ участіи населенія въ оборонѣ, фигурируетъ дружина, которая въ оба раза совѣтуетъ князю очистить городъ въ виду неудачи. Въ какой мѣрѣ населеніе принимало участіе въ защитѣ города, мы не знаемъ; конечно, Изяславъ былъ князь непопулярный, а Мстиславъ популярный, но едва ли вообще когда бы то ни было населеніе могло оставаться безучастнымъ въ то время, какъ непріатели врывались, жгли дома и пр. Если въ одномъ случаѣ Кіевъ не поплатился особенно, а въ другомъ былъ подвергнутъ жестокому разоренію, то причину этого нужно искать въ намѣреніяхъ князей: Изяславъ завоевывалъ Кіевъ для себя и потому имѣлъ основаніе щадить его, Андрей же, какъ видно изъ сопоставленія другихъ фактовъ, имѣлъ въ виду только ослабить и унижить значеніе Кіева: несомнѣнно, Мстиславъ Андреевичъ зналъ намѣренія и желанія своего отца и, конечно, могъ бы унять отъ грабежа союзниковъ, если бы сохраненіе Кіева входило въ планы Андрея, но этого не имѣлъ въ виду послѣдній. Нельзя, мнѣ думается, видѣть въ разореніи Кіева и проявленія народной борьбы, мести Кіеву подчиненныхъ пле-

¹⁾ Въ этомъ смыслѣ нужно понимать слова Лавр. л. „сего же не было никогда же“; а вѣтъ былъ Кіевъ и раньше—въ 1161 г. (ср. Арцибашева I. 2, пр. 1165, Соловьева II пр. 302).

²⁾ Ипат. с. 372—373, Лавр. 336, Никон. I с. 237—238; въ 1 Новгород. (с. 14) „Мстиславъ, не бѣся съ ними, отступи волею Кіева.“

³⁾ Ист. Россіи II с. 213.

ишь за его гегемонію, централизованную политику, какъ думаютъ некоторые¹⁾: эта гегемонія давнымъ давно отошла въ область преданій; охота до грабежа была всегда у войска, помимо всякихъ руководящихъ идей,—ему лишь нужно было разрушеніе, и оно было дапо.

¹⁾ См. Сергѣевичъ—Ваче и князь, с. 120, П. В. Голубовскій—Ист. Сѣвер. а. в. 151.

IV.

Упадокъ кievскаго стола

(1169—1237).

О! стоять Русской земли, помянуше пръвую гонимую и пръвнхъ киевскхъ! Того стараго Владимира велѣтъ бѣ пригвоздити къ горамъ Киевскимъ; сого бо нишѣ стама стази Рюрикови, а дружиа Давидови; изрочно ся имъ хоботи намуть. Слово о волгу Игоревѣ. И отселѣ владѣ княженіе Киевское, а Володимирское въ Москвѣ вознесся, оттоли бо Московскіе князи надъ Киевскими князьями владѣти. Густинск. дѣт.

Итакъ Андрей осуществилъ свой планъ. Киевъ былъ разоренъ, униженъ, и Изяславъ Андреевичъ вернулся къ отцу „с великою честью и славой“¹⁾, оставивъ кievское население ошеломленнымъ такимъ небывалымъ погромомъ. Даже водвореніемъ прочнаго порядка и спокойствія не вознаградилъ Андрей Киевщину за нанесенный ей ударъ. На кievскомъ столѣ былъ посаженъ младшій Юрьевичъ — Глѣбъ, но къ обезпеченію его положенія Андрей ничего не сдѣлалъ: онъ неособенно заботился о томъ, чтобы удержать Киевъ въ рукахъ своей семьи, ему важно было лишь сохранить надъ нимъ свое вліяніе, не дать тамъ утвердиться какой-нибудь самостоятельной личности, которая могла бы оспаривать первенство у Андрея и возвратить Киевъ его зна-

¹⁾ Ипат. с. 373. Соловьевъ (II с. 214) замѣчаетъ: „въ нѣкоторыхъ спискахъ стоять: съ проклятіемъ“.

челі. Опираєсь на своє старійшинство въ Русской землѣ, Андрей хочеть безконтрольно распоряжаться кievскимъ столомъ, не обращая вниманія ни на родовые счеты, ни на желанія населенія. Это самовластное отношеніе вызываетъ сопротивленіе со стороны князей, неурядицы усилваются, князья безпрестанно смѣняются на кievскомъ столѣ. Въ свою очередь, эта безпрестанная смѣна князей, которыхъ возводили одни и низводили другіе, не справляясь съ желаніемъ населенія, игнорируя его, была, кажется, одною изъ главныхъ причинъ, почему земство постепенно потеряло охоту и интересъ къ участию въ политической дѣятельности и апатично затихло.

Результаты этой суздальской политики, продолженной затѣмъ преемникомъ Андрея — Всеволодомъ, постепенно сказывались. Болѣе энергичные, талантливые князья скоро уже начинаютъ пренебрегать Кіевомъ, не желая становиться подъ претенціозную протекцію владимирскихъ самовластцевъ; они предоставляютъ Кіевъ другимъ, а сами стремятся въ Галичъ. Кіевъ сохранялъ еще кое-что изъ своего престижа: князья владимиро-волинскіе, смоленскіе, черниговскіе еще предпочитаютъ его своимъ столамъ, но не дорожатъ имъ попрежнему, легко уступаютъ, идутъ на компромиссы. вмѣстѣ съ упадкомъ политическимъ, Кіевская земля падала—хотя далеко не въ такой степени—и въ отношеніи экономическомъ, матеріальномъ.

Впрочемъ въ эту смутную эпоху были въ Кіевской землѣ и періоды затишья и нѣкотораго благосостоянія: таково пятнадцатилѣтнее правленіе Святослава и Рюрика (1181 — 1195), когда прекратились междукняжескія распри, и война велась только съ половцами; таково правленіе Ростиславичей, у которыхъ также никто не оспаривалъ обладанія Кіевомъ въ продолженіи двадцати лѣтъ (1214—1233). Но за этими періодами относительнаго спокойствія съ новою силою возобновлялись распри, нашествія ратей, погромы Кіева, пока они не завершились монгольскимъ нашествіемъ.

Прежде всего Кіевской землѣ пришлось подвергнуться опустошенію со стороны половцевъ, которые пришли поздравить Глѣба съ вокняженіемъ „на отчинѣ своей и дѣдинѣ“ и предложили „рядъ положить и вѣсти в роту“; одновременно одни колѣна ихъ, вѣроятно

съ лѣваго берега Днѣпра, явились въ Переяславскую волость, а другія—правобережныя—въ Кіевскую, къ Корсуню. Глѣбъ поѣхалъ сначала къ лѣвобережнымъ половцамъ, а правобережныя тѣмъ временемъ рѣшили воспользоваться его отсутствіемъ, чтобы пойти за Кіевъ, пограбить села и вернуться съ полономъ во-своаси; они дѣйствительно разграбили окрестности Полонаго и Сѣмича и съ полономъ возвращались назадъ, когда Глѣбъ, услышавъ о нападеніи, послалъ въ догонку брата Михалка съ переяславцами и берендѣями, а тотъ успѣлъ не только отбить полонъ, но и побрать множество самихъ половцевъ¹⁾.

Гораздо большая опасность грозила Глѣбу со стороны Мстислава; послѣдній не былъ вовсе обезвужаженъ происшедшимъ и послѣ ухода Андреевой рати принялъ мѣры къ возвращенію кіевскаго стола. Но отъ его притязаній защитили Глѣба Ростиславичи, которые первое время, изъ вражды къ Мстиславу, остаются вѣрными союзниками суздальцевъ.

Мстиславъ прежде всего отомстилъ своему ближайшему сосѣду—Владиміру Андреевичу, опустошивъ его Погоринскую волость. Владимиръ Андреевичъ въ это время хворалъ и скоро скончался. По сосѣдству—въ Полонномъ—находился въ это время Владимиръ Мстиславичъ; услышавъ о смерти Андреевича, онъ проникъ въ Дорогобужъ, поклявшись „не позрѣти лихомъ“, но затѣмъ захватилъ имущество и волость покойника, а княгню его выгналъ. Между тѣмъ Мстиславъ уже двинулся съ братомъ Ярославомъ и галицкимъ вспомогательнымъ отрядомъ на Кіевъ. Онъ соединился сначала съ черными клобуками и отъ Треполя пошелъ къ Кіеву. Городъ стоялъ безъ князя; Глѣбъ былъ въ Переяславѣ, а Ростиславичи сидѣли въ своихъ удѣлахъ, никто изъ нихъ не рѣшился занять Кіевъ: трудно было защитить его, тѣмъ болѣе, что и кіевскому населенію нельзя было вѣряться. Какія чувства питало послѣднее къ суздальцамъ и ихъ приспѣшникамъ, мы узнаемъ отъ самихъ дружинниковъ Владимиръ Андреевича, одного изъ участниковъ кіевскаго погрома; когда тѣло

¹⁾ Ипат. с. 379—381, Лавр. с. 339—342, Никон. I с. 244—246. Это сказаніе о нашествіи половцевъ вставлено не на мѣстѣ—послѣ похода Мстислава, тогда какъ случилось „в первое лѣто“ княженія Глѣба; г. Хрущовъ высказалъ предположеніе, что рассказъ этотъ, вмѣстѣ со сказаніями о войнѣ Андрея съ новгородцами и объ ея. Федорѣ, составлялъ часть сборника сказаній о чудесахъ Богородицы (ор. с. с. 131).

войскаго нужно было вести изъ Вышгорода въ Кіевъ, и Давыдъ Ростиславичъ послалъ этихъ дружинниковъ въ качествѣ провожатыхъ, они отвѣчали: „княже, ты самъ вѣдаешь, что есмь издѣляи Кланомъ; а не можемъ ѣхати, избѣютъ ны“.

Итакъ Мстиславъ свободно вошелъ въ Кіевъ и урядился съ братією; его вокняженіе было признано Святополкомъ туровскимъ, Всеволодковичемъ городенскимъ и Владиміромъ Мстиславичемъ; послѣдній не могъ, конечно, удержать за собою Погоринну безъ согласія Мстислава и потому старался заискать его расположеніе ¹⁾; можетъ быть, при этомъ же случаѣ Владиміръ присягнувъ Мстиславу не искать Кіева не только подъ нимъ, но и подъ его братомъ Ярославомъ и сыновьями: на такое обѣщаніе позже намекаетъ Кіевская лѣтопись ²⁾. Мстиславъ заключилъ также рядъ съ клянами, которые отвесились къ нему съ искренними симпатіями ³⁾, черные же клобуки вели себя двоедушно, „льстаху имъ“.

Изъ Кіева Мстиславъ со всѣми силами направился къ Вышгороду: здѣсь засѣлъ Давыдъ Ростиславичъ, съ большимъ войскомъ: у него были вспомогательные отряды братьевъ, Глѣба Юрьевича, пришелъ Кончакъ съ половцами и часть берендачей—Бастѣва чадь, преданная Ростиславичамъ. Началась осада, мелкія стычки; но союзники Мстислава не были расположены къ продолжительной войнѣ; галицкая помощь прежде всего покинула его, ссылаясь на поддѣльное распоряженіе („грамоту ложную“) своего князя ⁴⁾. Мстиславъ послѣ этого отступилъ къ Кіеву и нѣсколько недѣль простоялъ здѣсь съ остальнымъ войскомъ въ огородахъ у Золотыхъ воротъ; можетъ быть, онъ ожидалъ новыхъ поддержаній, или просто не хотѣлось ему возвращаться съ пустыми руками, и онъ ждалъ перемѣны обсто-

¹⁾ Карамзинъ (III с. 7) полагалъ, что Владиміръ Мстиславичъ и Погоринно заключилъ съ согласіемъ Мстислава. Соловьевъ въ Ист. отнош. (с. 220) объясняетъ союзъ Владиміра со Мстиславомъ неудовольствіемъ Владиміра на Андрея за то, что тотъ не уважилъ его старшинства при замѣщеніи кіевского стола.

²⁾ Ипат. л. с. 385; Соловьевъ II, с. 259.

³⁾ Это видно изъ противоположенія клянь чернымъ клобукамъ въ лѣтописи—Ипат. л. с. 375.

⁴⁾ По Густин. л. (с. 311) галиційскій воєвода самъ былъ обманутъ; Татищевъ (III с. 175) объясняетъ его уходъ подкупомъ.

ятельство; но Давидовы половцы и берендѣи беспокоили его лагерь своими наѣздами, вспомогательные отряды расходились одинъ за другимъ, „взнемогъшеса“, а къ Давиду прибывали между тѣмъ подкрѣпленія, и самъ Глѣбъ шелъ изъ-за Днѣпра съ новыми ордами половцевъ. По настоянію братіи, Мстиславъ наконецъ рѣшился отступить, съ намѣреніемъ предпринять новый походъ, „мало перепочивше“. Половцы бросаясь за нимъ въ погоню, но были отбиты; за то они принялись разорять страну и „много створивше зла, люди повоеваша“. Когда они направлялись затѣмъ въ степи, отпущенные Глѣбомъ, Василько Ярополчичъ, сидѣвшій въ Михайловѣ, задумалъ ночью напасть на нихъ; попытка была неудачна: Василько заблудился на пути и опоздалъ. Глѣбъ съ союзниками вступились за своихъ половцевъ, сожгли городъ Василька и самого прогнали; это, конечно, было вполне естественно, но весьма необычно, особенно для кievскаго населенія, воспитаннаго въ традиціяхъ борьбы со степняками ¹⁾.

Мстиславу не суждено было предпринять новый походъ на Кіевъ: глѣтомъ онъ разболѣлся и скончался 19 августа 1170 г. ²⁾. Это былъ едва ли не послѣдній князь—народолюбець на кievскомъ столѣ, любимый населеніемъ и платившій ему, вѣроятно, также вниманіемъ и радушіемъ, наслѣдникъ традицій Мономаха, Мстислава, Изяслава. Мстиславъ весьма напоминалъ своего отца удалю, открытымъ характеромъ. Его дѣятельность, судя по началу, могла быть весьма полезною для Кіевской земли; по словамъ глѣтописца, онъ „хоташе добра всемъ сердцемъ“ Русской землѣ, и въ этихъ словахъ мы можемъ надѣть голосъ общественнаго мнѣнія ³⁾.

Передъ смертью Мстиславъ уговорился съ братомъ Ярославомъ, что Владимірская волость перейдетъ къ сыновьямъ его. Старшій синъ его, знаменитый Романъ, былъ тогда въ Новгородѣ, осенью прибылъ онъ на югъ и занялъ владимірскій столъ; по новгородскимъ извѣстіямъ, новгородцы выслали его, принужденные къ тому Андреемъ. Они вынуждены были просить себѣ князя у Андрея, и тотъ „далъ“ Новго-

¹⁾ Ипат. л. с. 375—376.

²⁾ Ипат. с. 381—382, Лавр. 844, 1 Новг. 18. О годѣ смерти его—Карамзинъ III в. 3, Погодинъ Иссл. IV с. 96.

³⁾ Характеристику его см. въ Татищевскомъ сводѣ III, с. 178.

родъ Рюрикъ Ростиславичу; послѣдній поручилъ свою Овручскую волость Давиду и отправился въ Новгородъ ¹⁾).

Глѣбъ не долго пережилъ своего соперника—Мстислава; въ началѣ слѣдующаго 1171 года онъ скончался, вызвавъ теплый, сочувственный отзывъ у лѣтописца: онъ былъ братолюбивъ, вѣренъ клятвамъ, набоженъ, милостивъ. Его княженіе, какъ началось, такъ и закончилось, по навѣстію лѣтописи, половецкимъ набѣгомъ. Половцы проникли за Кіевъ, разорили множество селъ и съ великимъ полономъ пошли въ степи; тотъ же Михаило, по просьбѣ Глѣба, отправился за ними въ погоню, догнавъ ихъ уже за Бугомъ, много половецвъ побилъ и отнялъ 400 человекъ плѣнныхъ ²⁾).

Итакъ кіевскій столъ сдѣлался вакантнымъ; распорядился имъ Ростиславичи: себѣ они взять Кіевъ не рѣшились, а призвали дядю—Владимира Мстиславича. Сажая на Кіевскій столъ эту непопулярную и непривлекательную личность, они надѣялись, очевидно, что онъ будетъ преданнымъ и послушнымъ исполнителемъ ихъ желаній ³⁾). Владимиръ, какъ говоритъ лѣтописецъ, ушелъ изъ Дорогобужа тайкомъ, преступивъ крестъ къ своимъ „ротникамъ“—Ярославу луцкому и покойному Мстиславу, и 15 февраля 1171 г. сѣлъ на кіевскомъ столѣ, противъ общаго и, вѣроятно, своего собственнаго ожиданія. Погорину онъ передалъ сыну Мстиславу.

Но вокняженіе Владиміра не понравилось Андрею; противъ него самого едва ли онъ имѣлъ что-нибудь: это была личность настолько незначительная, что, конечно, не вышла бы изъ почтенія къ Андрею; но Андрей считалъ себя господиномъ кіевского стола, и самовольное

¹⁾ Ипат. с. 383, 1 Новгор. с. 15, Воскр. I с. 87.

²⁾ Ипат. с. 383—384, Лавр. 344—345, 1 Новг. 15. Изложеніе этого эпизода очень сходно съ описаніемъ предшествующаго набѣга; это подаю поводъ г. Хрущову предположить, что въ обоихъ случаяхъ описывается одинъ и тотъ же фактъ (ор. с. с. 137), но следствие это можно объяснить и подражаніемъ; весьма существенно замѣчаніе второго рассказъ, что Глѣбъ не участвовалъ въ походѣ на болгаръ, между тѣмъ какъ въ первомъ его отсутствіе объясняется совсѣмъ иначе. Соловьевъ (II с. 375), Вестунъ-Роминъ (О составѣ рус. лѣт. с. 186) различаютъ эти два похода. Вѣсто Вуга Татищевъ писалъ „Угль“ (III. с. 180), и Арцибашевъ (I. 2. пр. 1204) находилъ это болѣе вѣроятнымъ, но доводи его не убѣдительно.

³⁾ Ср. у Карамзина III с. 11.

распоряженіе Ростиславичей ему было неприятно ¹⁾. Онъ прислалъ Владимиру приказъ идти изъ Кіева, а Ростиславичамъ говорилъ: „на-рекли мя есте собѣ отцемъ, а хочу вы добра, а даю Романови брату вашему Кіевъ“. Отдавая Кіевъ Ростиславичамъ, Андрей едва ли руководился какими-либо симпатіями къ нимъ ²⁾: ему лишь нужно было напомнить, что распоряжаться кіевскимъ столомъ можетъ только онъ, и въ то же время онъ не хотѣлъ ссориться со своими союзниками, отмѣняя ихъ распоряженіе въ пользу какого-нибудь посторонняго князя; назначеніе одного изъ Ростиславичей служило удобнымъ выходомъ изъ этой дилеммы. Любопытно, что при этомъ Андрей, выставлявшій свое право родового старѣйшинства, самъ нарушалъ это право: Владимиръ былъ старѣйшимъ изъ Мстиславичей ³⁾. Незавѣстно, какъ бы кончилась эта исторія для Владимира, если бы онъ не умеръ въ это время (30 мая), просидѣвъ на кіевскомъ столѣ три мѣсяца съ половиною; лѣтописецъ не помянулъ его добромъ: „се же много подъя бѣды, бѣгая передо Мьстиславомъ, ово в Галичъ, ово Угры, ово в Рязань, ово в Половцехъ, за свою вину, занеже не устояше в крестномъ цѣлованьи, всегда же и то гоняше“ ⁴⁾. Ростиславичи дали знать въ Смоленскъ о смерти Владимира, и Романъ отправился на кіевское княженіе; въ началѣ іюля онъ явился въ Кіевъ: встрѣтили его съ крестами митрополитъ, архимандритъ печерскій, и прочіе игумены, и всѣ кіяне, и братья его, „и бысть радость всемъ челоукомъ о Романовѣ княженьи“; такъ говоритъ лѣтописецъ, вообще очень преданный Ростиславичамъ, но на этотъ разъ къ его словамъ нельзя отнести съ довѣріемъ: не могли Кіяне обнаружить особенныхъ симпатій къ участнику кіевского погрома, слишкомъ это было недавнее дѣло ⁵⁾.

До сихъ поръ Ростиславичи жили въ мирѣ съ Андреемъ, они являлись приспѣшниками въ его стремленіяхъ подчинить себѣ Югъ и извлекали выгоды изъ его политики; скоро однако имъ пришлось

¹⁾ Ср. Татищева III с. 183, Вязова оп. с. с. 244.

²⁾ Ср. Соловьева II с. 241.

³⁾ Ср. у Соловьева I. с.

⁴⁾ Ипат. с. 385—387, 1 Новгород. с. 15.

⁵⁾ Ипат. с. 387, 1 Новгород. с. 15, Лавр. с. 346: „и призна его с честию Кіяна“.

испытать и на себя тяжесть руки владимирскаго „самовластца“ и неудобства новаго порядка вещей. Не совсѣмъ ясно, что именно произвело охлажденіе и разрывъ между этими союзниками. Дѣло началось, кажется, изъ-за Новгорода: Рюрикъ не ладилъ съ новгородцами, и его противники находили сочувствіе у Андрея; зимою 1171 г. новгородцы выслали Рюрика, и Андрей посадилъ у нихъ своего сына ¹⁾. Одновременно произошло у него столкновение и съ кievскими Ростиславичами: Андрей прислалъ къ нимъ посла, нѣкоего Миха, съ требованіемъ выдать ему Григорія Хотовича и еще двухъ бояръ, такъ какъ ему стало извѣстно, что они отравили его брата Глѣба. Былъ ли такой слухъ, вѣрилъ ли ему дѣйствительно Андрей, или просто придирался, „винны покладывалъ“ на Ростиславичей, какъ говоритъ южный лѣтописецъ, преданный послѣднимъ ²⁾ — нельзя рѣшить. Ростиславичи не исполнили этого требованія, только отпустили отъ себя Григорія, можетъ быть для того, чтобы онъ искалъ себѣ болѣе безопаснаго убѣжища. За такое неповиновеніе Андрей безъ дальнихъ объясненій велѣлъ Ростиславичамъ убираться изъ Кіевской волости въ Смоленскъ ³⁾, а кіевскій столъ отдалъ брату Михаилу. Романъ не захотѣлъ ссоры и ушелъ изъ Кіева. На его мѣсто Михаилъ отрядилъ въ Кіевъ брата Всеволода и племянника Ярополка, самъ же остался въ своемъ Торческѣ, ожидая, вѣроятно, дальнѣйшихъ событій. Дѣйствительно, меньшіе Ростиславичи не были такъ податливы, какъ Романъ, да и запасныхъ волостей у нихъ, пожалуй, не было: они протестовали противъ распоряженія Андрея, „безъ нашеѣ вины“, а затѣмъ, не получая никакого отвѣта, ночью

¹⁾ 1 Новгород. с. 15, Лавр. с. 346; Татищевъ (III с. 186) утвердительно говоритъ, что противное распріе былъ новгородскія дѣла; съ этимъ согласенъ и Соловьевъ (II нр. 329).

²⁾ Ср. Блаженъ оп. с. с. 244.

³⁾ Въ числѣ кіевскихъ Ростиславичей при этомъ Рюрикъ не упоминается (Ипат. с. 388); вѣроятно, онъ еще не пришелъ изъ Новгорода, когда Андрей отправилъ свое посольство; отсюда можно предположить, что эти событія происходили въ концѣ 1171 г. или въ началѣ 1172, такъ какъ Рюрикъ изъ Новгорода ушелъ въ началѣ 1172 г. (Ипат. л. с. 388). Вообще хронологія этихъ и послѣдующихъ событій очень сбивчива; послѣдняя точная дата — смерть Владимира Мстиславича 1171-го г., слѣдующая за нею — смерть Андрея 1174 г.; промежуточные событія можно размѣщать только съ нѣкоторою приблизительностью; Ипатича лѣтописецъ въ этой части сильно сбивитъ, см. Погодинъ Исслѣдов. IV с. 96—97.

напали на Киевъ, захватили Всеволода и Ярополка съ дружиною и посадили въ Киевъ Рюрика; это случилось, вѣроятно, въ 1172 г. ¹⁾ Андрей снова потребовалъ, чтобъ Ростиславичи убрались изъ Русской земли: „не ходите в моеи воли, ты же, Рюриче, поиди в Смоленскъ къ брату во свою отчину; а Давыдови рци: а ты поиди въ Берладъ, а въ Руской земли не велю ти быти; а Мстиславу молви: в тобѣ стоить все, а не велю ти в Руской землѣ быти“. Но Мстиславъ велѣлъ остричь на поруганіе голову и бороду Андрееву послу, тому же Михну, и сказалъ на прощанье: „иди же ко князю своему и рци ему: мы ти досихѣмъсть аки отца имѣли по любви; аже еси съ сакими рѣчьми прислалъ, не аки къ князю, но аки къ подручнику и просту челоувѣку, а что умислялъ еси, а тое дѣй, а Богъ за всѣмъ“ ²⁾. Такимъ образомъ Ростиславичи ясно понимали, вѣроятно и раньше, смыслъ Андреевой политики; теперь только обстоятельства превратили ихъ изъ приспѣшниковъ этой политики въ защитниковъ южнорусскаго политическаго строя—федерациі равноправныхъ князей ³⁾.

Такое сопротивленіе въ высшей степени раздражило Андрея: онъ распалился гнѣвомъ, и „образъ лица его покуснѣлъ“: „толикъ умниѣ сы, во всѣхъ дѣлѣхъ добль сы“, погубилъ смыслъ свой и исполнился высокоумія, „надѣяся плотной силѣ и множествомъ вой огородився“ ⁴⁾. Лѣтописецъ прибавляетъ, что сѣверскіе князья обрадовались случаю и побуждали Андрея противъ Ростиславичей, предлагая свое содѣйствіе. Андрей снарядилъ большое войско, по извѣстію лѣтописца—въ 50 тысячъ: съ нимъ послалъ онъ сына Юрія, наказавъ ему выгнать Рюрика и Давыда изъ Киевской волости, а Мстислава, главнаго зачинщика—схватить и представить на расправу во Владимиръ; къ этой арміи, по приказу Андрея, присоединили еще

¹⁾ Ср. Погодина Андрей Боголюбскій с. 39; но Карамзину въ 1178 г.—см. т. III с. 13.

²⁾ Ипат. с. 388—390, Лавр. с. 346. Этотъ эпизодъ представляетъ затрудненіе: оба посольства наложены такъ, что является сомнѣніе, не объ одномъ ли и томъ же говоритъ лѣтописецъ по двумъ разнымъ изводамъ; см. сужденія Погодина (Андрей Боголюбскій с. 59 сл.) и Соловьева (II нр. 392); мнѣніе Соловьева, что въ лѣтописи неудачно соединены рассказы о двухъ разныхъ фактахъ, кажется мнѣ болѣе вѣроятнымъ.

³⁾ Ср. Соловьевъ II с. 242.

⁴⁾ Ипат. л. с. 389—390.

свои полки князья полоцкіе, туровскіе, городенскіе, даже Романъ Ростиславичъ прислалъ смоленскій полкъ, не рѣшался ссориться съ Андреемъ. У Кіева къ войску присоединились князья сѣверскіе и южныя князья Юрѣва дома. Святославъ Всеволодичъ на этотъ разъ тоже присоединился и принялъ главное начальство: такъ какъ стало извѣстно, что Андрей не ищетъ Кіева для себя собственно, то Святославъ надѣялся, вѣроятно, получить Кіевъ себѣ.

Перешедши Днѣпръ, союзники вошли въ Кіевъ, на этотъ разъ оставленный князьями. Ростиславичи затворились въ своихъ городахъ—Рюрикъ въ Бѣлгородѣ, а Мстиславъ съ Давыдовымъ полкомъ—въ Вышгородѣ; самъ Давыдъ отправился въ Галичъ за помощью. Присоединивши къ своей арміи кіевское ополченіе (вѣроятно, принудительно набранное) и полки черныхъ клобуковъ, Святославъ двинулся 8 сентября къ Вышгороду. Никогда еще, кажется, Южная Русь—за историческій періодъ своего существованія—не видала у себя такой многочисленной рати; однихъ князей, по словамъ лѣтописца, болѣе двадцати находилось въ войскѣ. Вышгородъ былъ обложенъ; Мстиславъ не робѣлъ и упорно отбивался; осада затянулась на девять недѣль; каждый день происходили схваты у города, и много войска гибло на нихъ; сѣверныя ополченія и Андреевы союзники, болѣею частью, вѣроятно, невольные, были утомлены такою продолжительною и тяжелою осадой. Между тѣмъ подошелъ Ярославъ Изяславичъ „со всею Волынскою землею“ и вступилъ въ переговоры съ Святославомъ, домогаясь кіевского стола. Святославъ не соглашался, да и Андрей не потерпѣлъ бы передачи Кіева Ярославу. Тогда послѣдній вошелъ въ переговоры съ Ростиславичами, и тѣ согласились предоставить ему Кіевъ. Ярославъ пошелъ къ Бѣлгороду, чтобы соединиться съ Рюрикомъ; это произвело панику среди осаждавшихъ: ожидали, что къ Ярославу присоединится также галицкая помощь и черные клобуки. Въ войскѣ Святослава началось смутеніе, и на слѣдующее утро огромная армія бросилась переправляться черезъ Днѣпръ; Мстиславъ ударилъ на нее съ тылу изъ города, много народу перетонуло при переправѣ, много было захвачено въ плѣнъ ¹⁾. Мстиславъ при

¹⁾ Погодинъ (Андрей Боголюбскій с. 65) объясняетъ бѣгство Ольговичей кнѣзюмъ, тайнымъ соглашеніемъ съ Ростиславичами; это предположеніе основательно опровергъ Соловьевъ (II с. 439—440).

этомъ „много пота утеръ с дружиною своею и немало мужества показана с мужьями своими“, а Андреева рать со стыдомъ вернулась во свояси ¹⁾.

Ростиславичи, согласно обѣщанію, предоставили Кіевъ Ярославу, который и вокняжился здѣсь. Но къ нему обратился съ претензіями Святославъ Всеволодовичъ: ссылаясь на какой-то договоръ, заключенный будто бы между нимъ и Ярославомъ ²⁾, онъ домогался отъ него надѣла. Ярославъ отказалъ ему подъ весьма страннымъ предлогомъ, что Кіевская волость Святославу не отчуждена, между тѣмъ какъ отецъ Святослава, Всеволодъ, княжилъ въ Кіевѣ. Святославъ отвѣчалъ: „я не Угринь, ни Ляхъ, но одинаго дѣда есмы внуци“. Онъ собралъ братію и неожиданно напалъ на Кіевъ, Ярославъ былъ застигнутъ врасплохъ, не рискнулъ затвориться въ Кіевѣ съ однѣми своими силами и бѣжалъ въ Луцкъ. Но и Святославъ не остался въ Кіевѣ; захвативъ имущество Ярослава „безъ числа“, его семью и дружину, онъ чрезъ 12 дней возвратился въ Черниговъ, вѣроятно, не надѣясь удержать Кіева противъ Ярослава и Ростиславичей. Кіевъ остался безъ князя. Услыхавъ объ этомъ, Ярославъ вернулся и свое раздраженіе выместилъ на кіевскомъ населеніи: „на гнѣвѣхъ замысли тяготу княномъ река: подѣвели есте вы на мя Святослава, промышляйте, чимъ выкупити княгнню и дѣтя“; кіевляне не знали, что отвѣтить на это, а онъ наложилъ тяжелую пеню („попрода“) на все населеніе безъ различія: „игумены и попы, и черьнци, и черницы, Латину (т. е. западныхъ купцовъ), и затворы, и гости, и всѣ Княны, и много зла створи Кыеву“ ³⁾. Мы не знаемъ, насколько кіевляне бы-

¹⁾ Ипат. с. 390—392, Лавр. с. 346—347, 1 Новг. 15; послѣдняя представляетъ дѣло тапъ, будто походъ былъ удаченъ.

²⁾ „Святославъ же поча слати къ Ярославу съ жалобомъ, река ему: на чѣмъ еси цѣловалъ крестъ а помяни первый радъ; рекаъ бо еси, оже я сяду въ Кіевѣ, то я тебе надѣлю, наемъ ли ты сидеши въ Кіевѣ, то ты мене надѣли“ (Ипат. л. с. 393). Этотъ договоръ по мнѣнію Карамзина (III с. 17), Погодина (Андрей Боголюбскій с. 66) былъ заключенъ во время осады Вышгорода; Соловьевъ (II с. 440) думаетъ, что онъ былъ заключенъ раньше. Можетъ быть, такое предложеніе Ярославъ дѣлалъ подъ Вышгородомъ Святославу, но тогда послѣдній не принялъ его, а теперь сталъ о немъ напоминать?

³⁾ Ипат. с. 393, Лавр. с. 347—348. Я слѣдую чтенію Лавр. л., въ Ипат.: „и затвори всѣ Княны“; подъ затворами одни понимаютъ кельи отшельниковъ, что согласно съ лѣтописными употребленіемъ этого слова, другіе — склады товаровъ. „Попрода“ Татищевъ

ли действительно виноваты въ нападѣхъ Святослава; у него, конечно, могли быть приверженцы, „повабившіе“ его, но подозрѣвать все вообще кievское населеніе въ особыхъ симпатіяхъ къ Ольговичу едва ли можно. Во всякомъ случаѣ фактъ расправы Ярослава любопытенъ— онъ показываетъ, въ какое униженіе пришла славная кievская община;—съ другой стороны поступокъ Ярослава указываетъ и на то, кажется, что въ сутолокѣ, которая воцарилась на югѣ послѣ кievскаго погрома, исчезли у князей въ значительной степени и политическій смыслъ и правильное отношеніе къ населенію.

Вместивъ свою досаду на кивнахъ, Ярославъ пошелъ къ Чернигову на Святослава; послѣдній въ это время воевалъ съ Олегомъ Святославичемъ и оказался такимъ образомъ въ затруднительномъ положеніи; ему однако удалось какъ-то умиловить Ярослава, который помирился съ нимъ и вернулся ¹⁾.

Эти неурядицы навели между тѣмъ Ростиславичей на мысль домогаться себѣ Кіева; однако перехватывать его у Ярослава и Святослава, не имѣя поддержки со стороны, было рискованно, и Ростиславичи рѣшились обратиться къ Андрею и изъ защитниковъ южно-русскаго строя превратиться еще разъ во владимірскихъ прислѣзниковъ. Они отправили къ Андрею посольство, „просяче Романови Ростиславичу княжить въ Кіевѣ“ ²⁾. Андрей, который не могъ, конечно, помириться съ понесенною неудачею и зорко слѣдилъ за южными событіями, тоже обратилъ въ это время вниманіе на кievскія неурядицы и началъ сноситься съ южными родичами, готова, вѣроятно, новое нашествіе на Кіевъ. Просьба Ростиславичей подошла во-время, и Андрей принялъ ее благосклонно, попросилъ только подождать, пока онъ получитъ отвѣтъ отъ своей братіи. Кіевъ долженъ былъ снова вернуться подъ опеку Андрея, но въ это время послѣдній

вещиналъ буквально— о продажѣ имущества (III с. 195), но „продажа“—судобная вещь, а „продавать“ значитъ подвергать пенѣ—ср. Ипат. с. 151. Въ Густинск. (с. 315): „и многая псалма Кіевомъ твораше, да слагаете на окупъ книгини его“.

¹⁾ Ипат. с. 393—394, Лавр. с. 348.

²⁾ Любопытно добавленіе Никон. I с. 249: „да се убо возмѣ известно, аю ти посадиши въ Кіевѣ на великомъ княженіи“. Татищевъ (III с. 196) говоритъ, что кандидаторомъ этого посольства былъ Рюрикъ.

былъ убитъ своими „милостниками“—28 июня 1174 г.¹⁾ Смуты, происшедшія въ Ростово-Суздальской волости вслѣдъ за убійствомъ Андрея, борьба дядей и племянниковъ, старыхъ и новыхъ городовъ—освободили Кіевъ изъ подъ опеки владимірскихъ князей, но сумятица, борьба и постоянныя смѣны князей продолжались еще нѣкоторое время въ Кіевской волости, Кіевъ нѣсколько разъ переходилъ изъ рукъ въ руки, пока между главными соперниками не произошелъ компромиссъ, который устанавливалъ на время довольно прочныя отношенія и доставилъ сравнительное спокойствіе многострадальной землѣ.

Ярославъ не долго пробылъ на кіевскомъ столѣ. Въѣстъ съ Ростиславичами онъ снова вмѣшался въ войну Святослава черниговскаго съ Олегомъ Святославичемъ; инициатива этого вмѣшательства принадлежала Ростиславичамъ, которые были въ родствѣ съ Олегомъ. Святославъ и на этотъ разъ успѣлъ помириться съ ними, и они, отступившись отъ Олега, вернулись во-свояси. Вслѣдъ за тѣмъ въ Кіевскую волость явился изъ Смоленска, „къ братьи своей въ помощь“, Романъ. Ярославъ заподозрѣлъ, что онъ пришелъ занять кіевскій столъ: „привели есте брата своего Романа, а даете ему Кіевъ“, укорилъ онъ Ростиславичей—и затѣмъ ретировался въ Луцкъ; онъ чувствовалъ, что положеніе его было очень непрочно; кіевское населеніе было враждебно настроено послѣ его „продажи“, да и кіевскій столъ, вѣрно, на дѣлѣ оказался не такимъ заманчивымъ, какимъ считалъ его Ярославъ, сидя въ Луцкѣ. Ростиславичи послали къ нему, приглашая вернуться, но Ярославъ не захотѣлъ; затѣмъ онъ исчезаетъ съ исторической сцены. Въ Кіевѣ же снова вокняжился Романъ²⁾. Какъ мы видѣли, лѣтопись глухо говоритъ о причинѣ его прихода, выходитъ скорѣе, какъ будто Ростиславичи не имѣли въ виду смѣщать Ярослава; но не забудемъ, что свѣдѣнія наши о Ростиславичахъ вообще идутъ изъ источника весьма къ нимъ распо-

¹⁾ Ипат. с. 394. О времени смерти Андрея см. Карамзина III прил. 13, Погодина Исслѣдов. IV с. 96 и Ипат. с. 394, въ примѣчаніяхъ.

²⁾ Ипат. с. 406—407, 1 Новг. с. 16. У Татищева (III с. 209—210) Романъ самъ потребовалъ, чтобъ Ярославъ удался изъ Кіева, затѣмъ, уступившись, сталъ приглашать его обратно, но Ярославъ отказался.

ложеннаго; сопоставляя недавнюю просьбу Ростиславичей, чтобы Андрей далъ кievскій столъ Роману, естественно заключить, что и призывая Романа, Ростиславичи имѣли въ виду именно Кіевъ, кievскій столъ, а не помощь противъ Святослава или что-нибудь подобное.

Семья Ростиславичей такимъ образомъ завладѣла всею Кіевскою волостью; только Треполеми владѣлъ, кажется, ихъ двоюродный братъ Мстиславъ Володимеричъ, князь дорогобужскій. Но Святославъ не оставилъ своихъ претензій на Кіевъ, и между нимъ и Ростиславичами происходитъ рядъ столкновеній.

Уже на слѣдующій годъ (1176) Святославъ вмѣшивается въ отношенія Ростиславичей и отнимаетъ у нихъ Кіевъ. Поводъ къ этому вмѣшательству переданъ лѣтописью очень неопредѣленно. Половцы совершили набѣгъ на Поросье, овладѣли шестью городами берендичей и направились къ Раставцу. Романъ отрядилъ на помощь Рюрика и своихъ сыновей, Давидъ отправился тоже, но опоздалъ и догналъ ихъ уже на дорогѣ; между братією произошли какія-то распри, полки русскіе были разбиты, и князья укрылись въ Раставецъ ¹⁾. Услыхавъ объ этомъ, Святославъ съ братією, по словамъ лѣтописца, обрадовались, „аки не вѣдуще Божия казни“; непосредственно затѣмъ онъ явился къ Кіеву и заявилъ Роману, что для себя онъ ничего не добивается, но „Давидъ виноватъ“ и по обычаю за свою вину долженъ быть наказанъ лишеніемъ волости („оже ся князь виновитъ, то в волость, а мужь у голову“). Въ чемъ заключалась эта Давыдова вина, лѣтопись не говоритъ; нѣкоторые исследователи предполагаютъ, что рѣчь идетъ объ обѣдахъ, напесенныхъ Давыдомъ Святославу ²⁾, но о такихъ обѣдахъ ничего не извѣстно. Такъ какъ требованіе Святослава непосредственно слѣдовало за пораженіемъ у Раставца, то естественнѣе предположить, что Святославъ имѣлъ въ виду какой-нибудь проступокъ Давыда во время этого похода: вѣроятно ему приписывали неудачу ³⁾. Нечего и говорить, что въ такомъ случаѣ требованіе Святослава, мотивированное, быть можетъ, тѣмъ, что

¹⁾ Ипат. с. 408—409.

²⁾ Татищевъ III с. 217, Карамзинъ III с. 28, Арцибашевъ I. 2, с. 212; Карамзинъ говоритъ, что Давидъ, помогая Олегу, жегъ города Святослава.

³⁾ См. Соловьева II с. 282, П. В. Голубовскаго Ист. Сѣв. в. с. 164—5. Лѣтопись не выставляетъ впрямую Давыда виновникомъ пораженія; распри произошли, повидимому,

онъ былъ старшимъ въ домѣ Ярослава, слѣдовательно былъ въ правѣ блюсти общіе интересы, было лишь придиркою. Романъ не исполнилъ его требованія. Тогда Святославъ отправилъ въ Кіевскую волость брата Ярослава и Олега Святославича, „с вой“, а за ними двинулся и самъ и остановился у Витичева. Въ Трепогѣ сядѣлъ, вмѣстѣ съ сыномъ Романа, Мстиславъ дорогобужскій; онъ былъ въ свойствѣ съ сѣверскими князьями и сдалъ имъ городъ. Услыхавъ обо всемъ этомъ, Романъ не рѣшился отсиживаться въ Кіевѣ, „понеже кіевляне имъ не довольны были“, какъ объясняетъ Татищевъ ¹⁾, и ушелъ въ Бѣлгородъ. Кіеве явились къ Святославу съ извѣстіемъ объ этомъ: это были, вѣроятно, приверженцы Ольговичей, потому что особенныхъ симпатій къ Святославу все вообще кіевское населеніе ничѣмъ не заявляетъ; пріѣхали и черные клобуки. Святославъ направился въ Кіевъ и вступилъ въ него 20 іюля 1176 г.

Но торжество его было непродолжительно: Ростиславичи не сдавались, выбить Романа изъ Бѣлгорода не удалось, между тѣмъ прибылъ къ нимъ изъ Смоленска на помощь Мстиславъ Ростиславичъ (Храбрый) съ полками, и Ростиславичи намѣревались идти на Святослава. Услыхавъ объ этомъ, послѣдній оробѣлъ; половцы, за которыми онъ послалъ, еще не пришли, и Святославъ бросился бѣжать за Днѣпръ. Такимъ образомъ Кіевъ былъ возвращенъ Ростиславичами. Послѣдніе понимали однако, что Святославъ не оставитъ своихъ претензій и не дастъ имъ спокойно сидѣть въ Кіевской волости; встали подоспѣли и половцы и узнавъ, что уже опоздали, принялись хозяйничать около Торческа и забрали много плѣнниковъ. Ростиславичи, „не хотяче губити Руской земли“, рѣшили уступить кіевскій столъ Святославу, сохранивъ за собою прежніе кіевскіе удѣлы—Вышгородскій, Бѣлгородскій, Овручскій, т. е. почти всю Кіевскую волость. Романъ возвратился въ Смоленскъ, а Мстиславъ, занимавшій въ его отсутствіе смоленскій столъ, вернулся на югъ ²⁾.

между Рюрикомъ и его племянниками, и благодаря этому Давидъ загналъ ихъ; эти же распри Густин. л. (с. 318) и объясняетъ поражение князя. Въ концѣ концовъ Давидова вина остается намъ неизвѣстною.

¹⁾ Ист. Росс. III с. 218.

²⁾ Ипат. с. 409—410. Здѣсь слѣдуетъ пробѣлъ въ Ипат. л., но онъ, кажется, не касается важныхъ событій, по крайней мѣрѣ составитель Густинск. л., знавшій то, что

Этотъ князь, отличавшійся рыцарскимъ характеромъ и желавшій, по словамъ лѣтописца, „умрети за Рускую землю и за хрестьяны“, лучше всего могъ бы возстановить репутацію Мстиславова дома у кievскаго населенія, но онъ скоро былъ призванъ въ Новгородъ, гдѣ загнѣи и скончался (1180 г.), въ молодыхъ еще лѣтахъ, „приказавъ“ свою волость и своего сына Рюрикю и Давыду, оставшимся въ Киевской землѣ. По словамъ лѣтописи, „плавапесе по немъ вся земля Руская, не може забыти доблести его, и Черныи Клобуци вси не могутъ забыти пригюбленія его“ ¹⁾.

Года два Ростиславичи и Святославъ жили въ мирѣ, даже дѣйствовали сообща: вмѣстѣ, напримѣръ, ходили оборонять Переяславль отъ половцевъ; но прочнаго согласія между ними не было. Святославъ жаловался, что Ростиславичи ему „во всемъ пакостять в Руской землѣ“ ²⁾; вѣроятно, онъ былъ недоволенъ, что Ростиславичи владѣютъ кievскими надѣлами, а Ростиславичи не мирились съ потерю Киева. Положеніе Святослава было тѣмъ неприятелие, что онъ въ то время вмѣшался въ сѣверныя дѣла и въ концѣ концовъ столкнулся со Всеволодомъ Юрьевичемъ, который въ это время прочно уже утвердился въ Ростово-Суздальской волости и котораго Святославъ поддерживалъ раньше въ его борьбѣ съ племянникомъ и Рязанью. Вмѣшавшись въ распрю рязанскихъ князей, Святославъ послалъ своего сына Глѣба на помощь Роману рязанскому, между тѣмъ какъ противники Романа обратились къ покровительству Всеволода; послѣдній схватилъ Глѣба Святославича и заключилъ въ оковы ³⁾. Святославъ былъ въ высшей степени раздраженъ этимъ поступкомъ Всеволода и замыслилъ мстити ему, но Ростиславичи связывали руки Святославу, и онъ принялъ довольно рискованный планъ—устранить сначала Ростиславичей изъ Киевской волости, „перенять всю волость Рускую“ одному, а затѣмъ идти на Всеволода.

пропущено относительно сѣверныхъ событій, относительно южныхъ не прибавляетъ ничего къ переданному въ современникъ спискахъ (Густинск. с. 817).

¹⁾ Ипат. с. 411—414, 1 Новг. 17, Лавр. 867.

²⁾ Ипат. с. 416.

³⁾ Ипат. с. 407—408, 415—416, Лавр. 866, 868, 867—868. См. Ист. Ряз. ии. Иловайского с. 40—41, Ист. Сѣв. в. Голубовскаго с. 154, 156.

Случилось такъ, что Давидъ отправился охотиться по Днѣпру на лодкахъ, а Святославъ одновременно охотился на черниговскомъ берегу; онъ задумалъ воспользоваться этимъ случаемъ и схватить Давида; нападеніе было неудачно, Давидъ ускользнулъ, всѣ поиски Святослава были напрасны; онъ пошелъ къ Вышгороду, но городъ, очевидно, уже приготовился къ отпору. Обнаруживъ такъ неловко свои намѣренія, Святославъ не нашелъ возможнымъ оставаться долѣе въ Кіевѣ, „рекъ: уже объявихомся Ростиславичемъ, а немочно ми бити в Кіевѣ“, и уѣхалъ за Днѣпръ ¹⁾. Давидъ между тѣмъ бѣжалъ въ Бѣлгородъ къ Рюрику. Когда стало извѣстно, что Святославъ ушелъ за Днѣпръ, Рюрикъ занялъ Кіевъ и сталъ готовиться къ борьбѣ; по его призыву явились изъ Луцка сыновья Ярослава Изяславича, прибылъ вспомогательный отрядъ отъ Ярослава галицкаго. Брата Давида Рюрикъ отправилъ на помощь Роману въ Смоленскъ, такъ какъ можно было ожидать, что Святославъ двинется туда ²⁾; на дорогѣ Давидъ получилъ вѣсть, что Романъ скончался, и поспѣшилъ занять столъ послѣ брата. Рюрикъ остался теперь единоличнымъ обладателемъ Кіевской волости ³⁾.

Но Святославъ раздумалъ идти на Ростиславичей и рѣшилъ предварительно расправиться со Всеволодомъ. Зимой 1180 г. онъ отправился на Суздаль съ отрядомъ половцевъ и новгородскимъ полкомъ (сынъ его Владиміръ княжилъ въ Новгородѣ), захвативъ съ собою и суздальскаго претендента—Ярополка Ростиславича; однако Всеволодъ уклонялся отъ битвы, и походъ кончился ничѣмъ. Святославъ ушелъ въ Новгородъ, гдѣ былъ принятъ съ великою честью ⁴⁾. Весною 1181 г., попавивъ по дорогѣ Друцкъ, волость союзника Ростиславичей—Глѣба Рогволодича, онъ отправился Днѣпромъ на Кіевъ, выгонять Рюрика. Игорь съ половцами хановъ Кончака и Кобыака отправился туда же сухимъ путемъ и у Вышгорода ожидалъ Святослава. Рюрикъ удалился въ Бѣлгородъ, и Святославъ вступилъ въ Кіевъ; половцы остались при немъ для обороны и расположились съ Игоремъ у Долобскаго озера. Провѣдавъ объ этомъ, Рюрикъ послалъ

¹⁾ Ипат. с. 416.

²⁾ По Татищеву (III с. 289) Святославъ дѣйствительно пошелъ было на Смоленскъ, но ему помѣшала весенняя растопель.

³⁾ Ипат. с. 417—418.

⁴⁾ Ипат. с. 418—419, Лавр. с. 368, 1 Новг. с. 17—18.

на половцевъ отрядъ дружины и черныхъ клобуковъ; половцы были разбиты и смяты, много ихъ перетонуло въ Черторый, много было перебито, а русскій полонъ отбить; Игорь, растерявшись, бросился бѣжать къ Чернигову ¹⁾).

Не смотря на этотъ успѣхъ, Рюрикъ не продолжалъ борьбы— она грозила продлиться до безконечности, въ родѣ борьбы Изяслава и Юрія, даже еще хуже, потому что Святославъ и Рюрикъ, какъ близкіе сосѣди, могли съ гораздо большимъ удобствомъ вредить другъ другу; между тѣмъ эти нескончаемыя усобицы, съ неперемѣннымъ участіемъ половцевъ и черныхъ клобуковъ, страшно вредили осѣдлому населенію и возбуждали его ненависть. Итакъ Рюрикъ, по словамъ преданнаго ему лѣтописца, „аче побѣду возма, но ничто же горда учини, но возлюбя мира паче рати и пожити хотя въ братолюбьи, паче же и хрестьянъ дѣля плѣняемыхъ по вся дни отъ поганыхъ и пролитыя крови ихъ не хотя видети, съступися ему (Святославу) старѣйшинства в Кіева, а собѣ взя всю Рускую землю“ ²⁾).

Такимъ образомъ планъ Святослава завладѣть одною Кіевскою волостью кончился неудачно, онъ принужденъ былъ помириться на прежнихъ условіяхъ. Это примиреніе было скрѣплено потомъ бракомъ Глѣба Святославича на дочери Рюрика и оказалось прочѣе предшущихъ. Одновременно Святославъ примирился и со Всеволодомъ, послѣдній „прия великую любовь съ Святославомъ“, выпустилъ его сына Глѣба и сосваталъ за другого сына свою своячницу ³⁾. И это примиреніе было со стороны Святослава собственно также признаніемъ своего пораженія: онъ вмѣшался въ сѣверныя дѣла съ тѣмъ, чтобы утвердить тамъ свое вліяніе; какъ старѣйшій въ домѣ Ярослава, онъ считалъ себя „въ отца мѣсто“ Всеволоду ⁴⁾, желалъ осуществитъ на дѣлѣ это право, и это ему не удалось; Всеволодъ освободилъ его сына только изъ милости; одновременно другой его сынъ—

¹⁾ Ипат. с. 419—421.

²⁾ Ипат. с. 421—422. Г. Молчановскій уступку Ростиславичей объясняетъ тѣмъ, что они не имѣли возможности сопротивляться послѣ того, какъ Поросль, разоренное поселеніе, соплеменники Святослава, перестало оказывать имъ поддержку (ор. с. с. 47).

³⁾ По Татищеву (III с. 245), примиреніе это состоялось при посредствѣ Рюрика; такъ думаетъ и Карамзинъ (III с. 38); это возможно, хотя собственно что за нужда была Рюрику хлопотать объ этомъ?

⁴⁾ Обращаясь ко Всеволоду, онъ именуетъ его „братомъ и синомъ“—см. Ипат. л. с. 419, 422.

Владиміръ былъ изгнанъ изъ Новгорода и замѣненъ ставленникомъ Всеволода. Въ 1183 г. Святославъ посылаетъ уже вспомогательный отрядъ на помощь Всеволоду противъ болгаръ ¹⁾; правда, при этомъ Святославъ по прежнему называетъ Всеволода „братомъ и сыномъ“ и какъ бы снисходить къ его просьбѣ, но эта внѣшность не скрываетъ дѣйствительности. Святославъ долженъ былъ отказаться отъ намѣренія создать себѣ вліятельное, первенствующее положеніе среди русскихъ князей, ему пришлось помириться на одномъ титулѣ кievскаго князя. Дѣйствительное первенство приобретаетъ наследникъ Андрея и его политики—Всеволодъ.

Начиная съ 1181 г. въ Кіевской землѣ устанавливается оригинальное двоевластіе, продолжающееся въ теченіе тринадцати лѣтъ, до смерти Святослава. Святославъ получилъ титулъ кievскаго князя и Кіевъ только съ окрестною, какъ кажется, округою, всю же остальную „Русскую землю“ владѣлъ Рюрикъ; любопытно, что Кіевская лѣтопись обоихъ ихъ именуетъ великими князьями ²⁾.

Рюрикъ въ сущности былъ даже сильнѣе Святослава; хотя власть его была не особенно велика, но онъ имѣлъ большія связи: въ Смоленскѣ сидѣлъ его братъ, пинскіе князья были его шурьями, Романъ Мстиславичъ, сидѣвшій во Владимірѣ, былъ женатъ на его дочери, старый Ярославъ галицкій держалъ его сторону ³⁾; наконецъ самъ „великій Всеволодъ“ суздальскій породнился съ Рюрикомъ, выдалъ свою дочь Верхуславу за его сына Ростислава ⁴⁾ и въ своихъ видахъ поддерживалъ Рюрика въ его столкновенияхъ съ Святославомъ: этимъ онъ давалъ противовѣсъ стремленіямъ послѣдняго къ первенству и къ утвержденію своего вліянія на сѣверо-востокѣ.

Святославъ, перейдя въ Кіевъ, долженъ былъ уступить Черниговъ брату Ярославу; кромѣ кievскаго округа въ его владѣніи оста-

¹⁾ Ипат. с. 422—428, 1 Новг. с. 18.

²⁾ Напр. Ипат. с. 426, 427, 429—430; Максимовичъ впрочемъ въ титулѣ Рюрика (подъ 1185 г.) видѣлъ прибавку, сдѣланную уже послѣ смерти Святослава, когда Рюрикъ былъ кievскимъ княземъ (I с. 141).

³⁾ Ипат. с. 426, 443, 445, 452.

⁴⁾ Эта свадьба была отпразднована въ 1186 г. (Погодинъ Исскд. т. IV с. 96) въ Валгородѣ, съ великолѣпиемъ (одинъ князь было на свадьбѣ болѣе двадцати), которое произошло, очевидно, большое впечатлѣніе въ обществѣ, см. Ипат. л. с. 443.

жалась еще земля вятичей. У сѣверскихъ князей Святославъ не пользовался особеннымъ влияніемъ, и они часто не исполняли его просьбъ; наконецъ онъ всегда чувствовалъ надъ собою бдательное око Всеволода, котораго задѣлъ такъ неосторожно; все это заставляло Святослава быть непритязательнымъ и уступчивымъ, поддерживать мирныя отношенія къ Рюрику и въ своихъ неудовольствіяхъ не доходить до столкновеній. Какъ чувствовалась сила Всеволода, особенно во вторую половину этого періода, лучше всего показываетъ случай, имѣвшій мѣсто передъ самою смертью Святослава: рязанскіе князья чинили какія-то обиды Святославу и другимъ сѣверскимъ князьямъ ¹⁾; Святославъ съ братією порѣшили наказать ихъ, но предварительно попросили позволенія у Всеволода: „просячися у Всеволода на Рязань; Всеволодъ же воли ихъ не сотвори“. Святославъ съ тѣмъ отправился во-свои.

Что касается кievскаго земства, то, какъ видно, Святославъ не возбуждалъ противъ себя такого неудовольствія, какъ его отецъ и дядя—Всеволодъ и Игорь Ольговичи; повидимому, онъ старался снять расположеніе киянъ; въ лѣтописи рассказывается, что при освященіи церкви св. Василія онъ задалъ пиръ духовенству и кievскому населенію, „и быша весели“ ²⁾; подобныхъ случаевъ, конечно, могло быть и гораздо больше. Лѣтописецъ хвалитъ набожность Святослава, чистоту его жизни и милосердіе; иные качества обнаруживалъ Святославъ въ своихъ политическихъ отношеніяхъ, но то и прочее были качества обычныя для того времени, и ихъ не помнятъ современники. Въ симпатичномъ свѣтѣ представляетъ намъ Святослава и авторъ Слова о полку Игоревѣ: кievскій князь является грознымъ и славнымъ въ половецкихъ войнахъ, славу ему поютъ: „Нѣмци и Венедици, Греци и Морава“ ³⁾; а въ междукняжескихъ отношеніяхъ онъ является настоящимъ старѣйшиною, патриархомъ Русской земли; слава Кіева все еще жила и своимъ ореоломъ освѣщала и Святослава. Что касается Рюрика, то мы имѣемъ прямое свидѣтельство лѣтописца, что Рюрику пользовался большимъ расположеніемъ кievскаго населенія—русскаго и черноклобучаго;

¹⁾ См. Ист. Рязан. кн. Измайскаго с. 87.

²⁾ Ипат. л. с. 428.

³⁾ Слово о полку Игоревѣ с. 6—7.

хотя преданность этого летописца семьѣ Ростиславичей и послѣдующія отношенія князѣ къ Рюрику и заставляютъ относиться къ этому извѣстію съ нѣкоторою осторожностью, однако и отвергать его кѣтъ поводовъ, тѣмъ болѣе, что и Слово отзывается о Рюрикѣ сочувственно: его, точно, любили, вѣроятно, за радушіе и ласковость и за удалы — наследственные качества въ домѣ Мстислава ¹⁾.

Прочныхъ и искреннихъ отношеній между Святославомъ и Рюрикомъ не существовало: личные интересы обомъ были слишкомъ различны, и эта рознь всплывала при случаѣ. Тѣмъ не менѣе у нихъ было сознание, что удѣлы ихъ — одна и та же Кіевская область, „Русская земля“, и они считали долгомъ сообща заботиться о безопасности и благѣ этой Русской земли и контролировали другъ друга съ этой точки зрѣнія. Сообща предпринимали они походы на половцевъ, сообща рѣшали болѣе важные вопросы; если одинъ уходилъ изъ Кіевской волости куда-нибудь по личнымъ нуждамъ, „своихъ дѣла орудѣи“, то другой долженъ былъ оставаться и стеречь Русскую землю или же оставить вмѣсто себя другихъ охранителей; такъ въ 1190 г. Рюрикъ требовалъ, чтобы Святославъ, уходя за Днѣпръ, къ братьямъ „на думу“, оставилъ вмѣсто себя сына съ полкомъ, а въ 1193 Святославъ настоялъ, чтобы Рюрикъ не уходилъ изъ Русской земли: „ты идешь изъ отчины своея на свое орудье, а язъ пакы иду за Днѣпръ своихъ дѣла орудѣи, а в Руской землѣ кто ны ся останеть?“ говорилъ онъ Рюрику, и послѣдній остался ²⁾.

Рознь Рюрика и Святослава обнаружилась въ вопросѣ о Галичѣ. Въ 1187 г. скончался старый Ярославъ Осмомыслъ; по смерти его въ Галичѣ начались смуты, въ которыхъ приняли участие и кіевскіе князья. Олегъ Ярославичъ, получившій по отцовскому завѣщанію Галичъ, былъ изгнанъ своимъ братомъ Владиміромъ и боярами и бѣжалъ къ Рюрику въ Овручъ; о дальнѣйшей судьбѣ его русскія летописи умалчиваютъ ³⁾. Затѣмъ, когда Владиміръ Ярославичъ возбудилъ негодованіе галицкаго населенія своею беспорядочною жизнью, зять Рюрика, знаменитый Романъ, завелъ сношенія съ галичанами и выгналъ Владиміра. За послѣдняго вступился угорскій король Бела III; онъ принудилъ Романа Мстиславича удалиться

¹⁾ Ипат. с. 458, ср. Слово о кол. Иг. с. 8.

²⁾ Ипат. с. 450, 455.

³⁾ Ипат. с. 442.

нъ Галича, но посадилъ адѣсь въ концѣ концовъ своего сына. Романъ остался безъ волости, потому что раньше, въ надеждѣ на Галичу, уступилъ Владиміръ брату Всеволоду, и теперь послѣдній не соглашался возвратитъ Роману его волость; Рюрикъ предоставилъ Роману въ удѣлъ Торческъ, а затѣмъ „насла с грозою на Всеволода“ и заставилъ его возвратитъ волость брату ¹⁾. Между тѣмъ Бела, опасаясь, что Рюрикъ станетъ поддерживать Романа, завелъ сношенія съ Святославомъ, общая уступить ему Галицкую волость или часть ея; Святославъ повѣрилъ этимъ обѣщаніямъ и тайкомъ отъ Рюрика отправилъ къ королю сына Глѣба. Провѣдавъ объ этомъ, Рюрикъ отправилъ за нимъ въ догонку своего родича, а самъ началъ „насмѣять“ на Святослава, попрекая его, что онъ „соступился ряду“ и завелъ тайкомъ сношенія съ королемъ ²⁾. Святославъ, какъ видно, не хотѣлъ ссориться съ Рюрикомъ, увѣрялъ, что онъ дѣйствовалъ не противъ послѣдняго, не накликалъ на него короля, и предлагалъ вти кнѣстѣ съ Рюрикомъ, если онъ захочетъ пойти на Галичу. Митрополитъ Никифоръ тоже побуждалъ князей отнять Галичу у иноплемениковъ ³⁾; въ такомъ же духѣ, конечно, вліялъ на Рюрика и Романъ. Наконецъ походъ былъ рѣшенъ, и князья собрались, но подвѣтъ былъ вопросъ, какъ поступитъ съ Галицкою волостью въ случаѣ успѣха? Святославъ предлагалъ Рюрику взять Галичу себѣ и взаимно уступить „всю Рускую землю около Кьева“, т. е., вѣроятно, западную половину Кіевской волости, но Рюрикъ никакъ не соглашался поступиться своею отчиною: взять себѣ Галичу онъ не могъ, потому что это значило бы вооружить противъ себя Романа. Такъ князья и не урядились и послѣ пререкавій разошлись во-свои ⁴⁾. Это происходило въ 1189 г., въ слѣдующемъ году Владиміръ воз-

¹⁾ Ипат. с. 444—446.

²⁾ Соловьевъ (II нр. 355) полагаетъ, что раньше Рюрикъ со Святославомъ урядились дѣйствовать заодно относительно Галича, но скорѣе тутъ нужно разумѣть рядъ болѣе раннихъ и болѣе общій—относительно поантнки вообще, такъ какъ Святославъ не страдаетъ, что кнѣзѣ частима сношенія съ королемъ, а замалеть только, что они направлены не противъ Рюрика.

³⁾ По Татищеву (III с. 290), митрополитъ дѣйствовалъ по собѣту кіевскихъ вельможъ, которые хлопотали о примиреніи князей.

⁴⁾ Ипат. с. 446. „Рюрикъ же сего не улюбилът лишитися отчимъ своея, не хотѣ ведѣлитися Галичомъ“; Соловьевъ (II нр. 356) предлагаетъ вмѣсто не читать но, такъ какъ значе Рюрикъ оставилъ бы Святослава вовсе безъ вознаграженія; эта поправка весьма хѣронна.

вратилъ себѣ столъ, и галицкій вопросъ разрѣшился самъ собою; Рюрикъ и Святославъ помирились вполне и предприняли вмѣстѣ охоту у устья Тясмина; тутъ они „во любви пребывста и во весельи по вся дни“, но затѣмъ осенью того же 1190 г. между ними произошли новыя распри.

Лѣтопись не говоритъ опредѣленно о причинѣ этого несогласія; по ея словамъ, у Святослава была „тяжа с Рюрикомъ и с Давыдомъ и Смоленскою землею“, которая основывалась на давнихъ претензіяхъ Ольговичей къ Ростиславу. Святославъ ухажалъ за Дитърихъ, не оставивъ обороны Русской землѣ, и заключилъ союзъ съ братією, чтобы добиваться сообщая удовлетворенія отъ Ростиславичей. Тогда Рюрикъ произвелъ на него дипломатическое давленіе: онъ снесся со Всеволодомъ суздальскимъ и братомъ Давыдомъ, извѣщая о претензіяхъ Святослава, и тѣ поддержали Рюрика. Къ Святославу были отправлены мужи отъ всѣхъ трехъ князей, которые заявили ему: „ты, брате, к намъ крестъ целовалъ на Романовѣ ряду, такоже нашъ братъ Романъ сѣдѣлъ въ Киевѣ, дажь стоиши в томъ ряду, то ты намъ братъ, пакы ли поминаешъ давныя тяжа, которыи былѣ при Ростиславѣ, то съступишь еси ряду, мы ся в то не дамы“ и возвратили крестныя грамоты. Святославъ сначала не хотѣлъ уступать, послѣ долгихъ пререканій принялъ крестныя грамоты (что было знакомъ разрыва) и отпустилъ пословъ, но затѣмъ передумалъ, вернулъ ихъ и „делова в нимъ крестъ на всей ихъ волѣ“¹⁾.

Главное содержаніе этого времени двоевластія составляетъ борьба съ половцами. То была насущная нужда Южной Руси; половецкія нашествія и опустошенія въ послѣднее время происходили весьма часто: послѣ двукратнаго вторженія въ Киевскую волость въ княженіе Глѣба Юрьевича, въ Киевской лѣтописи подъ 1174 г. говорится, что половцы „пакость творили по Роси“; подъ 1177 г.—упомянутый уже набѣгъ половцевъ на область Раставицы, когда было разорено шесть городовъ берендичей, и Ростиславичи разбиты у Раставца; въ томъ же году половцы, призванные на помощь Святославомъ, разорали окрестности Торческа. Подъ слѣдующимъ годомъ разсказывается, что Святославъ, сидѣвшій въ это время въ Киевѣ, ждалъ

¹⁾ Ипат. с. 450—451.

къ себѣ половцевъ на миръ и вышелъ къ нимъ на встрѣчу къ Треполю, но тѣ вмѣсто того бросались на Переяславскую волость ¹⁾. Главнымъ героемъ этой борьбы со стороны половцевъ является ханъ Кончакъ, „оканъный и безбожный и треклятый, злу начинникъ правовѣрнымъ крестьяномъ, паче же всемъ церквамъ“ ²⁾; до насъ сохранился любопытный отрывокъ пѣсни, гдѣ этотъ Кончакъ является сыномъ хана Отрока, загнаннаго Мономахомъ въ Обезы, на Кавказъ, и мстителемъ за понесенныя половцами пораженія и униженія. Особенно пострадала отъ него Переяславская волость; Кіевская терпѣла все-таки гораздо меньше ³⁾. Со стороны Руси героями борьбы являются: Святославъ кіевскій, Игорь Святославичъ, Рюрикъ, его сынъ Ростиславъ и Владиміръ Глѣбовичъ переяславскій. Борьба велась очень оживленно: можно насчитать за это время около двадцати походовъ и набѣговъ со стороны русскихъ и половцевъ, но она не была такъ энергична, какъ во времена Мономаха, движеніе Руси въ степь не было такъ мощно, и результаты далеко не были такъ блестящи; походы русскихъ часто имѣли характеръ набѣговъ, подобно половецкимъ, рассчитанныхъ на быстроту и внезапность. Да если эта война и дала какіе-нибудь результаты, они были все равно утеряны, когда вслѣдъ за тѣмъ возобновились усобицы, съ непремѣннымъ участіемъ половцевъ.

Остановимся нѣсколько на перипетіяхъ этой борьбы. Ближайшимъ образомъ она началась съ весны 1184 г.—вторженіемъ Кончака въ лѣвобережную Русь; Святославъ и Рюрикъ отправились на помощь, но Ярославъ черниговскій посовѣтовалъ имъ отложить походъ до лѣта; кіевскіе князья вернулись, а Игорь Святославичъ съ кіевскими черными клобуками пограбили половецкія вежи. Лѣтомъ Святославъ и Рюрикъ начали приглашать князей въ походъ; желающихъ явилось довольно—Владиміръ переяславскій, Ярославичи лужкиа, Мстиславъ городенскій, двое Юрьевичей изъ Туровской волости, отъ Ярослава галицкаго пришла помощь; но сѣверскіе князья отказались, такъ какъ походъ предполагался въ низовья Днѣпра, а они въ своихъ интересахъ хотѣли идти къ Дону. Святославъ, „не любя

¹⁾ Ипат. с. 387, 408—9, 410, 414—5. Кромѣ того въ Никоновскомъ сводѣ упоминается нашествіе половцевъ на Русь подъ 1168, 1170, 1171 г. (т. I с. 236, 239, 241).

²⁾ Ипат. с. 414, 428.

³⁾ Ипат. с. 480. Ср. П. В. Голубовскаго Печенѣги etc. с. 181—2.

на свою братью¹⁾, поспѣшно направился внизъ по Днѣпру; передовой полкъ русскій спугнулъ половцевъ за Орелью, ханъ Кобякъ неожиданно наткнулся на главныя русскія силы, былъ совершенно разбитъ и попался въ плѣнъ со многими другими ханами ²⁾. Этотъ походъ прославленъ въ Словѣ о полку Игоревѣ, гдѣ героемъ выставляется Святославъ: онъ „башеть притрепалъ своими сильными плѣчь и харалужными мечи, наступи на землю Половецкую, притопта хлѣби и яруги, замути рѣки и озера, иссуши потоки и болота, а поганого Кобяка изъ луку моря отъ желѣзныхъ великихъ плѣковъ половецкихъ, яко вихръ, выторже: и падеся Кобякъ въ градъ Кіевъ, въ гриднищѣ Святъславли“ ³⁾.

На слѣдующій годъ Кончакъ снова вторгнулся въ Переяславскую волость, удививъ Русь невиданными снарядами—живымъ огнемъ, которымъ стрѣлялъ какой то бесурменинъ, и громадными самострѣльными луками. Святославъ и Рюрикъ отправились противъ него, Ярославъ же опять отказался, такъ какъ завелъ сношенія съ Кончакомъ; у Хорола князя захватили лагерь Кончака, попался и тотъ бесурменинъ съ живымъ огнемъ, а самъ Кончакъ бѣжалъ, и отряженный за нимъ отрядъ берендичей со старшиною Кунтувдѣемъ не могъ догнать его. Вернувшись въ Кіевъ, Святославъ отрядилъ на половцевъ берендичей съ вѣемъ Романомъ Нездилевичемъ, и они пограбили половецкія вежи ⁴⁾. На лѣто Святославъ замышлялъ грандіозный походъ на Донъ и послѣ Пасхи отправился въ Вятицкую волость собирать ополченія, но обстоятельства неожиданно измѣнились. Игорь Святославичъ, не успѣвъ на весенній походъ Святослава, предпринялъ свой самостоятельный, знаменитый походъ на Донъ, кончившійся такъ печально, и „отворилъ ворота на Русскую землю половцамъ“: ханъ Гзавъ вторгся въ Сѣверскую волость, Кончакъ въ Переяславскую, а оттуда собирался, кажется, и въ Кіевскую: „по Рси и по Сули гради подѣлиша“. Приходилось отложить планъ

¹⁾ Ипат. с. 424—427, Лавр. 374—376; относительно хронологіи событій см. Погодина Исгид. IV с. 97 сл.

²⁾ Слово о пол. Иг. с. 6—7. Любопитно, что въ Суданской лѣтописи, наоборотъ, героемъ представляется одинъ изъ Юрьевичей—Владиміръ переяславскій, „хѣда своего святого (т. е. Юрія) молитвою укрѣпленъ и отъда своего“. См. Востужева-Рюкина, О составѣ рус. лѣт. с. 143—4.

³⁾ Ипат. с. 428—430.

похода и позаботиться объ охранѣ Русской земли; Святославъ отрядилъ своихъ сыновей защищать Посемье, пригласилъ „стеречь землѣ Рускоѣ“ Давыда смоленскаго, прибыли „помочи“ и отъ другихъ князей. Владиміръ переяславскій упрощивалъ прійти къ нему на помощь, Святославъ и Рюрикъ съ прочими князьями отправились къ Кавеву, но смоленское ополченіе остановилось у Треполя, отказываясь двигаться дальше на томъ основаніи, что согласилось итти только до Кіева, и вернулось назадъ. Князья отправились за Днѣпръ, по половцы, свѣдавъ, успѣли своевременно уйти, набравъ полону и добычи¹⁾.

Послѣ этого борьба возобновляется черезъ два года. Весною 1188 г. половцы приблизились къ кіевскимъ границамъ, къ Татинецкому броду; узнавъ объ этомъ, Святославъ и Рюрикъ палегкѣ погнались за ними, но изъ черныхъ клобуковъ кто-то далъ вѣсть половцамъ, и они бѣжали за Днѣпръ. Послѣ этого Кончакъ напалъ на Поросье; подобные набѣги на Поросье затѣмъ часто стали повторяться; чтобы прекратить ихъ, Святославъ и Рюрикъ, пригласивъ другихъ князей, зимою того же года предприняли снова походъ на низовья Днѣпра. На Спецородѣ были захвачены сторожа половецкіе, которые сообщили, что половцы находятся не вдалекѣ въ степи; князья желали напасть на нихъ, но Ярославъ отказался удалиться отъ Днѣпра: „земля моя далече, а дружина моя изнемоглася“, говорилъ онъ. Напрасно Рюрикъ упрощивалъ его пройти еще полдня до половецвъ, Ярославъ не согласился и вернулся; Святославъ не рѣшался итти дальше безъ брата, и князья вернулись ни съ чѣмъ. Удачѣе была экспедиція, снаряженная Святославомъ изъ черныхъ клобуковъ съ упомянутымъ уже Романомъ Незидловичемъ; въ отсутствіе половецвъ, которые ушли на Дунай, были захвачены ихъ вѣжи, и Черный Клобукъ вернулся „со славою и честию многою“²⁾.

Галицкій вопрость, взаимная распри Святослава и Рюрика отвлекли, вѣроятно, на время ихъ вниманіе отъ половецкихъ отпошеній. Лѣтомъ 1190 г. князья, помирившись между собою, заключили миръ и съ половцами на выгодныхъ условіяхъ, „н волю свою“, и ути-

¹⁾ Ипат. с. 434—437, Лавр. с. 378—379, Слово с. 9; но Лавр. половцы отсутствія, засмѣивая о походѣ Святослава, а когда онъ возвратился въ Кіевъ, вернулись и вѣдали на Переяславѣ.

²⁾ Ипат. с. 439—440, 444.

шли Русскую землю ¹⁾. Этотъ миръ однако былъ нарушенъ очень скоро—осенью того же года, изъ-за одного черноколубцаго старшины или князя Кунтувдѣя. Этотъ старшина, храбрый и распорядительный, отличался въ борьбѣ съ половцами, пользовался расположеніемъ князей и получилъ въ управленіе Торческъ. Другой князь—Чюрнай оклеветалъ его, вѣроятно изъ зависти, предъ Святославомъ, который велѣлъ схватить Кунтувдѣя. Рюрикъ вступился за послѣдняго, „зане бѣ мужъ дерзъ и надобенъ в Русѣ“, по его ходатайству Кунтувдѣй былъ освобожденъ, но „не стѣрпя сорома своего“, рѣшилъ отомстить Святославу ²⁾. Онъ бѣжалъ къ половцамъ и сталъ ихъ подбивать къ набѣгамъ; не смотря на тольکو что заключенный миръ, половецкая совѣсть не устояла предъ такимъ соблазномъ, и начались набѣды подъ предводительствомъ Кунтувдѣя. Сначала напали на городъ Чюрная, сожгли его дворъ и забрали его имущество, затѣмъ расположились въ побережьи р. Выси и отсюда производили набѣги на Поросье. Это было тѣмъ удобнѣе для нихъ, что у Рюрика въ то время была упомянутая выше „тяжа“ съ Святославомъ, послѣдній уѣхалъ за Днѣпръ устраивать коалицію противъ Ростиславичей, а Рюрикъ—въ Овручъ, „своихъ дѣля орудій“; предвидя, что Кунтувдѣй будетъ мстить за свою обиду, Рюрикъ оставилъ сына Ростислава въ Торческѣ, просилъ и Святослава оставить тоже сына на защиту Русской земли, но Святославъ не исполнилъ этой просьбы, а Ростиславъ со своимъ полкомъ, какъ видно, не могъ управиться съ половцами. Наконецъ черные клобуки вышли изъ терпѣнія и рѣшили отомстить половцамъ; по просьбѣ ихъ Ростиславъ присоединился съ дружиною, и всѣ вмѣстѣ поѣхали въ степь „изъѣдомъ“; у Протолочи (около Хортицы) захватили они половецкія стада и вѣжи и отправились во-сояси; половцы отправились въ догонку, но Ростиславъ удачно отбилъ ихъ. Черные клобуки при этомъ показали себя плохо: захвативъ нѣкоего хана Кобана, они тайкомъ отпустили его за выкупъ, чтобъ не дѣлиться этою добычею съ Ростиславомъ. Ростиславъ съ торжествомъ поѣхалъ къ отцу въ Овручъ, а вслѣдъ за нимъ, „Ростиславлею дорогою“, явились и половцы. Но у городка Кульдеюрева стоялъ уже съ полками Святославъ, вернувшійся изъ-за

¹⁾ Ипат. с. 449.

²⁾ Объ этомъ дѣлѣ см. у П. В. Голубовскаго Печенѣги etc., с. 154 сл.

Дѣбра: вѣроятно, онъ предвидѣлъ нападеніе послѣ набѣда Ростислава ¹⁾. Половцы успѣшно бѣжали, но когда Святославъ вернулся въ Кіевъ, они съ Кунтувдѣмъ опять напали на Поросье; за ними погнался Глѣбъ Святославичъ, оставленный отцемъ въ Каневѣ, и достигъ у Товарова; половцы бросились бѣжать и много ихъ потонуло, проломивъ ледъ на Роси ²⁾.

Чтобы предотвратить подобныя набѣги, которые грозили повторяться и впредь, Святославъ съ Рюрикомъ цѣлое лѣто 1192 г. простояли у Канева; эта мѣра оказала желаемое дѣйствіе, и половцы ушли промыслять на Дунай. Черные клобуки, услышавъ объ этомъ, снова предложили Ростиславу сдѣлать набѣдъ на ихъ вѣжи, но Рюрикъ не пустилъ сына: можетъ быть, онъ не желалъ раздражать половцевъ. Съ черными клобуками отправились двое Володимиричей ³⁾, но набѣгъ не удался: князья направились за Днѣпръ, а тамъ оказались половецкіе роды, съ которыми черные клобуки водили дружбу— „слатове“ ихъ; черные клобуки отказались идти на нихъ и вернулись. Зимой Рюрикъ завелъ сношенія съ Кунтувдѣмъ, предлагая ему возвратиться, и тотъ пріѣхалъ съ „лукоморскими половцами“; Рюрикъ щедро одарилъ ихъ и заключилъ миръ, а Кунтувдѣю далъ городъ Дверепъ на Роси, „Руской землѣ дѣля“, и тотъ удовлетворился.

Однако и эта мѣра не принесла спокойствія. Святославъ предложилъ Рюрику устроить общій съѣздъ всѣмъ половцамъ и заключить общій миръ; осенью 1193 г. князья пріѣхали въ Каневъ, и сюда явились лукоморскіе половцы, другія же колѣна—Бурчевичи, какъ ихъ называетъ лѣтопись, стали за Днѣпромъ, не рѣшаясь переѣзжать, такъ какъ у нихъ были плѣнные изъ черныхъ клобуковъ, и они опасались, вѣроятно, какихъ-либо насильственныхъ дѣйствій со стороны послѣднихъ, а потому предложили князьямъ пріѣхать къ нимъ. Князья отнеслись къ этому приглашенію недоувѣрчиво и отказались на томъ основаніи, что ни отцы, ни дѣды ихъ не ѣздили къ половцамъ, а половцы къ нимъ; съ лукоморскими же Святославъ не захотѣлъ заключать мира, полагая, что не стоитъ задаривать только половину

¹⁾ См. Татищева III с. 298.

²⁾ Ипат. с. 450—452.

³⁾ Вѣроятно, сыновья Владиміра Мстиславича, см. Погодина Исслѣдов. VI с. 238—239

половцевъ. Такимъ образомъ слѣдовало ожидать новой войны; Рюрикъ предложилъ на рѣшеніе Святослава—итти ли на половцевъ или стеречь отъ нихъ Русскую землю. Святославъ отвѣчалъ, что о походѣ нечего и думать—по случаю неурожаа, слѣдуетъ позаботиться объ оборонѣ. Рюрикъ попросилъ Святослава постеречь Русскую землю, такъ какъ ему нужно было бы совершить походъ на Литву (съ Литвою Рюрикъ воевалъ, помогая туровскимъ князьямъ, своимъ родичамъ), но Святославъ сердито отвѣчалъ, что и у него есть дѣла за Днѣпромъ, и заставилъ Рюрика остаться ¹⁾.

Зимю, предъ Рождествомъ, Ростиславъ снова, тайкомъ отъ отца, отправился съ черными ялобуками и пограбилъ половцевъ вѣжи на р. Ивлѣ ²⁾, въ области нижняго Днѣпра. Походъ былъ удаченъ, и Ростиславъ поѣхалъ къ родичамъ похвалиться добычею, но Святославъ немедленно отправилъ къ Рюрику, который собрался было на Литву, приглашеніе итти оберегать Русскую землю, такъ какъ Ростиславъ „заялъ половцы“. Рюрикъ пришелъ со всѣми полками; князь вышелъ къ Василеву, стеречь Русскую землю, и долго стояли здѣсь. Къ веснѣ князья ушли: Святославъ уѣхалъ къ братьямъ, совѣтоваться относительно похода на рязанскихъ князей, Рюрикъ отправился въ свою волость. Тогда половцы пришли и пограбили „Убережье“ (Днѣпра), побрали въ плѣнъ торковъ ³⁾. Это было въ началѣ 1194 г.

Такимъ образомъ кievскіе князья, начавъ со смѣлыхъ походовъ въ степь, напомнимъ времена Мономаха и Мстислава V., въ концѣ концовъ сошли на оборонительную войну: принуждены были стоять буквально на сторожѣ, чтобы предотвратить половецкіе набѣги. Немного спустя, половцы являются на территоріи Кіевской земли уже въ качествѣ союзниковъ князя кievскаго Рюрика.

Въ 1195 г., въ концѣ іюля, скончался старикъ Святославъ. Предъ смертію онъ задумалъ было съ братією упомянутый выше несостоявшійся походъ на рязанскихъ князей. Возвращаясь изъ Ватицкой

¹⁾ Ипат. с. 453—455.

²⁾ Что это за рѣка, пока невозможно опредѣлить, см. П. В. Голубовскаго—Печенѣги с. 188.

³⁾ Ипат. с. 455—6.

волости, старикъ разболѣлся, больной пріѣхалъ въ Кіевъ и вскорѣ скончался, постригшись предъ кончиною въ монашество; онъ былъ похороненъ въ монастырѣ св. Кирилла, построенномъ его отцомъ ¹⁾).

Предъ смертію Святославъ послалъ за Рюрикомъ, приглашая его на кіевскій столъ; такъ какъ Святославъ вокняжился въ Кіевѣ только въ силу уступки Рюрика, владѣвшаго кіевскимъ столомъ, то послѣдній, конечно, былъ и естественнымъ преемникомъ его. Правда, по родовымъ счетамъ старѣйшимъ приходился Всеволодъ, и это старѣйшинство „во Володимерѣ племени“ было формально признано Ростиславичами, но Всеволодъ, подобно брату, не желалъ вокняжиться въ Кіевѣ: это все та же политика пренебреженія, униженія Кіева, которую практиковалъ раньше Андрей. По словамъ Суздальской лѣтописи, Всеволодъ послалъ бояръ своихъ въ Кіевъ „и посади в Кіевѣ Рюрика Ростиславича“ ²⁾). Несомнѣнно, въ этомъ извѣстїи не малую долю нужно отнести на счетъ суздальскаго патріотизма: посольство это, вѣроятно, выражало просто признаніе со стороны Всеволода факта вокняженія Рюрика; любопытно было бы только знать, самъ ли Рюрикъ обратился къ Всеволоду съ просьбою утвердить за нимъ Кіевъ (какъ сдѣлалъ Владимір Ярославичъ галицкій), или Всеволодъ отъ себя послалъ пословъ, чтобы напомнить о своемъ правѣ на Кіевъ и старѣйшинство.

Какъ бы то ни было, Рюрикъ вокняжился въ Кіевѣ; по словамъ Кіевской лѣтописи, населеніе отнеслось къ этому событію съ большимъ удовольствіемъ: на встрѣчу Рюрику вышло духовенство „и Кляни вси отъ мала и до велика, с радостью великою, и обрадовася вся Руская земля о княженїи Рюриковѣ, Кьянѣ и крестьяни и поганя“ ³⁾). Въ этомъ свидѣтельствѣ есть значительная доля вѣроятія: въ послѣднее время дѣятельность Рюрика вполне сообразовалась съ интересами Кіевской волости, а память объ участїи Ростиславичей въ кіевскомъ погромѣ должна была ослабѣть за эти двадцать пять лѣтъ; правда, спустя нѣсколько лѣтъ, мы встрѣчаемъ со стороны на-

¹⁾ Ипат. с. 456—457, Лавр. с. 391.

²⁾ Лавр. с. 391; въ Переяславскомъ спискѣ вместо того стоитъ „и сѣдѣ въ Кіевѣ Рюрикъ Ростиславичъ“ (с. 102).

³⁾ Ипат. с. 457—458. Любопытно, что въ Воскр., Никои., Густин. смерти Святослава отнесена къ 1194, а вокняженіе Рюрика—къ 1195 г.

селенія рѣзкое выраженіе несочувствія къ Рюрику, но такую пере-
мѣну можно, пожалуй, довольно легко объяснить изъ событій, по-
слѣдовавшихъ за вокняженіемъ.

Вокняжившись въ Кіевѣ, Рюрикъ пригласилъ къ себѣ брата Да-
вида изъ Смоленска—сообща посовѣтоваться и порѣшить относительно
Русской земли и братіи своей, „Володимери племени“, такъ какъ
Рюрикъ съ Давыдомъ „осталася старѣйши всѣхъ в Руськой землѣ“¹⁾
(Всеволодъ Юрьевичъ послѣ своего отреченія не принимался въ раз-
счетъ, и съ его желаніями не считали нужнымъ справляться). Да-
видъ пріѣхалъ уже весною 1195 г. и остановился въ Вышгородѣ—
этотъ городъ, бывшій раньше удѣломъ его, потомъ его сына Мсти-
слава²⁾, можетъ быть, оставался за нимъ до послѣдняго времени.
Начались по обыкновенію пиры—спачала у Рюрика (въ Кіевѣ), по-
томъ у его сына Ростиславича—въ Ългородѣ, потомъ у Давида—
въ Вышгородѣ, потомъ Давидъ пригласилъ „монастыря вся на обѣдъ“
и раздалъ богатую милостыню, потомъ „позва Чернии Клобуци вси и
ту понинася у него вси Чернии Клобуци и одаривъ ихъ дарми мно-
гими и отпусти ихъ“, потомъ кіяне пригласили Давида на обѣдъ къ
себѣ, и наконецъ кіяне приглашены были на обѣдъ къ Давиду; все
это происходило „в весельи мнзѣ и во любви велици“ и сопровожда-
лось взаимными подарками. Въ промежуткахъ между этими пирами
шли ряды „о Руськой землѣ и о Володимерѣ племени“. Тогда, быть
можетъ, нѣкоторые князья изъ Володимера племени и получили надѣлы
въ Кіевской волости: кромѣ Давида, Романъ Мстиславичъ владѣлъ
пятью городами въ Порослѣ — Торческомъ, Треподемъ, Корсунемъ,
Богуславомъ и Каневомъ; видимъ также въ Кіевской волости Володи-
меричей³⁾. „Укончавъ ряды“, Давидъ отправился въ Смоленскъ⁴⁾.

Вся эта идиллія, это единеніе земли и князей и патриархальное
бражничанье послужили прелюдіею къ событіямъ весьма тревожнымъ
и для Кіевской земли въ высокой степени печальнымъ. При вокня-
женіи Рюрика отношенія Кіевщины къ другимъ волостямъ уладились,

¹⁾ Въ Хлѣбн. и Погод. св. Рюрикъ говоритъ: „се, брате, стало ми ся старѣй-
шинство“.

²⁾ Ипат. с. 440—441.

³⁾ Ипат. с. 459, 468, Лавр. с. 396.

⁴⁾ Ипат. с. 458—459.

и притомъ довольно прочно: со своими сосѣдами на западѣ и сѣверѣ Рюрикъ по прежнему находился въ дружественныхъ и родственныхъ отношеніяхъ, Ольговичи не имѣли повода къ какимъ либо претензіямъ или притязаніямъ; кievское населеніе тоже относилось къ Ростиславичамъ благопріятно. Такое положеніе дѣлъ должно было придать Рюрику боѣе самостоятельности и значенія, чѣмъ имѣлъ его предшественникъ. Это, конечно, не входило въ планы Всеволода Юрьевича; уступая Кіевъ Рюрику, онъ желалъ имѣть въ немъ покорнаго подручника, а Рюрикъ, кажется, не имѣлъ этого въ виду и уже при первыхъ „рядахъ“, какъ мы видѣли, онъ дѣйствуетъ самостоятельно, не справляясь съ желаніями Всеволода. Послѣдній могъ, конечно, смирить непокорнаго, но дѣйствовать на проломъ, подобно Андрею, было не въ характерѣ Всеволода; притомъ предшествующія событія показали, что подобная политика очень рискованна и что съ нею въ концѣ концовъ можно попасть въ весьма непріятное положеніе¹⁾. Всеволодъ потому избираетъ иной путь. Именно, онъ старается перессорить Рюрика съ прочими князьями и успѣваетъ въ этомъ²⁾.

Въ томъ же 1196 г. къ Рюрику явились его послы; Всеволодъ попрекалъ Рюрика, что тотъ раздалъ волости младшимъ родичамъ, а ему, старѣйшему въ Володимери племени, „части не учинилъ в Руской землѣ“, и потребовалъ себѣ тѣхъ именно городовъ, которые отданы были Роману, а въ противномъ случаѣ грозилъ отступить отъ Рюрика.

Такое требованіе, послѣ отреченія Всеволода отъ Кіевской волости въ пользу Рюрика и формальнаго подтвержденія за нимъ Кіева безъ всякихъ условій, было очень странно. Рюрикъ предлагалъ Всеволоду взять какіе-нибудь другіе города, но тотъ крѣпко стоялъ на

¹⁾ Впрочемъ, какъ человѣкъ дальновидный, Всеволодъ могъ принимать въ расчетъ и возможность открытой борьбы: возобновеніе Остерскаго городка, этого стараго обсерваціоннаго пункта Юрія, совершенное предъ самою смертью Святослава (Давр. с. 891), быть можетъ, сдѣлано было именно въ этихъ видахъ.

²⁾ Иначе трудно себѣ объяснить дѣйствія Всеволода. Къ такому заключенію относительно его политики пришелъ Соловьевъ (см. II с. 278—279, также Ист. отгол. с. 251 сл.), Бѣльскій (оп. с. с. 262), Иловайскій (И. Р. I с. 277) и другіе. Въ Никоновск. л. (II с. 28) сказано прямо: „сіи же глагола Всеволодъ и живѣтъ твора“. Татищевъ объясняетъ, что Всеволоду не хватало волостей для надѣла многочисленныхъ синоевъ, а къ Роману онъ чувствовалъ наследственную неприязнь (III с. 308—309).

своимъ; дѣло принимало очень серьезный оборотъ: „хотѣша иѣжи собою востати на рать“, и положеніе Рюрика было очень затруднительно: не хотѣлось ссориться съ сильнымъ зятемъ, но еще опаснѣе было раздражать покровителя-свата; „намъ безо Всеволода нельзя быти, положили есмы на немъ старѣшинство вся братья во Володимерѣ племени“, говорилъ Рюрикъ. Наконецъ онъ обратился за совѣтомъ къ митрополиту; тотъ, по своей обязанности „востагивати отъ кровопролитя“, посоветовалъ Рюрику исполнить желаніе Всеволода и разрѣшилъ его отъ вл�твы, данной Роману. Послѣдній оказался на этотъ разъ настолько сговорчивымъ, что со всею готовностью согласился получить взаимнѣ поправившихся Всеволоду городовъ другую волость или соотвѣтственную сумму денегъ. Рюрикъ отправилъ ко Всеволоду пословъ съ извѣщеніемъ, что желаніе его исполнено: „ажъ, брате, жаловался на мене про волость—а се волость, которые же еси просилъ“¹⁾.

Такой мирный исходъ менѣе всего былъ приятенъ Всеволоду; но обстоятельства скоро измѣнились.

Всеволодъ посадилъ своихъ посадниковъ въ четырехъ городахъ изъ полученныхъ, а самый значительный—Торческъ подарилъ своему зятю Ростиславу, сыну Рюрика. На этотъ разъ ударъ попалъ прямо въ цѣль. Романъ заподозрѣлъ, что Рюрикъ сговорился со Всеволодомъ и лицедействовалъ предъ нимъ, чтобъ оттягать Торческъ для своего сына, и онъ возненавидѣлъ Рюрика со всею силою своего мощнаго, славлюбиваго духа. Рюрикъ напрасно оправдывался въ отвѣтъ на его упреки и предлагалъ ему волость, равную прежней—Романъ рѣшился отомстить ему во что бы то ни стало. Онъ началъ притѣснять свою жену, дочь Рюрика, принуждая ее постричься, завелъ сношенія съ Ольговичами и подбивалъ Ярослава Всеволодовича черниговскаго выгнать Рюрика и захватить Кіевъ. Узнавъ объ этомъ, Рюрикъ вернулъ крестныя грамоты Роману, а самъ обратился за помощью къ Всеволоду, какъ признанному главѣ Володимера племени, которому теперь угрожали Ольговичи. Такимъ образомъ разрывъ совершился. Но Ольговичи не обнаружили готовности затѣвать борьбу съ Рюрикомъ. Романъ бросился за помощью къ Польшѣ, но тамъ шли усобицы: дѣти Казимира Справедливаго, къ которымъ обратился Романъ, воевали со своимъ дядею Мешкомъ Старымъ; они попросили

¹⁾ Ипат. с. 459—460.

Романа присоединиться къ нимъ и обѣщали, въ свою очередь, похочь потомъ ему. Романъ согласился, но въ происшедшей битвѣ (на р. Мозавѣ) Мешко одержалъ верхъ; Романъ былъ раненъ и отвезенъ во Владиміръ. Пришлось ему смириться на время; онъ отправилъ посольство къ Рюрику и митрополиту, внился во всеиъ и просилъ прощенья; митрополитъ ходатайствовалъ о немъ предъ Рюрикомъ, и примиреніе состоялось. Рюрикъ водилъ Романа ко кресту „на всей волѣ своей“ и далъ ему снова удѣлъ въ Кіевской землѣ¹⁾. Такимъ образомъ, по крайней мѣрѣ по вѣщности, миръ былъ восстановленъ²⁾.

Но Ольговичей не оставили въ покоѣ. Осенью все того же года Рюрикъ сослался со Всеволодомъ и Давыдомъ, и всѣ вмѣстѣ послали пословъ къ Ольговичамъ съ требованіемъ отречься навсегда отъ правъ на Кіевъ и Смоленскъ: „яко не исвати отцины нашея Кіева и Смоленска под нами и под нашими дѣтми и подо всеми нашими Володимиримъ племенемъ: како насъ раздѣлялъ дѣдъ нашъ Ярославъ по Двѣндрѣ, а Кіевъ мы не надобѣ“³⁾. Послѣдній доводъ, конечно, несправедливъ, такого заѣщанія Ярослава относительно Кіева не могло быть (а относительно Всеволода и его племени и подавно—тотъ самъ сидѣлъ въ лѣвобережной волости), и требованіе отреченія, послѣ того какъ на кіевскомъ столѣ сидѣло послѣдовательно трое князей изъ дома Святослава, являлось просто вызовомъ. Ольговичи отвѣчали, что признаютъ старѣйшинство Всеволода и Рюрика, но отречься отъ Кіева не могутъ: „ажъ по насъ—кому и Богъ дастъ“. Такого отвѣта, конечно, и нужно было ожидать, спрашивается только, какъ объяснить это требованіе Мономаховичей? Рюрикъ или Давыдъ, сидѣвшій и въ своемъ Смоленскѣ не прочь вслѣдствіе борьбы съ вѣчемъ, едва ли могли сами по себѣ предъявить подобное требованіе, которое нужно было поддержать оружіемъ⁴⁾; они, очевидно, рассчитывали на энергичную поддержку Всеволода. Но еще вѣроятнѣе, что Всеволодъ именно и былъ инициаторомъ этого требованія: къ нему Ольговичи обраща-

¹⁾ Это та загадочная волость, о которой упоминалъ я въ географическомъ очеркѣ (с. 42): „Положи и волѣ тѣртака (полтартана) Корьсуньскаго“, Ипат. с. 462. Объ отношеніяхъ Рюрика къ Роману—см. у Шараневича, оп. с. с. 61.

²⁾ Ипат. с. 460—462.

³⁾ Ипат. с. 462.

⁴⁾ Инициаторами считали ихъ напр. Карамзинъ (III с. 58) Соловьевъ (II с. 281), въ послѣднее время П. В. Голубовскій (Ист. Сѣв. и. с. 164), Довнаръ-Запольскій (оп. с. с. 143)

ются со своимъ отвѣтомъ и онъ, судя по извѣстію глгописи, особенно живо принимаетъ къ сердцу отказъ ихъ: „хотѣ оправити все племя Володимере“; онъ немедленно собирается въ походъ на нихъ и приказываетъ новгородцамъ идти на зиму на Черниговъ. Позже Рюрикъ, упрекая Всеволода за его двусмысленное поведеніе, прямо заявляетъ: „а мнѣ с Ольговичи которая обѣда была? ни они подо мною Києва искали; по аже было тебѣ недобро, азъ про тебе же с ними есмь недобрь, и воевалъ с ними и волость свою зажегль“; очевидно, Всеволодъ имѣлъ какіе-то свои счеты съ Ольговичами, вѣроятно же всего—изъ-за Новгорода, гдѣ боролись партіи черниговская и судальская. Съ своей стороны Ольговичи также заявляютъ Рюрику, что у нихъ съ нимъ „не бывало николиже лиха“¹⁾. Такимъ образомъ Рюрикъ, судя по этимъ заявленіямъ, былъ не особенно заинтересованъ въ предстоящей борьбѣ; тѣмъ не менѣе онъ притотавлился, собралъ братію и пригласилъ „дннхъ половцевъ“. Что касается до Давида, то у того были, дѣйствительно, свои распри съ Ольговичами. Походъ долженъ былъ состояться послѣ Рождества 1195-гог., и союзники съ трехъ сторонъ должны были двинуться на Черниговъ.

Чтобъ избѣгнуть опасности, Ольговичи заключили съ противниками отдѣльными перемирія. Сначала послали ко Всеволоду, „клянучися и емлючися ему по всю волю его“—т. е., вѣроятно, надавали общихъ обѣщаній, но вопросъ о Киевѣ обошли; Всеволодъ приостановилъ походъ. Затѣмъ они предложили Рюрику заключить частное перемиріе до общаго мира²⁾. Рюрикъ, услышавъ, что Всеволодъ отложилъ походъ, согласился и отправилъ даже своего посла къ Ярославу Всеволодовичу черниговскому, желая примирить Ольговичей съ Давидомъ и Всеволодомъ; рассчитывая на миръ, онъ распустилъ собранное войско, отправилъ половцевъ, а самъ уѣхалъ въ Овручъ „своихъ дѣля орудѣи“³⁾. Но мира не было; Ольговичи столкнулись съ Давидомъ по довольно неясной причинѣ; какъ видно, у нихъ шли пререканія изъ-за Витебска: на этотъ городъ, находившійся подъ смоленскимъ вліяніемъ, претендовали Ольговичи, и Рюрикъ отступался отъ

¹⁾ Ипат. с. 463 и 470.

²⁾ Такъ, кажется мнѣ, слѣдуетъ понимать это мѣсто, въ которомъ Посадникъ находилъ противорѣчіе (Ислѣд. IV с. 56).

³⁾ Ипат. 462—463, 1 Нолг. с. 22—23.

него въ ихъ пользу¹⁾. Ярославъ отправилъ туда дружину съ племянниками, и это войско столкнулось съ войскомъ Давыда; смоленская дружина была разбита, Мстиславъ Романовичъ, племянникъ Давыда, взятъ въ плѣнъ, а затѣмъ Ярославъ, провѣдавъ, что Давыдомъ недомальна меньшая братія, поспѣшилъ и самъ къ Смоленску — „взять честь свою“. Рюрикъ счелъ это за нарушение перемирія и объявилъ, что немедленно пойдетъ на Черниговъ. Ярославъ вернулся, пошли долгія пререканія, но къ примиренію они не привели. Рюрикъ просилъ Всеволода немедленно отправиться на Ольговичей, тотъ обѣщалъ; рассчитывая на это, Рюрикъ созвалъ братію и снова пригласивъ дикихъ полководцевъ, вторгся въ волость Ольговичей. Началась мелкая грабительская война. Всеволодъ между тѣмъ все лѣто оставался въ бездѣйствіи и даже вѣсти о себѣ не подавалъ. Ярославъ предлагалъ Рюрику мириться, просилъ помирить его также съ Давыдомъ, а отъ Всеволода совѣтовалъ отступить и не дожидаться, пока онъ начнетъ ладиться; Рюрикъ, уже наученный опытомъ, не согласился, желалъ устроить общій миръ и для этого хотѣлъ снестись съ Давыдомъ и Всеволодомъ, но Ольговичи не пропустили его пословъ, не довѣряя миролюбію его намѣреній. Такъ прошло лѣто 1196-го г.; осенью Романъ, полагая, что настало удобное время отомстить тестю, снесся снова съ Ольговичами и его полкъ изъ Полоняго началъ воевать кievскія волости Давыда и Ростислава Рюриковича. Рюрикъ самъ не могъ выступить противъ него, занятый Ольговичами, къ тому же до него дошла вѣсть, что Всеволодъ выпелъ наконецъ изъ своего бездѣйствія и вторгся въ волость Ольговичей. Поэтому онъ отправилъ на Романа Ростислава съ черными клобуками, а съ другой стороны, по его просьбѣ, напалъ на своего соперника Владиміръ галицкій. Романъ вынужденъ былъ смириться.

Но надежды Рюрика на Всеволода опять не оправдались; тотъ дѣйствительно вторгся съ Давыдомъ въ землю вятичей и началъ жечь села, но вслѣдъ за тѣмъ завелъ мирные переговоры съ Ольговичами, требуя, чтобы они выпустили плѣннаго Мстислава Романовича, выдали Всеволодова противника Ярополка Ростиславича, жившаго у нихъ, и разорвали союзъ съ Романомъ; это послѣднее условіе было выставлено Всеволодомъ, конечно, для очищенія себя предъ Рюри-

¹⁾ См. объ этомъ у г. Довнара-Запольскаго, *op. c. c.* 160.

комъ, но Ольговичи его не приняли, и Всеволодъ въ этомъ пунктѣ уступилъ; затѣмъ было рѣшено, что Ольговичи не будутъ искать Кіева подъ Рюрикомъ только, равно и Смоленска подъ Давыдомъ, а Суздальской волости—подъ Всеволодомъ и дѣтьми его. Напрасно Давыдъ протестовалъ, доказывая, что нельзя мириться съ Ольговичами безъ согласія Рюрика, Всеволодъ заключилъ миръ съ Ярославомъ, извѣстивъ Рюрика, что онъ можетъ быть спокоенъ за свой Кіевъ, и затѣмъ отправился во Владиміръ, куда и прибылъ 6 октября, къ великой радости его обывателей.

Рюрикъ былъ страшно раздраженъ, получивъ упомянутое извѣстіе отъ Всеволода; все это, дѣйствительно, походило на насмѣшку. Благодаря Всеволоду были испорчены его отношенія къ Роману и къ Ольговичамъ, а теперь Всеволодъ оставлялъ Рюрика, не связавъ ничѣмъ его противниковъ: Ольговичи по прежнему оставались союзниками Романа; о томъ требованіи, изъ-за котораго поднялась война съ Ольговичами и иниціаторомъ котораго былъ, вѣроятно, самъ Всеволодъ, именно отреченіи отъ Кіева, не было и рѣчи. Рюрикъ отправилъ посла ко Всеволоду, горько жалуясь на его поведеніе, и забралъ назадъ поросскіе города, данные ему. Всеволодъ промолчалъ: города эти сослужили уже свою службу, а что касается до обиды, то онъ затаялъ ее до времени въ сердцѣ своемъ ¹⁾.

Прошло нѣсколько лѣтъ спокойствія Кіевской земли. Рюрикъ занимался постройками и другими мирными занятіями: по словамъ его панегириста, у Рюрика была „любовь несмтна о аданьихъ“; построена была каменная кафедральная церковь въ Бѣлгородѣ, церковь св. Василія, патрона Рюрика,—въ Кіевѣ, на Новомъ дворѣ; вокругъ Выдубицкаго монастыря была выстроена каменная стѣна, строилъ ее нѣкто Петръ Милонѣгъ, одинъ изъ „друзей“ князя, а по поводу ея окончанія кто-то изъ выдубицкой братіи написалъ Рюрику похваль-

¹⁾ Ипат. с. 464—470, Лавр. с. 392—393, 1 Номг. с. 23. Любопытно, какъ представляется все это дѣло Суздальская лѣтопись: Всеволодъ помогъ на Ольговичей, „твердъ Кіевъ“ подъ Рюрикомъ, но послѣдній „не управи своею рѣчи“ и покерился съ Ольговичами (ср. Нилон. II с. 80). Что Всеволодъ въ своихъ отношеніяхъ къ Ольговичамъ дѣйствовалъ согласно правилу *divide et impera*, см. Карамзинъ III с. 61, Соловьевъ II с. 265 и Ист. отнош. с. 252—4, Виллемъ op. с. с. 269.

ное слово, сохраненное въ Киевской лѣтописи и замѣчательное своею хищренною риторикою и смѣлою лестью ¹⁾.

Въ это время на юго-западѣ Руси произошли важныя перемены. Владиміръ галицкій скончался. Романъ Мстиславичъ возобновилъ свои притязанія и съ помощью поляковъ ему удалось завладѣть Галичемъ. Это немедленно отразилось на политической системѣ Южной Руси. Мы видѣли, что Святославъ Всеволодовичъ надѣялся одно время завладѣть Галичемъ; Ольговичи и позже не оставляли этихъ плановъ, и въ Галичѣ у нихъ существовала партія приверженцевъ ²⁾; поэтому послѣ вокняженія тамъ Романа они сближаются съ его противникомъ Рюрикомъ. Подъ 1202 г. мы находимъ въ лѣтописи извѣстіе, что Рюрикъ вмѣстѣ съ ними замыслилъ походы на Романа въ Галичъ; по словамъ т. н. Густинскаго свода, Романъ „многа зла сотвори Рюрику“, гнѣвался на него за старую обиду ³⁾; это извѣстіе весьма правдоподобно: Романъ имѣлъ теперь возможность отомстить Рюрику и, вѣроятно, проявилъ свою вражду. Но пока Рюрикъ собирался, Романъ предупредилъ его и самъ вторгся въ Киевскую землю. Тутъ произошло любопытное явленіе: киевское населеніе открыто стало на его сторону, весь „Черный Клобукъ“ присоединился къ его войску, изъ киевскихъ городовъ явились къ нему ополченія; когда Романъ подошелъ къ Киеву, кіеве отворили ему ворота и впустили въ нижній городъ ⁴⁾. Рюрикъ съ Ольговичами заперся въ верхнемъ городѣ: послѣ того какъ населеніе такъ рѣшительно поднялось противъ него, ему нечего было и думать о сопротивленіи. Чѣмъ же объяснить такое отношеніе къ Рюрику киевскаго населенія? Надо думать, его дискредитировало возобновленіе усобицъ, поставленное населеніемъ на счетъ ему, хотя и несправедливо; еще болѣе ему долженъ былъ повредить его союзъ съ половцами, которыхъ онъ дважды навелъ на Русскую землю; между тѣмъ Романъ былъ сынъ весьма популярнаго

¹⁾ Ипат. с. 473—4, 475—8. Г. Иловайскій (О началѣ Руси с. 104, Ист. Рос. I, 2 с. 336) и еще болѣе рѣшительно г. Хрумовъ (ор. с.с. 151, 154, 161) авторомъ слова считают Моисея игумена Видубицкаго и ему же приписываютъ составленіе Киевской лѣтописи, которая, какъ извѣстно, заканчивается этими словами; см. также Срезневскаго Древн. русск. с. 41.

²⁾ Ипат. с. 481, П. В. Голубовскій Ист. Сѣв. зем. с. 169.

³⁾ П. с. р. л. II с. 826.

⁴⁾ Карамзинъ (III с. 65), Вильгельмъ (ор. с.с. 370) объясняли это тайными сношеніями Романа съ киевскимъ населеніемъ.

у кievскаго населенiя Мстислава Изяславича и пользовался уже большою извѣстностью; у извѣстной, по крайней мѣрѣ, части населенiя могла существовать надежда, что присоединивъ Кievскую землю къ своимъ обширнымъ владѣнiямъ, Романъ можетъ доставить ей спокойствiе, оборонить отъ половцевъ, поднять наконецъ значенiе Кieва ¹⁾. Какъ бы то ни было, кievское населенiе еще разъ выступило открыто со своимъ голосомъ и еще разъ жестоко за это поплатилось.

Романъ вступилъ въ переговоры съ Рюрикомъ, и тотъ немедленно сдѣлалъ. Ольговичи были отпущены во-свояси, Рюрику была предоставлена его Овручская волость—какъ велика она была въ это время, мы не знаемъ; въ Кievѣ былъ посаженъ двоюродный братъ Романа—Ингваръ Ярославичъ; Вышгородъ былъ отданъ, вѣроятно тогда же, Ярославу Владимировичу (сыну Владимира Мстиславича ²⁾, братья его тоже вѣроятно, владѣли, волостями въ Кievской землѣ (такъ позже, при нападенiи Рюрика на Кievъ, былъ захваченъ Мстиславъ Володимеричъ). По свидѣтельству Суздальской лѣтописи ³⁾, Ингвара „посади в. кн. Всеволодъ и Романъ“, лѣтописные же своды—Густинскiй, Воскресенскiй, Никоновскiй ничего не говорятъ объ участiи Всеволода; такъ какъ Всеволодъ имѣлъ по старшинству право на Кievъ, то весьма вѣроятно, что Романъ посадилъ своего родича съ согласiя или, по крайней мѣрѣ, съ вѣдома Всеволода; любопытно извѣстiе Никоновскаго свода, что, еще идя на Кievъ, Романъ сносился со Всеволодомъ ⁴⁾. За собою Романъ не оставилъ Кieва главнымъ образомъ, думаю, потому, что это поставило бы его въ щекотливый отношенiи къ Всеволоду: ходить въ его волѣ Романъ, конечно, не былъ расположенъ, а входить съ нимъ въ столкновенiя тоже не имѣлъ охоты, такъ какъ былъ занятъ галицкими дѣлами; посадивъ въ Кievѣ незначительнаго князя, какимъ былъ Ингваръ, Романъ, конечно, рассчитывалъ сохранить фактическое влiянiе въ Кievской волости; любопытно, что южно-русскiй (Густинскiй) сводъ прямо называетъ Ингвара намѣстникомъ Романа ⁵⁾. Что Романъ чувствовалъ себя хозя-

¹⁾ Н. И. Костомаровъ въ переходѣ населенiя на сторону Романа видѣтъ проявленiе сознанiя единства Южной Руси и стремленiе южнорусскаго народа къ ея объединенiю, Моногр. I с. 220.

²⁾ См. у Погодина Изслѣдов. VI с. 233—235.

³⁾ И Тверскаго свода (с. 291).

⁴⁾ Никоновск. II с. 34.

⁵⁾ II с. р. л. II с. 328. Соловьевъ (II с. 288) предполагаетъ, что Романъ не слѣлъ въ

номъ въ Киевской землѣ, это, мнѣ кажется, показавъ онъ и походъ на половцевъ, который былъ имъ предпринятъ въ томъ же 1202 г.; походъ былъ удаченъ, были захвачены половецкія вѣжи, много плѣнниковъ возвращено на Русь, „и бысть радость велика в земли Русскій“¹⁾.

Но „Русскую землю“ ждало большое горе. Рюрикъ не могъ похвритъ со своею участью; послѣ удаленія Романа онъ опять соединился съ Ольговичами, привалъ „всю Половецкую землю“, хановъ Кончака и Данила Кобяковича, и напалъ на Киевъ. Городъ былъ взятъ, и побѣдители принялись хозяйничать въ немъ: половцы хватили всѣхъ попавшихся, не разбирая ни пола, ни возраста, сильныхъ забирали въ полонъ, а негодныхъ избивали; церкви, монастыри были безъ пощады ограблены; только иноземные купцы, укрывшіеся въ церквахъ своихъ, по словамъ одной лѣтописи, отдѣлались половиною своихъ товаровъ; такого зла не было отъ крещенія надъ Киевомъ, замѣчаетъ лѣтописецъ²⁾. Исходя изъ послѣдняго замѣчанія, ученые объясняютъ, что это разореніе было тяжелѣе разоренія 1169 г., такъ какъ въ 1203 г. грабили преимущественно половцы и забрали множество плѣнныхъ³⁾; но можетъ быть, лѣтописное замѣчаніе—просто фраза: послѣднее бѣдствіе всегда кажется тяжелѣе всѣхъ предшествую-

Киев потому прежде всего, что Всеволодъ не позволилъ бы ему соединить въ своихъ рукахъ столько волостей; но едва ли Романъ испугался бы этого, если бы захотѣлъ удержать Киевъ за собою. Не могу согласиться и съ мнѣніемъ П. В. Голубовскаго (Ист. Слв. а. с. 169), что Романъ „позволилъ Всеволоду самолично распорядиться киевскими делами, который былъ отданъ самому незначительному князю“; какъ сказано, мнѣстіе передать Всеволодомъ (и то вмѣстѣ съ Романомъ) Ингварю Киева находится лишь въ Суздальск. л. и Тверск. св., и подобныя извѣстія Суздальской лѣтописи не слѣдуетъ принимать буквально (о суздальскомъ лѣтописномъ стилѣ см. напр. у Хрущева ор. с. с. 143 сл.); если бы Всеволодъ самолично распорядился киевскими делами, то, мнѣ кажется, онъ скорѣе отдалъ бы его закону-нибудь князю, нежели близкому къ Роману.

¹⁾ Лавр. с. 396—7, Густ. с. 327—8, Воскр. I с. 107—8, Никои. II с. 34, Тверск. с. 291—2.

²⁾ Лавр. с. 397—398, 1 Новгор. с. 26, Густин. с. 228, Воскр. I с. 107—108, Никои. II с. 34, Тверск. с. 292; но Лавр. и Густин. это событіе совершилось 2 Января 1203 г. (по нашему счету—1204 г.), по Новгор. и Тверск. — 1 Января 1203, Воскр.—2 Января 1202, въ одинъ годъ со вліятіемъ Киева Романомъ, въ Никоиов. подъ 1202, по первое вліятіе стоитъ годъ 1201 (такъ и у Татищева, III с. 383). Мнѣ кажется болѣе вѣроятнѣе, что Рюрикъ напалъ на Киевъ немедленно, а не спустя годъ послѣ своего пораженія (если впрочемъ только Романъ не остался въ Киевѣ послѣ своей побѣды на болѣе продолжительное время).

³⁾ Карамзинъ III с. 66, Иловайскій Истор. Рос. I. 280.

наво стало не надолго. Вскорѣ послѣ примиренія, Рюрикъ и Романъ съ другими князьями предприняли походъ на половцевъ!). Походъ былъ очень удаченъ, захвачено было множество добычи, „и бысть радость велика всѣмъ хрестьяномъ Русской земли“; но кончилось все это самымъ неожиданнымъ образомъ. Вѣроятно возвращаясь съ похода, Романъ съ Рюрикомъ остановились въ Треполѣ и здѣсь завели какіе-то переговоры о волостяхъ: „рядъ положити, кто како терпѣль за Русскую землю“²⁾. Рюрикъ тѣмъ-то досадилъ своему бывшему зятю, Романъ схватилъ его, отправилъ въ Кіевъ и приказалъ его насильно постричь въ монахи³⁾, постричь также жену его и дочь, свою прежнюю жену, которую онъ отослалъ отъ себя раньше, а Рюриковыхъ сыновей Ростислава и Владиміра повезъ съ собою въ Галичь. Въ Кіевѣ, по словамъ Татищева, онъ посадилъ снова Ингвара (Игоря) Ярославича: извѣстіе это довольно вѣроятно⁴⁾. Но Всеволодъ суздальскій вступился за своего зятя, Ростислава Рюриковича, и по его просьбѣ Романъ не только отпустилъ обоихъ Рюриковичей, но и предоставилъ Ростиславу кіевскій столъ⁵⁾.

¹⁾ Извѣстіе это помѣщено въ Лавр. подъ 1206, Густ. и Тверск. — 1204, Воскр. и Никон. — 1203 г., дата Густин. кажется наиболѣе вѣроятною.

²⁾ По Густ. (с. 326) князья поссорились „дѣляще користи“, ср. Тверск. (с. 234). Бѣляевъ (ор. с. с. 278) полагалъ, что Романъ схватилъ Рюрика за то, что тотъ водилъ половцевъ на Русскую землю, но странно было бы вспоминать объ этомъ послѣ сомнѣтельнаго похода на половцевъ.

³⁾ Тверск. (с. 234) и Лѣт. Авраамъ (с. 47) сообщаютъ маленькую подробность: „посла его (Рюрика) съ Вячеславомъ въ Кіевъ, повелѣ его постричь“; въ числѣ бояръ Романа въ Галицко-волинской лѣт. дѣйствительно упоминаются Вячеславъ Володимирскій и Вячеславъ Толстый (Ипат. с. 485, 486).

⁴⁾ Татищевъ III с. 338. Романъ при этомъ пишетъ къ прочимъ князьямъ любовитное письмо, въ которомъ извѣщаетъ, что схватилъ Рюрика за клятвопреступленіе, и предлагаетъ реформировать политическій строй Руси: чтобы великій князь избирался 6-ю главными удѣльными князьями и съ помощью ихъ поддерживалъ порядокъ на Руси; владѣніе удѣловъ должно быть прекращено, и они должны передаваться по исходящей линіи (с. 336—338). Этотъ провозъ принадлежитъ, конечно, XVIII, а не XIII в. (ср. примѣч. 569).

⁵⁾ Лавр. с. 399—400, Густин. с. 328, Воскр. I с. 108—109, Никон. I с. 86, Тверск. с. 234. Въ Суздальской лѣтописи: „Романъ же послуша великого князя, и зятя его пусти, и бысть князь Киевскій, и брата его пусти“. Г. Андрияшевъ (с. 150) полагаетъ, что слова „и бысть князь“ относится къ Роману, что составитель Никон. свода не повѣдалъ этого и отнесъ ихъ къ Ростиславу; но расположеніе словъ („и брата его пусти“) не позволяетъ отнести эти слова къ Роману; явное извѣстіе о покаяненіи Ростислава находится, кромѣ Никон., въ Густин., Воскр. (см. еще с. 234) и Тверск. Г. Андрияшевъ говоритъ еще, что если бы въ Кіевѣ княжилъ Ростиславъ, то Рюрикъ имѣлъ бы полную воз-

Скоро однако прекратилось вліяніе Романа на дѣла Кіевского княжества: лѣтомъ 1205 г. онъ былъ убитъ во время похода на Польшу, оставивъ наследниками по себѣ малолѣтнихъ сыновей отъ новаго брака—Данила и Василька. Не сбылись надежды, возлагавшіяся на него кіевскимъ земствомъ. Благодаря своимъ государственнымъ способностямъ и необыкновенной энергіи, онъ приобрѣлъ большое вліяніе на дѣла Южной Руси и дѣйствительно могъ бы водворить спокойствіе и прочный порядокъ въ Кіевской землѣ. Но вниманіе его привлекалъ новый политическій центръ Юга—Галичъ, а преждевременная смерть помѣшала ему, утвердившись тамъ, прочно привязать къ этому новому центру Кіевскую землю¹⁾.

Лишь только вѣсть объ этомъ дошла до Кіева, Рюрикъ сбросилъ съ себя монашество и вокняжился снова; хотѣлъ разстричь и жену, но та отказалась и приняла схиму. Ольговичи явились не медля къ Кіеву, старшие союзники возобновили союзъ и отправились добывать Галичъ. Походъ былъ неудаченъ: въ Галичъ былъ введенъ венгерскій гарнизонъ, и Ольговичи были отбиты. Въ утѣшеніе они получили отъ Рюрика Бѣлгородъ, отобранный, вѣроятно, отъ какого-нибудь ставленника Романа, и посадили здѣсь Глѣба Святославича. Былъ отобранъ и Вышгородъ у Ярослава Володимерича—на его мѣсто сѣлъ Ростиславъ Рюриковичъ²⁾.

Въ слѣдующемъ году Ольговичи снова предприняли походъ на Галичъ, къ нимъ присоединился Мстиславъ смоленскій съ племянниками, Рюрикъ со своимъ полкомъ и съ берендичами и большой отрядъ половцевъ; одновременно двинулись на Галичъ и поляки. Исходъ

князь сбросилъ съ себя монашество и раньше смерти Романа; но очевидно, Романъ продолжалъ сохранять вліяніе въ Кіевской землѣ и по вокняженіи Ростислава. Татищевъ (III с. 339) весьма правдоподобно замѣчаетъ: „Ярославъ (ошибка вмѣсто Ростиславъ), обложивъ Роману ротомъ, (что) безъ воли его ничего не дѣлать, а на теста своего Всеволода не могли надежды имѣть, жилъ въ Кіевѣ весьма опасно, якобы никакой власти не имѣлъ“.

¹⁾ О Романѣ см. у Карамзина (III с. 68—69), Соловьева (II с. 291—292), Погодина (Др. Рус. Ист. I с. 279) и у г. Жданова: Пѣсни о кн. Романѣ (Ж. М. Н. П. 1890 т. IV. с. 279 сл.); татищевская характеристика Романа въ т. III с. 347—8.

²⁾ Лавр. с. 405, Ипат. с. 480—481 (Густ. с. 329, Воскр. I с. 112, Никон. II с. 50, Тверск. с. 308),

этого похода былъ довольно неожиданный. Дорогу Ольговичамъ загородилъ венгерскій король, призванный галичанами; постоявъ другъ противъ друга, противники отпразднелись во-своихъ. Ольговичи считали кампанію проигранною, какъ вдругъ галичане, боясь оставаться безъ князя (Романовичи ушли изъ Галича) и не дождавшись Ярослава Всеволодича переяславскаго, котораго призвали по совѣту венгерскаго короля, пригласили на столъ Владимира, сына Игоря Святославича, знаменитаго князя Новгорода Сѣверскаго; послѣдній тайкомъ отъ своей братіи отправился въ Галичъ и вокняжился¹⁾. Такой исходъ, конечно, былъ непріятенъ и Всеволоду Святославичу, который, вѣроятно, не для Игоревичей предпринималъ этотъ походъ, и Ростиславичамъ, тоже надѣявшимся, конечно, поживиться отъ галицкаго наслѣдства, но имъ ничего болѣе не оставалось, какъ вернуться во-своихъ. Но ошибшись въ видахъ на Галичъ, Всеволодъ рѣшилъ вознаградить себя на счетъ Рюрика, и снова началась борьба ихъ, совершенно аналогичная съ борьбою Святослава Всеволодича съ Ростиславичами и окончившаяся также въ пользу черниговскаго князя.

На возвратномъ пути изъ-подъ Галича Всеволодъ, „надѣясь на свою силу“ (съ ними были черниговскіе полки и половцы), захватилъ Кіевъ и не пустилъ Рюрика. Обошлось дѣло мирно: Рюрикъ, „видя свое непогодье“, ретировался въ Овручъ, Вышгородъ остался по прежнему за Ростиславомъ, а Бѣлгородъ Всеволодъ уступилъ Мстиславу Романовичу смоленскому; кромѣ Кіева Всеволодъ получалъ еще другіе кіевскіе города (вѣроятно Поросье) и посажалъ здѣсь своихъ посадниковъ. Затѣмъ онъ обратился на Ярослава Всеволодича переяславскаго и придравшись къ тому, что онъ былъ кандидатомъ на галицкій столъ, велѣлъ немедленно очистить Переяславскую волость; не имѣя ни откуда помощи, Ярославъ былъ вынужденъ удалиться, и Всеволодъ посадилъ въ Переяславѣ своего сына. Но осенью того же года Рюрикъ, собравшись съ силами²⁾, выгналъ съ Мстиславомъ Всеволода изъ Кіева, а сына его изъ Переяслава, сѣлъ самъ въ Кіевѣ, а въ Переяславѣ посадилъ сына Владимира. Всеволодъ не медля пригласилъ половцевъ и пошелъ съ братією снова на Кіевъ; Рюрикъ,

¹⁾ Лавр. с. 405—406, Нлат. с. 481 (Густ. с. 329, Воскр. I с. 112—113, Никон. II с. 50—51, Тверск. с. 303).

²⁾ Татищевъ (III с. 351) говоритъ, что онъ собралъ полки подъ предлогомъ похода на Литву.

не рѣшался попытать счастья въ открытомъ бою, затворился въ городѣ; Всеволодъ три недѣли осаждалъ его, но взять не могъ и удалился, опустошивъ окрестности и „многу нужу сотворивъ“ горожанамъ своими половцами ¹⁾. На весну 1208 г. ²⁾ онъ, съ братією и съ половцами, предпринялъ новый походъ; къ нему присоединились еще князья туровскіе и пинскіе, а изъ Галича двинулся Владиміръ Игоревичъ. Ольговичи перебродились у Треполя и осадили этотъ городъ, въ которомъ Рюрикъ посадилъ было Ярослава Владиміровича—какъ видно, этотъ Ярославъ успѣлъ помириться съ нимъ; послѣ трехнедѣльной осады жители сдались, и Всеволодъ направился къ Кіеву; здѣсь присоединился къ нему и Владиміръ Игоревичъ. Рюрикъ, увидавъ, что на него идетъ „рать бесчисленная отвсюду“, и не ождая ни откуда помощи, ушелъ по обыкновенію въ Овручъ, а племянники его засѣли въ пригородахъ: Мстиславъ Романовичъ въ Гѣлгородѣ, а Мстиславъ Мстиславичъ въ Торческѣ. Всеволодъ отправился сначала на Бѣлгородъ, потомъ на Торческъ, оба города сдались, но послѣ упорной защиты. Всеволодъ удовольствовался этимъ и сѣлъ въ Кіевѣ; „много зла створивъ землѣ Рускій“; вслѣдствіе упорнаго сопротивленія завоеваніе затянулось надолго, и волости было очень тяжело выносить пребываніе непріятельскихъ полковъ, особенно половцевъ, „плѣнующихъ, сѣвущихъ и села жгущихъ“. По словамъ Никоновскаго свода, Всеволодъ щедро одарилъ своихъ родичей и половцевъ, „яко трудъ велий сотворита его ради“; за то побѣда была такъ рѣшительна, Ростиславичи были такъ ослаблены, что можно было надѣяться на болѣе прочное господство ³⁾.

Но это усиленіе Ольговичей должно было сильно обезпокоить Всеволода суздальскаго; завладѣвъ кіевскимъ столомъ безъ согласія его, старѣйшаго въ родѣ Ярослава, они тѣмъ самымъ унижали его престижъ, посягали на его права; мало того, Ольговичи дерзнули выгнать Всеволодова сына изъ Переяславля. Всеволодъ рѣшилъ имъ напомнить о себѣ. Официальною, такъ сказать, причиною было выставлено то, что Ольговичи разоряютъ съ погаными землю Русскую,

¹⁾ По Густ. (с. 339) и Тверск. (с. 304) Всеволодъ осаждалъ не Рюрика, а сына его Владиміра въ Переяславлѣ.

²⁾ Въ Лавр. и Тверск. подъ 1207, но датировка событій указываетъ на 1208-й г. (см. Лавр. с. 409 и 411, прии.); въ Густин. и Никои.—1208.

³⁾ Лавр. с. 406—408, Густ. с. 330, Воскр. I с. 118—114, Никои. II с. 51—54, Тверск. с. 303—304.

отчину Всеволода. Въ августѣ 1208 г. Всеволодъ началъ снаряжать походъ: явилось новгородское ополченіе, рязанскіе князья со своими полками; по всей вѣроятности, это была не болѣе, какъ демонстрація по адресу черниговскихъ князей: Всеволодъ былъ слишкомъ остороженъ для того, чтобы вступить съ ними въ открытую борьбу. Однако и демонстрація не состоялась: на дорогѣ двое рязанскихъ князей донесли Всеволоду, что ихъ родичи заключили тайный союзъ съ Ольговичами; Всеволодъ послѣ этого походу свой на Черниговъ отложилъ и занялся распрavoю съ рязанскими князьями. Но Рюрикъ все-таки успѣлъ воспользоваться этимъ движеніемъ суздальскаго князя, которое должно было отвлечь вниманіе и силы Всеволода Святославича, и нечаяннымъ нападеніемъ снова захватилъ Кіевъ¹⁾. Зимой Ольговичи приходили на него, но неудачно, и возвратились во свояси²⁾.

Эта безконечная борьба, какъ видно, надоѣла Ольговичамъ, они рѣшились устроиться болѣе прочно и для того пойти на компромиссы, тѣмъ болѣе, что въ Галичѣ шла смута и усобицы, и оттуда нельзя было ожидать помощи: по нѣкоторымъ извѣстіямъ тамъ одно время вокняжился было даже Ростиславъ Рюриковичъ, только вскорѣ былъ изгнанъ³⁾. Приблизительно осенью 1210 г. Ольговичи завели сношенія со Всеволодомъ суздальскимъ; посредникомъ съ ихъ стороны былъ митрополитъ Матеей, который и ѣздилъ для этого во Владиміръ⁴⁾; по словамъ Суздальской лѣтописи, Ольговичи „просили мира и во всемъ покорались“, но это опять-таки суздальское украшеніе: Ольговичи не имѣли нужды особенно заискивать у суздальскаго князя, тѣмъ болѣе, что въ это время Всеволодъ столкнулся съ Ростиславичами, въ лицѣ Мстислава Мстиславича, который отнялъ у него Новгородъ. Поэтому союзъ съ Ольговичами Всеволоду Юрьевичу

¹⁾ По Никоновск. (II с. 59)—съ помощью половцевъ.

²⁾ Лавр. с. 408, 411, 412, Густин. с. 330, Воскр. I с. 114, 115, 116, Никонов. II с. 54—5, 59, Тверск. с. 304, 307, Татищевъ III с. 353, 363.

³⁾ Это извѣстіе находится въ Никонов. (II с. 60), Воскр. (I с. 116—7), Тверск. (с. 306) и нѣкоторыхъ другихъ позднѣйшихъ сводахъ (см. Арцибашевъ I. 2 пр. 1743). Въ Илат. его лѣтъ и потому оно было заподозрѣно Караплинымъ (III пр. 185), въ позднѣйшее время П. В. Голубовскимъ (Ист. Сѣв. з. с. 174—5); но замѣчанія Соловьева (II пр. 377) въ пользу достоверности этого извѣстія кажутся мнѣ вполне убѣдительными.

⁴⁾ По Татищеву, митрополитъ поѣхалъ туда изъ Кіева подъ предлогомъ, что хотѣлъ хлопотать объ освобожденіи рязанскаго еп. Арсенія (III с. 366).

чу былъ весьма желателенъ. Впрочемъ, для заключенія его Ольговичъ, кажется, все-таки пришлось пожертвовать Переяславлемъ, который послѣ того мы видимъ снова въ распоряженіи суздальскихъ князей¹⁾. За то Всеволодъ, съ своей стороны, обѣщаль имъ, надо полагать, поддержку относительно кievскаго стола, передалъ имъ свое право старѣйшинства. Этотъ новый союзъ былъ скрѣпленъ затѣмъ бракомъ: сынъ Всеволода суздальскаго Юрій женился на дочери Всеволода черниговскаго (въ апрѣлѣ 1211 г.).

Заручившись такимъ образомъ поддержкою суздальскаго князя, Всеволодъ черниговскій совершилъ неслыханную вещь—сѣлъ въ Кіевъ, а Рюрика, какъ старѣйшаго послѣ себя, посадилъ на своемъ мѣстѣ въ Черниговѣ; кievскіе пригороды при этомъ остались за дѣтьми родичами Рюрика, какъ видно изъ послѣдующихъ извѣстій. Произошло это, кажется, уже въ 1211 г., безъ кровопролитія, мирнымъ путемъ²⁾. Это перемѣщеніе Рюрика въ Черниговъ имѣло значеніе окончательной побѣды Ольговичей: они выиграли вполне свою вѣковую тяжбу съ Мономаховичами. Мы видѣли раньше, что послѣдніе не признавали правъ Ольговичей на Кіевъ, считали его своею отчиною, какъ Черниговъ—отчиною Ольговичей, и на Днѣпръ указывали, какъ на предѣлъ владѣній и притязаній³⁾. Перехода на столъ въ Черниговъ, Рюрикъ тѣмъ самымъ отрекся отъ этихъ воззрѣній. Вообще это время—апогей славы Ольговичей; одно время они соединили въ своихъ рукахъ Кіевъ, Переяславль, Волынь и Галичь; конечно, все это могущество было шатко, весь этотъ блескъ—въ значительной степени призраченъ.

Рюрикъ скоро послѣ этого скончался въ Черниговѣ (около 1214 г.), не дождавшись своего возвращенія въ Кіевъ⁴⁾. Личность

¹⁾ П. В. Голубовскій (Ист. Сѣв. з. с. 180) полагаетъ, что Переяславль возвратился въ мѣстѣ лишь послѣ брака Владиміра Всеволодовича на дочери Глѣба Святославича (1215 г.); но Владиміръ женился, уже будучи переяславскимъ княземъ (см. Лавр. л. с. 416, годъ 1213 г.).

²⁾ Лавр. с. 413, Густин. с. 331, Никон. II с. 62, Воскр. I с. 117, Тверск. с. 309; возмѣщеніе Всеволода въ Лавр. и Тверск. находится подъ 1210 г., въ остальныхъ—подъ 1211; въ Лавр. соединены подъ этимъ годомъ событія двухъ годовъ, потому-то годъ считается иномъ. Въ Густин. приписаніе Ольговичей со Всеволодомъ слѣдуетъ уже за возмѣщеніемъ Всеволода въ Кіевъ.

³⁾ Плат. с. 329, 393, 462, Воскр. I с. 32.

⁴⁾ Лавр. с. 416: „преставися Рюрикъ Ростиславичъ, князь Киевскій, князя Черниговъ“: его княженіе въ Черниговѣ такимъ образомъ представляется временнымъ, и онъ

этого князя очень любопытно, такъ какъ онъ въ продолженіи весьма длиннаго періода игралъ важную роль въ исторіи Кіевской земли: въ теченіи 40 почти лѣтъ, съ перерывами, онъ является на кіевскомъ столѣ; еще раньше, со вступленія на кіевскій столъ Ростислава (1159 г.), онъ принимаетъ участіе въ кіевскихъ дѣлахъ въ качествѣ подручника своего отца. Но не смотря на то, что Рюрикъ такъ долго фигурируетъ въ нашихъ источникахъ, его личность рисуется какъ - то неясно, неполно; происходитъ, вѣроятно, это отъ того, что и самый характеръ его не былъ отмѣченъ рѣзкими, определенными чертами. Любопытно, что это первый князь за весь удѣльно-вѣчевой періодъ, который свилъ себѣ гнѣздо въ Древланской землѣ. Между тѣмъ какъ другіе князья стремятся въ землю полянъ, Рюрика сильно интересуесть Овручъ: сюда почасту уѣзжаетъ онъ изъ „Руской земли“, здѣсь у него свои интересы, „свои орудія.“ Уже сдѣлавшись кіевскимъ княземъ, во время своей борьбы съ Романомъ, Рюрикъ подвергаетъ Кіевъ разоренію (участвовалъ онъ и въ первомъ погромѣ—1169 г.), легко оставляетъ его—и всякій разъ удаляется въ Овручъ и тамъ отсиживается. Это земскій князь Древланской земли, но уже, думаю, въ смыслѣ территоріальномъ, географическомъ, а не этнографическомъ: этнографическая рознь, особенность успѣли отойти въ область преданій.

Такимъ образомъ, по смерти Рюрика, Всеволодъ Чернигій черниговскій остался безъ соперниковъ; еще раньше (въ 1212 г.) скончался Всеволодъ суздальскій, и Южная Русь уже не чувствовала надъ собою его недремлющаго ока; его сыновья подняли междоусобную борьбу и не могли болѣе поддерживать суздальскаго престижа.

продолжаетъ считаться собственно княземъ кіевскимъ; также Воск. I с. 119, Никон. II с. 69; Тверск. с. 315 (здѣсь ошибка: Ростиславъ вмѣсто Рюрикъ Ростиславича); во всякомъ случаѣ смерть Рюрика отнесена къ 1215 г., но какъ заглавъ уже Карамзинъ (III пр. 123), его не было въ живыхъ во время похода Мстислава на Кіевъ (лѣтомъ 1214 г.); въ Густ. л. смерть его отнесена къ 1218 г. (с. 334), у Татищева къ 1211 г. (съ точною датой—19 апрѣля), при чемъ Рюрикъ умираетъ въ Кіевѣ (III с. 269, тутъ же и характеристика его), но Рюрикъ Ольговичъ, который подъ слѣдующимъ годомъ (с. 371) принимаетъ у себя въ Черниговѣ дочь Всеволода черниговскаго на пути ея во Владиміръ, есть, вѣроятно, нашъ Рюрикъ Ростиславичъ; очевидно, Татищевъ наметъ это князство въ какой-то неопределенный топикъ.

Всѣмъ этимъ Всеволодъ Чермный задумалъ воспользоваться для своего усиленія, но крайне неудачно. Незадолго предъ тѣмъ Игоревичи въ Галичѣ потерпѣли полное пораженіе: своими рѣзкими мѣрами они возбудили галицкое боярство, которое призвало въ Галичъ Данила и съ помощью венгровъ, поляковъ и волынскихъ Мстиславичей одержало надъ ними рѣшительную побѣду; трое князей Игоревичей было захвачено въ плѣнъ, и озлобленные бояре добились ихъ казни: всѣ трое были повѣшены. Придравшись къ участию въ этомъ дѣлѣ Мстиславичей, Всеволодъ въ 1214 г. повыгонялъ дѣтей и племянниковъ Рюрика, сидѣвшихъ въ кievскихъ пригородахъ: „брата моя есте повѣсили вы въ Галици, яко злодѣя, и положили есте укоръ на всѣхъ; и нѣту вамъ части въ Русьской землѣ,“ объявилъ онъ имъ¹⁾.

Но Ростиславичи нашли себѣ защитниковъ. Мстиславъ Мстиславичъ, сидѣвшій тогда въ Новгородѣ и обратившій на себя всеобщее вниманіе своими подвигами, Мстиславъ Романовичъ смоленскій съ другими Ростиславичами и съ ополченіями новгородцевъ и смолянъ пошлѣ добывать отъ Ольговичей свою отчину. Опустошивъ на пути Черниговскую волость, они пришли къ Вышгороду, гдѣ затворились черниговскіе князья, сюда же подошелъ и Ингваръ Ярославичъ, и всѣ вмѣстѣ занялись осадю: Ольговичи оборонились упорно, но вышгородцы передались на сторону Ростиславичей и отворили имъ городскіе ворота²⁾. Послѣ этого князья быстро двинулись къ Киеву, Всеволодъ не рѣшился отсиживаться и бѣжалъ въ Черниговъ; много народу при этомъ перетонуло въ Днѣпрѣ. Киевское населеніе вышло навстрѣчу и съ почетомъ приняло побѣдителей. Затѣмъ князья отправились на Черниговъ, Всеволодъ Чермный умеръ въ это время, и въ Черниговѣ засѣлъ уже братъ его Глѣбъ Святославичъ; Ростиславичи постояли, опустошили окрестности, но города взять не могли и возвратились. Послѣ совѣщаній на кievскій столъ сначала былъ посаженъ Ингваръ Ярославичъ; какъ мы видѣли, онъ раньше уже занималъ кievскій столъ,—быть можетъ, и къ Ростиславичамъ онъ присоединился подъ тѣмъ условіемъ, что ему отдадутъ Киевъ: вспомяни, что такъ поступилъ и отецъ его въ 1174 г. подъ Вышгородомъ. Мстиславъ Романовичъ сѣлъ было въ Вышгородѣ. Затѣмъ,

¹⁾ 1 Новгород. с. 82, Никои. II с. 66—67, Густ. с. 333, Тверск. с. 318.

²⁾ Никои. II с. 67: „Глѣ бо и крѣпосту сотвориша надъ князи своими“.

въ силу какихъ-то комбинацій, намъ неизвѣстныхъ, Ингварь сошелъ съ кievскаго стола, и на немъ былъ посаженъ Мстиславъ¹⁾. Вѣроятно, и другіе Ростиславичи получили надѣлы въ Киевской землѣ, хотя на это нѣтъ прямыхъ указаній; тогда, должно быть, и Мстиславъ Мстиславичъ получилъ Торческій удѣлъ, который мы видимъ за нимъ позже. Владиміръ Рюриковичъ сѣлъ въ Смоленской волости²⁾. Такимъ образомъ Киевская волость объединилась въ рукахъ Ростиславичей и на этотъ разъ довольно прочно; подѣйствовало ли поражение, нанесенное ими Ольговичамъ, или какія-либо иныя были тому причины, но традиціонное соперничество Ольговичей съ Мономаховичами приподкается, Ольговичи принимаютъ даже участіе въ общихъ предпріятіяхъ Ростиславичей. Что до новаго кievскаго князя Мстислава Романовича, то онъ, кажется, не отличался ни выдающимися талантами, ни энергіей, по крайней мѣрѣ ни въ чемъ особенно не обнаружилъ ихъ, но пользовался доброю славой: суздальскій лѣтописецъ называетъ его „старымъ добрымъ княземъ“³⁾. Среди Ростиславичей первенствовалъ младшій изъ внуковъ Ростислава—Мстиславъ Мстиславичъ; благодаря своей славѣ, рыцарскому характеру и военнымъ талантамъ, онъ пользовался большимъ уваженіемъ не только въ своемъ племени, но и вообще среди южнорусскихъ князей.

Послѣ того какъ Кіевъ былъ отнятъ у Ольговичей, Мстиславъ Мстиславичъ возвратился въ свой Новгородъ, но не прервалъ связи

¹⁾ 1 Новгор. с. 32, Воскр. I с. 118, Никонов. II с. 87, Густин. с. 333, Тверск. с. 314—5, Татищевъ III с. 378—381. Обмолочено въ изложеніи этого эпизода слѣдуютъ Новгор. лѣтописи, въ которой главнымъ героемъ всего этого дѣла является Мстиславъ Мстиславичъ (съ нею сходенъ и рассказъ Густинск. свода, а Тверск.—тождественъ) см. Карамзинъ III с. 91, Соловьева II с. 324, Иловайскаго I с. 261—2 и друг. Не отрицая талантовъ Мстислава, замѣчу, что авторъ новгородскихъ извѣстій, очевидно, находился подъ вліяніемъ новгородскаго патриотизма и расположенъ къ Мстиславу Мстиславичу: онъ не упоминаетъ объ участіи смолянъ въ осадѣ Вышгорода, объ Ингварѣ Ярославичѣ, у него дѣйствуютъ „Мстиславъ (новгородскій) съ братьемъ и Новгородци“, между тѣмъ въ Воскр. на первомъ мѣстѣ стоитъ Мстиславъ Романовичъ, какъ старшій. Воскр. л. подробно излагаетъ кievскія событія, и эти подробности заслуживаютъ полнаго довѣрія. Дѣло въ томъ, что въ числѣ участниковъ похода не упоминается Ростиславъ Рюриковичъ: можетъ быть, и его, какъ и Рюрика не было уже въ живыхъ; впрочемъ въ Никонов. (II с. 81), Воскр. (I с. 125), и Тверск. (с. 327) его смерть повѣщена годъ 1218 г.; по Татищеву (III с. 417) онъ умеръ въ Туронѣ.

²⁾ 1 Новгор. с. 84.

³⁾ Лавр. с. 424.

съ Южною Русью: онъ прїѣзжалъ въ Кіевъ въ слѣдующемъ (1215) и въ 1217 году, послѣ своего знаменитаго похода въ Суздальскую волость и Липицкой битвы¹⁾: по извѣстіямъ позднѣйшихъ сводовъ, онъ велъ въ это время переговоры съ венгерскимъ королемъ изъ-за Галича. Дѣло въ томъ, что не смотря на свою славу, Мстиславъ ниважъ не могъ сладить съ суздальскою партією, и положеніе его въ Новгородѣ было не особенно прочно. Поэтому онъ съ удовольствіемъ принялъ приглашеніе польскаго князя Лешка, поссорившагося съ венгерскимъ королемъ,—занять галиціей столъ, и распрощался съ Новгородомъ; на новгородскомъ столѣ послѣ него сидѣлъ сначала старшій сынъ Мстислава кіевскаго—Святославъ, потомъ его меньшій братъ—Всеволодъ²⁾.

Извѣстія о борьбѣ Мстислава за Галичъ доволно разнорѣчивы³⁾, для насъ они важны, поскольку касаются Кіева, о которомъ мы за это время имѣемъ вообще очень мало извѣстій.

Въ 1219 г., по словамъ Новгородской лѣтописи, ходили на Галичъ Мстиславъ Мстиславичъ и Владиміръ Рюриковичъ—изъ Кіева; Мстиславъ выгналъ угровъ и сѣлъ въ Галичѣ, а Владиміръ въ Кіе-

¹⁾ 1 Новгород. с. 32 и 35. Въ сказаніяхъ о Липицкой битвѣ есть между прочимъ одно мѣсто, относящееся къ Кіеву: Юрій и Ярославъ Всеволодичи, утѣреніе въ побѣдѣ, заранѣе водили между собою прочія русскія волости: „Юрью Всеволодичю Володиміеръ и Ростовъ, а Новгородъ князю Ярославу Всеволодичю, а Смоленскъ князю Святославу Всеволодичю, а съ Кіева военныя дань и князя въ мѣстѣ посадилъ нѣтъ своихъ ружъ, а съ Галича также дань возиеть“—Псков. II с. 72; въ Софійск. (I с. 223): „а Князь дай Черниговскіи князю, а Галичъ князю же“ (Арцибашевъ I. 2 пр. 1859 болѣе вѣроятнымъ считаетъ „князю же“). Это извѣстіе принималось историками (Карамзинъ III с. 95, Арцибашевъ I. 2 с. 294, Соловьевъ II с. 330), и Соловьевъ видѣлъ здѣсь выраженіе презрѣнія къ Кіеву сѣверныхъ князей. Конечно, еще вопросъ, почему бы сѣверные князья не хотѣли брать Кіева: потому ли, что пренебрегали, или потому, что не надѣялись удержать за собою; но во всякомъ случаѣ эта подробность содержится лишь въ нѣкоторыхъ сводахъ (я не нашелъ ея и у Татищева), и весьма вѣроятно, есть позднѣйшее украшеніе, какикъ много въ этомъ сказаніи; дѣлаетъ добычи заранѣе—общее мѣсто подобныхъ разсказовъ.

²⁾ 1 Новгород. с. 36—37.

³⁾ Въ Ипат. л. годъ 1212, 1213, 1219 г., 1 Новгород.—1219, Лавр.—1221, Густ.—1216 и 1218, Нивон.—1218, 1219, 1221, Воскр.—1219, 1220, 1221, Тверск.—1219, 1221, 1222; въ послѣднихъ трехъ говорится о трехъ походахъ на Галичъ, въ Ипат. и Густ.—о двухъ, Лавр. и Новгород. знаютъ лишь одинъ; объ этомъ разногласіи см. у Карамзина (III пр. 150) и Н. П. Дашкевича—Данилъ Галицкій с. 9—10). По извѣстіямъ позднѣйшихъ сводовъ Мстиславъ еще ранѣе велъ сношенія съ угорскимъ королемъ относительно Галича (Псков. II с. 67—8, Воскр. I с. 119, ср. Татищевъ III с. 382); но Длугошу онъ владѣлъ Галичемъ еще до Коломана (I. VI р. 604).

въ¹⁾. Однако при описаніи слѣдующаго похода, подъ 1220 г., киевнѣ княземъ является по прежнему Мстиславъ Романовичъ. Можно допустить, что между Владиміромъ и Мстиславомъ Романовичемъ произошла временная мѣна столовъ; возможно и то, что новгородскій лѣтописецъ просто ошибся: Владиміръ, наприимѣръ, могъ имѣть какой-нибудь удѣлъ въ Киевской землѣ и туда уйти изъ Галича, а лѣтописецъ смѣшалъ это съ киевскимъ столомъ²⁾.

Мстиславъ не долго усидѣлъ въ Галичѣ: Лешчо примирился съ венгерскимъ королемъ, и оба соединенными усиліями принялись выгонять Мстислава; этотъ послѣдній собралъ всѣхъ князей „Рускихъ и Черниговьскихъ“³⁾, но почему-то не рѣшился вступить въ борьбу со врагами и отступилъ безъ боя⁴⁾. Онъ обратился за помощью къ половцамъ и получилъ ее (ханъ Котянъ приходился ему тестемъ, и Мстиславъ поддерживалъ съ половцами дружескія связи); предпринятый затѣмъ походъ, въ которомъ участвовалъ и Мстиславъ киевскій съ другими князьями, по извѣстіямъ позднѣйшихъ сводовъ, былъ неудаченъ: королевичъ затворился въ Галичѣ, русскіе князья опустошили окрестности его и съ тѣмъ возвратились⁵⁾. Другой походъ за то увѣнчался успѣхомъ; по весьма вѣроятнымъ извѣстіямъ Длугоша⁶⁾, кромѣ Мстислава Мстиславича въ этотъ разъ на Галичъ ходили еще: Владиміръ Рюриковичъ, Ростиславъ Давыдовичъ, Ростиславъ Мстиславичъ, сынъ Мстислава киевскаго⁷⁾, и половцы; Татищевъ прибавляетъ еще Мстислава киевскаго, Мстислава Святославича черниговскаго и нѣкоторыхъ другихъ князей⁸⁾. Войско венгровъ и ляховъ

¹⁾ Ипат. с. 489, 1 Новгород. с. 37, Воскр. I с. 126, Никои. II с. 82, Тверск. с. 329; у Длугоша (р. 602) и Стрийковскаго (I р. 223) Владиміръ еще до галицкихъ походовъ называется княземъ киевскимъ, хотя находится въ Смоленскѣ; въ Тверск. извѣстіе о княженіи Владиміра въ Киевѣ отнесено къ третьему походу (подъ 1223 г.).

²⁾ Впрочемъ въ это время у новгородцевъ сидѣлъ сынъ Мстислава Романовича, и они, повидимому, должны бы имѣть о судьбѣ киевскаго стола болѣе точныя свѣдѣнія.

³⁾ Ипат. л. с. 490.

⁴⁾ Ипат. с. 489—491, Густ. с. 334; Никои. II с. 82, Воскр. I с. 126, Тверск. с. 329.

⁵⁾ Воскр. I с. 126, Никои. II с. 85, 86, Тверск. с. 332, Татищевъ III с. 422.

⁶⁾ Длугошъ въ этомъ разсказѣ, несомнѣнно, пользовался какою-то недолетшею до насъ русскою лѣтописью; это призналъ еще Карамзинъ (III пр. 193).

⁷⁾ Густ. с. 334, ср. Погодина Наслѣд. VI с. 362.

⁸⁾ Татищевъ III с. 425; по его словамъ Владиміръ Рюриковичъ пришелъ изъ Овруча; походу предшествовалъ княжескій съѣздъ въ Киевѣ, созванный Мстиславомъ киевскимъ.

потерпѣло сильнѣйшее поражение, вслѣдъ затѣмъ королевичъ Коломанъ былъ осажденъ въ Галичѣ и принужденъ сдаться. Мстиславъ Мстиславичъ отправилъ его въ Торческъ, и тамъ этотъ любопытный плѣнникъ пробылъ по нѣкоторымъ извѣстіямъ цѣлый годъ, пока Мстиславъ, подъ влияніемъ венгерской партіи въ Галичѣ, не примирился съ королемъ венгерскимъ ¹⁾).

Въ вассальныхъ событіяхъ ясно выступаетъ значительная солидарность Ростиславичей и влияніе, которымъ пользовался среди нихъ Мстиславъ Мстиславичъ; они усердно поддерживаютъ его въ борьбѣ за галицкій столъ, хотя на какія-либо вознагражденія съ его стороны, въ видѣ раздачи удѣловъ или чего-нибудь подобнаго, источники не даютъ никакихъ указаній. Эта солидарность Ростиславичей и влияніе Мстислава были главными причинами, обеспечивавшими за ними обладаніе Киевомъ.

Спустя три года послѣ этихъ событій произошло первое вторженіе монголовъ въ Европу. Какъ извѣстно, первый ударъ обрушился на половцевъ, которые были разбиты и обратились за помощью къ русскимъ; ханъ Котиянъ подарками и просьбами склонилъ русскихъ князей къ содѣйствію. Въ Киевѣ собрались князья на съѣздъ—Мстиславъ Романовичъ, Мстиславъ Мстиславичъ, Мстиславъ Святославичъ черниговскій и другіе, младшіе князья. Мстиславъ Мстиславичъ усердно совѣтовалъ поддержать половцевъ: не забудемъ, что онъ состоялъ въ родствѣ съ Котаномъ и пользовался услугами половцевъ во время борьбы за Галичъ. Онъ доказывалъ, что если половцы не получатъ помощи, то передадутся на сторону татаръ и тѣмъ увеличатъ ихъ силы. Авторитетъ его подѣйствовалъ, и князья снарядили походъ. Помощь ближайшимъ и слабѣйшимъ кочевникамъ противъ сильнѣйшихъ было, пожалуй, благоразумно, но князья уже слишкомъ поусердствовали: предложенія мира со стороны татаръ были отвергнуты, и

¹⁾ Лавр. с. 423 (Воскр. I с. 128, Никои. II с. 87 подъ 1221 г., Творск. с. 333—4)— кратке; Густ. с. 384—но польскими источникамъ; Длугошъ I. VI. р. 605—609; Татищевъ III с. 424—428 и нр. 609; Стрѣльцовскій I с. 225—228: здѣсь подробность о коронаціи Мстислава, повзвѣвшая затѣмъ и въ Синонсіяхъ (с. 84 изд. 1823 г.) „вѣнчанъ битье отъ свѣтловыхъ вѣнцевъ царскимъ, егоже отбѣже Коломанъ, и оглашенъ бѣ царъ и вселъ Россіа самодержецъ“. Длугошъ рассказываетъ, что послѣ побѣды Мстиславъ Мстиславичъ отправился въ гости въ Киевъ къ Мстиславу Романовичу и тутъ провелъ много дней in solatiis et voluntate.

послы ихъ избиты. У Хортицы соединились ополченіе земель—Кіевской, Волынской, Галицкой и отсюда отправились въ степь. Я не буду останавливаться на подробностяхъ этого похода, какъ извѣстно, русскіе углубились слишкомъ далеко въ степь; между тѣмъ у старшихъ князей произошла изъ-за чего-то „вотора велика“, и они, несмотря на большія силы, понесли сильнѣйшее пораженіе (31 мая 1223 года). Мстиславъ кіевскій, устроивъ таборъ изъ повозокъ на возвышенномъ берегу Калки, три дня отбивался отъ татаръ, но напослѣдокъ сдался, повѣривъ клятвѣ бродниковъ, которые выступаютъ здѣсь въ качествѣ татарскихъ союзниковъ. Вмѣстѣ съ другими князьями онъ былъ раздавленъ, а прочіе люди были извѣчены: „глаголють бо тако, замѣчаетъ суздальскій лѣтописецъ, яко Князь однихъ изгубло на полку томъ 10 тысячъ“. Такого страшнаго пораженія Русь не помнила: по свидѣтельству лѣтописей, едва десятая часть войска возвратилась. Союзники-половцы не отставали отъ татаръ и во время отступленія избивали русскихъ изъ-за одежды или коня. „И бысть плачь и туга в Руси и по всей земли слышавшимъ сию бѣду“. Вслѣдъ за русскими татары отправились въ глубь страны и прошли до Днѣпра (до Новгорода Святополческаго), но затѣмъ повернули обратно¹⁾.

Калкское побойще не повліяло на политическія отношенія въ Южной Руси; татары также таинственно исчезли, какъ и явились, и жизнь вернулась въ свою колею. Въ Кіевѣ на мѣсто убитаго Мстислава Романовича вокняжился Владиміръ Рюрикovichъ; его мѣсто въ Смоленскѣ занялъ Мстиславъ Давыдовичъ. Старый Котлякъ съ половцами по прежнему фигурируетъ при княжескихъ столкновеніяхъ.

Подобно своему предмѣстнику, Владиміръ не игралъ видной политической роли. По прежнему средоточіемъ политики южнорусскихъ князей служить Галичь, изъ-за котораго соперничаютъ волынскіе и черниговскіе князья, венгры и поляки; кіевскій князь игралъ лишь второстепенную роль въ этой борьбѣ. Подобно Роману Мстиславичу, Владиміръ сохранялъ солидарность съ Мстиславомъ Мстиславичемъ; когда послѣдній разошелся съ Даниломъ Романовичемъ и сталъ собирать противъ него силы, въ числѣ его союзниковъ мы видимъ и Владиміра кіевского²⁾. Мсти-

¹⁾ Ипат. с. 495—497, Лавр. с. 428—424, 1 Новгор. с. 39—41. О редакціяхъ этого сказанія см. у Вестужева-Рюмина, О составѣ рус. лѣтоп. с. 154, Срезневскаго Древніе памятн. письма и языка с. 48—9.

²⁾ Ипат. с. 496.

славъ въ это время хотя и утвердился въ Галичѣ, игралъ малую роль среди интригъ различныхъ партій; это положеніе тяготило его и онъ наконецъ, по совѣту венгерской партіи, отказался отъ Галича въ пользу своего зятя, венгерскаго королевича Андрея, оставилъ за собою только Понизье и удалился въ свой Торческъ. Въ этомъ положеніи онъ и скончался въ 1228 г., на пути въ Кіевъ, принявъ предъ копчиною постриженіе въ схиму, и былъ похороненъ въ Кіевѣ, въ созданной имъ церкви св. Креста. Предъ смертію онъ раскаялся въ уступкѣ венграмъ Галича, хотѣлъ добыть его для Данила, но смерть помѣшала этимъ планамъ ¹⁾.

Съ Даниломъ Владиміръ на первыхъ порахъ столкнулся: поблизъ его Ростиславъ, князь пинскій, съ которымъ Данилъ враждовалъ изъ-за захвата волостей (Черторыйска). Ростиславъ приходился родичемъ Владиміру; онъ напугалъ его честолюбивыми планами Данила, напомнилъ старую обиду—постриженіе Рюрика отцемъ Данила; Владиміръ поддался этому вліанію, и „бѣ ему велика боязнь во сердци его“. Онъ поднялъ противъ Данила также Михаила Всеволодовича, новаго князя черниговскаго, пригласилъ Котана со всѣми воеводами и вмѣстѣ съ туровскими и пинскими князьями отправился на волость Данила. Эта коалиція вошла въ сношенія съ королевичемъ и венгерскою партією въ Галичѣ и такимъ образомъ представляла для Данила несомнѣнную опасность. Послѣдній обратился за помощью къ полякамъ, одновременно вошелъ въ переговоры съ Котаномъ и склонилъ его на свою сторону: вмѣсто того, чтобы присоединиться къ Владиміру, тотъ принялся опустошать Галицкую землю; военныя дѣйствія союзниковъ, начавшіяся осадю Каменца (на Случи), были тоже неудачны, и имъ пришлось отправиться во-своаки. Между тѣмъ къ Данилу подоспѣли польскія подкрѣпленія, и онъ направился къ Бѣву; такого оборота Владиміръ и Михайлъ не ожидали; они выслали пословъ на встрѣчу и просили мира. Данилъ согласился и вернулся ²⁾.

¹⁾ Ипат. с. 500—501, 502 (смерть подъ 1226 г.), Лавр. с. 428 (подъ 1228, то же и въ сводахъ), Воскр. I с. 184, Густ. с. 336, Твер. с. 347, Никои. II, с. 94; Длугошъ с. VI, р. 623.

²⁾ Ипат. с. 502—503. Время похода опредѣляется приблизительно смертію Мстислава (1228) в бракѣ Всеволода Юрьевича (апрѣль 1230 г.—см. Ипат. с. 505, Лавр. с. 481); ср. Даниелча Данилъ Галицкій с. 56. Проф. Малышевскій высказалъ предположеніе, что этимъ походомъ вспомогательнаго отряда поляковъ на Кіевъ воспользовались доми-

Это происходило около 1229 года. Всюду въ отношеніяхъ происходить переѣна: Владиміръ сближается съ Данииломъ, вступаетъ съ нимъ въ тѣсный союзъ; причиною этого была переѣна въ его отношеніяхъ къ Ольговичамъ. Первоначально Владиміръ дружилъ съ черниговскимъ княземъ. Новый черниговскій князь Михаилъ Всеволодичъ (прежній—Мстиславъ Святославичъ погибъ въ битвѣ на Калкѣ) занялъ этотъ столъ помимо своего дяди—Олега Игоревича курскаго и долженъ былъ выдержать борьбу съ нимъ. Понятно, что ему тогда было не до притязаній на Кіевъ, напротивъ, приходилось заискивать поддержки у кіевского князя. Владиміръ принялъ сторону Михаила и посмалъ митрополита Кирилла мирить соперниковъ¹⁾. Благодаря поддержкѣ его и князя Юрія Всеволодовича (владимірскаго), Михаилъ удержалъ за собою черниговскій столъ, но онъ приобрѣлъ себѣ въ это время другаго соперника и врага—въ лицѣ Ярослава Всеволодовича, князя Переяслава Залѣскаго: съ нимъ Михаилъ столкнулся изъ-за Новгорода. Владиміръ и на этотъ разъ выступилъ въ качествѣ посредника: онъ посмалъ снова митрополита, съ игуменомъ Спаса на Берестовѣ Петромъ Аверовичемъ и со своимъ стольникомъ Юріемъ, во Владиміръ къ Юрію, который съ нимъ не задолго передъ тѣмъ породнился, и хлопоталъ о примиреніи Ярослава съ Михаиломъ. Суздальско-черниговскія отношенія были, вѣроятно, причиною и того княжескаго сѣзда, о которомъ упоминаетъ случайно суздальскій лѣтописецъ; рассказывая о посвященіи епископа Кирилла, онъ говоритъ, что въ то время въ Кіевѣ собрались князья „на соньѣ“—Михаилъ черниговскій съ сыномъ Ростиславомъ и младшіе Ростиславичи²⁾. Съ своей стороны, Михаилъ платилъ Владиміру за поддержку помощью во время его столкновенія съ Данииломъ, какъ упомянуто выше.

Однако весьма скоро послѣ описанныхъ событій Михаилъ переѣняетъ свои отношенія; обезпечивъ себя съ тылу, со стороны своихъ

киязи, чтобы проникнуть въ этотъ городъ; въ Кіевѣ они, по данинѣ источникова, являются въ 80-хъ годахъ XIII в. (Яковъ Одровонкъ—Труды Кіев. Дух. Акад. 1867, кн. VI, с. 481); Н. П. Дашковичъ—Первая унія Ю.-З. Руси (Унив. Изв. 1884, VIII с. 141) высказывается противъ предположенія проф. Маллшевскаго.

¹⁾ Давр. с. 426 (1226 г.), Воскр. I с. 183 (Никон. II с. 98, Тверск. с. 346).

²⁾ Давр. 438, 434 (Воскр. I с. 187, Никон. II с. 100, 101, Тверск. с. 355).

родичей и суздальских князей, онъ возобновляетъ традиціонное стремленіе своего рода на западъ—вѣковыя претензіи на Кіевъ и болѣе новыя притязанія на Галичъ. Мы не знаемъ, какъ и когда именно произошелъ разрывъ между Михаиломъ и Владиміромъ, приблизительно около 1232—3 г. отношенія ихъ обострились уже, и Михаилъ собрался идти на Кіевъ. Владиміръ обратился къ Данилу, тотъ пріѣхалъ въ Кіевъ и своимъ вмѣшательствомъ предотвратилъ столкновеніе. Съ Владиміромъ онъ заключилъ союзъ и получилъ отъ него Торческъ, выморочный удѣлъ Мстислава Мстиславича; этотъ городъ онъ передалъ затѣмъ въ управленіе дѣтямъ Мстислава, „за отца ихъ добродѣяніе“¹⁾. Съ этихъ поръ между Даниломъ и Владиміромъ завязываются оживленные и близкія отношенія.

Въ это время Галичемъ владѣли угры и пытались лишить Данила и волынскихъ владѣній. Готовя отпоръ имъ, Данилъ снова поѣхалъ въ Кіевъ, къ своему новому союзнику за помощью; призванъ былъ ханъ Котязъ съ половцами, присоединился къ Данилу и загадочный Ізяславъ, который съ этихъ поръ начинаетъ играть роль въ кіевскихъ событіяхъ; вѣроятно, это былъ сынъ Мстислава Романовича²⁾.

¹⁾ Ипат. с. 511 (Густ. с. 337). Въ Ипат. глг. эти извѣстія помѣщены подъ 1231 г., что неіспрѣчно: въ это время, по сѣвернымъ источникамъ, Владиміръ княжилъ Михаиломъ съ Ярославомъ; подъ 1229 г. въ Ипат. помѣщены событія 1230 г. (см. Ипат. с. 506, Лавр. с. 431 — свадьба Всеволода Юрьевича), такъ и относительно событій съ 1231 г. можно тоже прибавить годъ или два съ нѣкоторою вѣроятностью. Въ Густинск. событія этого года отнесены къ 1234 г., но она вообще спѣшитъ въ этой части—сравни напр. Густинск. 1233 и 1 Новгород. 1232 г.

²⁾ Происхожденіе этого князя спорное; въ лѣтописныхъ сводахъ онъ единогласно называется Мстиславичемъ: въ Воскр. (I с. 188), Ник. (II с. 104) и Тверск. с. 364—Ізяславъ Мстиславичъ, внукъ Романа Ростиславича, въ Новгородской четвертой (с. 30), Соф. (I с. 104) и Анад. (с. 486)—просто Ізяславъ Мстиславичъ; въ Анад. поправка „Владимировичъ“, о которой упоминаетъ П. В. Голубовскій, принадлежит издателямъ; въ Густ. (с. 337)—Ізяславъ Мстиславичъ Храбрый, у Татищева (III с. 468)—Ізяславъ Мстиславичъ Смоленскій. Но уже Карамзинъ (III с. 162 и пр. 347) полагаетъ, что то былъ сынъ Владиміра Игоревича, княжившаго одно время въ Галичѣ, у котораго былъ дѣйствительно сынъ Ізяславъ; въ подтвержденіе онъ ссылается на то мѣсто Ипат. (с. 516), гдѣ Михаилъ и Ізяславъ называютъ болоховскихъ князей своимъ братіемъ, и замѣчаетъ: „сгдѣственно они были одного рода“; это обстоятельство находятъ всѣми и Соловьевъ (III пр. 268), который впрочемъ относительно этого вопроса не высказалъ опредѣленнаго мнѣнія (ср. III с. 134); но весьма возможно, что слово „братія“, какъ полагаетъ Н. П. Дашкевичъ (Болоховская земля с. 96), употреблено здѣсь не въ собственномъ значеніи. Мнѣніе Карамзина принято Арцибашевымъ (I. 2 пр. 2188, 2212, 2216), Полемымъ (III с. 336), По-

Князья дали взаимную присягу другъ другу и затѣмъ всѣ отправились противъ угровъ; клятва не помѣшала Изяславу немедленно затѣмъ измѣнить и заняться опустошеніемъ волости Данила. Даниль съ союзниками встрѣтили угровъ у Перемиля и заставили ихъ отступить. Послѣ этого Владиміръ возвратился въ Кіевъ, а Даниль пошелъ слѣдомъ за уграми къ Галичу и осадилъ этотъ городъ ¹⁾.

Вскорѣ послѣ этого скончался угорскій королевичъ (1234 г. ²⁾), Даниль овладѣлъ Галичемъ, но боярство выставило ему противника въ лицѣ Михаила черниговскаго. Одновременно Михаилъ не оставилъ и своихъ притязаній на Кіевъ. Общій интересъ заставлялъ Владимира еще тѣснѣе сблизиться съ Даниломъ, онъ посылалъ своего сына Ростислава къ нему и „прия с нимъ братство и любовь велику“. Какъ нуждался Владиміръ въ поддержкѣ Данила и дорожилъ дружескими отношеніями къ нему, можетъ до нѣкоторой степени показать слѣдующій эпизодъ: предъ тѣмъ Даниль столкнулся еще разъ съ кн. Александромъ белзскимъ, затемъ Владимира; потерпѣвъ опять неудачу въ своихъ расчетахъ, Александръ пустился бѣжать въ Кіевъ къ своему тестю, но былъ схваченъ Даниломъ на дорогѣ („в лузѣ Хоморьскомъ“), и Владиміръ не вступился за своего зятя ³⁾. Приходилось думать о себѣ. Михаилъ вмѣстѣ съ Изяславомъ начали открытую борьбу съ Владиміромъ и въ самомъ концѣ 1234 года ⁴⁾ приступили къ Кіеву. У Владимира былъ вспомогательный отрядъ, оставленный Даниломъ, но этого было недостаточно, и онъ просилъ его самого притти на помощь. Даниль, „вѣдавъ его любовь“, собралъ

годинникъ (Исклѣд. VI с. 284—но въ т. IV с. 357 онъ считаетъ его Мстиславичемъ, знукомъ Романа), подробнѣе развито П. В. Голубовскимъ (Ист. Сѣв. з. с. 168). Доводы этого ученаго однако кажутся мнѣ тоже не настолько сильными, чтобы можно было компрометовать изъ-за нихъ свидѣтельство лѣтописей; тожество нашего Изяслава и Изяслава новгородскаго, Данилова союзника (Ипат. с. 517), которое предполагаетъ П. В. Голубовскій, для меня тоже не убѣдительно. Важнѣе мнѣ кажется то обстоятельство, что Изяславъ претендуетъ не на Галичъ, какъ естественно было ожидать, принимая его за Владиміровича, такъ какъ тамъ княжилъ его отецъ, а на Кіевъ, гдѣ сидѣлъ Мстиславъ Романовичъ, и не княжилъ никогда Владиміръ Игоревичъ.

¹⁾ Ипат. с. 518—4 (Густин. с. 387).

²⁾ Даниль Галичскій с. 47.

³⁾ Ипат. с. 514.

⁴⁾ Даниль, повидимому, явился на помощь Владиміру около Крещенія 1235 г., см. Ипат. с. 515.

свои полки и постыпился въ Кіеву; Михаилъ, при вѣсти объ этомъ, отступилъ, но Владиміръ и Даниилъ не удовольствовались этимъ и порѣшили доконать противника; они перешли за Дѣпръ и принялись разорять Черниговскую волость; къ нимъ присоединился еще Глѣбъ Мстиславичъ, двоюродный братъ Михаила. Михаилъ затворился въ Черниговѣ и не выходилъ въ поле, а Изяславъ пустился въ степь за половецкою помощью. Союзники приступили къ Чернигову, пожгли переднія укрѣпленія, поставили осадныя машины и начали осаду; относительно ея мы имѣемъ два разнорѣчивыя извѣстія, исходящія изъ различныхъ источниковъ; по сѣверному источнику, Михаилъ продѣлалъ какую-то „прелесть“ относительно Даниила, перебилъ множество галичанъ, такъ что Даниилъ едва ушелъ; по извѣстію Галицко-Волынской лѣтописи—Даниилъ очень стѣснилъ осажденныхъ, металъ на нихъ изъ тарана огромные камни и заставилъ заключить миръ; лѣтопись однако о послѣднемъ обстоятельстве выражается какъ-то неопредѣленно ¹⁾ и тѣмъ даетъ понять, что въ дѣйствительности осада далеко не была такъ удачна ²⁾.

Даниилъ съ Владиміромъ возвратились въ Кіевъ, но въ это время—это уже было послѣ Вознесенья 1235 г.—въ Кіевскую область вторгнулся Изяславъ съ половцами и началъ опустошать ее. Данилово войско такъ было утомлено продолжительнымъ походомъ, что онъ хотѣлъ было оставить своего союзника и уйти „лѣсною стороною“ во-своихъ; но Владиміръ упрасивалъ его пойти вмѣстѣ на половецкъ; эту просьбу поддержалъ и Мирославъ, одинъ изъ галицкихъ бояръ. Даниилъ согласился и пошелъ съ Владиміромъ; передовые отряды половецкъ встрѣтились уже у Звенигорода, тогда Владиміръ и Мирославъ стали совѣтовать вернуться: можетъ быть, вѣсти о половецкомъ войскѣ были неутѣшительныя, а еще вѣроятнѣе—было получено извѣстіе, что Михаилъ двинулся къ Кіеву, узнавъ о вторженіи Изяслава. Но Даниилъ теперь уже стоялъ за продолженіе похода: „подобаетъ войну устремившуся на брань или побѣду прияти

¹⁾ „Створиша же миръ со Володимиромъ и Даниломъ Мстиславъ и Черниговци... оттуда с миромъ преидома Кіеву“; можетъ быть, вѣсто Мстиславъ слѣдуетъ читать Мстиславъ?

²⁾ Ипат. с. 514—515, годъ 1234 г., 1 Новгород. с. 50, Густ. с. 337, Тверск. с. 363—годъ 1235 г.; Густ. и Тверск. слѣдуютъ Новгородской.

или пастися отъ ратныхъ“, отвѣчалъ онъ на увѣщанія спутниковъ и заставлялъ ихъ продолжать походъ; у Торческа встрѣтились главные силы половцевъ, произошла ожесточенная схватка, и русскіе потерпѣли пораженіе. Владиміръ съ Мирослагомъ и другими галицкими боярами затворился въ Торческѣ, но половцы овладѣли городомъ благодаря измѣнѣ галицкихъ бояръ (Григорія Василевича и Молибоговичевъ); Владиміръ попался въ плѣнъ. Даніилъ послѣ этого ушелъ въ Галичъ, а Изяславъ двинулся къ Кіеву, куда пришелъ также и Михаиль съ своимъ полкомъ; городъ былъ взятъ, побѣдители „много зла створиша Кіаномъ“, на иностранныхъ купцовъ была наложена контрибуція¹⁾; плѣнный Владиміръ и жена его были отданы половцамъ. Въ Кіевѣ сѣлъ Изяславъ, а Михаиль былъ призванъ въ Галичъ: бояре распустили слухъ, будто Изяславъ съ половцами идетъ на Галичъ, заставили тѣмъ Даніила послать полки на Волны, а въ Галичѣ подняли смуту противъ него, и Даніилъ вынужденъ былъ удалиться („въ Угры“); въ Галичѣ сѣлъ Михаиль, а въ Черниговѣ видимъ послѣ того Мстислава Глѣбовича²⁾.

Извѣстія о послѣдующихъ событіяхъ сбивчивы и скудны; Кіевъ необыкновенно быстро переходитъ изъ рукъ въ руки,—едва можно услѣдить за этими переходами. Кромѣ отрывочныхъ данныхъ для каталога кіевскихъ князей источники не даютъ ничего; какъ для предшествовавшихъ, такъ и для этихъ годовъ мы не имѣемъ вовсе никакихъ извѣстій о земской дѣятельности князей и внутренней жизни Кіевщины.

Владиміръ скоро освобождается: далъ за себя выкупъ и былъ выпущенъ; въ сѣверныхъ источникахъ извѣстіе о его освобожденіи стоитъ подъ тѣмъ же 1235 г., что и плѣнъ³⁾. Въ Волынской летописи

¹⁾ „И на плѣднихъ имаа искупъ князи“, 1 Новг. с. 50.

²⁾ Ипат. с. 515—516, 1 Новг. с. 50, Густ. с. 337, Тверск. с. 363—4, Воскр. 1 с. 188, Софійск. 1 с. 237, Амад. с. 486, 4 Новг. с. 30. Извѣстія этихъ источниковъ въ существенномъ сходни между собою: войну противъ Владиміра ведутъ Михаиль и Изяславъ, послѣдній садится въ Кіевѣ; походъ на Кіевъ Ярослава Всеволодовича и возмущеніе его помѣщаются подъ слѣдующимъ годомъ. Въ Никои. же (II с. 104) Ярославъ съ новгородцами участвуетъ въ походѣ Михаила и Изяслава, и онъ же садится въ Кіевѣ, а подъ слѣдующимъ годомъ помѣщено извѣстіе о возмущеніи въ Кіевѣ Изяслава; составитель этого свода, вѣроятно, слухалъ извѣстія: вставилъ лишний разъ Ярослава.

³⁾ „И омаъ пустина Володимера колоча на искупъ и жену его“—1 Новг. с. 50 и другія.

си, въ описаніи борьбы Данила съ галицкими боярами, какой-то Владиміръ выступаетъ вслѣдъ за удаленіемъ Данила изъ Галича, какъ его союзникъ: онъ посылаетъ отрядъ торковъ на помощь къ Каменку, осажденному галичанами и болоховскими князьями ¹⁾; весьма возможно, что то былъ и нашъ Владиміръ Рюрикovichъ ²⁾; выгналъ ли онъ изъ Кіева Изяслава, или сидѣлъ въ данный моментъ гдѣ-нибудь на Поросья, напримѣръ въ Торческѣ, удѣлѣ Давида ³⁾, нельзя рѣшить, но ниже въ Волынской лѣтописи мы находимъ извѣстіе уже вполне определенное, что Владиміръ добылъ себѣ Кіевъ ⁴⁾. Михаилъ въ то время былъ занятъ борьбою съ Даниломъ за Галичъ, Изяславъ также принималъ участіе въ этой борьбѣ, и Владиміру не трудно было воротить себѣ Кіевъ. Пробылъ онъ въ немъ однако не долго: всю эту сумятицею задумалъ воспользоваться сѣверный князь—Ярославъ Всеволодовичъ; съ новгородскимъ ополченіемъ напалъ онъ на Кіевъ и безъ труда, вѣроятно безъ боя ⁵⁾, овладѣлъ имъ; это было уже въ 1236 г. Черезъ недѣлю Ярославъ отпустилъ своихъ новгородцевъ и новоторжцевъ, но оставшись безъ войска, онъ по словамъ Волынской лѣтописи, не могъ долго усидѣть въ Кіевѣ и вскорѣ ретировался („не мога его держати иде пакы Суждалю“); Кіевъ захватилъ Михаилъ и сѣлъ здѣсь, оставивъ въ Галичѣ сына Ростислава ⁶⁾. Весьма возможно впрочемъ, что на удаленіе Ярослава

¹⁾ Ипат. с. 516.

²⁾ Такъ думали Карамзинъ (III вр. 346, с. 127), Арцибашевъ (I 2 с. 346), Погодинъ (Иск. VI с. 311); Соловьевъ (III вр. 267) замѣчаетъ, что то могъ быть и Владиміръ Ингваревичъ, сынъ Ингвара луцкаго, но въ такомъ случаѣ лѣтописецъ кажется, назвалъ бы его по отчеству, чтобы отличить отъ того Владиміра, о которомъ говоритъ до этого и послѣ этого.

³⁾ Ср. Соловьева III вр. 267.

⁴⁾ Ипат. с. 517: „приде Ярославъ Суждальскій и взя Кіевъ подъ Володимиромъ“.

⁵⁾ Такъ заставляетъ думать то, что новгородцы, участвовавшіе въ походѣ, по свѣдѣтельству 1 Новгород. лѣт. (с. 50), „придоша здравъ вси“ въ Новгородъ. Владиміръ Рюрикovichъ послѣ этого сходитъ со сцены; но изъ некоторыхъ извѣстій, онъ являлся потомъ въ Смоленской землѣ и скончался въ 1239 г., см. Татищевъ III с. 464 и Карамзинъ III вр. 347, извѣстіе котораго повторилъ и Погодинъ—VI с. 311; у Карамзина ссылка на родословную книгу в Псковск. л., но въ недавнихъ лѣтописяхъ псковскихъ и не нашелъ этого извѣстія.

⁶⁾ Относительно данного вопроса въ источникахъ великое разнорѣчіе, собственно между Ипат. (с. 517), Густ. (с. 388), Никои. (II с. 104) и Татищевымъ (III с. 464—5), такъ какъ 1 Новгород. (с. 50), Воскр. (I с. 138), Софійск. (I с. 237), Алад. (с. 486), Тверск. (с.

повліяло еще одно обстоятельство: въ то время онъ, можетъ быть, получилъ уже извѣстіе о гибели своего брата Юрія на Сити (4 марта 1237 г.), и такъ какъ владимірскій столъ былъ для него дорожкой кievскаго, то это понудило его, не поднимая борьбы, оставить Киевъ и поспѣшить въ Суздальскую волость ¹⁾.

Въ это время по восточной равнинѣ уже разливалось опустошительнымъ потокомъ монгольское нашествіе, приближалась къ Киевщинѣ. Прежде чѣмъ перейти къ описанію этого нашествія и дальнѣйшей судьбы земли, я прерву свое историческое повѣствованіе и обращусь къ изображенію внутреннего строя, отношеній и быта Киевской земли за пройденное нами время. Для такого обзора монгольскій погромъ является наиболѣе удобнымъ поворотнымъ пунктомъ, такъ какъ имѣлъ существенное вліяніе на исторію нашей земли; онъ, правда, не обратилъ Киевщину въ пустыню, какъ думали и думаютъ

364), 4 Новг. (с. 30) упоминаютъ просто о воклаженіи Ярослава въ Киевъ, не говоря, у кого отиалъ онъ столъ. Свидѣтельствомъ Волинской л. я вложилъ въ текстъ, во Густин. Ярославъ отиалъ Киевъ у Изяслава, вигналъ его Владиміръ, вернувшись изъ воловецкаго князя, а Владиміра Михайлъ; во Никон., какъ я упомянулъ выше, Ярославъ воклажился въ Киевъ непосредственно послѣ пораженія и изгнана Владиміра, подъ слѣдующиѣмъ (1236) годомъ стоитъ: „саде въ Киевѣ на в. княженіи Изяслава Мстиславича“, но въ дальнѣйшемъ (с. 114): „а по Ярославѣ саде на Киевѣ кн. Михайло Черниговски“. Наконецъ во Татищеву Ярославъ отиалъ Киевъ у Изяслава, но затѣмъ возвратилъ ему обратно по договору — Татищевъ въ послѣднемъ извѣстнѣмъ издѣ въ виду, вѣроятно, версію Никонковской л. При быстрой и частой сибѣ князей понятенъ эти разнорѣчія сводовъ, составители которыхъ группировали и объясняли на разные лады извѣстія первоисточниковъ; издѣ такое и подробное, не внушающее никакихъ сомнѣній извѣстіе древней книгой лѣтописи, ни можемъ пренебречь вариантами позднѣйшихъ сводовъ. Изъ историковъ Карамзинъ (III с. 164), Арцибашевъ (I с. 346—7), Полевой (III с. 842—3) слѣдуютъ версіи Галицко-волинской лѣтописи; Карамзинъ только объясняетъ почему-то воклаженіе въ Киевъ Ярослава переговорами Данила съ Юріемъ Всеволодовичемъ (эту догадку повторилъ и Полевой). У Соловьева (III с. 156, 157 и пр. 269) Ярославъ отнимаетъ Киевъ у Изяслава; вторичное княженіе Владиміра опущено (какъ въ Никон. и Татищ.). У Погодина въ каталогѣ кievскихъ князей отсутствуютъ Изяславъ (Изяслѣд. VI с. XXXVI, ср. V с. 286). Болѣе новыя курсы русской исторіи (Бестужева-Рюмина и Иловайскаго) не касаются этого вопроса.

¹⁾ Карамзинъ (III пр. 349), Соловьевъ (III с. 157) считали удаление Ярослава добровольнымъ, но Галицко-Волинская лѣтопись очень опредѣленно говоритъ, что оно не было такимъ, вполнѣ по крайней мѣрѣ. Въ Воскр. (I с. 143), въ Галицкиихъ спискѣ Никон. (II с. 118) сказано прямо, что Ярославъ явился во Владиміръ изъ Киева, но это можетъ быть и домислъ составителя свода; въ другихъ спискахъ Никонковской стоитъ „изъ Новгорода“, однако Новгородская л. не упоминаетъ, чтобы Ярославъ пріѣзжалъ въ Новгородъ послѣ своего воклаженія въ Киевъ.

Большую часть и теперь, но за то проивалъ, какъ мнѣ кажется, существенныя измѣненія въ политико-общественномъ строѣ ея, точнѣе—произведенное имъ потрясеніе современнаго строя, всеобщая паника дали возможность проявиться такимъ общественнымъ теченіямъ, которыя зародились и существовали давно и лишь нуждались въ благопріятныхъ условіяхъ для своего обнаруженія—а разумѣю наденіе княжеско-дружиннаго строя, характеризующаго до-монгольскій періодъ, и распаденіе земли на автономныя общины. Обозрѣвъ ея строй въ періодъ до-монгольскій, мы перейдемъ затѣмъ къ изученію, точнѣе—исслѣживанію этого знаменательнаго явленія, о которомъ впрочемъ, благодаря скудости извѣстій, приходится болѣе гадать, чѣмъ утверждать.

V.

Общественное устройство и бытъ Киевской земли въ до-монгольскій періодъ.

Да никто не дерзнетъ рече: яко повелѣдши Богомъ еси! Кого бо Богъ тако любитъ, якоже насъ улюбилъ есть и вознесъ есть? никто не. Начальная глѣт.
Братья и дружино! Богъ всегда Руския земли и Рускихъ синовъ въ божествѣхъ не поволилъ есть; на всѣхъ мѣстахъ честь свою шинали суть. Киевская глѣт.

Приступая къ обзорѣнію общественнаго устройства Киевской земли въ періодъ удѣльно-вѣчевой, необходимо бросить предварительно хотя общій взглядъ на предшествующее время, на тѣ причины и обстоятельства, подъ вліяніемъ которыхъ сложился общественный строй земли въ рассматриваемый періодъ: связь его съ предшествующимъ временемъ тѣсная, органическая.

Ядро Киевской земли составило племя полянъ, даровитое, энергичное племя, обладавшее еще въ доисторическій періодъ своего существованія довольно высокою культурою. Исторія застаеъ его уже на довольно поздней ступени политическаго развитія: общественный строй въ это время слагается изъ двухъ элементовъ — общинаго и княжеско-дружинаго, при чемъ первый въ сильной степени подавленъ и закрытъ послѣднимъ¹⁾. Относительно болѣе ранняго времени мы

¹⁾ Считаю нужнымъ оговориться, что подъ общиною я разумѣю вообще самоуправляющуюся общественную группу въ разныхъ формахъ: и сельскую общину, и городской

имѣетъ только очень скудные намеки. Лѣтописецъ сохранилъ представленіе о томъ времени, когда племя состояло изъ отдѣльныхъ семейныхъ общинъ—„живяху кождо съ родомъ своимъ на своихъ мѣстехъ, володѣюще кождо родомъ своимъ“¹⁾; какъ извѣстно, значеніе слова „родъ“ въ этомъ текстѣ служило предметомъ многочисленныхъ пререканій, несомнѣнно однако, для меня по крайней мѣрѣ, что оно обозначаетъ здѣсь семью; семьи эти затѣмъ должны были объединяться въ мелкія общины; послѣднія, въ свою очередь, объединялись въ земскіе округа—это ясно видно изъ центрального значенія нѣкоторыхъ кievскихъ городовъ, какъ Бѣлгородъ, Вышгородъ, Василевъ, но соединялись ли эти округа въ общій племенной союзъ съ федеративною организацію, мы рѣшительно не знаемъ; при небольшомъ размѣрѣ полянской территоріи, при взаимной близости земскихъ центровъ, конечно, должно было существовать живое сознаніе племенного единства и солидарности, но политическое единство, быть можетъ, явилось уже послѣ появленія дружиннаго элемента.

Какъ совершился переходъ отъ общиннаго строя къ общинно-дружинному, лѣтописецъ уже не зналъ хорошо и объяснял эту перемѣну завоеваніемъ Кіева норманскою дружиною, пришедшею съ сѣвера. Не уясняетъ этого процесса и сообщаемая лѣтописцемъ легенда о туземныхъ князьяхъ—строителяхъ Кіева: и эта легенда, какъ и рассказъ о норманскомъ завоеваніи, едва ли имѣетъ какую-нибудь историческую основу (кромѣ, можетъ быть, кievскаго синоиклизма), она—просто этимологическій мифъ. По лѣтописцу существуютъ сначала „роды“, потомъ появляются эти братья, затѣмъ они „изгнбоша“, и опять остаются роды: ясно, что преданіе о братьяхъ—эпизодъ, привнесенный извнѣ въ исполнѣ реальное воспоминаніе о періодѣ племенной разрозненности²⁾. По аналогіи съ исторіею другихъ племенъ

лѣтской округѣ, и самоуправляющаяся земля. Кланеско-дружинный элементъ протаволагается общинному, потому что князь и дружина, хотя были выдѣлены самой общиной изъ своей среды, объединяются затѣмъ и обособляются отъ общины; дружина стоитъ въ непосредственной связи и зависимости отъ князя, а не отъ общины, князь ближайшимъ образомъ опирается на дружину; помимо удовлетворенія извѣстныхъ нуждъ общины, у князя и дружины существуютъ свои общія дѣла и интересы.

¹⁾ Ипат. с. 5.

²⁾ Ипат. с. 5—6, 9, 11, Любопитно, что у саяга лѣтописца въ этомъ случаѣ есть противорѣчіе: то онъ говоритъ (с. 6), что „по сей братья почаша дѣржати родъ ихъ

и народовъ нужно думать, что появленіе дружиннаго элемента вызвано было нападеніями иноплеменниковъ и необходимостью обороны; лѣтописецъ передаетъ, что поляне нѣкогда „быша обидими Деревляни и нѣми околяними“, что хозары подчинили ихъ и обложили данью; этотъ послѣдній фактъ произошелъ, можно думать, приблизительно около половины VIII в. ¹⁾, и по представленію лѣтописца, у полянъ князей тогда еще не было ²⁾. Иноземная власть, естественно, вызвала реакцію, и для систематической борьбы съ нею и для обезпеченія племени отъ завоеваній и вторженій въ будущемъ долженъ былъ создаться институтъ князей-военачальниковъ, или прежніе общинные старѣйшины получили военную власть, а изъ общества выдѣлялся специальный классъ воиновъ-дружинниковъ. При этомъ князья кievскаго округа, который благодаря своему богатству, добытому торговлею, могъ выставить несравненно сильнѣйшую дружину, чѣмъ какой-либо другой, должны были получить рѣшительный перевѣсъ, совершенно отгнать и подчинить себѣ подобныхъ князей другихъ полянскихъ округовъ (если они еще существовали), и Полянская земля—если не раньше, то теперь—получила политическую сплоченность и единство. Благодаря культурному и экономическому превосходству полянъ, борьба ихъ съ сосѣдями шла успѣшно и, въ свою очередь, перешла изъ оборонительной въ наступательную—въ томъ былъ интересъ дружины и князей: походы и завоеванія служили имъ средствомъ обогащенія и усиленія, и князья постепенно должны были все болѣе и болѣе расширять кругъ военныхъ дѣйствій. Средствами, которыя почерпались изъ полянскихъ общинъ, подчинялись сосѣднія общины, и обратно—

включено въ Полянь“, а ниже выходитъ, что послѣ этихъ братьевъ не было князей (с. 9 и 11—12).

¹⁾ Еще въ первой половинѣ VII в. Хозары утверждаются на берегахъ Чернаго и Азовскаго морей; вѣроятно, въ первой половинѣ VIII в. проникли они въ Подлѣпровье; съ начала IX в. господство ихъ въ Южной Руси начинаетъ ослабѣвать. См. „Болгары и Хозары“ П. В. Голубовскаго въ Киевск. Стар. 1888 кн. VII, с. 65. Замѣчу, что г. Иаковскій считаетъ недостойнымъ лѣтописное извѣстіе о хозарскомъ господствѣ надъ полянами (Рознск. о нач. Руси с. 60, 247, 249); на мой взглядъ, для этого нѣтъ достаточныхъ основаній.

²⁾ Образованіе дружины ставитъ въ связи съ хозарскимъ господствомъ также проф. Ключевскій, но относитъ ея появленіе ко времени упадка хозарскаго владѣтельства, когда явилась надобность въ охранѣ торговыхъ путей, раньше оберегавшихся хозарами (Воарская дума с. 22, также въ Русской Мысли 1880, X с. 65, 86).

окираясь на дружину, усиливающуюся отъ этихъ завоеваній, князья расширили свои права на счетъ полянскихъ общинъ. Не ограничиваясь компетенціями полководца, они проникли и въ сферу суда и администраціи; изъ военныхъ чиновниковъ они превратились въ полновластныхъ почти государей, если не *de jure*, то *de facto*, какими застаётъ ихъ исторія; община, ея органы и строй продолжаютъ существовать, но политическая и административная дѣятельность ея постепенно ограничивается и ослабѣваетъ; община сама постепенно отъкается отъ этой дѣятельности въ такой мѣрѣ, что позже, при измѣнившихся обстоятельствахъ, является уже въ значительной степени не способною къ политической и административной дѣятельности, въ смыслѣ полного самоуправленія. Это ограниченіе и подавленіе общины, повидному, происходило мирно, естественнымъ ходомъ, безъ рѣзкихъ насильственныхъ захватовъ, безъ обостренія отношеній; въ сказаніяхъ Начальной лѣтописи нѣтъ намековъ на какую-нибудь борьбу, вражду общины и князя; напротивъ, Владиміръ, напримѣръ, представляется дѣйствующимъ въ тѣсной связи, въ духовномъ единеніи съ общиною, точнѣе—съ ея представителями, и „градскіе старцы“ являются его совѣтниками наравнѣ съ княжьими боярами; да и послѣдніе, надо думать, тоже въ значительной части набирались и тогда изъ представителей земскаго боярства.

Такъ, мнѣ кажется, естественнѣе всего можно объяснить происхожденіе того общественнаго строя, который мы позже застаемъ въ Киевской землѣ. Широкое, полное проникновеніе дружиннаго начала въ общественную жизнь, мирныя отношенія, существующія при этомъ между общиною и княземъ-дружинникомъ, все это показываетъ именно то, что дружинный элементъ не привнесъ здѣсь извнѣ, но развился на мѣстѣ, изъ историческихъ условій жизни самой полянской общины. И возвращеніе вѣча къ политической дѣятельности, которое произошло во второй половинѣ XI в., не носитъ вовсе характера революціи, взрыва насильственно подавленной силы; чувствуется, что общинный элементъ жилъ и признавался другимъ общественнымъ элементомъ и раньше и только до сихъ поръ не имѣлъ случая заявить себя въ такой мѣрѣ. И позже, вплоть до XIII в., по справедливому замѣчанію В. И. Серѣвича, вовсе не замѣтно принципиальнаго антагонизма князя и народа, стремленія послѣдняго раз-

спиртъ свои права на счетъ правъ князей ¹⁾). Между тѣмъ, если бы принять насильственное завоеваніе полянской общины пришлою дружиною, отношенія были бы иныя, по крайней мѣрѣ сначала, и воспоминанія о враждебныхъ отношеніяхъ должны были бы дойти и до нашего лѣтописца. Что онъ не зналъ ничего о такихъ отношеніяхъ, показываетъ его рассказъ объ утвержденіи въ Кіевѣ варяговъ: дѣло обходится совершенно мирно, населеніе не оказываетъ имъ ни малѣйшаго сопротивленія ²⁾; но, конечно, пассивное подчиненіе пришлой дружинѣ народа культурнаго, энергичнаго есть фактъ вовсе не вѣроятный, и рассказъ лѣтописца можетъ служить только доказательствомъ, что въ дѣйствительности такого завоеванія вовсе не было.

Изъ вѣдѣнныхъ сношеній полянскаго племени для насъ наиболѣе интересны отношенія его къ древлянамъ, которые затѣмъ вошли въ составъ Кіевской земли. О древнѣйшемъ политическомъ строѣ Древянской земли мы имѣемъ весьма скудныя извѣстія; по представленію лѣтописца, въ половинѣ X в. у древлянъ были города, служившіе, вѣроятно, общинными центрами областей, во главѣ племени стоялъ князь или, что вѣроятнѣе, нѣсколько князей одновременно, во главѣ отдѣльныхъ земскихъ округовъ; князья эти, повидному, не пользовались особеннымъ значеніемъ: въ политическихъ дѣлахъ они заслоняются общиною и ея представителями — „лучшими мужами“; существованія дружины въ лѣтописи не замѣтно ³⁾. Всѣ эти извѣстія лѣтописи

¹⁾ Вѣче и князь с. 118.

²⁾ Ипат. л. с. 11: „и пойдоста по Днѣпру, идуци мнѣю, и урѣста на горѣ городокъ и въспрошаста, ркуче: чий се городъ? Они же ркоша: была суть три братья, Кий, Щекъ, Хоритъ, иже сдѣлаша городъ сей, и изыбоша, а ми сѣдичь роди ихъ и влатичи дань Козарамъ. Асколдъ же и Диръ остаѣа въ городѣ семъ, и многи Варяги съзвониста; и начаста владѣти Польскою землею“. Изъ этого рассказа выходитъ, что пришедшая дружина, захватившая Кіевъ, была даже и не велика. Что до воцѣленія Олега, то по лѣтописному рассказу, это не завоеваніе, а замѣна одного вождя дружины другимъ; и тотъ самъ по себѣ, безъ отношенія къ первому завоеванію Кіева, этотъ эпизодъ представляеть такія же невѣроятности, какъ и захватъ Кіева Асколдомъ и Диромъ.

³⁾ Ипат. с. 84—88; для вопроса о князьяхъ любимѣнни два мѣста: „сдрузиаше древяне съ княземъ своимъ Маломъ... и шедше изъ города Искоростѣла противу Древянне, и убиха Игоря и дружины его“ (с. 84) и затѣмъ: „и ркоша Древянни: посла ки Деревская земля, ркучи сице...наши князи добри суть, иже роснаси суть Деревскую землю, да иди за нашъ князь за Малъ; бѣ бо ему имя Малъ, князю деревскому“. Возможно

очень вѣроятны, по крайней мѣрѣ возразить противъ нихъ нельзя ничего; въ частности, отсутствіе дружины у древлянъ подтверждается археологическими изслѣдованіями: могильники съ оружіемъ встрѣчаются очень рѣдко, и самое вооруженіе очень бѣдно¹⁾.

Со своими восточными сосѣдями древляне имѣли частыя столкновенія, которыя перешли затѣмъ въ открытую борьбу. Послѣдняя тянулась долго. Перепетія ея были извѣстны составителю лѣтописи, кажется, только по довольно смутнымъ воспоминаніямъ, достовѣрныя историческія извѣстія онъ имѣлъ лишь относительно конца этой борьбы. Какъ упомянуто выше, онъ зналъ, что сначала поляне „быша обидими древляны“, какъ народомъ менѣе культурнымъ, но съ появленіемъ дружины полянскіе князья скоро перешли отъ оборонительной войны къ наступательной и начали систематически „примучивать“ древлянъ, утверждая въ нихъ странъ свое господство въ той первоначальной формѣ, въ которой оно ограничивалось лишь сборомъ дани и нисколько не входило во внутренній строй страны. Начало этого господства лѣтописецъ приурочиваетъ ко времени Олега, который „бѣ обладая ими“; по словамъ лѣтописца, онъ бралъ съ нихъ дань „по чернѣ кунѣ“, и по приказу его древлянское ополченіе участвовало въ походѣ на Царь-градъ²⁾; но древляне продолжали пользоваться самоуправленіемъ и имѣть своихъ князей. Древляне пытались страхнуть это господство кievскихъ князей и производили при случаѣ возстанія, которыя, вѣроятно, были

древнее пониманіе этихъ вѣстій, именно: или Малъ былъ княземъ всей Древланской земли, и множественное число „наши князи“ нужно понимать о преемствѣ князей, или Малъ былъ только княземъ Искоростия, и слова „князь Деревскій“, земля Деревская“ не имѣютъ точнаго значенія; въ подтвержденіе послѣдняго объясненія можно указать на то, что Ольга послѣдѣ волею съ Искоростіемъ, словно убійство Игоря было дѣломъ этой общины, а не всей Древланской земли; кромѣ того, существованіе нѣсколькихъ князей сообразно съ общими условіями древланскаго общественнаго строя. Этого послѣдняго мнѣнія держался Н. И. Костомаровъ (Монографія т. 1, 120) и въ недавнее время проф. Ключевскій (Воарская дума с. 25 и 33), противъ него возражалъ Барсовъ, Георг. Нат. лѣт. с. 293.

¹⁾ Рефераты В. В. Антоновича въ Читеніяхъ Общ. Нестора кн. III с. 2—3, кн. V с. 28; Гамченко—Житомирскій могильникъ с. 115. Сравненіе древланскихъ могильниковъ съ могилами волынскихъ воиновъ очень ясно показываетъ разницу въ общественномъ строѣ обоихъ племенъ и объясняетъ самый фактъ завоеванія древлянъ полянами.

²⁾ Я не касаюсь здѣсь достовѣрности этого факта, а отмѣчаю лишь возрѣніе лѣтописца на исторію междуплеменныхъ отношеній.

неудачны и ввели только новыя „примучиванія“, замѣну „дани легкой“ „данью тяжелой“ и вообще усиленіе зависимости отъ Кіева. Послѣ усмиренія большаго возстанія, предпринятаго ими въ среднѣй IX в. и стоившаго жизни самому кіевскому князю, зависимость уже выразилась въ томъ, что кіевскій князь посадилъ своего сына „въ Деревѣхъ“; резиденціею его является неизвѣстный дотолѣ городъ Овручъ; по аналогіи съ другими фактами можно думать, что то былъ новый административный центръ, созданный кіевскимъ правительствомъ на смѣну старымъ земскимъ центрамъ или центру.

Существуетъ мнѣніе, что послѣднее возстаніе древлянъ, приурочиваемое лѣтописцемъ ко времени управленія Игоря и Ольги, повлекло за собою порабощеніе древлянъ полянами; такъ, Н. И. Костомаровъ полагалъ, что „покореніе древлянъ было не только подданствомъ, но порабощеніемъ“, что часть ихъ была отдана въ рабство и выведена въ землю полянъ, часть страны была обращена во владѣнія фиска, другая часть была роздана полянамъ—боярамъ; поляне по отношенію къ древлянамъ составляли народъ господствующій, и это обстоятельство, съ одной стороны, ускорило сліянiе полянъ съ ихъ пришлою дружиною, съ другой—содѣйствовало формировкѣ вліятельнаго и могущественнаго боярскаго сословія; словомъ, въ отношеніяхъ полянъ къ древлянамъ знаменитый историкъ видѣлъ полную аналогію съ западнымъ феодальнымъ строемъ¹⁾. Съ такимъ взглядомъ нельзя согласиться; лѣтописное сказаніе гласитъ только, что Ольга, взявъ Искоростень, „пожьже и, старѣйшины же города ижьже, и прочая люди овѣхъ изби, а другія работѣ преда мужемъ своимъ, а прокъ остави ихъ платити дань, и възложи на ня дань тяжьку, и двѣ части идета Киеву, а третья Вышгороду къ Ольгѣ“, затѣмъ она обопла Деревскую землю, уставля „уставы и уроки, и суть становища ея и ловища ея“²⁾. Сколько въ этихъ подробностяхъ исторической правды, мы не можемъ рѣшить, но нельзя, по меньшей мѣрѣ, на Деревскую землю вообще распространять то, что говорится только объ Искоростнѣ³⁾; распоряженія Ольги относительно этой земли передаются

¹⁾ Монографія т. I с. 121—123; слово „порабощеніе“ употребляется вердло и другими историками для поляно-древлянскихъ отношеній.

²⁾ Ипат. с. 88.

³⁾ Ср. Соловьева I пр. 210.

въ выраженіяхъ, сходныхъ съ распоряженіями ея относительно земли Новгородской ¹⁾—последнюю, конечно, никто не считаетъ порабощенною. Далѣе, завоеваніе древлянъ было совершено не племенемъ полянъ, а княжескою дружиною, въ зависимости они находились не отъ народа полянскаго, а отъ князя, потому поляне и не могли составить относительно ихъ господствующаго народа; отношеніе самихъ полянъ къ князю, правдоподобно, не особенно разнилось отъ отношенія къ нему древлянъ. Что касается дружины и бояръ, то на существованіе въ Южной Руси помѣстной системы нѣтъ никакихъ намѣтокъ, можно съ вѣроятностью думать, что дружина не получала отъ князя земельныхъ надѣловъ, и едва ли можно въ данномъ случаѣ предполагать исключеніе изъ этой общей нормы. Правда, для положенія XII в. мы имѣемъ указаніе на присутствіе въ Древлянской землѣ княжьей дружины: когда Изяславъ шелъ въ 1150 г. на Юрія, дружина его, совѣтуя итти скорѣе къ Киеву, говорила: „а что ти будешь на Тетереви, а ту в тобѣ дружина твоя вси приѣдутъ, а что ти Богъ дастъ и до Бѣлогорода дойдеши передъ нимъ (Володиміромъ), а боле дружины к тобѣ приѣдетъ, а болши ти сила“; и дѣйствительно, у Мичьска „усрѣтоша и дружина мпогое множество, иже съидхуть по Тетереви“ ²⁾. Но то могли быть поляне, посаженные княземъ въ качествѣ гарнизона; могли быть и древляне-землевладѣльцы, служившіе въ княжеской дружинѣ; будь то и поляне,—пробываніе ихъ въ Древлянской землѣ мы не имѣемъ права связывать непременно съ утвержденіемъ кievскаго господства въ этой землѣ, фактомъ, отдѣленнымъ отъ нашего извѣстія двумя столѣтіями.

Итакъ, мы имѣемъ только тотъ вполне ясный и достовѣрный фактъ, что въ концѣ концовъ во второй половинѣ X в. (въ 970 г. по лѣтописи) въ Древлянской землѣ былъ посаженъ кievскій княжичъ. Въ какой мѣрѣ при этомъ подвергся измѣненіямъ политическій строй земли, мы не знаемъ ³⁾; и послѣ назначенія кievскаго князя общины

¹⁾ „Иде Олга к Новугороду и устави во Мьстѣ погости и дань, и по Дузѣ погости и дань и оброки; и левница ея суть по всеѣ земли и знаменна и мѣста и погости“—Ипат. с. 38.

²⁾ Ипат. с. 286.

³⁾ Конечно, истребленіе старѣйшихъ Исгоростна и единаго распространять также на всю Древлянскую землю, какъ дѣлалъ, напримѣръ, Эверсъ, соединившій съ походомъ Ольги

могли сохранять въ значительной степени свою автономію, могли существовать на ряду съ нимъ нѣкоторое время даже частіе туземные князья и исчезнуть только постепенно, со временемъ. Древляне болѣе не обнаруживали попытокъ сбросить съ себя зависимость отъ кievскаго князя. Тотъ же Н. И. Костомаровъ высказалъ предположеніе, что, быть можетъ, въ распрѣ Святославичей Олега и Ярополка проявилось возстаніе побѣжденныхъ противъ побѣдителей¹⁾; но это мало вѣроятно: приобрьвъ отдѣльнаго князя, хотя бы изъ кievскаго княжескаго дома, земля получала вмѣстѣ съ тѣмъ и полную автономію²⁾; скорѣе ужъ здѣсь можно усматривать со стороны древлянъ защиту своей автономіи отъ посягательствъ кievскаго князя и кievской дружины. Во всякомъ случаѣ, если устранить этотъ эпизодъ, мы не находимъ болѣе извѣстій о какихъ-либо столкновеніяхъ Древланской земли съ Полянскою, не видимъ также борьбы или столкновеній между древланскимъ земствомъ и пришлыми князьями и ихъ дружиною; повидимому, этотъ новый элементъ покорно былъ принятъ населеніемъ.

Два раза Древланская земля получала самостоятельныхъ князей изъ кievскаго дома, но обособиться въ самостоятельное княженіе ей не удалось: и тотъ и другой князь—Олегъ Святославичъ и Святославъ Володимеричъ—вскорѣ по возникновеніи погибли отъ кievскихъ собирателей, не оставивъ потомства³⁾; въ обоихъ случаяхъ, по смерти ихъ, Древланская земля должна была обращаться въ кievскую провинцію, находившуюся подъ управленіемъ кievскихъ посадниковъ, и приходила такимъ образомъ постепенно въ болѣе близкую связь съ Полянскою землею. При Ярославовомъ дѣленіи Древланская земля уже не была выдѣлена въ самостоятельное княжество, а была объединена въ одну волость вмѣстѣ съ землею полянъ.

Заодно прослѣдимъ кратко дальнѣйшія отношенія земель Древланской и Полянской. Въ теченіи удѣльно-вѣчевого періода изъ тер-

уничтоженіе всѣхъ прежнихъ политико-общественныхъ отношеній Древланской земли, см. Соловьева I кр. 210.

¹⁾ Монографія т. I с. 124.

²⁾ Ср. Сергѣевича Вѣче и князь с. 159.

³⁾ Олегъ по лѣтописи княжилъ семь лѣтъ (970—977 г.); назначеніе Святослава княземъ подъ 989 г., но о раздачѣ удѣловъ здѣсь упомянуто при случаѣ только, въ дѣйствительности эта раздача происходила, вѣроятно, много позже и постепенно.

риторию древлянскую выкраивались нѣсколько разъ частіи кіевскіе удѣлы¹⁾, но, подобно другимъ кіевскимъ удѣламъ, Древланская земля не выдѣлилась въ самостоятельную политическую единицу. Во время борьбы за кіевскій столъ, въ періодъ упадка Кіева. Древланская земля не обнаружила никакихъ стремленій къ обособленію; такъ какъ обстоятельства были очень благопріятны для обнаруженія такихъ стремленій, если бы они существовали, то мы въ правѣ заключить, что древланское племя въ это время утратило уже въ значительной степени сознаніе своей особыности и единства, утратило вкусъ къ политической свободѣ. Очевидно, кіевскій режимъ не возбуждалъ рѣзкаго, опредѣленнаго неудовольствія въ смыслѣ междуплеменной вражды: мы не замѣчаемъ никакихъ враждебныхъ отношеній къ полянамъ, древлане никогда не пользуются кіевскими смутами во вредъ своимъ сожителямъ. Въ одномъ случаѣ древланскіе города обнаруживаютъ даже живое участіе и сочувствіе къ кіевскому князю-народнику: я говорю о сочувственной встрѣчѣ, которую сдѣлало Изяславу Мстиславичу населеніе Корческа и Мичьска во время вышеупомянутаго похода его на Кіевъ; но этотъ фактъ стоитъ такъ одиноко, что невольно возбуждаетъ сомнѣніе—не стояло ли населеніе этихъ городовъ въ какихъ-либо особыхъ условіяхъ, не было ли оно разбавлено полянскими колонистами, или не имѣло ли какихъ-либо особыхъ поводовъ сочувствовать Изяславу²⁾. Во всѣхъ другихъ случаяхъ, напротивъ, мы замѣчаемъ у древланъ полную апатію, полную безучастность къ кіевскимъ интересамъ, къ различнымъ злобамъ для кіевского населе-

¹⁾ Такъ Котельница выдѣлѣнъ съ Вожицкимъ и Межибожемъ и еще двумя городами выдѣлилась въ особый удѣлъ въ половинѣ XII в. (Ипат. с. 243 и 257), позже Котельница составляетъ также удѣлъ Владиміра Мстиславича (с. 367); Погорина часто отдѣлялась въ удѣлъ, начиная съ 1084 г.; о судьбѣ ея я говорю выше, въ географическомъ очеркѣ (с. 14—15); въ семидесятихъ годахъ XII в. Овручь также фигурируетъ въ качествѣ частнаго удѣла (Ипат. с. 370, 372); что до болоховскихъ городовъ, то неизвѣстно пока, былъ ли то древланская территория, да и стремленіе ихъ къ автономіи едва ли имѣло сложнаго истинникомъ сознаніе племенной особыности.

²⁾ Я приведу эти мѣста дѣтально: Изяславу „поиде ко Корчеську, и Корчане же извидѣше с радостью и поклонихася ему“; у Мичьска „усрѣтоша и дружина многое множество, иже сѣдяхуть по Тетереви, и ту поклонихася Изяславу и Мичане с лики, рекуще: „ги нанизъ князь“—Ипат. с. 285, 286. Мичане особенно подозрительны: очевидно, вся сила тутъ въ Изяславовой дружинѣ, сѣдѣвшей по Тетереви. Что до дорогобужцевъ, также встрѣтившихъ Изяслава „с крестн“ (с. 285), то совершенно ясно, что они хлѣпотали о своей безопасности.

нiя; это высказалось въ первое же кiевское народное движенiе: когда изгнанный изъ Кiева Изяславъ Ярославичъ шелъ на него съ польскимъ войскомъ, кiевское ополченiе, выйдя ему на встрѣчу, остановилось у Бѣлгорода, пограничнаго пункта Полянскiей земли: очевидно, древяне остались въ сторонѣ отъ этого движенiя, не обнаруживъ солидарности съ полянами. И позже, въ другихъ случаяхъ, когда полянское населенiе выступаетъ на политическую сцену, мы напрасно стали бы искать участiя древянскаго населенiя. Оно и понятно: насильственно лишенное самостоятельности и введенное въ кругъ отношенiй полянскаго племени, древянское населенiе оставалось чуждо имъ, было безучастно къ его желанiямъ и цѣлямъ, во всему тому, что такъ мощно двигало полянскимъ населенiемъ въ периодъ удѣльно-вѣчевой и придавало такую напряженность его жизни. Древянская земля не слилась органически съ Полянскою, а продолжала быть ея аннексомъ, или, какъ справедливо выразился Н. И. Костомаровъ, она была волостью Кiева, а не землею въ смыслѣ народовластия—самоуправленiя¹⁾; лѣтописецъ—киевлянинъ въ XII в. еще противопоставляетъ ее настоящей „Русской землѣ“, сознательно и даже бессознательно; когда онъ говоритъ, что „вся Русская земля“ приняла или обрадовалась прибытiю такого-то князя и т. п., ясно чувствуется, что подъ „Русскою землею“ лѣтописецъ разумѣетъ только Полянскую землю.

Но при равнодушии древянъ къ политической жизни Кiева не нужно предполагать отчужденности въ другихъ отношенiяхъ; напротивъ, нужно думать, что древяне быстро „русѣли“ (въ полянскомъ смыслѣ) и подчинялись влiянiю высшей культуры; ассимиляцiя должно было способствовать и христіанство, приходившее къ древянамъ изъ Полянскiей земли, и административная зависимость, и естественное тяготѣнiе къ тѣмъ торговымъ путямъ, которые находились въ рукахъ полянъ.

Уже въ удѣльно-вѣчевой периодъ въ общественную жизнь Кiевскiей земли приходитъ еще одинъ этнографическiй элементъ—это раз-

¹⁾ Моногр. XII с. 22. Включая Древянскую землю въ понятiе Кiевскiей земли, мы собственно уклоняемся отъ строгой терминологiи: земля предполагаетъ единство самоуправленiя; но иногда и аннексис ясно включается въ составъ „Русской земли“, напр. Княз. с. 261—2.

племенные тюркские насельники, известны под общим именем черных клобуков. Выше я приводил известія об этой колонизаціи¹⁾; задержанная половецкими вторженіями въ концѣ XI в., она получаетъ наибольшее развитіе въ первой половинѣ XII в.; областью ея было Поросье, можетъ быть — и сѣверное Побожье; впрочемъ сплошного населенія черные клобуки не составляли, а жили вмѣстѣ съ русскими. Сохраняя свой кочевой бытъ и свою предковскую религію, черныи клобукъ тѣмъ не менѣе уживался мирно съ Русью, и у послѣдней мы не замѣчаемъ антагонизма къ „своимъ поганымъ“. Черные клобуки принимаютъ въ XII в. живое участіе въ дѣлахъ Русской земли и заявляютъ свою преданность кіевскимъ князьямъ, заявляютъ, что они „голови складываютъ за Русскую землю и за княжью честь“²⁾. Однако они считаютъ себя при этомъ за ничто самостоятельное, не принадлежащее къ Кіевской общинѣ, и также смотрятъ на нихъ туземцы („Русская земля и Черные клобуки“); въ тѣхъ случаяхъ, когда прививались князья, рядомъ съ посольствомъ отъ князя упоминаются послы и отъ черныхъ клобуковъ; съ послѣдними иногда заключается особый рядъ. Во второй половинѣ XII в. мы не видимъ у черныхъ клобуковъ даже солидарности съ Кіевскою общиною: они ведутъ свою особую политику, и, на примѣръ, въ то время какъ община усердно поддерживаетъ Мстислава Изяславича, берендичи держатъ себя или очень двусмысленно, или открыто поддерживаютъ его враговъ³⁾; въ концѣ XII в. у нихъ существуютъ связи съ половцами, „сватами своими“⁴⁾. Такимъ образомъ въ это время нѣтъ вовсе единства между Русью и тюрками, послѣдніе руководствуются своими частными интересами. Быть можетъ, здѣсь сказалось вліяніе той сумятицы, которая царилъ во второй половинѣ XII в. въ Кіевской землѣ, во время ослабленія кіевскихъ князей; при нормальномъ ходѣ дѣлъ можно было, наоборотъ, ожидать болѣе тѣснаго объединенія, сплоченія⁵⁾.

Черные клобуки были поселены съ цѣлью обороны отъ полов-

¹⁾ См. с. 31—32.

²⁾ Ипат. л. с. 330 (Лавр. с. 327), ср. также с. 296.

³⁾ Ипат. л. с. 365, 367, 372, 376.

⁴⁾ Тамъ же. с. 439, 458.

⁵⁾ П. В. Голубовскій (Печенѣги etc. с. 153—154) перекрѣпу въ отношеніяхъ черныхъ клобуковъ къ половцамъ объясняетъ тѣмъ, что вражда ихъ постепенно ослабѣла, а въ бытѣ и характерѣ оставалось слишкомъ много общаго.

цевъ и эта цѣль въ значительной степени достигалась; въ XII в. половцы въ своихъ набѣгахъ большею частью, какъ я замѣчалъ уже, застреваютъ въ этой военной границѣ и рѣдко проникаютъ дальше Поросья. Кромѣ того черноклобуцкое населеніе представляло въ распоряженіе кievскихъ князей весьма дешевое и численное войско, особенно пригодное для борьбы съ половцами. Это, естественно, давало черному клобуку важное значеніе въ жизни Кіевской земли, и князья дорожили преданностью ихъ, старались снискать и поддержать расположение черноклобуцкихъ старшинъ. Если въ указанныхъ отношеніяхъ черные клобуки были полезны землѣ, то когда у нихъ явилась своя особая политика, они вносили и весьма вредную рознь въ общественную жизнь Кіевщины, парализовали стремленія Кіевской общины. Другое нежелательное вліяніе—вліяніе степной дикости и грубости; такое вліяніе черные клобуки въ особенности должны были оказывать на своихъ непосредственныхъ сожителей—поршанъ, съ которыми у нихъ существовали, вѣроятно, и брачныя связи. Конечно, существовало, вмѣстѣ съ тѣмъ и обратное вліяніе—Руси на черныхъ клобуковъ.

Перейдемъ къ обзору политическаго строя Кіевской земли въ удѣльно-вѣчевой періодъ. Этотъ строй, сообразно двумъ элементамъ его, можно назвать общинно-дружиннымъ, или дружинно-вѣчевымъ: земская автономная, суверенная община, обнимающая собою всю землю, и единоличная власть опирающаяся на дружину, составляютъ два элемента, два фактора, обуславливающіе этотъ строй. Первый изъ этихъ элементовъ—общинный вступаетъ въ рассматриваемый періодъ въ состояніи ослабленія, атрофіи. Хотя подъ вліяніемъ вѣшнихъ условій онъ затѣмъ возвращается къ политической дѣятельности, но не создаетъ для себя опредѣленныхъ, постоянныхъ функций, а остается въ своей практикѣ, такъ сказать, органомъ экстраординарнымъ, текущее же управленіе вѣдаетъ элементъ дружинный, причемъ эти два элемента иногда конкурируютъ и сталкиваются. Такое нѣсколько неопредѣленное положеніе общиннаго элемента подало поводъ нѣкоторымъ ученымъ игнорировать его: считая политическую дѣятельность общины за нѣчто ненормальное, революціонное, они признаютъ строй Кіевской земли за строго монархическій¹⁾. Несправедливость такого

¹⁾ Этотъ взглядъ былъ обстоятельно проведенъ проф. Самокваситичъ въ упоминаемой

выгляда будетъ ясна при ближайшемъ разсмотрѣніи дѣятельности обоихъ общественныхъ элементовъ и ихъ взаимнаго отношенія.

Начнемъ съ общиннаго, какъ старѣйшаго, исконнаго элемента; оговоримся только, что свѣдѣнія наши о немъ относятся ближайшимъ образомъ лишь къ землѣ полянъ—Русской землѣ. Что элементъ этотъ жилъ и дѣйствовалъ въ разсматриваемый періодъ въ Киевской землѣ, это утверждаетъ прежде всего извѣстное, классическое свидѣтельство Суздальской лѣтописи, которое относится ко второй половинѣ XII в. и гласитъ такъ: „Новгородци бо изначала, и Смоляне, и Кяне, и Полочане, и вся власти яко же на думу на вѣча сходятся, на что же старѣйшии сдумаютъ, на томъ же пригороди стануть“¹⁾. Центр тяжести этого извѣстія—въ отношеніяхъ городовъ къ пригородамъ; лѣтописецъ объясняетъ почему Владиміръ, младшій городъ отстываетъ отъ общей нормы и не подчиняется рѣшенію старшихъ городовъ; но онъ въ то же время утверждаетъ существованіе въ эту эпоху въ Киевской землѣ вѣча, какъ органа всей земли, притомъ органа воли верховной, такъ какъ тутъ, очевидно, идетъ дѣло о вѣчѣ, собираемомъ населеніемъ по собственной инициативѣ, а не по указанію извнѣ; однимъ словомъ, это извѣстіе указываетъ на существованіе въ Киевской землѣ суверенной общины и не дѣлаетъ въ этомъ отношеніи разницы между нашею землею и такими политически-развитыми общинами, какъ Новгородъ и Полоцкъ²⁾. Это теоретическое утвержденіе сѣвер-

ся уже раньше статьѣ его „Замѣчанія по исторіи рус. госуд. устр. въ Жур. Мин. Н. Пр. 1869 кн. XI и XII; въ частности о чисто-монархическомъ строѣ Киевской земли см. XI с. 70, 88, XII с. 226; тѣ же замѣчанія на южнихъ вѣча развивалъ въ своей работѣ г. Либбертъ—Предметы вѣдомства вѣча с. 109—119, 124—8, 130—181, 185 и др. (Варш. Унив. Изв. 1877 кн. I—III). Обстоятельными возраженіями противъ этого замѣчанія—въ сочиненіи Н. А. Личиченка—Вѣче въ Киевской области, развилъ.

¹⁾ Лавр. с. 356.

²⁾ Г. Самоковцовъ въ упомянутой статьѣ своей видитъ здѣсь „ординарные законные следи“, нѣкоторое юридическое значеніе, вѣдавшіе—въ южнихъ князствахъ—вопросы землевѣдческие, хозяйственные и административные, по порученію верховнаго правительства въ государствѣ; за вѣчемъ сверхъ того остается въ болѣе важныхъ случаяхъ, по мѣрѣ надобности, значеніе княжескаго совѣта, земской думы князя. Въ политической же сферѣ вѣче самостоятельнымъ является только въ исключительныхъ случаяхъ, какъ извѣстіе изъ общаго права (XII с. 222—223); ср. Либберта ор. с. с. 99 - 100. Вѣчева сходки по вопросамъ хозяйственнымъ и административнымъ, конечно, существовали, но лишь въ частныхъ городскихъ и сельскихъ общинахъ; чтобы всенародная, всей земли, вѣча существовали специально для такихъ цѣлей въ ту эпоху, это едва ли мыслимо, не говоря о томъ,

наго лѣтописца подтверждается конкретными фактами исторіи Киевской земли; факты эти были уже болѣе или менѣе обсѣдованы въ предшествующемъ изложеніи, теперь я сведу ихъ, распредѣливъ по отдѣламъ, сообразно тѣмъ вопросамъ, которые обсуждались и рѣшались общиною ¹⁾.

На первомъ планѣ среди различныхъ функций вѣча стоитъ избраніе и призваніе князя, принятіе его, или утвержденіе, и изложеніе. Къ этой категоріи относится первое проявленіе политической дѣятельности вѣча, когда въ 1068 г. недовольные Изяславомъ кѣне изложили его и посадили на княженіи („поставиша средѣ двора княжа“) Всеслава. Когда Всеславъ бѣжалъ, „люды створиша вѣче, послашася къ Святославу и къ Всеволоду“, призывая ихъ къ себѣ на столъ, но вслѣдствіе отказа ихъ были вынуждены принять назадъ Изяслава ²⁾. Въ 1113 г. кѣне призвали къ себѣ на столъ Мономаха, и когда онъ не рѣшался принять предложеніе, настояли на своемъ ³⁾. Въ 1132 г. они призвали на столъ Ярополка Володимерича ⁴⁾. Въ 1146 г., по предложенію Всеволода Ольговича, признали своимъ княземъ Игоря Ольговича, по смерти Всеволода подтвердили свое согласіе („братъ твой князь и ты“), но затѣмъ окончательно разочаровавшись въ Игоря, призвали на столъ Изяслава; послѣдняго встрѣтили на пути депутаціи отъ старшаго города и отъ пригородовъ съ заявленіемъ признанія („ты нашъ князь, а Ольговичъ не хотимъ“ ⁵⁾). Въ 1150 г. Изяславъ, изгнанный Юріемъ, отправился обратно въ Киевъ, „хотящимъ его Княномъ“; между тѣмъ Вячеславъ сѣлъ на киевскій столъ, но кѣне отреклись отъ него и признали своимъ княземъ Изяслава („а мы его не хотимъ, ты нашъ князь“). Когда Изяславъ долженъ былъ снова ретироваться предъ нападеніемъ Юрія и Володимірка, „Кѣне убоявшеся Володимера Галичскаго, уведоша князя Дюрга въ Киевъ“, но затѣмъ снова „му-

что имъ совершенно не имѣемъ извѣстій о такой дѣятельности, равно какъ и объ ердиности, регулярности ихъ.

¹⁾ О функціяхъ вѣча см. Погодина Изслѣд. VII с. 156—166, Сергіевича Вѣче и князь с. 66—85, Хлѣбникова Общество и государство с. 260—273, М. Ф. Владимірскаго-Будалова Обзоръ исторіи русскаго права с. 54—55.

²⁾ Ипат. с. 120—122.

³⁾ Ипат. с. 198.

⁴⁾ Лавр. с. 286.

⁵⁾ Ипат. с. 229—230.

жи Вячеслави и Берендѣи и Княне“ „побабиша Изяслава“¹⁾). Въ 1154 г. „посадиша в Киевѣ Ростислава Княне, рекуче ему: яко же и братъ твой Изяславъ честиаъ Вячеслава, тако же и ты чести, а до твоего живота Киевъ твой“. Послѣ пораженія Ростислава Изяславъ Давыдовичъ „посла Княномъ река: хочю к вамъ поѣхати, и послаша Княне епископа Демьяна Канѣвского, рекуче: ты еси нашъ князь, а поѣди“; потомъ Изяславъ, оправдываясь предъ Юриемъ, говорилъ: „ди самъ есмь ѣхалъ Киевѣ (взялъ Киевѣ)? посадили мя Княне“²⁾. Подъ 1157 г. въ Новгородской лѣтописи читаемъ: „посадиша Изяслава Давыдовица Княне на столѣ“³⁾. Въ 1168 (1169) г., по смерти Ростислава, къ Мстиславу Изяславичу были посланы отдѣльными посольства съ призывомъ на столѣ отъ князей, отъ князь и отъ черныхъ клобуковъ⁴⁾. Наконецъ въ 1202 г., когда Романъ пошелъ на Рюрика, „Черныи Клобуди вси совокупившеся ѣхаша къ Роману, и что городовъ Русскихъ и ис тѣхъ людье ѣхаша к Романови... и отвориша ему Княне ворота Подольская“⁵⁾.

Весьма важно, что правоспособность общины относительно признанія и утвержденія князей признавалась самими князьями; съ этой стороны любопытно предложеніе Всеволода Ольговича, чтобы вѣче признало своимъ княземъ его брата Игоря, и вышеприведенное оправданіе Изяслава Давыдовича: „ди самъ есмь ѣхалъ Киевѣ? посадиша на Княне“⁶⁾.

Во вторыхъ, община „рядилась“ съ княземъ, т. е. предъявляла ему свои требованія и въ зависимости отъ исполненія ихъ ставила обладаніе столомъ. Намъ извѣстно, и то отчасти, содержаніе только

¹⁾ Ипат. с. 276, 280, 284, Лавр. с. 300.

²⁾ Ипат. с. 324, 327, 329.

³⁾ 1 Новг. с. 12.

⁴⁾ Ипат. с. 365.

⁵⁾ Лавр. 396--397.

⁶⁾ Существуетъ интересный вопросъ относительно того, признавался ли князь лишь въ время или вѣтъ; проф. Сергѣевичъ (Вѣче с. 71 сл.) предполагаетъ, что призваніе было временное, но на неопредѣленное время—до сохранения единенія народа и князя. Это предположеніе кажется мнѣ вполне вѣроятнымъ: оно имѣетъ за себя такія выраженія, какъ напр. слова неманъ Ростиславу: „а до твоего живота Киевъ твой“. Наоборотъ, проф. Булаковъ думаетъ, что „избраніе новаго князя каждый разъ являлось какъ би избраніемъ новой династіи, съ утвержденіемъ на будущее время наследственнаго престола, и признавалось какъ би дланіемъ случайнымъ, вызваннымъ временною нуждою“ (Обзоръ с. 38—39).

двухъ „рядовъ“, именно ряда князь съ Игоремъ Ольговичемъ: „князь, княже Святославе, цѣлуй намъ крестъ, и въ братомъ (ва братомъ) своимъ: аще кому насъ будетъ обидѣ, то ты прави“ (въ Воскр.: „аще кому до насъ будетъ дѣло какое, да сами насъ судите“), на что Святославъ отвѣчалъ: „въ цѣлую крестъ за братомъ своимъ, яко не будетъ насилья никоторого же“; послѣ присяги князю повторили, что признають Игоря княземъ, и цѣловали ему крестъ—послѣднее, очевидно, было обусловлено исполненіемъ требованій¹⁾. Другой рядъ, уже упомянутой,—съ Ростиславомъ: „яко же и братъ твой Изяславъ честилъ Вячеслава, тако же и ты чести, а до твоего живота Киевъ твой“—опять исполненіемъ этого условія обусловливалось признаніе княземъ. Кроме того мы имѣемъ еще два случая заключенія ряда, но безъ объясненія, въ чемъ они состояли,—одинъ подъ 1169, другой подъ 1172 г.; оба были заключены Мстиславомъ Изяславичемъ²⁾. Наконецъ, сюда же относится извѣстіе, что по смерти Вячеслава дружина совѣтовала Ростиславу вернуться въ Киевъ и „утвердиться съ людьми: да аче стрый придетъ на тя Дюрги, понѣ ты ся с людьми утвердилъ будещи, годно ти ся с нимъ умирити—умришися, пакы ли а рать зачнеши с нимъ“³⁾. Здѣсь, очевидно, идетъ рѣчь о новомъ рядѣ съ населеніемъ, котораго требовала перемѣна въ положеніи Ростислава. Нечего и говорить, что правоспособность населенія въ этомъ отношеніи признавалась князьями: заключая рядъ съ населеніемъ, князь тѣмъ самымъ признавалъ ее.

Въ третьихъ, вѣче обсуждало и рѣшало разные текущіе государственные вопросы; такъ въ сказаніи объ ослѣпленіи Васильяка рассказывается, что Святополкъ послѣ поимки Васильяка созвалъ вѣче („бояре и Князю“) и сообщилъ ему о намѣреніи Васильяка, убить его и захватить Киевъ; Святополкъ при этомъ, очевидно, желалъ, чтобы община высказала свое рѣшеніе, но вѣче уклонилось отъ опредѣленнаго заявленія, не желая связывать себя дѣломъ Святополка. Въ 1098 г., когда союзныя войска двинулись на Киевъ, Святополкъ хотѣлъ бѣжать изъ Кіева, но князю не пустили его („не даша

¹⁾ Ипат. с. 223, Воскр. 1 с. 35.

²⁾ Ипат. с. 365: „...въ Киевъ ижде; ту видоша Князю вое. Выша рядъ съ братьемъ и дружиною и Князи“; Ипат. с. 375: „и вшедъ в Киевъ воемъ ради съ братьемъ... и съ Князи“.

³⁾ Ibid. с. 326.

ему Кияне побѣднати¹⁾), а отправили отъ себя пословъ къ Мономаху, убѣждая не погубить „Русской земли“. Ходатайство общины было уважено, и союзники обѣщали окончить дѣло мирно. Весьма характерна въ этомъ разсказѣ подробность, что князья вели переговоры съ общиною помимо ея князя, котораго община заслоняетъ при этомъ²⁾). Фактъ непосредственнаго сношенія князей съ общиною, но въ отсутствіе князя, упоминается и раньше—община сносилась съ Святославомъ и Всеволодомъ въ 1069 г., и князья „утѣшиста Кияне“³⁾). Въ 1146 г. вѣче обсуждало злоупотребленія княжскихъ чиновниковъ и рѣшило принести на нихъ жалобу князю Игорю и потребовать на будущее время гарантіи отъ подобныхъ злоупотребленій. Призвавъ къ себѣ на вѣче князя, оно заключило съ нимъ упомянутый выше рядъ⁴⁾). Здѣсь встаетъ будетъ вспомнить также о намѣреніи Мономаха и Святослава „рядъ учинити о Руской земльѣ“ съ Олегомъ Святославичемъ въ Кіевѣ, „предъ епископы, игумены и предъ мужи отецъ нашихъ, и передъ горожаны (людьми градскими)“⁵⁾).

Въ частности община обсуждала вопросы о войнѣ, особенно если съ этимъ связывался вопросъ о созывѣ земскаго ополченія. Такъ въ 1068 года вѣче постановляетъ продолжать войну съ половцами и просить у князя коней и оружія⁶⁾). Въ 1093 г., во время похода на половцевъ, когда обсуждался вопросъ, переходить ли за Стугну или нѣтъ, „Кіане“, т. е. кіевское ополченіе, рѣшили перейти, и это рѣшеніе было принято остальными⁷⁾). Въ 1147 г. Изяславъ Мстиславичъ созвалъ вѣче („бояре своя и всю дружину свою, Кіане“) и объявивъ ему свое намѣреніе идти на Юрія, предложилъ также снарядить ополченіе („а вы доспѣвайте“). Кіане рѣшительно отказались („княже, ты ся не гнѣвай, не можемъ на Володимире племя руки възняти, она же Ольговичъ хотя и с дѣтми“), и Изяславъ вынужденъ былъ замѣнить народное ополченіе созывомъ охотниковъ. Когда же походъ на Юрія неожиданно перешелъ въ походъ на Ольговичей, Изя-

¹⁾ Ипат. с. 169—170, 172—173; о дѣяности этихъ извѣстій сказана см. выше с. 209—110.

²⁾ Ипат. с. 122.

³⁾ Ипат. с. 229.

⁴⁾ Ипат. с. 160 (Давр. с. 223); выше я замѣтилъ, что нѣтъ повода подѣ людьми градскими разумѣть здѣсь представителей русскихъ городовъ.

⁵⁾ Ипат. с. 120.

⁶⁾ Ibid. с. 153.

славъ пригласилъ князь исполнить обѣщанное: „нынѣ же, братье Княне, чего есте хотѣли, чѣмъ ми ся есте обещали, пойдите по мнѣ к Чернигову на Ольговичъ“, и союзъ народнаго ополченія состоялся ¹⁾. Въ 1149 г. Изяславъ опять предложилъ князямъ собрать земское ополченіе противъ Юрія; княне не соглашались, и только обѣщаніемъ, что походъ будетъ имѣть лишь характеръ демонстраціи, Изяславу удалось добиться желаемаго. Онъ не исполнилъ однако своего обѣщанія, княне вынуждены были сражаться за него и потерпѣли поражение. Вернувшись въ Кіевъ, Изяславъ осѣдломся, согласна ли община поддерживать его впредь; получивъ отказъ, онъ удалился изъ Кіева ²⁾. Въ 1150 г., во время похода на Владимірка, Кіане, узнавъ о превосходныхъ силахъ послѣдняго, настаивали на отступленіи („пойди, княже, прочь“); Изяславъ не соглашался, тогда „Княне побѣгоша отъ него прочь, и оттолѣ Чернии Клобуки побѣгоша къ своимъ вѣжамъ“ ³⁾. Въ 1151 г. вѣче, повидимому, по собственной инициативѣ постановило собрать поголовное ополченіе противъ Юрія („аъ же пойдуть вси“); ослушникамъ оно при этомъ грозило смертною казнью ⁴⁾.

Пересматривая эти извѣстія лѣтописи, нужно признать, что политическая дѣятельность вѣча не имѣетъ характера революціоннаго ⁵⁾, нѣкоторыя дѣйствія его имѣютъ строго легальный характеръ, насколько можно прилагать подобные термини къ неопредѣленнымъ вообще отношеніямъ того времени; правоспособность вѣча признается самими князьями. На ряду съ такими дѣйствіями и тѣ, которыя не облечены въ легальную форму, имѣютъ по внѣшности даже характеръ революціонный (какъ напр. изгнаніе Изяслава и посаженіе Всеслава въ 1068 г., призваніе Изяслава Мстиславича), должны быть признаны проявленіями того же права общины на государственную дѣятельность, которая сознавалась всегда общиною и признавалась князьями. Государственная дѣятельность общины не имѣетъ также характера чего-либо новаго, какой-нибудь узурпаціи княжескихъ правъ, со стороны князей она не встрѣчается

¹⁾ Извст. с. 243, 245—246.

²⁾ Ibid. 265, 268.

³⁾ Ibid. с. 279.

⁴⁾ Ibid. с. 300.

⁵⁾ Этотъ терминъ прилагается къ дѣятельности кіевского вѣча Хлѣбниковъ (оп. с. 281, 270).

какой-либо принципиальной вражды или противодѣйствія (избѣженіе киевлянъ въ 1069 г. было, конечно, личною мстью князя за понесенія несприятности и убытки, а перенесеніе торговища было сдѣлано въ тѣхъ видахъ, чтобы близость княжескаго двора сдерживала народъ въ его совѣщаніяхъ и рѣшеніяхъ). Въ сказаніи объ ослѣпленіи Василька князя (Святополь, Мономахъ) обращаются къ вѣчу, какъ къ нормальному институту, хотя послѣ вспышки 1069 г., притомъ такъ плачевно кончившейся, намъ ничего не извѣстно о правительственной дѣятельности вѣча, и было бы чрезвычайно странно, если бы князья стали сами будить революціонную силу, такъ мимолетно проявившуюся и снова скрывшуюся. Очевидно, мы имѣемъ дѣло съ элементомъ, не возникшимъ вновь, а существовавшимъ всегда, права котораго на государственную дѣятельность всегда молчаливо признавались князьями.

Функции вѣча, настолько извѣстны онѣ изъ лѣтописи, довольно широко: въ приведенныхъ извѣстіяхъ мы имѣемъ, кромѣ утвержденія и изложенія князей, нѣчто въ родѣ законодательной дѣятельности — заключеніе „рядовъ“, въ весьма, конечно, примитивной формѣ, такъ какъ этихъ рядовъ нельзя сравнивать съ позднѣйшими новгородскими рядами; далѣе — рѣшеніе вопросовъ вѣшной политики, войны и мира, контроль надъ администраціею и судопроизводствомъ; наконецъ, вѣче вѣдаетъ земское ополченіе. Однако функции эти вовсе не отличаются опредѣленностью и постоянствомъ; возьмемъ самыя главныя — призваніе и утвержденіе князей и рядъ съ ними: въ періодъ до монгольскаго нашествія мы имѣемъ около пятидесяти смѣнъ князей на киевскомъ столѣ и около сорока до 1202 г., къ которому относится послѣднее извѣстіе о дѣятельности киевской общины. За это время, по нашимъ источникамъ, община принимала участіе въ смѣнѣ князей около четырнадцати разъ; при этомъ кандидатъ получалъ столъ исключительно по инициативѣ общины три или четыре раза¹⁾; десять или одиннадцать разъ вѣче подтверждало права кандидата, получившаго столъ по завѣщанію или договору князей, или поддержало одного претендента въ борьбѣ противъ другого; только четыре раза вѣче заключило

¹⁾ Въ 1068, 1118, 1146, 1160; колебаніе въ цифрѣ зависитъ отъ того, причислить ли сюда возмужаніе Изяслава въ 1150 г., когда онъ былъ „повоаблемъ“ на столъ киевскимъ выселенцемъ, или нѣтъ.

рядъ съ княземъ. Конечно, мы не можемъ положиться на полноту нашихъ извѣстій, на дѣлѣ, быть можетъ, вѣче выступало и чаще, тѣмъ не менѣе съ увѣренностью можно сказать, что случаи, гдѣ оно выступало, составляли все-таки меньшинство. Столъ получали князья на основаніи своихъ, принятыхъ въ ихъ сословіи правъ—на основаніи старѣйшинства, по завѣщанію, договору, или добывали оружіемъ; княжескія права, договоры ихъ, завѣщанія вѣче считало для себя необязательными, тѣмъ не менѣе оно часто предоставляло князьямъ получать столъ на основаніи этихъ правъ, или добывать силою и не принимало активнаго участія въ замѣщеніи его. Это было въ тѣхъ случаяхъ, когда община ничего не имѣла противъ кандидата или, по крайней мѣрѣ, не такъ много, чтобы выступить открыто противъ него и подвергаться неприяностямъ войны, когда она не имѣла подъ рукою иного, болѣе желательнаго кандидата, или не было у ней достаточно средствъ для борьбы. Если претендентъ или данный князь былъ ужъ слишкомъ немилъ, если подъ рукою былъ болѣе желательный кандидатъ, особенно если борьба не представляла большого риска, тогда только вѣче дѣятельно вмѣшивалось въ княжескія отношенія и вершило дѣло по своему, не справляясь, кто кого старше, или кто кому обѣщалъ столъ¹⁾. Еще больше благопріятныхъ шансовъ требовалось для ряда; община заключить его могла только съ княземъ, который считалъ нужнымъ справляться съ желаніемъ населенія по внимательности своей къ его голосу, или потому, что чувствуя недостатокъ въ силахъ, хотѣлъ заручиться поддержкою общины; съ своей стороны, община едва ли стала бы заключать рядъ, если бы вовсе не имѣла довѣрія къ князю, считала невозможнымъ устроить съ нимъ какой-нибудь *modus vivendi*; наконецъ она не стала бы входить въ рядъ безъ особыхъ, чрезвычайныхъ поводовъ и съ княземъ, въ которому чувствовала полное довѣріе, на котораго вполне полагалась. Такимъ образомъ на практикѣ рядъ былъ явленіемъ скорѣе экстраординарнымъ, чѣмъ обычнымъ, хотя, конечно, вполне легальнымъ.

То же можно сказать и объ остальныхъ проявленіяхъ народной воли. Община не имѣла своихъ спеціальныхъ, исключительно ей принадлежащихъ функцій, она была институтомъ контролирующимъ; текущая административная и государственная дѣятельность находилась

¹⁾ Такъ было въ 1113, 1146, 1168 и др. г. Ср. Костомарова Мемогр. XII с. 44, 64.

въ вѣдѣніи князя, община вмѣшивалась въ нее въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣятельность эта расходилась съ ее желаніями, или когда князь оказывался въ какомъ-нибудь отношеніи несостоятельнымъ. Вѣче служило какъ бы коррективомъ княжяго управленія; община могла вмѣшаться во всякую сферу вѣдѣнія князя, но удовлетворить себя тѣмъ или инымъ путемъ, она возвращала эту сферу первоначальному ея хозяину, не внося никакихъ существенныхъ измѣненій. Гарантія порядка, желаемыхъ отношеній она искала не въ правовыхъ нормахъ, не въ обязательствахъ, а въ личности князя—приобрѣсти князя, который жилъ бы душа въ душу съ общиною, осуществлялъ бы во всемъ ея желанія—вотъ панацея отъ всѣхъ неустойчивостей; поэтому чаще всего практикуемое средство отъ всякихъ золъ—это замѣна одного князя другимъ. Если же князя нельзя было переимѣнить—оставалось покоряться и ожидать лучшихъ обстоятельствъ¹⁾. Такой образъ дѣйствій, кромѣ недостатка политическаго развитія, объясняется, съ одной стороны, тѣмъ, что князе были нѣсколько избалованы относительно князей-народолюбцевъ и впоследствии, вмѣсто длинной и трудной выработки правовыхъ гарантій, предпочитали обзавестись какъ-нибудь такимъ княземъ-народолюбцемъ²⁾; съ другой стороны, кievскій столъ дѣлался часто добычею сильныхъ князей, опиравшихся на военную силу, съ которыми общинѣ трудно было входить въ компромиссы или добиваться исполненія своихъ требованій.

По отношенію къ князю вѣче является въ приведенныхъ извѣстіяхъ источникъ то какъ высшая инстанція, контролирующая его или устраниющая, то какъ равносильный общественный элементъ. Въ нашихъ извѣстіяхъ нѣтъ случая, чтобы князь пользовался вѣчемъ, какъ орудіемъ, созывалъ его для выслушанія своихъ распоряженій³⁾, или какъ свою думу. Князь не предлагаетъ ему своихъ плановъ, а доводитъ ихъ до свѣдѣнія общины, которая вольна отнестись къ нимъ такъ или иначе, принять свое рѣшеніе. Въ этомъ есть существенная разница между вѣчемъ и, напримѣръ, земскими соборами Москов-

¹⁾ Ср. Хлебникова Общ. и госуд. с. 272—273.

²⁾ Ср. Лавиниченко Вѣче с. 69.

³⁾ Подобныя собранія могли практиковаться, но то будутъ уже сходки иного рода, не вѣча.

сваго государства, съ которыми сравниваютъ его вѣкторые изслѣдователи¹⁾.

Пересмотримъ теперь извѣстiя, относящiяся до устройства и порядка вѣча. Относительно участниковъ его мы имѣемъ только одно извѣстiе лѣтописи: князе заявляли Изяславу, что готовы идти на Ольговичей „хотя и с дѣтми“²⁾; отсюда выводятъ и, мнѣ кажется, совершенно справедливо, что рѣшающiй голосъ на вѣчѣ принадлежалъ главамъ семействъ³⁾; собиралось же на вѣче все свободное население „отъ мала и до велика“⁴⁾. На участие пригорожанъ въ вѣчѣ нѣтъ указанiй, но, конечно, пригорожаннъ, случившiйся въ городѣ, имѣлъ право также участвовать въ вѣчѣ. Впрочемъ, по смыслу приведеннаго выше свидѣтельства Суздальской лѣтописи о городахъ и пригородахъ, участие пригорожанъ въ вѣчѣ не было необходимо, даже въ теорiи, для того, чтобы вѣчевое постановленiе имѣло силу и для пригородовъ: „на что же старѣйшии сдумаютъ на томъ же пригородѣ станутъ“, безусловно⁵⁾. Представительство не допускалось: всякъ участвовалъ только самъ за себя. Созываетъ вѣче князь; въ единственномъ подробномъ описанiи, которое мы имѣемъ, Изяславъ поручаетъ въ свое отсутствiе созвать вѣче брату своему съ вѣдома митрополита и тысяцкаго⁶⁾. Но вѣче можетъ собираться и по собственной инициативѣ, и тогда, вѣроятно, оно собиралось само собою, безъ участiя какихъ-либо официальныхъ посредниковъ. Въ одномъ случаѣ сказано, что вѣче было созвано звукомъ трубъ⁷⁾, созывалось оно, вѣроятно, и колокольнымъ звономъ, какъ въ другихъ мѣстахъ. Мѣ-

¹⁾ Напр. проф. Самоковской, Ж. М. Н. П. 1869, XII с. 223.

²⁾ Ипат. с. 243 и 246.

³⁾ Такъ какъ думаютъ Сергѣевичъ (Вѣче с. 43), Вестунъ-Римникъ (Р. ист. I с. 206—7) и другiе; Соловьевъ хотя не сомнѣвается въ томъ, что рѣшающiй голосъ принадлежалъ главамъ семействъ, считаетъ однако выраженiе лѣтописи фигуральнымъ и потому не придаетъ ему значенiя (III кр. 66).

⁴⁾ Ипат. с. 245.

⁵⁾ Проф. Вудановъ (Обзоръ с. 50) справедливо выражается такъ: „участие пригорожанъ на вѣчѣ старшаго города возможно, но лишь случайно и не необходимо.“

⁶⁾ Ипат. с. 169, 229, 243 и др., Лавр. с. 299—300: „посла къ брату Князю и Володимеру и къ Лазареви къ тысяцскому два мужа, Добринку и Радина, река: брате, ѡди къ митрополиту и съзови Князи всѣ, ать митрота си мужа леств Черниговскихъ князей. И ѡца Володимеръ къ митрополиту, понаба (созове) Князи, и вридоша Князь много шкество народа, и сѣдоша у святос Софыи слухати.“

⁷⁾ Ипат. с. 278.

стами вѣча являются: площадь у св. Софіи, Ярославль дворъ, Угорское, торговище и площадь у Туровой божницы; въ первыхъ трехъ— у Св. Софіи и на княжескихъ дворахъ—собиралось вѣче по зову князя, въ послѣднихъ, на Подольѣ—по собственной инициативѣ; такъ, вѣроятно, оно было и въ другихъ случаяхъ ¹⁾. Любопытно извѣстіе 1148 г.: будучи созвано на Ярославль дворъ, вѣче безпрекословно присягнуло Игорю, но собравшись снова у Туровой божницы, оно рѣшило предъявить свои требованія и призвало князя къ себѣ сюда; очевидно, на Подольѣ оно чувствовало себя болѣе свободнымъ, чѣмъ на княжемъ дворѣ; въ связи съ этимъ обстоятельствомъ стоялъ и переводъ торговища съ Подолья на Гору Изяславомъ Ярославичемъ ²⁾: конечно, этимъ путемъ Изяславъ думалъ оказывать вліяніе на народныя собранія. Относительно вѣча у св. Софіи въ одной лѣтописной версии стоитъ: „вѣставшемъ же имъ въ вѣча“, а въ другой: „сѣдоша у святое Софьи“; у Туровой божницы вѣчники совѣщались, сидя на коняхъ ³⁾. Говорить на вѣчѣ могъ, повидимому, всякій ⁴⁾. Терминомъ для вѣча служили: „сотворити вѣче“, „совѣтъ сотворити“, „совѣтъ совѣщати“, „сдумати“. Рѣшеніе принималось, вѣроятно, громаднымъ большинствомъ; вѣче признавало свое рѣшеніе обязательнымъ и для отдѣльныхъ несогласныхъ и считало себя въ правѣ принуждать сялю къ исполненію его ⁵⁾.

Что касается отношеній общины собственно кievской къ пригородамъ, свѣдѣнія наши весьма скудны. Изъ городовъ Кievской земли въ качествѣ отдѣльныхъ общинъ, низшихъ въ сравненіи съ кievскою (городскою), выступаютъ ясно Вышгородъ, Бѣлгородъ, Василевъ; Поросская область (поршане) тоже выступаетъ какъ отдѣльная община Кievской земли, но безъ опредѣленнаго центра.

Опредѣленныя свѣдѣнія о кievскихъ пригородахъ мы имѣемъ только для половины XII в.: когда Изяславъ былъ призванъ на кievскій столъ въ 1146 г. киянами, наравнѣ съ депутаціею отъ князя

¹⁾ Ипат. с. 120, 229, 245—246, Лавр. с. 300. Ср. Обзоръ М. Ф. Будакова с. 82; проф. Будаковъ считаетъ мнѣніе нормальными мѣстами для вѣча только площадь св. Софіи и Ярославль дворъ.

²⁾ Ипат. с. 122.

³⁾ Ипат. с. 229, 245, Лавр. с. 300.

⁴⁾ Ипат. с. 246.

⁵⁾ Ипат. с. 300.

явились депутаціи отъ Бѣлгородской и василевской общинъ, отъ поршанъ и черныхъ клубуковъ съ признаніемъ и призывомъ на столъ („ты нашъ князь, а Олговичъ не хочеть“) — пригороды такимъ образомъ подтверждали и присоединялись къ рѣшенію старшаго города. Затѣмъ въ 1151 г., когда Юрій приступилъ къ Бѣлгороду и потребовалъ, чтобы отворили ему городъ, бѣлгородцы отвѣчали: „а Киевъ ти ся кое отворилъ? а князь нашъ Вячъславъ, Изяславъ и Ростиславъ“: пригородъ такимъ образомъ ссылается на примѣръ и рѣшеніе старшаго города ¹⁾. Приведенныя извѣстія указываютъ на солидарность города и пригородовъ; однако послѣдніе, очевидно, сознають за собою извѣстную самостоятельность.

Что до Вышгорода, мы имѣемъ извѣстіе о самостоятельной присягѣ его подъ 1146 г.: Всеволодъ, разболѣвшись въ Вышгородѣ, пригласилъ сюда депутатовъ отъ кievской общины и рекомендовалъ имъ Игоря; принявъ его, кiяне присягнули ему въ Киевѣ, „заутри же день ѣха Игорь Вышегороду, и цѣловаше к нему хрестъ Вышегородѣ“ ²⁾. — Здѣсь собственно мы имѣемъ опять фактъ подтвержденія, принятія пригородною общиною рѣшенія старшаго города, какъ и въ приведенныхъ выше извѣстіяхъ о другихъ пригородахъ. Н. И. Костомаровъ высказалъ предположеніе, что этимъ выражался переходъ Вышгорода изъ состоянія пригорода на степень свободнаго города ³⁾; мнѣ кажется, что для такого предположенія нѣтъ достаточныхъ оснований. Вышгородъ не обнаруживаетъ большей самостоятельности послѣ этого; непосредственно за этимъ кievское вѣче, принося жалобу Игорю Святославичу, жалуется и на разореніе князьими чиновниками Вышгорода — значить, послѣдній также считался составною частью кievской земской общины. Если принять отдѣльную присягу за признакъ самостоятельности, то придется признать, что съ княженія Изяслава Мстиславича и другіе кievскіе пригороды сдѣлались самостоятельными, а это не вѣроятно. Любопытно, что вышгородцы присягаютъ *послѣ* присяги кiянъ, какъ бы присоединяясь къ ней, хотя ничто не мѣшало имъ присягнуть и раньше старшаго города, если

¹⁾ Ипат. с. 230, 300.

²⁾ Ипат. с. 229.

³⁾ Костомаровъ Монографіи I с. 209; это предположеніе повторилъ и г. Даниленко въ изслѣдованіи своемъ о кievскомъ вѣчѣ с. 86.

они желали, такъ сказать, подчеркнуть свою независимость. При всемъ томъ несомнѣнно, что Вышгородъ дѣйствительно игралъ болѣе самостоятельную роль и дѣйствительно какъ будто нѣсколько соперничалъ съ Киевомъ; то былъ старинный, торговый, вѣроятно богатый городъ; по извѣстію лѣтописца, уже въ половинѣ IX в. онъ занималъ исключительное положеніе относительно Киева, составляя удѣлъ Ольги; раньше другихъ пригородовъ (вѣроятно, въ 1077 г.) онъ получалъ своего особаго, хотя и подручнаго князя (Ярополка Изяславича) и позже затѣмъ имѣлъ часто своихъ особыхъ князей¹⁾. Интересно, что Святополкъ Володимеричъ нашелъ себѣ пособниковъ для убіенія Бориса среди вышгородскихъ бояръ, которыхъ киевскій лѣтописецъ характеристично именуетъ „боярцами“ („Вышегородскыя боярьць“) ²⁾. Во время борьбы Мономаховичей и Ольговичей вышгородцы какъ будто благопріятствуютъ не любимымъ кіянами Ольговичамъ; по нѣкоторымъ лѣтописнымъ спискамъ Всеволодъ Ольговичъ даже пришелъ на Вячеслава съ *вышгородцами*³⁾; если и не принять этого чтенія, то все-таки замѣтно со стороны Всеволода какое-то благоволеніе къ Вышгороду; послѣдній не послалъ, подобно другимъ городамъ, и своихъ депутатовъ на встрѣчу Изяславу. Позже мы имѣемъ еще эпизодъ, не лишennyй, быть можетъ, значенія: когда тѣло Владиміра Андреевича везли въ Киевъ, и дружина отказывалась провожать его туда, боясь мести за учиненный недавно погромъ 1169 г. (княже, ты самъ вѣдаеш, что есмь надѣяли Кіяномъ; а не можемъ ѣхати, избѣють ны“), эта дружина безбоязненно отправилась въ Вышгородъ, и мы не видимъ никакого проявленія народнаго неудовольствія: по-видимому, пригородъ не принималъ близко къ сердцу несчастья, постигшаго городъ⁴⁾. При всемъ томъ до открытой борьбы или вражды дѣло не доходитъ, нѣтъ никакихъ намеровъ на нее.

Итакъ киевскіе пригороды въ общемъ находились со своимъ городомъ

¹⁾ Ипат. с. 38, 140.

²⁾ Ипат. с. 92: „боярьць“ въ Ипат. и Погод. спискахъ, „бояре“—въ Хлѣбѣ. Объ этомъ ср. у Сергіевича с. 66. Чтобы объяснить преданность вышгородскихъ бояръ Святополку, Соловьевъ (I, с. 188) предполагаетъ, что Святополкъ по освобожденіи изъ заточенія былъ посаженъ отцезъ въ Вышгородъ; но возможно объяснить это и соперничествомъ киевскихъ и вышгородскихъ бояръ.

³⁾ О разночтеніяхъ этого мѣста см. выше с. 164.

⁴⁾ Ипат. с. 374.

явились депутаціи отъ Бѣлгородской и василевской общинъ, отъ порчанъ и черныхъ клобуковъ съ признаніемъ и призывомъ на столъ („ты нашъ князь, а Ольговичъ не хочемъ“) — пригороды такимъ образомъ подтверждали и присоединялись къ рѣшенію старшаго города. Затѣмъ въ 1151 г., когда Юрій приступилъ къ Бѣлгороду и потребовалъ, чтобы отворили ему городъ, бѣлгородцы отвѣчали: „а Киевъ ты ся кое отворилъ? а князь нашъ Вячеславъ, Изяславъ и Ростиславъ“: пригородъ такимъ образомъ ссылается на примѣръ и рѣшеніе старшаго города¹⁾. Приведенныя извѣстія указываютъ на солидарность города и пригородовъ; однако послѣдніе, очевидно, сознаютъ за собою извѣстную самостоятельность.

Что до Вышгорода, мы имѣемъ извѣстіе о самостоятельной присягѣ его подъ 1146 г.: Всеволодъ, разболѣвшись въ Вышгородѣ, пригласилъ сюда депутатовъ отъ кievской общины и рекомендовалъ имъ Игоря; принявъ его, кiане присягнули ему въ Киевѣ, „заутри же день ѣха Игорь Вышегороду, и цѣловаше к нему хрестъ Вышегородцѣ“²⁾. — Здѣсь собственно мы имѣемъ опять фактъ подтвержденія, принятія пригородною общиною рѣшенія старшаго города, какъ и въ приведенныхъ выше извѣстіяхъ о другихъ пригородахъ. Н. И. Костомаровъ высказалъ предположеніе, что этимъ выражался переходъ Вышгорода изъ состоянія пригорода на степень свободнаго города³⁾; мнѣ кажется, что для такого предположенія нѣтъ достаточныхъ основаній. Вышгородъ не обнаруживаетъ большей самостоятельности послѣ этого; непосредственно за этимъ кievское вѣче, принося жалобу Игорю Святославичу, жалуется и на разореніе князьими чиновниками Вышгорода — значить, послѣдній также считался составною частью кievской земской общины. Если принять отдѣльную присягу за признакъ самостоятельности, то придется признать, что съ княженія Изяслава Мстиславича и другіе кievскіе пригороды сдѣлались самостоятельными, а это не вѣроятно. Любопытно, что вышгородцы присягаютъ *послѣ* присяги кiанъ, какъ бы присоединяясь къ ней, хотя ничто не мѣшало имъ присягнуть и раньше старшаго города, если

¹⁾ Ипат. с. 290, 300.

²⁾ Ипат. с. 229.

³⁾ Костомаровъ Монографіи I с. 209; это предположеніе повторилъ и г. Даниленко въ исследованіи своемъ о кievскомъ вѣчѣ с. 86.

они желали, такъ сказать, подчеркнуть свою независимость. При всемъ томъ несомнѣнно, что Вышгородъ дѣйствительно игралъ болѣе самостоятельную роль и дѣйствительно какъ будто нѣсколько соперничалъ съ Кіевомъ; то былъ старинный, торговый, вѣроятно богатый городъ; но извѣстію лѣтописца, уже въ половинѣ IX в. онъ занималъ исключительное положеніе относительно Кіева, составляя удѣлъ Ольги; раньше другихъ пригородовъ (вѣроятно, въ 1077 г.) онъ получилъ своего особаго, хотя и подручнаго князя (Ярополва Изяславича) и позже затѣмъ имѣлъ часто своихъ особыхъ князей¹⁾. Интересно, что Святополкъ Володимиричъ нашелъ себѣ пособниковъ для убіенія Бориса среди вышгородскихъ бояръ, которыхъ кіевскій лѣтописецъ характеристично именуеть „боярцами“ („Вышегородскыя боярьць“)²⁾. Во время борьбы Мономаховичей и Ольговичей вышгородцы какъ будто благопріятствуютъ не любимымъ князьямъ Ольговичамъ; по нѣкоторымъ лѣтописнымъ спискамъ Всеволодъ Ольговичъ даже пришелъ на Вячеслава съ *вышгородцами*³⁾; если и не принять этого чтенія, то все-таки замѣтно со стороны Всеволода какое-то благоволеніе къ Вышгороду; послѣдній не послалъ, подобно другимъ городамъ, и своихъ депутатовъ на встрѣчу Изяславу. Позже мы имѣемъ еще эпизодъ, не лишній, быть можетъ, значенія: когда тѣло Владиміра Андреевича везли въ Кіевъ, и дружина отказывалась провожать его туда, боясь мести за учиненный недавно погромъ 1169 г. (княже, ты самъ вѣдаеши, что есмы надѣяли Княномъ; а не можемъ ѣхати, взбѣуть ны“), эта дружина безбоязненно отправилась въ Вышгородъ, и мы не видимъ никакого проявленія народнаго неудовольствія: по видимому, пригородъ не принималъ близко къ сердцу несчастья, постигшаго городъ⁴⁾. При всемъ томъ до открытой борьбы или вражды дѣло не доходитъ, нѣтъ никакихъ намековъ на нее.

Итакъ кіевскіе пригороды въ общемъ находились со своимъ городомъ

¹⁾ Ипат. с. 88, 140.

²⁾ Ипат. с. 92: „боярьць“ въ Ипат. и Погод. спискахъ, „бояре“—въ Хлѣби. Объ этомъ ср. у Сергѣевича с. 66. Чтобы объяснить преданность вышгородскихъ бояръ Святополку, Соловьевъ (I, с. 188) предполагаетъ, что Святополкъ по освобожденіи изъ заточенія былъ посаженъ отцемъ въ Вышгородъ; но возможно объяснить это и соперничествомъ кіевскихъ и вышгородскихъ бояръ.

³⁾ О разночтеніяхъ этого мѣста см. выше с. 154.

⁴⁾ Ипат. с. 374.

божественномъ происхожденіи и святости власти; составитель Начальной лѣтописи разсуждаетъ, напримѣръ, такъ: „поставляетъ царя и князя Вышній, ему же хочется, дать. Аще бо кая земля управится предъ Богомъ, поставляетъ царя и князя праведна, любяща судъ и правду, и властеля устрелять и судью правяща судъ“¹⁾. То же ученіе проповѣдовало и духовенство; митрополитъ Никифоръ въ своемъ посланіи къ Мономаху говоритъ о немъ, между прочимъ: „егоже Богъ издалеча проразумѣ и прѣдповелѣ, егоже изъ утробы освяти и помазавъ, отъ царское и князьское крови смѣсивъ“²⁾. Но въ обществѣ это ученіе не привилось; съ нимъ сталкивалось исконное воззрѣніе на князя, какъ на мірскаго человѣка, перваго чиновника общины, котораго послѣдняя можетъ во всякое время переимѣнить; хотя нельзя сказать, чтобы община ревниво относилась къ этому своему праву выбора—далеко не всегда осуществляла она его, какъ указано выше.

Вышнимъ знакомъ приобрѣтенія княземъ стола служило настолованіе; конечно, первоначально народъ сажалъ на самомъ дѣлѣ новаго князя на столъ, какъ германцы поднимали короля или герцога на щитъ; но въ разсматриваемое время хотя встрѣчается выраженіе „посадить“ („посадиша Княие“³⁾), однако чаще говорится „сѣде на столѣ“, даже о князьяхъ, которые получали столъ по волѣ народа⁴⁾; измѣнился ли сообразно этому и обрядъ, трудно сказать. Настолованіе обыкновенно происходило въ одномъ изъ княжескихъ дворцовъ, особенно на Ярославлѣ дворѣ; въ извѣстіяхъ XII в. князь предварительно отправляется поклониться св. Софіи и затѣмъ настолевается; эти два момента соединяются въ одинъ, и настолованіе получаетъ отчасти церковный характеръ⁵⁾. Духовенство также участвовало во встрѣчѣ новаго князя населеніемъ; по всей вѣроятности митрополитъ благословлялъ его на княженіе⁶⁾. Въ смыслѣ настолованія извѣстна и

¹⁾ Ипат. с. 98 и Лавр. с. 136. Объ освященіи власти см. В. С. Иконникова Опытъ ист. культ. знач. Византіи с. 813—5, Дьяконова Власть моск. государей с. 39—42.

²⁾ Русскія достопамяти. I с. 63.

³⁾ Ипат. с. 324, 329, Лавр. с. 291, 1 Новг. с. 12.

⁴⁾ Лавр. Ипат. с. 198, 233.

⁵⁾ Ипат. с. 283, 276, 280; въ 1078 г. Святославъ и Всеволодъ „сѣдоша на столѣ на Верестовомъ“ (с. 128).

⁶⁾ Ипат. с. 198, 233; когда въ 1156 г. прибылъ новизъ и. Константинъ на мѣсто

другая церемонія: кієвляне, вигнавъ Изяслава Ярославича и освобо-
дивъ Всеслава, „поставиша и средѣ двора княжа“¹⁾.

Функции князя очень широки и разнообразны; въ вѣдѣніи его
находятся почти всѣ сферы тогдашняго управленія, только вся дѣя-
тельность его находилась подъ контролемъ общины и ея органа—
вѣча, которое, какъ сказано, могло вмѣшаться (при благопріятныхъ
условіяхъ) во всякую сферу его дѣятельности, если находило что-либо
несогласнымъ со своими желаніями и интересами. Съ своей стороны,
князь иногда самъ привлекалъ вѣче къ участию въ своей дѣятельно-
сти, съ цѣлью достигнуть большей солидарности съ общиною, зару-
читься ея поддержкою²⁾.

Во частности князь вѣдалъ: во первыхъ, сношенія съ другими
государствами и князьями; онъ заключалъ съ ними союзы и договоры,
принималъ на себя тѣ или другія обязательства, объявлялъ войну и
заключалъ миръ. Примѣровъ такой дѣятельности князя приводить
нѣтъ надобности; гораздо меньше извѣстно случаевъ участія въ этой
дѣятельности общины: Изяславъ два раза сообщалъ вѣчу свое на-
мѣреніе воевать съ Юріемъ, желая заручиться поддержкою населенія;
въ обоихъ случаяхъ вѣче отговаривало князя отъ этой войны, совѣ-
товало помириться, а въ первомъ случаѣ, кромѣ того,—расторгнуть со-
юзъ съ Ольговичами. На исполненіи своего желанія вѣче не настояло,
но когда Изяславъ, потерпѣвъ неудачу, хотѣлъ превратить наступа-
тельную войну въ оборонительную, вѣче настоятельно потребовало
удаленія его изъ города. Въ сказаніи объ ослѣпленіи Василька мы
имѣемъ разсказъ о сношеніяхъ общины съ другими князьями по-
мимо своего князя³⁾.

Во вторыхъ, князь вѣдалъ военное дѣло; онъ былъ главнымъ
полководцемъ и распорядителемъ всякой войны; на доставляемыя во-
зостью средства онъ содержалъ дружину; въ случаѣ надобности онъ
вербовалъ отряды охотниковъ изъ земства; созывалъ земское ополченіе

Климентъ: „створиша божественную службу и благословиша князя Дюрга Володимирича
(с. 333)—потому, можетъ быть, что за отсутствіемъ митрополита надъ нимъ не былъ
исполненъ этотъ обычный обрядъ.

¹⁾ Ипат. с. 121.

²⁾ О функцияхъ князя см. Исидоровъ. Погодина VII с. 8 сл., „Обзоръ“ проф. Буда-
кова с. 40—42.

³⁾ Ипат. с. 172, 243, 265, 268.

съ согласія вѣча или безъ него, если со стороны общины не предвидѣлось никакого сопротивленія, какъ, напримѣръ, во время половецкихъ нападений; имъ же назначались какъ начальники дружины, охотниковъ, такъ и предводители земскихъ полковъ—тысяцкіе, воеводи. Примѣровъ этой дѣятельности опять-таки указывать не буду ¹⁾; выше были приведены случаи, показывающіе, какъ необходимо былъ князь для общины въ этой сферѣ дѣятельности, а также случаи вмѣшательства вѣча въ военныя распоряженія.

Въ третѣихъ, князь назначалъ чиновниковъ административныхъ и полицейскихъ, судебныхъ, фискальныхъ. Такъ намъ извѣстно изъ лѣтописи, что князь назначалъ тысяцкихъ—„держи ты тысячу, какъ еси у брата моего держалъ“, говорилъ Игорь тысяцкому Улѣбу ²⁾; что соціе тоже не были выборными, а назначались княземъ, видно изъ того, что они подверглись мести народа вмѣстѣ съ тысяцкимъ въ 1113 г. ³⁾. О назначеніи посадниковъ мы имѣемъ нѣсколько мѣстъ, напримѣръ подъ 1162 г.: „Давидъ ѣха въ Торцьскій, а посадника Мьстислава Вышка ехъ, приведе къ Киеву“, или подъ 1206 г.: „Всеволодъ Чермный сѣде в Киевѣ, надѣяся на свою силу, и посла посадникомъ по всѣмъ городомъ Киевскимъ“ ⁴⁾. Относительно тиуновъ достаточно будетъ и жалобъ князю Игорю на разоренія, причиненныя тиунами. По аналогіи имѣемъ право и замѣненіе остальныхъ должностныхъ лицъ приписать князю, исключая лишь такихъ, какъ сельскіе старосты. Относительно вѣча мы не имѣемъ ни одного примѣра, чтобы оно назначало или смѣщало чиновниковъ; этого, навѣрное, и въ дѣйствительности не бывало.

Далѣе, судъ также принадлежалъ князю и отправлялся какъ его чиновниками, такъ и самолично; о Всеволодѣ Ярославичѣ говорится, что его любимцы „начаша людемъ не хотѣти княжѣе правды“; въ Поученіи Мономаха въ числѣ княжьихъ занятій стоитъ и „управляваніе“ людей ⁵⁾. Вѣче не судитъ никого и даже жалуетъ Игорю на

¹⁾ Укажу только нѣсколько примѣровъ назначенія воеводъ—Ипат. с. 108, 179, 444; Погодинъ Исслѣд. VII с. 44; о тысяцкихъ см. ниже.

²⁾ Ипат. с. 231.

³⁾ Ипат. с. 198.

⁴⁾ Ипат. с. 355, Лавр. с. 408. Другія мѣста лѣтописей см. у Погодина Исслѣд. VII с. 205—207.

⁵⁾ Ипат. с. 151, Лавр. с. 238. Ср. также Русскую Правду—приговоръ Илласса надъ дорогобужцами, убившими его воеводу—см. Академ. ст. 21.

злоупотребленія тѣловъ, апелляціи на нихъ направляеть къ князю ¹⁾.

Князю же принадлежало изданіе законовъ—функция эта стояла въ тѣсной связи съ отправленіемъ суда. На участіе вѣча въ этомъ отношеніи мы не имѣемъ никакихъ указаній, исключая рядовъ съ княземъ: въ извѣстіяхъ нашихъ объ изданіи законовъ дѣйствуютъ князья съ участіемъ своей думы, бояръ-друзенниковъ. Такъ извѣстны законы, изданные сообща Изяславомъ, Святославомъ и Всеволодомъ съ участіемъ „мужей своихъ“: Косичка, Перенѣга, Микифора Клынина, Чудина, Милулы; свои законы о лихвѣ Мономахъ издалъ, совзавъ „дружину свою на Берестовѣмъ: Ратибора тысячскаго Кыевскаго, и Прокопия тысячскаго Бѣлгородскаго, Станислава, тысячскаго Переяславскаго, Назира, Мирослава, Ивана Чудновича, Олгова мужа“ ²⁾.

Наконецъ князь принималъ еще широкое участіе въ церковномъ благоустройствѣ (о чемъ рѣчь будетъ ниже).

При обширности и разнообразіи компетенцій княжеской власти, при затруднительности и слабости вѣчевого контроля, личность князя имѣла огромное значеніе. Жизнь не отлилась еще въ прочныя юридическія формы, отношенія отличались неопредѣленностью, административный механизмъ—несовершенствомъ; нуженъ былъ энергичный руководитель, одушевленный стремленіемъ въ правдѣ, любовью къ народу, чтобы сгладить эти несовершенства, дополнить недостающее въ формѣ живымъ духомъ, словомъ—нуженъ былъ князь, который бы „хотѣлъ добра всѣмъ сердцемъ Русской землѣ“ ³⁾—только такая любовь и могла одушевить его; но этотъ идеалъ оставался большею частью неосуществимымъ. По справедливому замѣчанію историка, княжеская политика того времени можетъ быть охарактеризована, какъ политика эгоизма по преимуществу; первая забота каждаго князя состояла въ увеличеніи владѣній, и все приносилось ей въ жертву—земскій миръ, узы родства ⁴⁾. Даже излюбленные народомъ князья въ сущности видѣли въ земствѣ орудіе для осуществленія своихъ личныхъ цѣлей, и ихъ ласковое отношеніе къ общинѣ является подчасъ только искус-

¹⁾ Ср. Вѣче и князь с. 84.

²⁾ Русская Правда по св. Акад. ст. 18, по св. Карамзинск. ст. 2 и 66; любопытно что въ обоихъ случаяхъ главными участниками являются тысяцкіе (Косичко и Чудинъ были также тысяцкіи—первый киевскій, второй—нигородскій).

³⁾ Ипат. с. 368 (о Мстиславѣ Изяславичѣ).

⁴⁾ Вѣче и князь с. 316—317.

нимъ средствомъ добиться отъ послѣдней тѣхъ или другихъ жертвъ въ свою пользу. Конечно, это чувствовалось населеніемъ. „Господина наю князя, говорило кievское вѣче Иаяславу и Ростиславу, не погубита насъ до конца; се нинѣ отци наши и братья наша и сынови наши на полку они изомани, а друзни набьени, и оружие снято; а вы вѣдаета оже намъ съ Гюргемъ не ужити: аже по сихъ днехъ кде узримъ стягы ваю, ту мы готови ваю есмь“¹⁾. Эти слова звучать горькою иронією и служатъ обвинительнымъ актомъ противъ государственнаго строя того времени.

Къ этому основному недостатку — отсутствію солидарности, единенія между земствомъ и правящею сферою присоединилось еще много другого — нашествія ратей, „плѣняющихъ и села жгущихъ“, наводимыхъ князьями въ нихъ „каторахъ“, экономическія бремена въ видѣ разныхъ „даній тяжкихъ“, „нетворимыхъ виръ и продажъ“ на содержаніе двора и дружины, небрежность и неправды въ судахъ, неустройства слишкомъ несовершенной административной машины, всевозможнаго злоупотребленія „небогобойныхъ и лукавыхъ мужей“, назначаемыхъ „только того дѣла, абы князю товара добывагъ“, тиуновъ „людей граблящихъ и продающихъ“, „погубляющихъ“ дѣлане города, отроковъ, обяжающихъ худого смерда и убогую вдовицу — все это внушало населенію весьма мало симпатій въ носителямъ власти вообще; власть и притѣсненіе тѣсно связывались въ общественномъ представленіи, и сѣверный лѣтописецъ, укоряющій тѣхъ, которые „не вѣдаютъ глаголемаго: идѣже законъ, ту и обидѣ много“, конечно, и не подозрѣвалъ, что говоритъ такую злую иронію²⁾.

Неудовлетворительность тогдашняго кievскаго государственнаго устройства обуславливалась въ значительной степени еще вѣвшей политикой Кievской земли, ея положеніемъ среди другихъ русскихъ земель. Отъ предшествующаго періода осталось преданіе, что Кievъ и его волость есть центръ всѣхъ русскихъ волостей и старѣйшій столъ между остальными столами; кievскій князь есть старѣйшій, великій князь между прочими, независимо отъ дѣйствительныхъ родовыхъ счетовъ (такъ Ростиславичи, уступая Кievъ Ярославу Иаяславичу въ

¹⁾ Ипат. с. 268.

²⁾ Лавр. с. 351.

1174 г., тѣмъ самимъ „положиша на немъ старѣйшинство“¹⁾; по Ярославлю завѣщанію кievскій князь долженъ быть остальнымъ „въ отца мѣсто“, и прочіе князья должны „послушати его“, какъ отца. Однако фактическихъ преимуществъ ни старѣйшинство, ни положеніе „въ отца мѣсто“ не давали сами по себѣ. Князья не одаренные выдающимся характеромъ, энергією, не обладавшіе большими силами, какъ, напримѣръ, Изяславъ Ярославичъ, Ярополкъ Володимеричъ, отчасти Святополкъ Изяславичъ и другіе, не пользовались никакимъ особеннымъ авторитетомъ среди другихъ; только личности энергичныя, къ тому могущественныя, какъ Мономахъ, Мстиславъ, превращали свою почетную роль въ настоящее господство: какъ тотъ, такъ и другой поставляютъ прочимъ князьямъ въ обязанность являться по ихъ зову, поставлять контингенты и за ослушаніе наказываютъ лишеніемъ волостей²⁾. Во вторую половину XII в., когда кievскій столъ часто получаютъ на основаніи договоровъ, и притомъ самое обладаніе является спорнымъ, когда самый Кіевъ падаетъ, тераетъ свое обаяніе, и съ нимъ соперничаютъ новые центры политической жизни,—только выдающіеся князья, какъ Изяславъ Мстиславичъ, Ростиславъ, Мстиславъ Изяславичъ, „въ воли“ котораго были Ольговичи³⁾, сохраняли за собою почетное положеніе среди другихъ собратьевъ; о господствѣ же нечего было уже и думать. Доставляло ли Кіевское княженіе матеріальныя преимущества? Намъ извѣстно, что Ярополкъ Володимеричъ посылалъ (въ 1133 г.) Изяслава Мстиславича „къ братьи Новугороду, и даша дани Печерскій и отъ Смолинська даръ“⁴⁾; возможно, что и въ другихъ случаяхъ кievскій князь, какъ старѣйшій, получалъ подарки, но только отъ своихъ родичей; на какія-либо другія матеріальныя преимущества нѣтъ никакихъ указаній.

Съ этимъ традиционнымъ престижемъ Кіева была связана традиціонная же политика собиранія русскихъ земель; какъ я замѣтилъ уже выше, она существовала среди кievскихъ князей и въ рассматриваемый періодъ. Князь, взобравшійся на кievскій столъ, немедленно пре-

¹⁾ Ипат. с. 392.

²⁾ Ипат. с. 203, 204 (о Мономахѣ), 217 (о Мстиславѣ).

³⁾ Ипат. с. 368.

⁴⁾ Лавр. с. 287, въ Низом. I с. 158: „да дадутъ дань на Кіевъ по старинѣ, такъ же отъ Смоленска и отъ Дунайска“.

вращаясь изъ автономиста въ горячаго объединителя и собирателя; общее стремленіе къ увеличенію владѣній тутъ еще усугублялось историческими преданіями Кіева. Мы видѣли, что первые Ярославичи—Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ—вели сообща собирательную политику на счетъ другихъ родичей, потомъ Святославъ и Всеволодъ соединяются противъ старшаго брата, а позже Изяславъ и Всеволодъ лишаютъ волостей Святославичей; въ это время, какъ собирательное средство, и выдвинуто было т. н. изгойство. Всеволодъ и его преемники вели собирательную политику уже на свой собственный счетъ, безъ союзниковъ; ему и особенно Мономаху посчастливилось собрать большое число волостей—это былъ послѣдній значительный успѣхъ собиранія; не безуспѣшна была также дѣятельность Святополна, вернувшаго Волынь, и Мстислава, прихватившаго Полоцкую волость и Посемье. Приобрѣтеніями Мстислава В. и закончилось собираніе; послѣднимъ отголоскомъ этой политики было еще намѣреніе Всеволода „самому землю всю держати“, если только дѣйствительно у него было такое намѣреніе, въ чемъ я сильно сомнѣваюсь. Послѣдующіе князя настолько не прочно сѣдѣли на кіевскомъ столѣ или настолько были слабы, что не помышляли уже о собираніи земель.

Эта собирательная политика для Кіевской земли была весьма вредна; на нее уходили ея средства и силы: борьба велась не только князьими дружинами, содержавшимися впрочемъ также на счетъ земли, но и земскими ополченіями; земля оскудѣвала отъ этихъ „ратей“¹⁾, которыя были совершенно чужды ея интересамъ, и результаты которыхъ въ сущности были совершенно безплодны: собираемое въ концѣ концовъ раздѣлялось между дѣтьми собирателя, и исторія начиналась сизнова. Только князья дружина, особенно высшая, была заинтересована въ приобретеніи новыхъ волостей: это приносило новыя кормленія, новыя доходы, которыми, по тогдашнимъ понятіямъ, князья должны были дѣлиться прежде всего съ дружиною.

Еще больше значенія имѣлъ способъ перехода кіевского стола отъ князя къ князю. Относительно приобретенія столовъ въ то время, какъ извѣстно, существуетъ нѣсколько теорій, которыя кладутъ въ основу одинъ какой-нибудь принципъ: родовое владѣніе, отчинность, добываніе, договоръ, народное избраніе; но ни одна изъ этихъ теорій не

¹⁾ Ипат. с. 153—это относится къ войнамъ Всеволода съ изгойми.

обнимает собою всей суммы фактовъ, представляемыхъ исторіей: кажется, всѣ перечисленные начала дѣйствовали одновременно, подчасъ сталкиваясь, и едва ли у самихъ князей существовали опредѣленные, ясныя воззрѣнія на этотъ предметъ ¹⁾. Къ середнѣ XII в. отдѣльныя волости постепенно обособились подъ управленіемъ особыхъ княжескихъ линій, и принципы старшинства, добыванія и пр. прихвѣляются уже внутри такихъ отдѣльныхъ волостей; однако Кіевъ (равно какъ и другіе нѣкоторые столы) не раздѣлялъ этой общей участи и попрежнему имѣлъ князей изъ различныхъ линій и семействъ. Эту особенную судьбу Кіева, кажется, нужно объяснить, въ связи съ его традиціонною ролью, тѣмъ, что сами князья ревниво слѣдили другъ за другомъ и не позволяли Кіевской землѣ сдѣлаться спеціальнымъ владѣніемъ которой-нибудь линіи; то была своего рода система равновѣсія. Существуетъ мнѣніе, что кіевская община, дорожа своимъ правомъ избранія князей, съ своей стороны всѣми мѣрами противодействовала установленію у себя наслѣдственнаго преемства; Соловьевъ видѣлъ здѣсь одну изъ причинъ, почему кіевская община не содала прочнаго государства ²⁾. Основаніемъ для этого воззрѣнія служатъ извѣстные слова кіянъ, призывавшихъ Изяслава Мстиславича: „Ольговичевъ не хотимъ быти аки в задничѣ“ ³⁾, но это частный случай, который нельзя обобщать. Кіевляне дѣйствительно не хотѣли сдѣлаться наслѣдственнымъ достояніемъ Ольговичей, но это вовсе не значитъ, чтобы они вообще были противъ наслѣдственности. Напротивъ, мы знаемъ, что они охотно переходятъ отъ Мономаха къ Мстиславу и Ярополку; послѣ перерыва, произведеннаго захватомъ Всеволода, они призываютъ Изяслава Мстиславича, по смерти его утверждаютъ на столѣ его брата—Ростислава, затѣмъ поддерживаютъ Мстислава Изяславича и его сына Романа. Очевидно, кіевская община обнаруживаетъ тяготѣніе къ одному опредѣленному роду, стремится закрѣпить его за землю. Такимъ образомъ Кіевская земля не составляетъ въ этомъ отношеніи исключенія въ ряду другихъ земель; то

¹⁾ Ср. Костомарова Монографія I с. 185.

²⁾ Ист. Россіи II с. 238. Такого же приблизительно мнѣнія объ этомъ держится и проф. Сергѣевичъ (Вѣче и князь с. 79): наслѣдственное преемство столовъ, по его мнѣнію, казалось народу чѣмъ-то неуспѣшнымъ и оскорбительнымъ. Совершенно противоположнаго воззрѣнія держится проф. Будаговъ, слова котораго я привелъ выше.

³⁾ Ипат. с. 230.

обстоятельство, что кыяне предпочитают старших племянников младшим дядям и игнорируют „дѣвичьи восхожденія“, не составляютъ какого-нибудь спеціальнаго отличія ихъ, и аналогическіе примѣры встрѣчаются и въ другихъ земляхъ. Этими я хочу сказать, что Кіевская земля не представляла никакихъ противогосударственныхъ элементовъ, какъ находятъ нѣкоторые историки, и вовсе не въ ея строѣ лежала причина, что ей не удалось составить отдѣльнаго, замкнутаго политическаго тѣла ¹⁾.

Смѣна князей изъ различныхъ линій, по большей части безъ санкціи земли, безъ обязательствъ относительно ея, безъ прочныхъ нормъ и гарантій во взаимныхъ отношеніяхъ, была, несомнѣнно, вредна для земли и совершенно непріятна населенію. Она плодила усобицы, мало того—отражалась и на земскомъ строѣ. Князь, явившійся въ Кіевъ въ силу завоеванія или въ силу обычнаго княжескаго права, смотрѣлъ на землю, какъ на временное, въ лучшемъ случаѣ—„доживотное“ владѣніе, онъ зналъ, что передать этотъ столъ своимъ дѣтямъ ему ни въ какомъ случаѣ не придется, напротивъ, его смѣнитъ князь изъ враждебной, соперничающей линіи. Болѣе предусмотрительный князь заботился объ образованіи партій, которая, пожалуй, сможетъ когда-нибудь, чрезъ большой промежутокъ времени, помочь его сыну взобраться на златой столъ кіевскій, но во всякомъ случаѣ онъ чувствовалъ себя чужимъ въ землѣ, и такимъ чувствовало его население; зачастую его встрѣчало съ самаго начала предвѣтное нерасположеніе земства—при такихъ условіяхъ нравственной связи между нимъ и землею не могло существовать. Естественно, князь видѣлъ въ землѣ лишь средство къ достиженію собственныхъ выгодъ и не имѣлъ особенныхъ поводовъ радѣть о ней. Онъ наводилъ съ собою земляковъ, которые отгѣснили мѣстную знать, которые были чужды мѣстныхъ воззрѣній, не знали мѣстнаго права, которые не связаны были нравственно съ туземнымъ населеніемъ и тоже не имѣли причинъ воздерживаться отъ эксплуатаціи его. Народное раздраженіе противъ этого порядка проявилось въ избіеніи черниговцевъ по смерти Игоря, суздальцевъ—по смерти Юрія, проявлялось, вѣроятно, и во многихъ другихъ случаяхъ, но не устраняло этого порядка вещей.

Въ болѣе благоприятныхъ условіяхъ находилась малюбленная дш-

¹⁾ Смотри объ этомъ также въ упомянутой статьѣ Пассека, с. 35 сл., 76—77.

настія кїявъ (Мономахъ - Мстиславъ - Изяславъ - Мстиславъ - Романъ); она хорошо знала дорогу къ популярности, умѣла ее цѣнить и, разъ прибрѣвъ расположеніе кїевского земства, старалась сохранять и закрѣпить его за собою. Однако и тутъ была худая сторона. Дѣло въ томъ, что расположеніе современнаго общества, насколько можно судить, списывалось не столько тѣми или иными конкретными результатами княжеской дѣятельности, сколько характеромъ князя, его личнымъ поведеніемъ, личною дѣятельностью. Излюбленный князь—человѣкъ вѣрный, на него можно положиться, онъ хочетъ добра Русской землѣ, знаетъ желанія ея и при всякомъ случаѣ поступитъ въ ея интересахъ—таково, приблизительно, было общественное представленіе (хотя практика часто и сильно расходилась съ нимъ). Результатомъ было не усиленіе дѣятельности общины, не расширеніе ея функций, а напротивъ—ослабленіе вѣчевой инициативы, контроля, расширеніе полномочій князя и еще большее проникновеніе его въ жизнь земли. Такимъ образомъ правленіе излюбленныхъ князей убавкивало общину, тормозило политическое развитіе ея, и въ концѣ концовъ, послѣ благополучнаго правленія князя народолюбца община получала какого-нибудь неприятнаго Всеволода Ольговича или Юрія, безъ всякой политической подготовкы, безъ средствъ къ устройству сноснаго *modus vivendi*. Оставалось терпѣть и ждать случая, чтобъ учинить лествъ подъ княземъ своимъ.

Заговоривъ объ излюбленныхъ князьяхъ Кїевщины, естественно поставить вопросъ: какія качества были причиною популярности Мономаха и его старшей линіи, предпочтенія ея всѣмъ остальнымъ? Этому вопросу я касался уже при случаяхъ въ предшествующемъ изложеніи, теперь не лишнимъ будетъ свести разрозненныя замѣчанія воедино. Кстати по этому вопросу мы имѣемъ отличный источникъ въ Поученіи Мономаха. Самый популярный князь своего вѣва, онъ очень хорошо зналъ запросы общества и не оставилъ своихъ сыновей безъ руководства въ этомъ отношеніи. Его наставленія въ общественной сферѣ можно свести къ такимъ положеніямъ: будьте энергичны и дѣятельны, будьте мужественны и отважны на войнѣ и внимательны къ управленію, входите во всѣ отрасли его, до „церковнаго наряда“ включительно, контролируйте своихъ чиновниковъ и слугъ, особенно заботьтесь о правосудіи и защитѣ слабыхъ, во всѣмъ, даже случайнымъ встрѣчнымъ, будьте ласковы и радушны, оказывайте предупредительность

и почетъ ¹⁾). Несомнѣнно, населеніе очень цѣнило эти качества, и мы дѣйствительно находимъ ихъ или, по крайней мѣрѣ, догадываемся, что они были присущи старшей линіи Мономаха, и, наоборотъ, отсутствіемъ этихъ качествъ болѣе или менѣе страдали прочіе искатели и обладатели кievскаго стола: у однихъ не ставало энергіи и распорядительности, какъ у Всеволода Ярославича, у другихъ—рыцарской отваги, радушія, какъ у Святополка, у третьихъ—вниманія къ желаніямъ земства, какъ у Юрія. Затѣмъ нужно имѣть въ виду еще одно очень важное обстоятельство, которое я постоянно отмѣчалъ въ предшествующемъ изложеніи, именно—отношенія къ половцамъ. Ни одинъ налюбленный князь не прибѣгалъ къ ихъ услугамъ, напротивъ—всѣ они, начиная съ Мономаха и кончая Романомъ, по возможности вели наступательную борьбу съ ними ²⁾; я считаю это чисто-народною политикою, не допуская, чтобы она велась лишь въ угоду возрѣніямъ духовенства и дружины ³⁾. Вражда къ степному хищнику глубоко залегала въ южнорусскомъ народѣ; чуждый всякой племенной вражды и исключительности, онъ не могъ дружить лишь съ этимъ исконнымъ врагомъ, въ продолженіи вѣковъ высасывавшимъ его жизненные соки, ничѣмъ не утолимымъ ⁴⁾. И когда древній летописецъ отмѣчаетъ, что „се уже третье наведе Олегъ поганна на Рускую землю, его же грѣха дабы и Богъ простилъ, повеже много хрестьянъ изгублено бысть“, или рассуждаетъ (по поводу набѣга Кончака): „аще кто любитъ врагы Божія, то сами что примуть отъ Бога?“ ⁵⁾—его устами говоритъ не только духовный человекъ, но еще, можетъ быть, больше—князья. И кievское населеніе, несомнѣнно,

¹⁾ Любопитно, что и здѣсь, у Мономаха, все сводится къ личному поведенію; Мономахъ сочувствуетъ, напримѣръ, „на посадники не зрѣти ни на бирчи“, „а дождю оправдите сами, а не вдавайте слышныи изгубити челоуѣка“, но ничего не говоритъ о томъ, какъ устроить, чтобы слышныи не губили челоуѣка и посадники и бирчи не нуждались въ непрестанномъ надзорѣ. Очевидно, въ этомъ отношеніи Мономахънисколько не возманился надъ уровнемъ современныхъ возрѣній общества.

²⁾ Мономахъ пользовался помощью половцевъ, но въ болѣе раннее время, до борьбы съ ними 1103—1111 г. (Ипат. с. 166, Лавр. с. 239).

³⁾ Ср. выше с. 117.

⁴⁾ И тутъ, впрочемъ, была вражда не племенная, а культурная; степнякъ, оставившій свои набѣги, становился для русскаго населенія вполне сноснымъ соседомъ, какъ видно изъ нашихъ свѣдѣній о Поросѣ.

⁵⁾ Ипат. с. 168, 416.

всегда ставило на счетъ своимъ князьямъ, если они „наводили половецъ на Рускую землю“.

Не сочувствуя соперничеству и постоянной смѣнѣ князей изъ разныхъ вѣтвей, желая оставаться при излюбленной линіи Мономаховичей, кievское население держалось двойного, совершенно различнаго образа дѣйствій: то оно устранилось совершенно отъ вѣшной политики, предоставляя князьямъ вести свои безпокойныя распри, то съ одушевленіемъ вмѣшивалось въ эти отношенія, желая поддержать симпатичнаго князя или надѣясь прекратить разъ навсегда постороннія претензіи и посягательства, какъ при Изяславѣ. Но и то и другое помогало мало: съ одной стороны—осуществить извѣстную формулу „князь и дружина сами по себѣ, а земство само по себѣ“¹⁾ въ полномъ ея объемѣ на практикѣ было невозможно: княжеско-дружинный элементъ все-таки довольно глубоко проникалъ въ жизнь общества, и князья которыя и рати производились не гдѣ индѣ, а по живому тѣлу самого земства; съ другой стороны, кievская община, располагавшая средствами одной лишь Полянскои земли, вдобавокъ ослабляемая существованіемъ династическихъ партій, не была достаточно сильна для того, чтобы своими силами уничтожить сложившійся порядокъ преемства, противостать всѣмъ постороннимъ искательствамъ. Такое колебаніе продолжалось во все время до монгольскаго вшествія. Столкновеніе интересовъ князей и земли окончилось плачевно для послѣдней — она подверглась разореніямъ, ослабѣла, захудала.

Такимъ образомъ въ Кievской землѣ политическая несостоятельность княжеско-дружиннаго строя присоединилась къ тѣмъ экономическимъ тягостямъ, неурядицамъ, которыя повсемѣстно удручали народъ; кievское земство болѣе, чѣмъ какое-либо, имѣло поводы тяготѣться имъ и наконецъ, отчаявшись создать когда-либо желаемый *modus vivendi*, не находя къ тому средствъ ни у себя, ни во внѣ, безъ попытокъ борьбы съ этимъ строемъ въ смыслѣ какихъ-либо реформъ (по крайней мѣрѣ намъ ничего не извѣстно въ этомъ смыслѣ), какъ кажется, прямо отказалось отъ него. Оно воспользовалось монгольскимъ погромомъ и вернулось къ первоначальному строю—къ мелкимъ, автономнымъ общинамъ.

¹⁾ Вильевъ, Разсказы изъ рус. ист. I с. 50.

Перейдемъ къ организаціи управленія земли. Прежде всего займемся частными удѣлами Кіевщины. Подобно тому, какъ въ другихъ волостяхъ, здѣсь также отдѣльные города, области отдавались князьями въ управленіе и пользованіе близкимъ и дальнимъ родичамъ. До половины XII в. раздача удѣловъ весьма рѣдка. Дорогобужъ, Бужскъ и Острогъ были даваемы Давиду Игоревичу, Ярополкъ Изяславичъ и Мстиславъ Володимеричъ при жизни отцовъ сидѣли — первый въ Вышгородѣ, второй въ Бѣлгородѣ; кромѣ того, Вышгородъ держалъ съ годъ Всеволодъ Мстиславичъ (при Ярополкѣ), а Бѣлгородъ былъ отданъ на нѣкоторое время Всеволодомъ Ольговичемъ брату Святославу. Лишь начиная съ правленія Изяслава, раздача удѣловъ практикуется очень широко и съ послѣдней четверти XII в. входитъ въ обыкновеніе — Кіевская земля постоянно раздѣлена на удѣлы. Если обратить вниманіе на то, какъ часто тотъ или другой городъ былъ назначаемъ въ удѣлъ и какъ долго онъ находился въ положеніи удѣльнаго, то кіевскіе удѣлы можно расположить въ слѣдующемъ нисходящемъ ряду: Погорина, Вышгородъ, Бѣлгородъ, Торческъ, Треполь, Каневъ, Котельница съ Божскимъ, Межибожемъ и еще двумя городами, Овручъ, Корсунъ, Богуславъ, Бужскъ (отдѣльно), Мозырь, Корческъ, Котельница (отдѣльно), Михайловъ, Полонный¹⁾; конечно, мы можемъ составить только приблизительное понятіе о дѣйствительномъ распредѣленіи удѣловъ, такъ какъ продолжительность владѣнія не всегда извѣстна, а также неизвѣстно часто и то, какіе города тянули къ упоминаемому центральному пункту. Обращая вниманіе на приведенный списокъ, замѣчаемъ, что удѣлы, за исключеніемъ межеумочной Погорины, выдѣлялись преимущественно въ землѣ Полянскій (съ Порослемъ), гораздо рѣже въ ея аннексахъ: это, можетъ быть, вытекало изъ политическихъ соображеній кіевскихъ князей.

Изъ перечисленныхъ удѣловъ только Погорина обособилась и присоединилась затѣмъ къ Волыни; прочіе удѣлы никогда прочно не обособлялись. Главною причиною было то обстоятельство, что при постоянной смѣнѣ князей на кіевскомъ столѣ въ выдѣленіи удѣловъ, въ распредѣленіи ихъ происходили частыя перемѣны, такъ что ни одинъ не могъ закрѣпиться за кѣмъ-либо, не оставался даже непре-

¹⁾ Списокъ кіевскихъ удѣльныхъ князей см. у Погодина Исслѣд. VI, с. XXXVI—VII, XXXIX, XL.

равно въ рали удѣла (кромѣ Погорини). Кромѣ того, какъ указано, удѣлы выдѣлялись преимущественно на территоріи полянской, послѣдняя же настолько невелика и объединена самыми географическими условіями, что распасться на удѣлы не могла. Такимъ образомъ цѣлость Кіевской земли во весь этотъ періодъ, за вычетомъ западной половины, оставалась ненарушимой. Но выдѣленіе удѣловъ все-таки, надо думать, нарушало связь пригородовъ съ городами и ослабляло единство общины; что оно ослабляло силы кіевскаго князя, это само собою разумѣется.

Что до отношеній удѣльныхъ князей къ кіевскому, то необходимо различать тѣ случаи, когда удѣлы получали сыновья отъ отца— кіевскаго князя, и когда ихъ получали другіе родичи, особенно отдаленные. Въ первомъ случаѣ отдѣленные города оставались въ тѣсной связи съ Кіевомъ, ихъ князья немного разнились отъ обыкновенныхъ посадниковъ и находились въ полномъ повиновеніи у кіевскаго князя; во второмъ случаѣ зависимость удѣльнаго князя опредѣлялась тѣми мотивами, которые привели къ выдѣленію удѣла—было ли то пожалованіе изъ милости безземельному родичу, уступка за помощь, за услугу, или просто дѣлежъ „Руской земли“ между нѣсколькими претендентами: сообразно съ этимъ измѣнялись и отношенія; въ послѣднемъ случаѣ совладѣльцы пользовались полною самостоятельностью, и ихъ могло объединять только представленіе о солидарности ихъ интересовъ, какъ князей одной и той же „Руской земли“: подобное видѣли мы въ совмѣстное правленіе Святослава Всеволодича и Рюрика.

Что касается городовъ, отдававшихся княгинямъ—какъ, напримеръ, извѣстно, что Вышгородъ принадлежалъ Ольгѣ, кн. Верху-славѣ былъ отданъ Рюрикомъ Ростиславичемъ городъ Брагинъ—то они, правдоподобно, не составляли ни удѣловъ, ни, еще менѣе, частной собственности княгинь; послѣднія, вѣроятно, пользовались только всякаго рода данью и пошлинами; самые же города не выдѣлялись изъ общей системы управленія.

Центральный органъ управленія волости составлялъ князь, который, какъ сказано, назначалъ чиновниковъ, отправлялъ судъ, въ частности—по жалобамъ на рѣшенія чиновниковъ, кромѣ того управлялъ финансами, принималъ доходы и завѣдывалъ ихъ назначеніями. При немъ находился совѣтъ, или, какъ его называютъ теперь, „дума“, съ которою онъ, какъ св. Владиміръ въ сказаніи, „дума о строеніи

землинемъ, и о уставѣ землинемъ, и о ратѣхъ¹⁾, словонъ—о всѣхъ тѣхъ предметахъ, которые вѣдалъ самъ²⁾). Главнымъ элементомъ, изъ котораго складывалась эта „дума“, была старшая дружина, бояре княжи: это ихъ обязанность и право; въ нѣкоторыхъ случаяхъ княжими собѣтниками являются также духовныя лица—митрополитъ и епископы³⁾. Въ болѣе раннюю эпоху, при Владимирѣ Св., въ этомъ совѣтѣ участвуютъ и влиятельные представители общины—„старцы градскіе“ или „людскіе“ и „старѣйшины городскіе“; привлекались ли неслужилые люди, представители общины, и позже? Этотъ вопросъ рѣшается новѣйшими исследователями различно; такъ, проф. Иловайскій полагаетъ, что рядомъ съ боярскою думою стояло „малое вѣче“, когда „лучшіе люди“, влиятельные члены общины, призывались на княжескій дворъ для совѣщаній вмѣстѣ съ боярами и дружиною. Напротивъ, проф. Ключевскій въ специальномъ своемъ исследованіи держится того мнѣнія, что земская аристократія въ эту эпоху тѣсно примкнула къ вѣчу, сдѣлавшись его руководителницею, и лучшіе люди являлись къ князю только въ качествѣ депутатовъ и посредниковъ отъ вѣча. Другіе ученые (какъ, напримѣръ, проф. Будановъ), полагая, что въ XI и XII вв. земское и служилое боярство совершенно слилось, тѣмъ самымъ устраниаютъ самый вопросъ⁴⁾. Мнѣ

¹⁾ Ипат. с. 87. Для нашей эпохи есть множество извѣстій о княжеской думѣ, напр. Ипат. с. 152, 191, 275; см. также въ сказаніи о походѣ Игоря Святославича: „гдѣ бояре думаютъ, гдѣ мужи храбрѣе стаютъ“ (Ипат. с. 434). Впрочемъ, самый терминъ „дума“ въ смыслѣ учрежденія не встрѣчается въ рассматриваемый періодъ: въ такомъ значеніи онъ является лишь въ Московскомъ государствѣ (Ключевскій, *Возрѣвша дума*, с. 210).

²⁾ Обзоръ функций думи см. въ Обзорѣ проф. Буданова с. 47—48; кромѣ обсужденія вопросовъ, подлежащихъ княжеской компетенціи, сюда включено еще право призывать князя и заключать рядъ съ нимъ, но въ этомъ случаѣ дума выступала не какъ учрежденіе, а какъ частная группа, вмѣстѣ съ прочею дружиною (см. Ипат. с. 365).

³⁾ Нѣсколько извѣстнѣе участіе бояръ см. выше; см. еще у Погодина VII с. 75 сл.; относительно участія духовенства самое интересное свидѣтельство находится въ сказаніи о Владимирѣ Св. (Ипат. с. 87); для позднѣйшаго времени см. Ипат. 446, 459—460; сюда отчасти могутъ быть отнесены также случаи ходатайства духовенства предъ княземъ, которые будутъ указаны ниже. См. „Боярскую думу“ проф. Ключевскаго с. 14 сл., 42 слѣд., 66; „Обзоръ“ проф. Буданова с. 44—45.

⁴⁾ Ист. Россіи т. I, ч. 2 с. 301, Боярск. дума с. 42 слѣд., Обзоръ исторіи русскаго права с. 30. Мнѣніе проф. Буданова всецѣло приято и г. Липиниченкомъ въ его исследованіи о кievскомъ вѣчѣ (с. 63—64).

думается, что возобновленіе вѣча, какъ выраженія воли населенія, само по себѣ не дѣлало излишнимъ участіе въ княжескомъ совѣтѣ представителей земства: вѣче было институтомъ контролирующимъ, экстраординарнымъ, князю же весьма часто необходимо было знать образъ мыслей населенія; правда, посредниками могли служить дружинники изъ мѣстной аристократіи (о чемъ ниже), но лишь отчасти. Поэтому нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, что и въ рассматриваемое время князь, если у него не было рѣзкаго антагонизма съ общиною, могъ приглашать къ совѣщанію выдающихся членовъ земства; такое совѣщаніе не могло имѣть, впрочемъ, юридическаго значенія: князь имѣлъ цѣлью лишь освѣдомиться о настроеніи общины или заручиться помощью влиятельныхъ членовъ ея для проведенія того или другаго плана.

Совѣщанія думы происходили весьма часто, едва ли не ежедневно, раннимъ утромъ¹⁾; въ обыкновенныхъ совѣщаніяхъ принимали участіе наличные бояре, въ болѣе важныхъ случаяхъ призываются, напримѣръ, тысяцкіе изъ другихъ городов; но и въ такомъ случаѣ составъ думы не многочисленъ— всего 5—6 бояръ²⁾. Хотя дума составляла личный совѣтъ князя, тѣмъ не менѣе обычай требовалъ, чтобы послѣдній ничего важнаго не предпринималъ безъ совѣта со своей дружиной; кievскій лѣтописецъ съ неудовольствіемъ отмѣчаетъ фактъ, что Святославъ Всеволодичъ задумалъ выгнать Ростиславичей изъ Русской земли, „сдумавъ с княшнею своею и с Кочкаремъ, милостыникомъ своимъ, и не поведѣ сего мужемъ своимъ лѣпшимъ думы своея“³⁾. Съ своей стороны, бояре считали себя не обязанными участвовать въ тѣхъ предпріятіяхъ князя, которыя не были предварительно обсуждены въ ихъ совѣтѣ („о себѣ еси, княже, замыслилъ, а не ѣдемъ

¹⁾ См. Поученіе Мономаха (Давр. с. 238): послѣ заутрени, при восходѣ солнца собирается „сиде думати съ дружиною, или люди оправдвати, или на ловъ ѣхати, или поѣздати, или лечи снати“. Въ житіи Θεодосія рассказывается, что съелтой, возвращаясь отъ князя, на зарѣ встрѣчалъ вельможъ, ѣдущихъ къ князю (Житіе въ изд. Водлинскаго т. 15).

²⁾ См. вышеприведенныя статьи Русской Правды о добавленіяхъ Ярославичей и Мономаха; Вопрская дума с. 63, Обзоръ ист. р. пр. с. 46.

³⁾ Ипат. с. 367, 371, 418. Любопытнѣе также обвиненіе галицкаго князя Владиміра Ярославича, что онъ „думи не любилъ съ мужи своимъ“ (с. 444).

танувшую въ нему ¹⁾. Въ Киевской землѣ тысяцкіе извѣстны въ Киевѣ, Бѣлгородѣ и Вышгородѣ ²⁾; тысяцкіе вышгородскіе и бѣлгородскіе упоминаются всего по одному, по два раза, но киевскіе—довольно часто, такъ что можно составить довольно большой списокъ ихъ; намъ извѣстны: Коснячко (1068 г.), Янъ Вышатичъ (1089), Путята, братъ Яневъ (1113), Ратиборъ (1113—1125), Давидъ Яруновичъ (1136), Улѣбъ (1146), Лазарь (1147), прежде бывший савовскимъ посадникомъ, Ярославъ Андреевичъ (1160), Григоръ (1172), Славно Борисовичъ (1188), Іоаннъ Славновичъ (1231), Дмитро (1239—1240 г.) ³⁾. Были ли тысяцкіе въ другихъ городахъ земли? На это можно отвѣчать лишь болѣе или менѣе гадательно, въ связи съ вопросомъ о происхожденіи этой должности. Дѣло въ томъ, что хотя тысяцкіе въ рассматриваемое время назначались князьями, но первоначально они, весьма вѣроятно, были выборными военными вождями общинъ и какъ такіе, могли существовать лишь въ общинныхъ центрахъ, т. е. городѣ и важнѣйшихъ пригородахъ земли; да и сборными пунетами ополченія естественно было служить этимъ послѣднимъ. Какъ оно было впоследствии, въ рассматриваемое время—другой вопросъ. Однако важно то, что и въ это время мы находимъ тысяцкихъ лишь въ важнѣйшихъ пунетахъ, земскихъ центрахъ русскихъ земель; вотъ почему утвержденіе, напримѣръ, Погодина, что каждый городъ и каждый князь имѣли своего тысяцкаго, нельзя принять безъ ограниченій ⁴⁾. Тысяцкіе князья, т. е. называемые по именамъ князей, а не городовъ (тысяцкій Давыдовъ, Давыловъ) встрѣчаются также лишь съ именами князей, занимавшихъ важнѣйшіе столы, имѣвшіе значеніе

¹⁾ Ср. Погодина Исслѣд. VII с. 219.

²⁾ Титулъ вышгородскаго тысяцкаго не встрѣчается въ источникахъ, но Радло, тысяцкій Давида, кн. вышгородскаго, имѣвшій въ Вышгородѣ домъ (Ипат. с. 363—366), очевидно, былъ вышгородскимъ тысяцкимъ; такимъ же вышгородскимъ тысяцкимъ былъ и Чудичъ „державшій“ Вышгородъ въ 1072 г. (Ипат. с. 128). Тысяцкій бѣлгородскій упоминается въ вышеприведенномъ текстѣ Русской Правды (см. Карамз. ст. 66); бѣлгородскимъ тысяцкимъ былъ, кажется, и Лазарь воевода 1180 г. (Ипат. с. 420). О киевскихъ тысяцкихъ см. напр. Ипат. с. 196, 231, 245. Сводъ лѣтописныхъ извѣстій—у Погодина VII с. 186 сл.

³⁾ Этотъ списокъ я заимствовалъ у Погодина, Исслѣд. VII с. 122, прозвѣвъ его по источникамъ и прибавивъ Ярослава Андреевича, который упоминается лишь въ Ипат. л. I с. 218. Славно встрѣчается только съ титуломъ воевода—Ипат. с. 445.

⁴⁾ Погодинъ Исслѣд. VII с. 190. Проф. Ключевскій, говоря объ имѣніяхъ, имевшихъ князьями въ земскій строй, замѣчаетъ: „сторожевое управленіе въ Киевской

земскихъ центровъ¹⁾; по всей вѣроятности, это были тѣ же городскіе тысяцкіе, и имя князя равносильно въ данномъ случаѣ имени его стольнаго горста: такъ Дмитро, знаменитый тысяцкій 1240 г., называется „киевскимъ тысяцкимъ Даниловымъ“²⁾. Нужно впрочемъ замѣтить, что тысяцкіе, если и были нѣкогда вождями земства, въ это время, повидимому, утратили вовсе земское значеніе, стали вполне княжьими чиновниками: по крайней мѣрѣ и въ движеніе 1067 г., и во время безпорядковъ 1113 г. народное неудовольствіе направляется нѣ въ чиновниковъ прежде всего на тысяцкихъ (Коснячка и Путату)³⁾.

Должности сотскихъ и десятниковъ имѣли, вѣроятно, общее происхожденіе съ должностью тысяцкихъ: то были, надо думать, земскіе чины, подчиненные тысяцкому, также бывшіе военными первоначально и военно-административными въ разсматриваемое время; какъ я выше замѣтилъ, они назначались тогда, по всей вѣроятности, княземъ⁴⁾.

Посадники управляли городскими округами, которые не имѣли тысяцкихъ; правдоподобно, они были такими же военно-административными чиновниками, какъ и тысяцкіе, хотя прямыхъ указаній на это мы не имѣемъ⁵⁾.

земль Бѣлгородъ, возникшее при св. Владимірѣ изъ княжескаго дворцоваго села, при Мономахѣ также было тысячей“ (Воарская дума с. 30, также Русская Мысль 1880 кн. X, с. 73—74). Но извѣстіе о zaloженіи „города“ въ Бѣлгородѣ (Ипат. с. 53) еще незначитъ, что такъ раньше не существовало города (ср. напр. zaloженіе Кіева при Ярославѣ с. 106), и тысяча такъ могла существовать не только раньше Владиміра Мономаха, но и Владиміра Св. Существованіе тысяцкихъ въ Бѣлгородѣ и Вышгородѣ гораздо естественнѣе, кажется мнѣ, объяснять земскимъ значеніемъ этихъ городовъ, тѣмъ болѣе, что они нѣкогда собственно не превращались въ настоящіе столичные города. Что до сѣверныхъ „новихъ“ столичныхъ городовъ (какъ Владиміръ, Москва, Нижній Новгородъ), на которые указываетъ проф. Ключевскій, то они въ своемъ строѣ въ многомъ повторяли строй старихъ, земскихъ городовъ.

¹⁾ См. сводъ даниныхъ у Погодина I с. Сомнѣніе возможно лишь относительно Владиміра Мстиславича, у котораго былъ въ 1147 г. тысяцкій („Рагуно Володимиръ тысяцкой“—Ипат. с. 247), но весьма возможно и вѣроятно предположеніе, что Владиміръ въ это время занималъ владимірскій (на Волгини) столъ—см. Линиченко Владим. отком. с. 160.

²⁾ Ипат. с. 523. Тысяцкихъ князьихъ отъ городскихъ отличаетъ, напримѣръ, Бестужевъ-Рюминъ—Рус. ист. I с. 210.

³⁾ Ипат. с. 120, 198.

⁴⁾ О сотскихъ Ипат. с. 86, 198; десятники упоминаются только въ сказаніи о Владимірѣ Св. (с. 86); если справедливо, что это сказаніе сложилось много позже описанныхъ событий, то эта должность существовала въ нашу эпоху.

⁵⁾ Ср. Сергѣевича Вѣче и князъ с. 362—366; мѣста литвинскій о посадникахъ см. въ Ипатьѣ. Погодина VII с. 205—207.

Соединили ли въ своихъ рукахъ тысяцкіе и посадники также судебныя и финансовыя компетенціи, судили ли они и собирали рентали? Любопытно, что въ тѣхъ городахъ, гдѣ существовали тысяцкіе—въ Киевѣ и Вышгородѣ, встрѣчаемъ и тиуновъ, которые „продаютъ и губятъ“ народъ, т. е., правдоподобно, завѣдываютъ сборомъ судебныхъ пошлинъ и податей ¹⁾. Можетъ быть, судебныя и финансовыя компетенціи не всегда входили въ кругъ вѣдомства тысяцкого и посадника и передавались лишь въ силу особаго пожалованья, а безъ того тысяцкий или посадникъ получалъ на свое содержаніе только извѣстную часть этихъ податей или пень.

Обязанности низшихъ чиновниковъ при посадникахъ и тысяцкихъ исполняли, вѣроятно, ихъ частныя тиумы, дѣтскіе, отроки; въ качествѣ судебного чиновника упоминается въ Русской Правдѣ „вирникъ“ ²⁾.

Далѣе, въ лѣтописи упоминается еще осменникъ (осмьникъ), важный чиновникъ кievскій, водившій хлѣбъ-соль съ самимъ княземъ; эту должность мы встрѣчаемъ въ Киевѣ и позже, въ литовскій періодъ: „осмникъ“ тогда завѣдывалъ сборомъ торговыхъ пошлинъ, обладалъ также судебно-полицейскими полномочіями и участвовалъ въ свѣшанномъ церковно-гражданскомъ судѣ ³⁾. Упоминается въ XII в. въ Бѣлгородѣ мытникъ, собиравшій пошлины „на мосту“ ⁴⁾; подобныя мытницы надо предполагать также и на другихъ торговыхъ трактахъ; изъ Русской Правды мы узнаемъ, что мытники находились и на торговыхъ—для сбора торговыхъ пошлинъ; при этомъ они исполняли обязанность мажеровъ, санкцируя торговыя сдѣлки ⁵⁾.

Значительная часть административнаго, полицейскаго, финансового управленія оставалась, несомнѣнно, у мѣстныхъ общинъ—городскихъ и сельскихъ; органами его служили общее вѣче и совѣтъ „лучшихъ людей“, „старѣйшинъ“, „старцевъ“. Намъ извѣстно изъ Русской Правды, что княжескій судъ пользовался общиною, какъ орудіемъ для поимки преступниковъ, что существовала круговая по-

¹⁾ Ипат. л. с. 151, 229.

²⁾ См. Академич. ст. 42 (см. Карама. ст. 7, 8).

³⁾ Ипат. с. 336, уставныя грамоты Киеву 1494 и 1499 г.—въ Ант. Зап. Россіи т. I с. 145, 194—195.

⁴⁾ Ипат. с. 298.

⁵⁾ См. см. Карамашица. ст. 33, 36.

рука, и община отвѣчала за своего члена ¹⁾; нельзя сомнѣваться, хотя прямыхъ указаній такого рода мы не имѣемъ, что община также занималась раскладкою и собираніемъ податей, верстала ратниковъ въ ополченіе, выбирала свою старшину и вообще самоуправлялась. По справедливому замѣчанію проф. Градовскаго, только благодаря тому, что большая часть управленія оставалась въ рукахъ мѣстныхъ общинъ, княжеское управленіе могло обходиться такими несложными органами ²⁾. Князьи чиновники были лишь посредниками между мѣстными общинами и центральною княжескою властью.

Резюмируя все вышесказанное, мы видимъ, что политическое и земское управленіе складывалось изъ двухъ элементовъ—общиннаго и княжеско-дружиннаго; частіе же мы находимъ: земское вѣче, какъ верховный органъ земли, князя и думу при немъ, систему княжескихъ чиновниковъ и мѣстныя вѣча, какъ органы низшаго, мѣстнаго самоуправления. Благодаря тѣмъ историческимъ условіямъ, о которыхъ была рѣчь выше, князь оттѣснилъ общенародное вѣче на степень контролирующаго института и захватилъ центральное текущее управленіе въ свои руки; политическое вѣче потеряло свои исполнительныя, посредствующіе органы; связь между нимъ и мѣстными самоуправляющимися вѣчами была разрушена, стала невозможною, и такимъ образомъ общее земское самоуправленіе оказалось „не въ средствахъ вѣча“.

Выше было сказано, что наши свѣдѣнія объ общинной организаціи относятся ближайшимъ образомъ къ землѣ полянъ; о кievскихъ аннексахъ, въ частности самомъ главномъ изъ нихъ—землѣ древланъ мы можемъ судить лишь по аналогіи съ строемъ другихъ волостей и съ историческими условіями самой земли ³⁾. Я говорилъ уже, что Древланская земля, по всей вѣроятности, не входила въ кругъ кievскихъ общинныхъ отношеній; ея города были только волостями, а не пригородами Кіева. Но въ то же время она не составляла,

¹⁾ Русская Правда по сл. Академ. ст. 18 и 19, по сл. Карамзинск. 3—6, 80, 88.

²⁾ См. статью „Государственный строй древней Руси“ въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1886, X с. 126; ср. Иловайскаго Ист. Россіи I, ч. 2 с. 301.

³⁾ Нѣчто вохожее на дѣятельность общинъ можно видѣть въ упомянутыхъ выше свѣдѣніяхъ Изяслава со стороны корчанъ и ичанъ во время его похода 1160 г. (Ипат. с. 283—6), но, какъ замѣчено было выше, это извѣстіе стоитъ такъ одиноко, что требуетъ очень большой осторожности по отношенію къ себѣ.

надо думать, и особой земли—общины, въ смыслѣ системы города и подчиненныхъ ему пригородовъ съ центральнымъ вѣтчемъ всей земли, такъ какъ не составляла отдѣльнаго, обособленнаго княженія (да и въ до-княжеское время не имѣла, по всей вѣроятности, политическаго единства); здѣсь существовали, правдоподобно, лишь болѣе мелкія городскія общины, уже по своей незначительности лишенныя политическаго значенія. То же было, вѣроятно, и въ другихъ кievскихъ аннексахъ. Всѣ они зависѣли непосредственно отъ князя, такъ что политическаго двоевластія, какое мы видимъ въ землѣ полянь, здѣсь, вѣроятно, не существовало. Но мѣстно-общинная струя была здѣсь жива и сильна, сильнѣе, можетъ быть даже, нежели въ Полянскои землѣ, такъ какъ здѣсь она не нейтрализовалась влияніемъ центрального земскаго вѣча, и въ XIII в. мѣстныя общины здѣсь очень энергично добиваются автономіи. Что до организаціи княжяго управленія, то агентами его служили тѣ же посадники и тѣтувы; резиденціями ихъ, правдоподобно, служили тѣ „становища“, о которыхъ говоритъ сказаніе объ Ольгѣ¹⁾. Что касается до тысяцкихъ, то существованія ихъ въ кievскихъ аннексахъ мы не имѣемъ права ни утверждать, ни отрицать; однако болѣе вѣроятнымъ мнѣ кажется, что ихъ здѣсь не было.

Относительно организаціи и управленія черныхъ клюбукъ мы имѣемъ весьма скудныя свѣдѣнія. Эти населенныя, очевидно, сохранили свой исконный родовой бытъ, дробились на колѣна, во главѣ которыхъ находились князья, или ханы: именами ихъ назывались колѣна²⁾. Находимъ затѣмъ аристократію въ видѣ „лѣпшихъ мужей“—неизвѣстно, была ли то аристократія родовая, или значеніе приобреталось богатствомъ и заслугами; какъ видно, эти лѣпшіе мужи имѣли значительное влияніе среди населенія и потому пользовались вниманіемъ со стороны русскихъ князей³⁾. Существовало нѣчто въ родѣ вѣча этихъ „лѣпшихъ мужей“, которые общимъ совѣтомъ принимали различныя рѣшенія: „сдумаша лѣпшии мужи в Черныхъ Клубуцѣхъ, и почаша просити у Рюрика сына Ростислава на Половцѣхъ“⁴⁾. Любопытно что

¹⁾ Ипат. с. 38.

²⁾ См. объ этомъ у П. В. Голубовскаго—Печенѣги с. 218.

³⁾ Ипат. с. 344: черноклубудіе старинни вспоминають, „якоже ни любилъ“ Иславъ Мстиславичъ.

⁴⁾ Ипат. с. 451, 453.

и въ этомъ, и въ другихъ случаяхъ черные клобуки дѣйствуютъ сообща, безъ различія племенъ—очевидно, существовало сознание солидарности между отдѣльными племенами; но во второй половинѣ XII в. встрѣчаемъ и случаи розни между черноклобуцкими ханами—изъ своихъ личныхъ выгодъ они принимаютъ стороны разныхъ князей во время борьбы за кievскій столъ; такъ, напримѣръ, когда прочія колѣна, хотя не особенно искренно, поддерживаютъ Мстислава Изяславича, три черноклобуцкихъ хана—Чекманъ, Тошманъ и Моначюкъ входятъ въ сношенія съ его соперникомъ Владиміромъ Мстиславичемъ, а колѣна Копчава и Бастія принимаютъ сторону Ростиславичей¹⁾. Вообще политика хановъ, что и естественно, обуславливается своекорыстными расчетами²⁾. Они интригуютъ другъ противъ друга и чернятъ предъ кievскими князьями; любопытный примѣръ въ этомъ отношеніи представляетъ рассказанное уже дѣло Кунтувдѣя, который былъ оклеветанъ другимъ ханомъ—Чюрнаемъ предъ Святославомъ Всеволодичемъ и арестованъ послѣднимъ; въ отместку Кунтувдѣй разграбилъ городъ своего соперника и захватилъ его имущество³⁾.

Подобно кievскимъ аннексамъ, и черные клобуки зависѣли отъ кievскаго князя, а не отъ кievской общины. Князья принимали участіе въ ихъ управленіи—отъ нихъ зависѣла раздача черноклобуцкихъ городовъ въ держанье; они могли назначить въ тотъ или другой городъ своего посадника или отдать въ держанье хану: такъ мы въ одномъ случаѣ видимъ Торческъ въ держаньи у Кунтувдѣя, котораго лѣтописецъ величаетъ „княземъ Торцькимъ“, въ другомъ случаѣ находимъ тамъ князьего посадника⁴⁾. Кунтувдѣй впоследствии получилъ городъ Дверень, „Рускоя землѣ дѣля“. Ханы Чюрнай и Кульдеюръ также имѣли въ держаньи городки⁵⁾. Ханы вообще очень дорожили этими держаньями; вступивъ въ сношенія съ Мстиславомъ Изяславичемъ въ 1158 г., три хана объявляютъ ему: „аже ны хочещи любити, якоже ны есть любилъ отецъ твой, и по городу ны даси по леп-

¹⁾ Ипат. с. 367, 372, 375.

²⁾ См. особенно Ипат. с. 343—344; текстъ этотъ приведенъ будетъ ниже.

³⁾ См. Ипат., с. 450, объ этомъ дѣлѣ см. также у П. В. Голубовскаго Печенѣги с. 154—157.

⁴⁾ Ипат. с. 355 и 480.

⁵⁾ Ипат. 450, 452, 453; см. объ этомъ у П. В. Голубовскаго, оп. с. с. 150.

шему, то мы на томъ отступимъ отъ Изяслава (Давидовича)¹⁾. Довольно трудно уяснить себѣ, въ чемъ заключалось это держанье; съ одной стороны, кажется мало вѣроятнымъ, чтобы хану поручались города съ населеніемъ или чисто - русскимъ или смѣшаннымъ²⁾ (мнѣ кажется даже мало вѣроятнымъ самый фактъ существованія городовъ со смѣшаннымъ населеніемъ). Съ другой стороны, если предположить, что ханы получали въ держанье городки, въ которыхъ тянуло исключительно чернолобудское населеніе, то какъ согласить эту административную власть, получаемую отъ русскаго князя, съ приращеннымъ достоинствомъ хана и связанною съ нимъ властью? Я по крайней мѣрѣ не беру съ разрѣшить этой дилеммы³⁾.

Къ этому обзору административнаго строя земли слѣдуетъ прибавить еще нѣсколько словъ о княжскихъ финансахъ и объ организаціи войска. О финансахъ въ нашемъ распоряженіи имѣется довольно мало свѣдѣній. Повидимому, не существовало разграниченія между доходами государственными и частными доходами князя: въ казну его одинаково поступали и одинаково расходовались и регалии и доходы отъ хозяйства, и вся вообще финансовая система въ значительной степени имѣла характеръ частнопредпринимательскій. Главные источники дохода можно наметить слѣдующіе: 1) общая подать всего вообще населенія, чаще называемая данью; въ землѣ древлянъ и другихъ, зависѣвшихъ отъ Кіева земляхъ она была слѣдствіемъ завоеванія; древнѣйшій способъ ея сбора было „полюдье“—военный постоя, позже она частію шла на содержаніе гарнизоновъ и чиновниковъ, частію поступала, чрезъ посредство ихъ, въ казну князя⁴⁾; въ землѣ полянъ, гдѣ подать эта, правдоподобно, тоже существовала, она, надо думать, имѣла сначала характеръ взноса на содержаніе войска; существованіе

¹⁾ Ипат. с. 343—4.

²⁾ Можно сомнѣваться относительно Дверна—то могъ быть и славянской города; можетъ быть, лѣтописецъ прибавленіемъ словъ: „Руской землѣ дѣла“ хотѣлъ объяснить такое необычайное явленіе—отдачу славянскаго города чернолобудскому князю.

³⁾ П. В. Голубовскій дѣлаетъ предположеніе, что такіе держанки пользовались лишь доходами всякаго рода, судя же производилъ, вѣроятно, русскій плугъ (авторъ предполагаетъ города со смѣшаннымъ населеніемъ), но въ концѣ концовъ онъ справедливо замѣчаетъ, что лѣтопись не даетъ ни налѣжныхъ указаній для рѣшенія этого вопроса (ср. с. с. 154).

⁴⁾ Ипат. с. 34 и 89, De admin. imperio с. IX.

ея здѣсь можно вывести косвенно—изъ существованія церковной десятины ¹⁾. Единцею обложенія съ древнѣйшихъ поръ и до позднѣйшаго времени служилъ дымъ ²⁾; взымалась дань какъ деньгами, такъ и натуральными продуктами—нѣхами, медомъ и пр. ³⁾. Кромѣ дани упоминаются еще урокъ и оброкъ ⁴⁾; чѣмъ отличались она отъ дани, трудно рѣшить. Кромѣ платы дани все вообще населеніе отбывало еще, несомнѣнно, различныя повинности—постройку городовъ, мостовъ, содержаніе княжескихъ чиновниковъ при проѣздѣ и т. п. ⁵⁾. 2) Судебныя пошлины—при широкомъ примѣненіи и большомъ размѣрѣ штрафовъ это была очень важная доходная статья. 3) Торговыя пошлины, взимаемыя на торговыхъ путяхъ и рынкахъ ⁶⁾. 4) Доходы княжескаго хозяйства; въ источникахъ есть нѣсколько свидѣтельствъ о княжескихъ имѣніяхъ въ Киевской землѣ; такъ у Ярополка Изяславича были гдѣ-то имѣнія подъ Киевомъ, которыя онъ завѣщалъ Печерскому монастырю; дочь его завѣщала тому же монастырю „пять селъ и съ челядью“; у вдовы Мстислава В. было село Шоломница; Владиміръ Мстиславичъ, захвативъ Погорину по смерти Владиміра Андреевича, „уклопился на имѣнне, и на села, и на стада Андреевича“ ⁷⁾. По аналогіи съ извѣстіями о Сѣверской землѣ ⁸⁾, можно предположить, что и киевскіе князья вели значительное хозяйство и взымали изъ него немалые доходы. 5) Военная добыча и контрибуціи. 6) Подарки отъ младшихъ князей-родственниковъ, едва ли, впрочемъ, регулярныя, о которыхъ я упоминалъ выше.

Главныя статьи расхода можно указать слѣдующія: 1) содержаніе двора; 2) содержаніе дружины, а также всего необходимаго

¹⁾ См. особенно извѣстіе о видѣлѣ десятины изъ вишгородской дани въ „Чтеніи“ о Берисѣ и Глѣбѣ—въ изд. Водянскаго с. 17 (Срезневскаго с. 29).

²⁾ Ипат. с. 9, 11.

³⁾ Ипат. с. 18, 14, 37 („ради даскъ и медомъ и скором“) и 89.

⁴⁾ Ипат. с. 38.

⁵⁾ Для сравненія см. Рус. Правду, сл. Азак. ст. 42 и 43. Считаю нужнымъ оговориться, что Русскою Правдою въ тѣхъ частяхъ ея, происхожденіе которыхъ не опредѣлено совершенно точно, я пользуюсь здѣсь и ниже лишь какъ матеріаломъ для аналогіи и косвенныхъ заключеній относительно Киевской земли, подобно извѣстіямъ гѣтонисей о современномъ строѣ другихъ русскихъ земель.

⁶⁾ Вселенникъ митника на мосту въ Вѣлгородѣ (Ипат. с. 288).

⁷⁾ Ипат. с. 838, 874, Воскрес. I с. 71.

⁸⁾ Ипат. с. 286—7.

для военных дѣйствій (напр. оружія для вооруженія немощныхъ охотниковъ, ополченцевъ и т. п.); 3) содержаніе различныхъ чинovníковъ; надо думать, большею частью они получали въ вознагражденіе известную часть собираемыхъ ими доходовъ¹⁾; 4) пособія на содержаніе церквей и духовенства; кромѣ регулярныхъ субсидій, каковы десятина, руга, князь, по возрѣніямъ тогдашняго времени, долженъ былъ широко благодѣтельствовать представителямъ духовенства. Въ хорошія времена Кіевской земли доходы превышали расходы, и въ распоряженіи князя оставались не малые остатки; но добрый князь, по тогдашнимъ понятіямъ, не долженъ былъ копить богатствъ—это было недостойнымъ корыстолюбіемъ: излишки должны были употребляться на пользу, на утѣшеніе дружины и духовенства²⁾.

Военныя силы кіевскаго князя слагались изъ дружины, охотниковъ, земскаго ополченія и черныхъ клобуковъ. Постоянное войско составляла только дружина, находившаяся на содержаніи князя. На случай похода княземъ вербовались охотники изъ населенія³⁾. Сборъ ополченія, надо думать, практиковался лишь въ особенныхъ случаяхъ, когда походъ ближайшимъ образомъ касался интересовъ земли или послѣдняя близко въ сердцу принимала интересы князя; терминномъ для ополченія были „вой“, хотя это имя часто безъ различія обозначало войско вообще⁴⁾. Предводителями ополченія были тысяцкіе и, правдоподобно, посадники. Отряды черныхъ клобуковъ предводились своими ханами; часто во главѣ послѣднихъ посылался, въ качествѣ главнокомандующаго, русскій бояринъ или князь⁵⁾. Участники ополченія снаряжались на свой счетъ и, смотря по достатку, служили конную или пѣшую службу⁶⁾; въ случаѣ недостатка, они обращались за вооруженіемъ или конями къ князю⁷⁾. Кажется, всѣ отряды безъ различія

¹⁾ См. Русск. Праду, напр. ст. Акад. ст. 41 и 42, Каранниск. ст. 7, 8.

²⁾ См. напр. Ипат. л. с. 105 (Мстиславъ Тмутараканскій), 117 (Ростиславъ Володимирчъ), 376, 414, 471 (Святославъ, Мстиславъ и Давидъ Ростиславичи).

³⁾ См. Ипат. с. 248: „Имелъ же рече князь: „а тотъ добръ, кто по нѣмъ водеть“, и то рече, съзвучи множество вой“.

⁴⁾ Ипат. с. 92 (ополченіе), с. 105, 228 и др. (войско).

⁵⁾ Напримѣръ, Ипат. с. 210, 365, 430.

⁶⁾ Ипат. л. с. 300: „поидоша другъ друга не оставя вой, и на конехъ, и пѣши, многое множество“; ср. с. 246: „доспѣвайте отъ мала и до велика, кто нѣдетъ вой, кто ли не нѣдетъ коня—а в лоды“.

⁷⁾ Ипат. с. 120.

чія називались полками; слово *полкъ* впрочемъ имѣло различное значеніе, и въ перепоскомъ смислѣ вся земля називалась „полкомъ кіевскимъ“¹⁾, такъ какъ въ случаѣ нужды все населеніе могло превратиться въ ратниковъ: такимъ образомъ терминъ „полкъ“ въ территориальномъ значеніи ведетъ свое начало еще изъ удѣльно-вѣчевого періода.

Перейдемъ теперь къ населенію, его составу и отношеніямъ. Древняя Русь, какъ извѣстно, не знала сословности; единственная рѣзкая и опредѣленная грань раздѣляла людей свободныхъ и несвободныхъ. Свободное населеніе затѣмъ распадалось на двѣ части, сохранявшія, впрочемъ, постоянное взаимное общеніе и не имѣвшія вовсе характера кастъ,—на княжьихъ людей (*дружина, княжьи мужи*) и на людей, такъ сказать земскихъ—„людей“ въ тѣснѣйшемъ смислѣ, кіякъ и т. п. Затѣмъ эти двѣ части распадались на болѣе мелкія и еще менѣе разъединенныя группы, различавшіяся степенью вліянія, почета, но не объемомъ правъ.

Дружина раздѣлялась на *большую*, или *лучшую*, и *младшую*; первая називалась *болрами* (что производятъ также отъ слова „болій“), младшая же, правдоподобно, должна быть отождествляема съ отроками и дѣтскими²⁾. Бояре составляли ближайшую свиту князя и думу его; она же занимала важнѣйшіе посты—тысяцкихъ, посадниковъ; отроки употреблялись для низшихъ должностей, для прислуги при дворѣ и составляли войско—конное. Относительно численности дружины мы имѣемъ лишь нѣсколько случайныхъ указаній: такъ у Святополка въ 1093 г. было 800 отроковъ, Изяславъ Давыдовичъ въ 1146 г., побравъ дружину у Изяслава Мстиславича и Владимира Давыдовича, имѣлъ 3000 ратниковъ. Сопоставивъ эти указанія съ данными о другихъ княжествахъ, можно притти къ заключенію, что дружина кіевского князя считалась сотнями и рѣдко переходила за тысячу; это и понятно, такъ какъ содержаніе дружинниковъ обходилось дорого³⁾. Съ теченіемъ времени, по мѣрѣ того какъ кіевскіе князья

¹⁾ Ипат. с. 287.

²⁾ Относящіяся сюда кѣста лѣтописей собраны у Погодина VII с. 64 сл.

³⁾ О размѣрѣ жалованія дружины есть одно лишь извѣстіе—знаменитое сѣтованіе лѣтописца на дружинниковъ, говорящихъ: „мало ми есть, княже, двѣсти гривенъ“ (Софійск. I с. 10), но, кѣмъ кажется, это извѣстіе нельзя принимать за сколько-нибудь точное (кавъ

становились менѣе могущественны и богаты, число дружины должно было еще болѣе уменьшиться ¹⁾.

Дружина служила не землѣ, а князю, и между ними существовала тѣсная связь. Князь при помощи дружины добывалъ волости; дружина была единственною надежною гарантіею противъ посягательствъ соперниковъ и на случай столкновения съ общиною; поэтому князь чрезвычайно дорожилъ дружиною. Это отношеніе князя къ дружинѣ ясно выражается въ известномъ анекдотѣ о дружинѣ Владимира Св. и деревянныхъ ложкахъ: „сребромъ и золотомъ не имамъ налѣсти дружины, а дружиною налѣзу сребро и золото, яко дѣдъ мой и отецъ мой донскаса дружиною золота и сребра“, сказалъ князь ²⁾. Въ свою очередь, дружина была заинтересована въ усиленіи князя: если онъ былъ богаче, если волости его увеличивались, то это влекло за собою и обогащеніе дружины; по тогдашнимъ воззрѣніямъ, князь и дружина являлись какъ бы пайщиками въ одномъ и томъ же предпріятіи, и князь не долженъ былъ копить богатства для себя, а раздавать ихъ дружинѣ. Отношенія дружины къ князю были совершенно свободныя; вступая на службу, дружинникъ не принималъ на себя никакихъ особыхъ обязательствъ; разъ находилъ онъ службу невыгодною для себя, или былъ недоволенъ чѣмъ-нибудь, онъ былъ въ правѣ покинуть своего князя и идти искать себѣ другого, „добраго пава, що платить добре за служеньку“, какъ поется въ древней, тоговоременной колядѣ ³⁾.

дѣлаетъ Д. И. Иловайскій—Ист. Рос. I, 2 с. 294); лѣтописецъ самъ приводитъ эту цифру, какъ баснословную. Проф. Ключевскій объясняетъ эту дружинную палобу надороманіемъ металла и уменьшеніемъ вѣса гривни (Болгарская дума с. 102), въ связи со своею теоріею общерусской монетной гривни.

¹⁾ Объ этомъ см. у Погодина VII с. 174 слѣд. Соловьевъ (III с. 23) полагаеа, что подъ отроками Святослава нужно разумѣть княжескую службу, которую слѣдуетъ отдѣлять отъ бояръ и гридей (младшей дружины).

²⁾ Ипат. с. 87; какъ контрастъ такому правильному, по тогдашнимъ понятіямъ, воззрѣнію на дружину, лѣтописецъ выставляетъ поведеніе Иягелана и Святослава Яро-славичей: первый „аде въ Ляхи со кнѣземъ ииогниъ, глагола, яко снѣи налѣзу вод; емо калша у него Ляхове, показана ему путь отъ себе“, а второй хвасталъ своими богатствами предъ вѣмецкими посланки, но тѣ отвѣчали ему много въ духѣ кіевскихъ воззрѣній: „се ни въ чтоже есть, се бо лежить мертво; сего суть клятвы луче, нуки бо си доищють и болше сего“; „такъ и по сего смерти все кнѣзье раскиаса разио“, замѣчаетъ лѣтописецъ. Ипат. с. 128, Лавр. с. 192—193.

³⁾ Историч. пѣсни малорусск. народа Антоновича и Драгоманова, т. I с. 1.

Дружина складывалась из весьма разнообразных элементов: тут были и туземцы, и пришельцы из других волостей, и иноплеменные. Какъ въ болѣе раннюю эпоху мы находимъ при кievскихъ князьяхъ варяговъ, ляховъ, угровъ и пр., такъ и теперь иноплеменная струя не оскудѣваетъ: мы находимъ, наприимѣръ, между дружинниками Чудина и брата его Туки, Козарина, Шмона варяга, Володислава-Ляха; ляхъ былъ, можетъ быть, и Иванъ Войтишичъ; тюркскаго происхожденія, вѣроятно, были Олбырь Шерошевичъ (1169 г.) и Вонборъ Генечевичъ (1162); нѣкоторые изъ этихъ лицъ играли видную роль среди дружины, какъ Чудинъ, Козаринъ, Иванъ Войтишичъ, Володиславъ ¹⁾. Людей приходящихъ изъ другихъ волостей въ кievскую дружину должно было бывать много: они приходили сюда и поодиночкѣ сами, какъ приходили къ другимъ князьямъ, только въ большемъ количествѣ, привлекаемые славою Кieва и постоянными войнами, происходившими здѣсь; еще больше ихъ приходило вмѣстѣ съ князьями. Занимая кievскій столъ, всякій князь приводилъ съ собою, къ величайшему неудовольствію туземцевъ, свою прежнюю дружину; такъ Святополкъ привелъ съ собою въ 1093 г. туровскую дружину, Всеволодъ Ольговичъ навелъ черниговцевъ, Юрій—суздальцевъ и т. д.; это явленіе должно было непременно повторяться съ каждою смѣною князя.

Въ какой мѣрѣ, какомъ видѣ входилъ въ дружину элементъ туземный? Есть мнѣніе, что кievскіе князья старались привлечь къ себѣ, заручиться содѣйствіемъ мѣстной аристократіи, и что среди княжескихъ бояръ было много представителей земской аристократіи. Это мнѣніе очень вѣроятно а priori и имѣетъ за себя нѣкоторые указанія источниковъ, косвенныя впрочемъ. Мы видимъ, что когда князь очищаетъ кievскій столъ, дружина его не расходится вся цѣликомъ, но часть бояръ остается въ Кievской землѣ и сохраняетъ за собою видное положеніе и значеніе; такъ, наприимѣръ, Явъ Вышатицъ служитъ сначала Святославу, правдоподобно во время его княженія въ Кievѣ, является тысяцкимъ кievскимъ при Всеволодѣ и виднымъ сановникомъ при Святополкѣ; Ивана Войтишича видимъ на важныхъ постахъ при Мо-

¹⁾ Ипат. л. с. 120, 123, 166, 204, 344, 354, 360, Патерикъ с. 111. Ср. Погодина Исслѣд. VII с. 124—126. Конечно, во именихъ прозвищамъ происхожденіе можно опредѣлить только съ нѣкоторою приблизительностью.

номахъ и его сыновьяхъ, потомъ при Всеволодѣ и Игорѣ Ольговичахъ; Шварно служить у Изяслава Мстиславича, потомъ у Изяслава Давыдовича; Володиславъ Ляхъ—у Ростислава, Мстислава Изяславича, Давыда Ростиславича, Михалка Юрьевича ¹⁾. Эти бояре являются такимъ образомъ прикрѣпленными къ Кіевской волости и послѣдовательно переходятъ на службу къ новымъ князьямъ; въ дѣйствительности подобныхъ случаевъ, конечно, было гораздо больше. Можно прибавить сюда нѣсколько общихъ указаній: такъ подъ 1093 г. туровской дружинѣ, прирежденной Святополкомъ, противопоставляются Янь и другіе „мужи смысленѣи“—очевидно туземная, кіевская дружина; призывая Олега въ 1096 г. на судъ въ Кіевъ „*предъ мужи отецъ своихъ*“, Святополкъ и Мономахъ, вѣроятно, разумѣли старую дружину, оставшуюся въ Кіевѣ. Этотъ фактъ осѣдлости дружины въ Кіевѣ лучше всего объясняется, если принять предположеніе, что то были жители Кіевской земли, богатые, вліятельные члены общины, которые не имѣли надобности слѣдовать изъ Кіевщины за послѣдниками своего прежняго князя, и которыхъ послѣдующіе князья приглашали въ свою дружину, рассчитывая на ихъ авторитетъ и вліаніе въ землѣ.

Другое указаніе, тоже косвенное и само по себѣ не имѣющее рѣшительной доказательности, связано съ вопросомъ о содержаніи дружины. Изъ лѣтописи мы знаемъ, что дружина получала денежное жалованье („золото и серебро“ ²⁾), получала она также, вѣроятно, жалованье натурою—изъ натуральной дани; наконецъ, бояре получали въ завѣдываніе города и области. Надѣлялась ли дружина помѣстьями? ³⁾. Чего-либо похожаго на западные домены или наши подвѣйшія ран-

¹⁾ Ипат. с. 123, 146, 186; 204, 210, 231; 233, 354; 360, 365, 376, 390; см. каталогъ бояръ у Погодина Исслѣд. VII с. 103 сл.; относительно Володислава возможно сомнѣніе, одно лицо Володиславъ Ляхъ, Володиславъ Воротиславичъ и Володиславъ Явель братья, или разныя.

²⁾ См. приведеннаго выше мѣста о щедрости князя относительно дружины.

³⁾ Этотъ вопросъ рѣшается утвердительно напр. Костомаровичъ (Мем. I с. 122, XII с. 56), Виллевиль (Разсказы I с. 209), Иловайскій (Ист. Рос. I, 2 с. 293, 306), Будаковичъ (Обзоръ с. 82); другіе, какъ Соловьевъ (Ист. Рос. III с. 18), Бестужевъ-Рюминъ (Русск. Ист. I с. 211), не находятъ достаточно данныхъ для рѣшенія этого вопроса; третьи, какъ Погодинъ (Исслѣд. VII с. 229), Сергѣевичъ (Вѣче и князь с. 410—411), прямо считаютъ раздачу помѣстій явленіемъ подвѣйшія.

говня имѣнія у князей незамѣтно; они владѣли отдѣльными имѣніями, вѣроятно на частномъ правѣ, но едва ли эти имѣнія были очень велики, и во всякомъ случаѣ едва ли князья отдавали ихъ въ помѣстья дружинѣ; никакихъ указаній такого рода мы не имѣемъ. Между тѣмъ намъ извѣстно, что землевладѣніе боярское было довольно развито; такъ въ 1146 г. кіяне разграбили „дома дружины Игоревы и Всеволожѣ, и села, и скоты, взяша имѣнья много в домехъ и в монастырехъ“. Изяславъ, идя на Юрія въ 1150 г., говоритъ своей дружинѣ: „вы есте по мнѣ изъ Рускыя земли вышли, спонхъ сель и своихъ живнй (животовъ) лишився“, а ниже мы узнаемъ, что кіяне по смерти Юрія „избивахуть Суждалци по городомъ и по селомъ, а товаръ ихъ грабаче“; сопоставляя эти два извѣстія, мы можемъ думать, что Юрій, захвативъ Кіевъ, конфисковалъ села Изяславныхъ бояръ, послѣдовавшихъ за своимъ княземъ, и раздалъ ихъ своимъ боярамъ. Затѣмъ поды 1159 г. разсказывается, что Мстиславъ Изяславичъ, занявъ Кіевъ, „зая товара много Изяслави дружины, золота и серебра, и челяди, и коний, и скота, и все проводи Володимирию“; это извѣстіе также предполагаетъ существованіе боярскихъ имѣній ¹⁾). Сопоставляя приведенныя извѣстія, нельзя, мнѣ кажется, думать, что упомянутыя села давались боярамъ въ держаніе, для собранія рентахъ; очевидно, эти села находились во владѣніи ихъ, и притомъ, въ силу выказанныхъ выше соображеній, гораздо вѣроятнѣе, что это владѣніе было частноправное, а не на помѣстномъ правѣ. Такое частноправное боярское владѣніе могло происходить двоякимъ путемъ: мѣстные землевладѣльцы вступали на княжескую службу, такъ какъ это была служба доходная и почетная, да и стоять ближе къ носителю власти было выгодно въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ для людей состоятельныхъ; съ другой стороны, люди безземельные, туземные и прихожіе, обогатившись на княжеской службѣ, обращали нажитое въ поземельную собственность и становились землевладѣльцами. Последнее явленіе, несомнѣнно существовало въ Кіевѣ, болѣе, можетъ быть, чѣмъ гдѣ-либо ²⁾): въ случаѣ смерти князя не всякій дружинникъ могъ надѣяться на соответственное положеніе при его преемникѣ, а перебираться изъ Кіева въ какую-то второстепенную волость и тамъ дѣлать снова свою

¹⁾ Ипат. с. 283, 284, 336, 344.

²⁾ Ср. Боярская дума с. 68—69.

карьеру какому-нибудь почтенному тысяцкому, или воеводѣ было уже тяжело, и много такихъ бояръ должно было осаживаться въ Киевской землѣ, сливаясь съ земскою аристократіею. Для приобрѣтенія имѣній въ землѣ препятствій, вѣроятно, не существовало—киевская община едва ли была такъ ревнива въ этомъ отношеніи, какъ новгородская, оговаривавшая, что ни князь, ни бояре не имѣютъ права приобрѣтать недвижимыхъ имуществъ въ новгородскихъ волостяхъ ¹⁾.

Въ какой мѣрѣ званіе дружинниковъ, въ частности бояръ, было наследственно? На этотъ счетъ существуетъ нѣкоторое несогласіе во взглядахъ ученыхъ. Защитникомъ широкой наследственности является Погодинъ, который полагалъ, что „точно какъ были роды княжескіе, такъ точно были и роды боярскіе и отроковъ или дѣтскихъ“ ²⁾. Это мнѣніе преувеличено, какъ справедливо указалъ Соловьевъ, но лишь до нѣкоторой степени; летопись, дѣйствительно, даетъ мало вполнѣ достовѣрныхъ случаевъ наследственности, но много ли вообще говорить намъ летопись о внутренней жизни? Должность дружинника была выгодна, и потому сыновья съ охотою могли наследовать званіе своихъ отцовъ; съ другой стороны, дѣти дружинниковъ должны были отличаться сравнительно большею опытностью и спорвою въ отправленіи обязанностей, и потому князья могли ихъ предпочитать людямъ совершенно новымъ ³⁾. Изъ приводимыхъ источниками случаевъ наследованія особенно интересно преемство должности тысяцкаго: такъ тысяцкимъ былъ, правдоподобно, Вышата, затѣмъ его сыновья—Янь и Путята; тысяцкимъ былъ, по всей вѣроятности, Славно и сынъ его Іоаннъ Славноричъ ⁴⁾. Тѣмъ не менѣе, если дружина и отличалась большею усидчивостью, чѣмъ думаетъ, напримѣръ, Соловьевъ, и званіе дружинника часто передавалось по наследству, все это еще

¹⁾ Объ этихъ, такъ сказать, дружинныхъ осадкахъ въ Киевской землѣ ср. Вопрскуу думу с. 67—69.

²⁾ Исследов. и пр. VII с. 92 слѣд. Раньше эта статья „О наследственности савомъ въ древн. Руси“ воиѣчена была въ „Архивѣ“ Калачова кн. I. Возраженія на нее у Соловьева III с. 14—15.

³⁾ Случаи наследственности приведены у Погодина *ibid.* с. 97 слѣд.; нѣкоторые сближенія его, впрочемъ, неособенно вѣроятны. Мнѣ кажется еще, что если въ рядкахъ дружини оказываются братья, можно предполагать—но крайней мѣрѣ иногда—что и отецъ ихъ былъ дружинникомъ.

⁴⁾ Ипат. с. 106, 146, 196, 445, Лавр. с. 434.

не дѣлало дружинну какикъ-нибудь замѣнутымъ сословіемъ, кастою. Эта общественная группа все-таки, по самому положенію своему, отличалась большою подвижностью; при всякой смѣнѣ князя происходили сильныя перемены и въ составѣ дружины: часть удалялась въ другія волости, часть уходила въ составъ кievскаго земства, а на ихъ мѣсто, кромѣ пришлыхъ дружинниковъ новаго князя, должны были являться и новыя лица изъ земства. Такъ же пополнялись мѣста отъѣхавшихъ почему-либо дружинниковъ. Наконецъ, во время войнъ наиболѣе рѣдѣли именно ряды дружины. Въ замѣщеніи ихъ князья не придерживались, конечно, какикъ-либо сословныхъ возрѣній, нужна была только сила и ловкость, да достатокъ, чтобы справить себѣ приличную амуницию; потому въ дружинну могли попадать лица изъ всевозможныхъ общественныхъ группъ, хотя наиболѣе желательными для князей дружинниками были вліятельные члены мѣстнаго земства, какъ сказано выше.

Въ составѣ земства, неслужилого населенія, мы находимъ ту же градацію, какъ и среди дружины: различаются люди *лучшіе*, *мѣлшіе* и *люды* въ тѣснѣйшемъ смыслѣ, или *простыи люды*; среди послѣднихъ *люды градскіе*, горожане, можетъ быть, стояли въ общемъ нѣсколько выше, чѣмъ селяне—*смерды*; наконецъ, между свободнымъ и несвободнымъ классами стояли *наймиты*, *закулы*, безземельное и обязанное населеніе. Различаясь между собой, такъ сказать, качественно, всѣ эти группы, исключая развѣ послѣдней, не различались юридически нисколько: всѣ имѣли одинаковый юридическій вѣсъ, и неня за убійство всякаго свободного земца полагалась одинаковая¹⁾.

Лучшіе мужи, или *нарочитая чадъ*, составляютъ земскую аристократію, земскихъ бояръ; въ сказаніи о Владимірѣ Св., правдоподобно, они же называются „старцами градскими“ или „людскими“²⁾. Носили ли они также титуло бояръ? Прямыхъ указаній такого рода мы не

¹⁾ Ср. Русск. Прав. по сл. Академич. ст. 1, сл. Карамз. ст. 1.

²⁾ Плав. с. 36, 36, 230, 351 (лучшіе мужи); 81 (нарочитая чадъ); 54, 73, 85, 87, 88 и Лавр. 123 прил. (старци). Старцевъ съ лучшими людьми отождествляетъ Ключевскій (Воарск. дума с. 16 сл.), Вудановъ (Обзоръ с. 27), Линиченко (Вѣче с. 62—63); они отождествляютъ съ лучшими людьми и „старѣйшіи градскихъ“ (Ипат. с. 38, 86, 88). Другія замковаліа терминъ „старци“ (родоладники, старики, защиточные домохозлевы) привелели у Ключевскаго (Воарск. дума с. 17) и Линиченка (Вѣче с. 10).

нѣмъ, и вообще невозможно, кажется, различить бояръ служилыхъ и бояръ земскихъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ лѣтописи говорятъ о боярахъ вообще; встрѣчается правда терминъ „бояре кievскіе“¹⁾, но онъ не имѣетъ большого значенія—лѣтописецъ могъ поставить имя города вмѣсто имени князя. Однако это во всякомъ случаѣ не значитъ еще, что земскіе бояре, земская аристократія совершенно слилась съ князьемою въ эту эпоху, какъ думаютъ нѣкоторые²⁾; эти двѣ группы дѣйствительно совпадаютъ въ нѣкоторой степени, между ними существуетъ общеніе, передвиженіе отдѣльныхъ членовъ изъ одной въ другую, но полного совпаденія не могло быть—дружина постоянно разрѣжалась пришлымъ элементомъ, съ другой стороны—едва ли возможно, чтобы вся земская аристократія находилась на княжеской службѣ. Больше или меньше совпаденіе земской аристократіи со служилою зависѣло въ значительной степени отъ отношенія князя къ населенію: если на столѣ сидѣлъ князь любимый—земская аристократія должна была широко входить въ составъ дружины, по приглашенію князя и по собственной инициативѣ; если же садился князь нелюбимый, наперекоръ народнымъ желаніямъ, то земская аристократія должна была тѣснѣе славаться съ прочимъ населеніемъ и входить въ дружину въ самой малой мѣрѣ, уступая мѣста чужестранцамъ, землякамъ князя. Во всякомъ случаѣ *кiево митиніе* весьма ясно выступаютъ, какъ члены земства, и противопоставляются дружинѣ³⁾. Что до титула боярскаго, то есть нѣкоторые намеки, что онъ не принадлежалъ исключительно дружинѣ: такъ противопоставляются

¹⁾ Ипат. с. 214—рѣчь идетъ, повидному, о боярахъ княжскихъ; Погодинъ (Ист. слѣд. VII с. 76) видѣлъ въ нихъ осадныхъ, „какъ бы городскихъ“ бояръ, проф. Ключевскій (Вопрск. дум. с. 69)—нѣстиме осадки княжскихъ бояръ.

²⁾ Напр. проф. Будаговъ Обзоръ с. 11, 24, Инниченко Вѣче с. 64; ту же мысль проводилъ пространно и Пассекъ въ своей статьѣ (с. 15—16, 109, 146 и др.). Существованіе земской аристократіи независимо отъ служилой признаютъ Сергіевичъ (Вѣче и князь с. 88 слѣд., 386), Ключевскій (Вопрск. дум. с. 43); оба они отличаютъ эту аристократію и отъ осадной, отставной дружины (Вѣче и князь с. 40, Вопрск. дум. с. 69); существованіе земскихъ бояръ признавали также Костомаровъ (Монографія I с. 142—144, XII с. 57), Хлѣбниковъ (Общ. и госуд. с. 220 слѣд.), Бестужевъ-Рюминъ (Русскія Исторія I с. 211—2). Костомаровъ и Хлѣбниковъ полагали, что терминъ „бояринъ“ означалъ первоначально именно только земскаго боярина.

³⁾ Ипат. с. 230, 361; въ первомъ случаѣ лучшіе мужи являются представителями вѣча въ отношеніяхъ къ нелюбимому князю—Игорю Ольговичу.

боляре и убоице, боляре и простые люди; если допустить здѣсь точность въ выраженіи, то подъ боярами (т. е. классомъ знатныхъ, богатыхъ) необходимо разумѣть не только старшую дружину, но и лучшихъ людей земскихъ ¹⁾).

Выскажемъ нѣсколько соображеній относительно этой земской аристократіи. При отсутствіи сословной кастичности и всякого рода прирожденныхъ правъ, общество, естественно, сортировалось на основаніи экономическихъ отношеній—киевскую аристократію составляли люди богатые, это была аристократія капитала (я не говорю здѣсь, конечно, о духовенствѣ). Довольно развитая культура, обширныя и древнія торговныя сношенія съ культурными народами востока и запада должны были уже въ весьма древнія времена дать большое значеніе капиталу и выдвинуть классъ капиталистовъ—крупныхъ промышленниковъ и купцовъ. Обладаніе капиталомъ ставило въ зависимость отъ нихъ массы какъ сельскаго, такъ еще больше—городскаго населенія, мелкихъ купцовъ, промышленниковъ и земледѣльцевъ, и создавало имъ въ обществѣ вліятельное, руководящее положеніе. Это то „лучшіе люди“, правдоподобно, и стояли во главѣ мѣстныхъ общинъ „Русской земли“ въ до-княжеское время, руководили вѣчами и занимали административныя должности. Съ появленіемъ княжеско-дружиннаго элемента, выдвинутаго, правдоподобно, тою же общинною аристократіею, послѣдняя теряетъ постепенно свою политическую власть, но не общественное вліаніе, не экономическую силу: здѣсь она, быть можетъ, еще выиграла, получивъ новую опору въ князь ²⁾). Выше было сказано, что мы не замѣчаемъ принципиальнаго антагонизма между общиною и княземъ—въ частности, еще въ большей мѣрѣ, это можно повторить относительно земской аристократіи: ей открытъ былъ широкій доступъ въ княжью дружину, къ должностямъ, ей представлялась такимъ образомъ полная возможность участвовать въ вы-

¹⁾ Ипат. с. 90: „плакашася по немъ (Владиміръ Св.) боляре аки заступника земли кхъ, убоици аки заступника и кормителя“, и с. 152: „и боляре, и простые людье“; любопитие, что въ первомъ случаѣ боляре являются представителями земли—ср. Костомарова *Монографіи* 1 с. 144.

²⁾ Объ этомъ см. у проф. Ключевскаго *Вопросы думъ* с. 31 сл., также Русск. Мысль I с. 71 с. л., X с. 91 сл. Въ позднѣйшее время—въ XI и XII в. проф. Ключевскій усматриваетъ борьбу двухъ аристократій: служилой и городской и здѣсь видитъ „основной, господствующій фактъ“, вліявшій на обостреніе отношеній князей и общества (X с. 94).

годахъ, которымъ пользовался новый общественный элементъ; не замѣчаемъ мы антагонизма и между аристократіею дружинною и земскою—наоборотъ, между ними существовало часто большое общеніе; если бывалъ антагонизмъ—то онъ направлялся противъ прихожей дружины или противъ князьихъ „милостивиковъ“, „уныхъ“, отъснанныхъ старую, коренную аристократію. Не встрѣчая противодействиія со стороны земскаго боярства, князья, съ своей стороны, не имѣли повода противиться вліянію боярства, ослаблять его экономическую силу, хлопотать объ освобожденіи „людей“ изъ подъ его зависимости. Можно замѣтить, что древнѣйшій юридическій кодексъ, Русская Правда, начиная со старѣйшихъ редакцій, имѣетъ въ виду преимущественно богатый классъ и въ общемъ постановленіи его весьма благоприятны для этого послѣдняго. Мѣры, принимавшіяся иногда противъ притѣсненій капиталистовъ, диктовались чувствомъ справедливости и постепенно распространявшейся христіанской гуманности, а не демократизмомъ или демагогическими побужденіями. Могли быть для нихъ еще и другіе поводы; любопытно, что постановленіе Мономаха объ ограниченіи процентовъ—единственное постановленіе въ этомъ родѣ, происхождение котораго мы можемъ опредѣлить съ совершенною точностію, стоитъ, несомнѣнно, въ связи съ движеніемъ бѣднѣйшаго кіевскаго населенія противъ богатыхъ классовъ въ 1113 г.; въ этому же времени многіе ученые съ вѣроятностію относятъ и нѣкоторыя другія аналогичныя постановленія Русской Правды, какъ было упомянуто выше¹⁾: они являются такимъ образомъ какъ бы вытребованными бѣднѣйшимъ населеніемъ у князьей власти. Любопытно еще въ этомъ эпизодѣ, что боярство ищетъ защиты отъ разгуливающагося люда въ князѣ—торопитъ Мономаха скорѣе явиться въ Кіевъ, и дѣйствительно—по его прибытіи „матежь влеже“; князь и боярство являются солидарными²⁾. Пользуясь поддержкою князя и его дружины, земская аристократія въ об-

¹⁾ См. с. 131—132.

²⁾ Что посольство къ Мономаху, понуждавшее его явиться скорѣе въ Кіевъ, было отправлено боярствомъ, свидѣтельствуетъ Сказаніе о Борисѣ и Глібѣ: „многу матежу быашю и крамоу въ людехъ и новѣи не малѣ и тогда совокупашася вси люде, наче же болшии и нарочити мужи медше причомъ вслхъ людинъ коляку Володимера, да медъ уставитъ крамоу сущюю въ людехъ“ (изд. Срезневскаго с. 86).

щезъ свободно и безпрепятственно, особенно въ предѣлахъ законности, пользовалась своимъ экономическимъ могуществомъ и во все домонгольское время киевскія общественныя отношенія, правдоподобно, имѣли нѣсколько аристократическій, точнѣе—плутократическій характеръ. Впрочемъ аристократизмъ здѣсь не достигъ полного развитія, не отлился въ строго-опредѣленныя формы, не замкнулся. Мы даже не можемъ опредѣлить, насколько рѣзко обозначился антагонизмъ между аристократіею и „людьми“: единственный вполне опредѣленный фактъ—это все то же движеніе 1113 г., когда разграблены были дома княжечьихъ чиновниковъ и жидовъ, а въ перспективѣ предвидѣли погромъ вообще боярскихъ домовъ (монастыри, я думаю, были присоединены сюда послами только для большого эффекта). Весьма вѣроятно, что экономическій элементъ приходилъ и въ другія народныя движенія, весьма сильно примѣшивался и борьбу политическихъ партій, но ловить его слишкомъ трудно.

Горожане, люди градскіе, составляли въ то время не только торговое и промышленное, но и земледѣльческое населеніе—изъ лѣтописи это мы знаемъ прямо о городахъ Древлянской земли¹⁾. Въ небольшихъ городахъ земледѣльцы, несомнѣнно, составляли главную массу обывателей. Исконная роль города, какъ политическаго центра волости, вѣроятно, сообщала гражданамъ важнѣйшихъ городовъ земли нѣсколько болѣе почетное положеніе среди остального населенія; особенно это нужно сказать о Киевѣ, хотя у насъ и нѣтъ относительно Киевщины такихъ опредѣленныхъ свидѣтельствъ этого рода, какія мы имѣемъ, напримѣръ, для Новгорода²⁾.

Сельскіе жители назывались обыкновенно смердами³⁾. Это названіе употреблялось однако въ разныхъ значеніяхъ: въ самомъ широкомъ значеніи оно означала, повидимому, всякаго земскаго человѣка, подвластнаго князю; въ такомъ смыслѣ Янъ Вышатичъ разузнаеть о ѡзозерскихъ волхвахъ, „чьи еста смерда“; въ такомъ же смыслѣ

¹⁾ Плат. с. 37.

²⁾ I Новг. с. 1. Нѣкоторые ученые (напр. проф. Вудановъ—Обзоръ с. 88) полагають, что города вообще отличались отъ селъ въ отношеніи обложенія налогами; дѣйствительно, данина такого рода существуютъ—относительно Смоленской земли, въ грамотѣ Гостыслава (см. Хрестом. по ист. русск. права I с. 247, стр. 40).

³⁾ О смердахъ см. Русск. прид. древности проф. Сергѣевича I, с. 165 сл.

Олегъ Святославичъ называетъ смердами горожанъ¹⁾. Въ болѣе тѣсномъ смыслѣ это названіе обозначаетъ все сельское, свободное населеніе, обладавшее движимымъ и недвижимымъ имуществомъ²⁾; въ еще болѣе тѣсномъ смыслѣ смердами назывались люди несвободные, крѣпкіе землѣ, близкіе къ положенію холоповъ. Это послѣднее различіе вполне опредѣленно выступаетъ въ Русской Правдѣ; съ одной стороны, здѣсь упоминаются смерды, которые „платятъ князю продажу“ и противопоставляются холопамъ князьимъ и инымъ, „ихъ же князь продажею не казнить, зане же суть несвободни“³⁾, съ другой стороны—смердь фигурируетъ на ряду съ князьими рабами, какъ лицо несвободное⁴⁾. Вслѣдствіе этого нельзя считать смердовъ вообще полусвободными княжескими подданными, рабами фиска, какъ дѣлаютъ нѣкоторые; неправдоподобно также предположеніе, что смерды вообще были жители княжескихъ земель: частновладѣльческія села (какими были, по моему убѣжденію, и княжескія имѣнія) тогда, повидимому, населялись преимущественно несвободными людьми⁵⁾.

Закупами—иначе наймитами—назывались люди, обрабатывающіе физическимъ трудомъ занятые деньгами; закупъ сохранялъ личную свободу: такъ онъ могъ жаловаться на злоупотребленія „господина“, послѣдній не имѣлъ права безъ вины бить закупа, но въ то же время закупъ былъ ограниченъ въ своихъ гражданскихъ правахъ:

¹⁾ Ипат. с. 123, 160; въ такомъ же значеніи, вѣроятно, употреблено это слово въ Ипат. с. 341 (объ Ушницѣ); возраженія противъ такого пониманія см. у Ключевскаго—Рус. Мысль 1880, I с. 68.

²⁾ Такіе смерды, я думаю, упоминаются въ лѣтописныхъ разсказахъ о походахъ на Полоцкѣ 1103 и 1111 г.—Ипат. с. 183 и 191.

³⁾ Русск. Правда по св. Карамзинск. ст. 42 и 48.

⁴⁾ Русск. Правда по св. Академ. ст. 23. Проф. Сергѣевичъ предлагаетъ читать вм. „въ смердѣ и въ хотѣ“ (холопѣ)—„въ смердѣ холопѣ“, какъ въ Троицк. св. ст. 18: „а за смердѣи холопѣ 5 гривень“—Рус. юр. др. I с. 173.

⁵⁾ Такія воззрѣнія, съ известными вариациями, встрѣчаются напр. у Н. И. Костомарова (XII с. 58—9), Хлѣбникова (ор. с. с. 109, 247), Никитскаго (Отчеркъ ист. Пелова с. 278—9), Ключевскаго (Русск. Мысль 1880, I с. 68—4): всѣ они, расходясь въ опредѣленіи зависимости смердовъ, считаютъ ихъ обитателями князьихъ земель; главнѣйшій основаніемъ для такого взгляда служитъ статья Русской Правды (св. Карам. ст. 103), ограничивающая въ пользу князя право завѣщанія смерда: наследовать послѣ смерда могутъ только сыновья и незамужнія дочери, въ противоположность боярамъ и боярской дружинѣ. Возраженія противъ такого воззрѣнія см. у Вестгумель-Рюмина, Рус. ист. I с. 218. Обзоръ мнѣній о смердахъ—у Сергѣевича, Рус. юрид. дрем. I с. 173—176.

свидѣтелемъ онъ могъ являться лишь въ крайней нуждѣ и въ небольшихъ тяжбахъ; при этомъ закупъ прямо противопоставляется людямъ свободнаго состоянія. За побѣгъ закупъ обращался въ полное рабство ¹⁾). Свѣдѣнія объ этомъ классѣ людей даетъ намъ только Русская Правда: специальныхъ свѣдѣній относительно его для Киевской земли мы не имѣемъ.

Несвободные люди носили разныя названія—холоповъ, челяди, рабовъ, также смердовъ; была ли какая-нибудь разница между этими терминами, неизвѣстно. Судя по нѣкоторымъ даннымъ, рабовладѣніе въ то время имѣло широкое распространеніе, хотя и нѣтъ основаній предполагать, какъ дѣлалъ, напримѣръ, Хлѣбниковъ ²⁾, что несвободныхъ было значительное большинство. Уже въ древнѣйшихъ извѣстіяхъ о киевской Руси челядь является одною изъ главныхъ статей вывоза; въ Русской Правдѣ, начиная съ древнѣйшихъ ея редакцій, законы о холопахъ, ихъ бѣгствѣ, проступкахъ, присвоеніи и пр. играютъ видную роль; здѣсь перечисляются холопы „княжи, боярскии, черпщевы“. Какъ упомянуто было выше, есть основанія думать, что нѣвнія владѣльческія были заселены лицами несвободными и полусвободными, холопами и закупамъ; о вдовѣ кн. Глѣба Всеславича лѣтописецъ рассказываетъ, что она пожертвовала Печерскому монастырю пять селъ „и съ челядью“ ³⁾ (еще болѣе ясныя указанія въ этомъ родѣ мы имѣемъ въ лѣтописи для сосѣдней Сѣверской земли ⁴⁾). Мстиславъ Изяславичъ забралъ „товара много Изяслави дружины, золота и серебра, и челяди, и коней, и скота“: какъ упомянуто выше, здѣсь нужно предполагать разграбленіе боярскихъ селъ ⁵⁾. Домашняя прислуга обыкновенно состояла тоже изъ челяди; это видно изъ извѣстнаго постановленія Русской Правды, что вступившій въ тѣни или ключики „безъ раду“, становился рабомъ ⁶⁾. Источникомъ рабовладѣнія была прежде всего война—половъ былъ непремѣннымъ

¹⁾ Русская Правда по св. Карамзинск. ст. 70, 73, 77. О закупкахъ подробно въ Рус. правд. др. I с. 177 сл., см. также у Виллема—Крестьяне с. 16 сл.

²⁾ Общество и государство с. 247, тамъ же пространное изслѣдованіе о рабовладѣніи с. 229 сл.

³⁾ Ипат. с. 338.

⁴⁾ Ibid. с. 287.

⁵⁾ Ibid. с. 344.

⁶⁾ Русск. Правда по Карамз. см. ст. 121.

спутникомъ тогдашнихъ войнъ. Другой источникъ—экономическій; несправный должникъ, который не могъ отработать своего долга, обанкрутившійся купецъ, подсудимый, который не могъ заплатить судебной пени,—обращались въ рабство. Этотъ источникъ рабства долженъ былъ имѣть широкое примѣненіе: проценты были весьма высоки, а судебныя пени далеко превышали среднюю зажиточность. Закупъ, бѣжавшій отъ своего хозяина или совершившій проступокъ, за который уплатилъ пеню хозяинъ, свободный человѣкъ, женившійся на рабѣ, становились также рабами ¹⁾. Переходъ въ рабство происходилъ такъ легко и подавалъ поводъ къ столь многочисленнымъ злоупотребленіямъ, что правительство вынуждено было вѣдывать и ограничивать эту легкость порабощенія. Въ сказаніи о чудесахъ Бориса и Глѣба есть разсказъ, особенно интересный для насъ потому, что относится къ Кіевской землѣ (дѣло происходитъ въ Дорогобужѣ): раба (вѣроятно, попавшая въ кабалу по несостоятельности) вслѣдствіе болѣзни сдѣлалась неспособною къ работѣ; господа прогнали ее и вмѣсто нея „отроча ея, въ слободѣ родившагося, поработиша“; но „судящии не послабша тому такому быти“ и отпустили на свободу и сына и мать, такъ какъ она по винѣ своихъ господъ была постигнута болѣзною ²⁾. Въ Русской Правдѣ мы имѣемъ нѣсколько постановленій, ограничивающихъ тяжесть процентовъ; затѣмъ запрещается обращать въ рабство за небольшую дачу: за нее полагается годичная отработка; принимаются мѣры къ тому, чтобы хозяева закуповъ не обременяли ихъ неосновательными штрафами, что, несомнѣнно, было однимъ изъ источниковъ рабства; полагается наказаніе тому, кто продалъ бы въ рабство своего закупа и т. под. ³⁾. Такимъ образомъ развитіе рабовладѣнія встрѣчало нѣкоторыя препятствія въ законѣ; съ другой стороны, христіанское начало оказывало вліяніе на подъемъ личности несвободнаго человѣка и установленіе болѣе справедливыхъ отношеній къ нему ⁴⁾.

¹⁾ Русск. Правда по спис. Карамзина. ст. 69, 70, 75, 120; о холодествѣ см. Рус. пр. древн. I с. 181 сл., Хрестомат. по ист. русск. права I стр. 77 прим. 160.

²⁾ Сказаніи о Борисѣ и Глѣбѣ изд. Срезневскаго с. 78.

³⁾ Русск. Правда по списку Карамзина. ст. 71, 78, 122.

⁴⁾ См. объ этомъ Русск. юрид. древн. I с. 112 сл.

Поговоривъ о мирѣ и злобахъ его, перейдемъ къ учрежденію, которое, существуя въ мирѣ и для міра, должно однако быть учрежденіемъ не отъ міра сего.

Въ рассматриваемую эпоху Кіевская земля заключала въ себѣ три епархіи—митрополию и двѣ епископскихъ. Какъ извѣстно, составляетъ спорный вопросъ, гдѣ первоначально находилась митрополичья епархія—въ Кіевѣ или Переяславлѣ ¹⁾; во всякомъ случаѣ, начиная съ Иларіона, митрополія безспорно была въ Кіевѣ и здѣсь оставалась во все продолженіе нашего періода и далѣе. Изъ епископскихъ епархій одна все время находилась въ Бѣлгородѣ, а другая—въ Юрьевѣ, но епископъ юрьевскій въ половинѣ XII в. называется также каневскимъ ²⁾, что указываетъ, можетъ быть, на пребываніе его въ Каневѣ, гдѣ незадолго предъ тѣмъ Всеволодъ Ольговичъ заложилъ также храмъ св. Георгія, можетъ быть—именно для епархія. Обыкновенно предполагаютъ, что Бѣлгородская епархія была основана Владиміромъ Св., а юрьевская—Ярославомъ; несомнѣнные данныя о существованіи ихъ мы имѣемъ только со второй половины XI в. (1072 и 1089 г.); затѣмъ епархія эти существовали во все рассматриваемое время ³⁾. Какимъ образомъ распредѣлялась Кіевская земля между тремя своими епархіями, имѣли ли всѣ онѣ самостоятельныя епархія, мы совершенно не знаемъ ⁴⁾. Любопытно, что всѣ епархія сосредоточивались въ землѣ полянъ, и Древлянская земля все время не имѣла своей особой епархія.

Русская церковь не пользовалась самостоятельностью и во весь періодъ находилась во власти константинопольскаго патріарха, подобно другимъ, византійскимъ митрополіямъ. Митрополиты назнача-

¹⁾ Объ этомъ вопросѣ см. Ист. рус. церкви и. Макарія I с. 38, проф. Голубинскаго I, 1 с. 288, Константиноп. патріархъ Т. Варсова с. 428 и специальную статью П. Г. Лебединцева въ Кіевск. Ст. 1888 кн. I с. 177 сл.

²⁾ Ипат. с. 327.

³⁾ Подъ 1197 г. въ Ипат.: „смыти церковь блаженныи и. Никифоромъ, епископомъ Адрианомъ, тои церкви (Бѣлгородской) ставъ добръ правца епископомъ юрьевскимъ (с. 473). Проф. Голубинскій предполагаетъ (I, 1 с. 550), что въ это время епископъ Адрианъ управлялъ обѣими епархіями; но мнѣ кажется болѣе вѣроятнымъ, что здѣсь проучено или юрьевскаго епископа.

⁴⁾ Проф. Голубинскій высказывалъ предположенія, что земля полянъ составляла кіевскую епархія, земля Древлянская—Бѣлгородскую, а юрьевскій епископъ почти вовсе не имѣлъ епархія, кромя *partes infidelium* (Ист. рус. церк. I, 1 с. 298, 550—551, 568).

лись обыкновенно патриархомъ, безъ предварительныхъ соглашеній съ кievскими князьями или русскими епископами, изъ кандидатовъ, представляемыхъ патриаршимъ соборомъ ¹⁾. Извѣстны два случая отступленія отъ этой нормы, когда русскіе митрополиты были поставлены по указанію кievскаго князя соборомъ русскихъ епископовъ; первый имѣлъ мѣсто при Ярославі, второй—при Ізяславѣ Мстиславичѣ. Въ этихъ фактахъ видѣли стремленіе къ достиженію большей самостоятельности церкви и къ націонализациі іерархіи; но противъ этого взгляда были выставлены вѣскія возраженія проф. Голубинскимъ ²⁾. Въ самомъ дѣлѣ, важно то, что оба эти факта стоятъ одиноко, что мы совершенно не видимъ стремленія примѣнить такой порядокъ замѣщенія въ послѣдующимъ митрополитамъ. Это обстоятельство свидѣтельствуетъ, что въ обществѣ, точнѣе—среди князей, вообще не было распространено такое стремленіе; но у Ярослава и Ізяслава Мстиславича мы такъ же не имѣемъ никакихъ основаній отрицать его, какъ и утверждать: и тотъ и другой до новаго замѣщенія епископовъ не дожили, и неизвѣстно, какъ бы они дѣйствовали въ такомъ случаѣ. На поставленіи Іларіона я не буду останавливаться, такъ какъ оно хронологически не принадлежитъ къ рассматриваемой эпохѣ, а о второмъ эпизодѣ—поставленіи Климента—нахожу умѣстнымъ сказать подробнѣе.

Предмѣстникъ Климента—митрополитъ Михаилъ удаленъ въ 1145 г., въ правленіе Всеволода Ольговича, въ Грецію, взявъ съ епископовъ обѣщаніе не служить безъ него въ св. Софій ³⁾. О причинѣ этого удаленія источники не говорятъ ничего, наиболѣе вѣроятно, что оно было слѣдствіемъ столкновенія митрополита съ упомянутымъ Всеволодомъ Ольговичемъ. Преемника м. Михаилу изъ Константинополя не прислали: можетъ быть, съ цѣлью произвести нѣкоторое давленіе на кievскаго князя, или вслѣдствіе неурядицы,

¹⁾ Подробнѣе объ этомъ см. у м. Макарія т. I с. 2, Т. Варсова—Константинов. патр. с. 448—448, 457.

²⁾ М. Макарій III с. 6, 14, Соловьевъ III с. 60—61, Пловайскій Ист. Рос. I пр. 68, Т. Варсовъ ор. с. с. 452—3. Голубинскій I, 1 с. 260 сл.

³⁾ Лазр. с. 296, Ипат. с. 241. Соображенія о причинахъ удаленія м. Михаила см. въ статьѣ проф. Малишевскаго: Кіевскіе церковные соборы, въ Трудахъ Кіевск. Дух. Ак. 1884 кн. XII с. 501, ср. также Голубинскаго I, 1 с. 261, Соловьева III пр. 137. По сказанію Никон. лѣт. (I с. 206) Михаилъ ушелъ въ Царьградъ „за нѣкое волненіе“.

происходившей въ самомъ Константинополѣ: въ 1146 г. скончался патриархъ Михаилъ Окситъ, преемникъ его (Козьма Аттикъ) былъ чрезъ нѣсколько времени ниложенъ, и затѣмъ весь почти 1147 годъ (съ февраля по декабрь) патриаршій престолъ оставался празднымъ ¹⁾. Изаславъ Мстиславичъ, очевидно, былъ недоволенъ этимъ и рѣшилъ поставить митрополита на мѣстѣ; это намѣреніе поддерживалъ, а можетъ быть—былъ и инициаторомъ его, Онуфрій, епископъ черниговскій (черниговскіе Давыдовичи еще считались тогда въ тѣсномъ союзѣ съ Изаславомъ). Къ мнѣнію Онуфрія присоединились епископы киевскіе, находившихся въ волостяхъ Изаслава—прѣвскій, бѣлгородскій, переяславскій и владимірскій ²⁾. Кандидатомъ Изаславъ избралъ Климента, постриженника Зарубскаго монастыря, княжнина и философа, „якоже въ Руской земли не башеть“, и онъ былъ посвященъ 27 іюля 1147 г. главою св. Климента папы ³⁾. Это поставленіе вызвало протестъ со стороны приверженцевъ освященныхъ временемъ отношеній русской церкви къ патриарху, съ одной стороны, и политическихъ враговъ Изаслава—съ другой ⁴⁾. Во главѣ ихъ стоялъ Нифонтъ, епископъ новгородскій, знатокъ греческой церковной практики ⁵⁾; за свою ревность онъ даже былъ заточенъ потомъ Изасла-

¹⁾ Филаретъ Ист. рус. цер. I с. 107 (изд. 1857 г.), Голубинскій I, 1 с. 261; эту историческую справку сдѣлалъ еще З. Копиенскій въ Палинодіи—см. у Терновскаго, Изуч. визант. ист. II с. 218. Татищевъ (II с. 301) говоритъ, что въ 1147 г. умеръ митрополитъ Михаилъ, но это, очевидно, догадка самого Татищева, нѣльзя цѣлью объяснить, почему въ 1147 г. приступили къ избранію новаго митрополита; о времени смерти м. Михаила см. у Зернова—Нифонтъ еп. новгородскій, въ Архивъ ист.-прид. свѣд. II, 1 с. 108.

²⁾ Ипат. с. 241; но Лавр. (с. 299), Софійск. (I с. 192) за Климента было шесть епископовъ; м. Макарій (III с. 12) принимаетъ извѣстіе Патерника (позднѣйшей редакціи), что шестина сторонниками Климента былъ Іоаннъ турецкій; возраженія противъ этого смотри у Филарета I с. 109.

³⁾ Ипат. с. 241—2, Лавр. с. 299.

⁴⁾ Весьма любопытны слова Никон. I с. 206: „но о семъ мнози вознегодоваша отъ священникъ, и иночствующихъ, и отъ мирскихъ, и отъ князей мизи, и чаче же неимавше имену на в. князя Изаслава Мстиславича“. Мы, очевидно, имѣемъ здѣсь отдѣльное сказаніе о Нифонтѣ (отличное отъ его житія, помѣщеннаго въ Пам. ст. рус. акт. кн. IV); изъ этого же сказанія, вѣроятно, заимствованъ разсказъ о поставленіи м. Климента—въ 1147 г. (Никон. I с. 172—8).

⁵⁾ Высказано было даже предположеніе, что Нифонтъ былъ родомъ грекъ, см. Зернова оп. с. с. 114, Никитскаго—Очеркъ ист. церкви въ В. Новгородѣ с. 17.

вомъ¹⁾). Характерно, что Нифонтъ находился, по словамъ летописи, въ дружбѣ со Святославомъ Ольговичемъ и, весьма вѣроятно, съ Юріемъ Долгорукимъ: эти князья поддерживали его, вѣроятно, изъ вражды къ Изяславу²⁾). Главнымъ доводомъ противъ Климента и Изяслава было то, что Климентъ не взялъ благословенія у св. Софій и у патриарха, т. е. что Изяславъ, поставивъ Климента, не просилъ благословенія и утвержденія отъ патриарха. Каковы бы ни были намѣренія Изяслава: желалъ ли онъ націонализовать іерархію, или ограничивался даннымъ случаемъ, во всякомъ случаѣ онъ поступилъ не тактично, порвавъ всякія связи съ патриархатомъ: этимъ онъ смутилъ совѣсть болѣе свѣдущихъ въ церковныхъ правилахъ людей. между ними и своего брата Ростислава. Я думаю, что и епископы, поставившіе Климента, не предвидѣли подобнаго раскола: на соборѣ ихъ шла рѣчь только о томъ, можно ли поставить митрополита епископскимъ соборомъ; о разрывѣ же съ патриархомъ и рѣчи не было³⁾). Благодаря этому и Климентъ не могъ утвердиться на митрополіи; будучи ставленникомъ Изяслава, онъ держался лишь его покровительствомъ: долженъ былъ покидать Кіевъ всякій разъ при его неудачахъ и возвращался вмѣстѣ съ нимъ въ случаѣ успѣха⁴⁾.

Когда по смерти Изяслава Юрій болѣе прочно усѣлся въ Кіевѣ, изъ Царьграда прислали новаго митрополита Константина (Климентъ, вѣроятно, удалился изъ Кіева еще до прибытія Юрія); неизвѣстно, Юрій ли просилъ объ этомъ патриарха, или послѣдній самъ прислалъ митрополита, пользуясь перемиріемъ⁵⁾). Новый митрополитъ съ честью былъ принятъ Юріемъ (1156 г.). На Изяслава произне-

¹⁾ 1 Новг. с. 10—11.

²⁾ Ипат. с. 333; Никон. I с. 206: „бѣ же сему Нифонту епископу любовь и согласіе съ в. кн. Юрьемъ Долгорукимъ и съ в. кн. вѣршиговскимъ съ Святославомъ Ольговичемъ и съ ними о многими кнзми въ согласіи и любви бѣ, нѣже же всѣмъ съ в. кн. кіевскимъ Изяславомъ Мстиславичемъ несогласно бѣ, такоже и сему Нифонту еп. новгородскому“; это свидѣтельство, что Нифонта поддерживали многіе изъ политическихъ вѣдомъ, заслуживаетъ вниманія.

³⁾ Ипат. л. с. 241.

⁴⁾ Ипат. с. 268, 305.

⁵⁾ Арх. Филаретъ (Ист. р. к. I с. 109) и к. Макарій (III с. 18), ссылаются на одинъ и тотъ же источникъ (который я не могъ воспользоваться), разномыслятъ относительно времени поставленія Константина: по Филарету Константинъ былъ поставленъ митрополитомъ въ январь 1156 г., по Макарію—1156 г.

сею было проклятіе, Юрія митрополитъ „благословилъ“, на священниковъ и діаконовъ, поставленныхъ Климентомъ, было наложено запрещеніе, но затѣмъ богослуженіе имъ было разрѣшено, причѣмъ они „писаша рукописанне на Климѣ“). Этотъ рѣзкій образъ дѣйствій и. Константина очень повредилъ ему. Когда Кіевъ по смерти Юрія перешелъ въ руки Мстислава Изяславича, послѣдній рѣшительно отказался признать митрополитомъ Константина, „зане влялъ ми отца“. Онъ желалъ возвратити на митрополию Климента, но Ростиславъ, которому былъ предложенъ столъ, не соглашался на это: „не хочу Климѣ у митрополии видѣти, зане не взялъ благословенія отъ Свѣтлы Софьи и отъ патриарха“²⁾). Послѣ долгихъ пререканій рѣшено было „иного митрополита привести изъ Царягорода“, оставивъ и Климента и Константина³⁾). Это рѣшеніе любопытно, такъ какъ показываетъ, что ни Мстиславъ, ни Ростиславъ не стремились вовсе къ націонализаціи іерархіи: такъ какъ рѣчь шла только о сохраненіи связи между кіевскою митрополіею и патриархатомъ, то если бы національное стремленіе существовало, мы должны ожидать, что Мстиславъ или Ростиславъ поплчуть къ патриарху для поставленія своего кандидата, и патриархъ, конечно, предпочелъ бы такой выходъ полному разрыву съ кіевскою митрополіею. Новый митрополитъ— Теодоръ присланъ былъ изъ Царьграда нескоро, уже по смерти Константина; послѣдній еще послѣ пораженія Изяслава Давыдовича удался въ Черниговъ и здѣсь скончался, удививъ всѣхъ необычайнымъ завѣщаніемъ: онъ попросилъ выволочь его трупъ за городъ, на сѣдненіе псамъ; позднѣйшіе своды прибавляютъ, что послѣ его смерти надъ Кіевомъ были грозныя знаменья, которыя привели въ страхъ— по одному изводу Ростислава, по другому—Мстислава⁴⁾). Трудно рѣшить, насколько древне это послѣднее извѣстіе въ своей основѣ;

¹⁾ Ипат. с. 333—333, Лавр. с. 329. Ореанскій (Древн. памятники писма и языка с. 31) впрочемъ послѣдніа слова понимаетъ такъ, что „рукописаніе“ писали епископомъ свѣтленскій и колоцкій къ м. Михаилу.

²⁾ Весьма вѣроятна догадка Татищева (III с. 118), что Ростиславъ въ этомъ отношеніи дѣйствовалъ подъ вліяніемъ еп. смоленскаго, грека Мануила, противника Климента; это мнѣніе принимаютъ м. Макарій (ор. с. III с. 19), Т. Барсовъ (ор. с. с. 453—4), а проф. Голубинскій отвергаетъ (I, 1 с. 272).

³⁾ Ипат. с. 345.

⁴⁾ Ипат. с. 352, Лавр. с. 331, Воскр. I с. 70—71, Никои. I с. 215; ср. Татищевъ III стр. 477.

оно легко могло явиться и немедленно по смерти Константина: несомненно, среди его современников были люди, считавшие его мученикомъ за правду, и смиренное его завѣщаніе могло лишь поддерживать такой взглядъ на него.

Митрополитъ Теодоръ скоро также скончался ¹⁾. Ростиславъ, вѣроятно подѣ влияніемъ Мстислава, съ которымъ незадолго предъ тѣмъ онъ помирился, рѣшился на сей разъ восстановить на митрополіи Климента, съ согласія патріарха, и отправилъ по этому поводу въ Царьградъ для переговоровъ своего посла. Но въ Царьградѣ, очевидно, узнали объ этомъ раньше и поспѣшили послать своего митрополита: тамъ, конечно, относились къ Клименту съ большимъ недо-вѣріемъ. Ростиславовъ посолъ уже въ Олешѣ встрѣтилъ митрополита Іоанна и съ нимъ императорскаго посла и возвратился съ ними въ Кіевъ; императоръ убѣждалъ Ростислава принять новаго митрополита и посылалъ, для вѣщаго убѣжденія, богатые дары ²⁾. Ростиславъ, очевидно, уступилъ, и Іоаннъ былъ принятъ на митрополію, но какъ это именно произошло—неизвѣстно. Во всѣхъ спискахъ Кіевской лѣтописи въ этомъ мѣстѣ находится пробѣлъ, и мы не знаемъ ни доводовъ императора, ни отвѣта Ростислава; въ сводѣ Татищева послѣдній соглашается принять митрополита Іоанна „за честь и за любовь царскую“, но ставитъ условіемъ на будущее время, чтобы патріархъ безъ согласія князя митрополитовъ не посылалъ ³⁾. Это извѣстіе принимается обыкновенно историками ⁴⁾: оно, кажется, и по-

¹⁾ По Ипат. лѣт. Теодоръ пробилъ на митрополіи 10 мѣсцевъ, но прешелъ онъ въ августѣ 1161 г., а смерть его—подъ 1163 г. (с. 352 и 357), но Воскр. онъ прибылъ въ 1160, скончался въ 1163 г., въ Никои. прибытіе его подѣ 1159 г., кончина подѣ 1163 г. Ср. у проф. Голубинскаго I, 1 с. 250.

²⁾ Ипат. с. 357. Разсказъ лѣтописи довольно неясенъ; я полагаю его, какъ мнѣ казалось болѣе вѣроятнымъ (ср. Голубинскаго I, 1 с. 272); въ Густин. л. (с. 307) „и не хотѣ его (Іоанна) Ростиславъ пріяти, донелиже его посолъ отъ патріарха возвратилъ“.

³⁾ Ист. Рос. III с. 142.

⁴⁾ Филаретъ Ист. р. ц. I с. 111, Макарій III с. 21, Знаменскій Рукон. въ рус. церк. ист. с. 22, Т. Баромиъ ор. с. с. 454, Карамзинъ II с. 196, Арцибашевъ Повѣст. о Россіи т. I кн. 2 с. 176, Соловьевъ III с. 60 и примѣч. 140. Проф. Голубинскій (I, 1 с. 272) не принимаетъ татишевскаго добавленія; едва ли только справедливо предположеніе, что пропускъ въ лѣтописяхъ намѣренный: цѣлоразъ нечего было захватывать и разсказъ о смерти Святослава (ср. Вестужева-Рюмина О составѣ р. л. с. 129).

служило главнымъ основаніемъ для предположенія въ князьяхъ стремленій къ націонализациі іерархіи; но Татищевъ въ данномъ вопросѣ, несомнѣнно, тенденціозенъ¹⁾, и хотя въ отвѣтѣ Ростислава въ сущности нѣтъ ничего невѣроятнаго²⁾, мы не можемъ никакъ принимать его за достовѣрный.

Этимъ окончилось дѣло м. Климента; я остановился на немъ какъ потому, что оно, несомнѣнно, сильно занимало извѣстную часть мѣстнаго общества, такъ и потому, что этотъ эпизодъ даетъ много данныхъ относительно положенія нашей іерархіи.

За немногими исключеніями, митрополиты наши были иностранцы, преимущественно греки; это обстоятельство, конечно, затрудняло тѣсное общеніе пастыря съ пасомыми, въ частности—лишало его возможности обращаться къ своей паствѣ непосредственно, съ живымъ словомъ³⁾; но съ другой стороны, оно, какъ справедливо замѣчено, имѣло и хорошую сторону: какъ люди посторонніе, митрополиты стояли внѣ политическихъ отношеній, внѣ партій, это позволяло имъ дѣйствовать свободно, согласно своему долгу, и охраняло ихъ достоинство отъ тѣхъ униженій и обвиненій, которыя неизбежны были, разъ митрополитъ являлся ставленникомъ той или другой партіи, того или другого политическаго дѣятеля⁴⁾. Мы видѣли, какъ политика немедленно примѣшалась въ дѣло м. Климента и произвела смуты; въ извѣстной мѣрѣ это могло бы повторяться вообще относительно митрополитовъ, ставимыхъ князьями.

¹⁾ Такъ у него Святославъ въ 1096 г. велѣлъ епископамъ русскимъ поставитъ Никифора въ митрополиты; Мономахъ послалъ еп. Никиту въ 1122 г. изъ Руси для посвященія въ Константинополь; м. Константинъ, сорерникъ Климента, по Татищеву былъ раньше еп. черниговскимъ и отправленъ Нифонтомъ и Феодоромъ, еп. владимірскимъ, къ патриарху для посвященія; Ростиславъ предъ смертію послалъ ставиться въ Константинополь еп. Константина (II с. 169, 225, III с. 86, 151, пр. 477). Очевидно, Татищевъ послѣдовательно и тенденціозно проводитъ мысль о большей самостоятельности нашей церкви и широкомъ участіи князей въ поставленіи митрополитовъ.

²⁾ Самая редакція отвѣта впрочемъ не совсѣмъ вѣроятна, см. Голубинскаго оп. с. I, 1 с. 272—274.

³⁾ См. сожалѣніе м. Никифора, въ его поученіи, что онъ, не имѣя дара языковъ, „благословенъ посредъ пасомыхъ стоитъ и молчитъ много“ (у м. Макарія т. II прил. 11, с. 306); свое ученіе митрополитъ постоку предлагаетъ паствѣ письменно, въ переводѣ.

⁴⁾ Обстоятельна сужденія объ этомъ см. у проф. Голубинскаго оп. с. I, 1 с. 277 сл. Вѣсѣ распространено въ ученой литературѣ отрицательное отношеніе къ греческой іерархіи, см. напр. у Макарія V с. 284—8, 290—3, Т. Парсова с. 471 сл., Знаменскаго с. 20.

Что до епископских кафедръ, то онѣ замѣщались, вопреки каноническимъ правиламъ, не соборомъ епископовъ, а по соглашенію митрополита и князя, причѣмъ инициатива могла принадлежать тому или другому, такъ что лѣтписи иногда выражаются, что князь *поставилъ* такого-то епископа¹⁾. Киевскіе князья имѣли вліяніе на поставленіе епископовъ и чужихъ епархій, до позднѣйшаго времени²⁾. За княземъ же, тоже противно канонамъ, въ обществѣ признавалось повидимому, право смѣщать іерарховъ и судить ихъ; такихъ случаевъ извѣстно вообще нѣсколько въ другихъ волостяхъ³⁾, для Киевской земли укажемъ на вышеприведенный случай удаленія съ кафедры митрополитовъ Климента и Константина по соглашенію Ростислава и Мстислава.

Вступали въ управленіе и митрополитъ и епископы чрезъ настолованіе, которое производилось, правдоподобно, епископами или въ ихъ присутствіи и было аналогично съ настолованіемъ князей⁴⁾. При Ярославѣ было постановлено производить настолованіе новоставляемыхъ епископовъ въ киевской церкви св. Георгія, „предъ вратами св. Софіи“⁵⁾.

Относительно церковнаго управленія свѣдѣнія наши скудны. Болѣе важныя дѣла рѣшались, вѣроятно, митрополитомъ на соборахъ епископовъ⁶⁾. Но въ епархіальномъ управленіи епископы пользовались значительною самостоятельностью. Патриархъ не вмѣшивался въ управленіе митрополіи, исключая тѣхъ случаевъ, когда замѣчалъ какіе-либо безпорядки, такъ и митрополитъ не вмѣшивался въ епископское управленіе⁷⁾. Какъ при митрополитахъ, такъ и епископахъ упоми-

¹⁾ См. Лавр. с. 281, Ипат. с. 448, ср. у Голубинскаго I, 1 с. 310 слѣд.

²⁾ См. напр. Лавр. с. 387, 432, 1 Новг. с. 21; особенно любимою первое изъ указанныхъ мѣстъ: „посла я. ки. Всеволодъ (Юрьевичъ) къ Кневу Святославу по Всеволодичю и к митрополиту Никиюру отца своего духовнаго Іоана на епископство“; не забудемъ, что то было время наибольшаго могущества судальскихъ князей.

³⁾ Они указаны у Голубинскаго I, 1 с. 456—458.

⁴⁾ Ипат. с. 185: „Никифоръ митрополитъ посаженъ на столѣ“—это извѣстіе стоитъ отдѣльно отъ упоминанія о его приходѣ; также Царювъ говоритъ о себѣ: „отъ благочестивыхъ епископъ священъ и настолованъ“. См. объ этомъ у и. Макарія, I с. 275—276.

⁵⁾ Сказаніе объ ослабленіи церкви св. Георгія—у Хруцова, О древ. ист. нов. с. 127.

⁶⁾ Соображенія объ этихъ соборахъ см. въ упомянутой статьѣ проф. Малиновскаго „Киевскіе церковные соборы“ въ Труд. Киевск. Дух. Акад. 1864 кн. XII; для нашего періода см. с. 497—524.

⁷⁾ О зависимости митрополита отъ патриарха см. у Т. Барсова с. 498—9, 583 сл.,

вается клиросъ¹⁾; назывался ли такъ штатъ лицъ, участвовавшихъ въ управленіи епархіею, или обозначались этимъ именемъ только священники кафедральной церкви, опредѣленныхъ указаній мы собственно не имѣемъ; проф. Голубинскій не сомнѣвается, что клиросъ былъ административный органъ²⁾. Сношенія епископа съ подвѣдомственнымъ духовенствомъ, какъ полагаютъ, происходили посредствомъ соборовъ священниковъ, которые въ извѣстное время съѣзжались къ епископу³⁾. Изъ юридическихъ памятниковъ намъ извѣстенъ еще одинъ органъ церковнаго управленія—владичній (епископскій) намѣстникъ; правдоподобно, онъ былъ финансовымъ и судебнымъ чиновникомъ⁴⁾.

Кромѣ сферы собственно-административной, митрополиту и епископамъ подлежалъ въ широкихъ размѣрахъ судъ. Вопросъ о церковномъ судѣ, какъ извѣстно, одинъ изъ самыхъ спорныхъ; до насъ сохранились церковные уставы съ именами Владимира и Ярослава, опредѣляющіе пространство церковнаго суда, но подлинность ихъ доселѣ подвергается серьезнымъ нападеніямъ⁵⁾. Не входя въ ближайшее разсмотрѣніе этихъ памятниковъ, я замѣчу только, что каково бы ни было происхожденіе ихъ, несомнѣнно, что заключающіяся въ нихъ нормы въ сферѣ церковнаго суда примѣнялись; выдѣляя нормы общія

объ отношеніяхъ митрополита къ епископамъ—у м. Макарія III с. 242—3, ср. также V с. 77 сл.

¹⁾ См. Житіе Феодосія (дѣдичъ отъ клироса святыхъ и великихъ церкви Софіи—изд. Бодянского г. 30), „Чтеніе“ Нестора (изд. Бодянского с. 14, Срезневскаго—с. 25) и „Сказаніе“ Іакова („клиросъ и все нововство“—изд. Срезневскаго с. 72); въ „Чтеніи“ „клиросъ“, кажется, равносильно слову „притеть“.

²⁾ Ор. с. с. I, 1 с. 323 сл.; здѣсь же приведены извѣстія о клиросахъ другихъ славянъ.

³⁾ Собранія объ этомъ см. у Голубинскаго же *ibid.* с. 398—399.

⁴⁾ Намѣстники упоминаются въ церковномъ уставѣ Владимира; о нихъ см. у проф. Голубинскаго ор. с. с. 329 сл.; послѣдній предполагаетъ также еще въ до-монгольской періодъ существованіе т. н. десятильниковъ, собиравшихъ десятину и надзиравшихъ за поведеніемъ духовенства (с. 334 сл.).

⁵⁾ Литература вопроса см. въ Хрестоматіи М. Ф. Владимірскаго-Буданова, I с. 225; обстоятельную защиту уставовъ см. у м. Макарія I с. 178 сл., II с. 269 сл.; возраженія у проф. Голубинскаго—I, I с. 342 слѣд. Голубинскій предполагаетъ даже, что уставъ Владимира былъ сочиненъ въ Новгородѣ послѣ монгольскаго нашествія (I, I с. 330, 335). Въ послѣднее время защиту устава Владимира Св. былъ посвященъ рефератъ проф. А. Павлова на VIII археологическ. съѣздѣ. Исслѣдованіе о содержаніи уставовъ—въ статьяхъ Мисовскаго, Правосл. Соборѣдн. 1862 ч. II и III.

разнымъ редакціямъ этихъ уставовъ и сопоставляя ихъ съ другими подобными же, но достовѣрными памятниками (какъ грамота Ростислава и др.), мы съ значительною увѣренностью можемъ предполагать, что эти общія нормы примѣнялись и въ до-монгольскую эпоху.

Судебныя компетенціи епископа двоякія: его суду подлежатъ всѣ міряне по нѣкоторымъ вопросамъ, а „люди церковные“—по всѣмъ вообще дѣламъ, кромѣ самыхъ тяжкихъ преступленій. Всѣ міряне подлежатъ суду епископа въ послѣдующихъ дѣлахъ: преступленія противъ религіи (святотатство и кощунство, ереси, вѣдовство), дѣла о бракѣ (неправильный бракъ, расторгеніе брака, прелюбодѣйство), столкновенія между членами семьи, дѣла о женской чести (драва между жевщинами, оскорбленіе женщины и под.). Церковные люди, подлежавшіе церковному суду по всякимъ вообще дѣламъ, были: священнослужители и ихъ семьи, церковный причетъ, монахи и монахини, калѣки, нищіе и вообще люди, жившіе и питавшіеся при церквяхъ, и наконецъ еще одна группа: *прощеники, задушныя люди*; значеніе этихъ названій неособенно ясно: подъ *прощениками* разумѣютъ людей, исцѣленныхъ отъ болѣзни, *задушныя* человекъ—вѣроятно, рабъ отпущенный на свободу „за душу“ своего господина. Если эти церковные люди тягались съ нецерковными, то судъ былъ смѣшанный, и епископскій намѣстникъ судилъ вмѣстѣ съ князьимъ тиуномъ; смѣшанный же судъ практиковался въ нѣкоторыхъ изъ выше перечисленныхъ тяжбъ, гдѣ преступленіе противъ нравственности соединялось съ уголовнымъ или гражданскимъ преступленіемъ (такъ смѣшанный судъ полагается въ уставѣ Ярослава при похищеніяхъ женщинъ, при ссорахъ женщинъ и т. п.). Наказанія могли быть тройкія: чисто церковныя (епитимія, лишеніи причастія и пр.), денежные штрафы и тѣлесныя наказанія, принесенныя византійскимъ законодательствомъ; въ разсматриваемый періодъ, правдоподобно, практиковались лишь первые два рода наказаній, такъ какъ членовредительство было глубоко антипатично народу ¹⁾).

Уставъ Владиміра отдастъ въ вѣдѣніе епископа еще одну отрасль управленія: завѣдываніе мѣрами и вѣсами; извѣстно, что въ сѣверныхъ городахъ, во избѣжаніе злоупотребленій, образцы мѣръ и вѣ-

¹⁾ Ср. Хлѣбникова Общество и госуд. с. 356.

совъ хранились при церквахъ; нѣтъ основаній поэтому отрицать достоверность этого постановленія.

Помимо такого, такъ сказать, обязательнаго участія въ общественныхъ дѣлахъ, представители церкви, по требованію обстоятельствъ, принимали вообще довольно живое участіе въ общественной жизни. Такъ они часто выступаютъ въ междукняжескихъ отношеніяхъ въ роли посредниковъ и особенно примирителей; подобныхъ прихѣровъ лѣтопись передаетъ намъ довольно много ¹⁾; м. Никифоръ прямо заявилъ Рюрику: „княже, мы есмь приставлены в Руской землѣ отъ Бога вестягивати васъ отъ кровопролитя“ ²⁾; особенно для такой роли годился митрополитъ по своему авторитету. Далѣе, представители церкви виѣняли себѣ въ обязанность ходатайствовать предъ князьями за всякаго рода обидимыхъ; такъ въ 1097 г. игумены, въ отсутствіе митрополита, „начаша молитися о Васильцѣ къ Святополку“, такъ митрополитъ съ игуменами выхлопотали у Святополка освобожденіе Ярославу Ярополковичу въ 1101 г., не позволили Юрію выдать Ярославу галицкому Ивана Берладника „на убийство“ ³⁾. Въ посланіи Никифора къ Мономаху есть намекъ, что и частные люди въ случаѣ обидъ имѣли обыкновеніе обращаться къ заступничеству митрополита ⁴⁾. По словамъ преп. Нестора, Феодосій Печерскій „многимъ заступникъ бысть прѣдъ судиями и князи, избавлятихъ“ ⁵⁾. Наконецъ, духовенство становилось иногда въ защиту и національныхъ интересовъ: такъ митрополитъ побуждалъ Святослава и Рюрика къ возвращенію Галича отъ угровъ: „се иноплемьници отъяли отчину вашу; а лѣпо вы бы потрудитися“ ⁶⁾.

Въ свою очередь, князья принимали довольно широкое участіе въ дѣлахъ церковныхъ. Я выше говорилъ объ участіи ихъ въ назначеніи и удаленіи съ кафедръ епископовъ, укажу еще нѣсколько при-

¹⁾ Ипат. с. 172, 210, 215, 217, 327, 462, Лавр. с. 413, 433. Насколько распространены были обычай нослать епископовъ въ качествѣ пословъ, показываетъ писмо Мономаха (Лавр. с. 245): „нослать союъ свой или епископа“.

²⁾ Ипат. с. 460.

³⁾ Ипат. с. 170, 181, 335.

⁴⁾ Русск. достопамят. I с. 73: „или ииими, яко кто приде ко нѣмъ печаленъ и того дѣла написахъ ти се?“

⁵⁾ Житіе Феодосія л. 27 обор.

⁶⁾ Ипат. с. 446.

мѣровъ въ другомъ родѣ (они относятся преимущественно къ Печерскому монастырю): св. Θεодосій, умирая, поручилъ свой монастырь „на соблюденіе, егда будетъ что смятеніе в немъ“ кн. Святославу и просилъ не давать въ обиду преемника его, Стефана. Подъ 1112 г. разсказывается о выборѣ игумена въ Печерскомъ монастырѣ: избравъ его, братія извѣстила объ этомъ митрополита и Святополка, „и повелѣ князь митрополиту поставити с радостію“. Канонизація Θεодосія также происходила при непосредственномъ участіи Святополка ¹⁾. Изъ другихъ случаевъ намъ извѣстно, напримѣръ, что князья принимали живое участіе въ знаменитыхъ спорахъ о постѣ въ праздничные дни ²⁾.

Средства на содержаніе церквей и ихъ служителей черпались изъ разныхъ источниковъ. Владиміръ при первомъ устроеніи церкви пожертвовалъ Десятинному храму св. Богородицы „отъ имѣнія своего и отъ моихъ градъ десятую часть—по всей Руськой (т. е. Кіевской) земли“, на вѣчныя времена ³⁾; это понимаютъ такъ, что князь уступилъ десятую часть доходовъ отъ своихъ частныхъ имѣній (сель) и доходовъ государственныхъ; уставъ Владиміра Св. объясняетъ это такъ: „отъ всего князя суда (изъ всѣхъ судныхъ пошлннъ) десятую вѣшню, не торгу десятую недѣлю, а изъ домовъ (подымной дани) на всяко дѣто отъ всего прибытка, и отъ лова княжа, и отъ стадъ, и отъ жита (съ частныхъ княжескихъ имѣній) десятину“ ⁴⁾. При этомъ, по аналогіи съ уставными грамотами Новгородца и Смоленска, предполагаютъ, что десятина эта выплачивалась не княземъ, а собиралась церковными чиновниками непосредственно: такого рода постановленія содержатся въ Русской Правдѣ относительно судебныхъ пошлннъ. Десятина эта шла въ пользу митрополіи; при этомъ является трудный вопросъ, получали ли десятину кіевскіе епископы? далѣе, въ Несторовомъ „Чтеніи“ о Борисѣ и Глѣбѣ говорится, что на содержаніе вышгородской церкви св. мучениковъ назначена была десятая часть мѣстной дани ⁵⁾.—въ какомъ отношеніи стояла эта десятина къ де-

¹⁾ Ипат. с. 133, 187, 197.

²⁾ См. особенно Лавр. с. 384.

³⁾ Ипат. л. с. 85, 379.

⁴⁾ См. Ист. рус. цер. и. Макарія I с. 268 (т. и. средняя редакція).

⁵⁾ „Повесть влстелику града того дати отъ дани церкви святою десятую часть“— „Чтеніе“ въ изд. Водляскаго с. 17, въ изд. Срезневскаго с. 29.

сигнѣ, платившейся на митрополию со всей Русской земли? это тоже трудно рѣшить.

Кромѣ десятины въ пользу каедръ шли доходы съ церковнаго суда. Далѣе, каедры, значительнѣйшіе храмы и монастыри владѣли селами, жертвуемыми благочестивыми людьми; къ разряду такихъ собственно церковныхъ имѣній проф. Голубинскій относитъ и Половий, „св. Гогородицы градъ десятинный“¹⁾.

Въ болѣе раннее время все вообще приходское духовенство (тогда еще очень немногочисленное) получало княжеское жалованье—„урокъ“²⁾; это было необходимо на первыхъ порахъ, пока христіанство не укрѣпилось въ населеніи. Въ рассматриваемый періодъ бѣлое духовенство, правдоподобно, было предоставлено усердію прихожанъ³⁾. Причты получали отъ послѣднихъ приношенія деньгами и продуктами и пользовались платою за исполненіе требъ и особыхъ службъ. Предполагаютъ, что и тогда уже существовалъ обычай собирать съ прихожанъ подаванія, обходя ихъ дома по большимъ праздникамъ⁴⁾.

Отъ обзора общественнаго строя и учрежденій переходимъ къ изученію экономическаго состоянія, быта и жизни землн; это изученіе начнемъ съ обзора мѣстной промышленности; къ счастью здѣсь на помощь литературнымъ источникамъ является археологическій матеріалъ и заполняетъ нѣкоторые пробѣлы въ небогатыхъ свидѣтельствахъ письменныхъ источниковъ⁵⁾.

¹⁾ Иват. с. 380; Ист. рус. цер. проф. Голубинскаго I, 1 с. 423. Къ числу имѣній митрополитской каедрн относятъ также г. Спиедъ, упоминаемый въ Никои. л. (I с. 130, 132) и вѣрующагося къ Сентѣ на Сулѣ (Спиедъ списка городовъ—Воскр. I с. 240, Карачинъ II вр. 226)—см. Макарія II с. 292, Голубинскаго I, 1 с. 435.

²⁾ Иват. с. 107.

³⁾ Соображенія объ этомъ см. въ трудѣ проф. Голубинскаго I, 1 с. 438 сл.

⁴⁾ Ист. рус. цер. Голубинскаго I, 1 с. 441—442.

⁵⁾ Археологическаго матеріала для Киевской земли накопилось уже значительное количество, но отъ далеко не весь опубликованъ; сжатый сводъ его—для имѣвшейся Киевской губерніи—сдѣлалъ въ часто уже упоминавшейся Объяснительной запискѣ къ археол. картѣ В. В. Антоновича. Для изученія промысловъ и ремеселъ особенно богатый матеріалъ даетъ производящая въ настоящее время раскопки Князей горы (около Канева)—о таковыхъ находкахъ см. статья Н. Ф. Вѣляшевскаго въ Киевской Старинѣ 1890 кн. XII с. 494 сл. и въ Киевлянинѣ 1891 № 189; я пользовался также устными сообщеніями автора

Начнемъ съ охоты и рыболовства. Въ представленіи начального лѣтописца охота являлась древнѣйшимъ, исконнымъ занятіемъ полянъ; о легендарныхъ братьяхъ, основателяхъ Кіева, разсказывается: „быше около города лѣсъ и боръ великъ, и блуху ловаще звѣрье“¹⁾ Мѣха являются важнымъ предметомъ вывоза съ древнѣйшихъ поръ, мѣхами взималась дань съ покоренныхъ древлянъ— „по чернѣи кунѣ“; правдоподобно, мѣхами платили дань и сами поляне своимъ князьямъ, какъ раньше платили козарамъ „по бѣлѣи и вѣверицѣ отъ дыма“²⁾; позже татары, завоевавъ Русь, обложили, по словамъ Плато Карпинни, населеніе такою данью: по шкурѣ медвѣдя, бобра, соболя и хорька³⁾. Все это указываетъ на широкое распространеніе охоты и важное мѣсто ея въ ряду другихъ промысловъ. Охота же служитъ любимымъ развлеченіемъ князей: въ Поученіи Мономаха она является однимъ изъ обыкновенныхъ занятій князя; ловчье, „нарады“ соколиный и ястребинный составляютъ дѣльня отдѣльныя отрасли княжескаго хозяйства⁴⁾. Лѣтописи также часто говорятъ о княжьей охотѣ: первое столкновеніе между дѣтьми Святослава Игоревича произошло изъ-за нарушенія права охоты; о Всеволодѣ Ярославичѣ разсказывается, какъ онъ ловилъ зайцевъ тететами подъ Вышгородомъ; Мономахъ охотился на дикихъ коней по Роси; подъ 1180 г. описывается охота Давыда Ростиславича, который „ходяшеть по Днѣпру в лодяхъ, ловы дѣя“, вмѣстѣ съ женою и дружиною, а на противоположномъ берегу, „по Черниговской сторонѣ“, занимался тѣмъ же Святославъ Всеволодичъ, тоже съ дружиною и женою. Не довольствуясь подгородною охотою, князья отправлялись въ глушь окранныхъ: такъ Святославъ и Рюрикъ „идоста на ловы по Днепру в лодяхъ на устья Тесмени, и ту ловы дѣявша и обловишася множествомъ звѣрѣи“⁵⁾. Несомнѣн-

ихъ, за которыми приношу искреннюю благодарность. Судя по сообщеніямъ г. Блаженскаго, раскопки до сихъ поръ не обнаружили никакихъ слѣдовъ поселенія позднѣйшаго, послѣ-княжескаго времени на томъ мѣстѣ; въ виду этого мы можемъ пользоваться матеріаломъ Княжьей горы, какъ иллюстраціей до-монгольской промышленности и быта.

¹⁾ Плат. с. 5.

²⁾ Плат. с. 11, 13; ср. с. 37: древлане предлагаютъ Ольгѣ дать дань „медомъ и скоромъ“.

³⁾ Собраніе путешествій къ татарамъ стр. 184 и 185; хотя разнѣръ дани опредѣленъ здѣсь, вѣроятно, не вполне точно, но любимѣеи самый фактъ платежа дани мѣхами.

⁴⁾ Лавр. с. 238 и 242.

⁵⁾ Плат. с. 49, 150, 416, 449, Лавр. с. 242.

но, кромѣ удовольствія, охота служила князьямъ и немаловажнымъ источникомъ доходовъ, доставляя мясо и особенно шкуры и мѣха ¹⁾. Существовали спеціальныя княжескія ловища и перевѣсища (приспособленія для ловли тетеревовъ)—одно такое перевѣсище находилось у самаго Кіева; установленіе ихъ въ землѣ древлянъ и по берегу Днѣпра въ Кіевщинѣ приписывали Ольгѣ ²⁾. Существовали ли ограниченія права княжеской охоты и заповѣдныя лѣса—не знаемъ. Что до предметовъ охоты, то, кромѣ современныхъ породъ звѣрей и птицъ, въ Руси водились нѣкоторыя нынѣ исчезнувшія, какъ дикіе кони, туры, лоси, козы, олени, бобры; ловили также журавлей, лебедей ³⁾.

Рыба искони составляла важный источникъ пропитанія, и рыболовство, несомнѣнно, такъ же широко практиковалось въ ту пору, какъ и позже; разнаго рода рыболовные крючья, удочки, остроги, грузила для сѣтей встрѣчаются между археологическимъ матеріаломъ разсматриваемаго періода ⁴⁾; практиковалась, навѣрно, и тогда ловля въ обширныхъ размѣрахъ посредствомъ езовъ или заколовъ; но письменныхъ свидѣтельствъ о рыболовствѣ мы почти не имѣемъ ⁵⁾.

Весьма рано и широко распространено было пчеловодство. Первоначально оно существовало въ видѣ бортничества и въ нашихъ извѣстіяхъ фигурируетъ только этотъ родъ пчеловодства, хотя, рядомъ съ нимъ, въ степныхъ пространствахъ Кіевской земли практиковалось, вѣроятно, пчеловодство пасѣчное: уже у Ибнъ-Даста (первая половина X в.) есть очень обстоятельное извѣстіе объ ульяхъ у „славянъ“ ⁶⁾. Продукты пчеловодства—воскъ и медъ—издревле играли

¹⁾ Объ этомъ см. у Аристова, Промышленность древней Руси с. 11 слѣд.

²⁾ Ипат. с. 35, 34; о перевѣсищахъ см. у Аристова с. 8, также словарь Даля III с. 34; существуетъ впрочемъ иное толкованіе этого слова: Средневѣскій видѣлъ здѣсь обществянные мѣси—Чтения о др. рус. лѣт., Зап. Ак. Наукъ II с. 33.

³⁾ Относящіяся сюда мѣста собраны въ сочиненіи Аристова с. 6—7.

⁴⁾ Напр. находки с. Городска (Радомирск. у.)—Объяснит. зап. и рефератъ В. В. Антоновича къ Чтеніямъ общ. Нестора III с. 16, находки Килжей горы.

⁵⁾ Подъ 1213 г. (Ипат. с. 491) говорится о лодьяхъ, пришедшихъ изъ Олемя на Поозье съ рыбою и ипомъ, но рыба эта могла быть и не изъ Кіевской земли; по словамъ писателя, рыба вывозилась преимущественно съ береговъ Дона, какъ и теперь—см. статью о Суроужѣ проф. Васильевскаго въ Ж. Мин. Нар. Пр. 1889 г. кн. V с. 122—123. О рыбной индѣ см. Житіе Θεодосія л. 18 об., 20.

⁶⁾ Хвольсонъ—Извѣстія Ибнъ-Даста с. 28—29. По изслѣдованію г. Аристова, древнѣйшее туземное упоминаніе о пасѣчномъ пчеловодствѣ относится къ 1400 г. (Акты Юж. и Зап. Россіи I № 6).

видную роль въ вывозной торговлѣ; подобно мѣхамъ, они также употреблялись издавна и до позднѣйшаго времени для платежа дани. Помимо вывоза за границу продукты пчеловодства имѣли широкое примѣненіе и дома; медъ употреблялся въ пищу—прѣсній ¹⁾, и для приготовленія напитка—последній потреблялся въ большомъ количествѣ: вспомнимъ 300 переваръ меду, которые готовились для пировъ Владиміра на Преображеніе. Упоминаются князьи „медуши“ въ Бѣлгородѣ ²⁾. Съ распространеніемъ христіанства получилъ еще большее примѣненіе воскъ.

Скотоводство также составляло одну изъ важнѣйшихъ отраслей хозяйства. Въ источникахъ упоминаются всѣ тѣ виды животныхъ, которыя разводятся и понынѣ: кони, воли, овцы, козы, свиньи, даже ослы ³⁾; изъ сосѣдней степи, отъ кочевниковъ, получались и такія необычныя животныя, какъ верблюды ⁴⁾. У Константина Порфиророднаго есть странное извѣстіе, что Русь получала скотъ отъ печенѣговъ, такъ какъ у нея не водились коровы, лошади и овцы ⁵⁾; первая половина этого сообщенія очень вѣроятна—Русь дѣйствительно получала отъ кочевниковъ скотъ: такъ половчинъ въ извѣстномъ сказаніи даетъ выкупъ за себя скотомъ и жертвуетъ стадо въ пользу церкви; такъ половецкіе ханы предлагаютъ за свой выкупъ скотъ; изъ своихъ походовъ въ степь Русь пригоняла въ случаѣ удачи большія стада ⁶⁾. Но вторая половина, именно, что у русскихъ скотъ не водился, основана, несомнѣнно, на недоразумѣніи. Въ лѣсистыхъ частяхъ Кіевской земли скотоводство, конечно, не могло имѣть широкаго развитія; иное дѣло—степное Поросье. Мы знаемъ, что у черныхъ клобуковъ имущество заключалось главнымъ образомъ въ многочисленныхъ стадахъ ⁷⁾; скотоводство, вѣроятно, было здѣсь развито и у русскихъ поселенниковъ. Имѣемъ указаніе на существованіе

¹⁾ Ипат. с. 84 (о знаменитомъ бѣлгородскомъ киселѣ, который ѣли съ ситом), см. также житіе Феодосія л. 19 об., 20, 21.

²⁾ Ипат. с. 86 (сравни также с. 36), 88.

³⁾ См. Ипат. с. 34, 41, 84, 110, 134—135.

⁴⁾ Ипат. с. 184.

⁵⁾ De admin. impreg. с. 2; объ этомъ извѣстіи см. у Аристова с. 41—42, Иловайского Разсказанія с. 23.

⁶⁾ Сказаніе о плѣнномъ половецкѣ въ Памятн. стар. рус. литер. в. I, см. с. 73.

⁷⁾ Ипат. с. 295.

у князей и бояръ стадъ коней и скота, вѣроятно значительныхъ¹⁾; Мономахъ рассказываетъ, что онъ много передавалъ скота половцамъ, удерживая ихъ отъ набѣговъ²⁾; у князей упоминаются особые конюхи и овчюхи (овечьи пастухи)³⁾. Княжескіе кони были, видно, очень хороши, такъ что ихъ не стыдно было посылать въ подарокъ королю въ Угрію, которая сама славилась конями⁴⁾. Конина нѣкогда употреблялась и въ пищу⁵⁾. Что до разведенія птицъ, то свидѣтельства объ этомъ мы можемъ получить лишь изъ Русской Правды: здѣсь упоминаются куры, гуси, утки, журавли, лебеди, голуби⁶⁾.

Переходимъ въ земледѣлію. Въ Южной Руси оно составляло исконное занятіе; извѣстно Геродотово сказаніе о скинахъ-пахаряхъ и земледѣльцахъ; археологическія раскопки обнаружили употребленіе нѣсколькихъ сортовъ хлѣбныхъ растений еще въ до-христіанскую эпоху⁷⁾. Письменные источники упоминаютъ въ Кіевской землѣ почти всѣ виды хлѣбныхъ растений⁸⁾. Лѣтописныя извѣстія и археологическія изслѣдованія свидѣтельствуютъ о весьма давнемъ распространеніи земледѣлія даже въ менѣе культурной части Кіевщины—Древлянской землѣ⁹⁾. Естественныя условія благоприятствовали развитію этой отрасли хозяйства; неурожай въ Кіевской землѣ упоминаются довольно рѣдко: на протяженіи двухъ столѣтій удѣльнаго періода мы имѣемъ два прямыхъ указанія на неурожай—однѣй разъ голодъ былъ въ началѣ правленія Святополка, другой неурожай—въ 1193 г.¹⁰⁾; можно предположить, что они повторились нѣсколько чаще: такъ есть извѣстія о саранчѣ подъ 1094, 1095, 1103, 1195 гг.¹¹⁾

¹⁾ Ипат. с. 233, 344, 370, 374, Рус. Правда св. Акад. ст. 21.

²⁾ Лавр. с. 241.

³⁾ Рус. Правда св. Акад. ст. 21, Ипат. с. 170.

⁴⁾ Ипат. с. 290.

⁵⁾ Ипат. с. 41.

⁶⁾ Рус. Прав. по св. Акад. ст. 35—36.

⁷⁾ См. Самохвасова Сѣверскіе курганы—въ Трудахъ III арх. съѣзда I с. 188, 191.

⁸⁾ Ипат. с. 88, 160, 526 (шеница, овесъ, яросо); Житіе Θεодосія л. 9 об., 21 об. (решъ, зеръ, макъ), Патерикъ с. 86, 100, въ разночтеніяхъ (горохъ); въ раскопкахъ Бѣлѣйской горы г. Бѣлѣйскій нашель и зерна гречихи—Кіевлянинъ I. с.

⁹⁾ Ипат. с. 37, В. В. Антоновичъ—Чтенія Общ. Нест. V с. 25, Гамченко оп. с. с. 66.

¹⁰⁾ Ипат. с. 454, Патерикъ—въ житіи Прохора (с. 152): „бистъ убо въ дни княженія Святослава... гладъ крѣпокъ и скудота велиа во веснѣ въ Руской землѣ“.

¹¹⁾ Ипат. с. 158, 160, 185, 462; упоминаетъ о саранчѣ подъ 1094 г., лѣтописецъ говоритъ: „не бѣ сего слышано во днѣхъ первыхъ во землѣ Руской“—точнѣе, во памяти того поколѣнія.

вышеупомянутый неурожай въ правленіе Святополка былъ, вѣроятно, вызванъ именно нашествіемъ саранчи. Въ общемъ Южная Русь не испытывала недостатка въ хлѣбѣ. Подъ 1230 г. новгородскій лѣтописецъ, рассказывая о сильномъ голодѣ, замѣчаетъ: „се же горе бысть не въ нашей земли во единомъ, нъ по всей области Русьстѣи, кроми Кіева одного“¹⁾. Самыя упоминанія о неурожаѣ, саранчѣ кіевскими лѣтописцами дѣлаются вскользь, потому можно думать, что и неурожаи эти не были очень тяжелы; во всякомъ случаѣ о тѣхъ ужасахъ голода, какіе бывали на сѣверѣ, въ источникахъ нѣтъ и рѣчи. О вывозѣ хлѣба на сторону нѣтъ извѣстій, хотя, вѣроятно, онъ вывозился и вверхъ и внизъ по Днѣпру. Широкому развитію земледѣлія, собственно въ степной полосѣ Кіевщины, препятствовали вторженія кочевниковъ; эта отрасль хозяйства особенно страдала отъ нихъ: хлѣбъ на кормлю, хлѣбъ, сложенный въ скирды, нельзя было никакъ спасти отъ истребленія. Изъ орудій обработки въ лѣтописи упоминаются рало и борона (плугъ упоминается въ Русской Правдѣ)²⁾; желѣзныя части рала и плуга находимы были и въ раскопкахъ³⁾; терминомъ для обработки служилъ глаголъ „орати“, вспаханное поле называлось „роля“—слова эти сохранились донинѣ въ малорусскомъ языкѣ⁴⁾; для уборки служили серпы и косы⁵⁾. Для работъ употребляли коней, вѣроятно и воловъ⁶⁾. Хлѣбъ складывался на „гумнѣ“, зерно хранилось, кажется, въ клѣткахъ и ямахъ—этотъ послѣдній способъ хранения былъ особенно удобенъ въ виду вражескихъ нападеній, потому практиковался здѣсь и позже⁷⁾. Мельницы въ эпоху до-монгольскую

¹⁾ 1 Новгород. с. 47.

²⁾ Ипат. с. 42 (рало—у античей), 224 (борона); Русск. Правда во св. Карамзин. ст. 71.

³⁾ Кляжа гора.

⁴⁾ Ипат. с. 183.

⁵⁾ Серпы встрѣчаются въ древнерусскихъ изображенияхъ (изображеніе см. въ альбомѣ г. Гамченко, табл. 47), на Кляжей горѣ находятъ серпы и косы.

⁶⁾ Ипат. с. 183 (о коняхъ), о волкахъ см. с. 7: очевидно, въ Кіевщинѣ знали на волкахъ, а развѣ такъ—то, конечно, и употребляли ихъ для работъ. Г. Аристовъ, основываясь на томъ, что у кляж кони были не у всѣхъ (Ипат. с. 246), думаетъ, что населеніе было бѣдно рабочимъ скотомъ (с. 46); но въ указанномъ мѣстѣ лѣтописи рѣчь идетъ о городскомъ населеніи—конечно, торговцы и ремесленники не могли и тогда нужды держать коней.

⁷⁾ Ипат. с. 224, Русск. Правда во св. Карамзин. ст. 40; о ямахъ см. напр. въ статьѣ г. Вілшевскаго (Кіевлянина), такіе ямы были находимы и въ другихъ мѣстахъ.

не упоминаются, за то хорошо известны ручные жернова ¹⁾. О частномъ поземельномъ владѣніи мы имѣемъ извѣстія начиная съ XI в.; упоминаются села княжескія, боярскія и церковныя ²⁾; въ Русской Правдѣ уже существуютъ наказанія за захватъ чужихъ земель и порчу лежескихъ знаковъ ³⁾; впрочемъ цѣнилась не самая земля — свободныхъ земель все еще было много сравнительно съ населеніемъ — а сельско-хозяйственный инвентарь и вложенный въ землю трудъ, ея культура (последнее особенно въ кievскомъ Полѣсьи) ⁴⁾. Для обработки владѣльческихъ имѣній употреблялась челядь и закупы ⁵⁾; въ древней Русской Правдѣ упоминаются князьи сельскіе старосты, старосты ролейные и рядовичи — правдоподобно, надзиратели за работами; всѣ они были тоже несвободныя лица ⁶⁾.

Что до садоводства и огородничества, о нихъ мы имѣемъ весьма скудныя извѣстія. Мы знаемъ, что подъ Киевомъ были огороды и, какъ видно, на большомъ пространствѣ ⁷⁾, что огородныя овощи были въ употребленіи между печерскими монахами, которые сами воздѣлывали ихъ. У нѣкоторыхъ иноковъ были при келіяхъ и садики ⁸⁾. Въ сказаніи о Борисѣ и Глѣбѣ есть намекъ на большое развитіе огородничества въ Вышгородѣ: кромѣ простого огородника здѣсь упоминается „старѣй огородникѣмъ“, т. е. старшина огородниковъ, можетъ быть княжескихъ ⁹⁾.

Перейдемъ къ издѣльной промышленности. Среди ремеслъ самое широкое распространеніе въ то время имѣло, правдоподобно, „древно-

¹⁾ Житіе Феодосія л. 11 об., Патерикъ с. 168.

²⁾ О княжескихъ и боярскихъ селахъ см. выше с. 342 и 348, о селахъ церковныхъ см. напр. Житіе Феодосія л. 20, 22 об., 24 и др.

³⁾ Русск. Правда по св. Акад. ст. 33, св. Карамз. ст. 83—84.

⁴⁾ Объ этомъ ср. у Паллева Крестьяне с. 19, хотя онъ имѣетъ здѣсь въ виду селькорусскія земли.

⁵⁾ Относящіяся сюда мѣста источниковъ приведены выше, с. 357.

⁶⁾ См. Акадех. ст. 22.

⁷⁾ Плат. с. 296; въ Никон. (I с. 188) вмѣсто „огороды“ — „винограды“; трудно рѣшить, обязана ли этотъ вариантъ своимъ происхожденіемъ фантазіи составителя или нѣтъ; что виноградныя сады существовали около Киева позже, въ XVI и XVII вв., объ этомъ есть весьма точныя свѣдѣнія — см. описаніе кievск. замка 1552 г. въ Архивѣ Ю.-З. Р. VII, I с. 117 и Сборникъ мат. для ист. тоя. Киева отд. II с. 57.

⁸⁾ Житіе Феодосія л. 9 об., Патерикъ с. 100, 187.

⁹⁾ Сказанія въ изд. Срезневскаго с. 73 и 77.

дѣліе" въ разныхъ его видахъ. Изъ дерева строились тогда городскія укрѣпленія—вспомнимъ „столпце“, которымъ было огорожено кievское Подолье, деревянную стѣну, выстроенную вокругъ Десятинной церкви въ 1240 г.; каменныхъ укрѣпленій не имѣлъ ни одинъ городъ Киевской земли, они были исключительно земляныя и деревянныя; изъ дерева строились церкви (каменные упоминаются только въ значительныхъ городахъ, какъ Кіевъ, Ыѣгородъ, Вышгородъ и под.), дома, исключая немногихъ княжескихъ дворцовъ; изъ дерева же дѣлалось большинство домашней утвари и посуды (остатки деревянныхъ ведеръ, напримѣръ, во множествѣ встрѣчаются въ древлянскихъ могильникахъ)¹⁾. Съ искусствомъ этимъ, конечно, былъ знакомъ богѣе или менѣе каждый обыватель и нехитрыя подѣлки дѣлалъ самъ для себя, но существовали и спеціальныя мастера, тѣмъ богѣе, что „древодѣліе“ достигло уже значительнаго совершенства: археологическія находки даютъ весьма большой ассортиментъ инструментовъ (топоры разныхъ видовъ, молотокъ, пила, долота и стамески, буравы, различные инструменты для выдалбливанія²⁾). Письменные источники дѣйствительно сообщаютъ нѣсколько свѣдѣній о спеціализаціи ремесла. Такъ въ Несторовомъ „Чтеніи“ о Борисѣ и Глѣбѣ разсказывается, какъ Изяславъ, задумавъ выстроить новую церковь (деревянную), призвалъ „старѣйшину древодѣлей“³⁾: плотники такимъ образомъ составляли нѣчто въ родѣ артели; изъ разсказа о морѣ 1092 г. видно существованіе спеціальныхъ гробовщиковъ („яко же глаголаху продающен корети“⁴⁾). Еще Константинъ Порфирородный передаетъ, что жители Поднѣпровья занимались приготовленіемъ лодокъ и весною пригоняли ихъ на продажу въ Кіевъ⁵⁾,—въ этомъ промыслѣ въ наибольшей степени должны были участвовать жители кievскаго Поднѣпровья, древляне и дреговичи; но судостроители были и въ самомъ Кіевѣ—это видно хотя бы изъ разсказа о построеніи дивно исхитренныхъ лодей Изяслава Мстиславича⁶⁾. Строевой глѣсъ и дрова, какъ теперь, такъ и тогда заготавливались зимою и затѣмъ сплавлялись плотами по

¹⁾ В. Б. Антоновичъ—Чтенія V с. 25, Гамченко оп. с. разнѣн.

²⁾ Этотъ ассортиментъ цѣлкомъ даетъ раскопки Кляжей горы.

³⁾ Чтеніе о Борисѣ и Глѣбѣ въ изд. Водянскаго с. 18, въ изд. Срезневскаго с. 32.

⁴⁾ Тамъ же с. 208.

⁵⁾ De admin. imp. с. IX.

⁶⁾ Ипат. с. 293.

Дитиру. Патерикъ упоминаетъ объ особыхъ „вывозникахъ“, перевозившихъ ихъ съ кievской пристани въ городъ ¹⁾).

О каменищичьемъ мастерствѣ я буду говорить ниже. О гончарномъ литературные памятники не сообщаютъ почти никакихъ свѣдѣній, за то мы располагаемъ обильнымъ археологическимъ матеріаломъ, свидѣтельствующимъ о большомъ развитіи этого ремесла. Гончарный кругъ появляется еще въ концѣ языческаго періода какъ у полянъ, такъ и у древлянъ, и въ христіанское время гончарныя издѣлія отличаются уже хорошою выдѣлкою и значительнымъ разнообразіемъ формъ; особенно любимы большіе, иногда въ нѣсколько ведеръ вместимости, сосуды въ видѣ амфоръ, характеризующіе княжескій періодъ.

Относительно обработки металла мы также располагаемъ значительнымъ археологическимъ матеріаломъ. Кіевщина имѣла собственные желѣзные рудники—въ старой Древлянской землѣ, и руда обрабатывалась здѣсь, несомнѣнно, еще въ языческой періодъ: на это указываютъ находки молота, шлаковъ, значительное число желѣзныхъ издѣлій, несомнѣнно мѣстнаго происхожденія, находимыхъ въ древлянскихъ могильникахъ, особенно множество большихъ гвоздей, составляющихъ характерную принадлежность древлянскаго похороннаго обряда ²⁾. Существованіе рудниковъ обезпечивало значительное развитіе кузнечному дѣлу (слѣды кузни были находимы при раскопкахъ Княжей горы: большой кузнечный молотъ, наковальня и перегорѣвшіе шлаки ³⁾); на основаніи данныхъ археологическихъ и литературныхъ можно составить довольно большой наборъ различныхъ металлическихъ издѣлій: ножи, сѣкеры, заступы („лысвари“, „рогаліи“), кирки и др. инструменты, замки и ключи, огнива, петли, гвозди, обручи, дужки и т. п., изъ вооруженія—мечи, острія копій („оскѣпы“, „сулицы“) и стрѣлы, оковки щитовъ, брони, шлемы, принадлежности конской сбруи; полянская дружина еще въ до-христіанское время обладала очень хорошимъ вооруженіемъ, какъ показываютъ могилы полянскихъ

¹⁾ Патерикъ с. 100, 169—170. Въ Чтеніи о Борисѣ и Глѣбѣ разсказывается, что Ярославъ „новелѣ древодѣляти, да приготоувятъ древа на согражденіе церкви, бѣ бо уше время зинио, они же приготоуиша древо и наставшу дѣту возградима“ (изд. Водлянскаго с. 16, изд. Срезневскаго с. 28); ср. также De admin. imp. r. I. с.

²⁾ Ганчевско с. 121—122, Хитровъ—Металли въ древней Руси с. 33.

³⁾ Кіевлянинъ I. с. и частное сообщеніе г. Вѣляшевскаго.

воиновъ. Всѣ эти предметы изготовлялись изъ жельза. Обработывались и другіе, привозные металлы—мѣдь, свинецъ, олово, серебро, золото. На существованіе мѣстнаго литейнаго производства указываютъ, напримѣръ, каменные формы для литья и предметы, испорченные при отливкѣ¹⁾. Было бы слишкомъ долго перечислять различные предметы, изготовлявшіеся изъ этихъ металловъ. Большаго развитія и совершенства достигло ювелирное дѣло—о немъ я буду говорить ниже.

За удовлетвореніемъ внутренняго спроса металлическія издѣлія могли служить и предметомъ вывоза; любопытенъ рассказъ Начальной лѣтописи, что полне платили хозарамъ дань мечами („даша отъ дыма мечъ“)²⁾. Но, съ другой стороны, въ Кіевщинѣ и вообще въ Южной Руси обращались и предметы иностраннаго мастерства: такъ въ Словѣ о полку Игоревѣ говорится о сулицяхъ лядскихъ, о шеломахъ латинскихъ, оварскихъ; еще Ибнъ-Фадланъ (первая полов. X в.) замѣтилъ, что Русь употребляла оружіе европейской работы³⁾. Вѣроятно, болѣе богатые люди не удовлетворялись туземнымъ искусствомъ; въ обиходъ народной массы заграничныя вещи, конечно, проникали очень мало.

Въ сходномъ положеніи съ металлическимъ производствомъ находилось ткацкое ремесло. Болѣе дорогія матеріи, всякія паволоки, аксамиты, тонкія шерстяныя, пеньковыя и бумажныя ткани привозились изъ чужихъ странъ и, нужно замѣтить, имѣли весьма значительное распространеніе—опять-таки, конечно, среди зажиточныхъ классовъ⁴⁾. Дома приготовлялись, правдоподобно, лишь болѣе простые виды сукна и полотна⁵⁾. Въ сказаніи о походѣ Олега на Царьградъ

¹⁾ Кіевъ (Объяснит. зап.) и Кляжа гора.

²⁾ Ипат. с. 9, ср. Хморова I. с. Любопытно также извѣстіе Ибнъ-Хордадбе (второй полов. IX в.) о вывозѣ мечей изъ Руси—см. у Гаркави Сказанія мусульм. писат. с. 49, также Хвольсона—Извѣстія Ибнъ-Даста с. 186.

³⁾ Слово с. 4, 9; Гаркави с. 93.

⁴⁾ Остатки парчи и шелковыхъ тканей не составляютъ рѣдкости въ кіевскихъ могильникахъ (см. напр. Труды III сѣзда II прил. с. 24), даже въ древлянскихъ встрѣчаются остатки шелка (напр. могильники Вчерайшаго и Вугъ Сивир. у., Стрижавки Радонисл. у.—см. Объяснит. записку, Читенія V с. 25); вскончимъ также рассказъ Ибнъ-Фадлана о русскихъ одеждахъ изъ византийскаго парчи (румскаго диваджа)—см. у Гаркави Сказанія мусульм. писат. с. 97—98.

⁵⁾ См. объ этомъ у Аристова с. 183.

греческія тонкія полотна и шелковыя ткани противопологаются грубой туземной холстиной: „и рюша Словенъ имются своимъ толъсти-намаъ, не даны суть Словѣномъ пре (паруса) кропинныма“ ¹⁾; здѣсь тонкія полотна и шелковыя ткани представляются чѣмъ-то чуждымъ русскому быту. Въ житіи св. Θεодосія разсказывается, что печерскіе монахи шили клобуки (шапки) и копытца (правдоподобно чулки) ²⁾ на продажу; между братією упоминается также одинъ чернецъ, который „бѣ платна дѣлалъ“ ³⁾. Простыя полотна и сукна въ значительной части могли приготовляться, какъ теперь, самими хозяевами или сельскими ткачами. На широкое распространеніе занятія пряжей указываютъ каменные пряслицы отъ веретенъ, находимыя въ изобиліи по всему пространству Кіевской земли.

О кожевенномъ ремеслѣ есть извѣстіе въ Начальной лѣтописи: знаменитый богатырь, перелавшій славу у печенѣжина, былъ ремесленникъ кожевникъ; существуетъ предположеніе, что теперешнее урочище кіевское Кожемяки ведетъ свое имя съ древнѣйшихъ временъ ⁴⁾; ни за, ни противъ этого предположенія нельзя, кажется, ничего сказать. Изъ видовъ обуви упоминаются „пробошна“ и сапоги; кожа называется „усьне“ и „череве“ ⁵⁾. Судя по лѣтописному разсказу, данники кіевскихъ князей, жители лѣсовъ, послали преимущественно лапти ⁶⁾, однако въ древлянскихъ могильникахъ обувь у покойниковъ кожаная—это полусапожки изъ тонкой, сложенной вдвое кожи, безъ отдѣльной подошвы ⁷⁾. Въ тѣхъ же могильникахъ встрѣтились остатки овчиннаго „кожуха“—единственное свидѣтельство о скорнячнмъ ремеслѣ (копечно, очень распространеннмъ), потому что письменныхъ извѣстій о немъ мы не имѣемъ ⁸⁾.

Извѣстія о каменныхъ постройкахъ начинаются у насъ съ X в.: по сказанію лѣтописца, при Ольгѣ уже былъ княжій „теремъ каменъ“ ⁹⁾.

¹⁾ Ипат. с. 19.

²⁾ См. у Аристовъ с. 143, ср. Голубинскаго 1, 2 с. 540, словарь Востокова 1 с. 176.

³⁾ Житіе Θεодосія л. 9 об., 19 об.

⁴⁾ См. Павловскаго Ист. Россіи 1 ч. 2 ст. 4.

⁵⁾ Ипат. с. 84, 187.

⁶⁾ Ипат. с. 56.

⁷⁾ В. Б. Антоновичъ—Чтенія III с. 3, Гамченко ор. с. с. с. 114.

Ипат. с. 35.

⁸⁾ В. Б. Антоновичъ—Чтенія V с. 28.

Съ конца X в. начинаютъ появляться каменныя церкви—за періодъ до-монгольскій ихъ можно насчитать въ Кіевской землѣ больше двадцати; большинство ихъ сосредоточено было въ Кіевѣ¹⁾, затѣмъ каменныя церкви извѣстны въ Вышгородѣ (освящена въ 1115 г.), въ Бѣлгородѣ (выстроена въ 1197 г.), въ Овручѣ—церковь св. Василія, выстроенная, правдоподобно, Рюрикомъ Ростиславичемъ, въ Зарубѣ—вѣроятно, церковь Пречистой²⁾. Изъ другихъ сооружений можно указать на Ярославовы Золотыя ворота, на каменную трапезницу въ Печерскомъ монастырѣ и стѣну, которою монастырь былъ окруженъ во второй половинѣ XII в., на каменную же стѣну, выстроенную въ въ 1200 г. въ Выдубицкомъ монастырѣ для защиты горы отъ разрушенія³⁾. Продолжали ли строиться каменные княжескіе теремы, неизвѣстно.

Первыми строителями и учителями нашими въ строительномъ искусствѣ были, конечно, греки; для построенія Десятинной церкви Владиміръ „пославъ приведе мастера отъ Грькъ“; цареградскіе же мастера, по сказанію Патерика, строили великую Печерскую церковь⁴⁾. Но въ скоромъ времени появились свои мастера, и не въ маломъ, вѣроятно, количествѣ; Петръ Милонѣгъ, котораго Рюрикъ для построенія выдубицовой стѣны „изообрѣте во своихъ си приятелихъ, аки Моисѣй древле оного Веселѣила“⁵⁾, конечно, не составлялъ исключенія. Что каменщиковъ, конечно туземныхъ, было въ Кіевѣ множество—видно изъ сказанія объ освященіи церкви св. Георгія: Ярославъ былъ недоволенъ малымъ числомъ рабочихъ, „и возвѣстивша на

¹⁾ Имени: Десятинная, св. Софія, Благоушченія (на Золотыхъ воротахъ), св. Георгія, Ирины, Петра (въ Дмитріевомъ монастырѣ), Симеона, Михаила въ Видубичахъ, Печескія—великая и св. Іоанна, св. Андрея, Влахерискаля, св. Михаила-Златоверхая, св. Теодора, Богородицы Пироговая, св. Кирилла, св. Василія на Новомъ дворѣ, Спаса на Берестовѣ; не претендуя на полноту, я внесъ въ каталогъ главнѣе образцы тѣ церкви, о которыхъ источники говорятъ, что онѣ были каменныя, или которыя съ вѣроятностью приурочиваются къ сохранившимся остаткамъ до-монгольского тѣна. Ср. каталогъ въ Ист. рус. пер. проф. Голубинскаго 1, 2 с. 255—260.

²⁾ Ипат. с. 201, 473, объ овручскомъ и зарубскомъ храмахъ см. выше с. 34 и 40.

³⁾ Ипат. с. 106, 187, 475 сл., Лавр. с. 432; о построеніи стѣны въ Печерскомъ монастырѣ упоминается въ посланіи къ печерскому архимандриту Василію (съ 1182 г.)—отрывокъ изъ него, въ переводѣ, см. у и. Макарія III с. 46.

⁴⁾ Ипат. с. 83, Патерикъ с. 117 сл.

⁵⁾ Ипат. с. 476.

торгугу людямъ, да возьмутъ каждо по ногатѣ на день. И бысть множество дѣлающихъ¹⁾ (здѣсь мы кстати узнаемъ, что считалось тогда хорошею заработною платою: по обычному разсчету ногата составляла около двухъ золотниковъ серебра)¹⁾. Вообще нельзя думать, чтобы каменные постройки составляли что-нибудь необыкновенное въ Кіевской Русѣ²⁾ — пышныя похвалы, расточаемыя Рюрику по поводу построения стѣны, я думаю, вовсе этого не доказываютъ—это цѣлты витійства, которые могли расточаться не только по важному поводу, но и вовсе безъ всякаго повода. Быть можетъ, неискусству учениковъ должно приписать то обстоятельство, что нѣкоторыя церкви быстро разрушались, такъ въ Андреевскомъ монастырѣ упалъ верхъ черезъ двадцать лѣтъ послѣ постройки; вспомнимъ также, для сравненія, соборъ переяславскій, обрушившійся черезъ двадцать пять лѣтъ по освященіи³⁾.

Изъ построекъ того времени нѣкоторыя церкви сохранились до насъ цѣлкомъ, другія въ болѣе или менѣе значительныхъ остаткахъ, и по нимъ можно составить себѣ ясное представленіе о тогдашнемъ строительномъ искусствѣ⁴⁾. Матеріаломъ служили камень и кирпичъ, стѣны кладутся въ перемежку изъ того и другого, преобладаетъ камень—это желѣзнякъ и красный шиферъ, добывавшійся въ овручскомъ Полѣсьѣ⁵⁾. Кирпичъ имѣетъ характеристическую, приближающуюся къ квадратной, форму. Камень и кирпичъ соединяются толстыми слоями цемента, состоящаго изъ смѣси толченаго кирпича и извести и имѣющаго потому характерный розовый цвѣтъ; толщина цементнаго слоя доходитъ до 2½ вершковъ (въ орнаментирующихъ частяхъ), между тѣмъ кирпичъ не бываетъ толще одного вершка, такъ что, по замѣчанію проф. Лашкарева, цементъ составляетъ преобладающую массу въ кладкѣ кіевскихъ церквей⁶⁾; со временемъ,

¹⁾ У Хруцова—О др. ист. нов. с. 126—7.

²⁾ Аристотъ с. 106.

³⁾ Ипат. с. 186, 207.

⁴⁾ Приводимыя ниже свѣдѣнія я заимствуя преимущественно изъ статьи проф. Лашкарева: Кіевская архитектура XI—XII вв. въ Трудахъ III археологическаго съѣзда т. I с. 263 слѣд.

⁵⁾ См. статью г. Оссовскаго въ Трудахъ того же съѣзда т. II с. 169 слѣд.; шиферныя плиты, занесенныя водою, встрѣчаются также и въ сѣверной части Радомисльскаго уѣзда.

⁶⁾ Кіевская архитектура с. 278.

отвердѣвая, этотъ цементъ дѣлается крѣче самого кирпича. Основная архитектурная форма церквей—крестъ, вписанный въ четверугольный корабль, съ тремя полукруглыми алтарными абсидами; для разширенія помѣщенія прибавлялась паперть и хоры; въ св. Софїи къ тремъ основнымъ абсидамъ прибавлены еще двѣ. Число куполовъ бывало очень разнообразно—отъ одного до тридцати; кровля была свинцовая и лежала непосредственно на сводахъ храма, потому имѣла видъ волнообразный, безъ прямыхъ граней; на нѣкоторыхъ церквяхъ (какъ, напримѣръ, на храмѣ Михаила Золотоверхомъ) крыша была волоченая. Для орнаментовъ употреблялся упомянутый красный шиферъ—изъ него дѣлались карнизы, полъ, облицовка (сохранилось нѣсколько подобныхъ плитъ съ разными рельефными изображеніями), а также мраморъ—существуетъ нѣсколько колоннъ бѣлаго мрамора, хотя и не на первоначальныхъ своихъ мѣстахъ), сохранились также мраморныя плитки отъ мозаичнаго помоста (для помоста употреблялись также плитки глиняныя, глазированные), кромѣ церковныхъ украшеній изъ мрамора приготовлялись саркофаги; два сохранились до нашего времени, въ томъ числѣ знаменитая гробница Ярослава; встрѣчаются гробницы и изъ красного лифера. Повидному, въ Кіевѣ существовали мастерскія, гдѣ обрабатывался заграничный мраморъ: такъ въ сказаніи о построеніи великой Печерской церкви разсказывается, что когда неизвестно кѣмъ была привезена въ монастырь каменная (конечно, мраморная) доска, для престола, то монахи послали за эту доску три гривны серебра „тамо, идѣже дѣлаются таковыя вещи“, но „мастеръ“ не отыскался ¹⁾.

Храмы украшались живописью—фресками и мозаичными изображеніями (мусією); такъ въ св. Софїи мозаичными изображеніями украшена алтарная часть и главный куполъ, остальные части церкви были расписаны; то же было и въ Михайловскомъ храмѣ (Золотоверхомъ), который былъ украшенъ по образцу Софійскаго; мозаикой былъ убранъ и алтарь великой Печерской церкви ²⁾. Изображенія алтарной части и купола замѣняли современныя изображенія иконостас-

¹⁾ Патерикъ с. 124—5.

²⁾ См. рефератъ П. Г. Лебединцева „О св. Софїи Кіевской“ въ I т. Трудовъ III археолог. съѣзда с. 76 слѣд. и замѣтку въ Кіевск. Стар. 1884, IX с. 163; Описание Кіева Заиревского т. II стр. 536 сл., 787 сл.; Патерикъ с. 121 и 175.

совъ: послѣдніе состояли тогда изъ невысокой мраморной преграды. Кромѣ фресковыхъ изображеній существовали также иконы на деревѣ, висѣвшія на стѣнахъ, какъ знаменитые образы—Успенія въ Печерской церкви и св. Николая въ Софійскомъ храмѣ. Лѣстницы, ведущія на хоры св. Софіи, украшены свѣтскою живописью: эти ходы находились первоначально впѣ храма.

Конечно, первыми иконописцами у насъ были иноземцы—греки: всѣ надписи на стѣнахъ Софійскаго собора сдѣланы на греческомъ языкѣ, но евхаристическая надпись Михайловскаго храма, а также надписи Кирилловской церкви сдѣланы уже по славянски; притомъ въ живописи послѣднихъ, особенно во фрескахъ Кирилловской церкви, замѣчаютъ отличія сравнительно съ живописью XI в., большую естественность и изящество, на основаніи чего заключаютъ не только о существованіи въ то время туземцевъ-художниковъ, но и о нѣкоторой національной школѣ, конечно—въ зародышѣ ¹⁾. Что въ Кіевѣ существовали въ XI и XII вв. уже туземные иконописцы, переняшіе свое искусство отъ грековъ, это видно изъ житія св. Алимпія ²⁾

Вообще, чѣмъ гдѣ-либо, мы можемъ искать слѣдовъ туземнаго искусства того времени, своеобразныхъ типовъ и пошибовъ въ замыслѣ и техникѣ въ остаткахъ утвари, въ различныхъ украшеніяхъ. Даже при бѣгломъ обзорѣ можно замѣтить нѣкоторые прочно установившіеся типы въ формахъ и орнаментировкѣ; таковы, напримѣръ, извѣстный типъ т. н. кіевской серьги, въ видѣ трехъ шариковъ на круглой проволоцѣ—типъ, повторяющійся во множествѣ экземпляровъ, такова свитая изъ нѣсколькихъ проволоцъ гривна или браслетъ—типъ весьма разнообразно и прихотливо варьирующійся въ отдѣльныхъ экземплярахъ, такова лптая орнаментировка различныхъ украшеній въ видѣ мелкаго бисера и т. п. Но относящійся сюда матеріалъ, къ сожалѣнію, еще мало изученъ, хотя заслуживаетъ большого вниманія по обилію, разнообразію и изяществу своихъ формъ, свидѣтельствуя о значительномъ совершенствѣ и вкусѣ мастеровъ.

¹⁾ См. статью проф. Прахова: Фрески Кіево-Кирилловской церкви XII в. въ Кіевск. Стар. 1883 кн. V, особ. с. 109—110.

²⁾ Патерикъ с. 174, 179—180.

Перейдемъ къ торговлѣ. Она имѣла чрезвычайно большое значеніе въ судьбѣ Киевской земли; то преобладающее положеніе, какое заняла земля полянъ среди другихъ русскихъ земель, было въ значительной мѣрѣ слѣдствіемъ большой торговли, накопленія богатствъ, которое дало возможность этой землѣ завести значительное постоянное войско. Что и позже торговля имѣла большое жизненное значеніе для земли, это видно уже изъ того вниманія, которое оказывалъ ей правительство; послѣднее заботится, чтобы русскіе купцы не подвергались притѣсненіямъ въ своей землѣ, принимаетъ мѣры къ обезпеченію торговыхъ путей. Такъ мы имѣемъ отъ X в. торговые договоры съ греками, которые ограждаютъ интересы русскихъ купцовъ въ Греціи; въ заключеніи договора 944 г. кромѣ пословъ отъ князя и бояръ участвуютъ и купцы. Затѣмъ въ XI и XII вв. упоминается нѣсколько разъ о нападеніяхъ на купцовъ въ Олешѣ, важномъ транзитномъ пунктѣ греко-русской торговли: киевскіе князья въ этихъ случаяхъ принимали мѣры для ихъ защиты. Подъ 1167, 1168, 1170 гг. разсказывается объ экспедиціяхъ, снаряженныхъ киевскими князьями для освобожденія торговыхъ путей отъ кочевниковъ и охраненія каравановъ¹⁾. Припомнимъ также, какъ близко принималъ къ сердцу Святополкъ жалобы на свое разореніе киевскихъ купцовъ, торговавшихъ солью²⁾. Такая отзывчивость князей къ интересамъ мѣстной торговли будетъ вполне понятна, если мы вспомнимъ то, что говорено было выше о вліятельной общественной роли капиталистовъ-негоціантовъ и широкомъ проникновеніи ихъ въ княжью дружину; помимо того, князья часто (если не всегда) лично были заинтересованы въ успѣхахъ торговли, такъ какъ сами участвовали въ торговыхъ операціяхъ; характерный примѣръ такого участія (только уже въ неблагоприятной формѣ) мы имѣемъ въ извѣстной соляной спекуляціи Святополка³⁾.

Средоточіемъ торговли служили города; значительная часть ихъ была обязана возникновеніемъ и возвышеніемъ именно своему выгодному положенію относительно торговли (другіе создавались только для обороны). Сюда на рынки — „торговнища“ стекались излишки сы-

¹⁾ Ипат. с. 29, 144, 346, 360, 361, 368, 370.

²⁾ Патерикъ с. 155.

³⁾ Ср. также указаніе Русской Правды, что князья участвовали капиталами въ торговыхъ операціяхъ — см. Карамз. ст. 69 (Троицк. ст. 51).

рыхъ продукто́въ и произведеній промышленности окрестнаго населенія, и отсюда получались имъ предметы торговли; такое торговище (кромя Кіева, гдѣ ихъ извѣстно нѣсколько), упоминается въ Звизднѣ¹⁾; они были, конечно, и въ другихъ городахъ. Должно впрочемъ замѣтить, что торговища не были только рынками: здѣсь происходили мѣстные вѣча и сходки, дѣлались разнаго рода частныя и оффиціальныя объявленія, публиковались распоряженія—словомъ, то былъ настоящій центръ общественной жизни города²⁾. Большинство городовъ ограничивалось указанною, болѣе тѣсною сферою торговли; только значительнѣйшіе, лежавшіе на важныхъ торговыхъ путяхъ, вели болѣе широкую отпускную торговлю, собирая продукты изъ менѣе значительныхъ городовъ и распредѣляя между ними предметы культуры; первое мѣсто между ними занималъ Кіевъ, во много разъ превосходившій своею торговлею и богатствомъ остальные города земли—обстоятельство, имѣвшее очень важное политическое значеніе.

Какіе же извѣстны намъ торговые пути изъ Кіевщины и въ Кіевщину? Главною торговлею артеріею былъ, конечно, Днѣпръ—„путь изъ Варягъ въ Греки“. Начальный лѣтописецъ объясняетъ, какимъ образомъ Поднѣпровье соединялось съ областью великихъ озеръ: изъ Днѣпра (черезъ З. Двину и Касплю волокомъ) до Ловати и оттуда въ озеро Ильмень³⁾. Только небольшіе волоки отдѣляютъ верховья Днѣпра отъ Западной Двины и Окскаго бассейна, и весьма вѣроятно, что сношенія производились изъ верхняго Днѣпра и въ этихъ наравленіяхъ. Важными торговыми путями служили затѣмъ притоки Днѣпра—Десна, которая своими верховьями подходитъ затѣмъ къ верховьямъ Оки, а верховьями Сейма—къ бассейну Дона, и Припять, сближающаяся съ бассейнами Нѣмана и Вислы⁴⁾. Кіевъ запи-

¹⁾ Ипат. с. 170.

²⁾ См. сказаніе о востроеніи церкви св. Георгія (объясненіе о разиѣрѣ заработной платы каменщиковъ: „возвѣстна на торгу людехъ, да возьмутъ каждо по погатѣ на день“—у Хруцова с. 126), сказаніе о чудесахъ св. Николая—чудо о гнѣзюмъ дѣтци (публикація о найденномъ ребенкѣ)—Житіе и чудеса св. Николая Муринійскаго изд. арх. Леонидомъ въ Памяти. древн. писемъ. с. 92; ср. также закличъ на торгу Русской Правды—св. Карамз. ст. 27, 29.

³⁾ Ипат. с. 4, Соловьевъ I с. 19, Барсовъ Георг. Нач. лѣт. с. 20; начальный лѣтописецъ о З. Двинѣ умалчиваетъ.

⁴⁾ Ср. Барсова Географію с. 20—21.

малъ выгодную позицію—ниже впаденія обѣихъ этихъ рѣкъ: сюда такимъ образомъ стекались предметы торговли изъ области великихъ озеръ, изъ верхняго Поддѣпровья, изъ обширной области Припечи, изъ Подесенья—земель радмичей и сѣверянъ, и затѣмъ направлялись далѣе, по новымъ путямъ. Главнымъ изъ нихъ былъ опять-таки путь по Днѣпру внизъ, на югъ; Константинъ Порфирородный даетъ намъ обстоятельныя свѣдѣнія о немъ: волокомъ обходили днѣпровскіе пороги и, достигнувъ устья его, отправлялись вдоль черноморскаго берега въ Царьградъ ¹⁾; въ разсматриваемое время еще болѣе, вѣроятно, чѣмъ въ Царьградъ, ѣздили въ крымскіе торговые города. Чтобы покончить съ водянными путями, упомяну, что многіе ученые предполагаютъ въ то время существованіе изъ Кіевщины торговаго пути на юго-востокъ, чрезъ днѣпровскій притокъ Самару и небольшой волокъ въ Міусъ или Калміусъ и оттуда въ Азовское море ²⁾.

О сухопутныхъ трактахъ мы имѣемъ болѣе или менѣе опредѣленныя показанія источниковъ. На сѣверо-востокъ, вромѣ Десны, велъ и сухопутный трактъ, по водораздѣлу Десны и другихъ днѣпровскихъ притоконъ—Суноя, Сулы, Псла, на Курскъ и далѣе, быть можетъ, въ бассейнъ средней Волги; по этой дорогѣ въ XI в., по свидѣтельству житія Θεодосія, двигались торговые обозы въ Кіевъ ³⁾. На западъ трактъ шелъ на Бѣлгородъ, отсюда на Вадимженъ, потомъ, кажется, на Мичьскъ, Ушескъ, Корческъ и далѣе на Волниъ, „въ Ляхи“ и „въ Угры“ (если хотѣли обойти Галичину) ⁴⁾. Другой трактъ шелъ на юго-западъ—на Звенигородъ, Василевъ или Тумашъ,

¹⁾ De admin. imp. c. 9, cf. c. 2.

²⁾ Это предположеніе высказано было проф. Ф. Вруномъ и принято затѣмъ Л. Майковимъ (Журн. М. Н. Пр. 1874. VIII с. 257), Барсовимъ (Географія с. 21); воспроизвелъ г. Бурачковъ въ своей статьѣ: Замѣтки по ист. геогр. ю.-рус. степей, Кіев. Стар. 1886 кн. IV с. 667 сл.

³⁾ Житіе Θεодосія гл. 5; по словамъ житія, обозъ шелъ отъ Курска до Кіева три недѣли.

⁴⁾ Такое направленіе тракта дѣлается вѣроятнымъ, если сопоставить Нват. с. 170 (Василья изъ Звенигорода повелъ во Владиміръ на Вадимженъ), с. 276 (Глѣбъ Юрьевичъ ѣхалъ отъ Пересопниці на Дорогобузь, Корческъ и Ушескъ) и с. 284—287 (Изяславъ съ Волнии шелъ на Пересопницю, Дорогобузь, Корческъ, Ушескъ, Мичьскъ, Вадимженъ и Бѣлгородъ въ Кіеву); что дорога въ Ляхи шла на Бѣлгородъ, видно изъ описанія кіевскаго движенія 1068—9 г.: въ Бѣлгороду вышли кіеве на встрѣчу Изяславу и Волославу (с. 121). О путяхъ въ Ляхи см. у г. Линиченка Восток. отнош. с. 181.

затѣмъ чрезъ Перепетово поле на Мунаревъ и Володаревъ и далѣе въ Галицкую волость ¹⁾; этимъ путемъ, можетъ быть, производились также сношенія съ подунайскими городами.

Во второй половинѣ XII в. въ Киевской лѣтописи упоминаются такіе торговые пути: „Греческій, Соляной (Солоный) и Залозный“ ²⁾; къ сожалѣнію, направленіе этихъ путей не опредѣлено точнѣе, и это дало поводъ къ всевозможнымъ догадкамъ; исследователи не согласны не только въ направленіи этихъ путей, но и относительно того, какіе изъ этихъ путей были сухопутные, и какіе водяные ³⁾. Изъ лѣтописныхъ данныхъ можно вывести только, что всѣ эти пути пролегали чрезъ степи, такъ что на нихъ половцы грабили торговцевъ, далѣе— что Греческій путь шелъ по Днѣпру по крайней мѣрѣ до пороговъ: здѣсь, у пороговъ, половцы въ 1167 г. „начаша пакостити греченикомъ“, воспользовавшись княжескими усобицами ⁴⁾; обыкновенно принимаютъ, и это вполне вѣроятно, что подъ Греческимъ путемъ разумѣется путь по Днѣпру въ греческіе города Крыма и Византіи. Путь Залозный также шелъ по Днѣпру; онъ отклонился отъ него не выше, во всякомъ случаѣ, Канева; въ какую сторону? мнѣ кажется невѣроятнымъ, чтобы онъ шелъ затѣмъ на юго-западъ, въ подунайскіе города, какъ думалъ, напримѣръ, Аристовъ: выходилъ бы не малый кругъ. Надо думать, что путь этотъ отклонился отъ Днѣпра на юго-востокъ, въ область Дона. При описаніи похода на половцевъ подъ 1184 г. разсказывается, что князья, отправившись изъ Киева въ Переяславскую волость, „усрѣтоста гости идущъ противу себе ис Половецъ“, и тѣ сообщили имъ, что половцы стоятъ на р. Хоролѣ ⁵⁾;

¹⁾ Этотъ трактъ опредѣляется очень точно изъ сравненія Ипат. с. 278—9, 300, 342—343; сравн. Погодина Исслѣд. IV с. 176—177. Эти торговые пути сохранились и въ послѣдующее время; такъ въ уставной грамотѣ Киеву 1494 г. мѣстами кокомри упоминаются въ Вишгородѣ, Чернобилѣ, Вѣлгородѣ и Глевахѣ (село по дорогѣ изъ Киева въ Васильковъ)—см. Акти Зап. Рос. т. I с. 146; такимъ образомъ торговые пути или тогда: вверхъ по Днѣпру, по Припяти, и сухопутные—на Вѣлгородъ и Васильковъ; отъ этихъ данныхъ мы можемъ обратнo заключать и о направленіи путей въ болѣе раннее, домонгольское время.

²⁾ См. Ипат. с. 368: „а уже у насъ (половцы) и Гречскій путь изыотимають, и Соляной (Солоны), и Залозный“ (Воскр. I с. 82—„залозн“, ср. с. 360, 361, 370.

³⁾ Литература этого вопроса указана въ упомянутой статьѣ г. Майкова (с. 256), см. также Аристова Проникновенность с. 166—168.

⁴⁾ Ипат. с. 360.

⁵⁾ Ипат. л. с. 429.

не были ли это именно „валовники“? Что касается Соляного пути, то большею частью здѣсь разумѣютъ путь въ Крымъ, къ солянымъ озерамъ; но мы знаемъ, что соль вывозилась также изъ Галицкой области, между прочимъ изъ коломыйскихъ приисковъ; путь въ Коломыю пролегалъ также чрезъ степную область Буга, и половцы здѣсь свободно могли грабить купцовъ; этотъ путь, если принять его, составлялъ бы южную вѣтвь того галицкаго тракта, о которомъ было сказано выше ¹⁾. Какой изъ этихъ двухъ, по моему мнѣнію возможныхъ, путей носилъ имя Соляного—рѣшить не берусь.

Такимъ образомъ изъ Кіевской земли, въ частности—изъ Кіева шли торговые пути во всѣхъ направленіяхъ. Подъ вліяніемъ историческихъ условій эти пути имѣли неодинаковое значеніе въ разныя времена: усиливались сношенія въ одномъ направленіи, ослабѣвали и даже прекращались въ другомъ. Древнѣйшими, вѣроятно, были торговые сношенія съ югомъ и юго-западомъ—съ городами сѣвернаго берега Чернаго моря и нижняго Дуная. Для болѣе древняго времени свидѣтелями объ этой торговлѣ служатъ римскія монеты, которыя въ значительномъ количествѣ, и не только спорадически, но и въ видѣ болѣе или менѣе значительныхъ кладовъ, встрѣчаются на территоріи Кіевской земли ²⁾; извѣстно нѣсколько экземпляровъ монетъ республики, но въ большинствѣ онѣ относятся къ II—IV вв. нашей эры ³⁾; есть извѣстія о монетахъ понтіійскихъ и малоазійскихъ ⁴⁾, но монетъ черноморскихъ греческихъ колоній до сихъ поръ почти неизвѣстно ⁵⁾.

¹⁾ Такое направленіе Соляного пути принималъ и Влалевъ (Расск. I с. 225).

²⁾ Свѣдѣнія относительно монетныхъ находокъ Кіевской губерніи сведены въ трудѣ г. Влалевского: Монетные клады Кіевской губерніи, а также въ Объяснительной запискѣ къ археологич. картѣ Кіевской губ. В. В. Антоновича. Для западной части старой Кіевщины пока нѣтъ подобныхъ пособій; добросовѣстно составленное „Исслѣдованіе о кладахъ Волынской губ.“ г. Орлова, по свойству источниковъ, на которыхъ оно основано, даетъ, къ сожалѣнію, по большей части сама общія свѣдѣнія о составѣ кладовъ; для насъ интересни—извѣстіе о римской монетѣ (Антонина)—Ровенск. у., и три извѣстія о гривнахъ (очень неопредѣленныхъ впрочемъ)—два относятся къ Ровенскому у. и одно къ Дубенскому (с. 21, 36, 42, 49).

³⁾ Значительные клады римскихъ монетъ были найдены въ Кіевѣ (одинъ—болѣе 80 монетъ, другой—59), въ Махновѣ (Вердичевскаго у.)—болѣе 860 монетъ, изъ нихъ опредѣлено лишь три, въ с. Плоскомъ (Сѣвир. уѣз.)—болѣе 10 монетъ, около м. Слѣлымъ—разновременно 23 монеты, въ м. Криловѣ—нѣсколько десятковъ, Влалевскій с. 10, 27, 69, 99—101, 117.

⁴⁾ Влалевскій оп. с. 27 сл., 69, 89.

⁵⁾ Если не считать херсонесской монеты императора Романа (Влалевскій с. 65).

Впрочемъ, и византийскихъ монетъ въ теперешней Кіевской губерніи найдено очень мало, большею частью это отдѣльные, затерянные экземпляры ¹⁾; проф. Хвольсонъ объясняетъ это такъ, что ввозъ византийскихъ товаровъ въ Русь превышалъ вывозъ, между тѣмъ восточные товары находили менѣе сбыта въ Русь, и русскіе купцы предпочитали тамъ продавать свои товары за звонкую монету ²⁾. Между тѣмъ сношенія съ Византією были очень оживленныя; по извѣстію Константина Порфиророднаго, кіевскіе руссы снаряжали каждую весну цѣлый торговый флотъ въ Царьградъ ³⁾. Изъ договора Руси съ греками 944 г. видно, что въ Царьградѣ проживало большое число русскихъ купцовъ, такъ что греческое правительство опасалось съ ихъ стороны насильственныхъ дѣйствій ⁴⁾. Сношенія не прекращались и позже—во второй половинѣ XI в. въ Олешѣ торговали „грѣки“, или „гречники“, по другому чтенію ⁵⁾; гречники—купцы, торговавшіе съ греками, существовали и въ XII в.; ихъ торговые караваны, очевидно, были весьма значительны, если князья выходили на охрану ихъ; тѣсныя связи съ греками обнаруживаются и въ извѣстной угрофѣ кіянъ (1069 г.), что они зажгутъ городъ и уйдутъ въ греческую землю ⁶⁾. О сношеніяхъ Руси съ подунайскими городами говоритъ начальный лѣтописецъ устами Святослава ⁷⁾. Кромѣ того, существовали сношенія съ крымскими городами—Херсонесомъ, Судакомъ (Содда, Солда); судя по нѣкоторымъ извѣстіямъ, тамъ проживали русскіе купцы цѣлыми колоніями ⁸⁾. Главнымъ торговымъ путемъ въ этихъ сношеніяхъ служилъ Днѣпръ, а также, можетъ быть, галицкій трактъ и Соляной путь, если только онъ велъ въ Крымъ. Весьма

¹⁾ Бѣляшевскій с. 10, 39, 41, 88, 142; только разъ найдено вмѣстѣ 9 монетъ, приписываемыхъ Іоанну Цинисію (*ibid.* с. 49).

²⁾ Извѣстія Ибнъ-Даста с. 160.

³⁾ De admin. imperio с. IX.

⁴⁾ Иват. с. 30.

⁵⁾ Въ спискахъ Иват., Академ., Раданъ. и въ спискахъ Воспр., исключая Архивскаго—„гречники“, въ св. Лавр., Хлѣбъ., Погод., въ Архив. св. Воскресенской и въ Нишновской—„греки“; я предпочелъ бы первое чтеніе, какъ болѣе трудное, притомъ слово „гречники“ встрѣчается здѣсь въ первый разъ.

⁶⁾ Иват. с. 122.

⁷⁾ Иват. с. 44.

⁸⁾ Ибнъ аль Атиръ (перв. изд. XIII в.)—въ Учед. Зап. Ак. II. по I и III отд. т. II с. 681.

важнымъ торговымъ узломъ въ этихъ сношеніяхъ служило Олешье; оно находилось на Днѣпрѣ, но гдѣ именно, неизвѣстно; обыкновенно сго помѣщаютъ недалеко отъ устья, на мѣстѣ теперешняго города Алешекъ; другое мѣсто было высказано г. Бурачковикъ, который приурочивалъ Олешье къ городищу у с. Знаменки, гдѣ находятъ монеты Херсонеса и восточныя ¹⁾. Гдѣ бы ни находилось Олешье, оно, очевидно, служило этапомъ на пути изъ Кіева въ Грецію, складочнымъ мѣстомъ греческихъ и русскихъ товаровъ (лѣтопись упоминаетъ, напримѣръ, что отсюда вывозилось вино и рыба въ Галицкую волость ²⁾); два раза въ лѣтописяхъ разсказывается о разграбленіи Олешья и олешскихъ купцовъ (одинъ разъ Давыдомъ Игоревичемъ, въ 1084 г., другой—берладниками, въ 1159 г.), и въ обоихъ случаяхъ, какъ было сказано, кіевскіе князья принимаютъ это очень къ сердцу ³⁾: очевидно, въ Олешьи было что пограбить, съ другой стороны—ясно, что олешская торговля стояла въ непосредственной связи съ кіевскою.

Утвержденіе въ южно-русскихъ степяхъ кочевниковъ неблагоприятно отразилось на сношеніяхъ Руси съ греческими и подунайскими городами, хотя и не прекратило ихъ вовсе; печенѣги и половцы въ пѣкоторой степени являлись даже сами посредниками въ торговлѣ; не смотря на враждебное отношеніе къ Русь, во время самыхъ военныхъ дѣйствій, какъ мы видѣли, половцы пропускаютъ купцовъ на Русь; съ самими половцами русскіе купцы вели торговлю. Но съ другой стороны, пользуясь неурядицами, половцы часто и грабили торговые караваны, такъ что князья вынуждены были совершать цѣлые походы въ степи для охраненія ихъ.

Что до предметовъ этой южной торговли, то изъ Руси отправлялись сырые продукты, преимущественно мѣха, медъ, воскъ, а также рабы. Такъ Ибнъ-Хордадбе сообщаетъ, что руссы привозятъ въ Пизантію мѣха выдръ (или бобровъ) и черныхъ лисицъ и—мечи; по

¹⁾ Замѣтан по ист. геогр. с. 659 слѣд.; мѣсто это довольно вѣроятно, хотя едва ли Олешье было очень удалено отъ моря: такъ можно заключить изъ лѣтописнаго извѣстія, что когда кіеве отправлялись въ погоню за берладниками, пограбившими Олешье, то догнали ихъ уже у Дциня (Дѣциня—Воскр.), города, по всей вѣроятности, ирмидунайского (Ипат. с. 346, Воскр. I с. 71).

²⁾ Ипат. с. 491.

³⁾ Ипат. с. 144, 346.

словамъ Начальной лѣтописи, въ болгарскіе подунайскіе города изъ Руси вывозились: „скора, и воскъ, и медъ, и челядь“; Игорь, „утвердивъ миръ съ Грѣки, отпусти послы, одаривъ скорою и челядью и воскомъ“; такихъ же подарковъ просили греки у Ольги ¹⁾; въ частности мы имѣемъ извѣстіе начала XIII в. о вывозѣ въ Константинополь изъ Руси заячьихъ шкуръ ²⁾. Торговля рабами была широко развита, такъ что евреи называли „Ескавонию и Русь“ землю Ханаанскую, „потому что жители продають своихъ сыновей и дочерей въ рабство“ ³⁾; въ Константинополь былъ особый торгъ, „идже русстѣи купци приходяще челядь продають“ ⁴⁾. Отъ грековъ непосредственно, а также, можетъ быть, и посредственно русскіе получали: различнаго рода ткани бумажныя, шелковыя (паволоки), парчу (аксамиты), тонкія полетва, затѣмъ вина, „овощи разноличныи“, пряности, различныя издѣлія изъ золота и серебра, можетъ быть—и оружіе. Дорогія ткани служили главнымъ предметомъ ввоза; греческое правительство ограничивало даже эту торговлю, и по договору 944 г. не дозволялось вывозить ткани дороже 50 златниковъ за свертокъ. Изъ греческихъ же городовъ русскіе купцы получали деревянное масло, ладонъ, смирну и другія принадлежности церковнаго обихода ⁵⁾. По словамъ Ибнъ ель Атира, до прихода татаръ приходили въ Судакъ корабли съ одеждами (изъ Греціи), а оттуда вывозили мѣха, рабовъ „и другіе товары, находящіеся въ ихъ землѣ“ ⁶⁾; Рубруквисъ говоритъ, что изъ Турціи (т. е. Малой Азіи) привозили въ Судакъ хлопчатобумажныя и шелковыя ткани, пряные коренья; русскіе же купцы привозили въ крытыхъ телѣгахъ, запряженныхъ волами, разные мѣха ⁷⁾. По словамъ того же Рубруквиса, русскіе вывозили изъ Крыма соль ⁸⁾. У половцевъ, какъ раньше у печенѣговъ, русскіе купцы покупали

¹⁾ Гаркави с. 49, Илат. с. 34, 40, 44.

²⁾ См. статью проф. Васильевскаго „Древняя торговля Киева съ Регенсбургомъ“ въ Жур. М. Н. Пр. 1898, VII с. 150.

³⁾ Отрывки изъ путешествія Веніам. Тудельскаго (XII в.) въ Отеч. Зап. 1858, XI с. 419.

⁴⁾ Въ сказаніи о чудесахъ св. Николая Мѣрлинскіекаго—чудо 34, с. 86.

⁵⁾ См. въ Житіи Феодосія (л. 18 и об.) о св. Варлаамѣ, закупившемъ въ Константинополѣ „сже на ползу монастырю своему: иконы и ико“.

⁶⁾ Уч. зап. Акад. Н. по I и III отд. II с. 680, 662.

⁷⁾ См. въ статьѣ проф. Васильевскаго о Сурожѣ—Ж. М. П. Пр. 1899, V с. 130.

⁸⁾ Аристотель с. 70.

скотъ, продавали имъ рабовъ, а также, вѣроятно, хлѣбъ (кочевники любили особенно просо); митрополитъ Іоаннъ упрекаетъ тѣхъ, которые „имѣнія ради или скотолюбства ради“ ѣздятъ къ половцамъ и сквернятся, а также продаютъ рабовъ христіанъ „поганымъ“, евреямъ и еретикамъ¹⁾. По свидѣтельству Патерика, еврей занимался въ Корсунѣ торговлею рабами²⁾.

Древнѣйшее извѣстіе о сношеніяхъ Руси съ Западною Европою видятъ обыкновенно въ постановленіи мытнаго устава Восточной марки начала X в. относительно славянскихъ купцовъ, которые приходятъ de Rugis et de Westanis—т. е. изъ Руси и Чехіи, и привозятъ на продажу рабовъ и коней³⁾. По словамъ писателя X в. Ибрагима Ибнъ Якуба, въ Прагу пріѣзжали тогда, чрезъ Бравовъ, „русы и славяне съ товарами“, а „изъ страны тюрковъ—мусульмане и евреи и турки“, которые привозили, между прочимъ, различныя византійскія ткани и покупали муку и разныя мѣха⁴⁾. По словамъ Мартина Галла, въ XI в. черезъ Польшу проходили западныя купцы въ Русь⁵⁾. Вообще начиная съ XI в. кіевскіе князья поддерживаютъ оживленныя сношенія съ Западною Европою: вспомнимъ брачныя связи, скитанія Изяслава по З. Европѣ, посольство Генриха къ Святославу и т. п. Слава о походѣ на половцевъ 1111 г., по представленію лѣтописца, разошлась по дальнимъ странамъ, „рекуще къ Грекомъ, и Угромъ, и Ляхомъ, и Чехомъ, дондеже и до Рима провде“, а славу Святославу Всеволодичу пѣли „Греци и Венедици, Чехи и Морава“⁶⁾. Угры, чехи и ляхи принимали участіе въ политическихъ судьбахъ Кіевской земли. Все это само собою предполагаетъ и сношенія торговли; дѣйствительно, колоніи нѣмецкихъ и западно-европейскихъ купцовъ встрѣчаемъ въ Кіевѣ при описаніи погромовъ 1174 (Ярослава Изяславича), 1203 и 1235 гг. („латина“, „гостя иновземца всякого языка“ и

¹⁾ Правило м. Іоанна ст. 22 и 29—у м. Мазарія т. II, приложеніе, с. 373 и 375; интересна колектура предложенная г. Росеномъ въ извѣстіяхъ Аль-Бекри—о ильмовой торговлѣ Руси съ немецкими (Извѣстія Аль-Бекри с. 59).

²⁾ Патерикъ с. 93—95.

³⁾ См. статью проф. Васильевскаго: Древняя торговля Кіева съ Регенсбургомъ въ Жур. М. Н. Пр. 1888, VII с. 122 слѣд.

⁴⁾ Извѣстія Аль-Бекри Куника и бар. Росена с. 49.

⁵⁾ M. Galli Chronicon, проет.—Mon. Polon. hist. I p. 204.

⁶⁾ Ипат. с. 190, Слово о полку Игоревѣ с. 7.

„пѣнци“) 1). Помимо торговли туземными товарами Кіевъ еще имѣлъ значеніе посредника въ торговлѣ запада съ югомъ и востокомъ. Изъ германскихъ городовъ въ этой торговлѣ, повидимому, наиболѣе принималъ участіе Регенсбургъ, также Энгисъ (на среднемъ Дунаѣ), Вѣна. Въ записи второй половины XII в. (1178—1180 г.) одного регенсбургскаго монастыря рассказывается, что подданный его—Гартвицъ, проживающій въ странѣ Русской, въ городъ Кіевъ (Chiebe), пожертвовалъ монастырю восемнадцать фунтовъ серебра, и эта сумма была выплачена его регенсбургскими должниками: это показывасть, что между Регенсбургомъ и Кіевомъ происходили правильныя торговныя сношенія. Въ льготной грамотѣ г. Энгиса упоминаются повозки, направляющіяся въ Россію и изъ Россіи. Существовала цѣлая группа купцовъ, специально торговавшихъ съ Русью, т. н. гизагii. Въ это время, т. е. во второй половинѣ XII в., по мнѣнію проф. Васильевскаго, Кіевъ уже велъ не активную, какъ раньше, а пассивную торговлю съ Германіею: и ввозомъ и вывозомъ товаровъ отсюда занимались упомянутые гизагii 2).

Что касается Венгріи, то хотя и существуютъ извѣстія, что тамъ торговали русскіе купцы 3), но были ли то купцы галицкіе или кіевскіе, неизвѣстно; правдоподобно, однакожь, что кіевская торговля не оставляла и Венгрію внѣ круга своихъ сношеній. Не имѣется положительныхъ извѣстій и относительно Польши, хотя она находилась въ довольно оживленныхъ сношеніяхъ съ Кіевомъ: тамъ проживали въ трудныя времена польскіе князичи, знатные поляки то встрѣчаются на службѣ у кіевского князя, то просто гостять у него; ни съ однимъ владѣтельнымъ домомъ не роднились кіевскіе князья такъ усердно, какъ съ польскимъ. Впрочемъ торговля въ Польшѣ въ то время была вообще очень слаба 4).

Предметами западной торговли со стороны Руси служили въ нашу эпоху прежде всего мѣха, затѣмъ византійскія и, пожалуй, восточныя ткани, дорогіе сосуды и вообще металлическія издѣлія—тоже византійской работы, овощи и принаности, получавшіяся съ

1) Ипат. с. 393 (Лавр. с. 348), 1 Новгород. с. 26 и 30.

2) Древняя торговля Кіева съ Регенсбургомъ с. 140, 141, 142—3.

3) Ibidem с. 148—149.

4) О ней см. у Н. А. Лихницкаго Визант. отнош. Руси и Польши с. 186 слѣд.

юга и востока ¹⁾. Одинъ регенбургскій монастырь былъ достроенъ благодаря щедрой милостынѣ мѣхами, выпрошенной однимъ изъ монаховъ у „короля руссовъ“ въ Кіевѣ (Chioa) (въ первой четверти XII в.): монахъ привезъ ее *вмѣстѣ съ купцами* ²⁾. Выряжая угровъ послѣ завоеванія кіевскаго стола, Изяславъ послалъ угорскому королю подарокъ „сосуды, и порты, и комони, и паволокы и всякими дарми“ („узорочьн“—Воскр.) ³⁾. Изъ предметовъ ввоза можемъ указать только одинъ—оружіе; какъ упомянуто выше, еще въ языческую эпоху руссы имѣли оружіе „франкской работы“; въ Словѣ о полку Игоревѣ упоминаются шеломы латинскіе, сулицы лядскія. Но любопытно, что западно-европейскихъ монетъ доселѣ на территоріи Кіевской земли найдено весьма мало ⁴⁾.

Сношенія Кіева съ востокомъ восходятъ къ довольно древнему времени; въ монетныхъ кладахъ Кіевской земли встрѣчаются восточныя монеты начиная со второй половины VIII в. Извѣстно доселѣ нѣсколько такихъ кладовъ весьма значительныхъ—по нѣскольку сотъ и даже тысячъ диргемовъ, при томъ состоящихъ исключительно изъ монетъ восточныхъ (арабскихъ и туркестанскихъ), что указываетъ на широкія и непосредственныя сношенія съ восточными купцами. Въ тѣ времена видывали русскихъ купцовъ въ самомъ Багдадѣ ⁵⁾; а позднѣйшій арабскій писатель замѣчаетъ, что взо всѣхъ ихъ наиболѣе отличались купцы кіевскіе ⁶⁾. Наибольшее количество монетъ падаетъ на IX и начало X в., затѣмъ находки сразу обрываются ⁷⁾. По всей вѣроятности, въ это время сношенія съ востокомъ ослабли или прекратились вовсе; причиною тому, по объясненію ученыхъ, было вторженіе въ Персію и Хорасанъ кочевниковъ, которое прекратило тор-

¹⁾ Ср. Древняя торговля Кіева с. 145.

²⁾ Ibidem с. 185—186.

³⁾ Ипат. с. 290, Воскрес. I с. 50.

⁴⁾ Для Кіевской губерніи они ограничиваются однимъ монетомъ Генриха III, найденномъ въ Кіевѣ, Владимевскій с. 8.

⁵⁾ Ибнъ Хордадбе у Гаркави с. 49.

⁶⁾ Идриси (XIII в.)—см. Труды III арх. съѣзда I с. 361 (рефератъ Гаркави).

⁷⁾ См. Монеты. кладъ Кіевск. губер. с. 7, 11, 12, 21, также с. 14 и 66—всѣ эти находки на территоріи Кіева. Кладъ описанный на стр. 10 и заключающій въ себѣ монеты VIII—XIII вв. очень подозрителенъ своимъ составомъ, не приближались ли были туда монеты, не принадлежащія къ нему?

говлю этихъ странъ съ Европою¹⁾. На ослабленіе торговли еще раньше могли повліять опустошительные походы Руси X в. въ прикаспійскія страны и разрушеніе хозарскаго царства, затѣмъ—водвореніе кочевниковъ въ южнорусскихъ степяхъ. Итакъ, къ началу удѣльно-вѣчевого періода восточная торговля Кіева ослабѣла, непосредственныя сношенія, быть можетъ, прекратились вовсе; а потому не буду останавливаться на нихъ, замѣчу только, что въ болѣе раннее время предметами вывоза изъ Руси служили: мѣха, медь и воскъ, челядь; взаменъ ихъ получали монету, разнаго рода ткани, украшенія, пряности, а также, вѣроятно, оружіе²⁾.

Болѣе устойчива была торговля съ сѣвернымъ Поднѣпровьемъ и Балтійскимъ бассейномъ. Извѣстія о ней восходятъ къ IX в.; по представленію начального лѣтописца, тогда уже новгородскіе купцы представляли весьма обычное явленіе въ Кіевѣ³⁾. По словамъ Константина Порфиророднаго, въ Кіевъ каждую весну приходили торговые караваны изъ Новгорода, Смоленска, Чернигова, Вышгорода и затѣмъ направлялись въ Царьградъ; по его словамъ, кривичи, лучане и другіе славяне пригоняли въ Кіевъ на продажу лодки,—но лодками торговля, конечно, не ограничивалась⁴⁾. Въ послѣдующіе вѣка продолжаютъ дѣятельныя сношенія съ Новгородомъ; въ Кіевѣ была дѣлая новгородская колонія, которая имѣла и свою церковь; Ростиславъ Мстиславичъ, разсерженный тѣмъ, что въ Новгородѣ былъ арестованъ сынъ его, велѣлъ похватать въ Кіевѣ новгородцевъ и посадить въ пересѣченскій погребъ, гдѣ въ одну ночь умерло ихъ 14 человекъ; очевидно, всѣхъ ихъ было гораздо больше⁵⁾; существованіе постоянныхъ торговыхъ сношеній Новгорода съ Кіевомъ подтверждается и

¹⁾ Объясненіе г. Бартоломея (въ трудѣ гр. Толстого, Др. рус. монеты в. кн. Кіевскаго стр. 163), см. также у Савельева Мухаммеданская нумизматика с. ССІ сл. По наблюденію г. Бартоломея, въ русскія земли вообще начали приносить купеческіе диргеми въ VIII столѣтіи; этотъ привоз усиливался въ IX, еще болѣе въ первой половинѣ X столѣтія, потомъ вдругъ уменьшился во второй половинѣ того же столѣтія и внезапно прекратился въ XI в.

²⁾ О восточной торговлѣ см. Савельева Мухаммед. нумизмат. с. СXLIII сл., Хвольсона Извѣстія Ибнъ-Даста с. 168 сл., Аристова с. 196—197.

³⁾ Ипат. с. 13.

⁴⁾ De admin. imper. сар. IX.

⁵⁾ Ипат. с. 350.

тѣмъ, что погородская лѣтопись отмѣчаетъ судьбу купцовъ во время кievскихъ погромовъ 1203 и 1235 гг.

Предметами этой торговли служили: со стороны Киева—товары, получавшіеся отъ грековъ, „отъ всѣхъ царскихъ земель“, а также, можетъ быть, хлѣбъ, скотъ; со стороны сѣверныхъ городовъ (Новгорода, Смоленска, Полоцка)—товары „отъ верхнихъ земель и отъ Варягъ“¹⁾. Въ чемъ состояли сѣверные товары, можно судить по подаркамъ, которые далъ Ростиславъ Святославу Всеволодовичу: „да бо соболми, и горностайми, и черными кунами, и песци, и бѣлыми волки, и рыбьими зубы“²⁾; изъ варяжскихъ товаровъ въ Киевъ могли привозиться сукна, полотна, металлическія и мануфактурныя надѣлія³⁾. Въ монетныхъ кладахъ Киевской земли торговля ея съ сѣверными землями не оставила замѣтныхъ слѣдовъ, англо-саксонскихъ и другихъ сѣверныхъ монетъ, широко обращавшихся въ Балтійскомъ бассейнѣ, въ Киевской губерніи доселѣ не найдено; новгородскія гривны обыкновенно встрѣчаются въ кладахъ, принадлежащихъ послѣ-монгольскому времени. Киевскія же монеты съ именемъ Владиміра на сѣверѣ встрѣчаются: такъ доселѣ извѣстны находки въ губерніяхъ Могилевской, Псковской, Ярославской, около Швана (въ землѣ поморскихъ славянъ) и Ленчицы⁴⁾.

Какъ видимъ Киевская земля находилась въ оживленныхъ сношеніяхъ не только съ ближайшими, но и довольно отдаленными странами; даже невзгоды, постигавшія Киевъ, начиная съ XII в., не прерывали этихъ сношеній, и колоніи иностранцевъ существовали въ Киевѣ вплоть до самаго монгольскаго нашествія. Предметами вывоза въ общемъ служили преимущественно сырые продукты и товары чужеземные, для которыхъ Киевъ служилъ сладочнымъ и передаточнымъ пунктомъ, предметы ввоза—преимущественно предметы комфорта и роскоши; изъ предметовъ первой необходимости можно указать только соль. Посредствомъ торговли же добывались благородные

¹⁾ Ипат. с. 259.

²⁾ Ипат. с. 345—346. Объ надѣліяхъ изъ рыбьяго зуба см. *Извѣстія Ибнъ-Даста* с. 188, *Древ. торг. Киева съ Регенсбургомъ* с. 140; въ Византію надѣліа эти или, правдоподобно, чрезъ Киевъ изъ сѣверныхъ земель.

³⁾ См. у Аристова с. 203—205.

⁴⁾ И. Толстой. *Древн. рус. мон. в. кн. Киевскаго, равин.*

и некоторые другие металлы (какъ мѣдь, олово, свинецъ), поэтому въ общемъ металлы эти должны были быть здѣсь нѣсколько дороже, чѣмъ въ другихъ земляхъ; по мнѣнію Аристова, цѣнность серебра и золота здѣсь была приблизительно въ 8 разъ выше нынѣшней ¹⁾. Въ болѣе раннее время торговля по преимуществу была мѣновая, такую же, въ значительной степени, она оставалась и въ разсматриваемые вѣка, вслѣдствіе общей (сравнительно) бѣдности металла. Единицами цѣнности служили раньше мѣха и иностранныя монеты, позже явилась національная монетная единица—гривна серебра. Кіевская гривна имѣла характеристическую шестигольную форму и вѣсила около половины греческой литры—около 36 зол., между тѣмъ какъ новгородская гривна равнялась половинѣ фунта нѣмецкаго (48 зол.) ²⁾. Считали, только рѣже, и на гривны золота; отношеніе золота къ серебру г. Прозоровскій для этого времени опредѣляетъ пропорціею 12:1, по этой раздѣлкѣ гривна золота будетъ равняться 12 гривнамъ серебра (равновѣснымъ) ³⁾. Подраздѣленіями гривны были ногаты и рѣзаны; обыкновенно въ гривнѣ серебра считаютъ 20 ногатъ и 50 рѣзанъ ⁴⁾. Существовала и чеканная монета; не такъ давно ученые считали экземпляры ея чужестранными монетами или медалями, но находки крупныхъ кладовъ, состоявшихъ исключительно изъ этихъ монетъ, каковы нѣжинскій (1852 г.) и кіевскій (1877 г.), заключавшіе около двухсотъ монетъ каждый, сами собою устраняютъ эти предположенія ⁵⁾. Доселѣ извѣстны золотыя монеты съ именемъ Владиміра, вѣсомъ въ одинъ золотникъ съ небольшимъ (какъ византійскіе златники) ⁶⁾ и серебряныя—съ именами Владиміра, Святополка, Ярослава и Георгія; при этомъ монеты съ именемъ Владиміра и Георгія пред-

¹⁾ Пронимченность др. Руси с. 129.

²⁾ Кунина—О русско-визант. монетахъ Ярослава с. 12, Прозоровскій—Монета и вѣсъ въ Россіи до в. XVIII в. (Зап. Археол. общ. XII, 2) с. 216.

³⁾ Монета и вѣсъ с. 384—385, ср. с. 238—9.

⁴⁾ *Ibidem* с. 214; основаніемъ для такого опредѣленія отношеній между единицами цѣнности служитъ раздѣлка сельскохозяйственнаго нивитара въ Карамзин. св. Русской Правды (ст. 49 сл.). Впрочемъ древнерусская монетная система еще не можетъ считаться вполне точно установленною.

⁵⁾ Другія возраженія противъ этихъ предположеній въ книгѣ гр. И. Толстого—Древнѣйшія русскія монеты в. ки. Кіевского с. 159—160; см. также О русско-визант. мон. Кунина с. 13 сл., 119—120.

⁶⁾ Древнѣйш. рус. монеты с. 5.

ставляют по нѣсколько самостоятельныхъ типовъ (первыя—четыре, вторыя—два¹⁾). Графъ И. Толстой, послѣ внимательнаго изученія этихъ монетъ, пришелъ къ выводу, что онѣ принадлежатъ Владимиру Св., Святополку и Ярославу Владиміровичамъ²⁾; другіе предпочитаютъ относить нѣкоторые типы съ именемъ Владимира къ Мономаху³⁾. Дѣйствительно, довольно страннымъ является то обстоятельство, что монетное дѣло, получивъ довольно широкое примѣненіе въ первой половинѣ XI в., не продолжалось затѣмъ при такихъ „самовластьцахъ“, какъ Всеволодъ и Мономахъ, къ тому же близко стоявшихъ къ византійскому двору. Во всякомъ случаѣ въ XII в., при Мономахѣ, были въ обращеніи „сребреники“⁴⁾, вѣроятно туземнаго происхожденія, такъ какъ иноземныхъ монетъ за это время въ кладахъ совсѣмъ не встрѣчается. Обращались ли мѣха въ качествѣ денежныхъ знаковъ въ это время, или слова „куна“, „бѣль“ обозначаютъ собою металлическую монету, это вопросъ, доселѣ не рѣшенный окончательно⁵⁾.

Промыслы, торговля, война накопили значительныя богатства въ рукахъ отдѣльныхъ лицъ. О размѣрѣ богатствъ мы можемъ составить болѣе или менѣе приблизительное понятіе. Первыми богачами были, конечно, князья—ежегодный доходъ значительнѣйшихъ изъ нихъ считался тысячами гривенъ⁶⁾; изгнавъ Изяслава въ 1068 г., князе разграбили у него на дворѣ „бесчисленное множество золота и серебра, и кунами, и бѣлью (скорою)“⁷⁾; богатства Святослава Ярославича возбуждали удивленіе въ нѣмецкихъ вельможахъ; такой неособенно значительный князь, какъ Глѣбъ Всеславичъ съ женою пожертвовали Печерскому монастырю 700 гривенъ серебра и 100 золота⁸⁾. Боль-

¹⁾ Всѣ монеты различны—наиболѣе тяжелыя экземпляры имѣютъ слово золотника нѣсу, наиболѣе легкіе—менѣе позолотника. Г. Прозоровскій считаетъ казѣнные ему экземпляры этихъ монетъ рязанскими (оп. с. с. 232).

²⁾ Древнѣйш. русск. мон. с. 187 сл.

³⁾ Волошинскій въ описаніи нѣкиихъ кладовъ с. 6 (Труды ком. для опис. губ. кіевск. уѣ. окр. 1863 г., смѣсь), Куникъ О русско-визант. монет. с. 137 сл., Бѣлшевскій оп. с. с. 88.

⁴⁾ Ипат. с. 202.

⁵⁾ См. Рус. ист. Бестужева-Рюмина I с. 264—265.

⁶⁾ Это намъ извѣстно о Смоленской волости изъ грамоты Ростислава.

⁷⁾ Ипат. с. 121, 139, 838, Лавр. с. 167; объ иностранникахъ свидѣтельствалъ о бе-

шія богатства скопились позже въ монастыряхъ и знаменитыхъ церквяхъ. Но и частные люди—боляре, купцы обладали значительными богатствами; въ Патерникѣ рассказывается о нѣкоемъ черноризцѣ Іоаннѣ, который, раздавъ часть имѣнія нищимъ, оставилъ сыну въ наслѣдство 1000 гривенъ серебра и 100 золота—эта цифра, если и преувеличена, все же даетъ извѣстное понятіе о дѣйствительныхъ богатствахъ¹⁾. Несомнѣнныя данныя даютъ археологическія находки: на территоріи Кіева найдены два клада, содержащіе въ себѣ свыше двухъ тысячъ диргемовъ каждый²⁾; особенно большихъ кладовъ гривенъ пока неизвѣстно: существуютъ находки въ 20, 18, 14 гривенъ; за то, что еще важнѣе, есть клады, состоящіе изъ однихъ туалетныхъ украшеній—на многіе десятки гривенъ. Если мы вспомнимъ, что тогдашняя цѣнность металла во много разъ превосходила современную, дѣлѣе, что при сравнительной скудости металла богатства обильно не капитализировались, а въ значительной части заключались въ натуральныхъ произведеніяхъ—мѣхахъ, товарахъ, запасахъ, челяди, хозяйственномъ инвентарѣ, то мы, на основаніи приведенныхъ литературныхъ и археологическихъ данныхъ, должны будемъ, конечно, признать, что въ тѣ времена уже существовали крупныя богатства.

Накопленіе богатствъ должно было производить различіе въ образѣ жизни богатыхъ и бѣдныхъ, хотя различіе это при томъ состояніи культуры было внѣшнее, болѣе, такъ сказать, количественное, чѣмъ качественное: богатый ѣлъ больше и слаще, пилъ чаще, а ужъ если былъ очень богатъ, то замѣнялъ домашній медъ виномъ византійской доставки; богатые люди носили платье „свѣтло и славно“ изъ иностранныхъ шелковыхъ и парчевыхъ тканей, употребляли дорогія украшенія, дорогую, подчасъ иноземную посуду, такое же оружіе, сбрую, держали многочисленную прислугу, свиту, часто сзывали гостей, устраивали пиры, тѣшились музыкою, скоморохами. Современный

патерикъ Святослава см. выше с. 82—83; Святославъ, по разсказу Патерника, тоже пожертвовалъ на постройку Петерской церкви 100 гривенъ золота (с. 113).

¹⁾ Патерникъ с. 123; вспомнить также пожертвованіе тысяцкаго Георгія на окошку гроба св. Феодосія 500 гривенъ серебра и 50 золота (ibid. с. 114).

²⁾ Диргемъ (искаженіе слова „драхма“)—серебряная монета, цѣнностью около 80 мон. серебромъ—Савельевъ Мушкет. пунжи. с. XIX—XX, XXX.

писатель, говоря о княжескомъ великогѣшн, такъ изображаетъ его: „гдѣ слава мира сего, и баграница и брачины (родъ парчи), серебро и золото, вина, медъ и брашна честная, и быстрые кони и величии, и мѣнья многа и дани и чести бещисленныя, и гордѣнья яже о боярѣхъ своихъ“; о пирахъ и развлеченіяхъ мы будемъ еще говорить; а вотъ какъ описывается, на примѣръ, выѣздъ знатнаго княгиня: „одѣвса въ одежду свѣтлу и тако въсѣдъ на конь поѣха къ старцю, и отроки бѣша окрестъ его ѣдуще, и другіе кони вѣдуще предъ нимъ въ твари (утвари)“¹⁾. Что до тогдашней роскоши въ убранствѣ— о ней дають полное представленіеклады туалетныхъ принадлежностей, находимыя на территоріи Киевской земли, преимущественно въ самомъ Киевѣ; тутъ встрѣчаются массивныя золотыя и серебряныя цѣпи, мониста, серебряныя шейныя гривны, массивныя серебряныя и золотыя серьги, носившіяся на головномъ уборѣ, медальоны, браслеты, кольца и т. п.; все это, дѣйствительно, роскошное, богатое и часто очень изящное²⁾. Въ источникахъ также упоминаются золотыя гривны и цѣпи, носимыя боярами и ближайшими отроками, золотыя серьги дорогіе иноземныя сосуды³⁾. Серебряныя украшенія, гривны и серьги, были довольно распространены и среди средняго городского населенія, какъ показываетъ извѣстіе о контрибуціи, наложенной Володиміромъ на жителей Мнѣска⁴⁾; въ этой средѣ употреблялись также болѣе дешевыя украшенія изъ стекла, мѣди, низкопробнаго серебра; особенно широко были распространены браслеты изъ цвѣтнаго сте-

¹⁾ Сказаніе о Борисѣ и Глѣбѣ—изд. Срезневскаго с. 46, Житіе Феодосія л. 7. Очень полную картину жизни богача даетъ одно поученіе о милостинѣ, извѣстное въ спискахъ XII в.; въ дальномъ издѣ оно было издано Срезневскимъ въ Свѣдѣн. и записк. LXCVIII (Слово Иоанна Златоустаго о второиъ врѣмествѣи Христовѣи и о милостинѣи и о богатѣи и о Лазарѣ (ср. у Мошкова Х р 881, arguta—сокращенный переводъ этого слова составляетъ первую часть нашего поученія). Самое описаніе жизни богача извѣстно въ двухъ изводахъ, различающихся многими бытовыми подробностями (сводный текстъ его см. у Срезневскаго ibidem с. 553—554); но я, къ сожалѣнію, не знаю, насколько можно пользоваться ими при изученіи современнаго русскаго бита.

²⁾ См. напр. описанія нѣкоторыхъ мѣлодѣвъ въ Киевск. Стар. 1866 кн. VII с. 124—5, 127, 139—141.

³⁾ Ипат. с. 93, 264, 290 (студии); въ Несторовомъ Читеніи о Борисѣ и Глѣбѣ: „злати колци, яже поимаше въ унию свою“ (въ изд. Водискаго с. 22, въ изд. Срезневскаго с. 87).

⁴⁾ Ипат. с. 269.

гла—они во множествѣ встрѣчаются всюду среди остатковъ того-временнаго быта.

Насколько благосостояніе было вообще распространено въ народной массѣ, объ этомъ, за недостаткомъ опредѣленныхъ свѣдѣній, можно дѣлать лишь болѣе или менѣе вѣроятныя предположенія. Кіевская земля на своемъ протяженіи располагала разнообразными природными богатствами; кругъ промысловъ, запасъ техническихъ свѣдѣній того времени въ сущности не слишкомъ сильно отставалъ отъ современнаго сельскаго обихода; въ спросѣ на продукты, благодаря развитію торговли, тоже не было недостатка. Повидимому, особенно благоприятно складывались условія народнаго достатка въ юго-восточной части земли—но здѣсь же народный трудъ, развитіе благосостоянія и культуры встрѣчали для себя и сильныя препятствія, именно въ княжескихъ усобицахъ и набѣгахъ степняковъ. Относительно княжескихъ усобицъ въ ученой литературѣ были высказываемы успокоительныя воззрѣнія: князья вели войны между собою, а не съ народомъ, потому отъ усобицъ страдало главнымъ образомъ имущество самихъ князей и дружинъ, населеніе же воюющіе щадилъ, и потому усобицы не оказывали особенно губительнаго дѣйствія на его культуру и благосостояніе ¹⁾. Въ этомъ воззрѣніи есть доля правды—князья дѣйствительно имѣли побужденія щадить населеніе; но, во первыхъ, они не всегда слѣдовали этимъ побужденіямъ, а главное—помимо ихъ доброй воли, самый способъ тогдашней войны былъ таковъ, что она не могла не ложиться тяжело на населеніе. Лѣтописи дѣйствительно выражаются иногда очень лаконически о военныхъ дѣйствіяхъ и своими выраженіями даютъ поводъ думать, что дѣло обходилось мирно, безъ обиды населенія, но иногда они проговариваются нѣкоторыми подробностями, и тогда оказывается совсѣмъ иное: всѣ эти приходы и проходы ратей, не только чужихъ, но даже и своихъ, сопровождался для земли всякими „тагатами“ и „пакостями“, рати непремѣнно творили „много зла“ и „многогъ нужу“ мирному населенію, уводя полонъ, забывая скотъ и припасы, истребляя остальные пожитки. Нельзя было себѣ представить войны безъ полону и добычи; да уже одинъ то-

¹⁾ См. напр. Погодина Исслѣд. У с. 51, 63, 70, Вильева Разсказъ I с. 199—200, 220; справедливыя возраженія противъ крайностей этого воззрѣнія были высказаны Соловьевымъ (III с. 40).

гдашній способъ фуражировки, „зажитія“, чего стоило!... Если во время рати городъ и успѣвалъ отсидѣться, то подгородніе и сельскіе запасы, постройки гнили непремѣнно. Всѣ эти тягости еще усугублялись, когда въ рядахъ войскъ (что было слишкомъ часто) оказывались „поганые“; если черные клобуки, лившіеся на защиту Кіева въ 1151 г., „велику пакость створиша, оно ратни, а оно своѣ, и монастыри оторгоша, и села пожгоша, и огороды вси посъкоша“¹⁾— то что же дѣлали они или половцы въ чужой землѣ? Посѣщеніе земли половцами въ качествѣ союзниковъ какого-нибудь князя очень мало разнилось отъ обыкновеннаго половецкаго набѣга. О разорительности послѣднихъ нѣтъ надобности распространяться—въ этомъ, кажется, никто не сомнѣвался. При этомъ нужно замѣтить, что Кіевская земля, благодаря тѣмъ политическимъ условіямъ, о которыхъ говорено было выше, подвергалась нашествію враждебныхъ ратей такъ часто, какъ ни одна изъ русскихъ земель, да и отъ степняковъ терпѣла послѣ Переяславской волости наиболѣе; очень мало можно указать такихъ періодовъ, когда она не подвергалась то тому, то другому изъ этихъ бѣдствій²⁾. Отъ тѣхъ и отъ другихъ особенно страдала южная и юго-восточная части Кіевщины—здѣсь былъ театръ всевозможныхъ усобицъ и половецкихъ набѣдовъ: тутъ были сосредоточены важнѣйшіе города, обладаніе которыми отдавало подъ власть претендента всю землю, здѣсь представлялась наиболѣе цѣнная и лакомая добыча, а главное—тутъ не было, какъ въ сѣверной части земли, дремучихъ лѣсовъ и тущобъ, препятствовавшихъ движеніямъ ратей и летучихъ экскурсій половецевъ. Къ этой южной полосѣ можно ближайшимъ образомъ отнести знаменитую картину запустѣнія Русской земли въ Словѣ о полку Игоревѣ, когда въ князьихъ крамолахъ „погибашеть жизнь Даждьбожа внука“.

Подъ вліяніемъ этихъ причинъ населеніе отодвигалось со степныхъ, черноземныхъ пространствъ на сѣверъ, въ глубь лѣсовъ кіев-

¹⁾ Ипат. с. 296.

²⁾ Таблицы кіевскихъ усобицъ и половецкихъ набѣговъ см. у Погодина—Исаѣд. У с. 46 и 148 (также у Соловьева I. с.); эти таблицы впрочемъ нуждаются въ дополненіяхъ, особенно послѣдняя: сюда не включены данія изъ подлѣвскихъ сводовъ, сообщавшихъ довольно много свидѣній о половецкихъ вторженіяхъ, которыхъ не ищется въ древнихъ лѣтописяхъ и подлинности которыхъ во большей части нѣтъ повода подозревать.

скаго Полѣсья: тамъ жилось не такъ сытно и привольно, за то спокойнѣе. Можно сказать, населеніе южной Кіевщины было подвержено постояннымъ приливамъ и отливамъ, сообразно улучшенію или ухудшенію вѣшнихъ условій здѣшняго быта. Не только теперь, но и позже, пока продолжались набѣги степняковъ, Полѣсье въ общемъ было прочнѣе заселено, гуще засажено землевладѣльцами, чѣмъ южная полоса. Такимъ образомъ вѣшнія, политическія условія препятствовали естественному распредѣленію населенія и эксплуатаціи естественныхъ богатствъ.

Препятствіе встрѣчало народное благосостояніе и въ разнаго рода правительственныхъ тягостяхъ. Есть много основаній думать, что содержаніе княжьяго двора, администраціи—и особенно войска тяжело ложилось на населеніе. И эта тяжесть имѣла тенденцію не уменьшаться, а увеличиваться съ теченіемъ времени, съ раздробленіемъ князьихъ владѣній, умноженіемъ усобицъ, упадкомъ промышленности и торговли въ большихъ городахъ, служившихъ раньше главными источниками князьихъ доходовъ. Можно отмѣтить при этомъ то лишь благоприятное обстоятельство, что правительственные налоги взимались сырыми продуктами. Другое благоприятное условіе—что населеніе, какъ было сказано, не имѣло нужды въ привозныхъ продуктахъ первой необходимости (исключая соли) и обходилось туземными произведеніями. При всемъ томъ довольство едва ли было широко распространено въ массѣ населенія; большое число несвободныхъ, легкость закрѣпощенія служить въ этомъ отношеніи очень дурнымъ признакомъ ¹⁾.

Неблагоприятныя политическія и экономическія условія, въ которыхъ жило населеніе въ рассматриваемый періодъ, хотя и живо чувствовались имъ, не забали однако народа, не лишили его бодрости и энергіи—очевидно онъ обладалъ добрымъ запасомъ этихъ качествъ. Насколько можно судить по имѣющимся свѣдѣніямъ, видно, что полянское племя отличалось бодрымъ, открытымъ, веселымъ характеромъ, но, сообразно тому состоянію культуры, нѣсколько грубымъ и чувственнымъ (свѣдѣнія наши опять-таки таковы, что относить ихъ ближайшимъ образомъ можно лишь къ населенію Кіева и его окрест-

¹⁾ См. у Хлѣбникова Общ. и госуд. с. 229 сл.

ностей). Насколько въ народѣ распространены были всякія игрыща, ско-
морощества, пляски, съ гудцами и свирцами, съ гуслими и сопелями,
можемъ судить изъ обличеній христіанскихъ проповѣдниковъ; музыка
и скоморохи составляли непрехѣнную принадлежность княжескихъ,
а также, вѣроятно, боярскихъ дворовъ; весьма распространены были
пирь и попойки (что было неотдѣлимо), „съ плясаніемъ и гудѣніемъ“¹⁾;
въ употребленіи были большіе, всенародные пирь, которые устраи-
вались князьями народу, и наоборотъ—населеніемъ князьямъ; харак-
тернымъ образомъ ихъ служатъ пирь Владиміра Св.²⁾ Много-
численные источники свидѣтельствуютъ о большой свободѣ брачныхъ
отношеній, распространенности конкубината, двоеженства, частныхъ
разводовъ. Но при всемъ томъ нельзя, я думаю, обвинять кѣмъ въ
извѣженности, сибаритствѣ, какъ дѣлаютъ нѣкоторые ученые³⁾: въ
самой распущенности чувствуется избытокъ силъ, энергій молодого
народа, а не безсиліе изжившагося общества, и эта распущенность
не мѣшала народу быть храбрымъ, воинственнымъ. При мужествен-
ности и воинственности въ народномъ характерѣ не замѣтно жестокости:
это лучше всего показываетъ система наказаній; казни и убійства во-
обще рѣдко встрѣчаются въ политической исторіи земли, ихъ обыкно-
венно замѣняетъ заточеніе; съ этой стороны извѣстное свидѣтельство
лѣтописца о „кроткомъ и тихомъ обычаѣ“ полянъ заслуживаетъ нѣ-
котораго довѣрія⁴⁾. Конечно, этотъ кроткій обычай не препятствовалъ
современному человѣку непосредственно отдаваться чувствамъ злобы,
вражды; месть существовала, по обыкновенію, какъ юридическое
учрежденіе, хотя кровомщеніе, очевидно, еще раньше замѣнялось

¹⁾ См. напр. Ипат. с. 268, 325 (Воскр. I с. 61—2), 336; Житіе Феодосія г. 26;
Правило м. Іоанна—у м. Макарія II с. 372, также поученіе Георгія Зарубскаго (у Срез-
невскаго, Свѣдѣн. и замѣт. VII, с. 56). Аналогическія указанія находятся и въ извѣст-
номъ поученіи о казняхъ Вожихъ (въ лѣтописи—Ипат. с. 120, и съ именемъ Феодосія
Печерскаго—въ Учен. Зап. Ак. Н. II, 2 с. 193), но такъ какъ вопросъ объ отношеніи его
къ предполагаемому греческому оригиналу не выясненъ окончательно, то я и не рѣшаюсь
пользоваться имъ для характеристики современнаго бита; о немъ см. Срезневскаго Свѣд. и
зам. XXIV, специальное изслѣдованіе Вадковскаго въ Православномъ Соборѣ 1876,
IX с. 284 сл. (авторъ предполагаетъ въ лѣтописной версии дословный переводъ съ гре-
ческаго) и у Голубинскаго I, 1 с. 676—7.

²⁾ См. напр. Ипат. с. 86, 298, 290, 488; Никон. I с. 163.

³⁾ Костомаровъ Моногр. I с. 129 сл., Иловайскій Ист. Россіи т. I ч. 2 с. 15.

⁴⁾ Ипат. с. 7.

кнѣземъ, если сыновья Ярослава могли вовсе отгнѣнить его. Здоровое состояніе общества обнаруживается также въ значительномъ развитіи правъ женщины—она пользовалась довольно самостоятельнымъ положеніемъ въ семьѣ, владѣла своимъ особымъ имуществомъ, которое охранялось закономъ отъ посягательствъ мужа, по смерти мужа дѣлалась главою семьи, свободно являлась въ обществѣ¹⁾.

Слава, которая покрывала имена Кіева и „Руси“, первенствующее положеніе послѣдней среди прочихъ племенъ восточной Европы (хотя оно было результатомъ дѣятельности не народа, а князей дружины) не могли не положить также своего отпечатка на народномъ характерѣ. Въ началѣ этой главы я привелъ два изреченія, въ которыхъ выражается это чувство племенной гордости, славолюбія, сознанія собственнаго достоинства у киянина²⁾; особенно интересно изреченіе самого лѣтописца: бѣдствія, которыя обрушились на Кіевщину въ концѣ XI в., очевидно, не гармонировали съ народною гордостью, вызывали недоумѣнія и сомнѣнія, которыя хочеть разсвѣять авторъ. Но съ этимъ чувствомъ превосходства не соединялась національная исключительность или нетерпимость. Насколько можно судить, Русь жила въ тѣсномъ общеніи и съ востокомъ, и съ западомъ, и съ византійскимъ югомъ, подъ культурнымъ воздѣйствіемъ которыхъ выросла ея собственная культура. Если мы позже встрѣчаемъ въ литературныхъ памятникахъ что-либо похожее на исключительность, то это истекало изъ религіознаго, а не племеннаго чувства, да и тутъ приходилось сталкиваться со старымъ языческимъ индифферентизмомъ, заявлявшимъ, что „сию вѣру и ону Богъ далъ есть“. Дружелюбное общеніе съ латинскимъ западомъ и въ болѣе позднее время, въ рассматриваемый періодъ, отразилось между прочимъ и въ современной литературѣ; въ особенности интересны съ

¹⁾ О надѣлахъ княгини я говорилъ выше (с. 330)—см. Ипат. с. 38, 443, также с. 248 и Воскр. I с. 71—дворъ княгини Мстиславны въ Кіевѣ и ея же село Шоломица; ср. Рус. Прав. (по св. Карамзин. ст. 106, 113, 114, 116)—объ имущественныхъ правахъ женщ. О положеніи женщинъ въ семьѣ—см. Житіе Феодосія (напомню, что родители св. Феодосія были изъ Василева и уже по рожденіи сына переселились въ Курскъ); ср. также лѣтописный разсказъ объ онежѣ Ольги. Объ участіи женщинъ въ играхъ см. Праздн. м. Іоанна ст. 25 и 30—у м. Макарія II с. 374, 375. Иной взглядъ на положеніе женщинъ у Хлѣбникова, Общ. и госуд. с. 372.

²⁾ Ипат. с. 157, 310.

этой точки зрѣнія два памятника—это сказаніе о перенесеніи мощей св. Николая въ Барн (оно интересно также потому, что указываетъ на существованіе непосредственныхъ сношеній съ Италією) и латинская легенда о третьемъ крестовомъ походѣ, включенная въ составъ Кіевской лѣтописи: въ обоихъ памятникахъ описываемыя событія разсматриваются совершенно съ латинской точки зрѣнія ¹⁾).

Таковы были свѣтлыя и темныя стороны народной жизни, насколько ихъ можно уловить въ случайныхъ указаніяхъ источниковъ. Дальнѣйшее развитіе общества совершалось подъ великимъ влияніемъ христіанства. Когда впервые проникло оно къ нашимъ племенамъ, неизвѣстно, но къ началу удѣльно-вѣчеваго періода христіанство существовало у полянъ уже гораздо болѣе столѣтія; торговли и военныя сношенія съ Византією и западными государствами издавна знакомы ихъ съ христіанствомъ, и нѣтъ никакой надобности возводить варяжскихъ авантюристовъ на степень просвѣтителей полянъ, чтобы объяснить себѣ появленіе его здѣсь. Первоначально христіанство распространялось естественнымъ путемъ, медленно и свободно, затѣмъ оно было объявлено государственною религією и стало вводиться принудительно. Распространеніе его шло, такъ сказать, по радіусамъ отъ Кіева. Въ самомъ Кіевѣ, гдѣ почва была подготовлена прежнею проповѣдью, въ ближайшемъ сосѣдствѣ духовенства и князьего двора, оно распространилось легко и по внѣшности прочно. Извѣстно свидѣтельство о громадномъ числѣ церквей въ Кіевѣ, доходившемъ до нѣсколькихъ сотъ; весьма вѣроятно, что домовая церковь уже тогда стала необходимою принадлежностью всякаго богатаго двора; какъ справедливо замѣтилъ проф. Голубинскій, эпизодъ съ Янемъ Вышатичемъ показываетъ, что важные бояре обыкновенно имѣли при себѣ священниковъ во всѣхъ путешествіяхъ безотлучно; въ сохранившейся грамотѣ константинопольскаго патріарха кіевскому митрополиту 1228 г. указывается на обыкновеніе богатыхъ людей, очевидно, желавшихъ имѣть своихъ священниковъ, отдавать въ ученые рабовъ; эти обученные рабы затѣмъ посылались къ епископу для поставленія въ священнической санъ и оставались въ рабскомъ званіи и послѣ посвя-

¹⁾ Сказаніе о перенесеніи мощей св. Николая заимствовано у м. Макарія, въ приложеніяхъ, II с. 343 сл., о немъ см. у Голубинскаго I, 1 с. 641—2; легенда—въ Иват. л., с. 449.

щенія). Но успѣхи христіанства были и здѣсь болѣе внѣшними: подъ внѣшностью христіанъ и даже „христіолюбцевъ“ жило старое язычество съ его распущенностью. Исторія Кіевской земли представляетъ множество примѣровъ обмановъ, клятвopеступленій, насилій; памятники, преимущественно церковные, свидѣтельствуютъ о томъ, что безпорядочность брачныхъ отношеній продолжалась; охотники до пиря устранивали попойки подъ самыми благовидными предлогами: такъ и. Іоаннъ обличаетъ въ своемъ „Правилѣ“ обычай устраивать въ монастыряхъ пиры и приглашать на нихъ мужчинъ и женщинъ, щеголяя другъ предъ другомъ, кто задастъ лучшей пиръ²⁾. Сюда же до нѣкоторой степени относятся и праздничные пиры, и пиры, устраивавшіеся для духовнаго чина³⁾. „Мірскіе люди, замѣчаетъ Н. И. Костомаровъ, дѣлали уступки благочестію до извѣстной степени, соглашались признавать грѣшнымъ то, что имъ называли грѣшнымъ, но въ то же время продолжали жить попрежнему“⁴⁾. По мнѣнію глубоковважаемаго историка, это имѣло деморализующее вліяніе, порождало лжедѣліе; такъ, но съ другой стороны, съ точки зрѣнія прогресса понятій было и то важно, что хотя на словахъ признавалось несправедливымъ то, что раньше считалось вполне законнымъ или безразличнымъ.

Если такимъ образомъ даже въ городскихъ центрахъ большинство принимало христіанство внѣшнимъ образомъ, то чѣмъ дальше отъ нихъ, тѣмъ языческая стихія становилась сильнѣе: господствовало двоедѣліе, старыя понятія прилаживались къ новымъ, а то сохранялось и дѣлкомъ язычество, едва лишь прикрытое новымъ именемъ; на христіанскіе праздники переносились языческіе обряды, на христіанскіе обряды—языческія представленія; напримѣръ, панихиду раз-

²⁾ Гранота эта помѣщена у и. Мазарія т. III, въ приложеніяхъ, с. 321; о доковихъ свѣдѣніяхъ см. у проф. Голубинскаго I, 1 с. 400—402.

³⁾ Правило и. Іоанна—у и. Мазарія II с. 375. Весьма характерно обмѣненіе пиря на пирахъ чина въ честь Христа, Богородицы и святыхъ, съ чтеніемъ тропарей, о которомъ сообщается въ поученіи о псалмѣхъ, приписываемомъ Θεодосію Петерскому (Уч. Зап. Ак. Н. II, 2 с. 197); но туземное происхожденіе этого поученія также подозрѣвается—см. упомянутую статью г. Вадиовскаго с. 296—297 и Голубинскаго I, 1 с. 675—677 (возраженія). Объ этомъ же обмѣненіи говоритъ „Заповѣдь св. отецъ“ о псалмѣхъ—см. у Срезневскаго Свѣдѣн. и зам. LVIII.

⁴⁾ Ипат. с. 36, 428, 458.

⁵⁾ Монографія I с. 259.

считали какъ языческую тривну—остатки этого взгляда сохранились и понинѣ; „простые люди“ заключали браки безъ церковнаго освященія, „съ плясаніемъ, и гудѣніемъ, и плесканіемъ“, предоставляли вѣнчаться князьямъ и боярамъ; а въ захолустьяхъ, вѣроятно, и въ Киевской землѣ молились, „жрали“, у болотъ, колодезей и роць¹⁾. Тѣмъ не менѣе христіанство въ общемъ все же было распространено въ Киевской землѣ гораздо болѣе широко и прочно, чѣмъ въ другихъ земляхъ; между тѣмъ какъ въ Новгородѣ во второй половинѣ XI в. волхвы привлекали на свою сторону поголовно все населеніе, въ Киевѣ, когда появился волхвъ, предсказывавшій со словъ явившихся ему пяти боговъ разные удивительные феномены („яко на пять лѣтъ Днѣпру потещи всплать, а землямъ переступати на нна мѣста, яко стати Грѣчкой земли на Руской земли, а на Русской Грѣчкой, и прочимъ землямъ измѣнитиса“) и, вѣроятно, призывавшій при этомъ народъ къ возстановленію дѣдовской религіи,—нашлась въ обществѣ часть „вѣрныхъ“, которые встрѣтили эти пророчества насмѣшками, и только на „невѣгласихъ“ они произвели впечатлѣніе²⁾; чрезъ нѣкоторое время волхвъ исчезъ: вѣроятно, правительство позаботилось избавить невѣгласовъ отъ соблазна³⁾.

Въ какомъ направленіи христіанство вліяло на общество, объ этомъ можно отчасти судить по тому, на какія стороны жизни обращали свое вниманіе проповѣдники, съ чѣмъ они боролись и что насаждали. Первою задачею ихъ было, конечно, искорененіе язычества, его обрядовъ, праздниковъ и насажденіе христіанства. Въ сферѣ нравственности ихъ проповѣдь была по преимуществу проповѣдью любви и воздержанія, особенно послѣдняго: и само по себѣ христіанство есть религія самоотреченія, въ добавокъ оно явилось къ намъ, пройдя сквозь горнило аскетизма. Духовенство вооружалось противъ злости и вражды, противъ мести, проповѣдывало милость и смиреніе; несомнѣнно, подъ вліяніемъ его совершилась отиѣна мести, какъ юридическаго института; исходя изъ того же принципа любви, духовенство возставало противъ „рѣзонства“ и „прикладовъ“, требовало

¹⁾ См. Правилу м. Іоанна ст. 15 и 31—у м. Макарія II с. 372 и 376; о наказаніяхъ говорится въ вышеупомянутомъ заводоуришномъ словѣ о вѣнчаніи.

²⁾ Ипат. с. 123.

³⁾ Ср. Ист. рус. цер. проф. Голубинскаго I, 1 с. 183—184.

уничтоженія „рѣзовъ“ или по крайней мѣрѣ уменьшенія; кто беретъ большіе проценты, говоритъ м. Никифоръ, тотъ ѣстъ плоть брата своего, „закалая его злымъ ножемъ—лихоиманіемъ неправедныя мзды тяжкаго рѣза“. Изъ того же источника главнымъ образомъ исходила и проповѣдь противъ общественныхъ нестроений—противъ княжескихъ усобицъ, въ противовѣсъ которымъ проповѣдывалось послушаніе старѣйшимъ и „непреступаніе предѣла брата“, противъ неправосудія и всякаго рода неправдъ и притѣсненій князьихъ чиновниковъ и самихъ князей¹⁾. Еще энергичнѣй дѣйствовало духовенство противъ пьянства и безпорядочности брачныхъ отношеній—эти пороки занимаютъ едва ли не самое видное мѣсто въ обличеніяхъ проповѣдниковъ; „пѣанство—вольный бѣсъ, пѣанство—дщи діавола, пѣанство—уму смерть; погубившій бо умъ скотины пуши есть“, говоритъ тотъ же м. Никифоръ; этимъ порокамъ церковь противопоставляла проповѣдь строгаго поста, покаянія и воздержанія отъ мірскихъ развлеченій²⁾. На нашъ взглядъ духовенство въ своей проповѣди доходило иногда до крайностей и излишествъ; такъ оно весьма неодобрительно относилось къ своморохамъ, музыкѣ и пляскѣ, къ народнымъ игрищамъ; вооружаясь противъ распущенности, относилось неодобрительно къ третьему, иногда даже ко второму браку; противодѣйствуя свойственному язычеству индифферентизму и наклонности ко всякаго рода компромиссамъ въ дѣлѣ вѣры, оно доходило до проповѣди нетерпимости къ иновѣрцамъ, запрещая православнымъ не только родниться съ ними, но даже вступать въ сношенія, ѣсть изъ одной посуды и пр.; при этомъ обрядовой сторонѣ придавалось слишкомъ большое значеніе, такъ что католики и армяне ставились на одну доску съ евреями, магометанами и язычниками³⁾. Такое направленіе отчасти

¹⁾ Поученіе къ недѣлю сиропустную (у м. Макарія II с. 366—7) и посланіе къ Мономаху м. Никифора (Рус. Достоя. I с. 71—2), см. также посланіе Іакова (у Макарія II с. 341), поученіе Θεодосія о терпѣніи и любви (Уч. Зап. Ак. Н. II, 2 с. 205—206) и посланіе къ Исидору (ibid. с. 217 и сл., и въ Ист. р. д. Макарія с. 338; о личности автора см. еще у Голубинскаго I, 1 с. 699). Объ общественныхъ темахъ древнерусской проповѣди см. у Дяконова—Власть московскихъ государей с. 32—37, 47—49.

²⁾ Поученіе Никифора I с., посланіе къ Мономаху с. 61—63, поученіе Θεодосія—въ Плат. с. 129—130, посланіе Іакова с. 339—340, Правило м. Іоанна ст. 30 (с. 375). О проповѣди духовства противъ пьянства см. специальную статью въ Правосл. Собес. 1862, ч. I с. 263 сл.

³⁾ Напр. о развлеченіяхъ см. житіе Θεодосія л. 26, поученіе Георгія Зарубскаго

вполнѣ понятно и зависѣло отъ современныхъ культурныхъ условий (такъ играща стояли въ тѣсной связи съ языческимъ культомъ, при томъ эти игры, пляски, скачорощества отличались, вѣроятно, чувственностью и распущенностью), отчасти же оно должно быть объяснено нѣкоторымъ охлажденіемъ христіанскаго духа и приверженностью къ внѣшнему обряду въ то время въ самой Греціи, откуда почерпалось наше христіанство. Характернымъ явленіемъ въ этомъ отношеніи были споры о постѣ въ господскіе праздники, возникшіе въ половинѣ XII в. и живо интересовавшіе высшіе слои общества; князья отправляли пословъ въ Византію за разрѣшеніемъ ихъ, а сѣверный гѣтописецъ даже разореніе Кіева 1169 г. объяснялъ Божьимъ наказаніемъ за „митрополитчу неправду“ въ этомъ вопросѣ¹⁾. Впрочемъ отрицательныя явленія, къ которымъ могло привести, или содѣйствовать, этого рода направленіе,—какъ преувеличенная преданность обряду и буквѣ, національная и религіозная исключительность, самодовольство и самопоклоненіе не развились на почвѣ нашей земли, благодаря ея историческимъ и культурнымъ условіямъ.

Глубокое значеніе для общественной жизни должно было имѣть ученіе, что въ христіанской церкви „нѣсть рабъ ни свободъ, но всѣческая и во всѣхъ Христосъ“—это ученіе шло навстрѣчу демократическому чувству народа и отчасти смягчало тѣ аномаліи общественнаго строя, о которыхъ мы говорили выше. Другая весьма важная сторона христіанства—это „ученіе и почитаніе книжное“, которое въ связи съ проповѣдью старалось распространить духовенство и которое открыло невѣдомую и богатую область народному уму. Важно также было самое появленіе духовнаго сословія: дорогу къ почету, къ славѣ открывало здѣсь образованіе, нравственность; такимъ образомъ наряду съ матеріальнымъ могуществомъ, капиталомъ, получаетъ въ обществѣ право гражданства духовная сила. Въ политическомъ отношеніи христіанство собственно для Кіевской земли не

(въ Свѣдѣн. и зам. Срезневскаго, VII). О бракѣ см. у м. Іоанна ст. 17 (с. 373), ср. также „Заповѣдь“ м. Георгія ст. 47, 49, 165—у Голубинскаго I, 1 с. 515, 526—см. еще объ этомъ у него же I, 2 с. 387. Объ инокѣрцахъ см. напр. Посланіе Θεοδοσία въ Исаелазу (Уч. Зап. с. 215, 218, у Макарія II с. 337) и Правилу м. Іоанна ст. 19—29 (с. 373, 375).

¹⁾ Лавр. с. 334 и 336; см. объ этихъ спорахъ особенно у Голубинскаго, I, 2 с. 398 сл., также у арх. Филарета I с. 97 сл., м. Макарія II с. 106 сл.

принесло ощутительныхъ результатовъ; ученіе о божественномъ происхожденіи власти и обязанности повиновенія не успѣло утвердиться здѣсь въ до-монгольскій періодъ; а если что и было сдѣлано въ этомъ направленіи, и то исчезло въ послѣдующіе вѣка. Положеніе Кіева въ ряду другихъ городовъ, какъ митрополіи и центра духовной жизни, возвышало престижъ кіевскаго князя, но реальныхъ преимуществъ не давало. Сношенія съ Греціею, поддерживаемыя іерархическими отношеніями, также не имѣли особеннаго политическаго значенія (иное дѣло—вліяніе культурное). Церковный строй имѣлъ развѣ только то значеніе во внутреннемъ строѣ земли, что возвышалъ Кіевъ еще болѣе въ ряду пригородовъ и способствовалъ сплоченію земель Полянскій и Древлянскій, такъ какъ послѣдняя во все время была лишена іерархической самостоятельности и зависѣла отъ кафедръ, находившихся въ землѣ Полянскій.

Если большинство, какъ сказано, принимало христіанство болѣе или менѣе внѣшнимъ образомъ, за то люди, обладавшіе болѣе чуткимъ духомъ и нравственнымъ чувствомъ, отнеслись къ нему со всѣмъ пыломъ неофитовъ, беззаветно, всецѣло отдаваясь усвоенію и осуществленію новой религіи, и дѣйствительно достигали высокаго духовнаго и нравственнаго совершенства. Въ агиографическихъ произведеніяхъ того времени прекрасно отразился тотъ духовный подъемъ, то живое, непосредственное чувство, которымъ были проникнуты лучшіе люди современнаго общества. Такъ какъ то была эпоха сильнаго развитія монашества, то у насъ, какъ и въ Греціи, искреннее отношеніе къ христіанству отливалось по большей части въ форму монашескую, въ отреченіе отъ міра и посвященіе себя аскетическимъ подвигамъ. Въ уваженіи къ монашеству иногда доходили до крайности и приходили къ ложному выводу, что монашество—единственный путь во спасенію, внѣ котораго невозможна богоугодная жизнь. Отсюда происходило раздвоеніе жизни; аскетическій элементъ, по словамъ Н. И. Костомарова, умножая монастыри, оставлялъ за ихъ стѣнами грѣшный міръ самому себѣ, связывая его только внѣшними признаками съ религіею; міръ оставался безъ нравственныхъ идеаловъ, которые непременно являлись въ монашеской оболочкѣ¹⁾. Это однако

¹⁾ Мемографіи I с. 256, Рус. истор. въ жизнеопис. I с. 33--35.

приложимо только къ крайнимъ увлеченіямъ монашествомъ; лучшие люди никогда не доходили до полного отрицанія мірской жизни и не лишали ея идеальныхъ стремленій¹⁾. Съ теченіемъ времени уваженіе къ монашеству усиливалось, явился обычай постригаться предъ смертью; изъ кievскихъ князей, по лѣтописи, первый принялъ постриженіе Святославъ Всеволодичъ (1194), по нѣкоторымъ другимъ извѣстіямъ—еще отецъ его былъ постриженъ, съ именемъ Кирилла²⁾; затѣмъ это извѣстно о Давидѣ и Мстиславѣ Мстиславичахъ; широкаго распространенія этотъ обычай здѣсь однако не достигъ: просвѣщенное духовенство даже энергично возставало противъ такого обыкновенія³⁾.

Монастыри появились у насъ непосредственно за распространеніемъ христіанства; въ половинѣ XI в. въ Кіевѣ уже было нѣсколько монастырей мужскихъ и женскихъ; по мнѣнію проф. Голубинскаго, появленію настоящихъ монастырей предшествовали еще монастыри несобственные—въ видѣ отдѣльныхъ келій у приходскихъ церквей⁴⁾. Но заслуга организаціи и утвержденія монашества принадлежитъ собственно св. Феодосію († 1074): то была, можно сказать, самая крупная личность XI в., оставившая наиболѣе глубокой слѣдъ въ исторіи нашей культуры. Заставъ при своемъ вступленіи на игуменство Печерскаго монастыря всего двадцать монаховъ, онъ за неособенно долгое свое управленіе (около 12 лѣтъ) довелъ число братіи до ста челоувѣкъ⁵⁾, въ концѣ же XI в. число ея доходило до ста восьмидесяти⁶⁾;

¹⁾ См. напр. рассказъ лѣтописи о св. Феодосіи и Игѣ—Нявѣ. с. 149, также с. 363 (о игуменѣ Познкарѣ и кн. Ростиславѣ).

²⁾ Въ Печерскомъ поманникѣ, списокъ котораго, приготовленный для Чтецкаго Общ. Нестора я нѣкогда случай просмотрѣлъ, въ спискѣ кievскихъ князей читается: „великаго князя Всеволода Кіевскаго, въ иноцѣхъ Кирилла, великаго князя Георгія, убиенаго въ Кіевѣ“. Изъ трехъ кievскихъ Всеволодовъ здѣсь естественнѣе всего видѣть Всеволода Ольговича, основателя Кирилловскаго монастыря, тѣмъ болѣе, что упоминаемый рядомъ съ нимъ Георгій есть, несомнѣнно, Игорь Ольговичъ.

³⁾ Патерикъ с. 185—186 („а глаголюй же сице: аще видите мя умирающа, тогда пострижете мя, сего суетна вѣра и постриженіе“).

⁴⁾ Ист. рус. пер. I, 2 с. 415 сл.

⁵⁾ Нявѣ. с. 112; игуменомъ Феодосіемъ былъ поставленъ около 1063 г., по свидѣтельству Нестора (Житіе Феодосія л. 10 об.); въ показаніяхъ объ этомъ Нестора и началнаго лѣтописца есть разногласіе, объ этомъ см. у г. Голубинскаго (I, 2 с. 478).

⁶⁾ Патерикъ с. 190; описываемая въ этомъ рассказѣ событія происходили, по мнѣнію моему, недолго спустя послѣ несчастія съ Нявѣю затворникомъ, которое еще было съ-

и́вѣстѣ съ тѣмъ **Феодосіѣ** ввелъ въ монастырѣ строгій порядокъ и правильную организацію, по образцу монастырей Студійскаго устава. Благодаря этому, Печерскій монастырь занялъ первое и исключительное мѣсто среди прочихъ монастырей, служилъ какъ бы монашескою метрополіею: по образцу его организовались прочіе обители, изъ печерской братіи ставили игуменовъ и епископовъ; за до-монгольскій періодъ однихъ епископовъ вышло изъ него, по свидѣтельству св. Симо́на, еп. суздальскаго, до пятидесяти ¹⁾). Сложилась даже легенда объ особенной святости Печерской обители: всякій погребенный въ ней, хотя бы былъ грѣшнѣе, спасается молитвами св. Антонія и Феодосіа ²⁾); обліе высочихъ подвижниковъ въ этомъ монастырѣ служило какъ бы оправданіемъ этого взгляда: „Печерскій монастырь море есть, говорить тотъ же св. Симонъ, и не держитъ въ себѣ гнилого, но вмещаетъ вонъ“ ³⁾).

Всего въ Кіевской землѣ за до-монгольское время намъ извѣстно восемнадцать монастырей: св. Георгія, св. Ирины, Никольскій, Печерскій, св. Мины, св. Дмитрія, св. Симеона, Спасскій (Германечъ, на Берестовомъ), Влахернскій (Стефенечъ, на Клонѣ), Выдубицкій св. Михаила, Андреевскій (Ячнинъ), Лазаревскій, Михайловскій Златоверхій, Федоровскій, Кирилловскій, Васильевскій, Воскресенскій и Пречистыя Богородицы—въ Зарубѣ ⁴⁾); кромѣ послѣдняго, всѣ они на-

же въ память печерской братіи, а Никита вошелъ въ затвора въ концѣ княженія Ияслава (см. с. 128).

¹⁾ Патерикъ с. 90.

²⁾ См. Патерикъ с. 92, 90, 185, ср. обіщаніе Феодосіа въ его житіи (л. 28 об.): „и се еликоже насъ въ монастыри семь умреть, или игуменъ гдѣ отсылать, аще и грѣхъ будетъ кто сотворилъ, азъ знамъ о томъ вѣдѣть Богомъ отъидати“.

³⁾ Патерикъ с. 88.

⁴⁾ См. Паат. с. 104; 109; 112; 250; 127 и 162; 162, 168 и 201; 122; 144; 199; 239 457; Лавр. с. 434; Жит. Феодосіа л. 6 об., 8 об., 30 об.; ср. списки монастырей у м. Макарія (II с. 89 сл.) и проф. Голубинскаго (I, 2 с. 626—627). Списокъ можно составить только болѣе или менѣе приблизительный; такъ мѣстовахожденіе монастыря св. Мины (Житіе Феодосіа л. 8 об.) не оурачено точно, отождествленіе монастыря св. Сваса и Германеча все-таки гипотетично, о Златоверхомъ, какъ о монастырѣ, для этого времени прямого свидѣтельства нѣтъ; проф. Голубинскій причисляетъ къ кіевскимъ еще монастыря св. Козмы и Даміана (Патерикъ с. 88). Зарубскій монастырь, „слимлетъ Светое Пречистое“, существовалъ въ половинѣ XVI в. (см. описаніе кіевского замка въ Архивѣ Ю.-Зап. Россіи ч. VII, I с. 121); сопоставляя это извѣстіе съ извѣстіемъ Ипат. лѣт. о Книгѣ Сподлѣтѣ, выведенной изъ Заруба (с. 241), съ вѣроятностью можно предпола-

ходились въ Кіевѣ или въ окрестностяхъ его; на территоріи дре- лянь мы не знаемъ ни одного. Изъ этого числа тринадцать было мужскихъ и четыре женскихъ (св. Ирины, Никольскій, Ячичъ, Лазаревъ)¹⁾. Исторія возникновенія извѣстна только одинадцати изъ нихъ: девять изъ нихъ были основаны князьями и служили ихъ фамильными монастырями; такъ Ярославъ основалъ монастыри св. Георгія и св. Ирины, Иаиславъ—св. Дмитрія, Святославъ—св. Симеона, Всеволодъ—Выдубицкій и Андреевскій, Святополкъ—Златоверхій Михайловскій, Мстиславъ В.—Федоровскій, Всеволодъ Ольговичъ—Кирилловскій²⁾, Рюрикъ (вѣроятно)—Васильевскій. По инициативѣ монаховъ были основаны Печерскій и Влахернскій, а также, вѣроятно, Германецъ и Зарубскій; послѣдній, можетъ быть, также какъ и Печерскій, былъ основанъ „не златомъ и серебромъ, а пощеніемъ и слезами“, такъ какъ находился вдали отъ людей богатыхъ и власть имѣющихъ.

Что касается устройства монастырей, то по свидѣтельству начального лѣтописца, св. Феодосій ввелъ въ Печерскомъ монастырѣ Студійскій уставъ, „отъ него же монастыря приимахъ вси монастырѣ уставъ по всимъ монастыремъ“³⁾. Сличеніе извѣстій объ обиходѣ Печерскаго монастыря съ тѣмъ, что мы знаемъ о Студійскомъ уставѣ, дѣйствительно показываетъ, что Феодосій въ точности слѣдовалъ Сту-

гать существованіе такъ монастыря и въ XII в.; намятникомъ его осталось „Поученіе Георгія, черноризца Зарубскія земери“, относимое Срезневскимъ къ до-монгольскому періоду (назано имъ же въ Слѣдн. и Зак. VII, с. 54 сл. и проф. Владиславомъ въ Чтеніяхъ Общ. Нестора кн. IV с. 140—142). Къ XII в. преданіе относятъ и начало Межигорскаго Спаснаго монастыря (около Вышгорода) и приписываетъ основаніе его Андрею Боголюбскому (это преданіе принимаетъ и М. А. Максимовичъ въ своихъ изслѣдованіяхъ о Межигорскомъ монастырѣ—Собр. сочин. II с. 256—257); монастырь, конечно, могъ существовать въ XII в., но весьма сомнительно, чтобы основалъ его Андрей, такъ непріязненно относившійся къ Кіевичамъ и въ добавокъ—такъ мало жившій на югѣ; пріуроченіе это, вѣроятно, стоитъ въ связи съ домыслами, приписывавшими Андрею пошанованіе Лазаря пощениій и правъ ставропигія.

¹⁾ Андреевскій Ячичъ монастырь впрочемъ, можетъ быть, позже превращенъ былъ въ мужской, такъ какъ подъ 1128 г. (Ипат. с. 210) упоминается Григорій, игуменъ св. Андрея; см. м. Макарія II с. 98.

²⁾ Замѣчу, что о Кирилловскомъ монастырѣ въ лѣтописяхъ есть разнорѣчіе: въ однихъ случаяхъ созданіе его приписывается Всеволоду Ольговичу, въ другихъ—его женѣ—Ипат. с. 414, 457, Лавр. 391, см. объ этомъ у Максимовича Собр. сочин. II с. 161 сл.; противорѣчіе это можно примирить, приписавъ инициативу Всеволоду, а осуществленіе дѣла—его женѣ.

³⁾ Ипат. с. 118.

дѣльному уставу, который предписывалъ строгое общежитіе, отреченіе отъ собственности, полное равенство братіи между собою, порядокъ, постоянную молитву и трудъ ¹⁾. По позднѣйшія извѣстія Патерика о Печерскомъ монастырѣ показываютъ, что въ послѣдующее время тамъ не соблюдалось строго общежитіе, монахи имѣли личную собственность ²⁾. Въ какой мѣрѣ прилагался общежительный уставъ въ другихъ монастыряхъ, неизвѣстно. Кромѣ общежитія было весьма распространено затворничество, т. е. безысходное пребываніе и пустыничество въ отдѣльныхъ пещерахъ. Въ побережьи Днѣпра доселѣ сохранилось много пещеръ, служившихъ мѣстожительствомъ древнѣйшихъ обитателей земли, и это, вѣроятно, подало поводъ къ возникновенію здѣсь среди христіанъ подвижническаго пещерничества; пещеры со слѣдами отшельничества извѣстны въ Кіевѣ, кромѣ Печерскаго монастыря, — около теперешняго Цѣпного моста, въ горѣ Уздыкальницѣ (вѣроятно, около монастыря св. Симеона), затѣмъ у с. Лѣсниковъ, у Межигорья, у Заруба. Это былъ высшій видъ монашескаго подвижничества ³⁾.

Рука объ руку христіанствомъ шло распространеніе книжнаго образованія: „велика бо полза бываетъ человѣку отъ ученія книжнаго, замѣчаетъ лѣтописецъ, и книгами бо кажеми и учими есмь нуди покаянию и мудрость бо обрѣтаемъ и воздержаніе отъ словесъ книжныхъ“ ⁴⁾. Въ ученой литературѣ оцѣнка просвѣщенія до-монгольскаго періода вообще постепенно понижалась; если Карамзинъ былъ того мнѣнія, что въ до-монгольское время Русь не только не уступала въ просвѣщеніи Западной Европѣ, но и превосходила ее ⁵⁾, то новѣйшій ученый — проф. Голубинскій полагаетъ, что истинное образованіе и просвѣщеніе начало было, дѣйствительно, осмѣливаться въ правленіе Владиміра и Ярослава, но эти начатки затѣмъ погибли,

¹⁾ См. у проф. Голубинскаго I, 2 с. 502 сл., особ. 518—520.

²⁾ Патерикъ с. 98, 106, 107, 176—178, 185, ср. у проф. Голубинскаго I, 2 с. 522—523.

³⁾ О пещерахъ см. рефератъ В. В. Антоновича въ Читаніяхъ Общ. Нестора I с. 244 сл., также Опис. Кіева Загребскаго II с. 499—500, 708 сл., Сборникъ лѣтоп. отлосл. къ исторіи Южной и Запад. Россіи с. 84—85 (Уздыкальница), Кіевлянинъ на 1840 г. с. 68 сл. (Лѣсники), Средневѣскій Слѣдѣн. и зам. XIII и Похилевичъ Сказанія с. 594 (Заруба).

⁴⁾ Ипат. с. 107.

⁵⁾ Ист. Госуд. Рос. V с. 215.

и все русское просвѣщеніе ограничивалось только грамотностью; ни въ эту, ни въ предшествовавшую эпоху училищъ въ настоящемъ смыслѣ не существовало, а, по всей вѣроятности, люди, искавшіе духовнаго званія или вообще желавшіе учиться, поступали на выучку къ какому-нибудь грамотею ¹⁾. Что касается училищъ, то дѣйствительно, прямыхъ извѣстій о ихъ существованіи встрѣчаются только въ Татищевскомъ сводѣ, и эти извѣстія, какъ справедливо замѣтилъ проф. Голубинскій, очень сомнительны ²⁾; въ другихъ источникахъ объ ученіи говорится въ общихъ выраженіяхъ, изъ которыхъ не видно, идетъ ли рѣчь о правильно организованной школѣ, или нѣтъ; такой характеръ имѣетъ хотя бы извѣстіе лѣтописи о томъ, что Владиміръ, „пославъ нача поимати у нарочитой чади дѣти и дати на учение книжное“ ³⁾. Но такъ или иначе стояло дѣло со школами, все-таки, на мой взглядъ, проф. Голубинскій впадаетъ въ крайность; что удѣломъ большинства духовенства была простая грамотность, совершенно справедливо, но рядомъ съ нею существовало и высшее, литературное, риторическое образованіе—это видно изъ существованія такихъ сочиненій, какъ произведенія Кирилла Туровскаго, какъ похвальное слово Рюрику не-извѣстнаго автора, включенное въ лѣтопись, похвала св. Клименту и пр. ⁴⁾; въ дѣйствительности такихъ произведеній было, конечно, гораздо больше.

Представителями образованности были по преимуществу люди духовнаго чина; просвѣщеніе однако находило поддержку и со стороны князей и выдающихся бояръ; извѣстно книголюбіе Ярослава и Святослава Ярославича, образованность Всеволода, начитанность Мономаха; накопленные такими книголюбцами собранія книгъ по смерти, вѣроятно, отказывались церквямъ и монастырямъ и обогащали ихъ бібліотеки. При Софійскомъ соборѣ была заведена бібліотека старшіемъ Ярославомъ. Монастыри принимали значительное участіе въ на-

¹⁾ Ист. рус. цер. I, 1 с. 580 сл.

²⁾ Ibid. с. 709 сл.

³⁾ Ипат. с. 81; карамзинское извѣстіе о существованіи школъ въ древней Руси было подвергнуто основательной критикѣ еще въ Studien zur gründl. Kenntniss der Vorzeit Russlands Эверса—см. переводъ въ Архивѣ ист.-юр. свѣд. I отд. 3, с. 7 сл.

⁴⁾ Отрывки изъ похвалы св. Клименту, въ переводѣ, приведены у и. Макарія т. III с. 216—217; можно думать, что авторъ ея былъ не грекъ, потому что, по словамъ и. Макарія, осмѣляется на болгарскіе источники (ibid.).

сажденіи просвѣщеніи. По Студійскому уставу бібліотека являлась непрежѣнною принадлежностью каждаго монастыря, и посѣщеніе ея рекомендовалось братіи въ извѣстные часы¹⁾; насколько вообще наши монастыри слѣдовали своему образцу въ этомъ отношеніи, неизвѣстно, но въ Печерскомъ монастырѣ во время Θεодосія и позже книжное почитаніе и списываніе были значительно развиты — весьма вѣроятно, что самъ Θεодосій заботился о возможномъ процвѣтаніи ихъ. По извѣстіямъ преп. Нестора и Патерника, нѣкоторые монахи имѣли свои собранія книгъ и съ большимъ усердіемъ занимались чтеніемъ ихъ; существовала, повидимому, и монастырская бібліотека, помѣщавшаяся въ церкви на хорахъ; о преп. Никонѣ сообщается, что онъ часто занимался переплетомъ книгъ, причемъ самъ Θεодосій прядъ нити для этой работы; инокъ Иларіонъ постоянно занимался перепискою въ келіи Θεодосія²⁾. Эти извѣстія даются мимоходомъ, авторы, видимо, имъ не придаютъ особеннаго значенія: изъ этого можно заключить, что книжное дѣло было обычнымъ въ монастырѣ явленіемъ. Значительная доля извѣстныхъ намъ кіевскихъ оригинальныхъ произведеній принадлежитъ монахамъ.

Литература того времени имѣла преимущественно религіозный характеръ; умственная работа вѣка, по справедливому замѣчанію Хлѣбникова, состояла главнымъ образомъ въ усвоеніи Священнаго Писанія³⁾. Насколько развита была на ряду съ этою религіозною литературою литература свѣтская, національная, трудно судить по немногимъ дошедшимъ отъ нея остаткамъ, каковы Слово о полку Игоревѣ и обломки эпоса о борьбѣ Мономаха съ половцами. И о религіозной литературѣ и ея объемѣ мы не можемъ себѣ составить полнаго понятія, такъ какъ большинство дошедшихъ до насъ произведеній, оригинальныхъ и переводныхъ, не могутъ быть опредѣленно отнесены къ извѣстному времени или извѣстной области; видно однако, что литература эта, оригинальная и, еще болѣе, переводная, была довольно обширна. Любопытно, что изъ извѣстныхъ намъ оригинальныхъ кіевскихъ произведеній гораздо большая часть относится къ XI в.

¹⁾ Цитату см. у проф. Голубинскаго I, 2 с. 514 пр. 2, ср. еще с. 580 (о должности бібліотекаря).

²⁾ Житіе Θεодосія гл. 14, 16 и об. Патерникъ с. 101, 122, 136, 158.

³⁾ Общество и госуд. с. 361.

и началу XII в., чѣмъ къ послѣдующему времени; случайность ли это, или дѣйствительно литературная дѣятельность ослабѣла во второй половинѣ XII в., рѣшить трудно.

О кievскомъ искусствѣ я говорилъ уже выше. Замѣчу, что изъ прикладныхъ знаній мы имѣемъ еще вѣкоторыя свѣдѣнія о медицинѣ. Врачебное искусство, повидимому, довольно было распространено; но древнѣйшей Русской Правдѣ нанесшій увѣче долженъ былъ платити также за лѣченіе потерпѣвшаго— „лѣтцю мада“¹⁾. Въ Патерикѣ сообщается о знаменитыхъ кievскихъ врачахъ XII в.—иноземцахъ, армянинѣ и сирійцѣ²⁾: иноземное искусство, слѣдовательно, пользовалось болѣею славою, чѣмъ туземное. Рядомъ съ врачебнымъ искусствомъ, а также, вѣроятно, и въ тѣсной связи съ нимъ, существовало лѣченіе полхвованіемъ и чародѣйствомъ³⁾.

Этимъ я закончу свой очеркъ внутренняго строя и жизни Кievской земли въ до-монгольскій періодъ. Бросая общій взглядъ на нихъ, приходишь къ заключенію, что народъ обладалъ многими здоровыми, могучими задатками дальнѣйшаго развитія: въ немъ замѣчаемъ недюжинныя духовныя силы, энергію, видимъ у него значительныя успѣхи культуры и общественнаго развитія, видимъ проложенныя уже пути для дальнѣйшаго духовнаго совершенствованія, въ тѣсной связи съ греческимъ востокомъ, а также и съ латинно-германскимъ западомъ. Но историческія условія сложились неблагоприятно для дальнѣйшаго совершенствованія: въ политической жизни—тягостное, тормозящее всякое развитіе сосѣдство степи, ненормальное положеніе Кieва въ ряду другихъ русскихъ земель, рознь правительства и земства и немѣньше или невозможность установить извѣстныя нормы во взаимныхъ отношеніяхъ, въ общественной жизни—несовершенство и злоупотребленія администраціи, экономическое отягощеніе населенія и ненормальное развитіе капитала, нарушавшее общественное равновѣсіе, порождавшее тяжкую зависимость однихъ общественныхъ классовъ отъ другихъ, наперекоръ народному демократизму. Эти ненормальности, несомнѣнно, сильно тяготили земство и постепенно, одна больше, другія меньше, одна прямо, другія косвенно подготавливали народ-

¹⁾ Рус. Правда по св. Академ. ст. 2.

²⁾ Патерикъ 101 сл., 131 сл.

³⁾ Патерикъ с. 176.

ное движеніе для перестройки земскаго уклада. Такая перестройка, реформировка была необходима для того, чтобы вывести землю из состоянія апатіи и косности и постепеннаго, все усиливающагося упадка и захуданія. Какъ скоро, въ какихъ формахъ, какими средствами произведена была бы эта реформировка, если бы земля была предоставлена сама себѣ, мы не знаемъ: выѣшалась посторонняя сила, которая весьма облегчила и повліяла на эту реформировку, дала толчекъ ей; это было монгольское нашествіе.

VI.

Кіевская земля отъ монгольскаго нашествія до конца XIV в.

Кочились мінні вілли сухое осонь надме—
Хай поїдає...

„Описецъ Митуса“ І. Галки (Костомарова).

Начиная съ монгольскаго нашествія, въ теченіе по крайней мѣрѣ лѣтъ полутора ста, Кіевщина, можно сказать почти безъ преувеличенія, составляетъ въ исторіи пустое мѣсто. Скудость извѣстій, которая начинается ощущаться съ прекращеніемъ мѣстной, кіевской лѣтописи, достигаетъ въ этотъ періодъ чрезвычайной степени. Случайныя упоминанія лѣтописей сѣверныхъ и западныхъ, нѣсколько мѣстъ въ документахъ, нѣсколько гораздо позже записанныхъ извѣстій легендарнаго характера—вотъ наши источники! Извѣстія первыхъ двухъ категорій кратки, малосодержательны, въ большинствѣ лишь упоминаютъ о Кіевѣ, такъ что могутъ констатировать только его существованіе (таково въ особенности большинство извѣстій церковно-историческаго характера); весьма немногія проливаютъ какой-нибудь свѣтъ на положеніе земли, и такія раздѣлены между собою большими промежутками. Извѣстія третьей категоріи приняли наслоенія легенды и позднѣйшихъ домысловъ, и почти невозможно выдѣлить въ нихъ историческую, достовѣрную основу. Если собрать и свести самымъ тщательнымъ образомъ всѣ эти данныя, въ результатѣ получится очень немного; окажутся огромныя прорѣхи во внѣшней исторіи земли, не говоря уже о внутренней, и составить сколько-нибудь отчетливое представленіе о жизни Кіевщины за это время невозможно. А

это тѣмъ болѣе досадно, что рассматриваемый нами послѣ-монгольскій періодъ—промежутокъ, переходное время отъ того княжеско-дружиннаго государственнаго строя, который мы видимъ здѣсь въ до-монгольское время, къ тому весьма отличному демократическому общинному укладу, который съ полною опредѣленностью даетъ себя замѣтить лишь съ XVI в. Прослѣдить посредствующіе моменты, переходной процессъ отъ одного уклада къ другому—составляетъ задачу высокой научной важности, вещь необходимую для пониманія народной исторіи. Чтобы осуществить эту задачу хотя въ нѣкоторой степени въ настоящее время, найти связь между отрывочными извѣстіями источниковъ, соединить эти *disiecta membra* хоть въ сколько-нибудь органическое цѣлое, приходится дать широкую роль гипотетическому элементу, прибѣгнуть къ заключеніямъ отъ предшествующаго и послѣдующаго, къ аналогическимъ явленіямъ въ жизни сосѣднихъ земель, приходится подвергнуть инквизиціонной пытке небогатыя извѣстія источниковъ, чтобы извлечь изъ нихъ возможно болѣе. Конечно, при этомъ представляются серьезныя неудобства: кромѣ того, что изложеніе загромождается экскурсами и получаетъ мелочной характеръ, представляется опасность впасть въ субъективизмъ, лишиться изслѣдованіе основательности; тѣмъ не менѣе, по моему мнѣнію, въ данныхъ условіяхъ единственно такой путь и можетъ привести къ успѣху въ изученіи, такъ какъ обыкновенно неудачная гипотеза ведетъ за собою болѣе основательную и правдоподобную.

Въ историческомъ изложеніи я остановился на томъ моментѣ, когда монголы вторично появились на восточно-европейской равнинѣ. Разрушивъ болгарское царство, зимою 1237—8 г. они напали и опустошили Рязанскую и Суздальскую волости и чрезъ область вятичей прошли въ половецкія степи. Здѣсь оставались они съ годъ, воюя половцевъ, затѣмъ отдѣльные отряды монголовъ были рязосланы для завоеванія сосѣднихъ земель. Одинъ изъ такихъ отрядовъ разорилъ Переяславль и взялъ Черниговъ; вѣроятно, во время этого похода ханъ Менгу, двоюродный братъ Батя, пришелъ „сглядать града Кшева“; по словамъ лѣтописи, онъ остановился у „градка Пѣсочнаго“, удивлялся красотѣ и величинѣ города и послалъ пословъ къ кіевлянамъ и Михаилу Всеволодовичу, занимавшему въ то вре-

ма кіевскій/ стоць, предлагає сдаться и обіцая пощаду —, хотя и прельстити". Слухи о татарских жестокостях, доходившіе до кіевлянъ, какъ видно, напугали ихъ, такъ что сдаться населеніе не согласилось. Послѣ того нужно было ожидать татарскаго нашествія. Михаилъ не отважился встрѣтить его—онъ бѣжалъ съ семьей въ Угры¹⁾; Ярославъ Ингваревичъ, сидѣвшій тогда, кажется, въ Межибожьѣ²⁾, захватилъ на пути его жену, бояръ и занялъ, пользуясь этимъ случаемъ, сосѣдній Каменецъ; княгиня Михаила была освобождена по ходатайству Данила, а о Каменцѣ лѣтопись умалчиваетъ³⁾. Кіевъ и въ ожиданіи татарскаго нашествія составлялъ лакомую добычу и не остался безъ ховяина; сначала въ немъ сѣлъ, при вѣсти объ отъѣздѣ Михаила, Ростиславъ Мстиславичъ, изъ рода князей смоленскихъ, внукъ одного изъ Ростиславичей—кого именно, рѣшить трудно; большинство сводовъ называютъ его внукомъ Давида Ростиславича⁴⁾. Вѣроятно, онъ сидѣлъ въ одномъ изъ кіевскихъ пригородовъ; кіевскій стоць онъ, можетъ быть, занялъ по приглашенію

¹⁾ Никон. л. (II с. 116—116) развиваетъ и украшаетъ слова Волик. л.: „Менгулакъ“, раздраженный мужественнымъ отъѣздомъ Михаила, призываетъ его съ нахреніемъ убитъ; Михаилъ избиваетъ татарскихъ пословъ и бѣжитъ въ Угры, татары гонятся за нимъ, но не могутъ догнать. Подробнѣе объ убіеніи татарскихъ пословъ Михаиломъ находится и въ нѣкоторыхъ другихъ сводахъ: Воскр. I с. 144, Густин. с. 389, Тверск. с. 374; подробнѣе эта мало вѣроятна и заимствована составителями сводовъ, кажется, изъ житія Михаила, а въ житіе она внесена при позднѣйшей переработкѣ его, въ XV в., въ болѣе же ранней редакціи отсутствуетъ, срав. краткую редакцію—у Макарія V с. 417 и распространенную—въ Воскр. I с. 153; см. Ключевскаго: Древне-русск. житія святыхъ с. 127.

²⁾ Ипат. с. 502, ср. Андрияшева Ист. Вол. зем. с. 170—171.

³⁾ Въ лѣтописи: „и городъ Каменецъ имъ“; г. Андрияшевъ (I. с.) поминаетъ это такъ, что Ярославъ только ограбилъ городъ; дѣйствительно, для Межибожья это будетъ чрезвычайное владѣніе, но такъ какъ ни вообще плохо знаемъ тогдашнее распредѣленіе волостей, то едва ли слѣдуетъ умалчиваться отъ ближайшаго смысла лѣтописнаго извѣстія. Извѣстіе объ Ярославѣ пошло и въ сѣверные своды, такъ какъ Ярославъ Ингваревичъ по недоразумѣнію былъ принятъ за Ярослава Всеволодовича—Лазр. с. 446, Никон. II с. 114—116; ср. Арцибашева I, 2 пр. 2284, Соловьева III пр. 177, Энциклопедическаго: Князья Сѣверной Руси I с. 17.

⁴⁾ Ростиславъ названъ внукомъ Давида въ Густ. (с. 389), Никон. (II с. 116), Тверск. (с. 374) и въ трехъ спискахъ Воскресенской (I с. 144), также въ Синодальск. (с. 86); только въ одномъ спискѣ Воскресенской лѣтописи (Арх. III)—внукомъ Романа Карамзинъ (IV с. 9), Арцибашевъ (I, 2 пр. 2286), Соловьевъ (III с. 167) считали его внукомъ Давида; Погодинъ предпочитаетъ видѣть въ немъ сына Мстислава Романовича—„такъ какъ и отецъ его владѣлъ Кіевомъ“ (Исгд. VI с. 362)—это, дѣйствительно, довольно вѣскій аргументъ. Во всякомъ случаѣ, думаю, князь этотъ явился не изъ какой-нибудь смоленской, а болѣе близкой, кіевской волости.

самого населенія, которое вообще такъ не любило оставаться въ подобныя моменты безъ князя. Затѣмъ явился въ Кіевъ Данилъ, схватилъ этого Ростислава и оставилъ власть за собою, но самъ въ Кіевъ не остался (ему затѣмъ-то нужно было ѣхать въ угорскому королю), а посадилъ здѣсь тысяцкимъ боярина Дмитра ¹⁾.

Осенью слѣдующаго 1240 г. Батый двинулся со своею ордою на западъ; первый ударъ палъ на Кіевъ. Приблизительно въ концѣ ноября Батый перешелъ за Днѣпръ и со всею ордою, со стадами и кибитками, обступилъ городъ ²⁾; жители, вѣроятно, сами покинули нижній городъ и затворились на „горѣ“, въ верхнемъ городѣ—по крайней мѣрѣ о защитѣ нижняго города лѣтописи не говорятъ. Многолюдство татарскаго табора производило сильное впечатлѣніе на населеніе: по словамъ южной лѣтописи, въ которыхъ слышится, несомнѣнно, голосъ очевидца, „бѣ исполнена земля Руская ратныхъ“, отъ шума татарскаго табора—,отъ гласа скрипанія телѣгъ его, множества ревеня вельблудъ его, и ржання отъ гласа стады конь его“—жители Кіева не могли слышать человѣческаго голоса. Тѣмъ не менѣе о сдачѣ не думали. Батый приступилъ къ городу съ юга, у Лядскихъ воротъ, и стѣннотными машинами началъ разбивать городскія стѣны; послѣ нѣсколькихъ сутокъ непрерывной работы стѣны были пробиты; жители упорно продолжали отбиваться на остаткахъ укрѣпленій: „и ту бѣваше видѣти ломъ копѣйны и щитомъ сѣпанне, стрѣлы омрачиша свѣтъ“; между другими раненъ былъ и воевода Дмитро. Кіевляне отступили наконецъ за послѣдній оплотъ: на холмѣ вокругъ Десятинной церкви было выстроено наскоро укрѣпленіе. Татары, отдохнувъ день и ночь, напали на это послѣднее укрѣпленіе, снова началась „брань велика“; населеніе съ наиболѣе дорогимъ въ имуществѣ укрылось въ Десятинную церковь, но хоры не выдержали тяжести, и стѣны рухнули—„и пріяты бысть сице градъ воими“. Взятіе произошло, по общепринятому свидѣтельству Суздальской лѣтописи, 6 декабря, по свидѣтельству нѣкоторыхъ сѣверныхъ сводовъ—19 ноября ³⁾. Что сталося затѣмъ съ Кіевомъ, Волин-

¹⁾ Ипат. с. 520—521, Густин. с. 339.

²⁾ Въ Ипат. спискѣ—„остолп“—т. е. окружилъ налесадою, въ Хлѣби. и Погод. „ступилъ“.

³⁾ Лавр. с. 447; отсюда дата была заимствована во многие своды—Густин., Софійск., IV Новгород., Воскр., Тверск., Никон. Другая дата, вѣроятно по новгородскаго проше-

ская лѣтопись, такъ живо рассказывающая объ осадѣ его, не говоритъ, прибавляетъ только, что Дмитро былъ схваченъ татарами, но Батый даровалъ ему жизнь, „мужества ради его“, и приблизилъ къ себѣ. Затѣмъ „Батюю вземшю градъ Кмевъ и слышавшю ему о Данигѣ, яко въ Угрѣхъ есть, поиде самъ Володимерю“. Лѣтопись упоминаетъ, что по пути онъ взялъ Колодаженъ, Каменецъ, Ияславль; первый онъ добылъ хитростію, подманивъ населеніе на сдачу, а взять силою не могъ; жители его были затѣмъ избиты; Кременецъ и Даниловъ Батый обошелъ: „видивъ же, яко невозможно прияти ему“, и направился ко Владимиру. Очевидно, онъ торопился: хотѣлъ покончить съ Волинью и Галичемъ до возвращенія Данила, находившагося тогда въ Венгріи, захватывая, что можно было захватить на ходу, по дорогѣ, останавливаясь только у значительнѣйшихъ городовъ и спѣшилъ дальше на западъ ¹⁾.

Я упомянулъ о бѣгствѣ Михаила въ Угры подъ вліяніемъ той паники, какую тогда вводила повсюду вѣсть о татарахъ. Нѣсколько лѣтъ скитался онъ по чужимъ землямъ, испытывая разныя злоключенія. Въ Угріи онъ не нашелъ такого приема, на какой рассчитывалъ; быть можетъ, вслѣдствіе неудачъ постигшихъ его (Галичъ предъ тѣмъ былъ также отнятъ у Ростислава Даниломъ), угорскій король отказалъ Ростиславу въ рукѣ дочери и „погна его“— Михаилъ удалился въ Польшу, затѣмъ, не найдя, вѣроятно, и здѣсь приѣта, за-

хожденія, сохранилась въ 1 Псковск. (с. 179), Супрасл. (с. 82), лѣт. Авраамъ (с. 51): „пріидоша Татарове къ Киеву, сентября 5, и стояша 10 недѣль и 4 дни, и една ноща и, ноября въ 19, въ поведѣльницѣ“. Трудно объяснить себѣ происхожденіе этой разницы въ датировкѣ. Подробности, сообщаемыя Псковскою и др. лѣтописями о продолжительности осады сходятся съ показаніемъ Плато Карнина (et cum diu obsidebant, Nam sergentant— Собраніе путешествій къ татарамъ с. 152). Волынская лѣтопись не даетъ яснаго свидѣтельства объ этомъ, но подробности, сообщаемыя ею, скорѣе указываютъ на непродолжительность осады (приде Батый Кмеву... и остолпи, ностави же пороки городу... порокомъ же беспростани бьущимъ день и ноць, выбина стѣни).

¹⁾ Ипат. с. 522—528, Густин. с. 339. Обзорѣніе другихъ редакцій сказанія см. у Вестузлева-Рюмина: О составѣ рус. лѣт. с. 115—116. Въ Густин. подробности, заимствованная, по всей вѣроятности, изъ Стрийковскаго (I р. 229) - что у Батия было 600 тис. воиска; любопытно, что и западные путешественники также исчисляли Батиево войско въ 600 т. (см. Собраніе путешествій къ татарамъ с. 47); эту подробность Каранинъ упоминаетъ и въ Миней (IV пр. 18), но я не могъ найти ея ни въ Минейхъ Макарія, ни въ новѣйшемъ изданіи Миней св. Дмитрія.

измалъ сношенія съ Даниломъ, вынудилъ и дѣлалъ отложить всякую вражду. Примиреніе состоялось, былъ заключенъ договоръ, по которому Кіевъ предоставлялся по прежнему Михаилу, Ростиславъ получалъ Луцкъ, и оба, конечно, отрекались отъ всякихъ притязаній на Галичъ. Но Михаилъ, „за страхъ татарскій“, не рѣшался возвратиться въ Кіевъ; Данилъ съ братомъ доставляли ему содержаніе, выручили его жену, захваченную Ярославомъ Ингваревичемъ. Въ это время пришла вѣсть о новомъ походѣ Батия и взятіи Кіева; эта вѣсть такъ напугала Михаила, что онъ снова уѣхалъ съ сыномъ въ Польшу, а когда татары подошли ближе,—въ Силезію, но тутъ „узрѣвши нѣмца, яко товара много есть“, ограбили его, и онъ вернулся снова въ Польшу. Сюда же пріѣхали и галичціе Романовичи съ семьями. Метавшіеся въ паническомъ страхѣ князя не составляли исключенія въ этомъ отношеніи: множество русскаго населенія также бѣжало на западъ въ страхъ предъ татарами¹⁾. Когда Батыевы полчища ушли далѣе на западъ, въ Силезію и Венгрію, Михаилъ отправился обратно въ свои волости. Отношенія его къ Данилу уже успѣли охладѣть—лѣтописецъ, преданный послѣднему, отмѣчаетъ, что Михаилъ прошелъ чрезъ землю Данила, не извѣстивъ его, не пославъ къ нему посла, и коритъ Михаила за неблагодарность. Тѣмъ не менѣе Кіевъ остался за Михаиломъ, и онъ поселился въ немъ, на днѣпровскомъ островѣ, гдѣ у него, вѣроятно, былъ загородный дворецъ. Ростиславъ отправился въ Черниговъ, но вскорѣ опять выѣзживаетъ въ галичскія дѣла и, опираясь на бояръ, заводитъ борьбу съ Даниломъ²⁾.

Въ это время (1243 г.) возвращался Батій изъ своего похода; какъ извѣстно, онъ получилъ отпоръ въ Моравіи и повернулъ обратно. Это движеніе его, повидимому, не было такъ грозно, какъ первое; лѣтопись сообщаетъ только, что онъ повоевалъ область Западнаго Буга, о какихъ-либо опустошеніяхъ Кіевской земли или другихъ волостей не упоминается. Батій откочевалъ затѣмъ къ приволжскія степи. По приглашенію его, какъ говорятъ нѣкоторые своды, или по собственной инициативѣ, явился въ Орду немедленно Ярославъ Всеволодовичъ суздальскій съ изъявленіемъ покорности; по словамъ Суздальской лѣтописи, Батій повелѣлъ ему быть старѣйшимъ „всемъ

¹⁾ Ипат. с. 523.

²⁾ Ипат. с. 521—522, 524, Густ. с. 340.

княземъ в Русскомъ языкѣ"; кромѣ Судальской волости за Ярославомъ былъ, какъ видно, утвержденъ и Киевъ. Михаила въ Киевѣ въ то время, кажется, не было; около этого времени онъ отправился въ Угры, прослышавъ, что угорскій король выдаетъ наконецъ свою дочь за Ростислава, но и король и Ростиславъ приняли его очень сухо, „чести ему не створиша“, и онъ поѣхалъ назадъ—уже въ Черниговъ. Въ Киевѣ Ярославъ самъ не поѣхалъ; какъ онъ распорядился съ нимъ въ данный моментъ, мы не знаемъ; въ 1245 г. Киевъ „обдержалъ“ боярину Ярослава Дмитро Енковичъ¹⁾. Такимъ образомъ, если не раньше, то теперь, въ 1243 г., Киевская земля формально пришла въ подчиненіе татарамъ, сдѣлалась улусомъ татарскаго царя.

Остановимся здѣсь нѣсколько, чтобы сдѣлать опѣнку тѣхъ результатовъ, того значенія, которое имѣло для Киевской земли монгольское нашествіе; вопросъ этотъ имѣетъ существенную важность для исторіи Киевской земли и требуетъ болѣе обстоятельнаго изложенія, такъ какъ относительно его высказывались самыя противоположныя мнѣнія, и еще недавно онъ послужилъ предметомъ весьма оживленной полемики. Болѣе распространенное и до недавняго времени господствовавшее мнѣніе таково, что Киевъ во время татарскаго нашествія подвергся конечному разоренію, населеніе было избито, Киев-

¹⁾ Лавр. с. 447 (Тверск. с. 386, Нлн. II с. 129), Ипат. с. 523, 525, Густ. с. 340. Зубрицкій считалъ Дмитра Енковича намістникомъ не Ярослава Всеволодича, а Ярослава Ингваревича, который получилъ Киевъ во владѣніе отъ Данила; онъ основывался на словахъ Ипатск. л. подъ 1250 г. (въ описаніи поѣздки Данила къ хану): „Данилоша... обладавшу Рускою землею, Киевомъ и Володимиромъ и Галичемъ“ и полагалъ, что Данилъ владѣлъ Киевомъ до этого времени и отказался отъ него, признавъ власть хана (Ист. Гал.-Рус. княж. III с. 153 и 157). Мнѣніе Зубрицкаго принялъ и Шарановичъ (ор. с. с. 92—3 и 104). Дѣйствительно, въ Ипат. л. Дмитро названъ просто намістникомъ Ярослава, безъ отчества; тѣмъ не менѣе предположеніе Зубрицкаго не можетъ быть принято; какъ справедливо указалъ Н. П. Дашкевичъ, передача ханомъ Киева во смерти Ярослава его сыну Александру предполагаетъ, что Ярославъ владѣлъ Киевомъ; при томъ мало вѣроятно, чтобы Ярославъ Ингваревичъ, получивъ Киевъ, не сѣлъ здѣсь самъ, а посадилъ намістника (Данила Галицкаго с. 68). Въ Густин. говорится, что ханъ поставилъ Ярослава „княземъ старѣшимъ всей Московской земли и надъ Киевомъ“, и ниже Дмитро названъ воеводою Ярослава Всеволодича Московскаго: если это, можетъ быть, и домыселъ, то во всякомъ случаѣ удачный. Что до приведенныхъ словъ Ипат. л. о Данилѣ, то не даромъ здѣсь поставлено промежутое время.

ская земля совершенно упала, обезлюдѣла, по нѣвнїю крайнихъ сторонниковъ этого воззрѣнія—обратилась на долгое время чуть не въ пустыню, такъ какъ населеніе ея частью было истреблено, частью истребилось. Противники этого воззрѣнія утверждаютъ, что монгольское нашествіе вовсе не было такимъ чрезвычайно-губительнымъ и не измѣнило столь рѣшительнымъ образомъ судьбы Кіевской земли¹⁾. Не претендуя на полное и окончательное разрѣшеніе этого, вообще очень темнаго и сложнаго вопроса, я постараюсь дать послѣднее разсмотрѣніе его.

Вопросъ распадается на двѣ части—о судьбѣ самаго города Кіева и о судьбѣ Кіевской земли. Какъ упомянуто выше, Волинская лѣтопись, подробно рассказывая объ оборонѣ Кіева, о дальнѣйшей судьбѣ города и земли не говоритъ ничего. Тѣ, которые полагаютъ, что Кіевъ, подобно другимъ городамъ, подвергся поголовному избіенію жителей, совершенному разоренію и запустѣнію, въ этомъ смыслѣ толкуютъ нѣкоторыя подробности лѣтописнаго разсказа. Такъ, изъ словъ лѣтописи „Дмитрія же изведоша язвена и не убиша его, мужества ради его“ выводятъ, что Дмитро былъ исключеніемъ, а все прочее населеніе было поголовно избито²⁾. Выводъ этотъ однако не особенно убѣдителенъ: лѣтописецъ могъ упомянуть о судьбѣ Дмитра безотносительно къ судьбѣ остальнаго населенія—ему, какъ главному защитнику, конечно, смерть угрожала въ особенности, независимо отъ того, было ли избито остальное населеніе или нѣтъ³⁾. Не ли-

¹⁾ Вопросъ этотъ породилъ, какъ извѣстно, значительную литературу; исторія его—собственно со стороны филологической—и библиографія изложены въ статьѣ г. Пятницка: „Споръ южанъ и сѣверянъ о малорусскомъ языкѣ“, Вѣстникъ Европы 1886, VI; библиографическія указанія даны также въ „Лекціяхъ по исторіи русскаго языка“ г. Соболевскаго с. 37, 201—203. Я принимаю во второму изъ указанныхъ воззрѣній, которое наиболѣе полное выраженіе получило въ трудахъ Максимовича (О мнѣніи запустѣнія Украины), Котляревскаго (Были ли малоруссы исконными обитателями Подольской земли или пришли въ XIV в. изъ-за Карпатъ) и В. Б. Антоновича (Кіевъ, его судьба и значеніе). Противоположное воззрѣніе со всею рѣзкостью и обстоятельностью было изсказано въ работѣ проф. Соболевскаго: Къ вопросу объ историческихъ судьбахъ Кіева. Проф. Владимірскаго-Будалова въ своемъ изслѣдованіи „Населеніе Юго-Запад. Россіи отъ полов. XIII до полов. XV в.“ (Архивъ Ю.-З. Р. VII, I) держится средняго направленія.

²⁾ Соболевскій: Къ вопросу объ ист. судьбахъ Кіева, Унив. Изв. 1885 VIII с. 283, Владимірскаго-Будалова: Насел. Ю.-Зап. Россіи с. 14.

³⁾ Укажемъ на свидѣтельство П. Карпинна, что татары никогда не ищадъ знатныхъ людей (Собр. путеш. въ татарск. с. 181).

шено значенія, что сказаніе Волынской лѣтописи, говорящее объ избіеніи жителей Пронска, Рязани, Владиміра на Клязьмѣ, Козельска, Переяслава, Колодязна, Владиміра Волынскаго, подробно рассказывала объ оборонѣ Кіева, ничего не говоритъ объ избіеніи жителей и разореніи этого города. И во всякомъ случаѣ не слѣдуетъ забывать, что граждане, засѣвшіе въ городѣ, вовсе не обозначаютъ еще непременно всего городского населенія, которое могло укрыться, и укрылось, вѣроятно, въ значительной части вѣв города, въ лѣсахъ и разныхъ труппахъ, особенно послѣ того, какъ стало извѣстно, напри- мѣръ, избіеніе жителей Переяслава ¹⁾.

Другая подробность относится къ Михаилу: по возвращеніи своемъ изъ Польши, Михаилъ „иде въ Кіевъ и живаше подѣ Киевомъ во островѣ“; отсюда заключаютъ, что Кіевъ подвергся совершенному разоренію, такъ что Михаилу въ городѣ негдѣ было жить ²⁾. Но отчего не предположить, какъ предположили мы выше, что у Михаила былъ тамъ на островѣ загородный дворецъ? Вѣдь жилъ же подѣ Вышгородомъ на островѣ Всеволодъ Ольговичъ, имѣлъ за Днѣпромъ дворецъ Юрій Мономаховичъ ³⁾; для князей непопулярныхъ у кіевского населенія удобнѣе было жить за предѣлами города ⁴⁾. Любопытно опять-таки, что Волынская лѣтопись нѣсколько разъ говоритъ о Кіевѣ непосредственно послѣ монгольскаго нашествія, сообщая о немъ тѣ или другія подробности (какъ въ приведенномъ извѣстіи о возвращеніи Михаила, затѣмъ при описаніи путешествія Данила въ Орду), ни словомъ не обмолвилась о какомъ-либо запустѣніи въ родѣ того, какъ говоритъ она, напри- мѣръ, о Владимірѣ Волынскомъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ предпо- лагать только лишь умолчаніе едва ли возможно.

Вполнѣ опредѣленно говоритъ о полномъ опустошеніи Кіева Суздальская лѣтопись: „взяша Киевъ Татарове, и святую Софью разграбиша, и монастыри всѣ, и иконы, и кресты честныя и вся узорочья церковная взяша, а люди отъ мала и до велика вси убиша мечемъ“ ⁵⁾. Но категоричность этого извѣстія не дѣлаетъ его вполнѣ

¹⁾ Ср. Костомарова Русск. ист. въ изнеоп. I с. 135.

²⁾ Соболевскій оп. с. с. 284, Будаковъ оп. с. с. 16.

³⁾ Ипат. с. 229, 336. Маискивичъ отожествлялъ островъ, на которомъ жилъ Михаилъ, съ вышгородскимъ островомъ, гдѣ жилъ некогда Всеволодъ (Собр. сочин. II с. 368).

⁴⁾ Могла быть для этого еще иная, специальная причина—о ней будетъ рѣчь ниже.

⁵⁾ Лавр. с. 447.

убѣдительнымъ для насъ; сѣверный лѣтописецъ записалъ это извѣстіе по слухамъ, слухи могли быть преувеличенныя, и затѣмъ мы не знаемъ еще, на сколько точно онъ передалъ намъ ихъ. У лѣтописца были готовыя, шаблонныя формы, въ которыя онъ одѣвалъ свои извѣстія, мало заботясь о томъ, насколько соответствовали онѣ дѣйствительности; возьмемъ, напримѣръ, извѣстіе той же лѣтописи о разореніи Кіева 1203-го г.; вотъ какъ описывается оно: „не токмо одно Подолье взяша и пожоша, ино Гору взяша, и митрополью Святую Софью разграбша, и Десятинную Святую Богородицю разграбша и монастыри всѣ... черньци и черници стария иссекоша, и поны старые, и слѣпыя и хромныя и слукыя и трудоватыя, та вся иссекоша, а что черньцовъ уныхъ и черниць унѣхъ, и поповъ и попадей, и князи, и дщери ихъ и сыны ихъ, то все ведоша иноплеменици вези к собѣ“¹⁾. Если принять это извѣстіе серьезно, то мы и въ данномъ случаѣ должны будемъ констатировать совершенное разореніе и запусьбіе Кіева: одни побиты, остальные взяты въ плѣнъ; во, конечно, и въ этомъ случаѣ мы имѣемъ фразы, готовыя фразы, въ которыя лѣтописецъ уложилъ дошедшій до него слухъ о кіевскомъ разореніи²⁾. Подобными же страшными словами описываетъ лѣтописецъ разореніе Кіева въ 1169 г. („не бысть помилванія никому же ниоткуда же, крестьяномъ убиваемомъ, другимъ вяжемымъ“³⁾), и однако какого-нибудь дѣйствительнаго запусьбія Кіева на дѣлѣ не произошло ни въ 1169, ни въ 1202 г. Не болѣе значенія само по себѣ имѣетъ и вышеприведенное свидѣтельство о татарскомъ разореніи, особенно если сопоставить его съ упорнымъ молчаніемъ относительно этого предмета Волынской лѣтописи и нѣкоторыми другими фактами. Кіевъ не подвергся совершенному разоренію, ибо до насъ

¹⁾ Лавр. с. 397—8, по спискамъ Кенигсбергскому и Академическому.

²⁾ Эти же фразы находимъ въ описаніяхъ разоренія Владиміра и Суздальи—Лавр. с. 440—441, 490. Какъ вообще легко относились къ подобнымъ фразамъ лѣтописцы, прихѣтъ представляеть хотя бы составитель Густинскаго свода; при описаніи Ватнева лѣтнества онъ пользовался, несомнѣнно, Суздальскою лѣтописью, но у него дѣло съ кіевскимъ разореніемъ представляется уже нѣсколько иначе: „всѣмше людей безъ числа, а прочихъ сазаманихъ къ нлѣмъ новодоша, а градъ Кіевъ огнемъ и монастырѣ всѣ зааляма“—конечно, и это фразы, не имѣющія серьезнаго значенія (см. у проф. Владимірскаго-Будалова о нлѣмнхъ с. 14).

³⁾ Ипат. с. 373.

сохранились въ цѣлости нѣкоторые древнія сооруженія, какъ Софійскій соборъ, Михайловскій монастырь; разореніе Печерскаго монастыря, относимое къ нашествію Батма Синопсисомъ, съ большинствомъ вѣроятіемъ должно быть отнесено ко времени болѣе позднему, вѣроятно же всего — къ нападенію Эдигея ¹⁾; о Выдубицкомъ монастырѣ говорится въ Волынской хѣтописи въ ряду событій 1246 г., безъ всякихъ намековъ на его разореніе. Что Кіевъ не вполне запустѣлъ, показываетъ тотъ фактъ, что здѣсь поселился Михаилъ непосредственно по возвращеніи, что здѣсь сидѣлъ намѣстникъ Ярослава ²⁾ (о немъ впрочемъ рѣчь будетъ ниже); между тѣмъ о возстановленіи Кіева, о созваніи жителей — какъ то рассказывается, напримѣръ, о Владимірѣ на Клязьмѣ ³⁾, нѣтъ никакихъ извѣстій, да и нѣкому собственно было объ этомъ заботиться. Въ описаніи путешествія Платона Карпини (февраль 1246 г.) Кіевъ является, несомнѣнно, значительнымъ городомъ, съ боярами (nobiles) и тысяцкимъ, не чета, напримѣръ, Каневу. Если далѣе тотъ же авторъ, рассказывая о татарскихъ завоеваніяхъ, говоритъ, что татары „обложили Кіевъ, митрополию русскую, и взявъ послѣ долгой осады, побили жителей города“, то сопоставляя это извѣстіе съ собственнымъ рассказомъ путешественника о Кіевѣ и приведенными выше соображеніями, придется это свидѣтельство объ избиеніи кіевлянъ тоже нѣсколько ограничить ⁴⁾.

¹⁾ Синопсисъ с. 87—89. Что Печерскій монастырь разоренъ былъ и запустѣлъ уже послѣ монгольскаго ишествія, это дѣлается очевиднымъ при сопоставленіи извѣстій объ окупѣ, наложенной на него въ 1399 г. Теміръ Кутлукъ, о разореніи Кіева и Печерскаго монастыря Эдигеемъ въ 1416 г. и о возстановленіи обитаян Семеюкомъ Озальмоничемъ въ 1470 г., см. Густин. л. подъ этими годами.

²⁾ Ср. у проф. Владимірскаго-Вуданова с. 18.

³⁾ Воскр. I с. 148.

⁴⁾ Собраніе путеш. с. 152—4: *iverunt contra Russiam et fecerunt magnam stragem in terra Russiae, civitates et castra destruxerunt, et homines occiderunt: etiam Kioviam (Kaoniam), quae est Metropolis Russiae, obsederunt et cum diu obsiderent illam ceperunt, et occiderunt homines civitatis. Inde procedentes pugnando destruxerunt totam Russiam.* Загѣмъ въ одной изъ редакцій путешествія (у Виценція Вовескино) читается слѣдующее дополненіе къ этому мѣсту: *unde quando per illam terram ibamus, innumerabilia capita et ossa hominum mortuorum, iacentia super campum, inveniebamus. Fuerat enim urbs valde magna et populosa, nunc quasi ad nihilum est redacta: vix enim domus sibi remanserunt ducentae, quarum etiam habitatores tenentur in maxima servitute.* Къ сожалѣнію, нѣтъ неизвѣстно, въ какомъ отношеніи стоятъ подобныя дополненія къ основному тексту; безъ этого пользоваться ими нельзя съ увѣренностью; очевидно съ основнымъ текстомъ эта тирада не вѣзется (*Kiovia—Russia—urbs*); быть можетъ, *urbs*, о которомъ идетъ рѣчь, не есть вовсе Кіевъ, къ которому обыкновенно относятъ эти слова.

Подводя итогъ вышесказанному, я нахожу, что мы не имѣемъ твердыхъ, положительныхъ основаній для того, чтобы предполагать поголовное избиеніе и совершенное разореніе, запустѣніе Кіева. Въ ряду другихъ разореній, болѣе или менѣе опустошительныхъ, постигавшихъ Кіевъ, какъ разоренія 1169, 1202, 1416, 1482 гг., и погромъ 1240 г. повредилъ благосостоянію, торговлѣ города, уменьшилъ его населеніе, можетъ быть—и въ большей степени, чѣмъ другіе, но фатальнаго значенія приписывать ему мы не въ правѣ. Лыбопытнo, что по поводу разоренія 1416 г. (Эдигея) лѣтописецъ замѣчаетъ: „оттолѣ Кіевъ погуби красоту свою и даже доселѣ не можетъ быть таковъ“¹⁾—вотъ когда еще существовала она, кіевская „красота“!

Но допустимъ даже самое худшее: что Кіевъ подвергся сильнѣйшему разоренію, что уцѣлѣвшіе жители и прихожіе люди возобновили его въ весьма жалкомъ видѣ, и подобное,—въ сущности это не такъ важно, гораздо важнѣе вторая половина вопроса—о запустѣніи Кіевщины. Историческихъ основаній это положеніе имѣетъ уже такъ мало, что едва ли и явилось бы когда-нибудь, если бы не давали къ тому толчковъ соображенія совершенно постороннія. Превращали Кіевскую землю въ пустыню съ двумя различными цѣлями: одни—чтобы заселить ее вмѣстѣ съ Волынью и правобережною Україною польскими колонистами и превратить въ здобусце рѣга польскаго, другіе—чтобы населить ее колонистами галицкими и волыньскими и объяснить такимъ образомъ появленіе здѣсь малорусскаго языка, задатковъ котораго въ древнѣйшій періодъ тутъ будто бы не существовало. Писатели первой категоріи собственно и не считаютъ нужнымъ исходить до историческихъ доказательствъ, и потому я не буду на нихъ останавливаться²⁾. Что касается второго направленія, то оно впервые, какъ извѣстно, со всею рѣзкостью и опредѣленностью проявилось у Погодина. Исходя изъ положенія, выставленнаго Срезневскимъ, Лавровскимъ, что въ произведеніяхъ древней южнорусской письменности нѣтъ слѣдовъ малорусскаго языка, покойный рѣшилъ, что Кіевская область или, по крайней мѣрѣ, область полянъ первоначально была населена великоруссами, которые во время татарскаго

¹⁾ Густин. с. 354.

²⁾ Опроверженіе этихъ взглядовъ см. у М. А. Максимовича, Собр. сочин. т. I с. 349 сл., М. Ф. Владимірскаго-Вуданова Населеніе с. 2—4.

нашествія выселились на сѣверо-востокъ, а ихъ мѣсто заняли малороссы, пришедшіе изъ Карпатъ или Галиціи и Волыни ¹⁾. Въ подтвержденіи того онъ ссылался на отсутствіе великокняжескаго эпоса у малороссовъ и великорусскіе будто бы характеры древнихъ князей. Статья его вызвала оживленную полемику; Максимовичъ и Котляревскій представили вѣскія возраженія противъ его гипотезы: первый подвергъ критикѣ историческіе и филологическіе доводы Погодина, второй—остальные доказательства его: объ эпосѣ, княжьихъ характерахъ ²⁾. Погодинъ былъ дилетантъ въ филологіи, и поэтому не трудно было отвергнуть его филологическіе доводы; но въ недавнее время его гипотезу воскресилъ проф. Соболевскій уже во всеоружіи филологическихъ знаній. Въ своихъ „Очеркахъ изъ исторіи русскаго языка“ (1884 г.), обзорѣвъ памятники „галицко-волинскаго нарѣчія“, „которое было предкомъ современнаго малорусскаго языка“ ³⁾, этотъ ученый пришелъ къ выводу, что памятники, имѣющіе особенности малорусскія, не имѣютъ никакого отношенія ни къ Києву, ни къ ближайшимъ къ Києву мѣстамъ, что кievскіе памятники не имѣютъ малорусскихъ особенностей, и что древній кievскій говоръ принадлежалъ къ числу говоровъ великорусскихъ ⁴⁾. Въ своемъ рефератѣ, читанномъ въ Обществѣ Нестора, проф. Соболевскій ставитъ гранью въ этомъ отношеніи конецъ XV в. и полагаетъ, что малорусскій языкъ былъ принесенъ въ Кievскую область и въ Запдѣпровье приблизительно въ XV н. съ запада, изъ Подолія, Волыни и Галича, колонистами, ассимилировавшими остатки стараго кievскаго населенія ⁵⁾. Въ связи

¹⁾ Соответственно этому Погодинъ объясняетъ тождество д.-славянскаго языка и великорусскаго гѣмъ, что великоруссы жили и около Солуя. Статья Погодина помѣщена въ VII т. его Исслѣдованій с. 410—442.

²⁾ Критикѣ историческихъ доводовъ Погодина Максимовичъ посвятилъ прекрасную статью „О мнимоиъ заустѣвннхъ Украинѣ“ (въ I т. Собр. сочин. с. 181 сл.), а филологическіе доказательства — Филологическія, Отвѣтныя и Новія письма къ Погодину (въ III т. Собр. сочин. с. 183 сл.); объ этой полемикѣ см. также въ Очеркѣ звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія П. Н. Житецкаго, с. 5 сл.). Статьи Котляревскаго издава въ I т. Собранія сочиненій с. 624 сл., а первоначально въ Основѣ 1862 кн. IX. См. также Н. П. Дашкевича къ вопросу о происхожд. русск. билингв.—въ Чтен. Общ. Нестора III с. 54 сл.

³⁾ Очерки с. 68.

⁴⁾ Ibidem.

⁵⁾ Чтенія въ Обществѣ Нестора кн. II с. 215—216.

съ этими положеніями онъ доказываетъ, что нашествіе Батня весьма сильно отразилось на состояніи Киевской земли, населеніе послѣдней было весьма сильно разрушено и разрушалось впоследствии, благодаря татарскимъ погромамъ и притѣсненіямъ, что и дало возможность западнымъ колонистамъ ассимилировать киевлянъ ¹⁾. Филологическая теорія проф. Соболевскаго вызвала возраженія со стороны многихъ, въ томъ числѣ со стороны такого компетентнаго и безпристрастнаго въ данномъ дѣлѣ судьи, какъ академикъ Ягичъ ²⁾. Судность этихъ возраженій сводится къ тому, что выводъ проф. Соболевскаго сдѣланъ поспѣшно, къ галицко-волинской группѣ нѣкоторыя памятники отнесены довольно произвольно ³⁾, что достоверныхъ киевскихъ памятниковъ мы имѣемъ пока слишкомъ мало, чтобы на нихъ строить твердые выводы (въ послѣднемъ своемъ трудѣ проф. Соболевскій признаетъ авторитетными лишь четыре памятника для XI и XII вв. ⁴⁾), да и въ этихъ памятникахъ на самомъ дѣлѣ есть нѣкоторыя особенности говора, хотя въ маломъ количествѣ; малочисленность послѣднихъ вовсе не можетъ служить какинъ-либо доказательствомъ, такъ какъ вообще присутствіе элементовъ живаго языка въ древнихъ памятникахъ всегда болѣе или менѣе случайно, а къ памятникамъ киевскимъ нужно относиться съ особенною осторожностью,

¹⁾ Къ вопросу объ историческихъ судьбахъ Кіева с. 288, ср. Ленцин по ист. рус. ш. с. 199.

²⁾ Возраженія на рефератъ проф. Соболевскаго въ тѣхъ же Читеніяхъ кн. II с. 216—217, 219—227. Академикъ Ягичъ представилъ свои возраженія сначала въ сочиненіи „Четыре критико-налеографическія статьи (1884 г.) с. 98 сл. (здѣсь между прочимъ онъ указалъ, что несомнѣнно-малорусскія особенности находятся въ Рязанской грамотѣ 1284 г., списанной съ оригинала, присланнаго изъ Кіева м. Мансимоу), затѣмъ въ „Критическихъ замѣткахъ по исторіи русскаго языка“ (1899 г.) с. 11 сл. На первую книгу проф. Соболевскій возражалъ въ Журналѣ Мин. Нар. Пр. 1885 кн. II; по поводу грамоты онъ замѣтилъ здѣсь, что она могла быть списана въ Галичѣ или на Волини, хотя прислана изъ Кіева. Въ отвѣтъ своемъ на „Критическія замѣтки“ (Русск. филол. вѣстникъ 1899, IV с. 292 сл.) проф. Соболевскій вопроса о киевскомъ говорѣ не касался.

³⁾ См. с. 68 его „Очерковъ“, гдѣ онъ мотивируетъ отнесеніе этихъ памятниковъ въ одну группу; еще произвольнѣе предложеніе (Журн. М. Н. П. 1885. II с. 356)—къ восточнѣйшимъ киевскому говору отнести тѣ памятники XII—XIII в., которые не имѣютъ въ своемъ составѣ ни новгородскихъ, ни галицко-волинскихъ особенностей.

⁴⁾ Ленцин по исторіи русскаго языка с. 86; да и изъ этихъ четырехъ памятниковъ въ чтеніяхъ Троицы проф. Соболевскій относится весьма скептически и считаетъ ихъ въ большинствѣ описками (Ж. М. Н. П. 1885. II с. 356). Четыре или пять памятниковъ наставляетъ проф. Соболевскій и для времени послѣ Батнева нашествія (Ленцин с. 199).

такъ какъ среди его населенія всегда было особенно много людей прихожихъ, сѣверноруссовъ; наконецъ современное т. н. украинское нарѣчіе нельзя производить отъ галицкаго, оно представляетъ самостоятельный типъ малорусскаго языка ¹⁾. Подъ вліяніемъ этихъ возраженій проф. Соболевскій сдѣлалъ нѣкоторыя уступки и смягчилъ свои положенія въ новѣйшемъ своемъ трудѣ— „Лекціяхъ по исторіи русскаго языка“: такъ онъ призналъ нѣкоторыя особенности за кievскимъ говоромъ, согласился, что памятники XIV и XV вв. не могутъ служить доказательствомъ существованія въ это время великорусскаго говора въ Кіевѣ ²⁾, но въ принципѣ отъ своей „гипотезы“ ³⁾ не отказался.

Я счелъ нужнымъ остановиться на этомъ чисто филологическомъ вопросѣ потому, что положеніе проф. Соболевскаго, будь оно дѣйствительно доказано, могло бы послужить обратнымъ доказательствомъ для гипотезы о запустѣніи Кіевской земли, разрѣженіи населенія и т. п. Перейдемъ теперь къ историческимъ фактамъ. Относительно запустѣнія Кіевщины въ Батыево нашествіе современныя лѣтописи не даютъ никакихъ извѣстій или даже намековъ. Изъ Волынскон лѣтописи мы узнаемъ только, что послѣ взятія Кіева Батый, узнавъ объ отсутствіи Данила, направился далѣе на западъ, на Колоде-

¹⁾ Соображенія объ историческомъ процессѣ созданія этого нарѣчія см. въ вышеупомянутомъ трудѣ П. И. Житецкаго, въ заключительной (IV) главѣ.

²⁾ Лекція с. 36, 199 (сравни возраженія Н. П. Даниевича противъ первоначальныхъ положеній проф. Соболевскаго въ Читеніяхъ с. 223—224).

³⁾ Такого призналъ свое мнѣніе авторъ въ упомянутой статьѣ въ Ж. М. Н. П. (с. 349, 857). Загнѣчу еще по поводу одной подробности: однимъ изъ доказательствъ великорусскаго полака проф. Соболевскій выставилъ прозвища на ма: Мстыша, Путьша, Святоша, Ратьша, Володша (Ипат. с. 34, 92, 177, 229, 846), которыя встрѣчаются въ древнихъ лѣтописяхъ и, по его мнѣнію, несомнѣнно малорусскія. Дѣлать какіе-либо выводы, основываясь на именахъ бояръ и дружинниковъ, очень рисковало: между ними всегда бывало множество людей прихожихъ, сохранившихъ, конечно, и свои имена; изъ приводимыхъ проф. Соболевскимъ именъ два даже не имѣютъ никакого отношенія къ Кіевской землѣ: Святоша Давыдовичъ—имя изъ черниговскаго дома, Володша—изъ волочекаго; Ратьша, несомнѣнно, близъ челоука въ прихожій. Въ рендантѣ въ приводимыхъ проф. Соболевскимъ именахъ можно указать на Ратьшу или Ратъшу „добраго, вѣрнаго слугу“ Владиміра Васильевича (Ипат. с. 600—годъ 1288 г.) на Волыни, гдѣ и проф. Соболевскій не предполагаетъ великоруссовъ. Что до польскихъ великоруссовъ—они встрѣчаются еще у Д. И. Иловайскаго, см. его Разсужденія о началѣ Руси с. 294, ср. Ист. Рос. I, 2 с. 520 (болѣе осторожно).

жестъ, Каменецъ, Изяславль ¹⁾. Если проф. Соболевскій находитъ возможнымъ утверждать, что Батыева орда „разоркла всё города Киевской области, такъ что нѣкоторые изъ нихъ, главнымъ образомъ въ южной ея части, послѣ Батяи или совсѣмъ, или долго не возобновлялись“ ²⁾,—это, конечно, его дѣло.

Въ подтвержденіе мнѣнія о запустѣніи Киевицны ссылаются на свидѣтельства Плана Карпини и сказанія о мученической кончинѣ св. князя Михаила. Первый, рассказывая о своемъ путешествіи отъ Василька Романовича въ Даниловъ и оттуда въ Кіевъ, говоритъ, что путешественники постоянно опасались набѣговъ литовцевъ; особенно нападавшихъ на тѣ мѣста, по которымъ путешественники ѣхали, русскихъ же они не боялись, благодаря проводнику, „къ тому же большая часть (шахіта раге) ихъ была побита или уведена въ плѣнъ татарами“ ³⁾. Но очевидно, что эти слова (они поставлены предъ прибытіемъ путешественника изъ Владиміра въ Даниловъ—городъ, находившійся гдѣ-то въ центрѣ Волыни) относятся собственно къ Волыни, на которую дѣлали нападенія литовцы, или, по самой крайней мѣрѣ, могутъ быть относимы къ Киевской землѣ никакъ не болѣе, какъ и къ Волынской ⁴⁾.

Въ сказаніи о св. Михаилѣ описывается состояніе Руси во время монгольскаго нашествія; свидѣтельство его, что жители, затворившіеся въ городахъ, погибли, а изъ тѣхъ, которые спасались по разнымъ трупобамъ, „мало тѣхъ остася“, а третьи, что бѣжали въ дальніе страны, по минованіи опасности возвратились ⁵⁾—это свидѣтельство

¹⁾ Ипат. с. 523.

²⁾ Къ вопросу объ ист. судьб. Кіева с. 284—285.

³⁾ Собраніе путешествій с. 8—10.

⁴⁾ Извѣстіе о множествѣ костей и череповъ, которое находится въ томъ же мѣстѣ путешествія, что говоритъ о маломъ состояніи Кіева (Собр. путеш. с. 155), должно быть также относимо къ Руси вообще (totam Russiam).

⁵⁾ Я позволю себѣ привести этотъ отрывокъ: Въ лѣто 6746 бѣсть нахождение поганихъ Татаръ на землю христьянскую гнѣвомъ Божиимъ за умноженіе грѣхъ ради. Они же затворихуся въ градѣхъ; Михаилу же бѣжавишу во Угри; ниши же бѣжаша въ земли лавани, ниши же крѣихуся въ нещерахъ и въ пронастѣхъ земныхъ, а иже въ градѣхъ затворихуся, ти исповѣданнемъ и со слезами Богу молящеся, тако отъ поганихъ немилостиво избѣжи бѣша; а ниши же крѣихуся въ горахъ и въ нещерахъ, и въ пронастѣхъ, и въ лесѣхъ—мало отъ тѣхъ остася. Тѣже и въ колѣцѣхъ временнѣхъ осадѣша въ градѣхъ вѣточаши а въ число и начаша на нихъ данѣ имати Татаромъ. Слѣшавше же се, иже

относятъ спеціально къ Кіевской землѣ и въ немъ усматриваютъ новое доказательство кіевского запустѣнія. Но во-первыхъ, въ житіи идетъ рѣчь не о Кіевщинѣ, а вообще о „землѣ хрестыанской“; во вторыхъ—нужно замѣтить, что свидѣтельство это вообще не имѣетъ большой цѣны; все житіе это, древнее въ своей основѣ, и, несомнѣнно, точное относительно самаго факта мученичества св. Михаила ¹⁾, написано однако съ большою дозою риторики; авторъ или не имѣлъ обстоятельныхъ свѣдѣній о событіяхъ, предшествовавшихъ кончинѣ св. Михаила или не желалъ останавливаться на нихъ: онъ, напримеръ, не останавливается на странствованіяхъ Михаила, не объясняетъ, какъ онъ очутился въ Черниговѣ потомъ и проч., и предпочитаетъ обходиться общими фразами. Что авторъ сказанія былъ кіевлянинъ, на это никакихъ указаній нѣтъ, напротивъ—въ авторѣ съ гораздо большею вѣроятностію, судя по общему тону сказанія, нужно видѣть сѣвернаго книжника, и слѣдовательно никакъ нельзя поручиться, что картина всеобщаго бѣгства и истребленія списана непременно съ Кіевской земли, а не написана безотносительно къ определенной мѣстности; что авторы житій обыкновенно мало заботились о точности въ изображеніи условій времени и мѣста, въ которыхъ проходила жизнь того или другого святаго—фактъ слишкомъ извѣстный ²⁾.

блгу ся разбѣга на чужи земли, и возвратишася клязи, и вси людие на свои земли, что ихъ ѡбылося. Начаша ихъ (т. е. клязей) звати татарове нулею глаголюще: не подобаетъ жити на земли канои и батмеѣ, не поклонившеся имъ“. Древнѣйшая рукопись этого сказанія—XIV в.; проф. Ключевскій, на котораго ссылается проф. Соболевскій (къ вопросу с. 288—4) замѣчаетъ вскользь, что оно „написано вѣроятно вскорѣ по смерти князя Михаила“ (Древнерусскія житія святыхъ с. 146); древнее сказаніе затѣмъ было передѣлано въ XV в. Пахоміемъ Логоветомъ. Я не нашелъ указаній, въ какомъ отношеніи къ древнему сказанію стоитъ житіе, включенное въ Воскресенскій сводъ, который пользуется обыкновенно въ данномъ вопросѣ ученіе (въ томъ числѣ и проф. Соболевскій); по свидѣтельству проф. Ключевского (ор. с. с. 147), подробность объ избиеніи Батмекихъ воеводъ, находившаяся въ Воскрес. лѣтоп., была внесена Пахоміемъ; съ другой стороны, здѣсь отсутствуетъ преніе Михаила съ Елдегомъ о вѣрѣ, прибавленное Пахоміемъ. Вышеприведенная тирада взята изъ житія, напечатаннаго въ прил. къ Ист. рус. цркви и. Маркія (У с. 417) по рукописи XIV—XV в.

¹⁾ Это обнаруживается изъ сопоставленія житія съ рассказомъ Плато Карновича (с. 85 и 87); Елдега, фигурирующий въ житіи, упоминается и у него—на с. 19.

²⁾ Какъ на примѣри риторики, укажу на то, что татары раздаютъ клязямъ волюсти для того, чтобы совратить ихъ, Михаилъ отправляется къ Батю съ напѣреніемъ

Такимъ образомъ эти два источника не даютъ твердыхъ, основательныхъ данныхъ для сужденій о судьбѣ Киевской земли. Но если бы даже, оставивъ въ сторонѣ все вышесказанное о качествахъ и значеніи сообщаемыхъ ими извѣстій, принять эти послѣднія и приурочить къ Киевской землѣ,—все-таки и съ помощью ихъ обратитъ Киевщину въ пустыню трудно. Первое извѣстіе, если его распространить и на Киевскую землю, будетъ говорить, что послѣдняя, какъ и Волиня, подверглась разоренію и лишилась большей части (шахіта рагъ) населенія; второе, если опять-таки приурочить его къ Киевщинѣ, сообщить намъ, что часть жителей, затворившаяся въ городахъ, была истреблена¹⁾, а тѣ, которые укрывались въ разныхъ труппахъ или бѣжали въ дальнія страны—тѣ спаслись, одни цѣликомъ, другіе—отчасти, и по минованіи опасности возвращались „на свои земли“. Изъ этихъ извѣстій нельзя вывести какого-нибудь такого особеннаго запустѣнія, которое бы выдѣляло Киевщину изъ ряда остальныхъ земель; такъ же населеніе избивалось и разбѣгалось и въ сѣверо-восточныхъ областяхъ, при томъ неоднократно, и на Волини, и если тѣмъ не менѣе мы вслѣдъ за тѣмъ видимъ эти страны населенными, города возстановленными, жизнь—верпушеюся въ прежнее русло, то почему во всемъ этомъ мы должны отказатъ Киевщинѣ? Проф. Соболевскій говоритъ: „во всякомъ случаѣ Киевщина была разорена гораздо болѣе, чѣмъ земли Рязанская и Ростовская. Многочисленные лѣса этихъ послѣднихъ, разбросанность поселеній, безъ сомнѣнія, способствовала тому, что татары не оказались въ состояніи истребить или увести въ плѣнъ большей части жителей; вслѣдствіе чего, тотчасъ по уходѣ татаръ, мы видимъ въ Ростовскомъ удѣлѣ такую жизнь, какой и много времени послѣ не было въ Киевѣ“²⁾. Но въ Киевской

„обличити прелесть его, онъ же иститъ кривыми“ (с. 418 у м. Макарія, ср. Ключевскаго ср. с. с. 147), что татары предлагали боярину Феодору за отступничество князю Микхаилу (с. 420). Незрѣливо указаніе, что еще до возвращенія св. Микхаила жители были переписаны. Даже подробности о жителяхъ, укрывавшихся въ горахъ, ущельяхъ и пропастяхъ, быть можетъ, напыла не дѣйствительною жизнью, а какими-нибудь текстомъ, въ родѣ Евр. 11, 38: „въ пустыняхъ скитающаеся и въ горахъ и въ вертекахъ и въ пропастехъ зенихъ“.

¹⁾ Максимовичъ (О нишномъ запустѣніи с. 138) полагаетъ, что это извѣстіе относится преимущественно къ городскому населенію.

²⁾ Къ вопросу и пр. с. 286.

землѣ также не было недостатка въ лѣсахъ, какъ о томъ было говорено въ своемъ мѣстѣ, въ частности—и на полянской территоріи было довольно и лѣсовъ, и пещеръ, и всякихъ трупцобъ, а населеніе въ тѣ времена съ большою легкостію передвигалось на значительныя пространства (вспомнимъ хотя бы жителей Юрьева, которые, улучивъ удобный моментъ, поголовно перебѣжали къ Киеву въ 1095 г., спасаясь отъ половцевъ)¹⁾. Нашествіе Батыя произошло не внезапно какъ-нибудь, до киевлянъ задолго доходили слухи о всѣхъ ужасахъ этого нашествия, объ избіеніи городского населенія; осадѣ Киева предшествовали переговоры съ татарами, слѣдовательно населеніе даже и южныхъ, менѣе защищенныхъ мѣстностей имѣло возможность заблаговременно удалиться въ недоступныя мѣста, бѣжать даже въ сосѣднія земли (вспомнимъ бѣгство русскаго населенія въ Венгрію)²⁾, съ тѣмъ чтобы снова возвратиться, когда пройдетъ гроза, на свои пепелища. Если бы у мѣстнаго населенія не было этого тяготѣнія къ своей родинѣ, къ насиженнымъ мѣстамъ, этой устойчивости, удивляющей историка³⁾, наконецъ этой привычки къ періодическимъ опустошеніямъ, созданной исторіей земли, то, конечно, Кіевская земля еще до монгольскаго нашествия, на глазахъ исторіи, нѣсколько разъ обратилась бы въ пустыню. Обозрѣвая исторію ея на протяженіи двухъ предшествующихъ столѣтій, мы видѣли, какою тревожною жизнью жила она, какимъ невзгодамъ подвергалась; эти невзгоды, конечно, отражались на ея благосостояніи, тормозили экономическое развитіе, успѣхи торговли, уменьшали естественный приростъ населенія, заставляли, быть можетъ, нѣкоторый процентъ его выселиться въ болѣе спокойныя страны, но чрезвычайнаго, рѣшительнаго вліянія на состояніе страны, на разрѣженіе, обѣднѣніе населенія не имѣли. Иноземная торговля, особенно чувствительная къ подобнаго рода передрагамъ, не прекращалась, какъ мы видѣли выше, вплоть до самаго монгольскаго нашествия. А что не произошло заустѣнія страны, это можетъ показать извѣстіе Суздальской лѣтописи, что по народной молвѣ, положимъ, значительно и преувеличенной, въ Калеской битвѣ „Кыявъ одинѣхъ изгибло 10 тысячъ“⁴⁾. Почему же монгольское ва-

¹⁾ Ипат. с. 159.

²⁾ Ср. у М. Ф. Владимірскаго-Буданова оп. с. с. 20.

³⁾ М. Ф. Владимірскаго-Буданова оп. с. с. 11.

⁴⁾ Лавр. с. 424.

шествіе произвело бы на это стойкое, выросшее въ грозѣ, во всякихъ перепрягахъ населеніе такое сильное дѣйствіе, такой панической страхъ, заставило его развѣяться, между тѣмъ какъ не развѣялось непривычное къ подобнымъ погромамъ населеніе сѣверо-восточныхъ областей? Прибавимъ еще, что въ Киевской землѣ произошло то, чего не было на сѣверо-востокѣ, именно, что въкоторыя области добровольно подчинились татарамъ, стали къ нимъ въ непосредственную зависимость и были пощажены; это ясно засвидѣтельствовано относительно южной и западной части земли, но можетъ и даже должно быть предположено, какъ мы постараемся доказать ниже, и относительно восточной ея части.

Если предположить, что Киевская земля во время монгольского нашествія и въ послѣдующее господство татаръ занустьла, то какимъ бы образомъ она могла быть заселена? Какъ мы можемъ предположить сюда переселеніе народныхъ массъ изъ сосѣднихъ земель, разъ признаемъ, что до водворенія литовской власти условія жизни здѣсь были невыносимы до крайности, заставили туземцевъ выселиться чуть не поголовно? Между тѣмъ въ XV в., предъ страшнымъ нашествіемъ Менгли-Гирея (1482 г.) Киевщина была достаточно населена, это можно констатировать. Предположить, что это населеніе составилось изъ прихожихъ людей за время литовскаго управленія, трудно: татарская гроза продолжалась и послѣ водворенія литовской власти; Ногодинъ, Соболевскій приводятъ сюда колонистовъ съ запада, но если при этомъ имѣютъ въ виду позднѣйшее движеніе малорусскаго населенія на востокъ, то упускаютъ изъ виду, что это передвиженіе было вынуждено утвержденіемъ помѣщичьей власти и повинностей, чего мы не имѣемъ никакого права предполагать на Волыни ни въ XIV, ни въ XV в. До конца XVI в. мы не имѣемъ никакихъ указаній на движеніе народныхъ массъ въ Украину; волынскіе помѣщики середины XVI в. жалуются, напротивъ, что крестьяне ихъ бѣгаютъ въ Польшу¹⁾; вслѣдованія прозвищъ кievскаго населенія, произведенія проф. В. Б. Антоновичемъ и М. Ф. Владимірскимъ-Будановымъ по даннымъ половины XVI в., обнаружили весьма небольшое

¹⁾ Памятники изд. Киевск. археограф. комис. т. IV, 2 с. 49, Źródła dziejowe t. VI р. 24, 116.

количество колонистов из западно-русских земель, больше было их из Сѣверщины и Бѣлоруссін¹⁾, а что бѣлорусская стихія не имѣла преобладанія надъ туземнымъ элементомъ, за это можетъ поручиться украинское нарѣчіе, чуждое бѣлорусскаго вліанія. Итакъ необходимо предположить въ Кіевщинѣ, въ частности въ землѣ полянъ, существованіе значительнаго туземнаго ядра, пережившаго и нашествіе Батыя, и послѣдующія передраги, отодвигавшагося въ сѣверную полосу, въ лѣса, въ тяжелыя години и возвращавшагося на югъ по минованіи ихъ, ядра, въ которое постепенно поди́вшивались пришлыя элементы, но которое никогда не мѣняло радикально своего состава, не замѣчалось пришлою стихією²⁾. Любопытно, что по наблюденію филологовъ, непосредственно къ сѣверу отъ Кіева въ мѣстномъ нарѣчій замѣчаются типическія особенности древнѣйшей эпохи малорусскаго языка³⁾—очевидно, мѣстное населеніе держалось здѣсь очень устойчиво.

Остается сказать еще объ одномъ обстоятельстве—объ отсутствіи свѣдѣній о Кіевской землѣ за вторую половину XIII в. и почти весь XIV в. Въ сущности это обстоятельство послужило тою, болѣе психологическою, причиною, которая повела къ созданію вышеприведенныхъ гипотезъ о запусѣннн Кіевщины: нѣтъ извѣстій, значить и не было ничего, страна была совершенно разорена, запусѣла и т. д. Но это обстоятельство обусловлено совсѣмъ иными причинами. Во-первыхъ, для Кіевской земли за это время мы не имѣемъ мѣстной лѣтописи (нѣкоторые намеки на существованіе ея появляются только со 2-й пол. XIV в. въ южнорусскомъ т. н. Густинскомъ сводѣ); обстоятельство это очень важно: много ли мы знаемъ, напримѣръ, о

¹⁾ Чтения въ Обществѣ Нестора II с. 225—226, Населеніе Юго-Западной Россіи отъ второй полов. XV в. до Люблин. уніи с. 173 сл.

²⁾ Проф. Владимірскій-Будановъ, изслѣдуя въ сейчасъ названномъ трудѣ этнографическій составъ украинскихъ новгородъ Литовскаго государства въ полов. XVI в., приходитъ къ такому заключенію: „Пришлыя элементы претворились постепенно въ особую этнографическую группу, значительно отличающуюся, напр., отъ кореннаго населенія Волыни. Это даетъ основаніе предположить, что далеко не все населеніе Украины сложилось изъ пришлыхъ людей, что въ основѣ его сохранилась древняя закладка туземнаго, кіевскаго и сѣверскаго, племеннаго начала. Кіевское населеніе не все поголовно было свосією бурями татарскихъ опустошеній“ (с. 188).

³⁾ Житєцкій Очеркъ звуковой ист. малор. нарѣч. с. 276.

Полоцкой землѣ за XIII в., хотя она, конечно, не запустѣла и не пришла въ конечный упадокъ? Другая причина—это упадокъ политической роли Киевщины. По мѣрѣ того какъ политическій центръ Южной Руси передвигается въ государство Галицко-Волинское, а политическимъ центромъ сѣверо-востока становится Владиміръ, значеніе Киевской земли, потерявшей свой престижъ, раздробленной на удѣлы, слабой вслѣдствіе отсутствія солидарности между княземъ и земствомъ, все падаетъ, и извѣстій о ней въ чужихъ лѣтописяхъ дѣлается все меньше и меньше. Уже для первой половины XIII в. мы имѣемъ такъ мало извѣстій, что едва можемъ составить каталогъ киевскихъ князей за это время. Захуданіе Киева, продолжающееся и вперёдъ crescendo, само по себѣ служило бы достаточнымъ объясненіемъ молчанія о Киевѣ лѣтописей юго-западныхъ и сѣверо-восточныхъ, тѣмъ болѣе, что монгольское нашествіе разорвало и ту большую связь между сѣверо-востокомъ и юго-западомъ, какая существовала до него, и сузило политику какъ галицкихъ, такъ и владимірскихъ князей, толкнувъ первыхъ на западъ, а вторыхъ на сѣверъ и востокъ. Но этого мало; если принять, что послѣ монгольскаго нашествія прекратилась и династическая связь Киевщины съ Галичемъ и Владиміромъ, что здѣсь вовсе прекратилась княжеская власть, прекратился тотъ государственный строй, который сближалъ ее и съ сѣверо-восточными и съ юго-западными княжествами (что я постараюсь доказать сейчасъ)—жизнь раздробленныхъ автономныхъ общинъ, не имѣвшихъ княжескихъ усобицъ, не производившихъ походовъ на сосѣднія земли, не вступавшихъ въ брачныя связи съ сосѣдними государями, жизнь чуждая и враждебная современнымъ княжеско-государственнымъ понятіямъ какой матеріалъ могла доставить сосѣднимъ лѣтописцамъ? И они, дѣйствительно, только случайно, мелькомъ, обронили о ней нѣсколько словъ.

Этою же причиною обуславливается переселеніе митрополитовъ изъ Киева—обстоятельство, которое поставляется въ связь съ теоріями о запустѣніи Киевщины и, въ свою очередь, служитъ для нихъ доказательствомъ. Иерархи привыкли къ союзу и общенію съ носителями центральной государственной власти и потому естественно тяготѣли къ государственнымъ центрамъ, къ Владиміру, Москвѣ, къ Вильну, а Киевщина, хотя бы и благоденствовала, спачала лишена была вовсе этой власти, а позже, хотя и была объединена и снабжена княжескою

властью,—въ политическомъ отношеніи все же оставалась однимъ изъ второстепенныхъ княжествъ ¹⁾.

Такимъ, по крайнему моему разумѣнію, представляется вопросъ о татарскомъ нашествіи. Я не могу признать за монгольскимъ нашествіемъ рѣшительнаго, фатальнаго значенія для состоянія страны,— я за то, какъ упоминалъ выше, придаю ему большое значеніе въ другомъ отношеніи—въ отношеніи перестройки политико-общественныхъ отношеній. Къ этому вопросу я и перехожу теперь.

Мы остановились въ изложеніи событій на томъ моментѣ, когда Кіевъ перешелъ по повелѣнію Батмы во власть Ярослава Всеволодовича. Какъ было упомянуто, мы находимъ здѣсь его намѣстника, но самъ Ярославъ, вѣроятно, не пріѣзжалъ сюда болѣе, занятый устройствомъ разоренныхъ сѣверно-восточныхъ волостей. Скоро впрочемъ онъ скончался „нужною смертью“ во время путешествія въ Монголію (30 сентября 1246 г.) ²⁾.

На главномъ столбѣ, во Владимірѣ, сѣлъ его братъ Святославъ, раздавъ своимъ племянникамъ города, „яко же бѣ отецъ имъ урядилъ Ярославъ“ ³⁾. Самъ онъ не поѣхалъ на утвержденіе въ Орду, вмѣсто того туда отправилъ сынъ покойнаго Ярослава—Андрей, и за нимъ старшій братъ—Александръ; отъ Батмы они отправились затѣмъ въ Монголію. Между тѣмъ во время ихъ путешествія Святославъ былъ согнанъ со стола однимъ изъ младшихъ Ярославичей, Михаиломъ, который затѣмъ погибъ въ войнѣ съ Лятовю; въ связи ли съ этимъ переворотомъ, или независимо отъ того, Александръ и Андрей получили старшинство помимо дядей и зимою 1249 г. явились изъ Орды: Александру „приказаша Кіевъ и всю Русьскую землю“, а Андрею—Владимірскую волость, „по завѣту отца ихъ“ прибавляетъ сводъ Татищева ⁴⁾. Кто въ промежутокъ 1246—1249 г. считался кіевскимъ

¹⁾ Что касается извѣстій константинопольскихъ актовъ XIV в. о Кіевѣ, то о нихъ я буду говорить ниже.

²⁾ Лавр. с. 448, Воскр. I с. 166, Никои. II с. 138, Собраніе путешествій въ татары с. 52.

³⁾ Лавр. с. 448.

⁴⁾ Лавр. с. 448, Воскр. I с. 166—167, 169, Никои. II с. 136, 136—7, Татищевъ IV с. 20—22.

князю, летописи же говорят; осенью 1245 года, когда чрез Киев проезжал Даниилъ, здѣсь сидѣлъ, въ качествѣ намѣстника Ярослава, упомянутый уже Дмитро Ейковичъ; что было затѣмъ въ Киевѣ, мы не знаемъ ¹⁾. Плано Карпини, проезжавшій въ 1246 и 1247 г., упоминаетъ о кievскомъ тысяцкомъ, котораго онъ называетъ Монгротомъ ²⁾; нѣкоторые видятъ въ этомъ искаженіе имени Дмитра ³⁾. Довольно вѣроятно предположеніе, что Киевъ былъ назначенъ Александру въ удѣлъ еще отцемъ его ⁴⁾, и въ такомъ случаѣ тамъ могъ, дѣйствительно, и по смерти Ярослава сидѣть тотъ же Дмитро ⁵⁾. Самъ Александръ, вернувшись изъ Орды, не сѣлъ въ Киевѣ, а отправился въ Новгородъ; Татищевскій сводъ рассказываетъ, что оттуда онъ собрался отправиться въ Киевъ, но новгородцы отговорили его— „татаръ ради“ ⁶⁾.

Вышеуказанное распределеніе волостей, по которому владимірскій столъ достался младшему брату, а кievскій—старшему, для того времени было уже анахронизмомъ; Владимірская волость была несравненно выгоднѣе, и Александръ, какъ видно, былъ огорченъ такимъ дѣлежомъ. По извѣстію того же Татищевского свода, довольно вѣроятному, Александръ жаловался хану на несправедливый дѣлежъ и изводилъ на брата разные обвиненія. Какъ бы то ни было, въ 1252 г. Андрей былъ выгнанъ татарскимъ войскомъ изъ своихъ владѣній, „старѣйшинство во всей братиѣ“ получилъ Александръ и сѣлъ во Владиміръ ⁷⁾.

¹⁾ Даниилъ былъ въ Киевѣ на св. Дмитрія, вѣроятно Солунскаго, 26 октября; въ январѣ 1246 г., когда Плано Карпини былъ на Волгѣ, Даниилъ еще не возвратился изъ Орды (Собр. путеш. с. 8).

²⁾ Millenarius p. 10, Mongrot, capitaine de Kiovie—p. 212.

³⁾ Клякентіо Данила Галлицкаго Н. П. Дашкевича с. 63. Впрочемъ нужно замѣтить, что о Монгротѣ упоминается въ заключительной главѣ Плано Карпини, которая находится только у Бергерова (см. Собр. путешествій с. 295 пр. 100).

⁴⁾ Соловьевъ III с. 183.

⁵⁾ Можно предположить еще иную причину, по которой Дмитро могъ сидѣть въ Киевѣ независимо отъ сѣтви князей—о ней рѣчь будетъ ниже.

⁶⁾ I Новг. с. 54 (1250 г.), Татищевъ IV с. 22; изъ словъ послѣдняго выходитъ какъ будто, что Александръ вовсе отказался отъ Киева: „остая въ Новѣградѣ, а отчины свои Переяславъ Вѣлорусскій“; гдѣ и Киевъ былъ ему отчиномъ?

⁷⁾ Лавр. с. 449, Юскр. I с. 159—160, Никои. II с. 188—9, Татищевъ IV с. 24. Ср. Соловьевъ III с. 184, Костомаровъ Русск. ист. въ жизнеоп. I с. 159—161, Эссендальскій—Князья Сѣверной Руси I с. 26—27.

Какъ распорядились съ Кіевомъ? Относительно этого молчатъ и Судальская лѣтопись, и сѣверно-русскіе своды. Имѣя въ виду прежнее распоряженіе хана, можно, пожалуй, заключить, что Кіевъ съ „Русскою землею“ по прежнему оставался во владѣніи Александра. Дѣйствительно, южнорусскій сводъ, т. н. Густинская лѣтопись, подъ 1252 г. сообщаетъ, что Александръ выпросилъ себѣ „княженіе надъ всею Рускою и Московскою землею и надъ всѣми князи“, а упоминая о смерти Александра, называетъ его княземъ „московскимъ и кіевскимъ“. „Кіевскимъ“ титулуетъ она и преемника его—Ярослава Ярославича¹⁾. Эти извѣстія южнорусскаго свода пользуются довѣріемъ въ наукѣ²⁾. Между тѣмъ въ сѣверныхъ источникахъ за все это и послѣдующее время нѣтъ никакихъ указаній, чтобы въ Кіевѣ сидѣлъ какой-либо изъ сѣверныхъ князей. Такое яво бы пренебреженіе сѣверныхъ князей нѣкоторые ученые не прочь объяснить совершеннымъ разореніемъ и запустѣніемъ Кіевской земли, не представлявшей поэтому ничего привлекательнаго для сѣверныхъ князей³⁾. Но то любопытно, что сѣверные источники не только не упоминаютъ о томъ, чтобы въ Кіевѣ сидѣлъ кто-либо изъ сѣверныхъ князей,—они не даютъ за все время Александра и Ярослава († 1272 г.) и за послѣдующій періодъ рѣшительно никакихъ указаній на какую-либо зависимость Кіева отъ нихъ—не упоминается ни о посылкѣ наместниковъ, ни о какихъ-либо сношеніяхъ съ Кіевомъ. Такое упорное молчаніе источниковъ, которые въ общемъ довольно подробно излагаютъ относящееся къ сѣвернымъ князьямъ, едва ли только случайность; оно дѣлаетъ сомнительнымъ самый фактъ зависимости Кіева отъ сѣверныхъ князей. Что касается до упомянутыхъ свидѣтельствъ южнорусскаго свода, то ихъ легко объяснить домысломъ составителя; найдя извѣстіе о подчиненіи Кіева Александру, онъ предположилъ, что и въ послѣдующее время Кіевъ оставался за нимъ, а затѣмъ перешелъ къ его преемнику. Впрочемъ говоря о возмужаніи Ярослава Ярославича, составитель свода не упоминаетъ о Кіевѣ: „сѣде по немъ (Александрѣ) на княженіи Московскомъ Ярославъ Яросла-

¹⁾ П. с. л. II с. 342, 343, 344; эти извѣстія вошли и въ Синодальскій с. 124.

²⁾ В. В. Антоновичъ—Монографія I с. 226; см. также Квашнина-Самарина *op. c.* с. 222, Записки Н. П. Дашкевича с. 59, прим. 1, Князь Сѣвер. Руси Эммануиловскаго I с. 39.

³⁾ См. „Къ вопросу объ истор. судьбахъ Кіева“ с. 236—267.

вичъ¹⁾, и только говоря о кончинѣ, называетъ его „литовскимъ и кievскимъ“; „кievскій“, можетъ быть, такая же обмолвка, какъ и „литовскій“ (какъ ниже подъ 1306 г.: „пакн начать въ Кіевѣ княжити Юанъ Даниловичъ Калита“²⁾), потому что въ сѣверныхъ сводахъ Ярославъ называется „княземъ владимірскимъ и новгородскимъ“, равно какъ и Василій Ярославичъ (такъ названъ послѣдній и въ Густынской)³⁾, а для этого періода Густынская лѣтопись не имѣла иныхъ русскихъ источниковъ кромѣ Волынской лѣтописи и сѣверныхъ сводовъ. Противъ принадлежности Кіева великимъ князьямъ владимірскимъ можно высказать еще одно соображеніе. Въ пятидесятыхъ годахъ XIII в. Данилъ начинаетъ наступательную борьбу противъ татаръ и подчиняетъ себѣ зависѣвшія непосредственно отъ нихъ общины въ районѣ Случи и Тетерева; онъ задумываетъ походъ на Звягель, также непосредственно зависѣвшій отъ татаръ, и Кіевъ; послѣднее намѣреніе не состоялось, походъ Данила ограничился лишь разореніемъ Звягля, но для насъ важно то, что Данилъ имѣлъ намѣреніе идти на Кіевъ⁴⁾. Спрашивается, если бы Кіевъ въ это время фактически принадлежалъ в. князю владимірскому, неужели Данилъ задумалъ бы напасть на Кіевъ и нанести въ своей борьбѣ съ татарами еще одного такого врага, какъ Александръ Невскій⁵⁾?

Кіевщина не принадлежала и галицко-волынскимъ князьямъ; извѣстія мѣстной лѣтописи обнаруживаютъ это ясно, хотя принадлежность Кіевщины къ государству Данила защищаютъ такіе авторитетные ученые, какъ проф. Шараневичъ и Владимірскій-Будановъ⁶⁾.

¹⁾ П. с. л. II с. 343.

²⁾ Ibidem с. 348. Г. Эizenларскій (ор. с. I с. 72) находитъ это извѣстіе „страннымъ и ничѣмъ не объяснимымъ“; вѣроятно въ немъ есть и ошибка („въ Кіевѣ“—вѣсто „въ Москвѣ“) и недоразумѣніе, источникомъ котораго было, можетъ быть, извѣстіе сѣверныхъ источниковъ подъ 1304 г., что Калита (въ отсутствіи брата) держалъ Москву (см. Никон. II с. 176). Н. П. Дашкевичъ прѣдлагаетъ, повидимому, нѣкоторое значеніе этому извѣстію Густы. л. (Болохов. зем. с. 106).

³⁾ Воскр. I с. 171, Никон. II с. 144, 150, Тверск. с. 403, Густ. с. 344.

⁴⁾ Ипат. с. 555—6. Время похода можно опредѣлить только съ нѣкоторою приближенностью; въ Ипат. онъ разсказывается между коронаваніемъ Данила, которое Н. П. Дашкевичъ относитъ къ осени 1263 г. (Данилъ Галицкій с. 99) и намѣстиемъ Вурудала 1258 г. (1 Новг. с. 56, Воскр. I с. 162, ср. Дашкевичъ ор. с. с. 86).

⁵⁾ Да и въ самомъ разсказѣ походъ на Кіевъ ямлется какъ часть „рати противу Татаромъ“, водимой Даниломъ (Ипат. с. 555).

⁶⁾ Ист. Гал.-Волод. Руся с. 102, Населеніе Ю.-В. Россіи до полов. XV в. с. 24 и

Въ 40-хъ годахъ XIII в. Кіевъ находился во владѣніи (дѣйствительномъ или номинальномъ) Ярослава; не принадлежалъ онъ Даниилу и въ 50-хъ г., потому что въ это время Даниилъ замыслилъ свой вышеупомянутый походъ на Кіевъ; никакихъ указаній на то, чтобы Кіевъ въ этотъ промежутокъ принадлежалъ Даниилу и былъ отнятъ, какъ полагаютъ, Куремсой, мы не имѣемъ¹⁾. Задуманный Данииломъ походъ на Кіевъ не состоялся, Даниилъ вернулся, о новыхъ походахъ мы ничего не знаемъ, да и немислимы они были въ тогочасовенныхъ обстоятельствахъ; молчаніе столь обстоятельнаго памятника, какъ современная Волинская лѣтопись, служитъ весьма сильнымъ доказательствомъ противъ мнѣній о принадлежности Кіева галицко-волинскимъ князьямъ²⁾. Правда, Стрыйковскій утверждаетъ, что и послѣ монгольскаго нашествія Кіевъ принадлежалъ Даниилу, а потомъ Льву Даниловичу; у него и коронація Даниила происходитъ сначала въ Кіевѣ, а потомъ уже въ Дрогоичинѣ³⁾; но сопоставленіе несомнѣнныхъ историческихъ данныхъ заставляетъ видѣть въ этихъ утвержденіяхъ лишь неудачный домыселъ компилятора.

Итакъ, на основаніи всего вышесказаннаго, думаю, можно заключить, что во второй половинѣ XIII в. Кіевщина не принадлежала ни сѣвернымъ, ни галицко-волинскимъ князьямъ. На основаніи современныхъ лѣтописныхъ данныхъ приходится, съ значительною вѣроятностью, заключить, что въ Кіевской землѣ не было вовсе князей во второй половинѣ XIII в.⁴⁾ Въ Волинской лѣтописи упоминается рядъ татарскихъ походовъ съ участіемъ южнорусскихъ князей, и при

32, см. также Молчановскаго оп. с. с. 147. Къ этому вопросу я еще разъ возвращуся, когда будетъ рѣчь о завоевательныхъ планахъ Даниила.

¹⁾ Шаралевичъ оп. с. с. 98, Владимірскій-Будановъ оп. с. с. 24, Молчановскій оп. с. с. 148.

²⁾ Нѣкоторые другія доказательства непринадлежности Кіевщины галицко-волинскимъ князьямъ, преемникамъ Даниила, будутъ еще приведены ниже.

³⁾ Кроніка I р. 286, 287, 291, 303, 306, 311; ср. Сивковскій с. 184.

⁴⁾ Такая мысль была высказана и раньше; проф. Н. П. Дашкевичъ въ одномъ мѣстѣ выражается такъ: „какъ управлялись въ то время (полов. XIII в.) земли, тянувшіяся на востокъ отъ перечисленныхъ нами до Днѣпра, платили ли и отъ данъ непосредственно Татарамъ или имѣли русскихъ князей, которые упоминаются позже въ Кіевѣ, мы не знаемъ (Болех. зем. с. 106). Проф. Малишевскій въ статьѣ о Ядѣ Одровонжѣ прямо высказалъ мнѣніе, что отъ нашествія Батты и до начала XIV в. Кіевъ не имѣлъ у себя русскихъ князей (Труды Кіев. Дух. Ак. 1867. VI с. 467).

этомъ ни разу не упоминаются князья кievскіе ¹⁾; интересны въ этомъ отношеніи: походъ на Литву, записанный подъ 1274 г., и походъ на ляховъ—подъ 1283 г.; въ первомъ случаѣ разсказывается, что ханъ въ помощь Льву Даниловичу „да рать, Ягурчина с ними воеводу, и Заднѣпрскіи князи всѣ да ему в помощь, Романа Дѣбряньского и сномъ Олгомъ, и Глѣба князя Смоленского, иныхъ князей много: тогда бо бяху вси князи в воли в Татарской“ ²⁾. Если были князья въ Киевщинѣ въ это время, то они должны были принять участие въ походѣ, а если бы они участвовали, то едва ли лѣтописецъ не упомянулъ бы ихъ; онъ могъ игнорировать или незнать „иныхъ“ мелкихъ князей Черниговской или Смоленской земли, но сосѣдней—Киевской, вѣрно, упомянулъ бы. Еще яснѣе это въ разсказѣ о походѣ на ляховъ: „Телебуга же посла ко Заднѣпрѣйскимъ княземъ и ко Волынскимъ, ко Львови и ко Мстиславу и к Володимѣру, веля имъ пойти с собою на войну; тогда же бяху вси князи в неволѣ Татарской“ ³⁾—очевидно, между Волынью, границею которой въ это время съ востока была, повидимому, Горынь ⁴⁾, и Днѣпромъ не было князей; лѣтописецъ какъ бы подчеркиваетъ, что всѣ князья были въ татарской неволѣ, всѣ должны были участвовать въ походѣ. Нѣтъ никакихъ намековъ на существованіе князей въ Киевской землѣ и въ сѣверныхъ источникахъ; въ одномъ случаѣ, кажется, непременно должно бы ожидать упоминанія о кievскомъ князѣ, если бы онъ существовалъ, именно въ знаменитомъ извѣстіи 1299 или 1300 г.: „того же лѣта митрополитъ Максимъ, не терпя татарского насилья, остави митрополию и збѣжа ис Кieва, и весь Кieвъ разбѣжался; а митрополитъ иде ко Брянску, и оттолѣ иде в Суждальскую землю, и со всѣмъ своимъ житьемъ“ ⁵⁾; о князѣ ни слова, и молчаніе это, по моему, многозначительно.

¹⁾ См. Ипат. с. 560 подъ 1260 г., с. 575—подъ 1274, 578 подъ 1277, 581 подъ 1280, 585 подъ 1282, 588 подъ 1283, 591 подъ 1287.

²⁾ Ипат. с. 575.

³⁾ Ипат. с. 588. Не лишено, быть можетъ, значенія и то, что въ современной Волынской лѣтописи волынскіе и галицкіе князья въ это время называются просто „князи Руски“, словно то были единственные князья въ юго-западной Руси.

⁴⁾ Какъ было указано выше, въ географическомъ очеркѣ (с. 48), это видно изъ описанія того же похода: у Горыни Мстиславъ встрѣчаетъ Телебугу съ дарани (Ипат. с. 588).

⁵⁾ Лавр. с. 461, здѣсь оно помѣщено подъ 1300 г., въ сводахъ же находится подъ 1299 г.—Никон. II с. 172, Татищевъ IV с. 79—сходно съ Лавр., Воскрес. I с. 182 тотъ

Въ Волынской лѣтописи, правда, упоминается годъ 1289 г. Юрій князь пороссій, котораго князь Мстиславъ Даниловичъ послалъ „возводити Татаръ на синовца своего“ и который „служаше Мстиславу, а первое служилъ Володимиру“ (Васильковичу) ¹⁾; но то былъ, по всей вѣроятности, служилый князь ²⁾, который носилъ только титулъ поросскаго, или, быть можетъ, владѣлъ какимъ-нибудь помѣстьемъ на Поросьи: объ этой области еще съ большимъ вѣроятіемъ, какъ увидимъ ниже, чѣмъ о другихъ удѣлахъ Кіевщины, можно предполагать, что тамъ князей не было. Было еще высказано въ ученой литературѣ мнѣніе, что во второй половинѣ XIII в. въ Кіевской землѣ княжили мелкіе князья изъ дома черниговскихъ Ольговичей; это мнѣніе основывается на именахъ князей въ т. н. Сѣверскомъ синодикѣ, гдѣ между прочимъ записаны: „Іоаннъ Володимеръ Кіевскій и Андрей Вруцкій“ ³⁾. Но время княженія этихъ князей опредѣлить весьма трудно,

нѣе опредѣляетъ время: литоволитъ пришелъ во Владиміръ 18 апрѣля (та же дата и въ 4 Новгород.); въ Тверск. (с. 407), Софійск. (I с. 292) и 4 Новгород. (с. 46)—короче.

¹⁾ Ипат. с. 612. Владиміръ Васильковичъ княжилъ съ 1271 по 1288 по Ипат. з.

²⁾ Такимъ его считаютъ Сергѣевичъ (Вѣче и князь с. 358), Н. П. Дамкевичъ (Болоховск. земля пр. 138), Н. А. Линиченко (Журн. М. Н. П. 1891, V с. 160). М. Ф. Владимірскій-Будановъ (ор. с. с. 32) считаетъ его владѣльщикомъ—объ этомъ я еще буду говорить ниже. Шараневичъ въ одномъ мѣстѣ видитъ въ немъ, повидимому, князя служилого, безудѣльнаго, въ другомъ—владѣтельнаго и замѣчаетъ: „чи Юрій былъ вразѣ и княземъ кіевскимъ, чи може обочь него сидѣти князь въ Кіевѣ, сказати не знають“ (ор. с. с. 109 и 120).

³⁾ Квашнинъ-Самаринъ по поводу Любецкаго синодика—въ Чтеніяхъ Общ. Ист. и Древн. за 1878 г. кн. IV с. 222—223; Н. П. Дамкевичъ Волоховская земля с. 108. Записки „Сѣверскаго синодика“ приведенны архіеп. Филаретомъ въ его примѣчаніяхъ къ Любецкому синоднику, изданнымъ вмѣстѣ съ послѣднимъ въ книгѣ гр. Милорадовича: „Любеть“ (Москва 1871 г., также въ Чтеніяхъ О. И. Д. за 1871 кн. II). По словамъ арх. Филарета (Любеть с. 37), послѣ имени Іоанна Путивльскаго, вписаннаго въ Любецкомъ и Сѣверскомъ синодикахъ, въ послѣднемъ читается: „кн. Іоанна Володимера Іоанновича Кіевскаго и сестру его, кн. Елену, кн. Андрея Вруцкаго, и сима его, кн. Василия, убіеннаго въ Путнѣхъ“. Личность Іоанна Путивльскаго и время его княженія совершенно неизвѣстны (см. статью г. Квашнина-Самарина), равно какъ и время предшествующихъ ему князей; въ Любецкомъ синодикѣ за имя слѣдуетъ кн. Іоаннъ Рязанскій, убіенный отъ татаръ, котораго Филаретъ пріурочиваетъ къ Іоанну Постынку († 1287), кн. Михаиломъ Андреевичъ Трубецкой († 1557 по Филарету), кн. Юрій Торусскій, по Филарету, сими св. Михаиломъ, Константиномъ Оболенскій, по Филарету † 1368. Желательно, чтобы этотъ, несомнѣнно, важный историческій памятникъ подвергнутъ былъ основательному изслѣдованію, равно какъ и отношеніе его къ другимъ синодикамъ, съ которыми его сравнивалъ арх. Филаретъ, на основаніи же наличныхъ данныхъ опредѣлить сколько нибудь точно время нашихъ князей

и къ XIV вѣку ихъ отнести можно еще удобнѣе, чѣмъ къ XIII, такъ что и это обстоятельство не можетъ служить къ опроверженію изложеннаго мнѣнія объ отсутствіи князей въ Киевщинѣ во второй половинѣ XIII в.

Эти соображенія объ отсутствіи князей въ Киевской землѣ приобрятаютъ, мнѣ кажется, еще болѣе вѣроятія, если сопоставить ихъ съ другими, несомнѣнными извѣстіями источниковъ. Татарское завоеваніе частью выдвинуло, частью поддержало въ Южной Руси чрезвычайно интересное явленіе; въ то время какъ остальная Русь, устами лѣтописцевъ, плачется на татарское иго, населеніе украинскихъ областей задумало воспользоваться имъ для того, чтобы освободиться отъ дружиннаго строя, отъ княжеской централизаціи и въ непосредственной зависимости отъ татаръ возстановить первоначальный строй мелкихъ автономныхъ общинъ (поскольку оставляло мѣста для такой общинной автономіи татарское верховенство). Явленіе это обнаруживается непосредственно за монгольскимъ нашествіемъ и замѣчается затѣмъ на значительномъ пространствѣ; въ дѣйствительности оно, быть можетъ, приняло гораздо болѣе обширные размѣры, но къ сожалѣнію наши свѣдѣнія о немъ весьма скудны.

Несомнѣнно, уже въ первое движеніе татаръ чрезъ правобережную Русь (1240 г.), или, быть можетъ, и до него, вошли въ сношенія съ татарами и поворились имъ болоховскіе князья—еще до возвращенія Батмы изъ Венгрии (по Волынской лѣтописи—въ 1241 г.) мы видимъ ихъ въ подчиненіи у татаръ¹⁾. Свѣдѣній о Болоховской землѣ вообще у насъ очень мало; какъ было указано въ своемъ мѣстѣ, ее съ наибольшою вѣроятностью помѣщаютъ, вслѣдъ за Н. П. Дашкевичемъ, въ верхнемъ теченіи Буга, до поворота его на югъ, и на верховьяхъ

совершенно невозможно: предшествующіе имъ князья неизвѣстны, а послѣдующіе отнесены къ самымъ различнымъ временамъ; для меня даже и происхожденіе ихъ отъ Ольговичей не кажетъ убѣдительно, такъ какъ ниже мы видимъ князей и изъ другихъ домовъ. Еще болѣе интереса представляли бы для насъ поминки киевскіе; въ упомянутомъ выше Петерскомъ поминикѣ, точнѣе—поминикахъ, есть нѣсколько списковъ киевскихъ князей, но пользоваться ими также трудно, вслѣдствіе отсутствія хронологической послѣдовательности въ раздѣленіи князей и скудости объясненій при нихъ именамъ.

¹⁾ Ипат. с. 526.

Случи и Тетерева ¹⁾, такъ что она захватываетъ собою юго-западный край старой Кіевской земли. До XIII в. она ничѣмъ не выделяется себя и не выдается въ ряду другихъ кіевскихъ областей. Подъ 1231 г. въ Волынской лѣтописи впервые выступаетъ группа болоховскихъ князей, съ очень опредѣленной политической физономіей: это ярне поборники областной самостоятельности, противники централистическаго государственнаго строя. Главными представителями государственной идеи въ Южной Руси въ то время были Романовичи, и болоховскіе князья противодействуютъ имъ всѣми силами, являются дѣятельными союзниками всѣхъ ихъ враговъ. Неизвѣстно, кто такіе были эти болоховскіе князья—были ли то представители общинъ, во княжившіеся бояре, мелкіе князья Рюриковичи, или даже потомки древнѣйшихъ туземныхъ князей; первое изъ этихъ предположеній кажется мнѣ наиболѣе вѣроятнымъ ²⁾. Любопытно и весьма вѣроятно нѣкотораго сближенія этихъ князей съ подольскими атаманами XIV в. и волошскими „князьями“—представителями сельскихъ общинъ ³⁾. Несомнѣнно во всякомъ случаѣ, что князья эти стояли въ тѣсной связи и солидарности съ населеніемъ и являлись выразителями его вождѣвнѣй. Подчиненіе болоховцевъ татарамъ не было мѣрою одной князьей политики, но дѣломъ всего населенія ⁴⁾, оно стояло въ связи

¹⁾ См. выше с. 44—46; Волоховская земля с. 87.

²⁾ Карамзинъ III в. 348 (с. 127), Костомаровъ Моногр. I с. 249, Русск. ист. въ жизнеопис. I с. 131, Квашинъ-Самаринъ ор. с. с. 216, Дамкевичъ—Волоховская земля с. 101, Новѣйшіе доиссл. о Волоховѣ с. 184 сл., Молчановскій Очеркъ изв. о Подол. а. с. 110 сл.; другія библиографическія указанія см. въ „Волоховск. землѣ“ с. 94 сл.

³⁾ Молчановскій ор. с. с. 158, 161, Дамкевичъ Новѣйшіе доиссл. о Волоховѣ с. 160.

⁴⁾ Это ясно показывается лѣтописью: говоря, что Даниилъ вращдалъ съ болоховцами за ихъ союзъ съ татарами, она затѣмъ переводитъ рѣчь на болоховскихъ князей и тѣмъ даетъ понять, что раньше рѣчь шла о населеніи, а не о князьяхъ: „Даниилъ же имъ нѣ болшую вражду держа, яко отъ Татаръ болшую надежду имѣаху. Князѣ же ихъ изгна отъ руку Болеславу“ и т. д.—Ипат. с. 527. Вѣроятно, такая необычная политика побудила Зубрицкаго предложить въ болоховцахъ и ихъ князьяхъ тюрьмовъ (Ист. Гал.-Рус. княж. III с. 188), поэтому же онъ и Зягель объявилъ „колонию изъ татаръ или какиихъ либо другихъ иностранцевъ, ибо русскіе обрадовали бы ся пришествіемъ своего государя, намѣровавшася освободитъ ихъ отъ татарскаго ига“ (III с. 187). Мнѣніе его о происхожденіи болоховцевъ было принято Шараневичемъ (Ист. Гал.-Волод. Руси с. 104), см. также у г. Молчановскаго ор. с. с. 116 (онъ впрочемъ сомнѣвается въ добровольности подчиненія болоховцевъ татарамъ), Труды Комитета для ист. опис. Подольск. епарх. I р. VI.

со всю предшествующей полеткою Болоховской земли: признавъ надъ собою власть татаръ, не грозившую никакими переми́нами ихъ излюбленному общественному строю, болоховцы тѣмъ надѣялись спасти свою общинную автономию и приобрести защитниковъ противъ притязаній Данила. И дѣйствительно, заручившись покровительствомъ татаръ, они не медля возобновляютъ прежнюю борьбу съ Даниломъ, поддерживая Ростислава Михайловича¹⁾.

Неизвѣстно, одновременно или позже въ такую же зависимость отъ татаръ пришло населеніе территорій, лежавшей къ сѣверу отъ Болоховской земли; хотя о подчиненіи его татарамъ мы узнаемъ только въ 50-хъ годахъ (XIII в.), но подчиненіе это могло состояться и раньше, даже въ 1240 г. Правда, мы знаемъ, что нѣкоторые города, лежавшіе въ этой полосѣ, какъ Колодаженъ и Каменецъ, сопротивлялись тогда татарамъ, но отсюда нельзя еще выводить какого-либо заключенія о всемъ населеніи: въ городахъ могли стоять гарнизоны Данила, среди населенія могло не быть единства въ рѣшеніяхъ. Быть можетъ, то обстоятельство, что Волынская лѣтопись, рассказывая о возвращеніи татаръ изъ Венгріи, говоритъ только о разореніи сѣверной Волыни, и затѣмъ ни о какихъ разореніяхъ не упоминаетъ, тѣмъ именно и объясняется, что далѣе, за Горынью, татары вступили въ среду населенія, добровольно покорившагося имъ. Въ 50-хъ гг. татарамъ непосредственно подчинены были болоховцы, жители Побожья, городовъ, стоящихъ по Тетереву, Звягля—на Случи, и отдѣльных мѣстностей, которыя съ большою вѣроятностью, соображая обстоятельства похода на нихъ Шварна, можно помѣщать также въ бассейніи Случи и далѣе къ востоку—до Тетерева: это Городецъ и Сѣмоць, Бѣлобережцы и чернятинцы²⁾. То были уже, какъ видно, общины

¹⁾ Въ виду всего этого никакъ нельзя согласиться съ М. Ф. Владимірскаго-Будановича (оп. с. с. 23), что подчиненіе Данилу „Бѣлобережцевъ, Чернятинцевъ и всѣхъ Болоховцевъ“ (Ипат. с. 555) было добровольное, что „это подвижное населеніе украинъ, предшественники козаковъ, очевидно, охотно тянули къ русскому государству“. Подробнѣе распространяться о болоховцахъ нахожу излишнимъ, такъ какъ вопросъ этотъ обобъ-валъ и прекрасно освѣщенъ въ трудѣ П. П. Дашкевича „Волоховская земля“ (с. 89 сл.).

²⁾ И позволю себѣ привести дѣлкомъ это чрезвычайно любимое и единственное въ своемъ родѣ мѣсто Волынской лѣтописи: „По рати же кремлянецкой Куремьсинѣ, Даянъ воедиже рать противу Татаромъ. Сгадавъ с братомъ и со сномъ, посла Деониса Палювича, вая Межибожье, потонъ же воевахуть люде Данилови же и Василькови Болоховъ, а Львови Побожье и люди Татарьскыи. Весгъ же бывши посла смя своего

чистаго типа, даже безъ такихъ князей, какихъ мы видѣли у болоховцевъ¹⁾. Лѣтопись не говоритъ намъ, составили ли онѣ какую-нибудь федерацію между собою, или не имѣли другой связи, кромѣ общности интересовъ и условій быта; судя по тому, что войска Данила борются порознь съ отдѣльными общинами, послѣднее кажется болѣе вѣроятнымъ. Подчиненіе ихъ татарамъ было, конечно, добровольное, и цѣлью было пріобрѣтеніе общинной автономіи; общины вовсе не имѣютъ желанія возвратиться въ подчиненіе Данилу, соглашаются лучше терпѣть опустошеніе; покорность ихъ князьямъ галицкимъ—притворная; такъ жители Звягла, подъ давленіемъ силы, пріяли отъ Шварна княжескаго тиуна въ знавъ покорности, но „не вдаша ему тивунити“, за что впрочемъ и поплатились жестоко: Данилъ сжегъ ихъ городъ, а жители были подѣлены между участниками похода и разведены²⁾.

Итакъ мы видимъ, что западная часть Киевской земли въ 50-хъ годахъ состояла сплошь, по всей вѣроятности, изъ отдѣльныхъ независимыхъ общинъ, безъ князей, въ непосредственномъ подчиненіи татарамъ. Лѣтописецъ въ вышеприведенномъ эпизодѣ перечисляетъ только мѣстности, которыя Данилу удалось подчинить себѣ, что было къ востоку отъ Тетерева и къ сѣверу отъ Звягла, онъ не говоритъ,

Шварна на Горонокъ, и на Сѣмозъ, и на вси города, и на Городецъ и Сѣмозъ и всѣ города, сѣдяща за Татари, Городецъ и во Тетереви до Жадечева. Възъяглиже же солъгаша Шварномъ, посмише тивуна не вдаша ему тивунити; Шварно же приде возикать города вса, и по немъ придоша Вѣлобережцѣ и Чарятниця и вси Волоховци и Данилу. Присла же Миндовъ къ Данилу: „пришли къ тобѣ Романа и Новгородцѣ, аби пошелъ во Возыглы, оттуда и къ Киеву“; и срече срокъ во Възъяглы“. Ипат. с. 555. О театрѣ этихъ военныхъ дѣйствій см. выше, въ географическомъ очеркѣ, с. 43—44, и Волоховскую землю с. 78—88. Судя по лѣтописному тексту первый походъ былъ направленъ противъ южныхъ поселеній, при чемъ рать Данила и Василька воевала юго-западную часть (озеро Межибожья и, вѣроятно, по верхней Случи), а Льва—юго-восточную, Шварно же былъ отправленъ далѣе къ сѣверу, въ районъ средней Случи и Тетерева. Успѣхи Шварна на сѣверѣ заставили явиться съ изъявленіемъ покорности болоховцевъ, вѣлобережцевъ и чарятницевъ; очевидно, въ предшествующій походъ войска Данила хотя и воевали болоховцевъ, но къ покорности не принудили.

¹⁾ Изъ того, что въ описаніи послѣдняго похода князья болоховскіе больше не упоминаются, г. Молчановскій заключаетъ, что, можетъ быть, послѣ погрома 1241 г., произведеннаго въ Болховской землѣ Даниломъ, болоховскихъ князей не стало (Очеркъ извѣстій о Подольской землѣ с. 114); слѣдовательно болоховці также обратились въ чистую общину—это весьма возможно.

²⁾ Ипат. с. 555—556.

но, конечно, это молчаніе нельзя понимать въ томъ смыслѣ, что указанными предѣлами вышеописанный политическій строй ограничивался; напротивъ, говоря, что Даниилъ замышлялъ походъ на непокорный Звягель, „оттуда и къ Киеву“, летописецъ какъ бы намекаетъ, что и Киевъ находился въ подобныхъ же политическихъ условіяхъ. Относительно южной части Киевской земли мы имѣемъ болѣе опредѣленныя указанія: Плано Карпини, проѣзжавшій здѣсь въ 1246 г., говоритъ, что Каневъ (*villa Canouae*) находился въ непосредственной зависимости отъ татаръ¹⁾. Нельзя думать, чтобы здѣшніе города только были заняты, какъ наблюдательные пункты: въ нихъ не было татарскаго гарнизона, и начальники были въ нихъ, несомнѣнно, русскіе²⁾; путешественникъ ясно отличаетъ эти пункты отъ первой татарской заставы (*custodia*), которая, по его словамъ, находилась въ шести дняхъ пути отъ Киева, гдѣ-то, слѣдовательно, къ югу отъ Тясмина. Надо полагать, что все Поросье находилось въ непосредственномъ подчиненіи татарамъ и не имѣло князей; неизвѣстно, кому здѣсь принадлежала инициатива такого устройства—татарамъ или самому населенію, привыкшему къ сожителству съ кочевниками.

Итакъ, резюмируя все вышесказанное, мы для второй половины XIII в., во-первыхъ, не находимъ въ нашихъ источникахъ никакихъ указаній или намековъ на зависимость Киевщины отъ суздальскихъ князей, номинальную послѣ 1249 (воняженіе Александра) и сколько-нибудь фактическую—послѣ 1245 (проѣздъ Даниила черезъ Киевъ); въ то же время, несомнѣнно, Киевъ не принадлежалъ и волынскимъ князьямъ. Во-вто-

¹⁾ Приведу опять цѣликомъ это свидѣтельство: *Secundo igitur die post festum Purificationis (4 февраля 1246 г.) septo itinere venimus ad villam Canouae, quae sub Tartaris erat immediate. Cuius praefectus nobis dedit equos et conductum usque ad aliam, in qua reperimus praefectum Micheam, omni malitia plenum. Qui tamen acceptis a nobis secundam velle suam, duxit nos usque ad primam custodiam Tartarorum* (Собр. путешеств. с. 10). Слова *sub Tartaris erat immediate* нельзя понимать въ смыслѣ топографическаго опредѣленія, потому что отъ Канева до первой татарской заставы было еще нѣсколько верстъ, и на пути лежала эта названная по имени, но, несомнѣнно, русская *alia villa*.

²⁾ *Micheam*, Михай, сидѣвшій за Россію, былъ, несомнѣнно, русскій, да и каневскій *praefectus* также: Плано Карпини еще не встрѣчалъ на своемъ пути татаръ и несомнѣнно умолялъ бы, если бы этотъ послѣдній *praefectus* былъ татаринъ.

рыхъ, нѣтъ никакихъ указаній на существованіе отдѣльныхъ владѣтельныхъ князей въ Киевской землѣ, напротивъ—нѣкоторые извѣстія даютъ основаніе для противоположнаго вывода. Въ-третьихъ, въ половинѣ XIII в., по несомнѣннымъ извѣстіямъ, южная и восточная части Киевской земли добровольно—въ большинствѣ, по крайней мѣрѣ—находились въ непосредственной зависимости отъ татаръ, образуя систему отдѣльныхъ общинъ, безъ княжеской власти. Эти факты мнѣ кажется, даютъ право поставить гипотезу, что и остальная Киевская земля также находилась подъ непосредственнымъ верховенствомъ татаръ и не имѣя князей, образовывала рядъ отдѣльныхъ общинъ. Такая гипотеза не противорѣчитъ наличнымъ даннымъ и способна объяснить факты, засвидѣтельствованные источниками; это, мнѣ кажется, служить достаточнымъ для нея оправданіемъ. Въ частности, для Киева, какъ указано выше, мы имѣемъ даже намекъ въ описаніи похода Данила.

На первыхъ порахъ, какъ мы видѣли, татары утвердили Киевъ за Ярославомъ Всеволодовичемъ; съ точки зрѣнія предложенной гипотезы это можно объяснить тѣмъ, что они еще не успѣли хорошо ознакомиться съ положеніемъ дѣла, или противокняжеское движеніе среди населенія не успѣло достаточно выясниться. Тѣ стремленія и дѣла, которыя преслѣдовали города по-татарскіе, едва ли были чужды для населенія береговъ Ирпеня или Уша. Съ другой стороны, татары, приведя въ непосредственную зависимость южную и западную полосу Киевщины, естественно должны были стремиться ввести тотъ же, болѣе выгодный и безопасный для нихъ строй и въ окрестностяхъ Киева; даже при нежеланіи населенія они могли прекратить здѣсь княжескую власть и подчинить этотъ край непосредственно своему управленію; однако вѣроятнѣе предположить, что татары въ этомъ случаѣ шли на встрѣчу желаніямъ населенія. Быть можетъ, уже въ 1252 г., когда Александръ выпросилъ себѣ владимірскій столъ у татаръ, послѣдніе оставили Киевъ за собою¹⁾; если и здѣсь населеніе было также враждебно настроено противъ княжеской власти, какъ въ западу отъ Тетерева, то суздальскому князю нечего было торговаться изъ-за Киева: въ такомъ случаѣ власть его еще раньше здѣсь была лишь номинальною.

¹⁾ Напоминаю, что походъ Данила на „людей татарскихъ“ и захватъ его итти на Киевъ относятся ко времени происшедшему—всѣмъ 1253 г.

По поводу Киева, точнее—по поводу киевскаго намѣстника Дмитра Ейковича, позволю себѣ высказать еще гипотезу, нисколько впрочемъ на ней не настаивая. Высказана была догадка, что Дмитро Ейковичъ есть одно лицо съ Дмитромъ—киевскимъ тысяцкимъ 1240 г. ¹⁾. Предположеніе это до нѣкоторой степени вѣроятно, тѣмъ болѣе, что Дмитро тысяцкій послѣ 1240 г. исчезаетъ изъ исторіи—въ Галичинѣ и на Волынѣ его не видно. Между тѣмъ мы знаемъ изъ Волынской лѣтописи, что онъ послѣ взятія Киева пользовался уваженіемъ и довѣріемъ Батя. Можетъ быть, когда выяснилась современная политическая ситуація, Дмитро счелъ за лучшее примкнуть къ новому общественному движенію и сталъ во главѣ киевской общины. Не желая до времени, въ силу какихъ-либо соображеній, рѣзко разрывать со старымъ строемъ, онъ номинально признавалъ власть того или другого князя, утвержденнаго на киевскомъ столѣ татарами, титуловалъ себя ихъ намѣстникомъ, а на дѣлѣ былъ общиннымъ чиновникомъ, тысяцкимъ земскимъ (сравни киевскаго тысяцкаго и лучшихъ людей—*millenagus* и *pubiles* у Илано Карпини ²⁾), зависѣвшимъ лишь отъ общины и надъ собою имѣвшимъ лишь власть хана. Быть можетъ, благодаря вліянію Дмитра Киевъ былъ отданъ Ярославу, а не остался за Даниломъ: Дмитру выгодно было считаться намѣстникомъ далекаго сѣвернаго князя. Если что-либо подобное было въ дѣйствительности, если и среди киевскаго населенія обнаружилось движеніе противъ княжескаго строя, тогда понятно будетъ, почему Михаилъ жилъ не въ самомъ Киевѣ, а на островѣ, почему ни Ярославъ, ни Александръ Невскій ни разу не заглянули въ Киевъ, почему въ сѣверныхъ источникахъ не сохранилось никакихъ указаній на реальную принадлежность Киева сѣвернымъ князьямъ.

Мы не имѣемъ указаній на то, какъ вообще совершилась та перестройка общественнаго строя, о которой мы говорили до сихъ поръ: скудная извѣстія лѣтописи констатируютъ только самый фактъ, уже совершившійся. Въ предшествующемъ изложеніи я старался указать мотивы народнаго недовольства княжеско-дружиннымъ укладомъ—недостатки политическіе и административные и экономическія тягости. Но если гдѣ-нибудь въ окранныхъ, межеумочныхъ пространствахъ на-

¹⁾ Кошкинъ-Самаринъ *op. c. c.* 223.

²⁾ Собраніе путешествій с. 10.

селеніе успѣвало избѣгаться изъ подъ режима сосѣднихъ княжествъ и подъ шумъ князьихъ усобицъ завести иной общественный строй—какъ это мы видимъ въ болоховскихъ городахъ,—въ общемъ княжеско-дружинный строй слишкомъ прочно установился, чтобы населеніе, въ тогдашнихъ условіяхъ, могло своими силами покончить съ нимъ. Для этого требовалось какое-либо чрезвычайное потрясеніе—такимъ было монгольское нашествіе; несомнѣнно, что оно произвело сильнѣйшій „пополохъ“ въ русскихъ земляхъ; князья замѣтались въ паническомъ страхѣ; казалось, всѣ прежнія основы жизни и строя рушились. Моментъ для разрыва со старымъ строемъ былъ очень удобный, населеніе это замѣтило, и одни—быть можетъ—раньше, другіе—позже постарались имъ воспользоваться. Выламываясь изъ-подъ власти дружинныхъ князей и замыкая свой политическій строй въ тѣсныя предѣлы городской общины, населеніе избѣгало всѣхъ тягостей, не разлучныхъ съ созданіемъ сколько-нибудь обширнаго, централизованнаго государства ¹⁾, избѣгало и вмѣшательства центральной власти въ свой общественный строй (татарская власть въ этомъ отношеніи была не страшна); упраздненіе дружиннаго строя уничтожало двойственность земства и князя и тамъ даже, гдѣ званіе князя сохранялось. Татарское верховенство „людямъ татарскимъ“ казалось достаточнымъ ручательствомъ за безопасность отъ князьихъ посягательствъ, хотя надежда эта и не всегда оправдывалась: Даниилъ успѣлъ разгромить болоховскіе города, развести крамольныхъ звяглянъ, прежде чѣмъ татары собрались смирить его; но самый строй тѣмъ не менѣе устоялъ.

Таковы были, въ общихъ чертахъ, условія этого движенія; обстоятельства, формы, въ которыхъ оно проявлялось, конечно, весьма разнообразились, тѣмъ болѣе, что предполагать какое-нибудь единство въ планѣ, солидарность въ дѣйствіяхъ всѣхъ общинъ нѣтъ никакихъ основаній. Даже внутри самихъ общинъ, по крайней мѣрѣ—нѣкоторыхъ, возможно было раздвоеніе. Если все земство чувствовало недостатки, несостоятельность княжеско-дружиннаго строя, то съ другой стороны, какъ я старался показать выше, верхній слой населенія, земская аристократія участвовала до нѣкоторой степени и въ выгодахъ его, находила въ немъ опору и поддержку. Замѣна этого уклада общиннымъ была выгодна для нея только въ такомъ случаѣ, если бы факти-

¹⁾ Ср. Молчаливскаго оп. с. с. 119.

чески власть перешла въ ея руки, какъ то бывало въ до-нижескій періодъ; въ такомъ случаѣ она, пожалуй, могла взять на себя даже инициативу реформы. Но не ведѣ обстоятельства могли сложиться такъ выгодно для нея, руководящая роль могла ускользнуть отъ боярства и оказаться въ рукахъ среднихъ и низшихъ слоевъ земства, тѣмъ болѣе, что татарскій „пополохъ“ долженъ былъ сильно поколебать общественно-экономическія отношенія и основанное на нихъ вліяніе боярства. Разъ земская масса выдвигалась на первый планъ, разъ община формировалась на основахъ демократическихъ,—боярство не могло сочувствовать реформѣ, должно было противиться ей, если могло; и въ то время какъ земская масса входила въ непосредственныя отношенія къ татарамъ и подъ ихъ верховенствомъ начинала „орать пшеницу и просо“¹⁾, аристократія, земская и дружинная, могла, отчасти по крайней мѣрѣ, запереться въ городахъ либо эмигрировать.

Вообще говоря, монгольское нашествіе, послѣдующая непосредственная зависимость отъ татаръ и татарскіе „пополохи“ наиболѣе тяжело ложились, живѣе чувствовались верхнимъ, богатымъ слоемъ населенія. Гдѣ проносилась татарская гроза, тамъ богачи страдали сильно: не такъ трудно было спасти свою особу и скудные пожитки, но очень затруднительно было уберечь большія стада, обширныя запасы разныхъ продуктовъ, многочисленную челядь; въ торговыхъ операціяхъ неизбежно было разстройство, правильное теченіе экономическихъ отношеній нарушалось. Въ результатѣ богатый классъ разорился, упалъ и сливался съ общей массой земства, либо, не вынося такихъ условій быта, эмигрировалъ на сѣверъ и западъ. Проф. Владимірскій-Будановъ, на основаніи извѣстій галицкихъ и волинскихъ, приходитъ къ заключенію, что „лучшее (городское) населеніе“ погибло, было избито въ большихъ городахъ, и „послѣ татарскаго погрома центръ тяжести населенія переносится на нисшій классъ—черныхъ людей“, „замѣчается перевѣсъ пѣхоты надъ конницею, смердовъ надъ дружинниками, сельчанъ надъ горожанами“²⁾. То же явленіе должно было произойти и въ Кіевской землѣ; населеніе нивелировалось вслѣдствіе обдѣянія и эмиграціи богатаго класса. Такая нивелировка содѣйствовала большей демократизаціи общественныхъ

¹⁾ Ипат. с. 526.

²⁾ Населеніе Ю.-Зап. Россіи до пол. XV в. с. 21—22.

отношеній и обратно—находила себя опору въ строй демократической общины.

Этотъ новый общинный строй нашелъ себя энергическаго врага въ лицѣ талантливѣйшаго изъ современныхъ представителей государственнаго принципа—Данила галицкаго; автономическія стремленія общинъ являлись опасною помѣхою его планамъ—объединить юго-западную Русь и общими силами противостать татарамъ. На первыхъ порахъ онъ вступаетъ въ рѣшительную борьбу съ этимъ новымъ движеніемъ; еще до возвращенія татаръ изъ Венгріи онъ столкнулся съ болоховцами и воспользовавшись ихъ участіемъ въ галицкихъ дѣлахъ, подвергъ безжалостному опустошенію ихъ землю; его особенно раздражалъ союзъ ихъ съ татарами: „Данилъ же на нѣ большую вражду держа, яко отъ Татаръ большую надежду имѣаху“¹⁾. Позже, когда отношенія Данила къ татарамъ обострились, и Куремса началъ противъ него военныя дѣйствія, Данилъ, ободренный его неудачей, перешелъ самъ къ наступательнымъ дѣйствіямъ и предпринялъ свой походъ на Кіевскую землю, о которомъ я уже не разъ имѣлъ случай упомянуть. Его войско, подъ начальствомъ Шварва, повоевало, побрало города и привело на время въ покорность западную часть земли до Тетерева. Данилъ, какъ видно, замыслилъ тогда, съ помощью Мендовга, покорить себя и остальную Кіевщину, до Диѣпра, и выступилъ въ походъ самъ; но Мендовгъ не исполнилъ обѣщанія, не прислалъ помощи, и это, можетъ быть, было причиною, что Данилъ, подождавши напрасно у Корческа, ограничился только наказаніемъ жителей Звягля и дальше не пошелъ. Ему не суждено было исполнить своего намѣренія: Куремса вслѣдъ затѣмъ предпринялъ новый походъ на Волынь, а за нимъ явился со своею ордою и болѣе грозный, „оканный, провлятый“ Бурундай. Разрушеніе волынскихъ городовъ, совершенное послѣднимъ, показало ясно Данилу, что бороться ему съ татарами не подѣ силу; планы на приобрѣтенія на востокъ приходилось отложить; завоеванныя за Случью земли, какъ кажется, были тоже вскорѣ утрачены: какъ было упомянуто, волынская граница, судя по нѣкоторымъ указаніямъ, проходила позже недалеко отъ Горни²⁾. Несомнѣнно, стремленія населенія къ общинной автономіи

¹⁾ Ипат. с. 526.

²⁾ См. выше, географич. очеркъ с. 46. Много писалъ о завоеваніяхъ Данила держителъ проф. Владиміръ-Будановъ въ много разъ помпуктомъ илюф изслѣдованіи своемъ о

были одною изъ причинъ, которыя побуждали Даниилу создать сильное государственное тѣло изъ Южной Руси ¹⁾.

Итакъ, новый строй устоялъ предъ нападеніями Даниила; хотя точныя извѣстія о немъ мы имѣемъ только около половины XIII в., но вѣтъ никакихъ основаній думать, что онъ не существовалъ позже. Описывая подъ 1289 г. пространство Волынскаго княженія, лѣтописецъ говоритъ, что Мстиславъ Даниловичъ „одержа землю свою величествомъ оны по Тотары, а сѣмо по Ляхы и Литву“ ²⁾; „Татары“ въ этомъ случаѣ употреблены конечно не въ смыслѣ этнографическомъ, а политическомъ—для обозначенія земель, непосредственно зависѣвшихъ отъ нихъ, въ противоположность Волини; а такъ какъ при Мстиславѣ, есть основаніе думать, волынская граница проходила недалеко отъ Горыни, то, слѣдовательно, начиная оттуда и далѣе къ востоку, какъ и раньше, шли, вѣроятно, общины безъ княжеской власти, непосредственно подчиненныя татарамъ.

Такая перспектива Кіевской земли, лишенной князей и дружины, состоящей изъ отдѣльныхъ общинъ, подъ непосредственнымъ господствомъ

киеворусской колонизаціи до полов. XV в. Почтенный ученый полагаетъ, что Даниилъ действительно завоевалъ Кіевъ и владѣлъ имъ до похода Куремсы, что Куремса его отнялъ было, но въ концѣ концовъ Кіевъ и украинная волость (земли по Вугу и Приднѣпровью) остались за волынскими князьями, и Поросье составляло подручный удѣлъ отъ нихъ послѣднихъ (с. 23—24, 32). Но послѣ вліятія Зыглы Даниилъ на Кіевъ не пошелъ—„пойде в домъ св пріятъ градъ“ (с. 558), и о какомъ-либо послѣующемъ походѣ ничего неизвѣстно; да вслѣдъ за походомъ на Зыгель и татары уже начали наступать на Даниила; не говорится и о Куремсѣ, чтобы онъ бралъ Кіевъ; если лѣтописецъ, описывая Холмъ, говоритъ объ ивахъ и колоколахъ, принесенныхъ изъ Кіева и Овруча (Ипат. с. 559), то это, вѣроятно, было еще до Батмеева нашествія, когда Даниилу случалось и бывать въ Кіевѣ и владѣть имъ. Ничего неизвѣстно намъ и о завоеваніи Поросья, находившагося въ непосредственномъ владѣніи татаръ еще въ 40-хъ годахъ; Юрія поросскаго, какъ было указано, съ гораздо болѣею вѣроятностію слѣдуетъ считать княземъ безудѣльнымъ. Что и слѣдующія Данииломъ завоеванія потомъ были утеряны, это понятно a priori: при существовавшихъ тогда отношеніяхъ между волынскими князьями и татарами послѣдніе никакъ не отдали бы подъ власть князей своихъ „людей татарскихъ“, вдобавокъ это подтверждается канонами лѣтописи, что Горынь была границей.

¹⁾ См. Волковскую а. с. 122—123; почтенный авторъ напрасно только приписываетъ единъ болоховцамъ то, что въ равной мѣрѣ принадлежитъ также и другимъ общинамъ Кіевской земли; это справедливо замѣтилъ уже г. Молчановскій (Очеркъ ив. о Подол. а. с. 118—119).

²⁾ Ипат. с. 613; ср. Андрияшева оп. с. с. 191.

татаръ не должна насъ особенно пугать. Положеніе это было неудовлетворительно съ государственнической точки зрѣнія, но, очевидно, населеніе далеко предпочитало его прежнему строю, если упорно держалось за него и только послѣ примучиванія соглашалась подчиниться Данилу, сильнѣйшему и талантливѣйшему изъ современныхъ князей, который могъ потому болѣе, чѣмъ кто-либо, гарантировать спокойствіе и безопасность отъ татаръ.

Къ крайнему сожалѣнію, свѣдѣнія наши объ этомъ новомъ укладѣ вообще чрезвычайно скудны. Волынской лѣтописецъ называетъ наши общины „людьми татарскими“ и „людьми, сѣдлыми за Татарами“. Н. П. Дашкевичъ высказалъ предположеніе, что эти два названія соответствуютъ различнымъ условіямъ, въ которыхъ находилось населеніе: люди, сѣдвшіе за татарами—такъ лѣтописецъ называетъ жителей Хоттегерева—по его мнѣнію, не входили въ ближайшее соприкосновеніе съ татарами, между тѣмъ какъ „люди татарскіе“, жители Побожья, или получали отъ татаръ управителей или даже жили съ ними совмѣстно¹⁾. Трудно рѣшить, дѣйствительно ли эти нѣсколько различныхъ имена имѣютъ характеръ терминовъ въ устахъ лѣтописца; а priori весьма вѣроятно, что жители ближайшихъ къ татарамъ мѣстностей стояли въ нѣсколько пныхъ условіяхъ, чѣмъ обитатели болѣе отдаленные, но точныхъ данныхъ относительно этого мы не имѣемъ. Присутствія татаръ незамѣтно нигдѣ; ни волынской лѣтописецъ, описывающій походъ Данила на болоховцевъ или на территорію Случи и Тетерева, ни Плато Карпини не даютъ никакихъ намековъ на существованіе въ непосредственно подчиненныхъ татарамъ земляхъ татарскихъ гарнизоновъ или даже начальниковъ и чиновниковъ татаръ. Никоновская лѣтопись сообщаетъ подробность, не имѣющую впрочемъ большой цѣны (скорѣе всего—это позднѣйшій домыселъ составителя), что Батый въ 1240 г. какъ въ Кіевѣ, такъ и въ другихъ русскихъ (т. е. южнорусскихъ) городахъ, „воеводы свои посажа“²⁾; и здѣсь объ управителяхъ *татарахъ* нѣтъ рѣчи. По словамъ Плато Карпини, въ городахъ Поросья сѣдѣли какіе-то *praefecti*, но, по всей вѣроятности, не изъ татаръ. Въ Подольской землѣ, въ болѣе позднее время, но въ подобныхъ же условіяхъ, общинами завѣ-

¹⁾ Болоховская земля с. 103, см. также Андриѣшова ср. с. с. 190.

²⁾ Никои. II с. 117.

двали атаманы, очевидно — туземные, отношенія къ нимъ владѣтелей — татаръ ограничивались сборомъ дани, черезъ баскаковъ, которые пріѣзжали отъ времени до времени за нею; и въ этомъ случаѣ слѣдовательно татары не жили среди подвластныхъ общинъ и не входили съ ними въ непосредственное сопрякосповеніе. Эти подольскіе атаманы либо избирались изъ своей среды общинами либо назначались татарами изъ излюбленныхъ людей общины, потому что они продолжаютъ существовать и послѣ прекращенія татарскаго господства и сохраняютъ свое вліяніе у населенія, такъ что новоприбывшіе Коріатовичи, чтобы устроиться въ странѣ, должны были войти „у приязнь со атаманы“¹⁾. Были ли такими излюбленными людьми общины пороскіе праефесті, или они назначались изъ людей стороннихъ, неизвѣстно. Въ общинахъ западныхъ (Случи и Тетерева) если и были какіе-либо атаманы или старцы, или какъ бы они не назывались, они, очевидно, не играли особенно важной роли и не составляли собою общины: въ столкновеніяхъ съ Даниломъ на нихъ нѣтъ намековъ, выступаетъ прямо населеніе—звягляне, чернятинцы, бѣлобережцы; особенно любопытенъ въ этомъ отношеніи подробный разсказъ о звяглянахъ—очень возможно, что никакого старшины и вовсе тутъ не было, а управляло общиною вѣче съ „лучшими людьми“, какъ встарину. Совмѣстнаго обитанія русскихъ и татаръ въ Кіевской землѣ, по крайней мѣрѣ вскорѣ послѣ татарскаго завоеванія, нельзя допустить: какъ я упомянулъ выше, Плато Карпини категорически свидѣтельствуетъ, что первая татарская застава отстояла на шесть дней пути отъ Кіева; и для позднѣйшаго времени нѣтъ никакихъ указаній на сожительство.

Относительно экономическихъ отношеній мы имѣемъ также очень скудныя извѣстія. По словамъ Плато Карпини, при немъ на Русь былъ присланъ отъ хана человекъ, который у всякаго жителя, имѣвшаго трехъ сыновей, уводилъ одного въ рабство, уводилъ также всѣхъ неженатыхъ мужчинъ, незамужнихъ женщинъ и нищихъ, остальные пересчитывались, и каждый, безъ различія возраста и состоянія, долженъ былъ дать: кожу бѣлаго (или чернаго) медвѣдя, кожу чернаго бобра (или стоимость ея), кожу „тхора“ и кожу черной ли-

¹⁾ 1 лат.-русск. лѣтоп. въ изд. Попова с. 44. Ср. Молчановскаго оп. с. с. 156—156.

сицы; не заплатившій также отводился въ рабство¹⁾. Такъ какъ это извѣстiе приведено безъ всякой оговорки, то должно относиться и къ Киевской землѣ. Дань, въ размѣрахъ, описываемыхъ Плато Карпини, конечно, не можетъ быть ежегодною, она слишкомъ высока для того, ее уплачивали, вѣроятно, при переписи только (на сѣверѣ переписи были производимы затѣмъ въ 1257 и 1275 гт.²⁾). Но въ Волынской лѣтописи о болоховцахъ сказано, что ихъ оставили татары „да икѣ орютъ пшеницю и проса“; выходитъ, что болоховцы платили татарамъ дань земледѣльческими продуктами; весьма вѣроятно, что подобная дань существовала также и въ другихъ мѣстностяхъ Киевской земли. Какъ взымалась дань, опять-таки мы не знаемъ; въ Подольской землѣ ее, по сказанiю литовско-русскихъ лѣтописей, принимали отъ атамановъ баскаки, прѣзжая по временамъ за нею; такая система могла существовать и въ Киевской землѣ; баскакъ упоминается здѣсь однажды, уже подъ 1331 г., въ Киевѣ³⁾; жилъ ли онъ постоянно тамъ, или былъ только проѣздомъ, не видно.

Что было худого въ этомъ бытѣ, это то, что населенiе не было гарантировано отъ всякаго рода случайныхъ нападений, временныхъ притѣсненiй; говорю—случайныхъ, временныхъ, потому что въ общемъ населенiе было, какъ видно, довольно своимъ положенiемъ, по крайней мѣрѣ—сначала; да и татары имѣли всѣ поводы щадить его. Раздробленныя общины не могли дать надлежащаго отпора; позже онѣ приноровились къ этимъ неудобствамъ, выдѣлили изъ своей среды военный элементъ въ видѣ козачества, но въ предшествующее время были почти беззащитны, и это дѣлало возможнымъ притѣсненiя, въ родѣ тѣхъ, какое передается въ приведенномъ уже мною извѣстiи 1299—1300 г., что м. Максимъ, „не терпя татарского насилья, остави митрополю и збѣжа ис Кыева, и весь Кыевъ разбѣжался“⁴⁾. Впрочемъ извѣстiе это, можетъ быть, въ значительной мѣрѣ утрировано, такъ какъ записано на сѣверѣ со словъ бѣглецовъ и частнѣйшимъ образомъ имѣеть цѣлью объяснить и, пожалуй, оправдать переселенiе митрополита

¹⁾ Собранiе путей. с. 184; въ скобкахъ я привелъ варианты.

²⁾ Лавр. с. 451 и 496, Никон. II с. 141 и 152, Татищевъ IV с. 47; ср. Соловьевъ III с. 185 и 195.

³⁾ Извѣстiе это приведено будетъ ниже.

⁴⁾ Лавр. с. 461.

во Владиміръ; въ дѣйствительности, можетъ быть, дѣло вовсе не было такъ ужъ страшно, и то, что казалось несноснымъ митрополиту, могло и не казаться столь тягостнымъ для рядового населенія.

Мы имѣемъ еще другое аналогичное извѣстіе, на которое также указываетъ проф. Соболевскій ¹⁾—именно въ постановленіи константинопольскаго патриаршаго собора 1354 г. о перенесеніи митрополичьей кафедрѣ изъ Кіева во Владиміръ. Я позволяю себѣ привести въ переводѣ относящіяся къ вопросу отрывки изъ него. „Такъ какъ Кіевъ, гласитъ это постановленіе, сильно пострадалъ отъ смутъ и безпорядковъ настоящаго времени и отъ страшнаго напора соседнихъ аламановъ и пришелъ въ крайне бѣдственное состояніе: то святительски предстоятельствующіе на Руси, имѣя здѣсь не такую паству, какая имъ приличествовала, но сравнительно съ прежними временами весьма недостаточную, такъ что имъ недоставало необходимыхъ средствъ содержанія, переселились отсюда въ подчиненную имъ святѣйшую епископію владимірскую, которая могла доставить имъ постоянные и вѣрные источники доходовъ“. Далѣе говорится еще, что м. Алексій послѣ поставленія своего „возбудилъ предъ нашею мѣрностію соборнѣй вопросъ и о Кіевѣ, именно поставилъ на видъ, что этотъ городъ разоренъ и пришелъ по вышеуказаннымъ причинамъ въ бѣдственное состояніе и уже не можетъ быть мѣстопробываніемъ архіерея ²⁾“. Чтобы оцѣнить по достоинству значеніе этихъ извѣстій, нужно принять во вниманіе, что постановленіе это сдѣлано было вслѣдствіе ходатайства м. Алексія, вслѣдъ за его постановленіемъ, а св. Алексій, родившійся и воспитавшійся въ Москвѣ, конечно, тяготѣлъ къ сѣверу не зависимо отъ того, въ какомъ положеніи находился Кіевъ. Что разореніе Кіева было въ этомъ случаѣ собственно лишь предлогомъ, это отлично показываетъ заключеніе документа: „если же при Божьей помощи Кіевъ опять придетъ въ прежнее благосостояніе, а низложенный Феодоритъ будетъ изгнанъ оттуда, такъ что возможно будетъ архіерею имѣть тамъ нѣкоторое упокоеніе: то и въ такомъ

¹⁾ „Къ вопросу“ с. 287.

²⁾ Актъ этотъ издакъ сначала въ Acta Patriarchatus Constantinopolitani, оттуда переведенъ въ Русской истор. библиотекѣ, изд. Археограф. ком. т. VI, прилож. № 12, съ переводомъ проф. Павлова, изъ котораго я и заимствовалъ приведенные отрывки (с. 64, 66, 68); актъ этотъ приведенъ также въ Ист. р. к. м. Мазарія IV с. 41 и 324.

случай Владиміръ не переставеть оставаться собственникъ сѣдлащичемъ (*сікаловъ хѣторъ*) русскихъ митрополитовъ¹⁾. Приводимые отрывки ясно показываютъ также, гдѣ лежала главная причина переселенія митрополитовъ изъ Кіева—въ уменьшеніи доходовъ казены; но уменьшеніе доходовъ само по себѣ еще не можетъ свидѣтельствовать о полномъ упадкѣ и бѣдственномъ состояніи земли.

Какъ на доказательство невыносимаго состоянія Кіевщины, которое вызвало яко бы массовыя переселенія на сѣверъ, ссылаются еще на одно позднѣйшее свидѣтельство, по которому въ концѣ XIII или началѣ XIV в. нѣкій кіевскій бояринъ Родіонъ Нестеровичъ прибылъ съ 1700 человекъ дружины въ Москву, по призыву московскаго князя, и поступилъ на службу къ нему²⁾. Но во-первыхъ, самый источникъ этого извѣстія ни какимъ образомъ не можетъ считаться надежнымъ; во-вторыхъ, такихъ бояръ, которые имѣли до 1700 человекъ дѣтей боярскихъ и пр., конечно, ни въ это, ни въ болѣе раннее время въ Кіевщинѣ не было; въ основѣ этого извѣстія лежитъ, вѣроятно, фактъ переезда кокого-нибудь знатнаго кіевнина; что знатные и богатые люди дѣйствительно могли эмигрировать изъ Кіевщины, объ этомъ я говорилъ уже.

Выше я сказалъ, что судя по извѣстію о кіевскомъ „пополохѣ“ 1299—1300 г., надо думать, что въ это время, на рубежѣ XIII и XIV вв., въ Кіевѣ князя не было; иначе о немъ тоже было бы упомянуто. Но въ XIV в. въ Кіевѣ, несомнѣнно, были какіе-то князья. Такъ въ 1331 г., по новгородскимъ извѣстіямъ, въ Кіевѣ сѣдѣлъ нѣкій князь Феодоръ; князь кіевскій Феодоръ упоминается затѣмъ въ южнорусскомъ сводѣ (т. н. Густинской лѣтописи) подъ г. 1361 и 1362; естественно думать, что это одно лицо съ Феодоромъ 1331 г., который такимъ образомъ, непрерывно или съ промежутками, сѣдѣлъ

¹⁾ Рус. ист. библ. VI, прил. с. 70. Насколько при этомъ вообще считали необходимымъ справиться съ фактами, показываетъ замечаніе того же акта, что противъ Владиміра нѣтъ больше мѣста, удобнаго для водворенія и востояннаго пребыванія митрополитовъ (*ibid.* с. 68).

²⁾ Соболевскій, Къ вопросу с. 288. Извѣстіе это измекъ Карамзинъ изъ лѣтописи Ростовской (XVII в.), оно составляетъ адѣсь позднѣйшую вставку родословнаго характера (IV пр. 324, стр. I с. XVI). Объ этомъ см. еще у Максимовича (Собр. соч. I с. 186) и Владимірскаго-Буданова (оп. с. с. 40).

въ Кіевѣ въ теченіе 30 лѣтъ ¹⁾). Къ первой четверти XIV в., во времени предшествовавшему правленію этого Теодора, слѣдуетъ, вѣроятно, отнести упомянутыхъ князей Сѣверскаго синодика: Ивана Володимира Ивановича кіевскаго и князя Андрея овруцкаго²⁾. Къ этому же только времени можетъ быть отнесенъ кіевскій князь Станиславъ, упоминаемый во второй литовско-русской лѣтописи (т. н. Быховца) въ описаніи похода Гедимина на Кіевъ³⁾, если только этотъ кіевскій князь существовалъ въ дѣйствительности. Въ той же лѣтописи упоминается еще и Святославъ кіевскій: вмѣстѣ съ Львомъ лудскимъ и Дмитріемъ друцкимъ и нѣсколькими тысячами татаръ „сага Zawolskoho“ онъ выступилъ противъ Рынгольда (отца Мендовга), „хотячи его согнати с отчинъ своихъ городовъ Рускихъ“ (Новгородка и др.), но потерпѣлъ поражение „на рѣцѣ Нѣманѣ, на Могильной“⁴⁾; по даннымъ лѣтописи выходитъ, что это происходило приблизительно въ половинѣ XIII в.⁵⁾,

¹⁾ П. с. л. II с. 350; о новгородскихъ извѣстіяхъ подробно будетъ сказано ниже. Густинск. лѣтопись подъ 1361 г. говоритъ о Теодорѣ такъ: „въ Кіевѣ на княженіи Теодорѣ“; Н. П. Дашкевичъ замѣчаетъ по этому поводу: „по Густинской лѣтописи, Теодоръ былъ посаженъ въ Кіевѣ какъ бы въ 1361 г.“ (Записки с. 80). Но запись лѣтописи скорее указываетъ на то, что составитель ея встрѣтилъ гдѣ-то случайное упоминаніе о кіевскомъ князѣ Теодорѣ подъ 1361 г. и занесъ его въ свой сводъ; говори о возмещеніи на столѣ, онъ обыкновенно говоритъ: „саде“, „нача княжити“ и т. под.

²⁾ На это время приходится, быть можетъ, и правленіе нѣкоторыхъ князей Петерскаго помятника, но я не берусь видѣть ихъ.

³⁾ *Pomniki do dziejow litewskich* przez Th. Narbutta p. 15—16.

⁴⁾ *Pomniki* p. 7, *Strykowski* I p. 252; послѣдній прибавляетъ подробности: князя бѣжали съ поля битвы въ Лудку, при чемъ оговаривается, что во другія лѣтописи князья легли въ битвѣ. Крестъ битвы у Могильной, Святославъ Кіевскій у Стрыковскаго встрѣчается еще раньше—при описаніи пораженія татаръ на р. Окуменкѣ, у Мозира, соединенными силами литовскихъ и русскихъ князей (I p. 249).

⁵⁾ Хронологія и генеалогія этой лѣтописи вообще страдаетъ большими натяжками и противорѣчіями (объ этомъ см. у В. В. Антоновича, *Монографія* I с. 14—16), такъ и здѣсь дѣйствующимъ ликавъ является Рынгольдъ (лицо, существованіе котораго также сомнительно), отецъ Мендовга, правившаго еще въ 80-хъ годахъ XIII в., съ другой стороны—Дмитрій друцкій, который, по той же лѣтописи, былъ раньше княземъ кіевскимъ и во время нашествія Батмы „богачи великое силѣ и мощи его, обѣгъ зъ Кіева въ городъ Черниговъ, и тотомъ дождався, што городъ Кіевскій а змовъ и вся земля Руская спустошена, и слышалъ, якъ мужики мошкають безъ господара, а зовутся Дручане, и онъ собрании зъ людьми и мошолъ ко Друцку, и землю Друцкую посѣлъ и городъ Друцескъ зарубилъ и назавалъ великимъ княземъ Друцкимъ“ (*Pomniki* p. 4). Святославъ кіевскій является какъ бы преемникомъ этого Дмитрія. Само собой разумѣется, историческаго значенія эти хронологическія приуроченія лѣтописи не имѣютъ никакого.

но тогда никакого Святослава въ Кіевѣ (какъ Льва въ Лудкѣ) не было, да и такая борьба съ литовцами за города Черной Руси не вѣроятна; если въ основѣ этого извѣстіе есть историческое зерно, то оно можетъ относиться лишь ко времени позднѣйшему. Можетъ быть, этотъ Святославъ есть двойникъ вышеупомянутаго Станислава (хотя, какъ упомянуто было, и существованіе послѣдняго стоитъ подъ сомнѣніемъ)¹⁾.

Кое-какія несомнѣнные данныя имѣемъ мы лишь относительно упомянутаго Теодора, благодаря совершенно случайному столкновенію его съ новгородскимъ архіепископомъ. При скудости нашихъ свѣдѣній о Кіевщинѣ, этотъ эпизодъ заслуживаетъ того, чтобы надъ нимъ остановиться нѣсколько подробнѣе. Въ 1331 г. нареченный архіепископъ новгородскій Василій отправился во Владиміръ Волинскій къ м. Феогносту для посвященія. Одновременно туда же прибыли послы отъ псковскаго князя Александра, отъ Гедимина „и отъ всѣхъ князей Литовскихъ“, прося митрополита поставить для Пскова отдѣльнаго епископа — нѣкоего Арсенія; учрежденіе отдѣльной кафедры имѣло цѣлью совершенно освободить Псковъ изъ-подъ зависимости Новгорода, и Гедиминъ покровительствовалъ этимъ стремленіямъ. Вѣроятно по ходатайству арх. Василія, просьба эта не была уважена; но архіепископъ послѣ этого не рѣшался возвращаться чрезъ владѣнія Гедимина, а направился мимо Кіева на Черниговъ и на пути подвергся нападенію со стороны Теодора кіевскаго. Это обстоятельство передано намъ въ двухъ версияхъ — въ краткой и въ болѣе подробной, но самостоятельной отъ краткой версіи. Краткая передана въ древнѣйшей Новгородской лѣтописи: „Арсеніи съ Плесковичи посрамленъ бысть, и прочь поведе отъ митрополита изъ Волинскія земля на Кіевъ, на память св. отца Симеона столпника (1 сентября), а Василіи владыка Новгородскіи, въ то же время, отъ митрополита поведе, со своими бояры, ако пришедшу ему къ городу Чернѣгову, и ту, наученіемъ діаволиемъ, пригнася князь Теодоръ Киевскы, съ баскакомъ, въ пятьдесятъ человекъ, разбоємъ; и Новгородци остерегошася и сташа доспѣвъ противу себе, мало ся зло не учини промежу ими, а князь въсприемъ срамъ побѣже прочь, а отъ

¹⁾ Ср. Н. П. Давыденча Кляженіе Давида Галица. с. 86.

Бога казни не убѣжа, попроша бо у него кони¹⁾. Пространная версия сообщает нѣсколько весьма интересныхъ подробностей: „Владыка Василій, идя с поговьяненіа, меже Литвы и Кіева уходомъ бежали. А самъ митрополитъ грамоту присла ко владыцѣ своимъ челоувѣкомъ и (къ) бояромъ, а рече тако: ванеже отпусти князь Литовскимъ 300 челоувѣкъ Литвы²⁾ поимати вась. И наши того убѣжали и приехали подъ Черньговъ городъ, и ту пригнался Кіевскій князь Феодоръ з баскокомъ Татарскимъ, а с нимъ челоувѣкъ 50 разбоемъ. И наши остерегопась и стама доспевъ противъ себе, мало крови пролитія не вчинилось промежи има, понеже наши за себе (окупъ) отдали: а Ратслага, протодьякона митрополича, поймавше, на Кіевъ повѣли чресь целованію. А князь въспримъ срамъ отиде³⁾... и пр.³⁾).

Подробности этого эпизода чрезвычайно важны въ томъ отношеніи, что даютъ хотя нѣкоторое понятіе о положеніи кіевскаго „князя“. Прежде всего то былъ, очевидно, владѣтель весьма не высокаго полета: вмѣстѣ съ баскакомъ онъ могъ набрать себѣ отрядъ всего изъ пятидесяти челоувѣкъ; наѣздъ его—чисто разбойничій, цѣль его—окупъ. Далѣе, рядомъ съ княземъ мы видимъ татарскаго баскака: какъ видно, они живутъ дружно и даже экспедицію предприняли сообща. Наконецъ, будучи татарскимъ подручникомъ, кіевскій князь оглядывается какъ будто и на сѣвернаго своего сосѣда: Арсенія, находившагося подъ покровительствомъ Гедимина, онъ, повидимому, не тронулъ, а обратился на Василія, котораго можно было ограбить безнаказанно. Кто былъ этотъ Феодоръ, неизвѣстно; сопоставляя из-

¹⁾ 1 Новгород. с. 76.

²⁾ Въ Супрасльской—„къ Литвѣ“.

³⁾ Супрасл. с. 65, лѣт. Авраамии с. 68, 4 Новгород. с. 52, 1 Софійская I с. 320, Воскр. I с. 208. Супрасльская, лѣт. Авраамии (которая въ этой части составляетъ лишь одинъ изъ списковъ Супрасльской—см. предисловіе къ XVI т. II. с. л.) и 4 Новгородская передаютъ эпизодъ почти буквально сходно между собою и ближе къ 1 Новгородской; а записавъ текстъ изъ Супрасльской, исправивъ его по лѣтописи Авраамии. Софійск. и Воскр. представляютъ нѣкоторыя несущественныя отличія: 1 сентября вмѣстѣ не Арсеній, а Василій, вмѣстѣ „меже Литвы и Кіева“ стоитъ „поѣха на Кіевъ, болса Литвы“, вмѣстѣ „съ баскакомъ“—„съ баскаки“. Никои. л. (II с. 205) прибавляетъ еще нѣсколько подробностей: „со владыкомъ бже и съ посадникомъ 600 челоувѣкъ. И бѣ изъ вѣсть и окрѣпнвшеся стама противу тверди, и ко князю къ Феодору начаша люди прибывати, а Новгородцевъ нача страхъ прибывати, и тако даша окупъ съ себя“. Захваченнаго протодьякона Феодоръ послалъ къ митрополиту, но отъ послѣдняго получилъ укоръ за разбой.

вѣстіе о немъ съ вѣстіемъ о князьяхъ Сѣверскаго синодима, можно предполагать, что онъ происходилъ изъ рода сѣверскихъ князей, но съ такимъ же правомъ его можно выводить и изъ другихъ княжескихъ домовъ и даже предполагать въ немъ лицо не княжескаго происхожденія ¹⁾).

Какимъ образомъ объяснить появленіе князей въ Кіевщинѣ въ это время, если принять гипотезу, что во второй половинѣ XIII в. ихъ здѣсь не было? значить ли это, что непосредственное подчиненіе татарамъ, существованіе отдѣльныхъ самоуправляющихся общинъ въ Кіевщинѣ прекратилось, возстановленъ былъ прежній княжеско-дружинный строй въ XIV в.? Конечно, на этотъ вопросъ можно отвѣчать только новыми предположеніями; нѣкоторый матеріалъ для нихъ даетъ опять-таки эпизодъ съ Феодоромъ кіевскимъ. Я обращаю вниманіе на то, что это князекъ очень незначительный; въ своемъ управленіи онъ имѣлъ едва ли не городъ Кіевъ только, съ его ближайшими окрестностями,—чтобы онъ правилъ цѣлою Кіевскою землею или большею ея частью, совсѣмъ невѣроятно. Такой мелкій неавторитетный князекъ легко могъ быть посаженъ въ Кіевѣ татарами просто въ качествѣ намѣстника, въ родѣ тѣхъ префектовъ изъ русскихъ, которыхъ Плато Карпини видѣлъ на Поросьи, или подольскихъ атамановъ ²⁾); быть можетъ, въ дѣйствительности онъ и не былъ вовсе кня-

¹⁾ Ольговичемъ кн. Феодора считают г. Квашинъ-Самаринъ (ор. с. а. 224), Н. П. Дашкевичъ (Волоков. а. пр. 136), также, повидному, и проф. Соболевскій (къ вопросу с. 289); первые кромѣ того отождествляютъ его со Станиславомъ литовскаго гѣтовисца—первое имя считают церковнымъ, а второе—мірскимъ. Н. П. Дашкевичъ предлагаетъ читать кн. Станислава—Святослава (Записки по исторіи литов.-рус. госуд. с. 59). Г. Иловайскій (Исторія Россіи т. II пр. 16) и Н. П. Дашкевичъ (Записки с. 61) высказали кромѣ того предположеніе, что Феодоръ кіевскій тождественное лицо съ Феодоромъ Святославичемъ, который упоминается въ числѣ пословъ Гедимина въ Новгородѣ подъ 1326 г. (1 Новг. с. 78—4: „пріѣхаша послы изъ Литвы: братъ Гедиминъ Воини Полотскій князь, Василіи Мѣнскій, князь Феодоръ Святъславичъ“, то же въ Воскр., Соф., 4 Новг., Супрасл., Лѣт. Авраамки, а въ Никон. II с. 190 вѣстіе это слухано: „князь Феодоръ Ростиславичъ Мѣнскій“); въ родствѣ ему г. Иловайскій предлагаетъ Святослава Глѣбовича, бывшаго одно время Брянскимъ княземъ. Сближеніе это не имѣетъ за собою основаній, кромѣ тождества имени. Карпини считалъ Феодора—„княземъ російскимъ“ (IV с. 129), но Соловьевъ справедливо находитъ, что даже для такого предположенія нѣтъ никакихъ основаній (III пр. 426). Любопытно, что Феодоръ нигдѣ не названъ по отчеству, ни въ новгородскихъ вѣстіяхъ, ни въ Густинскомъ сводѣ; это можетъ служить нѣкоторымъ доводомъ въ пользу предположенія о некняжескомъ происхожденіи его.

²⁾ Г. Молчановскій подольскихъ атамановъ считаетъ „чѣмъ-то въ родѣ мелкихъ вѣстинскихъ князей“, аналогичныхъ до нѣкоторой степени съ болоховскими (ор. с. с. 158, 161).

земь, не носилъ этого титула, и послѣдній приданъ ему сторонними лѣтописцами лишь по общепринятой терминологіи¹⁾. Если Феодоръ былъ татарскимъ намѣстникомъ, то этимъ объясняется и то, почему онъ фигурируетъ рядомъ съ татарскимъ баскакомъ въ приведенномъ извѣстіи. Такими же татарскими намѣстниками могли быть и упомянутые князя Сѣверскаго синодика. Во всякомъ случаѣ я думаю, что существованіе этихъ князей не можетъ насъ заставить думать, будто общинное движеніе, общинный строй въ это время ослабли или прекратились; разъ общины получили первоначальное свое значеніе, для нихъ было не важно, сидѣлъ ли въ городѣ въ качествѣ татарскаго подручника или намѣстника простой смертный или князь, лишь бы онъ не вмѣшивался въ ихъ жизнь, а татары, съ своей стороны, не имѣли никакихъ основаній уничтожать или противодействовать общинному строю, поддерживать противъ него князей и т. п.

И имя Феодора и вышеприведенный эпизодъ его нападенія на архієпископа связаны уже въ вопросѣ о времени и послѣдовательности подчиненія Кіевской земли литовскими князьями. Татарское верховенство смѣнилось литовскою „зверхностью“, но эта „зверхность“ пришла гораздо болѣе незамѣтно, быть можетъ—постепенно, не производя рѣзкихъ переменъ въ жизни земли; она была поверхностна и не вліяла рѣзко на общественный строй, на народную жизнь. По выраженію одного современнаго историка, это „покореніе, не принося съ собою никакой новой стихіи, не производило эпохи въ исторіи этихъ краевъ и скоро затерлось въ народной памяти“²⁾. Отчасти благодаря такому характеру своему, отчасти вслѣдствіе опять-таки отсутствія жѣстныхъ источниковъ, исторія водворенія литовской власти въ Кіевщинѣ весьма мало намъ извѣстна: нѣсколько легендарныхъ сказаній, дошедшихъ въ позднѣйшей литературной переработкѣ, изъ которыхъ почти невозможно вылучить какое-нибудь историческое зерно, нѣсколько достовѣрныхъ, но неопредѣленныхъ упоминаній, намековъ другихъ источниковъ, лѣтописныхъ и документальныхъ, довольно глу-

¹⁾ То же самое, пожалуй, можно сказать и объ остальныхъ (болѣе или менѣе гетотичныхъ) князьяхъ, отнесенныхъ нами къ этому времени.

²⁾ *Stadnicki Synowie Gedymina* t. II p. 17.

хое, въ двѣ строчки, извѣстіе Густинскаго свода—вотъ что имѣемъ мы въ данномъ случаѣ.

Отдѣленная отъ литовскихъ племенъ широкою полосою волостей половецкихъ и турово-пинскихъ, Кіевская земля сравнительно позже пришла въ непосредственное соприкосновеніе въ Литвою. Походы кіевскихъ князей на литовскія племена упоминаются до-монгольской періодъ неособенно рѣдко, но они предпринимались въ интересахъ не Кіевской собственно, а другихъ волостей, особенно Турово-Пинской; таковы походы на Литву, Голыдь и ятвяговъ Владиміра Св., Ярослава, Іаислава, Ярослава Святополковича, Мстислава В.¹⁾; такой же характеръ имѣли, вѣроятно, походы на Литву Рюрика Ростиславича, въ бытность его княземъ овручскимъ: съ турово-пинскими князьями онъ былъ въ тѣсныхъ родственныхъ отношеніяхъ²⁾. Для слѣдующаго времени указываютъ на извѣстіе Платона Карпини о частныхъ набѣгахъ литовцевъ, но это извѣстіе, какъ я говорилъ выше, не относится собственно къ Кіевской землѣ и ближайшимъ образомъ имѣеть въ виду Волынь³⁾. Затѣмъ историческія извѣстія обрываются и мы должны обратиться къ легендамъ.

Легенды о завоеваніи Кіевщины литовскими князьями имѣютъ генеалогическій характеръ и дошли до насъ, въ разныхъ источникахъ, въ обработкѣ позднѣйшей—XVI в. Генеалогіи вообще источникъ очень мутный; догадка и выдумка обыкновенно принимаютъ широкое участіе въ ихъ составленіи. Если предположить въ извѣстіяхъ нашихъ легендъ историческую подкладку, то онѣ будутъ изображать собою постепенное поступаніе Литвы и борьбу съ нею кіевскихъ князей, хотя, повторяю, мы далеко не всегда можемъ опредѣлить, имѣемъ ли мы дѣло въ томъ или другомъ случаѣ съ темными отголосками дѣйствительныхъ событій или только съ позднѣйшими выдумками, домыслами и недоразумѣніями.

Слѣдую генеалогическому порядку, намъ нужно начать съ извѣстія второй литовско-русской лѣтописи (иначе—лѣтопись Быховца,

¹⁾ Относящіеся сюда мѣста лѣтописи приведены у В. Б. Антоновича *Монографіи* I с. 9—10.

²⁾ Ипат. с. 452, 455, 456 (1190—1193 г.), ср. Татищева III с. 302: Рюрикъ собирается на Литву по просьбѣ нурьевъ своихъ (ки. пинскихъ) и ки. половецкихъ.

³⁾ Собраніе путешествій къ татарамъ с. 8; Н. П. Дашкевичъ *Записки* с. 53, М. Ф. Владимірскаго-Буданова *ор. с. с.* 37. См. выше с. 436.

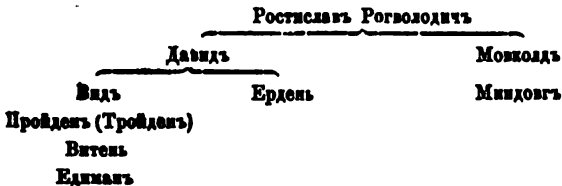
литовская хроника), что князь Скирмунтъ, сынъ Мингайла, завладѣлъ сначала Туровомъ и Пинскомъ, а потомъ Мозыремъ и Сѣверскою землею; въ версіи Стрыйковскаго въ борьбѣ со Скирмунтомъ участвуетъ и кievскій князь, но весьма вѣроятно, что подробность эта, не находящаяся въ лѣтописи, измышлена самымъ Стрыйковскимъ ¹⁾. Ко времени близко слѣдующему, по хронологіи той же лѣтописи, относятся столкновение Святослава кн. Киевскаго съ Рингольдомъ, о которомъ я упоминалъ выше ²⁾. Потомъ, если опять таки держаться генеалогій, слѣдуетъ извѣстіе статьи „Начало государей литовскихъ“, помѣщенной при Воскресенской лѣтописи и составленной также въ XVI в., какъ и 2 л.-русская лѣтопись ³⁾: „а по великомъ князѣ Миндовгѣ сѣде на княженіи Литовскомъ Давидовъ сынъ Видъ, его же люди волкомъ звали, и тотъ прибавилъ Деревьскіе земли много“ ⁴⁾.

¹⁾ *Романикі* р. 5—6, *Strzykowski* I р. 243—244, 247—248. Въ лѣтописи со Скирмунтомъ ведетъ борьбу Мстиславъ кн. лудскій и пинскій; Стрыйковскій сдѣлалъ изъ него Мстислава Романовича монаршею Кіѳовакіею (погибшаго въ Калинской битвѣ), который послѣ Калискаго побѣдителя получилъ отъ Владиміра Рюриковича Волинь и по его совѣту и съ его помощью (Кіѳовака романос) началъ борьбу со Скирмунтомъ—въ 1220 г. Проф. Шараневичъ въ разсказѣ 2 л.—русск. лѣтописи видитъ искаженное и тенденціозно отодвинутое на столѣтіе извѣстіе Ипат. л. (годъ 1277 г.—с. 578—579) о неудачномъ походѣ на Литву волынскихъ князей (О *litorivach i kronikach ruskich* р. 7). Повторяю, для насъ интересны не лѣтописныя приуроченья, а постепенное завоеваніе Киевщины, какъ оно излагается въ легендахъ, независимо отъ ихъ датировки.

²⁾ *Романикі* р. 7, *Strzykowski* I р. 251—252.

³⁾ Время составленія этой статьи видно изъ того, что Сигизмундъ Старый названъ „теперешнимъ королемъ“ (Воскр. I с. 286); начало ея, въ буквально сходныхъ выраженіяхъ, читается также въ Воскресенской л. годъ 1264 г., а слѣдующій натѣкъ отрывокъ, въ которомъ находится и приведенное извѣстіе о Видѣ—годъ 1265 (I с. 164—165), но здѣсь эти отрывки разнѣшены довольно неудачно, такъ что смерть Миндовга повторяется дважды: очевидно, не эти отрывки лѣтописи были источниками „Начала“, а послѣднее было разбито на части и разнѣшено годъ за годомъ; въ дальнѣйшемъ встрѣчаются и противорѣчія между Воскр. л. и „Началомъ“—см. напр. I с. 255 и II с. 25. О „началѣ“ см. еще у Стадницкаго—*Synowie Gedymina* I р. 72, *Bracia Wladyslawa jagielly* р. 386, 388.

⁴⁾ Воскр. I с. 254. Статья эта грѣшитъ несообразностями не меньше чѣмъ 2-ая л.-русская лѣтопись; генеалогія ея такова:

Видъ является преемникомъ Миндовга († 1268) и предшественникомъ Тройдана (съ

Наконецъ мы имѣемъ извѣстіе о завоеваніи Гедиминоуъ Кіева; извѣстіе это задаю не малую работу ученымъ и имѣеть уже свою литературу¹⁾. Во второй литовско-русской лѣтописи оно передано такъ:

„И впокоивши землю Жомонцкую отъ Нѣмцовъ, и пошолъ (Гедиминъ) на князи Рускіа, и приде напередъ къ городу Володимиру, и князь Володимиръ Володымерскій, собравшися съ людьми своими, и вчине бой лють съ княземъ великимъ Гидиминоуъ. И поможе Богъ великому князю Гидимину, ижъ князя Володымера Володымерского самого вбилъ, и рать его всю побилъ, и городъ Володимиръ воаетъ.

И потомъ поиде на князя Льва Лудкого, и князь Левъ услышалъ, што князя Володымира Литва вбила, и городъ Володимиръ взяли, и онъ не смѣлъ противу стати ему и побѣжить до князя Романа до зятя своего ку Браньску; а князи бояре Волынскіе били чоломъ великому князю Гидимину, абы въ нихъ пановалъ и господаремъ былъ, а земли ихъ не казилъ. И князь великій Гидиминъ, укрѣпивши ихъ присягою, и оставивши намѣстниковъ своихъ въ нихъ, и тамъ начнетъ княжити, а потомъ на зиму шолъ до Береста, вси войска свои розпустилъ, а самъ въ Бересты зимовалъ. И скоро великдень минулъ, и онъ собравши вси свои силы, Литовскіи, Жомонцкіи и Рускіи, и на другой недѣли по велицѣ дни поиде на князя Станиславля Кіевского и пришолъ воаетъ городъ Вручей и городъ Жытомыръ. И князь Станиславль Кіевскій, обославшися съ княземъ Ольгомъ Переславльскимъ и съ княземъ Романомъ Браньскимъ, и съ княземъ Львомъ Волынскимъ, которого князь великій Гидиминъ вы-

1270 г.). Такимъ образомъ его правленіе падаетъ на то время, когда въ Литвѣ происходили усобицы (убійство Мендого, правленіе Тренати, Войшелка и проч., см. Ипат. с. 568 сл.); конечно, въ это время было не до завоеваній. Далѣе, завоеваніе дремлянскихъ волостей въ этомъ извѣстіи предшествуетъ завоеванію земли Ятвяжской и Подляны, что также не вѣроятно.

¹⁾ Самые важныя сочиненія по этому вопросу—В. В. Антоновича Монографія т. I с. 47—58 и Н. П. Дашкевича Запѣтки с. 40—64; затѣмъ къ литературѣ вопроса относятся: Карамзина Ист. Гос. Росс. IV с. 128—130, Зубрицкій Ист. Галич.-Русск. княж. III с. 262—268, Stadnicki Synowie Gedymina t. II p. 17—26, Шарановичъ Ист. Галицко-Волод. Руси с. 130—135, Илюваѣнскій Ист. Россія т. II с. 58, 539—540, Владивирскій-Будановъ Населеніе Юго-Западной Россіи до волод. XV в. с. 38—39, Андришевъ Ист. Волынск. зем. с. 200—201, Ясненскій Уставныя грамоты л.-русск. госуд. с. 63—64.

гналъ зъ Луцка, и собралися вси у великомъ множествѣ людей своихъ Рускихъ, и сподкалися зъ княземъ великимъ Гидиминомъ на рѣцѣ на Рпени¹⁾ подъ Бѣлымгородомъ въ шести мильхъ отъ Кіева, и вчинили бой и сѣчу великую. И поможе Богъ великому князю Гидимину, побіеть всихъ князей Рускихъ наголову и войска ихъ все побитое на мейсцу zostало, и князя Льва Луцкого и князя Ольга Переяславльскаго вбѣлъ, и въ малѣ дружнѣ Станиславль Кіевскій и зъ Романомъ Браньскимъ втекутъ до Браньска. А князь великій Гидиминъ оступилъ городъ Бѣлгородъ, и горожане, выдачи, ижъ господръ ихъ в войска побѣгъ, а войско все наголову поражено, и они, нехотачи противитися войску такъ великому Литовскому, и передалися зъ городомъ князю Гидимину и присягу учинили служити къ великому княству Литовскому. И затѣмъ князь Гидиминъ пошолъ со всеми силами своими до Кіева, обляже городъ Кіевъ, и Кіяне почалися ему боронити, и лежалъ князь великій Гидиминъ подъ Кіевомъ мѣсяць. А затѣмъ здумали зъ собою горожане Кіевскіе, ижъ мощи великаго князя большъ терпѣти не могли, безъ господара своего, великаго князя Станиславля Кіевскаго, и услышали то, ижъ господарь ихъ князь Станиславль утекъ одъ Гидимина, и войско ихъ все господара побито, и въ нихъ zostави нѣкоторое князь ихъ не zostавилъ, и они, змовившися одномыслѣне, подалися великому князю Гидимину, и шедши зъ города со кресты Игумены, Попы и Діаконы, и ворота городовыя отворили, и стрѣтили великаго князя Гидимина честно, и вдарили ему чоломъ, и подалися служити ему, и присягу свою великому князю на томъ дали, и били чоломъ, штобы отъ нихъ отчнѣ ихъ не отнималъ; и князь Гидиминъ при томъ ихъ zostавилъ и самъ честно въ городъ Кіевъ вѣхалъ.

И услышали то пригородки Кіевскіе, Вышегородъ, Черкасы, Каневъ, Путывль и Сѣвпородъ, что Кіяне передалися зъ городомъ, а господара своего слышали, ижъ утекъ до Браньска, а силу его всю побито, и вси пришли до великаго князя Гидимина изъ теми вышереченными пригородки Кіевскими, и подалися служити, и присягу на томъ дали великому князю Гидимину. И Переяславляне слышали, ижъ Кіевъ и пригородки Кіевскіе подалися великому князю

¹⁾ Нарпени.

Гидмину, а господарь ихъ князь Ольгъ отъ великого князя Гидмнна вбигъ, а они прїѣхавши, и подалися зъ городомъ служити великому князю Гидмину, и присягу свою на томъ дали.

И князь великій Гидмнинъ, взявши Кіевъ и Переславль и вси тые вышереченные пригороды, и посадилъ на нихъ князя Миндогора сына Ольгимонта ¹⁾, великого князя Гольшанского, а самъ зъ великимъ веселиемъ въ Литву возвратися.

И въ тотъ часъ будучи князю Станиславию Кіевскому у Браньску, выгнаному одъ великого князя Гидмнина, и присла къ нему князь Иванъ Резанскій, будучи у старости своей, прослалъ его, абы до него прїѣхалъ и дочку у него понялъ, именемъ Ольгу, бо сына не мѣлъ, только одну тую дочку, и по смерти его абы былъ великимъ княземъ Резанскимъ. И князь Станиславъ до него ѣхалъ, и дочку въ него понялъ, по смерти его былъ великимъ княземъ Резанскимъ.

А князь великій Гидмнинъ, прогнавши князей Рускихъ и отъ Нѣмецъ землю впокоивши, и пановалъ много лѣтъ въ покою ²⁾.

Кромѣ второй литовско-русской лѣтописи извѣстіе о завоеваніи Кіева Гидмниномъ содержится въ разныхъ компиляціяхъ и сводахъ: въ Хроникѣ Стрийковского и въ его же „Описаніи Сарматіи“, въ южно-русскомъ (Густинскомъ) сводѣ ³⁾, въ т. н. Межигорской рукописи ⁴⁾. Стрийковскій собственно и популяризовалъ это извѣстіе: благодаря ему имено оно проникло въ послѣдующія сочиненія, до учебниковъ включительно ⁵⁾. Въ настоящее время ученые согласны въ томъ, что

¹⁾ Такъ въ изд. Нарбута: *Mindogowa syna Olgimonta, wielkiego kniazia Holzanskogo*. У Стрийковского (I р. 366—7) *Mindowa xiądz Holzanskie, syna Holzowego*.

²⁾ *Pomniki* р. 15—16; я переписалъ текстъ карандашемъ, исправивъ нѣсколько нумеровъ. Это мѣсто приведено также у В. В. Антоновича (Монogr. I с. 47—49) и отчасти, что относится до Кіева,—въ Сборникѣ матер. для ист. тоногр. Кіева отд. I с. 32—33.

³⁾ *Strujkowski Kronika* I р. 362—366, *Sarmatiae Europaeae descriptio*, ed. 1681, f. 50 (въ изд. 1684 г. р. 314), *Поля. собр. лѣтоп.* II с. 348.

⁴⁾ Это сборникъ, составленный въ XVII в. изъ разнообразныхъ статей историческаго содержанія, хранящійся во Львовѣ, въ библиотекѣ Оссолинскихъ. Впервые, кажется, обратилъ на него вниманіе К. Стадицкій, назвавшій его *Kіewo - wieczerskiej rukopisnyo* (*Sypowie Gedymina* II р. 26). Описание его дано В. В. Антоновичемъ въ Кіевской Стар. 1882 г. кн. VII с. 97—99 и въ предисловіи къ Сборнику лѣтописей, относ. къ ист. Южн. и Зап. Руси (с. 18—21); о немъ см. также у Шараневича *O latopisach i kronikach ruskich, rassin.*

⁵⁾ Объ этомъ см. у В. В. Антоновича *Монogr.* I с. 47.

первосточникомъ Стрийковскаго и Густинскаго свода служила 2 литовско-русская лѣтопись ¹⁾. При этомъ извѣстіе послѣдней подверглось нѣкоторымъ измѣненіямъ. Въ первосточникѣ, подобно другимъ старѣйшимъ извѣстіямъ литовско-русскаго лѣтописей, извѣстіе это лишено даты, Стрийковскій датировалъ его на основаніи собственныхъ соображеній: въ Хроникѣ онъ приурочиваетъ успокоеніе Жемонтской земли, о которомъ говоритъ лѣтописецъ, къ побѣдѣ надъ крестоносцами у Мѣдянкъ 1320 г. и непосредственно затѣмъ помѣщаетъ походъ на южныхъ князей ²⁾. Въ „Описаніи Сарматіи“ походъ на русскихъ князей отнесенъ къ 1304 г. ³⁾; отсюда, надо думать, заимствовалъ дату и составитель Густинскаго свода: рассказъ о походѣ Гедимина въ этомъ сводѣ сокращенъ и размѣщенъ подъ годами 1304—1306; при этомъ составитель внесъ и свой домыселъ: онъ называетъ кн. Владиміра Васильовичемъ, а Льва Даниловичемъ ⁴⁾. Затѣмъ Стрийковскій, помимо обычныхъ описаній битвъ и другихъ украшеній, даетъ нѣсколько болѣе существенныхъ прибавленій; по его словамъ, Гедиминъ напалъ на волынскихъ князей за то, что они дѣлали нападенія на „земли Повилійскія и Новгородскія“, отняли Брестъ и Дрогичинъ; союзниками русскихъ князей—Владиміра и Станислава—являются татары; въ число завоеванныхъ Гедиминомъ городовъ включенъ и Брянскъ ⁵⁾; говоря о назначеніи намѣстникомъ Миндовга, Стрийковскій прибавляетъ, что онъ „пановалъ“ въ Кіевѣ до назначенія сюда Владиміра Ольгердовича ⁶⁾. Замѣчу, что извѣстіе объ

¹⁾ Антоновичъ Монографіи I с. 47, Дашкевичъ Записки с. 48, Иловайскій Истор. Рос. II с. 540.

²⁾ Strujkowski I p. 362—363, cf. p. 278; см. Монографіи В. В. Антоновича I с. 49.

³⁾ Такую рѣзкую разницу въ датировкѣ, быть можетъ, слѣдуетъ объяснить тѣмъ, что въ Хроникѣ Гедиминъ княжить съ 1318, а въ „Описаніи Сарматіи“—съ 1300 г.: въ обоихъ случаяхъ походъ происходитъ чрезъ 4—5 лѣтъ по вокняженіи.

⁴⁾ Содержаніе извѣстія Густинск. свода тоже сходно съ извѣстіемъ „Описанія Сарматіи“, только короче, и могло быть отсюда заимствовано, но утверждать этого я не буду: составитель Густинскаго свода пользовался и Хроникой Стрийковскаго—см. ссылки на начала свода подъ г. 1349 и 1387, имѣлъ подъ рукою и западно-русскаго лѣтописца, можетъ быть и 2 л.—рус. лѣтоп. Отождествивъ волынскихъ князей съ Львомъ Даниловичемъ и Владиміромъ Васильовичемъ, онъ потому долженъ былъ предпочесть дату Описанія датѣ Хроникъ (ср. В. В. Антоновичъ Моногр. I с. 50).

⁵⁾ Брянскъ внесенъ въ число завоеванныхъ Гедиминомъ городовъ и въ Описаніи Сарматіи и въ Густинскомъ сводѣ: „Каневъ, Черкаси, Путыль, Брянско и Волынъ“.

⁶⁾ О прибавленіяхъ Стрийковскаго см. у В. В. Антоновича Моногр. I с. 49.

участіи татаръ въ битвѣ на Ирпени (который у Стрийковскаго названъ *Pierpa*) противорѣчитъ категорическому заявленію литовско-русской лѣтописи, что князья собрались только „у великомъ множествѣ людей своихъ Рускихъ“.

Что касается до т. н. Межигорской рукописи, то К. Стадницкій и Н. П. Дашкевичъ придаютъ весьма важное значеніе ея извѣстію о завоеваніи Кіева Гедиминомъ; извѣстіе это, одно изъ нѣсколькихъ, излагающихъ на разные лады этотъ фактъ въ разныхъ статьяхъ сборника, заключается въ слѣдующемъ:

В лѣто *xlvmla* (1333). Гедиминъ князь литовскій, повсталъ на князя кіевскаго Станислава и побѣдилъ его з рускимъ и татарскимъ войскомъ надъ рѣкою Ирпѣнею и прогнавши татаръ Кіевъ в свою власть взялъ ¹⁾.

Упомянутые ученые противопоставляютъ это извѣстіе разсказу 2-й л.-русской лѣтописи, какъ независимое отъ него, а Н. П. Дашкевичъ высказалъ мнѣніе, что „подобное же, если не то же самое извѣстіе положено въ основу сказанія 2-й литовской лѣтописи о завоеваніи Кіева Гедиминомъ“ ²⁾. Однако доводы, приведенные почтеннымъ ученымъ въ защиту этого положенія, кажутся мнѣ недостаточно вѣскими ³⁾; необходимо еще произвести тщательное изслѣдованіе той

¹⁾ Дашкевичъ Замѣтки с. 56, K. Stadnicki Syn. Gedym. II р. 26.

²⁾ Замѣтки с. 57.

³⁾ Доводы Н. П. Дашкевича относительно самостоятельности извѣстія Межигорской рукописи таковы: извѣстіе это имѣетъ дату, чего нѣтъ въ лѣтописи; извѣстіе послѣдней исполнено амалификаціей, не встрѣчающихся въ Межигорскомъ манускриптѣ; повѣствованіе Межигорской рукописи не заключаетъ въ себѣ никакой несообразности, между тѣмъ въ разсказѣ лѣтописи несообразностей есть нѣсколько (Замѣтки с. 58). Два послѣднія обстоятельства отлично мирятся съ предположеніемъ, что извѣстіе Межигорской рукописи есть извлеченіе изъ разсказа второй литовско-русской лѣтописи или, что вѣроятнѣе,—Стрийковскаго. Источникомъ разсказа 2 л.-русской лѣтописи приведенное извѣстіе Межигорской рукописи не можетъ быть признано уже потому, что распространившій его компиляторъ едва ли могъ упустить подробность объ участіи татаръ (слѣдующая въ 2 л.-русской лѣт.). Стадницкій (*Syn. Ged. II р. 27*) объ извѣстіи Межигор. рук. отмѣчаетъ такъ: *data o pierwazem zajęciu Kłowa jest nieokreślonej wagi, najwzaprzód bo miejscowa, potem że nie znajduje się w żadnej znaney dotąd kronice ruskiej; почтенный ученый, очевидно, также не допускалъ мысли о заимствованіи этого извѣстія изъ иного источника. Единственно, что есть самостоятельнаго въ извѣстіи Межигорскаго сборника противъ Стрийковскаго и списка Выховца, это „Ирпѣнь“ или „Рпени“ и „Пѣрпн“, но то, можетъ быть, чтеніе другого, болѣе исправнаго списка, или поправка компилятора—клемлянина; такую поправку находимъ и въ Синопсисѣ (с. 126): „надъ рѣкою Пирною или Ирпѣню“.*

статьи сборника, въ которой содержится вышеприведенное извѣстіе ¹⁾, а пока мы должны имѣть въ виду, что это извѣстіе могло провозйти и изъ сокращенія извѣстія Стрыйковскаго или 2-й л.-русской лѣтописи, знакомство съ которыми ясно обнаруживается въ другихъ статьяхъ сборника ²⁾; такъ какъ извѣстіе объ участіи татаръ находится и у Стрыйковскаго и въ Межигорской рукописи, то я склоненъ думать, что составитель извѣстія послѣдней имѣлъ въ виду и версію Стрыйковскаго. Что касается даты, сопровождающей извѣстіе Межигорской рукописи,—мы не можемъ придавать ей большаго значенія. Мы знаемъ, что Стрыйковскій датировалъ взятіе Кіева по своимъ соображеніямъ двумя различными датами; въ той же Межигорской рукописи, кромѣ 1333 г., взятіе Кіева въ другихъ мѣстахъ датировано еще 1340 и 1341 г. ³⁾; пока дата 1333 г. не будетъ подтверждена другими историческими свидѣтельствами, мы, думаю, не въ правѣ эту дату считать за что-либо большее, чѣмъ домыслъ компилятора и давать ей больше цѣны, чѣмъ прочимъ датамъ этого событія ⁴⁾. Можетъ

¹⁾ Судя по замѣткѣ Бѣлевскаго (въ „Замѣткахъ“ Н. П. Дашкевича с. 57), это извѣстіе находится на стр. 104 рукописи, слѣдовательно въ той части ея, которая озаглавлена „Лѣтописецъ второй“ и составлена, въ свою очередь, изъ шести лѣтописныхъ статей, именно во второй статьѣ ея: здѣсь, по описанію проф. Антоновича, подробно передаются истинныя смоленскія извѣстія и прибавлены краткія замѣтки о событіяхъ литовскихъ, московскихъ и кievскихъ (предисл. въ Сборнику лѣт. Ю. и З. Руси с. 18).

²⁾ Предисл. въ Сборн. лѣтоп. Ю. и З. Руси с. 17, также O latopisach i kronikach р. 6.

³⁾ Замѣтки с. 56—7.

⁴⁾ Авт. Бѣлевскій и Н. П. Дашкевичъ въ подтвержденіе этой даты привели еще два извѣстія. Одно—записъ, „находящаяся въ лѣтописи при польскомъ переводѣ Нестора“: годъ 1333 г. записано, что Альбрехтъ Гамтольдъ, воевода виленскій, основалъ замокъ и монастырь на р. Острѣ и выдалъ имѣнія и рыбныя ловли. Другое—отрывокъ изъ инвентаря вольскаго королевскаго архива, составленнаго въ 1780 г. и хранящагося въ копіи въ Дрезденской королевской библиотекѣ; я позволю себѣ привести его цѣликомъ, какъ онъ приведенъ у Н. П. Дашкевича:

„Palatinatus Sijoviae“: „Cujus nulla in Archivo reperiuntur Documenta tantum modo ex antiquis Connotationibus patet Descriptio quinque Instrumentorum, quae hic in Thezaurio reperiebant...“

1333. 2. Kłodimirus Vladislao Homagium praestat et т. л. (pag. 377).

Palatinatus Volhiniae

1333 Theodori Romani et Alexandri Ducum et Aliorum Homagium et Fidelitas Vladislao Regi promissa (pag. 400).—Замѣтки с. 57 и 62.

По странному совпаденію, обѣ даты оказываются просто описками. Что касается вернаго извѣстія, то по сравненіи съ латраціями Остерскаго замка оказывается, что

быть и то, что она основывается на какомъ-нибудь авторитетномъ источникѣ, намъ неизвѣстномъ, но можетъ быть—она изобрѣтена и самимъ составителемъ статьи, который оказался лишь болѣе счастливымъ, чѣмъ другіе компиляторы, отодвинувъ дату впередъ и избѣгнувъ такимъ образомъ несообразностей датъ 1820 и 1805 г.; мы этого пока не знаемъ¹⁾.

Итакъ, въ концѣ концовъ относительно завоеванія Кіева Гедиминомъ мы не имѣемъ другаго извѣстія, въ самостоятельности котораго отъ другихъ, извѣстныхъ намъ, свидѣтельствъ мы могли быть вполне увѣрены, кромѣ разсказа 2-ой литовско-русской лѣтописи; источника его мы не имѣемъ и при современныхъ данныхъ онъ является единственнымъ первоисточникомъ по этому вопросу. Такимъ образомъ критеріями истинности въ данномъ случаѣ являются—качество самого источника и соотвѣтствіе передаваемого имъ событія съ другими историческими данными.

Прежде чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію его съ этой точки зрѣнія, упомяну вератцѣ о взглядахъ, существующихъ въ наукѣ относительно разсказа о завоеваніи Гедиминомъ Кіева. Нѣкоторые подозре-

передаваемый въ немъ фактъ въ действительности имѣлъ мѣсто въ XVI в., около 1588 г., и упоминаемый въ немъ Альбрехтъ Гамбольдъ есть извѣстный сводившій Сигизмунда Стараго—ср. Архивъ Ю.-Зап. Рос. VII, I с. 592—8, также 841—2; сраженіе гетство см. также въ брошюрѣ „Южнорусскіе господарскіе заки въ полов. XVI в.“ (въ Унив. Изв. 1890 г. кн. II и отдѣльно, с. 10—11). Второе извѣстіе—о присягѣ кіевского князя королю Владиславу—Владиславу Ловетку (который, замѣчу, скончался именно въ 1838 г. 2 марта—см. напр. Rocznik Małopolski, въ Mon. Pol. h. II p. 856), въ 1838 г., следовательно до начала движенія Польши на Русь, само по себѣ вовсе неправо и нисколько не согласуется съ историческими условіями. Но мы имѣемъ присяжную грамоту кіевского кн. Владимира (Klodimirus) Ольгердовича Владиславу Ягайлу отъ 1388 г. (Notagium Ducis Kijoviensis Vladimiri fratri suo Vladislao, какъ озаглавлена она въ регистрѣ), см. Supplementum ad Hist. Russ. Mon. № 211 (тамъ же № 210 и присяжная грамота Феодора-Любарта 1886 г.). Очевидно, что этотъ именно документъ имѣется въ виду въ приведенномъ отрывкѣ инвентаря. Если обратить вниманіе на начертаніе датъ (1388, 1888, 1838), то эти недоразумѣнія или описки будутъ вполне понятны.

¹⁾ Что бы заставило его подвинуть дату впередъ, не знаю; развѣ, можетъ быть, онъ обратилъ вниманіе на то, что смутило и новѣйшихъ историковъ относительно даты Стрийковскаго,—на присутствіе баскака въ Кіевѣ въ 1381 г.: въ этой части сборника замѣчается пользованіе сѣверными источниками (см. предисл. къ Сборн. лѣт. Ю. и З. Руси с. 18), въ нихъ компиляторъ могъ наткнуться на указанное извѣстіе (замѣчу, что въ Николовскомъ сводѣ, сообразно сентябрьскому численію наваденіе, Феодора отнесено именно къ 1382 г.).

тельные свойства его довольно давно обратили на себя внимание ученых: уже Карамзинъ отнесся къ извѣстію о завоеваніяхъ Гедимины съ большимъ скептицизмомъ и находилъ его очень сомнительнымъ; его мысль равнялъ полѣе Зубрицкій, который отрицалъ всякую достовѣрность за извѣстіемъ Стрыйковскаго ¹⁾. Напротивъ, другіе ученые, признавая различныя несообразности въ извѣстїи литовско-русской лѣтописи, тѣмъ не менѣе считали достовѣрною его основу и пытались согласить его съ показаніями другихъ источниковъ; такъ поступаютъ, напримѣръ, Стадницкій, Шараневичъ, Владимірскій-Будановъ; они принимаютъ, что Гедиминъ дѣйствительно столкнулся съ волынскими князьями, дѣйствительно завоевалъ Кіевъ. В. Б. Антоновичъ установилъ иной взглядъ на наше извѣстіе; по его мнѣнію въ рассказѣ лѣтописца соединены преданія о двухъ совершенно разновременныхъ событіяхъ, подробности же его частью вымышлены, частью состоятъ изъ набора лицъ и событій, заимствованныхъ на протяженіи почти двухъ столѣтій ²⁾. Въ рассказѣ о завоеваніи Волыни В. Б. Антоновичъ признаетъ воспоминаніе о борьбѣ Гедимины съ волынскими князьями изъ-за Подляхїи; походъ же на Кіевъ происходилъ въ дѣйствительности при Витовтѣ и неправильно перенесенъ въ эпоху Гедимины. Этотъ методъ провелъ дальше Н. П. Дашкевичъ; онъ разчленяетъ рассказъ лѣтописца не на два, а на четыре отдѣльныхъ похода—столкновение Гедимины со Львомъ Луцкимъ, война его съ княземъ владимірскимъ, захватъ Овруча и Житомира, покореніе Кіева и остальной Кіевской земли, оговариваясь впрочемъ, что два послѣднія приобрѣтенія могли быть сдѣланы и въ одинъ походъ. Всѣ

¹⁾ „Сіе повѣствованіе историка не весьма основательнаго едва ли утверждено на какникъ нибудь современныхъ или достовѣрныхъ свидѣтельствахъ“—Карамзинъ IV с. 129. Зубрицкій (Исторія Галич.-Русск. княж. т. III с. 268) выражается рѣшительнѣе: „баснословъ Стрыйковскій схватилъ тѣ историческія имена (Владимира, Льва и Романа) и прибавилъ къ нимъ небывалаго Станислава, сплелъ свою небыллицу“. Оба историка колебались со Стрыйковскимъ, не зная его источника. Приведу доводи Зубрицкаго: невозможно, чтобы всѣ эти завоеванія совершились въ одну осень и весну; упоминаемые въ рассказѣ князья—Владиміръ, Левъ и Романъ—принадлежатъ къ XIII в.; въ 1320 г. на Волыни правили Левъ и Андрей, которые служили, по выраженію Владислава Локетка, щитою противъ татаръ и потому не могли пользоваться помощью послѣднихъ; могущественный современникъ Гедимины Узбекъ († 1340) не допустилъ бы никогда завоеванія Кіева (оп. с. с. 262—268).

²⁾ Монографіи т. I с. 53—56.

ети завосванія вышеупомянутой ученый находитъ возможнымъ отнести къ Гедмину¹⁾.

Такова постановка вопроса въ современной наукѣ; перейдемъ теперь къ пслѣдованію лѣтописнаго извѣстія. И шаблонно-изукрашенная форма, и анахронизмы и несообразности ясно обличаютъ его позднюю редакцію. Эти промахи весьма обстоятельно раскрыты были В. Б. Антоновичемъ, и не смотря на ученую защиту лѣтописнаго разсказа Н. П. Дашкевичемъ, многія изъ его положеній сохранили всю свою силу. Существованіе въ то время кн. Владиміра на Волыни доселѣ остается лишь гипотезою²⁾; княженіе Станислава въ Рязани и Романа въ Брянскѣ невѣроятно; въ перечнѣ кievскихъ пригородовъ Путивль и Снепородъ вовсе неумѣстны: послѣдній, съ точки зрѣнія составителя этого извѣстія, долженъ былъ явиться пригородомъ Переяслава³⁾. Любопытна еще подробность, указывающая на позднѣйшее происхожденіе легенды: кievляне просятъ у Гедмина: „штобы

¹⁾ Запѣтки с. 68. Изъ другихъ ученыхъ проф. Замеловскій слѣдуетъ извѣстію В. В. Антоновича (Объясненія къ атласу с. 55). Проф. Иловайскій признаетъ разсказъ лѣтописи позднимъ и недостовернымъ вымысломъ (Ист. Россіи II с. 540). Соловьевъ (III. с. 289—290), Вестужевъ-Руминъ (II с. 2), хотя съ извѣстнымъ скептицизмомъ, принимаютъ извѣстіе лѣтописца.

²⁾ Н. П. Дашкевичъ (Запѣтки с. 44) къ числу доказательствъ его существованія прибавляетъ еще упоминанія его у Стрийковскаго, но весьма возможно, что ина это Стрийковскій почеркнулъ изъ разсказа лѣтописца и потомъ отъ себя вставилъ его при случаѣ. Шараневичъ (ор. с. с. 128) ссылается на Описаніе Києво-Соф. собора Евгенія, но послѣдній не почеркнулъ ли свое извѣстіе изъ Стрийковскаго же? въ Степ. кн. (I с. 414), на которую при этомъ ссылается и Евгеній (с. 86), „киязъ Волинскія земли“ по имени не названъ. Вообще методъ соглашенія извѣстій при помощи двойныхъ княжескихъ именъ, прихитренный въ данномъ случаѣ, слѣдовало бы прилагать съ большою осторожностью. Какъ видно, одно изъ двухъ именъ князя употреблилось обыкновенно, и въ древнихъ лѣтописяхъ и жнорусскихъ всего ва-три раза одинъ и тотъ же князь называется то червоинимъ, то нѣрскимъ именемъ.

³⁾ Существованіе поселенія Снепорода Н. П. Дашкевичъ, кнѣ кажется, доказалъ вполне убѣдительно (с. 52)—см. въ спискѣ городовъ по тексту изд. Срезневскихъ (Свѣдѣн. и зам. XI): „а на Сулѣ Снепородъ“; о теперешнемъ Снепородѣ см. выше с. 218—219. Въ доказательство существованія Балгорода и Вынгорода, какъ пригородовъ, въ литовскую эпоху онъ ссылается (с. 50) на уставную грамоту в. кн. Александра, но тамъ Вынгородъ и Балгородъ упоминаются просто, какъ трактовныя пункты, наравнѣ съ с. Гезахово— „а Вишегородскаго и Червоинскаго и Балгородскаго и Глецакаго мита кнѣ не влѣтити“. Списокъ городовъ Воскрес. лѣт. также не можетъ служить доказательствомъ: какъ справедливо замѣтилъ В. Б. Антоновичъ (с. 55), онъ представляетъ сводъ данныхъ разновременныхъ. Существованіе Житомира и Черкасъ въ эту пору также не подтверждается доселѣ никакими другими свидѣтельствами.

отъ нихъ отчинъ ихъ не отнималъ¹⁾; какъ видно, составитель этого разсказа представлялъ себѣ тогдашнихъ киянъ въ видѣ повдѣйшихъ литовскихъ земель. Наконецъ самый фактъ такого крупнаго столкновенія Гедимина съ киевскимъ княземъ нѣ кажется мало вѣроятнымъ. То немногое, что намъ извѣстно о киевскомъ князѣ XIV в. Феодорѣ, таково, что устраняетъ мысль о возможности для него какой-либо борьбы съ Гедиминомъ: такой мелкій князекъ долженъ былъ ретироваться безъ боя при первомъ нападеніи Гедимина (какъ это было потомъ при Ольгердѣ), а объ участіи татаръ лѣтопись молчитъ. Очевидно, составитель лѣтописи, какъ и Стрыйковскій, увѣряющій, что князь Станиславъ *sam jeden monarchą albo jedynowładcą Ruskim w ten czas, jako dzis Moskewski, risał*²⁾, перенесли на ту эпоху понятія о киевскомъ князѣ иного времени.

Но можетъ быть, при всѣхъ неточностяхъ въ подробностяхъ, разсказъ 2-ой литовско-русской лѣтописи содержитъ въ себѣ, въ своей основѣ, воспоминаніе о дѣйствительномъ фактѣ, о завоеваніи Киевской земли Гедиминомъ? Къ сожалѣнію, и на этотъ вопросъ нельзя отвѣтить съ полною увѣренностью утвердительно. Это зависитъ отъ характера самой лѣтописи. Она составлена въ половинѣ XVI в., неизвѣстный авторъ ея пользовался болѣе ранними лѣтописными памятниками (какъ, напримѣръ, Волинскою, древнею (или первою) литовско-русскою лѣтописью и пр.) и кромѣ того въ свою лѣтопись включилъ, вѣроятно уже нѣзъ устныхъ сказаній, множество эпизодовъ частью баснословныхъ, частью историческихъ, которые преимущественно имѣютъ цѣлью объяснить тѣ или другіе факты родословныхъ знатныхъ фамилій, родовыхъ и мѣстныхъ имена³⁾. Къ числу такихъ эпизодовъ принадлежитъ и разсказъ о завоеваніи Киева; характеръ легенды въ немъ ясно даетъ себя чувствовать; соль его, кажется, заключается именно въ извѣстіи, что Гедиминъ посадилъ въ Киевѣ намѣстникомъ Ольгимонта, сына Мендовга. Чтобы понять значеніе этого извѣстія, нужно вспомнить, что при Витовтѣ въ Киевѣ сидѣлъ князь Іоаннъ Ольгунтовичъ; возможно, что разсказъ о киевскомъ завоеваніи есть родовое

¹⁾ Kronika I p. 364.

²⁾ О составѣ второй литовско-русской лѣтописи см. у В. В. Антоновича—Монографія I с. 14—16, Шараневича О *latopisach i kronikach ruskich* p. 27 *всн.*, также „Лѣтописные источники для исторіи Литвы въ средніе вѣка“ г. Барбашева с. 3 *сл.*

преданіе рода Ольгимунтовичей или другой, связанной съ ними фамиліи о томъ, что предокъ ихъ Ольгимунтъ сидѣлъ въ Кіевѣ; такое преданіе могло даже имѣть дѣлюю поддержку давностію чьи-нибудь права на Кіевъ. Былъ ли при этомъ перепесенъ фактъ позднѣйшаго пріобрѣтенія Кіева Витовтомъ на эпоху Гедимина и вмѣсто Іоанна Ольгимунтовича подставленъ его отецъ по недоразумѣнію, или этотъ эпизодъ былъ изобрѣтенъ сознательно.¹⁾ Или, наконецъ, это—нелюбое преданіе, имѣющее въ основаніи память о дѣйствительномъ историческомъ фактѣ, о столкновеніи Гедимина съ кіевскимъ княземъ—на этотъ вопросъ при наличныхъ данныхъ очень трудно отвѣтить.

Такимъ образомъ рассказъ 2-ой литовско-русской лѣтописи о завоеваніи Кіева Гедиминомъ долженъ быть отнесенъ къ разряду тѣхъ, покрытыхъ легендарною оболочкою, извѣстій объ отношеніяхъ Литвы и Кіевщины, которыя я приводилъ выше; разница только въ большей обстоятельности, обилии подробностей, подкупающихъ читателей.

Всѣ эти извѣстія въ основѣ своей имѣютъ воспоминанія или догадки, домыслы о движеніи литовскихъ князей на Кіевскую землю, фактъ дѣйствительномъ, только отнесенномъ произвольно и неудачно къ разнымъ существовавшимъ и несуществовавшимъ князьямъ и въ общемъ, быть можетъ тенденціозно²⁾, значительно отодвинутомъ отъ его дѣйствительнаго осуществленія. Въ дѣйствительности такое движеніе литовскихъ князей на Кіевщину сдѣлалось особенно возможнымъ и естественнымъ послѣ того, какъ, съ одной стороны, Гедиминъ завладѣлъ Турово-Пинскою волостью³⁾, съ другой стороны—

¹⁾ В. В. Антоновичъ, какъ упомянуто, полагаетъ, что составитель 2 лит.-рус. лѣтоп. фактъ завоеванія Кіевщины Витовтомъ въ 1392 г. отнесъ во времена Гедимина, переимѣнивъ имена (Моногр. I с. 56—7). Въ 1392 году походъ тоже происходитъ весной, дѣло начинается влѣтъ въ Овручъ и Житомира. На сходствѣ рассказовъ объ этихъ двухъ событіяхъ обратилъ вниманіе Шараевичъ (ор. с. с. 280); Н. П. Дашкевичъ въ Запискахъ (с. 63) отрицаетъ это сходство, но раньше онъ думалъ иначе (Болех. з. вр. 136, с. 106). Мы только во всякомъ случаѣ кажется, что приписывать изобрѣтеніе Гедиминова завоеванія составителю лѣтописи не слѣдуетъ, онъ воспользовался, вѣроятно, готовыми преданіями.

²⁾ Шараевичъ *O latopisach i kronikach ruskich* p. 7.

³⁾ Время завоеванія ся нельзя опредѣлить съ точностію; въ концѣ XIII в. она еще независима, Гедиминъ уже отдѣлъ ее въ удѣлъ сыну Наримунту, см. Монографіи В. В. Антоновича I с. 46.

Любарть Гедиминовичъ осѣлся на Волыни. Выше мы видѣли, что древнѣйшимъ завоеваніемъ литовскихъ князей (именно легендарнаго Скирмунта) на кievской территоріи въ легендахъ является Мозырская волость. Затѣмъ, если по примѣру Н. П. Дашкевича завоеваніе Овруча и Житомира въ разсказѣ 2-ой литовско-русской лѣтописи выдѣлать въ отдѣльный эпизодъ ¹⁾ и сопоставить съ нимъ извѣстіе о завоеваніи Видомъ, прадѣдомъ Гедимина, Деревской земли, то можно выставить гипотезу, что Деревская земля ранѣе была подчинена литовцами, чѣмъ старая Полянская земля съ Кіевомъ. Такой ходъ завоеваній вѣроятенъ и а priori: они начинаются послѣ присоединенія Турово-Пинской области завоеваніемъ Мозыря, захватываютъ затѣмъ западную часть земли и заканчиваются захватомъ Кіева и юго-восточной полосы. Конечно, это только *можно* быть такъ, для болѣе твердыхъ заключеній мы не имѣемъ данныхъ. Завоеванія эти могли быть произведены частью при Гедиминѣ, частью при Ольгердѣ: присоединеніе Турово-Пинскихъ волостей и Волыни при Гедиминѣ и завоеваніе Кіева Ольгердомъ, повторяю, служатъ крайними пунктами въ исторіи завоеванія Кіевщины.

Относительно времени и характера завоеванія Кіева существуютъ довольно разнообразныя воззрѣнія. До недавняго времени пользовалась широкимъ довѣріемъ дата Стрыйковскаго 1319—1320 г., съ этого времени считали инкорпорацію Кіевщины Русско-литовскимъ государствомъ. Эта дата имѣетъ своихъ защитниковъ доселѣ; но ее довольно трудно примирить съ другими историческими данными о Кіевщинѣ, а потому обыкновенно ученые, защищающіе извѣстіе о завоеваніи Кіева Гедиминомъ, или подвигаютъ впередъ время завоеванія Кіева или дѣлаютъ разныя оговорки и поправки въ извѣстіи о завоеваніи. Историческія данныя, съ которыми приходится считаться Гедиминову завоеванію, слѣдующія:

Въ 1331 г. въ Кіевѣ упоминается татарскій баскакъ, и Кіевъ въ разсказѣ лѣтописи противопологается Литвѣ.

Феодоръ, княжившій въ 1331 г. въ Кіевѣ, оставался удѣль, правдоподобно, до 1362 г., судя по извѣстію Густинскаго свода.

Кіевъ не упоминается среди удѣловъ сыновей Гедимина, или какъ удѣлъ кого-нибудь изъ современныхъ литовскихъ князей.

¹⁾ Забѣты с. 53 и 68.

Густинскій сводъ свидѣтельствуеть, что литовскіе князья завладѣли Кіевомъ въ 1362 г.

Самый консервативный въ отношеніи этого вопроса—проф. Шараневичъ полагаетъ, что въ 1319 г. Кіевщина была инкорпорирована Литвою, но затѣмъ „литовцы выперты были Татарами съ тѣхъ сторонъ надднѣпровскихъ“¹⁾. Проф. М. Ф. Владимірскій-Будановъ также полагаетъ, что въ 1320 г. Гедиминъ подчинилъ своей власти Кіевъ; онъ думаетъ, что и кн. Феодоръ былъ литовскій подручникъ: преслѣдуя архіепископа Василя, онъ исполнялъ приказаніе Гедимина; тѣмъ не менѣе продолжала существовать надъ Кіевомъ, хотя и ослабѣвъ нѣсколько, власть татарская; въ 1362 г. Ольгердъ вступилъ только въ непосредственное распоряженіе страной²⁾. Это воззрѣніе подходит отчасти къ воззрѣнію Д. И. Иловайскаго: не придавая значенія разсказу 2-ой литовско-русской лѣтописи, онъ въ эпизодѣ 1331 года также видитъ доказательство зависимости кіевскаго князя отъ Гедимина; по его мнѣнію, при Гедиминѣ Кіевская земля находилась въ полузависимости отъ Литвы, и кіевскій князь долженъ былъ признавать то власть Гедимина, то Узбека³⁾. Гр. К. Стадницкій принимаетъ дату 1333 г. (Межигорской рукописи) и для объясненія того, почему Кіевъ не упоминается среди удѣловъ Гедиминовичей, дѣлаетъ двоякое предположеніе: или Гедиминъ, отдавъ его Ольгимунту, и позже сохранилъ за нимъ это владѣніе, или Кіевъ затѣмъ вышелъ изъ подъ власти Гедимина⁴⁾. Наконецъ Н. П. Дашкевичъ для соглашенія извѣстій Межигорской рукописи и Густинскаго свода высказываетъ предположеніе, что Гедиминъ, взявъ Кіевъ въ 1333 г., былъ принужденъ впоследствии, въ виду сопротивленія татаръ, оставить Феодора (котораго авторъ отождествляетъ со Станиславомъ литовско-русской лѣтописи)

¹⁾ Op. с. с. 128, 132—134, 141. Въ доказательство того, что Кіевъ былъ завоеванъ въ 1319 г., авторъ (с. 128 пр. 86) ссылается на буллу 1320 г. объ учрежденіи въ Кіевѣ католической епархіи (издана у Тейнера *Monum. Pol. et Lithuan.* I № 252, p. 162); но подобное учрежденіе епархіи для *partes infidelium* ровно ничего не значитъ. Предположеніе объ изгнаніи воеводъ изъ Кіева литовцевъ татарами высказалъ и Н. П. Дашкевичъ въ болѣе ранней своей работѣ—Волок. а. с. 106.

²⁾ Населеніе Ю.-З. Россіи до пол. XV в. с. 38—40, 50.

³⁾ *Исторія Россіи* II с. 72, 540. Сходный взглядъ на этотъ вопросъ высказалъ и М. Яенискій, op. с. с. 64.

⁴⁾ *Synowie Gedymina* II p. 23—26.

своимъ намістникомъ и признать въ то же время верховную власть татаръ надъ Кіевомъ ¹⁾. Въ подтвержденіе своего предположенія почтенный ученый доказываетъ, что въ 1362 г. произошло лишь смѣщеніе Теодора, а завоеваніе Кіева не могло имѣть мѣста, и указываетъ на свидѣтельство константинопольскаго соборнаго постановленія 1361 г., изъ котораго, по мнѣнію Н. П. Дашкевича, явствуетъ, что уже въ 1356 г. Кіевъ принадлежалъ къ Русско-литовскому государству ²⁾.

Всецѣло отрицаетъ, на основаніи вышеприведенныхъ данныхъ, рассказъ о завоеваніи Кіева Гедиминомъ В. Б. Антоновичъ; онъ слѣдуетъ Густинскому своду и относитъ завоеваніе Кіева къ 1362 г. ³⁾.

Таковы важнѣйшіе взгляды на этотъ вопросъ въ ученой литературѣ. По поводу его замѣчу слѣдующее: принадлежность Кіева къ Русско-литовскому государству при Гедиминѣ не находитъ себѣ подтвержденія въ наличныхъ историческихъ данныхъ. Напротивъ, чтобы не стать въ противорѣчіе съ этими данными, защитники Гедиминова завоеванія вынуждены сводить это завоеваніе чуть не „на нѣтъ“: они или предполагаютъ, что это завоеваніе Кіева не уничтожило реальной зависимости его отъ татаръ, выразившейся въ присутствіи баскака, что Гедиминъ, завоевавъ Кіевъ, и татарскаго намістника оставилъ и татарское верховенство надъ нимъ призналъ; или допускаютъ, что Кіевъ хотя и былъ завоеванъ, но потомъ вышелъ изъ подъ власти Гедиминова. Отъ этихъ гипотезъ наука выигрываетъ очень мало, дѣйствительныхъ историческихъ фактовъ онѣ вовсе не объясняютъ, вся цѣль ихъ — примирить извѣстіе о завоеваніи Кіева Гедиминомъ съ историческими фактами; но выше я старался показать, что извѣстіе это вовсе не имѣетъ права на такое вниманіе, на то, чтобы ученые во что бы то ни стало примиряли его съ другими данными о Кіевщинѣ.

¹⁾ Замѣтки с. 60—61. До нѣкоторой степени сходна предположенія сдѣлалъ еще Шарбута: недоумѣвая, что захватъ южнорусскихъ земель не вызвалъ противодѣйствія со стороны хана, онъ высказалъ догадку, что и послѣ завоеванія Кіева ханы не пришли и Кіева не представляли акаровъ его будѣ вырѣзанымъ; предположилъ также, что за преклоненія князь были сохранены нѣкоторыя владѣнія (Dzieje narodu litowskiego IV p. 490—492).

²⁾ Замѣтки с. 54, 61—62.

³⁾ Монографія I с. 127—128.

Эпизодъ 1331 г., на который ссылаются нѣкоторые ученые ¹⁾, вовсе не доказываетъ зависимости кievскаго князя отъ Гедимина: Теодоръ дѣйствуетъ вовсе не по приказу послѣдняго; Гедиминъ для поимки арх. Василя выслалъ особый отрядъ; если бы Теодоръ хотѣлъ прислужиться Гедмину, онъ, вѣроятно, постарался бы во что бы то ни стало захватить архіепископа, но этого въ разсказѣ не замѣтно, Теодоръ дѣйствуетъ скорѣе въ собственныхъ интересахъ, цѣль его—вѣроятно, только окупъ. Эпизодъ этотъ обнаруживаетъ, какъ было упомянуто, лишь извѣстное вліяніе Гедимина на кievскаго князя, вліяніе, какое естественно между сильными и слабыми сосѣдями; а что Кіевъ не входилъ въ составъ Русско-литовскаго государства, категорически заявляетъ самый разсказъ объ этомъ эпизодѣ такими выраженіями, какъ „меже Литвы и Кіева бѣжали“, „поѣха на Кіевъ, бояся Литвы“.

Что до свидѣтельства константинопольскаго акта, на которое указываетъ Н. П. Дашкевичъ, то оно заключается въ слѣдующемъ: патриархъ Калистъ въ 1361 г., опредѣляя области митрополитовъ кievскаго и литовскаго (св. Алексія и Романа) заявляетъ, что Романъ „прійдя въ Кіевъ, не по праву совершалъ здѣсь литургіи и рукоположенія и дерзостно называлъ себя единственнымъ митрополитомъ кievскимъ и всея Руси, что вызвало смуту и замѣшательство въ области преосвященнаго митрополита кievскаго и всея Руси и побудило литовскаго государя возстать противъ христіанъ и причинить имъ не мало бѣдъ и кровопролитія“ ²⁾. Н. П. Дашкевичъ видитъ въ этомъ поступкѣ митрополита доказательство, что Кіевъ, какъ и Брянскъ, на который также выказывалъ притязанія м. Романъ, въ это время принадлежалъ уже къ Русско-литовскому государству. Хотя это время—приблизительно между 1356—61 гг. ³⁾—и очень близко ко времени несомнѣнной зависимости Кіева отъ Ольгерда, однако мнѣ кажется, что въ это время Кіевъ еще не зависѣлъ отъ него, и вышеприведенное свидѣтельство константинопольскаго акта само по себѣ не можетъ служить доказательствомъ противнаго. Прежде всего,

¹⁾ Кромѣ Д. И. Иловайскаго и М. Ф. Владмирскаго-Буданова, еще Н. П. Дашкевичъ (Запѣтки с. 61), М. Яспискій (ор. с. с. 64).

²⁾ Рус. ист. библ. VI, прил. с. 78 (позже иго у м. Макарія V с. 44—45).

³⁾ Соображеніе о времени этого факта см. нѣсколько ниже.

въ вышеприведенномъ отрывкѣ прибытіе Романа въ Кіевъ поставлено въ связь съ его заявленіемъ, что онъ единственный митрополитъ кіевскій и вся Русь; и дальше патриаршее постановленіе рассказываетъ, что послы м. Романа хвастались: „видео преосвященный митрополитъ куръ Романъ силенъ и можетъ овладѣть всею областію русской митрополіи, если онъ, придя въ Кіевъ, литургисалъ здѣсь, захватилъ многія епископіи и возстановилъ литовскаго государя противъ куръ Алексія; имѣя такую силу, онъ можетъ дѣлать все“¹⁾; ясно, что дѣло шло не только о претензіяхъ на подчиненныя Ольгерду волости, виды Романа были гораздо шире. А что Ольгердъ благопріятствовалъ этимъ притязаніямъ Романа, это понятно: подобно московскимъ князьямъ, онъ желалъ пользоваться митрополитомъ для своихъ политическихъ плановъ и съ распространеніемъ власти митрополита могъ рассчитывать и на распространеніе своего вліянія. Это понимали ясно и въ Константинополѣ, и въ актѣ 1380 г. заявляется, что Ольгердъ ненавидѣлъ м. Алексія „за то, что онъ не давалъ ему власти въ Великой Руси, но сдѣлалъ ее совсѣмъ недоступною для него“, и что поставленія отдѣльнаго митрополита Ольгердъ добивался для того, „чтобы при помощи Романа, дружески къ нему расположеннаго, пріобрѣсти себѣ власть и въ Великой Руси“²⁾.

Мнѣ кажется, что это дѣло м. Романа можетъ пролить нѣкоторый свѣтъ на отношеніи Русско-литовскаго государства къ Кіеву. М. Романъ былъ поставленъ въ 1354 г. по просьбѣ Ольгерда, который заявилъ, что народъ его не хочетъ имѣть митрополитомъ Алексія; область Романа составили епархіи волынскія, туровская и полоцкая; кассетрою служилъ Новгородокъ. Но Романъ, какъ видно, былъ этимъ не доволенъ. Для его престижа было важно завладѣть Кіевомъ—митрополіею; судя по одному извѣстію, онъ непосредственно послѣ поставленія своего являлся въ Кіевъ—но не былъ принятъ населеніемъ, фактъ довольно знаменательный!³⁾. Это однако не остано-

¹⁾ Рус. ист. библ. *ibid.* с. 80.

²⁾ *Ibidem* с. 168 (Acta patriarchatus Constantinopolitani II р. 12—13). Н. П. Дамкевичъ (ор. с. с. 62) указываетъ еще на латинскую буллу 1351 г. (Theiner Monum. Pol. et Lithuan. I № 702 р. 532), но это, мнѣ кажется, недоразумѣніе: въ этой буллѣ рѣчь идетъ о завоеваніяхъ не Ольгерда, а Казимира.

³⁾ „Приде и со Литви Романъ чернецъ на митрополію, звиде (т. е. изъ Константинополя) оне (и не?) приима его Кіеве“—Кроника гуака изд. Даниловичемъ р. 174; ср. Ист. рус. к. арх. Филарета II с. 84, м. Макарія IV с. 44.

притязаній, и за поддержкою оны отправился въ Констан-
тъ; въ 1356 г. состоялось здѣсь соборное постановленіе по
дѣлу—не въ пользу Романа¹⁾; послѣдній не призналъ его и, не
несъ патриарху, уѣхалъ. Затѣмъ оны снова является въ Кіевѣ
отъ разъ съ большимъ успѣхомъ: отправляетъ здѣсь функціи
лента. Возможно колебаніе въ опредѣленіи времени этого по-
иса: о немъ передается лишь въ соборномъ опредѣленіи 1361 г.—
гм. Въ 1358—60 г. въ Кіевѣ проживалъ м. Алексій²⁾; по
роятности, посѣщеніе м. Романа предшествовало этой поѣздкѣ,
извало ее³⁾. Поѣздка м. Алексія однако не прекратила, въ-
притязаній м. Романа, и м. Алексій отправилъ затѣмъ по-
въ жалобою къ патриарху; въ іюля 1361 г. соборъ подтвер-
ава м. Алексія на Кіевѣ и отправилъ пословъ для разбора
о смерть м. Романа прекратила дѣло⁴⁾.

иведенные факты, полагаю, даютъ основаніе думать, что Кіевъ
инялся Ольгерду въ 1358—60 г., когда гостилъ здѣсь м. Але-
дѣ Кіевъ во власти литовскихъ князей, Ольгердъ, поддержа-
тязанія м. Романа, конечно, не допустилъ бы сюда м. Але-
Послѣдній во время своего пребыванія въ Кіевѣ, какъ видно,

по свидѣтельству Воскр. (II с. 10) и Никонов. л. (II с. 228) м. Алексій отпра-
рично) въ Константинополь осенью, а вернулся зною 1356 г.; Романъ былъ
лтинополь еще лѣтомъ 1356 г.—см. Р. ист. библ. VI, прил. с. 74 прил.

въ Воскрес. (II с. 10—11) подъ 1353 г.: „тоже же зныи, во Крещеніи, преосв. Але-
иде въ Кіевъ“, а подъ 1360: „приде съ Кіева на Москву преосв. м. Алексій“;
л. II с. 230—231, 1 Новг. с. 87.

дного мнѣнія держатся проф. Шараневичъ и Чистовичъ: они констатируютъ посѣще-
м. Романомъ послѣ поѣздки м. Алексія (Ист. Г.-В. Руси с. 308, Ист. зап.-русс.
с. 109). Но въ такомъ случаѣ для этого посѣщенія м. Роману остается слиш-
кій промежутокъ: еще въ 1360 г. м. Алексій былъ въ Кіевѣ, въ 1360 г. же году
м. Романъ въ Тверь (Никон. II с. 231), а въ іюль 1361 г. состоялось уже со-
е патриарха, которому предшествовала посланна пословъ съ жалобою м. Алексія
въ Кіева Романомъ (Р. ист. библ. I. с. с. 69). Впрочемъ такое или иное рѣшеніе
дѣла не имѣетъ особаго значенія для занимающаго насъ вопроса—объ отно-
ва къ литовскимъ князьямъ.

Рус. ист. библ. I. с. с. 80—84, 88—90, 96, м. Макаріи IV с. 44—45.

Это касается поиски и заключенія м. Алексія Ольгердомъ, о которомъ гово-
1360 г. (Р. и. б. I. с. с. 187—8), то этотъ фактъ, думаю, не можетъ служить
нѣмъ высказаннымъ мною мыслей. Время этой поиски не опредѣлено, сказано
о Ольгердѣ началъ на м. Алексія—„когда оны обозрѣвалъ Малую Русь“ (sic іні-

склонилъ на свою сторону кievскаго князя (или какъ бы онъ не назывался) и населеніе, былъ ими хорошо принятъ, такъ что пробылъ тамъ значительное время. Это обстоятельство должно было возбудить неудовольствіе Ольгерда; въ вышеприведенномъ отрывкѣ изъ акта 1361 г. говорится, что м. Романъ возстановилъ Ольгерда противъ м. Алексія и побудилъ его возстать противъ христіанъ. Быть можетъ, въ связи съ этимъ стоялъ даже походъ Ольгерда на Кіевъ и смѣщеніе Теодора кievскаго, Густинскимъ сводомъ относимое къ 1362 г. Любопытно еще, что въ 1371 г. Ольгердъ домогался отъ патріарха назначенія особаго митрополита, между прочимъ, уже и на Кіевъ, чего намъ неизвѣстно о Романѣ; и дѣйствительно, Кипріанъ въ 1376 г. былъ поставленъ митрополитомъ „кievскимъ и литовскимъ“¹⁾.

Подъ 1362 г. въ Густинскомъ сводѣ стоитъ слѣдующая запись (я позволю себѣ привести ее цѣликомъ, потому что составъ ея имѣетъ свое значеніе):

„Въ лѣто 6870. Дмитрій, князь Московскій, согна изъ Галича Московскаго князя Дмитрія, а изъ Стародуба Іоанна. Въ сіе лѣто Олгердъ побѣди трехъ царковъ Татарскихъ и зъ ордами ихъ, си есть, Котлубаха, Качея (Качбея), Дмитра; и оттоли отъ Подоля изгна власть Татарскую. Сей Олгердъ в инныя Рускія державы во свою

επιφω Μικράς Ρωσίας κερρίντος) и подчиненныхъ его власти христіанъ“. Положимъ, что это случилось до прибытія м. Алексія въ Кіевъ въ 1358 г.: если м. Алексій все-таки явился и жилъ послѣ того въ Кіевѣ, значитъ послѣдній не принадлежалъ Ольгерду. Во время пребыванія въ Кіевѣ это не могло случиться: предположить, что м. Алексій около двухъ лѣтъ жилъ въ Кіевѣ и наослѣдокъ былъ здѣсь схваченъ—не вѣроятно. Можно еще предположить, что онъ былъ схваченъ или на возвратномъ пути изъ Кіева, или въ другой прѣздѣ, уже послѣ 1361-го г.; послѣднее согласуется и съ тѣмъ, что въ актѣ 1361-го г. о немъ ничего не говорится. Впрочемъ самый фактъ этотъ, который упомянуть лишь въ одноѣ константинопольскомъ актѣ и о которомъ ни словомъ не обмолвились русскія лѣтописи, довольно подозрительнъ.

¹⁾ Р. истор. библ. I. с. с. 140, 172, Воскр. II с. 25; ср. объ этомъ также у м. Макарія IV с. 55 - 56, 50 - 61. По вопросу о времени присоединенія Кіева къ Русско-литовскому государству не лишено быть можетъ, нѣкотораго значенія еще одно обстоятельство: вѣдѣніе хрониста, перечисляя русскіе военнопольные отряды, участвовавшіе въ битвѣ на р. Стравѣ 1348 г. (изъ Владиміра, Вреста, Витебска, Смоленска, Полоцка), не упоминаетъ о Кіевѣ—см. Scriptores rerum prussicarum II p. 75, 511, Stadnicki Olgierd i Kiejstat p. 48—49.

власть пріять, и Кіевъ подѣ Теодоромъ княземъ взять, и посади въ немъ Володимира сына своего; и нача надѣ сими владѣти, икъ же отци его даль даяху¹⁾.

Это извѣстіе устанавливаетъ начало зависимости Кіева отъ Русско-литовскаго государства и потому чрезвычайно интересно. Что Кіевомъ владѣлъ Владиміръ Ольгердовичъ, что онъ получилъ его отъ отца, это мы знаемъ и изъ другихъ источниковъ²⁾, но о времени и обстоятельствахъ этой передачи свидѣлствуетъ только вышеприведенное извѣстіе. Пока пользовались общимъ довѣріемъ извѣстіе о завоеваніи Кіева Гедиминномъ, извѣстіе Густинскаго свода не обращало на себя особеннаго вниманія³⁾; выдвинуть это извѣстіе В. Б. Антоновичъ который и владеть 1362 г. началомъ власти литовскаго государства надъ Кіевомъ, равно какъ и надъ Подохіемъ⁴⁾.

Противъ этого положенія выставилъ нѣсколько возраженій Н. П. Дашкевичъ. Прежде всего, по его мнѣнію, Густинскій сводъ въ данномъ извѣстіи говоритъ не о завоеваніи Кіева, а лишь о смѣщеніи кн. Теодора, который и раньше былъ литовскимъ подручникомъ⁵⁾. Мнѣ кажется, изъ контекста явствуетъ, что дѣло идетъ о завладѣніи, по крайней мѣрѣ въ представленіи писавшаго оно явилось завладѣніемъ: это видно изъ словъ объ „двухъ русскихъ державахъ“ и изъ сопоставленія этого факта съ занятіемъ Подолія. Считать Теодора литовскимъ подручникомъ мы, какъ указано было выше, не имѣемъ достаточныхъ основаній. Другое возраженіе Н. П. Дашкевича таково: невозможнымъ допустить *завоеваніе* Кіева въ 1362 г., потому что въ это время происходила упорная борьба Литвы съ нѣмцами, въ которой принималъ участіе и Ольгердъ⁶⁾. Но въ памятникахъ, на которые ссылается почтенный ученый, Ольгердъ упоминается, какъ

¹⁾ П. с. р. л. II с. 350.

²⁾ Такъ во 2 л.-русск. лѣтописи Кіевская земля называется отчичюю Владиміра—Ромнікі р. 61. О передачѣ Кіева Ольгердомъ Владиміру, но съ пропускомъ имени послѣдняго, говоритъ Никон. л. (IV с. 50): „къ же даль синомъ своему славнии великии градъ Кіевъ“.

³⁾ Хотя его и раньше нѣмля въ виду нѣкоторые исследователи, какъ, напримеръ, проф. Шараневичъ (Ист. Гал.-Волгод. Руси с. 187).

⁴⁾ Монографіи I с. 126—8, 229.

⁵⁾ Запѣтки с. 53—54.

⁶⁾ Запѣтки с. 54.

участникъ этой борьбы, лишь однажды—при осадѣ Ковно; осада эта происходила въ мартѣ и апрѣлѣ 1362 г. ¹⁾; въ другихъ военныхъ дѣйствіяхъ Ольгердъ могъ и не принимать участія, да и они упоминаются лишь съ начала года и потомъ осенью: времени для похода на югъ оставалось довольно.

Подозрѣвать достовѣрность извѣстія Густинскаго свода нѣтъ поводовъ; составитель свода, надо думать, не изобрѣлъ его, а заимствовалъ, правдоподобно, изъ какой-нибудь западно-русской, можетъ быть—и мѣстной кievской, не дошедшей до насъ лѣтописи. Сопоставляя съ нимъ выведенное выше соображеніе, что въ 1358—1360 г. Кіевъ не принадлежалъ еще Русско-литовскому государству, съ этой стороны не найдемъ препятствій къ тому, чтобы принять сообщаемый Густинскимъ сводомъ фактъ и дату за начало зависимости Кіева отъ литовскихъ государей: терминъ *non ante quem* съ ними согласуется. Тѣмъ не менѣе относительно даты колебаніе все-таки возможно. 1362 годъ хоть и не находитъ себѣ опроверженія въ другихъ историческихъ данныхъ, но не находитъ и подтвержденія, а главное—не имѣетъ, такъ сказать, внутренняго критерія достовѣрности: это зависитъ отъ состава записи. Извѣстіе о смѣщеніи князей галицкаго и стародубскаго заимствовано, несомнѣнно, изъ сѣверныхъ источниковъ; изъ наличныхъ сводовъ я напелъ его въ Никоновскомъ, гдѣ оно помѣщено подъ 6871 г. ²⁾. Относительно слѣдующаго за нимъ извѣстія о завоеваніи Подолія въ самомъ сводѣ сдѣлана ссылка на Гвагнии ³⁾;

¹⁾ *Scriptores rerum prussicarum* II p. 81, cf. 531—538, см. также у Стадицкаго (*Miejsc i Kiejstat* p. 55 wq.). Не имѣетъ большого значенія и другое обстоятельство, на которое указываетъ проф. Дашкевичъ (I. с.)—что въ 1307 г. Владимиръ Ольгердовичъ отъ князя отъ заключалъ договоръ съ нѣмецкимъ орденомъ (*Skarbiec* I № 367): Владимиръ могъ отлучаться изъ Кіева, уже будучи здѣсь княземъ.

²⁾ Никои. IV с. 5. Въ Воскрес. сводѣ оба эти извѣстія отсутствуютъ, въ сводахъ новгородскаго происхожденія есть лишь извѣстіе о смѣщеніи галицкаго князя—Соф. I с. 340, 4 Новг. с. 64, Сурагл. с. 79 (Лѣт. Авр. с. 90)—все подъ 6871 г., то же и въ Тверск. с. 428, но подъ 6870 г.

³⁾ На поляхъ: „Гваги. о Литвѣ 26^а. У Гвагнии (т. е. Стрийковскаго) извѣстіе это передано такъ: (*Olgerlius Tartarorum Regulos fratres germanos Kutlubaschum Kaszbeim et Dmetrum profligavit Podolique eicit (Sarmatiae Europaeae descr. ed. 1661 f. 51 verso, ed. 1684—I p. 321)*). Ср. Забѣтин Н. П. Дашкевича с. 79; почтенный ученый находитъ впрочемъ вѣроятнымъ, что составитель Густинскаго свода заимствовалъ это извѣстіе не изъ Гвагнии, а изъ его первоисточника, и указываетъ на отличіе густинской версии отъ гвагниньской: опущено выраженіе *fratres germanos* и прибавлена подробность „и зъ

дѣйствительно, редакція этого извѣстія довольно близко подходит къ Гвагниньевской; но у Гвагнини оно не имѣетъ даты, и возможно, что относя это извѣстіе къ 1362 г., составитель руководился опять-таки извѣстіемъ Никоновскаго, или иного, сходнаго съ нимъ свода, послужившаго ему источникомъ—въ Никоновскомъ сводѣ подъ тѣмъ же 6871 г. читается: „того же лѣта князь великий литовский Олгердъ Гедимновичъ Сянюю воду и Белобережье повосва“¹⁾. Это легко могло случиться, особенно если допустить, что составитель имѣлъ въ данномъ случаѣ связующее звено въ разсказѣ литовско-русскихъ лѣтописей о завоеваніи Подолья: здѣсь Олгердъ тоже разбиваетъ татаръ „на Синей воде“, и результатомъ этой побѣды является завоеваніе Подолья²⁾. Послѣ извѣстія о завоеваніи Подолья, въ Густинскомъ сводѣ слѣдуетъ общее замѣчаніе объ обширныхъ завоеваніяхъ Олгерда, и къ этому присоединяется наконецъ извѣстіе о переходѣ Кіева отъ кн. Феодора къ Владимиру Олгердовичу. Въ виду такой конструкціи записи, мнѣ кажется, возможно двоякое предположеніе: возможно то, что составитель встрѣтилъ это извѣстіе о Кіевѣ съ готовою датю 1362 г., но не менѣе возможно, что въ первоисточникѣ это извѣстіе лишено было даты, и составитель помѣстилъ его подъ этимъ годомъ по крайнему своему разумѣнію. Въ такомъ случаѣ онъ, быть можетъ, съ одной стороны руководился неизвѣстно гдѣ найденнымъ извѣстіемъ, что въ 1361 г. еще княжилъ въ Кіевѣ Феодоръ, съ другой стороны—опять-таки имѣлъ въ виду вышеприведенное извѣстіе Никоновскаго свода о походѣ Олгерда въ низовья Дняпра—къ этому походу онъ и приурочилъ завоеваніе Кіева.

Если такимъ образомъ дата Густинскаго свода не имѣетъ, по моему мнѣнію, полнаго авторитета, тѣмъ не менѣе она кажется мнѣ

ордами ихъ“; но эти отличія такъ незначительны, что легко могли произойти и при составленіи, сколько-нибудь свободномъ, извѣстіемъ Гвагнини. Нужно замѣтить при этомъ еще, что указанія на источники, сдѣланныя на поляхъ Густин. св., принадлежать не редакціи, а, правдоподобно, самому составителю—они находятся въ рукописи. Заключительныя слова Густ. свода также напоминаютъ Гвагнини: *Universam fere Russiam ditioni suae subjugavit, cujus principibus olim Litvani tributaolvere cogebantur* (I. c.).

¹⁾ Ср. у Н. П. Дашкевича Записки с. 79. Синяя вода—это Сянюя, см. Книгу Большого Чертежа въ изд. Спасскаго с. 102.

²⁾ 1-ая л.-русск. лѣт. въ изд. Попова с. 43, Помніки р. 19; въ этой редакціи 2-я л.-русск. лѣт. походъ датированъ 1351 г.; составитель Густин. св. могъ не знать этой даты, могъ и знать, но игнорировать ее.

весьма вѣроятною. Прежде всего самое это извѣстіе Густинскаго свода свидѣтельствуетъ, что Владиміръ получилъ Кіевъ послѣ удаленія отсюда Θεодора—это случилось слѣдовательно за нѣкоторое время до смерти Ольгерда († 1377 г.)¹⁾; далѣе, жалоба Ольгерда 1371 г. на м. Алексія, что онъ не бываетъ въ Кіевѣ, его просьба поставить митрополита на Кіевъ²⁾ до нѣкоторой степени можетъ, мнѣ кажется, служить доказательствомъ, что Кіевъ уже принадлежалъ Литвѣ въ это время, слѣдовательно былъ завоеванъ еще въ 60-хъ годахъ. Самое приуроченіе завоеванія Кіева къ вышеупомянутому походу Ольгерда въ южныя степи весьма вѣроятно; замѣчу только, что въ Никоновскомъ сводѣ этотъ походъ стоитъ подъ 6871 г. сентябрьскимъ, слѣдовательно относится къ осени 1362 или къ веснѣ и лѣту 1363 г. нашего счисленія.

Извѣстіе Густинскаго свода умалчиваетъ о какой-либо борьбѣ между Ольгердомъ и Θεодоромъ кіевскимъ; это и понятно. Такой князь, какъ Θεодоръ, насколько мы имѣемъ о немъ представленіе, не могъ и думать о сопротивленіи, а у своего сюзерена—татарскаго хана получить необходимой помощи въ то время онъ не могъ. Насколько было бы странно, если бы въ правленіе Гедимина татары позволили безъ борьбы утвердиться въ Кіевѣ литовскому господству, на столько же естественно, что извѣстіе Густинскаго свода умалчиваетъ о татарахъ. Со смертью Бирды-бека (1359 г.) ханская власть надолго перестала существовать фактически; безпрестанно смѣняются эфемерные ханы, временщики и авантюристы, среди которыхъ даже невозможно разобрать исторію. По словамъ современнаго арабскаго историка, „было нѣсколько эмировъ монгольскихъ, подѣлявшихъ управленіями въ округахъ Сарая; они были несогласны между собою и правила

¹⁾ Объ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ свидѣтельствуетъ и вышеприведенное извѣстіе Никоновской лѣт., съ пропускомъ имени (IV с. 50).

²⁾ Р. Ист. Вѣд. I. с. с. 140. Правда, вмѣстѣ съ Кіевомъ митрополита просить назначить и на Тверь, Смоленскъ и Нижній Новгородъ—волости, находившіяся только подъ вліяніемъ, а не подъ властью Ольгерда; однако думается, что такъ какъ кіевскія епархія была не въ принудѣ прочія, то для Кіева (который поставленъ на первомъ мѣстѣ) Ольгердъ могъ бы требовать митрополита только въ случаѣ, если владѣлъ имъ.

своими владѣніями порознь¹⁾. Позже—уже около семидесятихъ годовъ, изъ среды этихъ правителей выдвинулся крымскій эмиръ Мамай—захватилъ въ свои руки власть въ Золотой ордѣ и достигъ значительнаго могущества; но въ шестидесятихъ годахъ Ольгердъ не могъ встрѣтить серьезнаго сопротивленія со стороны татаръ²⁾. Мы видѣли, что въ извѣстіи Густинскаго свода присоединеніе Кіева соединено подъ однимъ годомъ съ завоеваніемъ Подолья; по сказанію литовско-русскихъ лѣтописей, Ольгердъ разбилъ на Синей водѣ трехъ татарскихъ владѣтелей, „отичей и дѣдичей Подольское земли“—т. е. вѣроятно, областныхъ эмировъ, самостоятельно правившихъ тѣми областями во время анархій, и такимъ образомъ завладѣлъ Подольскою землею. Источники наши не говорятъ, имѣло ли это столкновеніе какое-либо отношеніе и къ Кіевской землѣ. Позже мы видимъ однако, что въ Кіевѣ признавалась—хотя номинально—зависимость отъ татарскихъ хановъ. Выраженіемъ ея является татарская тамга на кіевскихъ монетахъ Владиміра Ольгердовича; тамга служила обычнымъ выраженіемъ признанія верховной власти хана: извѣстенъ разговоръ относительно тамги между Витовтомъ и Эдигеемъ предъ битвою на Ворсклѣ³⁾. На извѣстныхъ доселѣ монетахъ Владиміра Ольгердовича можно установить три или четыре различныхъ типа тамги: это указываетъ на болѣе или менѣе продолжительное время зависимости Кіева отъ хановъ, такъ какъ тамга, думаю, могла измѣняться лишь съ теченіемъ времени, со смѣною хановъ⁴⁾. Объ установленіи этой зависимости можно сдѣлать двоякое предположеніе: или

¹⁾ Цитата изъ Ибнъ-Халдуна—у г. Смирнова, Крымское ханство до нач. XVIII в. с. 130.

²⁾ О татарскихъ дѣлахъ см. у г. Смирнова, *op. cit.* с. 129 сл., Hammer *Fugtatal* *Gesch. der (old. Horde* p. 315, Антоновичъ *Монографія* I с. 120—121.

³⁾ Никои. IV с. 281: „Витовтъ восхотѣ во всемъ Ордѣ бити на денгахъ ордынскихъ знаменемъ Витовтово“, а Едигей, наоборотъ, потребовалъ отъ Витовта: „и во всемъ твоємъ княженіи на твоихъ денгахъ литовскихъ носну ордынскому знаменю бити“.

⁴⁾ О монетахъ Владиміра Ольгердовича я буду еще говорить ниже; несомнѣнно различные виды тамги представляють визенгалари, описанные у гр. Толстого (*Древнѣйшія монеты в. кн. Кіевскаго*) подъ № 1, 2, 4 и 5; тамга № 3 подходитъ къ № 1, хотя нѣсколько отлична, № 6 нѣтъ въ кругу, внутри надписи, крестъ—см. стр. 217—8 и табл. XII и XIV. О тамгѣ и татарскомъ верховенствѣ—см. реф. В. В. Антоновича въ *Трудахъ* III арх. съѣзда II с. 153—154; концомъ татарскаго верховенства авторъ владѣть адресъ 1407 г.; ср. его же *Монографія* I с. 128.

Ольгердъ, вслѣдъ за занятіемъ Кіева, чтобы смягчить впечатлѣніе этого факта, такъ или иначе освѣдомилъ хана, что съ переходомъ Кіева въ его управленіе не прекращается верховная власть татаръ надъ Кіевомъ, или—и это, пожалуй, болѣе вѣроятно—о своихъ правахъ на Кіевъ татарскіе владѣтели вспомнили и напомнили литовскимъ князьямъ въ болѣе спокойное время, чѣмъ сумятица 60-хъ годовъ, наприимѣръ—когда усилился по сосѣдству, въ Крыму, эмиръ Мамай.

Для послѣдующаго времени, послѣ Владиміра Ольгердовича, мы не имѣемъ такихъ прочныхъ данныхъ относительно татарскаго верховенства. Думаю, что послѣ паденія Тохтамыша (1395 г.), когда Витовтъ вѣшался въ татарскія дѣла, поддерживая своихъ кандидатовъ на ханство, сначала Тохтамыша, потомъ его сыновей и другихъ претендентовъ, вопросъ о ханскомъ верховенствѣ самъ собою долженъ былъ ступеваться¹⁾. Даже понесенное Витовтомъ пораженіе на Ворсклѣ 1399 г. едва ли измѣнило такое положеніе дѣла—Витовтъ все-таки не признавалъ режима Идики (Эдигея), велъ свою собственную политику въ Ордѣ, и нѣкоторымъ его претендентамъ удавалось даже одолѣть Идику²⁾. Тѣмъ не менѣе, если татарское верховенство и не признавалось въ это время надъ Кіевомъ, х.к.к.—ставленники Идики, несомнѣнно, не забывали своихъ правъ на этотъ улусъ. Правдоподобно, лишь съ полнымъ обособленіемъ Крымскаго улуса подъ властью Хаджи-Гирея, вскормленника и благопріятеля Витовта, совершившимся во второй четверти XV в., окончательно легализированы были права Русско-литовскаго государства на Кіевъ, и послѣдній былъ освобожденъ изъ-подъ притязаній татарскихъ. Извѣстна позднѣйшая грамота Менгли-Гирея, заявляющаго, что „великіе цари, дяды наши, и вели-

¹⁾ Въ вышеприведенныхъ переговорахъ на Ворсклѣ Витовтъ хлопочетъ уже не объ уничтоженіи татарской тамги на литовскихъ монетахъ, а о томъ, чтобы положить свою на татарскія.

²⁾ Для литовско-татарскихъ отношеній см. Барбашева Витовтъ и его политика с. 94 сл., Смирнова Крымское ханство с. 159 сл., 174 сл., Молчановскій Очеркъ изв. о Подол. з. с. 287—295, Hammer—Purgstall op. с. с. 373—377, Bartoszewicz *Poglad na stosunki Polski z Turcyą i tatarami* p. 14—16, 19—23. Роль Витовта и вліяніе его въ татарскихъ дѣлахъ все еще не выяснены вполне; ориенталисты не достаточно знакомы съ европейскими источниками, между тѣмъ послѣдніе нуждаются въ сопоставленіи и оцѣнкѣ сравнительно съ данными восточной историографіи.

кій царь Ачжи-Бигрей, отецъ нашъ, пожаловали Кіевомъ, въ головахъ, и многія мѣста дали в. кн. Витовту¹⁾; „недѣло притязательный“ ярлыкъ этотъ имѣетъ въ основѣ, вѣроятно, дѣйствительный фактъ—передачу литовскимъ государямъ верховныхъ правъ надъ бывшими татарскими улусами, „за великую ласку и честь“, оказанную крымскому владѣтелю и его приверженцамъ въ трудныя годины, „когда ихъ кони потны были“.

Съ присоединеніемъ Кіевщины къ Русско-литовскому государству, для нея, по крайней мѣрѣ въ отношеніи внѣшнихъ политическихъ формъ, наступаетъ новый фазисъ существованія, который далеко выходитъ за предѣлы, поставленный настоящему изслѣдованію; потому я лишь вкратцѣ, не входя въ детали, остановлюсь на событіяхъ промежутка отъ утвержденія литовскаго верховенства до конца столѣтія.

Довольно продолжительное княженіе Владимира Ольгердовича мало оставило слѣдовъ въ исторіи. Не смотря на свое видное положеніе среди литовскихъ князей, онъ не принималъ дѣятельнаго участія въ той борьбѣ представителей разныхъ княжескихъ линій и народностей въ Русско-литовскомъ государствѣ, которая наполняла собою послѣднюю четверть XIV в. По настоянію Ягайла онъ выдаетъ ему одну за другою три присяжныхъ грамоты (1386, 1387, 1388 г.) съ обѣщаніемъ вѣрности ему и польской коронѣ²⁾ и дѣйствительно поддерживаетъ его въ послѣдующей борьбѣ съ Витовтомъ, хотя поддержка эта не отличается энергіей³⁾. Какъ представитель русской народности, Владиміръ не могъ сочувствовать колонизаторскимъ планамъ Ягайла, потому самому однако не поддерживаетъ и Витовта, представителя литовскаго элемента. Отложивъ такимъ образомъ внѣшнюю политику, онъ тѣмъ съ большимъ удобствомъ могъ отдаться внутреннему устроенію страны; къ сожалѣнію, и объ этой сторонѣ его дѣятельности намъ слишкомъ мало извѣстно. Весьма вѣроятно предположеніе, что ему нужно приписать важную роль въ колонизаціи

¹⁾ Акты Западн. Россіи II № 6 (1506—1507 г.).

²⁾ Грамота 1388 г. издава въ Supplementum ad Hist. Russ. Mon. № 211, с вричъ см. у Стадницкаго *Bracia Wladyslawa Jagielly* p. 115—116, *Scarbiac* I № 538.

³⁾ Извѣстно только, что онъ послышалъ военнаго отрядъ во время осады Гродна Ягайломъ въ 1390 г.—Другомъ X p. 125, *Bracia Wlad. Jag.* p. 116.

жнорусскихъ окранныхъ и томъ поступаніи ея въ степь, которое началось со второй половины столѣтія ¹⁾). Случайно обретенное извѣстіе о помнѣнъ имъ м. Діонисія, московскаго кандидата на митрополію, возвращавшагося съ посвященія изъ Константинополя, показываетъ, что Владиміръ принималъ живое участіе въ церковныхъ дѣлахъ: „изыма его князь Володимеръ Кіевскій Олгердовичъ, глаголя ему: пошелъ еси на митрополію безъ нашего повелѣнія, и тако пребысть въ заточеніи въ пять и до смерти“ ²⁾); въ то же время Владиміръ поддерживаетъ Кипріяна, „митрополита кіевскаго и литовскаго“, который проживалъ у него въ Кіевѣ до 1390 г. Наконецъ памятью внутренней дѣятельности Владиміра является его монета, послѣдняя кіевская монета.

Правиль Владиміръ своею землею вполне самостоятельно, какъ отдѣльный государь; въ грамотѣ 1388 г. онъ называетъ себя *Wladimirus Dei gratia dux Kyoviensis*. По замѣчанію современнаго ученаго, Кіевскую землю во второй полов. XIV в. „можно считать государствомъ самостоятельнымъ, находившимся лишь въ союзѣ съ Литвою и потомъ Польшею“ ³⁾). Несомнѣнно, князь этотъ, вполне подпалъ вліянію земли; до конца онъ остается православнымъ, поборникомъ интересовъ кіевской митрополіи ⁴⁾, а свою солидарность съ русскою народностью выражаетъ кирилловскими надписями на монетѣ; его попомство является почитателями той же національной идеи ⁵⁾).

Борьба Ягайла и Витовта закончилась совершенно неожиданнымъ для Владиміра образомъ. Незначительная поддержка, оказан-

¹⁾ М. Ф. Владимірскаго-Буданова Населеніе Ю.-З. Россіи до пол. XV в. с. 50 сл., россійск. Къ этой сферѣ дѣятельности Владиміра можетъ быть отнесено указаніе на помнѣненіе имъ земли Беховицкимъ (на р. Ушѣ) одному изъ Беховъ (Архивъ Ю.-З. Россіи IV, I с. 22); сюда же могла бы принадлежать и его грамота Юрію Ивантичу, родоначальнику им. Рожниовскихъ, о которой я говорилъ уже выше (въ географическомъ очеркѣ с. 53) на *dwór Solomiec w Kijowie i ziemę Świętoszuską z danią i ze wskutkiemі obaruł Sutas* (Ralikowski Opis pow. Wasylkow. p. 83)—если бы была достоверна ея подлинность.

²⁾ Воскр. I с. 49, Никон. IV с. 148, 147—8, I Софійск. I с. 378 (въ П. с. р. л. У с. 239).

³⁾ Населеніе Ю.-З. Рос. с. 51.

⁴⁾ Что впрочемъ не помѣшало ему подписаться вмѣстѣ съ Скиргайлоу и Корбуту на грамотѣ Ягайла 1387 г., ратовавшей льготы католикамъ и устанавливавшей въ-которыхъ ограниченія для православныхъ—*Scarbies I № 540, Bracia Wlad. Jag. v. 44.*

⁵⁾ Антоновичъ Монографіи I с. 282, его же рефератъ въ Трудахъ III археол. съѣзда II с. 155.

ная послѣднимъ, не внушила Ягайлу къ нему признательности, и онъ безъ стѣсненія пожертвовалъ интересами Владиміра, когда явилась въ томъ надобность. Назначеніе Витовта в. княземъ литовскимъ нарушило интересы Скиргайла, нужно было его удовлетворить, и удовлетвореніе было дано на счетъ Владиміра. Въ концѣ 1392 г. между Витовтомъ и Скиргайломъ состоялось соглашеніе: Витовтъ обязался добыть для него Киевскую землю¹⁾. Какъ скоро былъ осуществленъ этотъ договоръ, пока невозможно опредѣлять съ точностью; быть можетъ, что Витовтъ приступилъ къ осуществленію его немедленно. Первая л.-русская лѣтопись рассказываетъ, что Витовтъ предпринялъ походъ на Владиміра и занялъ Овручъ и Житомиръ; Владиміръ не нашелъ возможнымъ сопротивляться и явился къ нему для переговоровъ. Содержаніе послѣднихъ осталось намъ неизвѣстнымъ; весьма правдоподобно, что между Витовтомъ и Владиміромъ состоялось на время примиреніе²⁾. Другія предпріятія отвлекли Витовта, и, вѣроятно, не раньше, какъ въ 1395 г. Владиміръ былъ окончательно выбитъ изъ Киевской земли. Взамѣнъ ему дали незначительный Копыльскій удѣлъ³⁾. Вла-

¹⁾ См. Scarbioc I № 622 и 623 (Codex epist Vitoldi № 98)—отъ 6 декабря 1392 г., cf. Cromer De origine p. 247, Dlugossi X p. 188. Предлогомъ къ походу для Витовта послужило, повидимому, то, что Владиміръ „не восхотѣ покорн учинити и чоловъ ударити в. кн: Витовту“—1 л.-русск. лѣт. въ изд. Даниловича p. 45, въ изд. Пелова с. 89, ср. Strujkowski II p. 102.

²⁾ А. Prochaska Latopis litewski p. 21: отъ 18 февраля 1394 г. кнѣзь поручительную записку, выданную Витовтомъ, Скиргайломъ, Владиміромъ и Федоромъ ратненскимъ за брата Андрея (Codex epist. Vitoldi № 109, регеста въ Scarbioc I № 647).

³⁾ 1 л.-русск. лѣт. въ изд. Даниловича p. 46, въ изд. Пелова с. 89—90, Pominski do da. litew. p. 84, Густ. с. 352, Никон. IV с. 50 (очень неточное извѣстіе), Strujkowski II p. 102—103; Stadnicki Brasia W. J. p. 116—118, В. В. Антоновичъ Мемографія I с. 282—3, Барбашевъ Витовтъ и его полгитна с. 67—8, Smolka Najdawniejsze pomniki dzi-jorisanstwa rusko-litewskiego p. 82, Prochaska Latopis litewski p. 20—22. Литовско-русскія лѣтописи относятъ первый походъ Витовта на Владиміра къ веснѣ, а свѣщеніе послѣднего—къ осени того же года, Густин. приурочиваетъ это къ 1392 г. Судя по датѣ договоровъ о свѣщеніи Владиміра, походъ во всякомъ случаѣ не могъ состояться раньше весни 1393 г.; на этотъ годъ указываетъ и записъ въ расходныхъ книгахъ королевскаго двора объ отправкѣ пушмарей до Кіjова (Zycie domowe Jadwigi i Jagielly p. 85). Владиміръ въ началѣ 1394 г. былъ еще княземъ киевскимъ, какъ видно изъ упомянутой выше поручительной грамоты его. Съ другой стороны, Скиргайло въ 1394 г. и даже, быть можетъ, въ 1395 (записъ 22 января 1395 г.) живалъ при королевскомъ дворѣ—Zycie domowe p. 40, 45, 47—50, 52, 60, 72, 77, 81. Поэтому свѣщеніе Владиміра едва ли могло случиться раньше 1395 г. Не совсѣмъ яснѣе остается еще, въ какомъ отношеніи къ походу Витовта на Владиміра стоялъ походъ Скиргайла на Черкасн и

дмиръ „бѣгалъ на Москву“, ища помощи у московскаго князя, но успѣха не имѣлъ и дожилъ вѣкъ свой въ Копыль; тѣло его однако было похоронено въ Печерскомъ монастырѣ¹⁾.

Новый князь Юаннъ Скиргайло, хотя былъ усердный сторонникъ своего единоутробнаго брата Ягайла, во многомъ являлся однако продолжателемъ и достойнымъ преемникомъ Владимира; онъ также оставался православнымъ и былъ преданъ русской народности, которая платила ему искреннею любовью. Лѣтописецъ, являющійся выразителемъ мнѣнія кievскаго населенія: самъ онъ былъ слишкомъ молодъ, по собственному признанію, въ правленіе Скиргайла и, слѣдовательно, говоритъ съ чужого голоса—этотъ лѣтописецъ называетъ его „чюднинъ, добрый князь Скиргайло“. Длугошъ тоже проговаривается, что Русь очень любила Скиргайла, какъ своего единовѣрца. Къ великому горю кievскаго населенія, Скиргайло вслѣдъ за своимъ вокняженіемъ, не просидѣвъ, можетъ быть, и года въ Кіевѣ, скоропостижно скончался, какъ думали—отъ отравы, не оставивъ потомства²⁾. По свѣдѣтельству того же лѣтописца, умеръ онъ 10 января 1397 г.³⁾.

Звенигородъ, сдѣланный по порученію Витовта же, послѣ удаленія Владимира изъ Кіева; объ этомъ см. выше с. 50—51.

¹⁾ Ротнікі с. 61; о погребеніи—въ грамотѣ кн. Андрея Владиміровича, Грамоты в. кн. литовскихъ № 6; Біаксичовичъ Собр. соч. II с. 227, Антоновичъ I с.

²⁾ 1 литов.-русс. лѣт., Ротнікі, Густин. I с., Длугошъ X р. 142—143, Strujkowski II р. 103, Stadnicki op. с. р. 280—2, Антоновичъ Моногр. I с. 233. Разсказъ Густинскаго свѣда объ этихъ событіяхъ интересенъ для насъ въ томъ отношеніи, что ясно обнаруживаетъ пользованіе литовско-русскими лѣтописями, притомъ, итролтно, въ редакціяхъ отличныхъ отъ изданныхъ доселѣ; разсказывал о передѣчѣ Кіева Скиргайлу и его смерти, составитель ссылается на Кромера, Гуагинни и Бѣльскаго („ладкіе лѣтописци“, во словахъ свѣда говоряще о погребеніи Скиргайла въ нецерахъ—это именно Кромеръ, Гуагинни и Бѣльскій), но ни эти писатели, ни Стрийковскій не называютъ отравителя по имени (Cromerl op. с. р. 248, Guagnini ed. 1583 f. 54, Bielaki ed. 1597 р. 278, Strujkowski I с.), изданныя л.-русскія лѣтописи называютъ его „фона чернецъ изъ Уфоль (Lubow)“—изд. Даниловича р. 46, изд. Поповичъ с. 40, Ротнікі р. 34, а Густинскій свѣдъ называетъ его Фоною святогорцемъ.

³⁾ Проф. Сильва совершенно справедливо восстанавливаетъ чтеніе первоначальной рукописи 1 л.-русск. лѣтописи таковыя образцы: „разболѣся (кн. Скиргайло) канонъ канона Крещенія у четвергъ и на Крещеніе въ субботу вѣха въ городъ Кіевъ болель; болѣвъ 7 дней преставися въ среду“ (въ спискѣ изд. Даниловичемъ оуцено „у четвергъ и на Крещеніе“, а въ спискѣ изд. Поповичъ „канона“) и днемъ смерти владеть 10 января 1397 г. (Najdawniajate rotmiki dziejopisarstwa р. 82); дѣйствительно, Крещеніе приходилось въ субботу въ 1397 г. (о лѣтописной датѣ смерти Скиргайла также у Шараневича O historiach i kronikach ruskich р. 59, но авторъ, придерживаясь списка изд. Данило-

Киевская земля возвратилась такимъ образомъ подъ власть Витовта. Послѣдній въ это время составилъ планъ упразднить удѣльную систему, господствовавшую въ Русско-литовскомъ государствѣ, замѣнить удѣльныхъ князей своими намѣстниками и такимъ образомъ придать болѣе прочную организацію государству. Поэтому по смерти Скиргайла онъ не передалъ Кіева кому-либо изъ членовъ правившей династии, а отдалъ его „въ держанье“ („держати Кіевъ“) своему ближайшему сподвижнику и родственнику—Ивану сыну Ольгимунта, князя Гольшанскаго. О дѣятельности этого киевскаго намѣстника мы не имѣемъ ровно никакихъ свѣдѣній, неизвестно даже, какъ долго онъ оставался въ Кіевѣ. Въ числѣ погибшихъ въ битвѣ на Ворсклѣ князей во многихъ источникахъ упоминается князь Иванъ Борисовичъ киевскій; этого Ивана Борисовича Густинскій сводъ отождествляетъ съ Иваномъ Ольгимунтовичемъ, но послѣдній былъ живъ въ 1401—2 г., да и христіанское имя Ольгимунта было не Борисъ, а Михаилъ ¹⁾. Нужно ли считать ошибочными извѣстія о гибели киевскаго князя, или Иванъ Ольгимунтовичъ весьма скоро послѣ своего назначенія былъ смѣненъ въ держаньи Кіева этимъ, ближе намъ неизвѣстнымъ, Иваномъ Борисовичемъ, пока не берусь рѣшать ²⁾.

Результатомъ этого же пораженія на Ворсклѣ былъ опустошительный набѣгъ татаръ на Кіевщину и Волинь. Темиръ-Кутлукъ подступилъ къ Кіеву, и послѣдній принужденъ былъ, по свидѣтельству лѣтописей, откупиться отъ разоренія огромною по тому времени сум-

менъ, впадесть въ ошибку). Въ Густинскомъ сводѣ смерти Скиргайла помѣщена дата 1396 г.; весьма вѣроятно объясненіе проф. Смольки, что составилъ его держала нартовскаго лѣтоисчисления (I. c.). Г. Варбашевъ высказалъ предположеніе, что истиннымъ виновникомъ смерти Скиргайла былъ Витовтъ, желавшій устранить опаснаго соперника (op. c. c. 71).

¹⁾ Scarbice I № 726, 760, Codex epist. Vitoldi № 234. Въ Густинск. лѣт. (I. c.): „Іоанна Ольгимундовича или Борисовича“. Въ Петерскомъ поминикѣ: „князя Ольгимунта, нареченнаго въ святомъ крещеніи Михаила, а въ иноцѣхъ Евоннія“. На то, что Иванъ Ольгимунтовичъ жилъ послѣ 1399 г., обратилъ вниманіе М. Яценскій (*Уставн. грамоти* с. 68), онъ полагаетъ, что Иванъ Ольгимунтовичъ оставался въ Кіевѣ до 1401 г. Объ Иванѣ Ольгимунтовичѣ см. въ монографіи К. Пуласкаго—*Szkice i rozskiwania* p. 260 seq.

²⁾ К. Пуласкій въ своей монографіи о кн. Гольшанскихъ, обратилъ вниманіе на то, что въ подписяхъ Ивана Ольгимунтовича 1398 г. нѣтъ указаній на его киевское намѣстничество (и самъ онъ при этомъ фигурируетъ въ коренной Литвѣ, на гнѣздой границѣ), дѣлаетъ предположеніе, что, быть можетъ, онъ не былъ уже тогда киевскимъ намѣстникомъ (op. c. c. 263).

ною—тремя тысячами рублей; съ Петерскаго монастыря было взято отдѣльно тридцать рублей окупа. Этимъ печальнымъ эпизодомъ и завершился XIV вѣкъ¹⁾.

Прибавимъ къ этому еще то весьма небольшое, что можно сказать относительно внутренней жизни земли. Выше было говорено, что разъ общинная автономія и демократическій складъ въ Киевской землѣ получили въ XIII в., какъ я полагаю, широкое развитіе, то нѣтъ основаній думать, что появленіе здѣсь князей въ XIV в. знаменуетъ собою паденіе или ослабленіе такого строя. То же самое должно сказать и объ утвержденіи литовскаго верховенства; оно, особенно на первыхъ порахъ, не вносило никакихъ почти измѣненій въ жизнь русскихъ земель и не могло оказать рѣзкаго вліянія на земскій строй Киевщины. Такой характеръ литовскаго верховенства отчасти обуславливался культурнымъ вліяніемъ Руси на литовцевъ, отчасти зависѣлъ отъ вѣдшихъ условій, въ которыхъ находилось Русско-литовское государство: отвлекаясь борьбою съ нѣмцами и внутреннимъ броженіемъ въ ихъ юномъ, на живую витку сшитомъ государствѣ, литовскіе князья лишь урывками могли заниматься собираніемъ русскихъ земель, не могли затрачивать на это большихъ усилій²⁾. Поэтому для нихъ было чрезвычайно важно возмозжно меньше затрогивать интересы русскаго населенія своею объединительною политикою, напротивъ—по возможности находить въ немъ поддержку себѣ. Въ особенности это было необходимо при присоединеніи южнорусскихъ земель, находившихся подъ татарскимъ верховенствомъ: наживая враговъ въ лицѣ татарскихъ владѣтелей, литовскіе завоеватели могли удержать эти земли только при сочувствіи туземнаго населенія. Потому мѣстнаго земскаго строя, общественныхъ отношеній, склада жизни они не

¹⁾ Объ Иванѣ Ольгминовичѣ и нашествіи Темиръ-Кутлука см. 1 л.-русс. лѣтоп. изд. Повозникъ с. 38, 40 и 42, Pomniki p. 81, 83, 84, 85—86, 89, 1 Новг. с. 101, Густин. с. 352, Никонов. IV с. 279—283, Воскрес. I с. 72—3, Софійск. I с. 420, Лѣт. Авраамии с. 145, 4 Новг. с. 104, Cromeri De origine p. 252, Bielaki p. 283, Strujkowski II p. 104, 116. Никонов., Воскр., Соф., 4 Новг., Кромеръ, Бѣльскій и Стрийковскій говорятъ, что Кіевъ отступилъ 3000 р., Гуслянская, считалась за тѣхъ же Кромера и Бѣльскаго, нѣкто того даетъ 1000 червонныхъ, въ 1 Новг.—500 руб.

²⁾ Антоновичъ Монографіи I с. 59.

касались. Для подтвержденія и иллюстраціи этого положенія я опять обращусь къ аналогіи, представляемой все тѣмъ же драгоценнымъ свидѣтельствомъ л.-русскихъ лѣтописей о завоеваніи Подолья ¹⁾; здѣсь разсказывается, что Коріатовичи, придя въ Подольскую землю, „вошли у приязнь со атаманы“, представителями мѣстныхъ общинъ, „почали боронити Подольскую землю отъ татаръ и босакомъ (байсаккомъ) выхода не почали давати“. Здѣсь такимъ образомъ литовскіе князата не только не нарушаютъ сложившагося политико-общественнаго строя, но въ немъ ищутъ себѣ поддержки въ борьбѣ противъ татаръ. Подобное должно было существовать и въ Кіевской землѣ: литовскіе князичи, какъ видно, мирно улаживались съ населеніемъ, не трогая сложившихся порядковъ и ограничиваясь тою сферою, какую оставляло для нихъ общинное самоуправленіе. Правда, своеобразный феодальный строй Русско-литовскаго государства незамѣтно проникалъ въ жизнь русскихъ земель, внося новыя понятія о поземельномъ владѣніи и формируя постепенно классъ привилегированныхъ землевладѣльцевъ, стѣснявшій самостоятельную жизнь общинъ, но формировка эта происходила медленно и на территоріи Кіевской земли, даже во времена гораздо болѣе позднія, имѣла весьма не одинаковый успѣхъ ²⁾. На первыхъ порахъ общинная жизнь не потерпѣла ущерба. Въ частности извѣстно, что Витовтъ, бытъ можетъ непосредственно по смерти Скиргайла, гарантировалъ землѣ неприкосновенность ея правъ и порядковъ уставною грамотою—на нее ссылаются позднѣйшія грамоты литовскихъ государей ³⁾.

Что касается общаго состоянія земли, то выше было говорено, что сужденія о крайне тагостномъ ея положеніи, о разрѣженіи населенія, невыносимомъ татарскомъ гнетѣ въ XIV в. основываются на извѣстіяхъ или недостовѣрныхъ или не вполне объективныхъ и преувеличенныхъ. Я приведу теперь нѣсколько данныхъ, которыя неоспоримо свидѣтельствуютъ о значительномъ экономическомъ благосо-

¹⁾ 1 л.-русск. лѣт. въ изд. Попова с. 44 (Роспѣки р. 19). Возраженія, представляемыя Н. П. Дашкевичемъ противъ этого эпизода (Запѣтки с. 75) во всякомъ случаѣ не могутъ умалить значенія его для обрисовки общихъ отношеній литовскихъ завоевателей къ земскому строю русскихъ земель.

²⁾ О борьбѣ литовскаго государственнаго строя съ городскою общиною см. Антоновичъ Моногр. I с. 137 сл.

³⁾ Антоновичъ Монографіи I с. 247, М. Яценскій Уставн. грамоты с. 80.

стояниі земли. Прежде всего я обращаю вниманіе на сравнительно многочисленныя монетныя находки, относящіяся къ XIV в.¹⁾; на территоріи теперешней Кіевской губерніи можно насчитать до пятнадцати такихъ находокъ; между ними есть дробныя, но есть и довольно значительныя. Наибольшій процентъ даютъ т. н. широкіе пражскіе гроши (до 10 находокъ), серебрянная монета, послужившая прототипомъ для грошей литовскихъ и польскихъ; повидимому, она имѣла широкое распространеніе въ Кіевщинѣ: встрѣчаются находки въ нѣсколько сотъ этихъ полновѣсныхъ грошей; преобладаютъ гроши Вячеслава III (1305—1306 г.)²⁾. Кромѣ чешской монеты, въ край обращалась монета золотоордынская, литовская, туземная—кіевская, новгородскія гривны, наконецъ галицко-польскіе денары³⁾. Замѣчательно, что большинство находокъ падаетъ на южную полосу Кіевщины—уѣзды Каневскій, Сквирскій, Таращанскій, Уманскій, Чигиринскій, на полосу менѣе защищенную и представлявшую меньше удобствъ для развитія благоустроенной жизни и экономическаго благосостоянія⁴⁾.

Другой фактъ заслуживающій вниманія—это существованіе туземной монеты—Владимира Ольгердовича. Это мелкая серебрянная монета, отъ 7 до 19 долей вѣсу; она весьма рѣдка, доселѣ извѣстно всего лишь шесть экземпляровъ ея, которые представляютъ пять совершенно различныхъ типовъ⁵⁾. Этотъ фактъ указываетъ на то, что

¹⁾ Въ суммѣ ихъ не многая меньше, чѣмъ сколько ихъ имѣетъ находокъ отъ удаленно-рѣчевой эпохи, если исключить территорію г. Кіева.

²⁾ О находкахъ пражскихъ грошей см. у Вѣдальскаго Монетные клады с. 45, 67, 68, 83, 84, 95, 106, 116—117. Объяснит. записка В. В. Антоновича (с. Полтавскій Каневск. у.); изъ этого слѣдуетъ, монета бытъ, присоединить неопредѣленное свидѣтельство о богемскихъ инфенгахъ XIII в. (двѣ находки)—Вѣдальскій ор. с. с. 49. Наибольше богатыя клады—третій, седьмой и восьмой изъ указанныхъ (172 гроша и 197 денаровъ, 235 гр., 670 гр.). Изъ другихъ—болѣе значителенъ Гвоздовскій кладъ, Вѣдальскій с. 58.

³⁾ Золотоордынскія монеты XIV в. встрѣчаются четыре раза—Вѣдальскій с. 58, 114, Объяснит. зап. (в. Ольшаница Васильк. у. и Полтавскій Кан. у.); новгородскія гривны—с. 58, также с. 81 (съ генуэзскими монетами); литовскіе денары—с. 68; въ с. Пастырское Чигир. у. найдено въ 1887 г. 38 серебр. денаровъ червопороускихъ Людовика венгерскаго—Объяснит. записка.

⁴⁾ Вотъ мѣстонахожденія монетъ: Кіевъ (3 наход.), Гвоздовъ—Кіев. у., Ольшаница—Васильк. у., Вердичевъ, Выкова—Сквир. у., Луца—Таращ. у., Каневъ, Вучаць и Полтавскій—Каневск. у., Пастырское—Чигир. у., Уманск. у. (неизвѣстно, гдѣ именно).

⁵⁾ Монеты эти (2 экз.) были впервые найдены въ 1873 г. въ с. Гвоздовѣ Кіевск. у., вмѣстѣ съ 6 золотоордынскими монетами, 7 гривнами и 3 полу гривнами новгородскаго

Говоря о внутренней жизни земли, нужно еще сказать о церковных отношеніяхъ, точнѣе—о судьбѣ митрополіи; встаетъ по этому вопросу мы имѣемъ болѣе обстоятельныя данныя. Какъ извѣстно, этотъ періодъ въ исторіи русской церкви имѣетъ характеръ переходной: въ это время постепенно входитъ въ силу и получаетъ признаніе обычай ставить митрополитовъ изъ туземцевъ, мѣстныхъ кандидатовъ, слѣдовательно подготавливается полная націонализація іерархіи, съ другой стороны—дѣлаются попытки къ образованію отдѣльной западнорусской митрополіи послѣ того, какъ бывшіе кіевскіе митрополиты переселились на сѣверъ. Въ этомъ общій интересъ періода. Частный, специально-кіевскій интересъ заключается въ томъ, что вопросъ о митрополіи, о митрополичьей резиденціи тѣсно былъ связанъ съ престижемъ Кіева. Не входя въ подробности, я изложу лишь то, что именно ближе касается Кіевской земли.

Во время татарскаго нашествія митрополитомъ былъ Іосифъ, прибывшій въ 1237 г.; полагаютъ, что онъ погибъ во время Батыева погрома, такъ какъ исчезаетъ въ это время безслѣдно¹⁾. Непосредственно за тѣмъ Даниилъ избралъ на митрополію нѣкоего Кирилла; послѣдній нѣсколько лѣтъ жилъ въ его волостяхъ нареченнымъ митрополитомъ; лишь около 1247 г. онъ былъ отправленъ въ Царьградъ для посвященія, которое и было совершено надъ нимъ—фактъ еще небывалый!²⁾... Послѣ этого, въ 1250 г., Кириллъ прибылъ на митрополію въ Кіевъ, но оставался здѣсь не долго: отправился въ Черниговъ, Рязань, во Владимірѣ на Клязьмѣ; въ 1251 г. видимъ его въ Новгородѣ, потомъ снова во Владимірѣ, гдѣ онъ упоминается нѣсколько разъ въ 50-хъ и 60-хъ годахъ; проживая главнымъ образомъ во Владимірѣ, онъ поэтому не назначалъ на эту кафедру епископа до 1272 г., когда былъ поставленъ на владимірскую епископію печерскій архимандритъ Серапіонъ. Затѣмъ м. Кириллъ снова появляется въ Кіевѣ, гдѣ посвящаетъ около 1275 г. архіепископа новгородскаго Климента, но въ 1280 г. возвращается опять на сѣверъ; здѣсь—въ Переяславлѣ Залѣскомъ онъ вскорѣ и скончался; тѣло его было отвезено въ Кіевъ и погребено у св. Софіи³⁾.

¹⁾ Лавр. с. 487 (1 Соф. I с. 238, Ник. II с. 103—подъ 1236 г.), Макарій Ист. р. ч. IV с. 2.

²⁾ Ипат. с. 528, 537, Макарій *ibid.* с. 7—9.

³⁾ Лавр. с. 449, 1 Новгород. с. 63, 64, Воскрес. I с. 172, 174, 175, Никон. II с. 137, 157, 158, Густ. с. 342.

Образъ жизни этого митрополита очень любопытенъ. Монгольскій періодъ оборвалъ іерархическія традиціи; Кіевъ, еще раньше переставшій быть центромъ политической жизни русскихъ племенъ, теперь окончательно лишившійся политическаго значенія, перестаетъ быть и резиденціею митрополитовъ; но на смѣну старой традиціи новый порядокъ слагается лишь со временемъ. Митрополичья резиденція долго не можетъ прочно установиться на новомъ мѣстѣ; отсюда постоянные разъѣзды митрополитовъ. Любопытно еще, что м. Кириллъ, ставленникъ Давида и, правдоподобно, по происхожденію южнорусскъ, проживаетъ больше на сѣверѣ; это объясняется весьма правдоподобно тѣмъ, что на сѣверѣ было больше епархій, чѣмъ на юго-западѣ; интересы церковныя заставили митрополита предпочитать сѣверный центръ южному, Владимиръ—Галичу.

Въ отсутствіе митрополита дѣлами митрополии въ Кіевѣ заведывали его намѣстники¹⁾. Епископы Бѣлгородскій и юрьевскій ни разу не упоминаются послѣ монгольскаго нашествія: правдоподобно, катедры эти были упразднены вскорѣ послѣ него. Кромя общаго захуданія земли, это объясняется, мнѣ кажется, перенесеніемъ митрополичьей резиденціи изъ Кіева: катедры эти были въ свое время учреждены, правдоподобно, для того, чтобы митрополитъ для церковныхъ нуждъ могъ имѣть при себѣ законное число епископовъ; теперь, когда митрополиты являлись въ Кіевъ лишь урывками, этой надобности не представлялось.

То, что видѣли мы при м. Кириллѣ, повторялось и при трехъ его преемникахъ—Максимѣ, Петрѣ и Θεогностѣ. Официально резиденціею считался Кіевъ, но митрополитъ „по обычаю своему хожаше по всей землѣ Русстей“, такъ что подчасъ и неизвѣстно было, гдѣ въ данный моментъ находится митрополитъ²⁾. М. Максимъ въ 1284 г. по прибытіи на митрополию, собираетъ соборъ епископовъ въ Кіевѣ, ставитъ здѣсь въ 1288—9 гг. епископовъ (владимірскаго, ростовскаго и тверскаго), потомъ появляется здѣсь еще въ послѣднихъ годахъ

¹⁾ См. Густин. с. 346, 3 Нов. с. 221 (извѣстіе, тождественное съ густинскимъ до букввальности и заимствованное, очевидно, изъ западно-русскаго источника); о намѣстникахъ см. еще 1 л.-русск. лѣт. въ изд. Даниловича р. 47, въ изд. Попова с. 40, Никон. IV с. 313; списокъ кіевскихъ намѣстниковъ у Захарскаго II с. 890—малозначный; см. Рибискаго Кіевская митроп. катедра—Тр. Кіев. Дух. Акад. 1891, кн. I с. 131 сл.

²⁾ Никон. II с. 166, 172, 1 Нов. с. 67.

столѣтія и затѣмъ переселяется во Владимірѣ, „со всѣмъ своимъ житьемъ“, „не терпя татарскаго насилья“¹⁾. М. Петръ въ Кіевѣ появляется только непосредственно за своимъ посвященіемъ (въ 1308 г.)²⁾ и затѣмъ отправляется на сѣверъ. М. Феогностъ былъ подвижникъ и побывалъ въ Кіевѣ раза два-три (послѣ поставленія—въ 1328 г., потомъ около 1329 и, можетъ быть, около 1349 г.). Начиная съ м. Максима митрополиты и погребались уже на сѣверѣ—во Владимірѣ и Москвѣ; новый порядокъ вѣрнеть; южнорусскій сводъ съ м. Максима отмѣчаетъ, какъ постоянное явленіе, пребываніе митрополитовъ на сѣверѣ³⁾: мѣстопребываніемъ ихъ становится Владиміръ, потомъ, съ м. Петра—Москва. Но все это, по замѣчанію м. Макарія, еще „было ихъ личное переселеніе, а отнюдь не перенесеніе самой кathedры митрополитской въ тотъ или другой городъ“⁴⁾; официально кathedрою оставался Кіевъ.

Первый, кто вознамѣрился легализировать это перенесеніе кathedры,—былъ вмѣстѣ и первый сѣвернорусъ на кathedрѣ, москвичъ по рожденію и воспитанію—св. Алексій. При своемъ поставленіи, какъ было уже упомянуто, онъ ходатайствовалъ предъ патріархомъ объ утвержденіи митрополичьей резиденціи во Владимірѣ, ссылаясь на то, что Кіевъ совершенно разоренъ, не можетъ доставить средствъ для пребыванія митрополита; да вдобавокъ въ немъ засѣлъ Феодоритъ, о которомъ будемъ говорить ниже. Резолюція послѣдовала весьма интересная: постановлено, „чтобы сей преосвященный митрополитъ русскій и всѣ его преемники пребывали и находились во Владимірѣ, имѣя здѣсь свое постоянное и неотъемлемое мѣстожителство, такъ чтобы Кіевъ, если онъ останется цѣлъ, былъ собственнымъ престоломъ и первымъ сѣдалищемъ архіерейскимъ, а послѣ него и вмѣстѣ съ нимъ—святѣйшая епископія владимірская была бы вторымъ сѣдалищемъ и мѣстомъ постоянного пребыванія и упокоенія (ἀνάκτορος) митрополитовъ“⁵⁾. Такимъ образомъ резиденція митрополитовъ окончательно, навсегда (это прямо оговаривается ниже) была перене-

¹⁾ Лавр. с. 461 и 500, Воскр. I с. 179, 182, Никол. II с. 162, 167.

²⁾ Воскр. I с. 185. По крайней мѣрѣ больше ни не имѣемъ свидѣній.

³⁾ Воскр. I с. 202, Никол. II с. 195, 203, 221, 1 Новг. с. 77.

⁴⁾ Густавск. с. 346.

⁵⁾ Исторія русской церкви IV с. 21.

⁶⁾ Русск. ист. библ. VI, прил. с. 68—70.

сена изъ Кіева; за послѣднимъ остался лишь титулъ кнезды, официальной резиденціею становится Владиміръ, а дѣйствительною и въ это, и въ послѣдующее время была Москва.

Этотъ новый порядокъ, несомнѣнно, уже раньше возбуждалъ неудовольствіе въ Кіевѣ и вообще въ Южной Руси, но дѣятельныя мѣры противъ него стали приниматься лишь тогда, когда Южная Русь стала подвергаться притязаніямъ и захватамъ литовскихъ и польскихъ государей, въ интересахъ которыхъ было возможно обособить завоевываемыя земли. Такъ Казиміръ В. хлопочетъ объ образованіи отдѣльной галицкой митрополіи, Ольгердъ—литовской. Стремленія ихъ однако находили весьма мало сочувствія въ Константинополѣ: съ одной стороны, освященная вѣками традиція и тѣ притязанія и споры изъ-за предѣловъ епархій, которые порождались съ образованіемъ новыхъ митрополій, съ другой—влііе московскихъ митрополитовъ и государей—препятствовали обособленію галицкихъ и русско-литовскихъ епархій, и особыя митрополиты въ XIV в. являются здѣсь только по временамъ.

Первымъ митрополитомъ литовскимъ былъ упомянутый выше Романъ. Но Кіевъ еще раньше имѣлъ уже своего особаго митрополита, хотя и незаконнаго съ точки зрѣнія каноническихъ правилъ. Въ 1352 г. сюда прибылъ нѣкто Θεодоритъ: онъ искалъ посвященія сначала у константинопольскаго патріарха, потомъ посвященъ былъ въ митрополиты патріархомъ тырновскимъ. Не смотря на протесты со стороны патріархата константинопольскаго, онъ былъ принятъ въ Кіевѣ и оставался здѣсь нѣсколько лѣтъ, „равноблжженски и насильственно владѣя Кіевомъ“, выражаясь словами константинопольскаго акта 1354 г.—очевидно, онъ находилъ поддержку въ населеніи¹⁾. Потому, быть можетъ, и Романъ, непосредственно за своимъ посвященіемъ явившійся въ Кіевъ, не былъ принятъ населеніемъ, что тамъ еще жилъ Θεодоритъ²⁾.

Какъ было упомянуто уже, вслѣдъ за посвященіемъ св. Алексія, Ольгердъ потребовалъ, чтобы былъ поставленъ особый митрополитъ

¹⁾ Никол. II с. 226 („инокъ Θεодоритъ поставленъ бже митрополитомъ отъ Терновскаго патріарха и ирше въ Кіевъ“), Р. иср. библ. *ibid.* с. 62 и 68, Мазаріи *ibid.* с. 30—31, 40.

²⁾ Литовскіе под. Даниловичемъ с. 174 (цитату см. выше, с. 489).

для епархій русско-литовскихъ, и кандидатъ его—Романъ въ томъ же 1354 г. былъ посвященъ въ „митрополита литовскаго“ (тѣмъ Δ(τρωμ)). Однако Романъ скоро сталъ заявлять притязанія и на другія епархїи: снова явился въ Кіевъ, захватилъ новозавоеванную Ольгердомъ брянскую епархію, въ 1360 г. являлся въ Тверь. Въ Кіевѣ, какъ сказано было выше, его на этотъ разъ приняли—вѣроятно, Феодорита тамъ уже не было. Но когда св. Алексій, обезьякоенный, должно быть, этими притязаніями, явился тоже въ Кіевъ, то, очевидно, такъ же былъ принятъ населеніемъ и прожилъ здѣсь около двухъ лѣтъ¹⁾. Судя по всему, кіевское населеніе мало входило въ вопросъ, кто по каноническимъ правиламъ имѣетъ право на кіевскую кафедру и принимало всѣхъ безразлично, лишь бы имѣлъ въ Кіевѣ своего митрополита. Романъ скоро скончался. Во избѣжаніе новыхъ пререканій, патриархъ не желалъ назначать ему преемника, и до 1376 г. Кіевъ находился снова подъ властью московскаго митрополита, хотя послѣдній, повидимому, болѣе не посѣщалъ его.

Въ 1371 г. Ольгердъ отправилъ грамоту къ патриарху, demanding поставленія митрополита для западно-русскихъ земель; онъ считался на то, что св. Алексій вовсе не посѣщаетъ ихъ, не смотря на приглашенія, и всецѣло вошелъ въ интересы московскихъ государей (что, пожалуй, отчасти было и справедливо²⁾). Но эта просьба не была уважена: патриархъ деликатно выговаривалъ св. Алексію за его предпочтеніе Москвѣ, но особаго митрополита не поставилъ³⁾. Только въ 1376 г. Киприанъ, патриаршій посолъ по дѣлу о столкновеніи св. Алексія съ Ольгердомъ и Михаиломъ тверскимъ, сблизившійся въ то время съ Ольгердомъ и затѣмъ вошедшій въ довѣренность у патриарха, успѣлъ достигъ поставленія въ митрополиты „кіевскіе и литовскіе“⁴⁾. Однако и этимъ обособленіе кіевской кафедры достигнуто было лишь на время: было прямо оговорено, что назначеніе м. Киприана не означаетъ раздѣленія митрополій, и патриархъ предоставилъ ему право по смерти м. Алексія принять подъ свою власть

¹⁾ Рус. ист. библ. *ibid.* с. 72—80, 86—88, 168, Воскр. II с. 10, 11, 1 Новг. с. 87, Никои. II с. 228, 230, 231.

²⁾ См. напримѣръ отлучительныя грамоты въ Р. ист. библ. № 20 и 21.

³⁾ *Ibidem* № 24 и 28.

⁴⁾ *Ibidem* с. 170—174, ср. 200—204 (Acta patr. II р. 13—14, 118—120), Воскр. II с. 25, Макарий *ibid.* с. 59—60.

и сѣверныя епархіи, сдѣлаться митрополитомъ „кіевскимъ и всея Руси“. По смерти св. Алексія († 1377 г.) Кипріянь дѣйствительно отправился въ Москву; но тамъ ниѣли уже своего кандидата, Кипріяна не приняли и обезчестили. Мало того, въ Константинополѣ, вѣроятно подѣ влияніемъ московскаго духовенства, было поднято дѣло о незаконномъ поставленіи м. Кипріяна, и въ 1380 г. у него была отнята кіевская кафедра: онъ остался, и то лишь „по снисхожденію“, „митрополитомъ литовскимъ“. Кіевская кафедра была отдана московскому митрополиту: „такъ какъ невозможно быть архіереемъ Великой Руси, не получивъ сначала наименованія по Кіеву, который есть соборная церковь и главный городъ (митрополис) всей Руси“, какъ сказано въ соборномъ постановленіи¹⁾. Не смотря на это Кипріянь отправился на житье въ Кіевъ: Владиміръ Ольгердовичъ держалъ его сторону, а вскорѣ, по измѣнившимся обстоятельствамъ, онъ былъ приглашенъ и въ Москву. Впрочемъ Кипріянь не долго ладилъ съ в. кн. Дмитріемъ и въ 1382 г. выѣхалъ, изъ Москвы; онъ возвратился въ Кіевъ и здѣсь проживалъ до 1390 г.²⁾ Послѣ долгихъ смутъ московской митрополіи, патриаршимъ постановленіемъ 1389 г. Кипріянь возстановленъ былъ въ санѣ митрополита „кіевскаго и всея Руси“; въ 1390 г. онъ отправляется въ Москву и послѣдняя становится главною его резиденцію, Кіевъ онъ только посѣщаетъ: такъ онъ прожилъ здѣсь полтора года въ 1397—8 г.³⁾. Такимъ образомъ дѣятельность Кипріяна не согласовалась съ видами литовскихъ владѣтелей, въ частности Владиміра Ольгердовича кіевскаго: въ своихъ интересахъ онъ стремится соединить сѣверныя епархіи съ западными и достигнуть признанія своей власти на сѣверѣ, не остается въ Кіевѣ, а переноситъ свою резиденцію въ Москву. Что у Владиміра Ольгердовича были совсѣмъ иные виды относительно этого предмета, это довольно ясно показываютъ слова, влагаемая ему въ уста въ описаніи поимки Діонсіа, который былъ посланъ изъ Москвы въ Константинополь для посвященія и неосторожно возвращался назадъ чрезъ Кіевъ,—

¹⁾ Р. ист. библ. с. 173—176, прилож. с. 174—182 (Acta patr. II p. 15—17), Никои. IV с. 48.

²⁾ Воскр. II с. 48, Никои. IV с. 77, 189—140, 144, 157.

³⁾ Р. ист. библ. прил. с. 224—6 (Acta patr. II p. 127—8), Воскр. II с. 60, Никои. IV с. 193, 268, 301, Макаріа ibid. с. 71—79.

„пошелъ еси на митрополию безъ нашего повелѣнія“¹⁾). Въ этихъ словахъ видно желаніе возвратити къ жизни старую кievскую традицію, сдѣлать Кіевъ снова центромъ церковной жизни и дѣла митрополіи поставить въ зависимость отъ воли кievскаго князя.

Замѣчу кстати, что вообще съ присоединеніемъ Кіева къ могущественному Русско-литовскому государству, съ появленіемъ на кievскомъ столѣ членовъ знаменитой династїи, политическое значеніе Кіева, его престижъ, несомнѣнно, поднимаются, въ нioземныхъ лѣтописяхъ чаще появляется его имя и имена его князей. По замѣчанію современнаго историка, въ Русско-литовскомъ государствѣ „русская партїя сосредоточивается въ Кіевѣ, и Кіевская земля получаетъ значеніе твердыни русской народности“²⁾). Отголоски этого значенія Кіева слышатся въ словахъ Ягайла, назвавшаго однажды Кіевъ „взначальною столицею всѣхъ русскихъ земель“³⁾).

На этомъ я покончу свое повѣствованіе о судьбахъ Кіевской земли. Быть можетъ, „времени минуишу“, я буду имѣть возможность повести это повѣствованіе чрезъ дальнѣйшїй рядъ вѣковъ до того времени, когда новыя теченія, стремленія народной жизни, которыя я старался подмѣтити во мглѣ переходнаго времени, проявились съ полною ясностью и опредѣленностью. А пока— „будь здоровъ, читателю ласкавій!“.

¹⁾ Воскр. II с. 49. Въ Никои. (IV с. 144): „но что пошелъ еси въ Царь градъ и митрополіу спастись в митрополіи безъ нашего совѣта, се бо на Кіеве есть ир. Кіевричъ, и тои есть всеа Русси митрополітъ, пробуди убо адѣ седа в Кіеве“.

²⁾ В. В. Антоновичъ Монографіи I с. 281.

³⁾ Kywon ein hept ist von alders aller Russischen landen.—Codex epist. Vitoldi p. 780 (1423 г.).

Дополненія и поправки.

Къ с. 5 пр. 2. Тешершняя р. Деревичка, быть можетъ, упоминается въ летописи подъ именемъ „рѣки Деревное“, находившейся въ сосѣдствѣ р. Случи и Бѣлобережья—см. Ипат. с. 511, ср. Болоховская земля пр. 43.

Къ с. 17 пр. 5. О церкви Богородицы Пырогощей еще статья г. Завитневича въ Тр. Киев. Дух. Акад. 1891 кн. I; авторъ предпочитаетъ помѣщать ее въ верхнемъ городѣ, около Михайловскаго монастыря (с. 164).

Къ с. 18 пр. 7. Что до польской колоніи въ Киевѣ—см. объ этомъ въ рефератѣ г. Юрченка „О происхожденіи названія Лядскихъ воротъ въ Киевѣ“ въ Трудахъ III археол. съѣзда т. II с. 59—60.

Къ с. 21 пр. 1. Теперь Долобское озеро, какъ мнѣ передавали, называется также Долбенскимъ заливомъ.

Къ с. 21 пр. 4. Подробное описаніе городища и произведенныхъ въ немъ раскопокъ см. въ рефератѣ г. Завитневича—Чтеніи Общ. Нестора кн. V с. 134 сл.

Къ с. 21 пр. 1. См. Сказаніе о Борисѣ и Глѣбѣ Іакова—въ изд. Срезневскаго с. 75—76.

Къ с. 99 пр. 3. Относительно народныхъ легендъ о Боникѣ см. еще статью Р. Л. Н. „Къ рассказамъ о Шелудивомъ Бунякѣ“ въ Киевск. Стар. 1891 г. кн. VIII.

Къ с. 126 пр. 2. Литературу вопроса о Мономаховыхъ регаліяхъ см. у г. Дьяконова Власть московскихъ государей с. 76—77.

На с. 139 примѣчанія 1 и 2 нужно переставить одно на мѣсто другого.

Къ с. 161 пр. 4. О политикѣ галицкихъ князей весьма справедливы замѣчанія см. въ рецензін П. В. Голубовскаго въ Киевск. Стар. 1890 кн. X с. 162—163.

Къ с. 181 пр. 2. Объ участіи Геймамъ въ предпріятіяхъ Изяслава см. въ книгѣ г. Грота Изъ исторіи Угрии и Славянства въ XII в. с. 152 сл., также еще с. 206 сл. (иноземные источники впрочемъ очень мало прибавляютъ къ извѣстіямъ нашихъ лѣтописей по этому вопросу); тамъ же с. 81—82, 94—100—о родственныхъ связяхъ Изяслава съ угорскими и чешскими государями.

Къ с. 279 пр. 1. О первомъ нашествіи татаръ см. у Ибнъ-эль-Атира—въ Ученыхъ Запискахъ Анад. Н. по I и III отд. с. 680 сл.; тамъ же о датѣ Калкской битвы—с. 773 сл.

Къ с. 287 пр. 5. Извѣстіе о смерти Владиміра Рюриковича дѣйствительно есть въ 1 Псковской, подъ 1230 г.: „по Рязанскомъ взятіи на лѣто Переславль Рускій взятъ бысть... Того же лѣта (т. е. 1239) Володимерь умре Киевскій Рюриковичъ. Того же лѣта и Черниговъ взятъ бысть на осень“ (с. 179). См. Экземплярскаго Князя Сѣверной Руси I с. 16; здѣсь же (с. 15—16) о смѣнѣ киевскихъ князей 1236—38 г.; авторъ принимаетъ догадку Карамзина, что Владиміръ уступилъ Киевъ Изяславу по настоянію Данила и Юрія Всеволодовича.

Къ с. 383 пр. 2. О софійской мозаикѣ см. также въ трудѣ Айналова и Рѣдина Киево-Софійскій соборъ с. 14 сл.

Считаю нужнымъ оговориться еще относительно плана окрестностей Кіева, приложеннаго къ книгѣ; теченіе Дняпра, конечно, измѣнялось сильно въ разные времена, но восстановить его тогдашнее направленіе слишкомъ трудно—если возможно; я ограничился только немногими реставраціями (относительно Долобскаго озера, устья Почайны) и въ остальномъ придерживался современнаго плана.

ГЕОГРАФИЧЕСКІЙ УКАЗАТЕЛЬ.¹⁾

- Верестово с. 20.
Богуславъ с. 36.
Божскій (Вужскъ) с. 44—47.
Болохово с. 44—5.
Боровой с. 13, 38.
Браславъ с. 49—50, 55.
Брагинъ с. 11, 39.
Бужскъ—см. Божскій.
Булчи с. 19.
Бѣлгородъ с. 24, 335—336.
Бѣлобережье—двѣпровское с. 33—4.
Бѣлобережье—на Случи с. 44.
Бѣяница с. 26, 33.
Валы с. 26—27, 30—31.
Варинъ с. 29.
Варяжскій островъ с. 34.
Василевъ с. 25.
Верневъ с. 26.
Винница с. 45, 49, 55.
Витчевъ с. 29.
Володаревъ с. 37.
Воровичи с. 39.
- Вручій (Овручъ) с. 39—40, 48.
Възаягль с. 45.
Выгошевъ с. 15, 46.
Выдобичи с. 20.
Выдра с. 10.
Вышгородъ с. 23, 336.
Вѣтчи с. 21—22.
Гнойница с. 15, 46.
Городескъ с. 40—41.
Городецъ (ок. Кіева) с. 10, 21.
Городецъ (болоховскій) 44—5.
Городокъ (1257 г.) с. 44.
Губинъ с. 44—5.
Давыдова боженка с. 39.
Дверень с. 36.
Деревичъ с. 44—5.
Дерновій с. 33, 36.
Долобское оя с. 20—21.
Дорогобужъ с. 15, 46.
Дорогожичи с. 19.
Дубровница с. 11—12.
Дядьковъ с. 44—5.

¹⁾ Въ настоящій указатель внесены мѣстности Кіевской земли и нѣкоторые селенія либо относимыя къ ней; указаны тѣ лишь страницы работы (принципиально географическаго очерка), гдѣ дается описаніе ихъ, опредѣленіе ихъ положенія и т. п.

Жедечевъ с. 41, 48.
Жезанъ с. 19.
Житомиръ с. 48, 54.
Зарубъ с. 31, 34.
Зарѣцкскъ с. 12, 46—7.
Звенигородъ (у Кіева) с. 24.
Звенигородъ за Россію с. 50—51, 54.
Звизденъ с. 41.
Золотча с. 24.
Иванъ с. 34, 55.
Измславлъ с. 46—7.
Ипжиръ бродъ с. 34.
Искоростѣнъ с. 39—40.
Каменець с. 16, 43.
Каневъ с. 35.
Кавичъ с. 19.
Коранъ с. 9.
Кіевъ с. 16—19.
Кобудъ с. 44—5.
Колодженъ с. 43.
Кортескъ с. 12, 46.
Корсунъ с. 36.
Котельница с. 41.
Краснъ с. 29.
Кудинъ с. 45.
Кульдеуревъ с. 36.
Куниль с. 38.
Кучаръ с. 41.
Лутава с. 9—10.
Межибожье с. 12, 45, 48—49.
Межиностье с. 39.
Милулинъ с. 44.
Милославичи с. 22.
Мирославское с. 22.
Михайловъ с. 33.
Мичскъ с. 40.
Мозиръ с. 11, 39, 54.
Моровійскъ с. 9—10.
Мушаревъ с. 37.
Муравица с. 12.

Мутширъ с. 41.
Ммльскъ с. 46—7.
Неатинъ с. 38.
Новгородъ Святополчскій с. 30.
Облазна с. 38—39.
Обрамль мость с. 41.
Овручъ—см. Вручій.
Ольжичи с. 10, 21.
Ольшаница с. 6.
Острогъ с. 46—7, 48.
Остерскій городокъ с. 10.
Перепетово с. 32.
Пересопница с. 12, 15, 46.
Пересѣченъ с. 24.
Песочный городокъ с. 21.
Погорина с. 12, 14—15.
Поля търѣтака Корьсуньскаго с. 42.
Почайна с. 17.
Полонный на Хоморѣ с. 44, 48.
Полонный (въ Потетеревѣ?) с. 42.
Предславино с. 19.
Прилукъ с. 12.
Радоснъ с. 21.
Раставецъ с. 37—38.
Ржищевъ с. 55.
Родня с. 2, 13, 34—35.
Рутъ с. 6.
Рутецъ с. 6.
Саковъ с. 9.
Святополчъ с. 30.
Святославъ с. 33.
Снепородъ (Слѣповродъ) с. 50, 481.
Соколецъ с. 49—51, 55.
Степанъ с. 12.
Сѣмочь с. 42—3, 44.
Сѣмычъ с. 42—3.
Татинець с. 34.
Теремецъ с. 20.
Тихомель с. 12, 15, 46.
Товаровъ с. 35.

Торческій с. 27—29, 31.

Треполь с. 25.

Тумаць с. 25.

Угорское с. 20.

Ушескъ с. 40.

Халъвиъ с. 29.

Хотрѣя с. 46—47.

Чарнатвиъ с. 46.

Чемерниъ с. 12.

Черкасы с. 13—14, 50—51, 54—55.

Черновъ см. Верновъ.

Чернобыль с. 39.

Чернь с. 54—5.

Черторма с. 20.

Чертовъ гѣсъ с. 44.

Чюрнаевъ с. 13, 38.

Шумскъ с. 12, 15, 46, 48.

Юрьевъ с. 36—37.

Ярополчъ с. 41.

Важѣйшія замѣченныя опечатки.

Стр.	строка	Напечатано:	Слѣдуетъ читать:
4	1 сл.	имѣ же	гѣмъ же ученикъ
5	1 сл.	она	Турово-нижская волость
7	10 сл.	ея часть	часть Полынской земли
7	4 сл.	255—256	68
10	10 сл.	оставилъ	онъ оставилъ
15	4 сл.	города именно	именно города
16	17 сл.	1192	1092
18	1 сл. и др.	деревяхъ	деревьяхъ
20	8 сл.	Угорскі	Угорскіе
21	12 сл.	у Барсова	(у Барсова
23	17 сл. и др.	черезъ	чрезъ
24	4 сл. и др.	передъ	предъ
28	8 сл. 13 сл.	Торчица	Торчица
29	20 сл. и др. под.	пріурочить	пріурочить
28	5 сл.	С. Кт.	К. Ст.
32	5 сл.	вѣжани	вѣжани
34	6 сл.	деревни	деревни
38	8 сл.	Куниль	Куниль
42	4 сл.	половцани	половцани
42	8 сл.	1095	1195
45	11 сл.	1393	1345
45	18 сл.	притокъ	притокъ
45	6 сл.	расхожусь	расхожусь
46	15 сл.	Пересолица	Пересолица
47	16 сл.	независимыхъ, общинъ	независимыхъ общинъ,
49	10 сл.	ср.	и.
51	6 сл.	„Чиркаси	Чиркаси
53	6 сл.	онъ	они
53	11 сл.	34—35	33—34
55	7 сл.	не было	вѣроятно, уже не было
55	17 сл.	относящаго	относящагося
64	17 сл.	съ	въ

Стр.	строка	Намечтано:	Слѣдуетъ читать:
73	8 сл.	агосъ,	агосъ
74	12 сл.	Подолья	Подольѣ
76	15 сл.	Зубрицкій	Зубрицкій (II с. 14)
76	19 сл.	ставка	ставка
85	18 сл.	но соблюденіе	на соблюденіе
102	13 сл.	угианнѣхъ	уведеннѣхъ
111	7 сл.	общеприятій разсказъ	общеприятное представленіе
114	15 сл.	въ сказаніи	въ сказаніи Василя
117	4 сл.	потому	по тому
122	17 сл., 20 сл.	проезжникомъ	кандидатомъ
125	6 сл.	породился	породился
132	19 сл.	Видобича	Видобичъ
132	6 сл.	Предварительная I, см. изслѣдованія	см. Предварительныя софствія
135	5 сл.	Мыслилова	Мыслилама
151	15 сл.	онъ	Ярополъ
173	16 сл.	доканать	доконать
179	7 сл.	въ его распоряженіи	въ распоряженіи Ислава
179	11 сл.	с. 365	с. 365
160	5 сл.	словомъ	словомъ
180	15 сл. и др.	загнѣтъ	за гнѣтъ
186	11 сл.	перевѣтъ	перевѣтъ
190	12 сл.	му	ему
200	2 сл.	Давидовичемъ	Давидовичемъ
201	18 сл.	видитъ	видитъ
202	15 сл.	союзниковъ	союзниковъ Юрія
211	12 сл.	1191	1161
217	17 сл.	видитъ его	видитъ Владимира
218	1 сл.	Ожицѣ	Оржицѣ
226	12 сл.	пятнадцатилѣтнее	тринадцатилѣтнее
226	11 сл.	1195	1194
253	7 сл.	1195	1194
255	6 сл.	Володимери	Володимера
256	14 сл.	Ростиславича	Гостислава
264	17 сл.	толомъ	столомъ
291	13 сл.	кляжею	кляжею
298	4 сл.	Кіева.	Кіева,
300	14 сл.	также	такъ же
304	10 сл.	1168	1167
308	15 сл.	настолью	насколью
310	2 сл.	ея	ея
310	8 сл.	предлагаетъ	называетъ
314	5 сл.	IX в.	X в.
323	1 сл.	превращался	превращался
331	14 сл.	кляжею	кляжею
335	7 сл.	Лазарь	Лазарь

Стр.	строна	Напечатано:	Слѣдуетъ читать:
336	7 сѣ.	1067	1068
348	17 сѣ.	провода	провода
351	16 сѣ.	оно не принадлежалъ	оно не принадлежало
360	15 сѣ.	Зернова	Зирнина
363	4 сѣ.	Клина)	Клина ')
363	15 сѣ.	вѣщаго	вѣщаго
367	9 сѣ.	лишеніи	лишеніе
374	2 сѣ.	намяти	намять
375	14 сѣ.	скири	копи
378	11 сѣ.	кижескій	до-кижескій и кижескій
386	16 сѣ.	Окскаго	Волжскаго
398	7 сѣ.	инвентаря	инвентаря
414	5 сѣ.	прочіе	прочія
416	18 сѣ.	христіанствахъ	съ христіанствахъ
430	15 сѣ.	1202	12 3
433	5 сѣ.	1202	1203
432	8 сѣ.	Либонитно	Либонитно
437	8 сѣ.	внесено	внесена
438	12 сѣ.	одинъ—дѣлнвохъ, дру- гіе	последніе—дѣлнвохъ, перво- гіе
440	10 сѣ.	помѣщичьей	тяжелой помѣщичьей
442	3 сѣ.	къ Вильну	—
446	10 сѣ.	придасть	придавалъ
447	17 сѣ.	заключить	заключить также
461	4 сѣ.	соглашалась	соглашалось
461	7 сѣ.	городахъ,	городахъ)
463	15 сѣ.	отпора	отпора такнхъ нападешіанъ
466	10 сѣ.	дѣйствующимъ лицамъ	дѣйствующими лицами
467	11 сѣ.	свѣденій	свѣдѣній
471	6 сѣ.	до-монгольскій	въ до-монгольскій
472	6 сѣ.	Давидъ	Давидъ
486	2 сѣ.	приняла	приняла
503	11 сѣ.	улаживались	уживались

Въ книжныхъ магазинахъ Нова продаются также брошюры автора:

Южнорусскіе господарскіе замки въ половинѣ XVI в. Историко-статистическій очеркъ. К. 1890. ц. 25 к.

Волынскій вопросъ 1097—1103 г. К. 1891. ц. 30 к.

Цѣна 2 р. 75 к.

